НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИНСТИТУТА
НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР им. П. Г СМИДОВИЧА

ТРУДЫ ПО ФОЛЬКЛОРУ Т. I

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ПО ЭВЕНКИЙСКОМУ (ТУНГУССКОМУ) ФОЛЬКЛОРУ

СОСТАВИЛА Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Я. П. АЛЬКОРА

375 434.

58
С23 м
8707

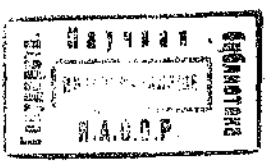
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР им. П. Г. СМИДОВИЧА
ЛЕНИНГРАД 1936

The Scientific Research Association of the Smidowitch Institute of the Peoples of North under the Central Executive Committee of USSR
TRANSACTIONS TO FOLKLORE — VOL. I

MATERIALS TO EWENKEE (TUNGUS) FOLKLORE

Prepared by G. M. WASILEWITCH
Preface by I. P. ALCOR, Editor
Leningrad. 1936

Напечатано по заказу Комитета нового алфавита народов Севера при ВЦКНА



Ответств. редактор Я. П. Алькор Техн. редактор Д. И. Кологради

Сдана в производство 30 XII 1934. Подписана к печати 15 X 1935. Кол. тип. зн. в 1 л. 95.000. Ст.-ф. 72×110. Авт. л. 22. Бум. л. 9¼. Тираж 1.400 экз. Ленгорлит № 33180. Зак. № 1763.

Тип. „Коминтерн" и школа ФЗУ им. КИМ'а, Ленинград, Красная, 1

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящим сборником Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР имени П. Г. Смидовича начинает серию своих публикаций, посвященную фольклору народов Севера. Ближайшие очередные выпуски этой серии отведены мансийскому (вогульскому), селькупскому (остяко-самоедскому) и нанайскому (гольдскому) фольклору.

Бо́льшая часть материала, помещенная в сборнике, собрана сотрудниками Института народов Севера по преимуществу в 1925—1931 годах, во время экспедиционных исследований. Исключение представляют: „Материалы по устному творчеству эвенков", записанные дальневосточным этнографом и писателем Е. И. Титовым, и „Две сказки талочских эвенков", записанные местным эвенкийским поэтом Г. А. Ниргунеевым.

В приложении к сборнику даны опубликованные ранее эвенкийские фольклорные материалы — кстати сказать, помещенные в мало доступных для читателя изданиях, — а также рукописные материалы Б. Иттера и учителя-эвенка В. С. Пежемского, записанные по-русски. Впервые на русском языке появляются: фольклорный отрывок из „Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772" [1] И. Георги и статья Г. Гута „Die Tungusische Volksliteratur und ihre Ethnologische Ausbeute" [2], причем, кроме статьи, нами даются два ненапечатанных автором варианта, хранящиеся в его бумагах в архиве Академии Наук СССР. Помещенное в приложении в основном исчерпывает материал по эвенкийскому фольклору, появившийся в свет до издания настоящего сборника. Необходимо заметить, что этот материал, кроме работы Г. Гута, не имеет эвенкийских текстов, а в ряде случаев является вольным пересказом, что в огромной мере снижает его значение. Несмотря на указанный дефект, мы все же сочли необходимым поместить этот материал в наш сборник, ибо он расширяет представление о сюжетах эвенкийского фольклора. Кроме фольклорных материалов, включен в наш сборник также перевод статьи Е. Широкогоровой „The folkmusic in China" [3], дающей запись мотивов 13 песен эвенков (тунгусов) Манчжурии. Не вошли в сборник тексты баргузинских эвенков, помещенные в „Материалах для исследования тунгусского языка" [4] Н. Н. Поппе, ибо нам казалось, что нет основания перепечатывать работу, которая легко доступна читателю.

Преобладающую часть настоящего сборника занимают „Материалы по фольклору сибирских эвенков" Г. М. Василевич. Этой энтузиастке изучения эвенков и в частности их фольклора удалось во время своих многочисленных экспедиций на Север, в труднейших условиях передвижения, то верхом на оленях, то в утлой лодке, собрать ценнейший фольклорный материал.

В текстах Г. М. Василевич имеются образцы: 1) северного диалекта (илимпийский и ербогаченский говоры), 2) южного диалекта (сымский, подкаменнотунгусский, непский, токминский, верхне-ленский и северо-байкальский говоры) и 3) восточного диалекта (олекминский, урмийский и сахалинский говоры). Собранные ею фольклорные материалы сгруппированы по следующим разделам: 1) сказки о животных, 2) мифы, 3) предания, 4) бытовые сказки, 5) загадки, 6) шаманские песни, 7) песни и припевы, 8) современные произведения.

В эвенкийских сказках о животных огромное внимание уделяется лисе. Она считается хитрым и умным животным, способным на различные превращения. В этом отношении фольклор эвенков сближается с фольклором китайским и отдаляется от фольклора ряда северных народов, например ненцев, в сказках которых лиса вовсе не фигурирует как хитрое и умное животное, а скорее напротив.

---

[1] Erster Band, St.-Petersburg, 1775, SS. 288—295.

[2] „Известия Академии Наук", т. XIV, № 3, СПБ, 1901.

[3] The China journal of sciences and arts, № 2, Shanghai 1924, pp. 116—121.

[4] Ленинград, 1927.

Большое значение имеют приведенные Г. М. Василевич предания для восстановления исторических судеб эвенков. В частности в них впервые отмечаются некоторые формы родового ополчения: отряды лучников и мечников и роль шаманов во время военных действий.

В виде упрека Г. М. Василевич можно было бы сказать, что она чрезвычайно скупа к этнографическим примечаниям, столь важным для подлинного понимания фольклора. Казалось бы, что и перевод местами слишком дословен, что затрудняет понимание.

Тексты, записанные Т. И. Петровой, охватывают район расселения эвенков Приангарья. В последнее столетие ангарским эвенкам пришлось иметь частые сношения с русскими, в итоге чего они претерпели ряд изменений в быту и в языке. Эти изменения отразились и на фольклоре. Так, темы, бывшие когда-то общими для эвенков Обь-Енисейского водораздела и Приангарья, перемешались; сравни, например, Акагāmə Т. И. Петровой и тексты №№ 19, 20, записанные Г. М. Василевич у сымских эвенков; сравни также „Hipkicən" и текст № 42 Г. М. Василевич. Частично темы забылись, сравни: „Karāndə" и текст № 37 Г. М. Василевич. О животных в материалах Т. И. Петровой передаются мотивы, характерные для всех эвенков, но в несколько своеобразной комбинации фактов.

Записанные эвенком Г. А. Ниргунеевым две сказки у известного сказочника Г. Г. Торгонова заимствованы из монгольского фольклора, очевидно, в то время, когда талочские эвенки жили южнее, где-то на истоках Амура.

Тексты Е. И. Титова записаны им от эвенков южного диалекта: №№ 1—15 — от эвенков, живущих по верхнему бассейну р. Лены (верхне-ленский говор); №№ 16—58 — от эвенков Верхней Ангары (северо-байкальский говор); №№ 59—73 — от эвенков со средних левых притоков реки Витима, преимущественно с реки Ципы (баунтовский говор). К сожалению, собиратель не отметил более точно названий родов рассказчиков, указав только их фамилии и административные названия родов. Указания на принадлежность рассказчика к определенному роду и некоторые данные по истории этих родов обеспечивают возможность точнее определить говор, на котором говорит рассказчик.

Предлагаемый в работе Е. И. Титова материал в значительной своей части не характерен для эвенкийского фольклора. Так, тексты, записанные от верхне-ленских тунгусов (Карама, Тутура, Лена, Киренга), по тематике представляют собою заимствования из русского и бурятского фольклора. Русские темы в эвенкийской передаче настолько сильны, что передаются не только отдельные русские слова, могущие быть замененными эвенкийскими (еще, потом, богатырь, лестница, пущай, нисколько, опять, последний, весь, самый, раньше и т. д.), но даже по-русски передаются отдельные выражения: слава богу, делать-то нечего, надо достать, до конца и др. Влияние русского языка в этом говоре распространяется и на эвенкийскую морфологию, например: nādə būkəl — русское слово и эвенкийский глагол в повелительном наклонении, что дословно обозначает „надо дай" вместо „необходимо дать", что по-эвенкийски звучит „būwkā"; или „mogu ḍajakal" („могу спрячь" — „спрятать") вместо „ḍajaḍaŋa bisim" и т. д.

Но это — детали, главное — содержание и форма передачи. Если бы тексты являлись точным переводом русской или бурятской темы, их не имело бы смысла печатать как материалы по устному творчеству эвенков. Тексты эти интересны тем, что темы их хоть и заимствуются, но передаются по-своему, переплетаясь с рядом моментов из эвенкийского фольклора. Так, в текст „Чагалай-Чакулай" (№ 1) вплетен излюбленный мотив состязания в прыжках. Текст „Мальчик" (№ 4) начинается с исчезновения членов семьи, но оканчивается мотивом с „живой водой" и оживлением, несомненно заимствованным. В текст „Хани Хубуи Хохор Богдо" (№ 6) вплетается излюбленный мотив искания насекомых, как способ убивания. В текст „Учанай" (№ 8) введен момент борьбы и помощь пороза-быка. В сказки №№ 9—10 введен элемент путешествия двух сестер и превращения их (ср. текст „Mundukāl" Василевич). Тема текста № 7 характерна для эвенкийского фольклора. Также и тема текста № 11 о голодных стариках, но здесь она дана в сокращенном виде.

Необходимо отметить, что верхне-ленские эвенки, живя и кочуя около русских и бурят, быстро поддаются влиянию последних. Если в фольклоре эвенков мы до сих пор нигде не встречали русских частушек и песен, то у верхне-ленских эвенков они уже заменяют национальные песни. Заимствуется не только тематика, но и форма передачи. В целом тексты, представленные в работе Е. И. Титова, дают некоторое представление о тех путях, по которым идет дальнейшее превращение эвенкийского фольклора.

Сказки В. И. Левина записаны им в Аяне на Охотском побережье и являются первыми фольклорными текстами, записанными среди эвенков побережья Охотского моря.

Материал А. П. Козловского дает отрывки ряда сказок и преданий тунгиро-олекминских эвенков, записанных у молодежи.

Как видно из вышеизложенного, сборник охватывает записи фольклорных текстов почти со всех районов расселения эвенков на советской территории, главным образом Восточной Сибири и частично Якутии и Дальне-Восточного края. Приведенный материал выявляет исключительное богатство и красочность эвенкийского фольклора. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что имеющиеся тексты, по всей видимости, представляют собою осколки более крупных вещей, и нужно полагать, что развернувшееся в советских условиях систематическое и интенсивное изучение эвенкийского фольклора и вовлечение в это прекрасное дело все больших и больших кругов эвенков, в особенности учащихся Института народов Севера и других национальных школ, местных учителей и краеведов, дадут возможность найти и записать цельные эпические сказания.

Нет особой надобности специально останавливаться на этнографической, лингвистической и т. д. значимости материалов настоящего сборника, ярко отражающих мировоззрение, социальный строй и хозяйство эвенков и дающих полное представление о гибкости эвенкийского языка и его способности к точному отражению тончайших оттенков мысли и действий. Хочется лишь подчеркнуть значение фольклора для развития молодой эвенкийской литературы и выработки стиля начинающих эвенкийских литераторов.

Для многих читателей, возможно, покажется странным само упоминание об эвенкийской (тунгусской) литературе и литераторах. Но эвенкийская литература и литераторы — уже реальность. В условиях строительства национальных культур и огромной помощи всей советской страны Северу в течение 1931—1934 гг. создана начальная учебная и массовая литература, издан ряд переводных и оригинальных художественных произведений, обеспечен регулярный выход газет и т. д. на пятнадцати языках Севера, в том числе и эвенкийском, который идет впереди остальных по размаху развития своей литературы. В настоящее время нет уже ни одного бесписьменного народа Севера, и за один лишь 1931 год издано на северных языках больше книг, чем за все время многовекового господства царизма на Севере.

Развивается работа первых классов северной национальной школы на родном языке, преподавание родного языка как предмета преподавания осуществляется на остальных классах начальной и средней школы, положено начало северному театру (уже работают в Институте народов Севера и отдельных национальных районах нанайские и эвенкийские театральные студии, в большей мере черпающие свой материал из фольклора). В этой связи большое значение приобретает вопрос об использовании фольклора как одного из средств для развития художественной речи, для оживления сухого, подчас, языка книг и газет и т. д.

С особой силой подчеркнул важность фольклора для молодой литературы Максим Горький в своей заключительной речи на съезде писателей, произведшей незабываемое впечатление на всех присутствовавших: „Начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте наш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много даст материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза".

К слову сказать, Алексей Максимович проявляет и специальный интерес к северному фольклору. Еще во время своего пребывания в Ленинграде в беседе с пишущим эти строки он выразил горячее пожелание, чтобы скорее и полнее было записано и издано весьма своеобразное устное творчество народов Севера. Настоящим сборником Институт народов Севера и приступает к осуществлению пожелания Алексея Максимовича.

Помещенный в эвенкийском сборнике обширный материал требует самого тщательного изучения. Предстоит огромная работа по классификации сюжета, выявлению влияния якутского бурятского русского, китайского и т. д. фольклора на эвенкийский фольклор, установлению общемировых тем и их стадиального распределения, наконец, использованию фольклорных материалов при строительстве национальной литературы и извлечению из них обильных этнографических и лингвистических данных.

В заключение отметим, что настоящий том — лишь начало эвенкийских фольклорных сборов и что огромное внимание нашей страны к народному творчеству обязывает всех исследователей и местных работников удесятерить свои усилия, с тем чтобы в ближайшее время дать новые сборники, охватывающие как героический эпос эвенков, так и их современный революционный фольклор.

Сборник подготовлен к печати Г. М. Василевич, ей же принадлежат все пояснения в текстах, поставленные в скобках, а также сноски. Ею же переписаны материалы Г. Гута, Т. И. Петровой, Г. А. Ниргунеева, Е. И. Титова и В. И. Левина в транскрипции, принятой для настоящего издания. Перевод материалов И. Георги и Г. Гута просмотрен В. П. Андреевой.

Я. П. Алькор

Объяснение транскрипции

Гласные:

а — нормальный а заднего ряда, нижнего подъема, соответствующий русскому а.
ạ — а среднего ряда, нижнего подъема, нелабиализованный.
ä — а переднего ряда, нижнего подъема нелабиализованный.
о — нормальный о заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный, соответствующий русскому о.
ə — о среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный.
е — гласный переднего ряда, несколько более задний и более верхнего подъема, чем ä, нелабиализованный, соответствующий русскому э.
u — нормальный u заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный, соответствующий русскому у.
ụ — u среднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный.
ı — ı среднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный.
i — i переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный, сходный с русским и.

Все гласные могут быть долгими и краткими. Долгота обозначается знаком „—" над гласным. Палатализация обозначается знаком „ ' " под соответствующей графемой.

ạ, ä, ə соответствуют литературному ə
ə̄, ə̄ „ „ ə̄
u, ụ, ū, ụ̄ „ „ u
ı, i, ī, í „ „ i

Согласные:

в, c, d, j, g
j, k, m, n,
p, r, s, ş, t, v } соответствуют русским б, ч, д, ф, г, й, к, м, н, п, р, с, ш, т, в [1].

ḍ — палатализованный переднеязычный звонкий смычный в произношении эвенков бассейна Средней Катанги (Тунгуски), в произношении эвенков Бурято-Монголии и Дальнего Востока почти переходящий в звонкий аффикат з (dž), в связи с чем обозначается при помощи знака з. Литературная транскрипция ḍ — з.
d^r — звонкий аффрикат, состоящий из переднеязычного звонкого смычного и дрожащего.
t^r — глухой аффрикат, состоящий из переднеязычного глухого смычного и дрожащего.

Последние два звука встречаются только в сымском поддиалекте.

ɣ — заднеязычный звонкий спирант. Литературная транскрипция — g.
h — гортанный глухой спирант.
l — переднеязычный боковой сонорный.
ŋ — заднеязычный носовой смычный.
w — губногубной звонкий спирант.

---

[1] В литературной транскрипции для č (ч) принят знак c, но в связи с тем, что в эвенкийском языке нет звука с (ц), знак с в настоящем сборнике используется для обозначения звука č (ч).

По техническим соображениям вместо s для обозначения звука š (щ) везде дается знак ş.

Г. М. Василевич

МАТЕРИАЛЫ ПО ФОЛЬКЛОРУ СИБИРСКИХ ЭВЕНКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Большинство приводимых в настоящей работе текстов записано мною в итоге ряда командировок к эвенкам—бродячим охотникам-оленеводам Восточно-Сибирского края [1]. Часть текстов записана мною у ряда слушателей Института народов Севера в 1928—29 г. [2]. Во всех текстах сохранены особенности говоров.

В текстах имеются образцы: 1) северного диалекта (илимпийский говор—Туру, Ингаригда, ербогоченский говор—Нгоконно, Ербогочен), 2) южного диалекта (сымский говор—Сым-Чиромбу, подкаменно-тунгусский говор—Ср. Катанга, Подкаменная Тунгуска, непский говор—Непа, Ика, токминский говор—Токма, верхне-ленский говор — Тутура, северо-байкальский говор — В. Ангара) и 3) восточного диалекта (олекминский говор — Тунгир-Калар и Олекма, куроурмийский — Кур, Урми и сахалинский говор — Сахалин). Словарный материал в принятой в настоящей статье транскрипции вошел в мой „Эвенкийско-русский диалектологический словарь" (Ленинград, 1934), к которому приложена карта распространения диалектов и в введении дана характеристика диалектов и говоров эвенков, кочующих к западу от Лены [3]. Перевод фольклорных текстов дается точный, но с учетом требований литературного изложения. Для большей ясности в некоторых местах перевода даны в скобках пояснительные слова. В виду отсутствия в эвенкийском языке союзов в переводе опущен союз „и".

Собирание и изучение в течение ряда лет эвенкийского фольклора дали мне возможность сделать ряд наблюдений над его распространением и бытованием. Многочисленные сказки, мифы, предания, загадки и т. д. говорят о богатстве тематики эвенкийского фольклора. Жизнь в тайге, охота за зверями, межродовые отношения—все это дало богатый материал фантазии и творчеству эвенков.

---

[1] а) от Комитета Севера при ВЦИК: в 1925 г. на истоки Нижней и Подкаменной Тунгусок—Токминский район, в 1926—27 г. в среднюю часть бассейна Подкаменной Тунгуски в 1929 г. в Витимо-Олекминский национальный округ; б) от Института по изучению народов СССР Академии Наук в 1930 г. к сымским эвенкам Туруханского района; в) от Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера и Комитета нового алфавита народов Севера при ВЦКНА в 1931 г. по Н. Тунгуске через Катангский национальный район и Эвенкийский национальный округ. Соответствующие этнографические и экономические очерки помещены мною в журн. „Советский Север" № 3, 5 за 1930 г., № 2, 10 за 1931 г.; в журн. „Этнография" № 3 за 1930 г.; в журн. „Северная Азия" № 4 за 1926 г.; в журн. „Этнограф-исследователь" № 1 за 1927 г.

[2] От П. и В. Путугиров, И. и В. Увочанов, Н. Каплина из Ербогочена; от А. Камбагира из Нгокоины, от И. Зуева из Тутуры, от Д. Воуля с Ангары; от О., Н., А. Салаткиных, В. Лонтогира и А. Чарончина из Непы—Катангского национального района, от В. Эдян с р. Урми Дальне-Восточного края, от А. Афанасьевой и от Слепцовой с Сахалина.

[3] Краткая характеристика восточного диалекта имеется в объяснительной записке к составленному мною эвенкийскому букварю „Omakta hokto", Ленинград, 1933 (отдельное приложение).

Еще не так давно фольклор у эвенков в основной своей части являлся выражением определенного мировоззрения, верований и представлений. В настоящее время роль его меняется. Широко развернувшееся социалистическое строительство на крайнем Севере быстро ломает старые патриархально-родовые отношения, меняет психику и мировоззрение народов Севера, что находит свое отражение и на современном фольклоре. Это довольно ярко сказывается как на тематике произведений, на отношении к нему самого населения, так и, наконец, на форме произведений.

В настоящее время можно отметить постепенное и повсеместное угасание эвенкийской сказки, мифов и преданий. Все реже и реже встречаются эвенки, знающие свои предания и сказки. Наиболее развернутые, законченные мифы, сказки, предания можно встретить сейчас только в отдаленных уголках тайги, мало затронутых влиянием культуры. Такие пятна сохранения сказки, мифов и преданий у эвенков Восточной и Западной Сибири можно наметить на Обско-Енисейском водоразделе, по бассейну р. Комо [1] (левый приток Подкаменной Тунгуски), в северной части Катангского национального района и в Илимпийском районе Эвенкийского национального округа.

В тех местах, где шаманство отмирает или его совсем нет, почти исчезла и своя тема, а если она и существует, то в большинстве случаев темы сказок заимствованы от соседей, а из своего фольклора передаются только отдельные мотивы [2]. В лучшем случае в таких районах можно встретить людей, „знающих сказки", точнее—знающих отдельные мотивы, своеобразно сокращенные и измененные. Примером могут служить сказки, записанные в разных районах на одну и ту же тему (№№ 56, 60, 67, 68 у Василевич и № 17 у Титова). Тема — столкновение эвенков людоедов с эвенками не людоедами, обмен женщинами невестами; кочевание людоедов с полученной в обмен женщиной; сборы к жертвоприношению ее и бегство ее. Или еще тема — о глупце (№№ 85, 87): отдельные моменты из похождений лисы здесь рассказываются как самостоятельные короткие сказки.

В районах оседлых эвенков отношение к сказке иное. В то время как в глухой тайге мифы и сказки, охватывающие моменты, связанные с мировоззрением и рисующие идеал человека-охотника, до развертывания работы школ отвечали молодежи на многие вопросы и имели большое значение, здесь очень давно появилось другое отношение. Для этих мест характерны следующие реплики: „врешь, лисица не может говорить", „медведь ведь зверь, он не может говорить, однако наврал", „это так, зря, люди не могут друг друга есть" и т. д. В таких районах мы уже не встречаем сказок, характеризующих мировоззрение и мифологию.

Отмечая отрицательное значение сказки как воспитателя анимистического мировоззрения, отмирающего естественным путем с введением школ и культурно-просветительной работы, мы одновременно должны отметить положительную сторону влияния сказки как воспитателя речи. В местностях, где сказка исчезла, не встретишь красочного и яркого рассказа, подобный рассказ является просто перечислением фактов, в то время как от эвенков из районов бытования сказки рассказ какого-нибудь обыденного факта можно слушать как хорошую сказку. Значение сказки как воспитателя речи могло бы оказать ценную услугу в развитии речи и литературы. Положительное влияние фольклора особенно заметно на воспитанниках Института народов Севера: те из них, которые слышали в детстве сказки, пишут сочинения на вольные темы на родном языке значительно красочнее и подробнее, чем те, которые никогда не слыхали сказок; последним нужно было вложить много труда, чтобы написать хотя бы более или менее связный рассказ.

Сказки рассказываются эвенками обычно во время охоты, когда большие морозы или пурга заставляют охотников отсиживаться в шалаше или в юрте.

---

[1] См. „Сказки эвенков Приангарья" Т. И. Петровой.

[2] Ср., например, „Материалы по устному творчеству эвенков Прибайкалья" Е. Титова.

Разговоры об охоте вызывают в памяти сначала сказки о животных, об охотниках, потом и другие. Иногда, чаще зимою, старухи за легкой ручной работой рассказывают сказки детям и подросткам. К сказкам прислушиваются и взрослые, продолжая свое дело и ведя между собою тихий разговор.

Способы передачи сказок зависят от их содержания. Предания и сказки о животных передаются обычно прозой. Известные взрослым, они не всегда слушаются ими внимательно. Несколько иное отношение к сказкам мифического характера и к преданиям или былинам о бесконечных похождениях богатырей. В них проза чередуется с стихотворной формой, которая передается речитативом или поется, причем каждый абзац имеет свою мелодию. При передаче рассказчику вторят все присутствующие, что значительно оживляет процесс передачи и слушания.

Особых сказочников, какие встречаются среди других народностей, у эвенков нет. Сказки знают и рассказывают в одинаковой степени как мужчины, так и женщины, но загадки больше знают женщины.

Здесь я привожу краткие характеристики некоторых сказочников, с которыми мне пришлось иметь дело в тайге:

1. Шомирча Кима, 26 л., с бассейна р. Чиромбу-Сым. Середняк. Человек с крайне повышенной нервностью, с исключительно острой памятью и восприимчивостью. Имел в роду ряд шаманов: прабабку, деда, двоюродного брата (умерших) и дядю. Детство прожил с прабабкой, большой шаманкой. Один из первых воспринял все новое. Среди эвенков пользовался большим уважением и играл не малую общественную роль. Сравнительно хорошо говорил по-русски. Во время рассказывания сильно увлекался и рассказ сопровождал исключительной мимикой. К сожалению, этот талантливый эвенки умер в 1931 г. От него записаны сказки №№ 22, 25, 37, 40, 41, 43, 69, 70, 71, 98, 104.

2. Нётурча Баяки, 44 л., из того же района. Очень бедный, в роду имел шаманов (отец и дядя). По характеру отличался теми же особенностями, что и Шомирча. В детстве немного „кружал". Среди своих пользовался скорее сожалением, чем уважением. Свои обычаи знал довольно хорошо. По-русски почти не говорил. От него записаны сказки №№ 3, 21, 44, 52, 83, 84.

3. Семен Кильтыно, 65 л., из района рек Тым (прав. прит. Оби) и Чиромбу-Сым. Середняк, шаман. В среде эвенков как шаман большого уважения не имел. По-русски почти не говорил. От него записаны сказки №№ 42, 45, 46, 53.

4. Илья Каплин, 65 л., из района рек Лимты-Илимпеи и Ингаригды (лев. прит. Н. Тунгуски). Середняк, умный, бывалый старик и хороший хозяин. В роду была бабка шаманка. До 1929 г. играл большую роль в общественной жизни нгоконновских эвенков. Был членом Нгоконновской коммуны, но на первом году ее существования, когда хозяйственная жизнь коммуны еще не стала на правильные рельсы, вышел из коммуны. „Душно там, много людей, все живут вместе, свежее (мясо и рыбу) едят редко. В тайге жить лучше. Сам знаю, где какая рыба есть, где зверя больше. Сам добуду, свежее всегда ем",—говорил мне летом 1931 г., мечтая об организации „настоящей" небольшой артели, куда бы вошли только хорошие охотники и хорошие хозяева. По-русски говорил хорошо. Артель, о которой он мечтал, организовалась зимою 1931—32 г. От него записаны сказки №№ 2, 7, 38, 49, 50, 62.

5. Михаил Йолигир, 37 л., из района Туринской культурной базы. Середняк, развитой, умный и хитрый, по отзывам некоторых эвенков. В роду были шаманы. Играет большую роль в общественной жизни эвенков. По-русски говорит хорошо. От него записаны №№ 1, 11, 23, 30, 33, 73.

Перед[illegible]емый здесь фольклорный материал, в значительной части представляю[illegible]бою частицы или остатки сказок и мифов, сгруппирован по следующим[illegible]азделам: 1) сказки о животных (№№ 1—29); 2) мифы (№№ 30—58), сюда[illegible]тносятся мифы о сотворении мира, человека, животных, об устрой-

стве вселенной, о верхнем и нижнем мире, о шаманском мире, о сверхъестественных существах и культурных героях; 3) исторические предания (№№ 59—84) о межродовых столкновениях, о сношениях с русскими и былины (№№ 79—81); 4) бытовые, главным образом юмористические и детские сказки (№№ 85—102); 5) загадки (№№ 102, 1—67); 7) шаманские песни (№№ 103—105); 8) песни и припевы (№№ 109—112) и 9) современные произведения (№№ 112—120).

В сказках о животных больше всего внимания уделяется лисе, производившей, повидимому, очень сильное впечатление на первобытного охотника-эвенка. Многие мотивы в сказках о лисе и других животных являются мотивами мировыми, характерными для ступени охотничьего хозяйства (ужение хвостом в проруби, кража рыбы или мяса, состязание в беге лисы и рыбы, лисица и птичка на дереве, разговор рябчика с лисою, когда та несет его во рту, заноза в лапе медведя и др.). Любопытно отметить, что общемировые мотивы изменяются, варьируются в зависимости от хозяйственного уклада той среды, в которой они бытуют. Так, в теме лиса-вор мы встречаем объект кражи: рыбу (№ 3), сушеное мясо (№№ 1, 6, 7), масло (№ 6); способ передвижения: плот (№ 5), лодка (№ 7), сани (№ 3), вьючные сумы (№ 1), охотничья ручная нарточка (№ 6).

Несколько особой и, пожалуй, характерной для эвенкийского фольклора является тема о медведе с лисицей (№№ 12, 13, 14), или о медведе с волком (№ 11), или о медведе с соболем (№ 15) и объектах их страха. Каждый из них обещает убить объект страха другого. Объектом страха лисы, соболя или волка являются „поперечные глаза—əwụnkī ēsatarıl“, „пенек с поперечными глазами—mugdəkə̄n əwụnīkin ēsal“ и просто человек—„вəjə“. Медведь идет добывать эти „поперечные глаза“. Но убить „поперечные глаза“—своих младших братьев он не может и убивается ими[1].

Некоторые мотивы, встречающиеся в сказках о животных, встречаются и в сказках, где участвуют люди: мотив почевки лисы с медведем на крутом месте (№№ 8, 9, 10), мотив прыжка через костер (№№ 4, 42), мотив способа убийства уколом во время искания насекомых (№№ 4, 42) и др.

Сказки о трехглавой змее и табакерке (№№ 25, 26) попали к эвенкам, повидимому, от бурят, тем более, что записаны они мною от эвенка, родители которого долгое время жили на Шилке.

Мифы, рисующие представления первобытного человека о мире и развитии религиозных представлений, имеют не мало общемировых и общих для всех урало-алтайских народностей тем.

К общемировым темам относятся:

Тема о дуализме при сотворении земли, человека и животных. В творении участвуют два брата: младший и старший — доброе и злое начало. Младший—хозяин верхнего мира, старший—нижнего. Младший творит среднюю — нашу землю. У него помощники гоголь и гагара. Вместо земли существует вода. Он заставляет гагару нырнуть и достать землю. Гагара не может принести, за это хозяин наказывает ее, раздвигая ей лапы. Второй помощник—гоголь—приносит в клюве со дна немного земли. За это хозяин целует его, и у гоголя остается навсегда белый след на голове. Тогда хозяин кладет этот кусок земли на воду, и она начинает постепенно расти. Однажды он отдыхает на этом куске земли. Старший брат его, пытаясь украсть землю, тянет ее из-под спящего. Но вместо вытаскивания он только растягивает землю. Земля постепенно вырастает до современных размеров. К сожалению, этот текст мне не удалось подробно записать, ибо он был рассказан в пути случайным попутчиком.

---

[1] Эти варианты, как мне кажется, проливают свет на происхождение самоназвания „əwənki“. Объект страха медведя, „поперечные глаза“, рисующийся в виде чего-то неопределенного в виде пня (а в пне, по представлению эвенков, живут умершие, в пни не так давно еще ставили покойников), в виде человека, эвенка, а также родство эвенков с медведем, выявляющееся здесь и во многих сохранившихся до сих пор обрядах, свидетельствуют, что „əwunkī ēsatar“ (поперечные глаза), и „əwənkī“, по всей вероятности, одного происхождения.

Дуализм прослеживается в творении животных и птиц (№№ 30, 32, 39) верхним хозяином (№ 30), в наличии двух братьев — первых работников на средней земле (№№ 30, 31, 32). Во всех вариантах доброе начало творит души людей. Души делаются из камня и земли (№ 31) и из кости (№ 32). Первый вариант записан у эвенков южного диалекта. Он указывает на существование у эвенков гончарства. Многие другие данные указывают на отдаленные кочевания эвенков южного диалекта в пределах верхней части бассейна Амура. Наличие у них мифа о творении человека из глины и камня и исторические данные о существовании гончарства у манчжуров в очень отдаленные эпохи подтверждают если не единство происхождения эвенков—тунгусов и манчжур, то их близкое родство.

Тема о помощнике при творении и наказании его. Помощником верхнего хозяина по южному варианту является собака (№№ 31, 32), по северному варианту—ворон (№ 30). Во всех вариантах верхний хозяин, кончив работу творения, которая происходит на средней земле, уходит, предоставив охрану людей своему помощнику. Последний соблазняется обещаниями нижнего хозяина и предоставляет ему посмотреть сделанное верхним хозяином. За эту измену помощник карается. Мотив кары, наказания мы прослеживаем не только в теме творения человека, но, как видели выше, и в теме творения средней земли. Он же прослеживается в теме о зайцах (№ 22). Зайцы были жителями верхнего мира, но за шаманство у людей они были изгнаны на среднюю землю. К сожалению, не удалось записать более подробный рассказ.

Шаманство зайцев у людей и значение вещания в камлании дают повод думать, что зайцы были изгнаны за какое-то сообщение, что подводит к мировой теме о ложной вести.

Не могло не отразиться на фольклоре и представление о небесном своде. Как и следовало ожидать, мы имеем здесь отражение охотничьего быта. Большая Медведица — лось и охотники. Млечный Путь — след лыж охотника. Но Полярная звезда—дыра, вход в верхний мир. Солнце по представлению эвенков—женщина (№ 45). Но в тексте № 54 мы видим другой мотив, а именно: солнце берет к себе обижаемую девочку-водоноску. Последняя тема, к сожалению, передана очень кратко, но во всяком случае этот отрывок указывает на существование у эвенков мирового мифа о Воде и Солнце.

Далее в мифах мы имеем ряд тем, свойственных народам Евразии. Это — тема о девочке, просящей перелетных птиц унести ее от угнетателя (№ 42). Птицы бросают ей по перу и помогают улететь. В. Г. Богораз[1] связывает эту тему с отступлением ледников и перелетом птиц на север.

Тема об отвержении младшей дочери и передаче ее на верную гибель (№№ 40, 42). В тексте № 40, повидимому, имеются шаманские наслоения, ибо река, по которой плывет девочка на льдине — главная шаманская река, соединяющая верхний и нижний шаманские миры. По берегам реки живут шаманки, одна из них помогает девочке выбраться на землю. Тема отвержения и передачи воде встречается и в других мифах (№№ 50, 51, 100). Сестра спаивает своих братьев вином, забивает их в ящик и спускает в Байкал. Последняя сказка (№ 100) заимствована из русского фольклора, но любопытна своим преломлением.

Тема о магическом бегстве и превращениях (№ 45).

Тема о герое-мстителе, родившемся из гусиного помета у старухи (№ 42).

Кроме этих тем, общих для евразиатского фольклора, мы имеем здесь темы характерные для фольклора урало-алтайских народов, а именно:

Темы путешествий в верхний и нижний миры (№№ 36—39). Невидимость посетителей с средней земли, миролюбивое отношение к этим посетителям, сексуальные моменты. Указание на существование кузнечного ремесла в нижнем мире.

---

[1] „Художественный фольклор", 1926, I, стр. 68.

Темы о сверхъестественных чудовищах: одноглазое, однорукое железное чудовище, имеющее одно уязвимое место — глаз (№№ 48, 49), многоголовые чудовища (№№ 50, 53), волосатые люди (№ 52).

Но темы об оленях-чудовищах — олень-великан (№№ 43, 44), десятиногий олень (№ 45), олень со свинцовыми рогами (№ 47)—повидимому, характерны только для фольклора оленеводов и связаны с периодом приручения оленя. Сюда же можно отнести и тему о медведе как культурном герое и предке эвенков. Самопожертвование медведя дало эвенкам домашних оленей и все, что связано с производством из оленьего сырья (№№ 40, 42), а из частей оленя образовались люди. В группу мифов отнесена и сказка о Муривуле (№ 46), искусном фокуснике, а также и некоторые другие.

В преданиях в первую очередь выступают группы эвенков-людоедов и не людоедов (№№ 59—63, 65—67, 77—78). Герои преданий рисуются идеальными людьми, со всеми чертами, к которым может стремиться первобытный охотник: особой силой — „медведей через голову бросал" (№ 79), умением превращаться (№ 69), исключительной ловкостью — „железные стрелы сделал, стал стрелять, мальчик увертывался" (№ 73), богатством (№ 76). Эти качества естественно порождают стремления к состязаниям —„они сговорились стрелять друг в друга луками. Стреляли, стреляли, пока колчаны не опустели. Тогда взяли мечи, начали рубиться. Никак не могли убить друг друга. Уставши, оба заплакали" (№ 69). Иногда эти силачи уводят к себе женщин, и тогда на сцену выступает организованная борьба. Герои собирают лучные и мечные отряды (№ 70), одновременно с ними на борьбу идут и шаманы (№ 70). Борьба происходит двояко: в виде состязаний героев и шаманов и в виде боев отрядов. Победители уводят женщин (№№ 65, 71, 76).

Герои бывают и сиротами. За малейшую неудачу их бьют, отнимают оленей, но потом им удается восстановить все отобранное и победить своих притеснителей (№№ 77, 78).

В ряде преданий мы имеем указания на определенных героев, принадлежащих к определенным родам. Шиктовуль был Кима (№ 69), Гагдэра был Танимо (№ 70), Илудон был Кима (№ 84). От Чоро произошли эвенки, живущие на средней части бассейна Нижней Тунгуски (№ 76). В позднейших преданиях мы имеем описание сношения с русскими (№№ 84, 86).

Предания восточных эвенков, рисующие бесконечные фантастические похождения богатырей, скорее можно назвать былинами (№№ 79, 80, 81).

В бытовых сказках особо подчеркивается глупость (№№ 85, 86, 87, 97), хитрость (№№ 88, 90, 91), лень (92). Здесь же имеется и отражение классовой борьбы (№ 93). Детские сказки, к сожалению, встретились в ничтожном количестве. № 98 представляет собою диалог, весьма любимый детьми. № 99 рассказывается детям для ознакомления с животными и № 100—сказка, заимствованная из русского фольклора.

Эвенкийские мифы, сказки и т. д. не имеют своих названий, заголовки даны составителем настоящего сборника.

Эвенкийские загадки по тематике отгадок можно разделить на следующие группы: а) человеческое тело (№№ 1—18), б) предметы домашнего обихода и орудия труда (№№ 19—55), в) природа (№№ 56—63), г) животные и растения (№№ 64—67). В связи с предметной природой самой загадки и конкретным мышлением эвенков мы имеем больше всего загадок в первых двух группах. В загадках зачастую одним словом отмечается основной признак предмета и функция его: ajīlun? — (что за) промышленник? — ум; ēkun gaŋraŋan? — что выстрелило? — глаз; ēkun darīwulan? — что (за) измеритель? — посох и т. д.

Архаизмы, непонятные и чуждые для современной речи особенно ярко выступают в шаманских песнях и в припевах к импровизациям. Многие шаманские песни уже непонятны не только для современных эвенков, но и сами шаманы затрудняются точно объяснить содержание отдельных строф; поэтому в ряде песен-обращений к духам не удалось дать точного, подробного подстрочного перевода, и здесь не решаюсь их приводить. Как образцы здесь приведено несколько песен, связанных с похоронным обрядом (№№ 105—108).

Одна из них — обращение с просьбой послать хороший промысел (№ 108). Песнь № 104 сообщена мне как очень древняя, забытая теперь шаманами, представляющая собою шаманскую философию о происхождении первого шаманского дара и шаманского мира (№ 104).

Особо стоит вопрос о песне. Песен с определенным, вполне устоявшимся текстом у эвенков нет. Мне удалось записать только один образец старинной, как мне сообщили, песни (№ 109), представляющей собою художественное произведение с устоявшимся текстом. Все песни импровизируются. К каждой строчке или к каждому абзацу добавляется один из припевов (№№ 111, 1—13). Образцом импровизации является текст № 112—жалоба девушки-сироты.

Из новых художественных произведений здесь приводятся некоторые образцы (№№ 113—120), представляющие собою первые попытки современного художественного творчества эвенков. Необходимо отметить, что развитие фольклора в этом направлении идет широко и быстро. Воспитанники Института народов Севера, возвращаясь после производственной практики с родины, привозят и новые песни [1].

Октябрь 1932 г.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

M. Joligir. Turu

1. Hulakī

Kōkṣicān gūnən: „Hulakīja! kōkcaŋŋāt āmuttul“ āmut buldiməklə, hōmama buldiməktəkən. Kōkcalinə, kōkṣicān hururən hulakīnun ḍūktə. Kōkṣicān dəgməi ūŋana, hulakī upkacītpi halgarḍīwi. Hulakī əjərən tādu; məldərgərən ḍukə, hulakī gūnən: „Kōkṣicān, nəlgəjə əməpkəl“. Kōkcicān gūnən: „Əməvḍəm, əməvḍəm, alatkal!“ Kōkṣicān nəlgət tirərən dōskī. Hulakī dōskī iruḍana, bakaran pējucānmə. Pējucār əŋīntin buṣṣəḍərən. Hulakī gūnən: „Nimŋanīkta əŋinməhun“. Pējucān gūnən: „O-o! nimŋaŋŋāt“. Hulakī gūnən: „Jūwkəldə hutəlwən tuliskī“. Jūrə hutəlin tuliskī, hururə. Jūrəktin, əŋinməwən hukitəwə huptirən purtatpi. Əŋinmətin wākānim, ḍəwrən hulakī upkatpān. Pējucān hutəlin hoŋoldo. ehalwar hōlbargaknantin hoŋoro. ehalwain hōlbama ōra ərməklə.

Hulakī hēŋānmə bakaran, gūnən: „Kōkcaŋŋāt birawa əjəkī“. Hēŋān hēŋahalwə gūnən: „Hulakī ərihinəkin, hu sawuŋnakaldu“. Hulakīnīn kukcan əhilə diŋnilāhinən.

М. Йолигир. Туру

1. Лисица

Пташка сказала: „Лисичка! попрыгаем (пощелкаем лапками) по озеру!“ Озеро покрыто шугой, сильно покрыто шугой. Отправились прыгать, пташка пошла с лисицей вместе. Пташка слегка вспархивая, лисица всеми лапами. Лисица утонула там; продавился лед, лисица сказала: „Пташка, коряжину притащи“. Пташка сказала: „Принесу, принесу, подожди!“ Пташка коряжиной надавила внутрь. Лисица, внутрь двигаясь, нашла сорогу. Мать сорог хворает. Лисица сказала: „Пошаманю я на мать вашу“. Сорога сказала: „О-о! пошаманим“. Лисица сказала: „Выведите ребят вон“. Вышли дети вон, ушли. Когда (они) вышли, (она) живот матери разрезала ножом. Убивши мать их, лисица съела всю. Дети сороги стали плакать. До покраснения глаз плакали. (Плакали до того, что глаза покраснели). Глаза их красными стали до сих пор.

Лисица встретила налима, сказала: „Попрыгаем вниз по реке“. Налим налимам сказал: „Когда лисица крикнет, вы откликайтесь“. Лисица теперь побежала.

---

[1] Более подробно вопрос об эвенкийской песне разобран мною в статье „К характеристике эвенкийской песни“, сб. Советский фольклор, в. II (печатается).

Umukən guruka ŋənəkəjim, əriran, hēŋan ḍawran ḍuləskin. Diŋnilənə ŋān umukən guruka, ŋān əriniŋan: „Hēŋān“!—„Hoj!“ hēŋān gūnən ḍuləskī. Hulakī diŋnilənin, diŋnilənin, ŋān əriniŋan, ŋān ḍuləskī ḍawran hēŋān. Huptiwrən hulakī, tug-də igḍargaknanmi diŋnilənən. Hulakī gūnən: „Minə huptucālāwər, ədəji burgu bihim“. Hēŋān gūnən: „Bi hakinduji burgugidiŋəw“.

Tāduk hulakī atirkānmə bakaran. Atirkān hanŋūktaldan: „Hi ḍundəwə hāndi?“—„Bi hāmi ḍundəwə“,—„hāmnimcās, ḍūktə hururət, minŋi hətidu uɣucakal“, gūnən atirkān. Hətidu ukkānim, umukənmə āmutpa bakara. ēkuma gərbin?“—„Əri gərbin tamilga“, hulan gūnən. Tāduk hururə, ŋan āmutpa bakara, „ēkuma gərbin?“—„dulilga“. Ŋan hururə. „ēkuma gərbin āmut?“ hanŋūktaran atirkān. Hulan gūnən: „hərəktəlgə“.

Tariŋin gūnən: „Əbəkə! dagakān ōdan ətirkāndulə“. Ista. Gūnən atirkān: „Əŋkəwə hāndi?“ Hulan gūnən: „Hāmi, ajaŋki bihin. Bi, amākā, əŋkəmnəktə oronmo“. Atirkān oronmo būrən. Umukən dolboniwə bikənim, hulakī əmərən, gūnən: „Amākā, mindu halkacānmi būkəl, mōja tuktikətciŋāw, hōma bulıwşılan“. Ətirkən tar būrən halkacānmi. Hulakī, burəkin, gilgəwən wācān halkacāndī umātḍərən, halkacāndin duktaḍaran, gŋnən: „Amākā, ororwi gənnəşkəl, burgucəl“. Tar ətirkən ŋənərən, hūlwətin ororwōn manacān. Nuŋan atirkāndulə huktildən „ḍawakal hulakīwa!“ gūnən. Tar atirkān əcə ajat dōldira „Hulakī?“ hanŋūktaran: „on gundən amākā?“ Hulakī diŋnilāḍənə, atirkāndu gūnən: „umurənə irgidu ujikəl“. Atirkān ujdən irgidun. Atirkāndu ətirkən əmərən, ŋan hulakī diŋnilənin. Ətirkən ŋinakinmi tinən hulakī ūḍadun. Ŋinakinmi tinəkin, ŋinakin bokonōkin hulakīwa, dundəli ugduhinən hulakī. Ətirkən hāŋārduli togowo ilaran. Hulakī togoli jūrən, togoli lurgizərili jūrən, hulakī gūnən: „ukşədiməl hulakal“. Togo irgiwən ukşədin hularan.

Пройдя один плес, закричала: „Налим!“ Налим ответил впереди. Пробежала опять один плес, опять закричала: „Налим!“—„Хой“, ответил налим впереди. Лисица бежала, бежала, опять крикнула, опять впереди откликнулся налим. Отстала лисица, так до побурения бежала. Лисица сказала: „С тех пор, как обогнал меня, я перестала быть жирной“. Налим сказал: „Я в печени (печенью своей) жирным буду“.

Потом лисица старуху встретила. Старуха спросила: „Ты знаешь землю (окрестности)?“—„Я знаю землю“.—„Если знаешь, пойдем вместе, на мою санку садись верхом“, сказала старуха. На санку севши верхом, одно озеро встретили. „Какое название его?“ — „Это называется верхней вязкой на потакуе“ [1], лиса сказала. Потом поехали, опять озеро встретили. „Какое название его?“ — „Среднее“. Опять поехали. „Какое название озера?“ спросила старуха. Лиса сказала: „Самое нижнее“.

Та сказала: „Бабушка! близенько стало до старика“. Доехали. Сказала старуха: „Оленье кормовище знаешь?“ Лиса сказала: „Знаю, хорошее есть. Я, дедушка, на кормовище сведу оленя“. Старуха оленя дала. Одну ночь пробывши, пришла лиса, сказала: „Дедушка, дай мне молоток, на дерево полезу, скучно очень“. Старик тот дал молоток. Старик когда дал, лисица убила молотком быка, жир ела, постукивала молотком; говорила: „Дедушка, оленей своих приведи, разжирели“. Тот старик пошел, всех оленей кончила (она). Он к старухе побежал: „Лови лисицу“, сказал. Старуха та хорошо не расслышала: „Лисица?“ спросила: „Как сказал дед?“ Лисица убежала. Старик отстал, собираясь убить лисицу. Рассердился старик. Лисица, подбегая, старухе сказала: „Жир на хвост привяжи“. Старуха привязала на хвост. [2] Старик пришел к старухе, лисица опять убежала. Старик пустил собаку по следу лисицы. Когда собаку отпустил (и) когда собака нагнала лисицу, лисица влезла в землю (в нору). Старик в отверстие (вниз) зажег огонь. Лисица по огню (через огонь) выскочила, по огню горящему пробежала, лисица сказала: „С рукав хоть оставь“. Огонь оставил хвост ее с рукав.

[1] Потакуй — вьючная сумка.

[2] Белый цвет кончика хвоста лисицы эвенки объясняют тем, что на хвосте лисицы был привязан жир. Этот мотив встречается часто.

I. Kaplin. Iŋārigdā

2. Hulakī, ḍantakī

Ḍantakī nadanma ororвī ŋənəwuṭcərən, olgoṭcorən. Arcaran hulakīwa. Hulakī gūnən: „Ororri ēkur ḍalaŋaltın, minə talā ajakākun dunnə вihin, вi вurguǥiktą nadalladu". Tērulḍərən ḍantakī, hulakīdu вūrən ororвı. Hulakī olgohınən ororвon. Tarkakāndulā ŋənərən, ororwo təputtən, ḍəwrən. Nadalladu manaran nadanma oror. Nadalla iltənən, ḍantakī hururən, ororвo gəlnəhinən hulakīduk, arcaran hulakīwa „Jr ororвı?"—„Ororвos ḍəpcāw, nadalladu manacāw". Huptirən hulakī. Amardukın jəkətcərən, ḍantakī hururən ḍūlın. Ahīnan ḍantakī hanŋūktaran: „ēwa jəkəḍərən?"—„Amī jəkəḍərən", hutəlin gūnə. „Ororвōn вurgicą вicāw, kōnŋaktakānmə ųyikəllu irgiduw", hulakī gūnən. Nuŋartın ųjjə kōnŋaktakānmə; hulakī huktillən.

Ḍənəḍənə, вakaran kukəkīwə. „Ḍūktə ŋəŋŋəlwət", hulakī gundərən. Ŋəŋŋəlle əhilə. „Kə! вəjə, əjəkī ḍawrāktaḍawāt вiḍərilduk". Ḍawrāhına. „Bi āhınıktə, hi ətwuskəl". Hulakī āhınən. „Bəjə", gūnən: „hi āskəl". Kukəkī āhınən, hulakī holohınən вırawa holokī hururən, ḍūwa lupumnak ḍawrārən. Əjəhinən вıralı. „Bəjə! təγəkəl, вuliwsə, ųlgucəmətkət". Ḍawrāḍərą, kukəkī gūnən: „Bəjə, icəciŋnəkəl, вəjəl āγıltın". Āγrə āγılduṭın, hulakī, gūnən hipkuḍərən: „Hi əŋnəkəl вulıra, hata garpatcaŋnākal nuŋarвatıı, on-da gundəktin—wākəl". Əhilə kukəkī guncən: „Hi tar ḍūwa ŋurmākal, вi ərə ŋurmāktą". Bōritta ḍūlвar. Ŋurmāhinə, hulakī cımkawa garpattan. Kukəkī wāḍəwkı hutəlвi, ənəl dōldıra; wārə upkacılwa. Hulakī əcə wārə, ųjəkitpi garpaḍaran. Kukəkī icərən, hutəlвi wācā, hoŋoron əhilə. Ilanma anŋanīl hoŋoron ıgḍargaknan.

Boloron əhilə, ḍukəkər doŋotoŋnoro, kukəkī вurdāktəḍərən. Hulakī gūnən: „Bəjə holoḍoŋōs". Hulakī kukəkī ūḍalın вurdāhınən, əjūrən. Jəkəllən kukəkīdu: „Nəlgəkcənmə вūkəl". Moŋnon вicən kukəkī, nəlgəwə вurən. Hulakī jūrən mōduk, huktillən. Kukəkī hujullən.

И. Каплин. Ингаригда

2. Лисица, россомаха

Россомаха ведет семь оленей. Встретила лисицу. Лисица сказала: „Какие костлявые олени твои, у меня там хорошая земля есть, я (их) поправлю в неделю". Поверила россомаха, лисице отдала оленей. Лисица увела оленей. Далеко ушла, оленей убила, съела. В неделю кончила семь оленей. Неделя прошла, россомаха ушла привести от лисицы оленей, встретила лисицу: „Где олени?"—„Оленей съела (я), в неделю кончила". Убежала лисица. Позади закричала, ушла (лисица) к дому россомахи. Жена россомахи спросила: „Кто кричит?"—„Отец кричит", дети сказали. „(Я) оленей жирными сделала (поправила), колокольчик подвесьте на хвост", лисица сказала. Они привязали колокольчик, лисица убежала.

Идя, встретила кукшу. „Вместе пойдем", лисица говорит. Весна стала в это время. „Ну, мужичок, поплывем вниз от живущих". Поплыли (в лодке). „Я посплю, ты веди(лодку)". Лисица заснула. „Мужик", сказала: „Ты спи". Кукша заснула, лиса поехала вверх по реке, вверх пошла, мимо юрт проплыла. Спускаться стала по реке. „Мужик, вставай, скучно, поговорим". Едут в лодке, кукша говорит: „Мужичок, взгляни, людские пристани". Пристали на пристанях их, лисица сказала, предупредила: „Ты не пугайся, сильнее стреляй их, как бы ни говорили—убивай". Теперь кукша сказала: „Ты ту юрту скрадывай (подкрадывайся), я эту скрадывать буду". Поделили юрты свои. Стали подкрадываться, лисица в среднюю жердь (юрты) стреляла. Кукша бьет своих детей, не слушая; убили всех. Лисица не убила, ложно стреляла. Кукша увидала, детей своих убила, заплакала тогда. Три года плакала, до побурения.

В это время осень становилась, льдинки замерзали, кукша прыгает (по льду). Лисица сказала: „Мужик, пойдешь вверх". Лисица по следам кукши запрыгала, утонула. Стала кричать кукше: „Коряжинку дай". Глупая была кукша, корягину дала. Лисица выскочила с дерева (по стволу), убежала. Кукша в водоворот (от утопленной коряжины) ушла.

N. Bajakī. Cirəmbu

3. Şulakī, jantakī

Şulakī əmərən jantakītkī. Jantakī taktıkānmą ogocō, kigləlēḍirən, pəşilnəcə Şulakī amŋaduwı ciməcinmə nəkcəḍərān, bulkiḍirān. Jantakī gūnən: „ēwa bulkiḍändᶦi?"—„Urwəptinmi". Jantakī gūnən: „Alagdı?"—„Alagdı! alagdı!" Jantakī həγrən urwəptiŋmi, həγrən, gūnān: „Ənuką! ənuką!" gorowo gūnən „ənuką". Buddąn tarıc jantakī. Buḍākin, əşilə nuŋanmān əkulūrən ələtpi-li buddąn, təḍəkşirąn—bucə ələtpi, ēruktarān. Ətəcə ərīḍamī, ēruktamī. ḍalildᶦan, gūnān: „īlə şurudąm?"

Jantakī ūḍalın şururān; ŋənərən, ŋənərən, tālā ḍūn icəwuldᶦən jantakī. Ŋənərən ḍūlān. Jantakī hurilīn jūrə ḍūdukpar, gūnə: „Abal aba əmərən". Jantakī hurilin gūldᶦə: „ōn carılıcās?"—„Kigləlwər obḍacāw". Irən ḍūlān jantakī, təgərən bedu. Təgərən jantakī aşīn kıradun. Aşinən, dolborōkın, inən, ānŋətcān, inərən timātnąą. Timātnąą nān şururān, hawalıldᶦan.

Tālā bakaran ətirikānmą lucawa. Murdakīttulın ŋənərən. Murdakīttıkī ŋənərən, gūldᶦən: „Cankīdus uguwānıkta". ųγrąn cankıdu. Ətirikān murınmı olgoḍorən. Şulakī oldᶦoŋılwān awşawān cēştrānān. Ŋodurən oldᶦowo manawuknanın. „Ətirikān", gūldᶦən: „guləş icəwuldᶦən həkuşiniktə". Jūrən cankıduk, amaşkī şururān, ətucildᶦąn oduranın oldᶦowo. Ətuttᶦān, ətuttᶦān, tāduk amunıŋnāran, īdu nōcān oldᶦowo, cıkāndən tādu.

Ətirikān əmərən ḍūtkīwı, oldᶦoŋılwı ēruktarān, ēmac ācın. Şulakītkī şururān, hanŋūktarān: „Oldᶦoŋılwa icənəndᶦi?"—„On ətām icərə? hawalḍāktu, icātkąl amunmı tarı, cikānmı tarı". Ətirikān hanŋūlirān, hanŋūlirān şulakīwa, tāduk hukuşinən, ācır, umukāməc əşin bakara. „Əşilə ulbınḍam", gūnən. Şoŋoldᶦən. ḍūduwı ācın qəptilə, huru bişin. Şulakī gūnān: „icəktə ōn-ka soŋoḍorən", ḍūlān ŋənərən. Hurilin bişi, ələtpi ācır, ēmac ācır. Şulakī gūldᶦən: „ēmat-cā ōŋnāndᶦı, hurilwı uŋkəl, hawaldātu".

Н. Баяки. Чиромбу

3. Лисица, россомаха

Лисица пришла к россомахе. Россомаха кедр свалила, лыжи делает, стругала. Лисица во рту жир с креста очищает, ест. Россомаха спросила: „Что ешь?"—„Penis свой". Россомаха сказала: „Вкусный?"—„Вкусный, вкусный!" Россомаха отрубила свой Penis, сказала: „Больно! больно!" долго говорила: „больно!" Умерла поэтому россомаха. Когда (она) умерла, тогда ее (лисица) перевернула, верно ли умерла, проверила—на самом деле умерла—увидела. Перестала дышать, смотреть. Подумала, сказала: „Куда пойду?"

Пошла по следам россомахи, шла, шла, там дом россомахи виднеться стал. Пошла к дому ее. Дети россомахи выскочили из дома, говоря: „Папа! папа пришел". Дети россомахи сказали: „Как сгорбился?"—„Лыжи выделывая". Вошла в дом россомахи (лисица), села на боковое место. Села жена россомахи у двери. Легла спать, когда ночь настала. Продневала, ночевала, прожила до завтрашнего утра. Утром опять ушла, стала ходить.

Там встретила старика русского. По санной дороге его пошла. По дороге шла, сказала: „В санку твою сяду-ка". Влезла в санку. Старик коня своего ведет. Лисица сумку рыбью прорвала. Бросала рыбу, пока не кончилась. „Старик", сказала: „дом твой виднеется, слезу-ка". Выскочила с санки, обратно ушла, стала раскладывать выброшенную рыбу. Раскладывала, раскладывала, потом испражнялась (в том месте), где бросала рыбу, там (и) мочилась.

Старик пришел домой, рыбы свои посмотрел, нет ничего. К лисице пошел, спросил: „Рыб ходила смотреть?"—„Как не стану видеть (увижу)? на тропе посмотри, то испражнения, то моча". Старик спрашивал, спрашивал лисицу, потом вернулся, нет. ни одной не нашел. „Теперь пропаду с голоду", сказал. Заплакал. Дома еды нет, семья. Лисица сказала: „Посмотрю-ка, как плачет", к дому его пошла. Дети есть, последнее нет (кончилось), ничего нет. Лисица сказала: „Как ничего не делаешь, детей пошли, чтобы ходили"

Əcəl hawald'a ēmac. Ṣulakī gūld'ən: „īduk ajīcās? Ṣuruγət ajīḍāktıkīṣ!"—„Āmuttuk ajīcāw". Ṣuruṛə ḍuktə āmuttıkī. Āmuc mū̆cə, həgdiŋə mu̥ ōcā. Ətirīkən gū̆nən: „ədu̥ ajīcāw old'owo. Mūdācā ajīḍakıw". Əwiləṣanī ōda. Ṣulakī gū̆nən: „Əri ūḍawı duγu̥təkəl". Ətirīkən ṣuru̥rən, du̥u̥tərən, əju̥rən.

P. Putugır. Ṇorвokō

4. Hulakī, irgicī

Hulakī əməcə irgicī ḍūlān, gū̆llən: „Bi ororвos u̥mu̥kəndu̥ вēgadu вu̥rgu̥γīḍəŋə̆w, mindu вū̆kəl, ororвı ətəjəttə̆w. Bēgaja вikənim gənnədə̆ji". Irgicī вu̥rən ororвı. Hulakī, hu̥ru̥wkənim, ororвōn ḍəwrən, upkatpa manarän. ḍəpitcənə ikləji kaputtän.

Bēγawa вikənim, əməḍirən irgicī. Hulakī icərən, diŋnilə̆hinən irgicī ḍūlān, gū̆llən: „hikəndu̥w imu̥rənə u̥jikəllu̥! irgidu̥ kōŋaktaja u̥jikəllu̥". u̥jəkittinu̥n diŋnilə̆hinən. Hulakī вakarän ḍalвı, u̥mu̥kəndu̥ gulucallan. Əməḍərən irgīcī, əmərən, guluwunma вargımnak mıkcānən, irgiji ılarän, hulakīl iṇjəktəllə irgicīt. Irgicī icərən iktən kapurgacāwə, gū̆llən: „Tiləmə̆cilγət". Tiləmə̆cillə. Irgicī gıdalārän, hulakīl upkat diŋnilə̆hittə.

I. Uwocān. Ṇorвokō

5. Hulakī, iləl

Hulakī вakaran iləlwə, ḍūrwə ahālwə, gū̆llən: „Minə təmu̥du̥wər u̥γīrkəllə, вi ənə icəttə u̥lgu̥cəlḍiŋə̆w вıral daptulwatın, minə daskāllə əllu̥rḍīwər". Əhīlə əjəhinə. icərə вıra daptuwän, hanŋūktāllə hulakīduk: „ēkuma gərвin вīraja?" Hulakī əllu̥n hərgidədu̥n, kərciməwə ḍəвḍənə, gū̆nən: „Əjə̆lgə". Tāduk gū̆nən: „Dulilga"

(бродили, добывали пищу). Не ходили никак. Лисица сказала: „Откуда добыл? пойдем к месту добывания". — „Из озера добыл". Пошли вместе к озеру. Озеро с водою, вода высокая стала. Старик сказал: „Здесь добыл рыбу. Вода поднялась, после того как добывал". Весна настала. Лисица сказала: „По этой тропке перейди". Старик пошел, пошел через, утонул.

П. Путугир. Ербогочен

4. Лисица, волк

Лисица пришла в дом волка, сказала: „Я твоих оленей в один месяц поправлю, дай мне оленей караулить. Через месяц придешь, возьмешь". Волк отдал оленей. Лисица, уведя оленей, съела, всех кончила. Во время еды сломала зуб.

По прошествии месяца приходит волк. Лисица увидала, убежала к дому волка, сказала: „Привяжите на шею мою сало! на хвост привяжите колокольчик". С привязанным убежала. Лисица нашла родню свою, вместе стала жить. Приходит волк, пришел, через костер перепрыгнул[1], хвост поджег, лисицы стали смеяться над волком. Волк увидал сломанный зуб, сказал: „Давай поищем вшей". Стали искать вшей. Волк заколол (лисицу), лисицы все убежали.

И. Увочан. Ербогочен

5. Лисица, эвенки (люди)

Лисица встретила людей, двух женщин, сказала: „Посадите меня на плот. я, не глядя, расскажу (назову) устья рек, покройте меня нюками". Теперь поплыли. Увидали устье реки, спросили лисицу: „Какое название у реки?" Лиси под нюком, поедая сушеное мясо, сказала: „Верхняя". Потом сказала: „Средня

---

[1] Раньше при обучении ловкости подростки, забавляясь, увертывались от стрел и пр через костер. Неудачные прыжки всегда вызывали смех. Тема неудачного прыжка для встречается часто.

Tāduk nāŋ haŋguktāllə, gūnən: „Hərəlgə“. Hulakī, manakānum, gūnən: ākkəllə“. Āgrə, hulakī diŋnīləhinən. Nuŋanmā ahaktalla tarıŋlın. Nuŋan mōlā tuktirān. Nuŋanmān sadaranə. Tarıŋıtın gūllən: „Kokollodımātjə hulakallu!“

В. Әдән. Urmi

6. Sulakī, bəjə

Umnəkən umun bəjə tugə bəjuhinən tolgokīt. Tar bəjə, ŋənəḍənə, ḍulgidəduwi sulakīwa icərən. Bəjə sulakīŋı garparan. Sulakī tiktən. Sulakī bəjətkī gunḍərān: „ēda sī minəwə garpannı; halganma həkəlinni? Minəwə tolgokīduwi hərkəkəl!“

Bəjəŋin hərkərən tolgokīdu, mənin tolgokīwı ırḍaran. Tolgokīdun sulakīŋın kapukaḍaran. Bəjə ulgumirən:—„Sulakī, sī ēḍannı?“ Sulakī gunḍərən: „Akī, ēkunmakat əcəw ōra. Hujəwi doŋotonowōn cīwḍam“. Bəjə, ənə kihana, ŋənəḍərən. Siksə ānŋaktulā ihıksākān, sulakīŋı gurərən. Sulakīŋın gūnən: „Akī! sī sōmat dārinni biḍiγən. Sī ətuwi ōkal, bī mōjawar mōlākta“. Bəjə sukəwi burən, gūnən: „Gəl mōlākal!“ Sulakīŋın ŋənərən. Bəjəŋin sulakīŋı amardukın imuksəŋi ḍəptilāwi icənən, pūtun-ŋu ācın. Sulakīŋın ḍəpcə. Bəjə ḍalduwı guncəḍərən: „Bəjə-kə baraksan əməḍiŋəs, icəŋəwəs ōḍıŋāw“.

Sulakījan tar ŋənətpi əcā mucura. Mataŋı ḍəptilāwən, imuksəŋŋən ḍəwuksākən, ulākkicəksākən, sulakīŋın cucaran.

I. Kaplin. Iŋārıgdā

7. Hulakī, ahāl

Ilan ahāl ḍawrāḍərą, ılan inməkil korcımotın. Hulakī jākərən: „Ahāl! minə gākallu ḍabduwar“. Gādą nuŋanmān, ḍawrāḍana, gūnən hulakī: „Minə təwuskəllu daskallu. Bi urələ, bırala icəmī, ēkuma bıra, urə gərbin ulgucāḍiŋāw, aḍənə“. Nuŋan

---

Потом опять спросили, сказала: „Нижняя“. Лисица, съевши, сказала: „Пристаньте“. Пристали, лисица убежала. Те ее преследовали. Она на дерево влезала. Его подожгли. Та стала говорить (просить): „Хоть с рукавицу оставьте!“

Б. Эдян. Урми

6. Лисица, человек

Однажды один человек зимою промышлял с нарточкой. Тот человек, идя, перед собою лису увидел. Человек в лису выстрелил. Лиса упала. Лиса человеку говорит: „Ты зачем в меня стреляешь, ногу мою ранишь? Меня на нарточку привяжи!“

Человек привязал на нарточку, сам нарточку тащит. На нарточке лисица пощелкивает. Человек спросил: „Лиса, ты что делаешь?“ Лиса говорит: „Дядюшка, ничего же не делаю. Раны, отмороженное (место) лижу“. Человек, не беспокоясь, идет. Вечером на ночлег придя, лису отвязал. Лиса сказала: „Дядюшка! ты очень устал. Ты костер делай, я по дрова схожу“. Человек топор дал, сказал: „Ну! иди по дрова!“ Лисица пошла. Человек после лисы масло, еду посмотрел, совсем (ничего) нет. Лиса съела. Человек в уме подумал: „Мужик-то обождавши придешь, морду сделаю (убью—ругательное слово)“.

Лиса с ухода не вернулась. Молодца (богатыря) еду, масло съевши, обманувши, лиса скрылась.

И. Каплин. Ингаригда

7. Лисица, женщины

Три женщины едут в лодке, три торсука вяленого мяса (с ними). Лисица крикнула: „Женщины, возьмите меня в лодку“. Взяли ее. Во время движения лодки лисица сказала: „Везите меня, покройте. Я, спя, увидя горы, реки, расскажу, как называется река, гора“. Она

āhinən. „ēkuma tar icəwullən bira?“ hanŋuktalla. „Huləlgə! huləlgə!“. Ŋənəḍənəl hanŋūktalla: „ēkuma tar bira icəwullən?“—„uhīlgä! uhīlgä!“ Tāduk ŋan ŋənərə. „Hula! ēkuma bira icəwullən?“ — „Kumkəlkä! kumkəlkä! Akkallu“, gūnən: „cikənmuicə bihim“. Āgrə, cikənnəhinən hulakī. Cikəlḍənə, iŋjəktəlcə, jəkəcə: „Ha! ha! ha! kərcim wə upkatwa manam“. Ahāl əhilə nuŋanmān ahahina mōldī. Hulakī mōwa tuktirən uɣiskī. Nuŋanmān togot badaralla. Togowo hulakī gūllən: „Əkəl ḍəwrə upkatpān, uksədikən hulakal“. Togo uksədikən hulapcān. Ərduk hulakī irgin uksədikən ōcān.

I. Uwocān. Norbokō

8. Hulakī, amākā

Hulakī ŋənəḍəcən, ŋənəḍəcən amākāw arcaran. Haktiralcā bicən. Hulakī gūnən amākādu: „āhinmāt ēksa ojodun, pōllakadu“. Amaka urərən, hulakī gūnən: „diskī gūnəkiw, diskī ōŋnākal“, tugi kənəl āhina. Dolboni dulindun ōḍarākin, hulakī mikcānən digidələn, gūllən: „Diskī! diskī!“ Amākā āmīduji ənə hārə, hukəlāhinən, ēksa hərgiskīn burən. Hulakī ḍəwrən hiluktalwān kucuŋnan.

Tāduk hururən, ŋənəḍicən, ŋənəḍicən, icərən ḍantakī mōldaḍarīwān killəjəji. Kucuŋni ammaliji dirən hulakī. Hulakī gūllən: „Bi cōliji ḍəpiŋnəm, alapcu biŋnārən; mal amtakal“. ḍantakī ḍəwrən, gūnən „Alapcu“. Tāduk mənŋiji cōliji həɣrən ḍantakī, burən.

Hulakī husmāhinān ḍantakī ūḍalin. Killəŋətilbən gārən. Istan ḍūlān. Haktiralḍarākin, hulakī ahillan ḍantakī ahīnunīn. ḍantakī ahīn gūllən: „ōnkur bihinnā ŋəltumə?“ Omolgīlīn huŋtācillə, nuŋanmān təktəllə. Tugi kəḍənəl nuŋanmān, əŋīnmər təktəhina cəŋdimnək, hulakī adaɣarān. Ərdələ ḍantakī uruŋkun ōdan.

заснула. „Какая река там виднеется?“ спросили. „Вязки (от торсука верхние) вязки!“ Идя, спросили: „Какая там река виднеется?“—„Уздовая, уздовая“. Потом еще прошли. „Лиса! какая река показалась?“—„Вшивая! вшивая! пристаньте“, сказала: „Я помочиться хочу!“ Пристали, пошла лисица. Захохотала, крикнула: „Ха-ха-ха! вяленое мясо все съела“. Тогда женщины стали ее преследовать палками. Лисица влезла вверх на дерево. Его подожгли. Лисица огню сказала: „Не ешь меня всю, с рукавчик оставь“. Огонь оставил с рукавчик. С этих пор лисий хвост с рукав (величиною) стал.

И. Увочан. Ербогочен

8. Лисица, медведь (дед)[1]

Лисица шла, шла, встретила медведя. Темно было. Лисица сказала медведю: „Ляжем спать на верхушке скалы, на гладкой“. Медведь согласился, лисица сказала: „Если скажу повыше, двинься повыше“. Так заснули. Когда настала полночь, лисица перескочила через, сказала: „Выше! выше!“ Медведь во сне, не понимая, покатился, разбился у подножия скалы. Лисица съела кишки, сделала колбасу.

Потом ушла, шла, шла, увидала россхомаху, рубящую из дерева лыжи. Колбасу в рот сунула лисица. Лисица сказала: „Я ем язык свой, вкусный, на! попробуй“. Россомаха съела, сказала: „Вкусно“. Потом свой язык отрезала россомаха, умерла.

Лисица последовала по следу россомахи. Лыжные доски взяла. Дошла до дому. Когда начало темнеть, лисица стала ложиться спать с женой россомахи. Жена россомахи сказала: „С чего такой верткий“. Парни стали чужим признавать его, стали бить. Так колотя его, разрубили мать свою поперек, лисица увернулась. До сих пор россомаха осталась короткой.

[1] В эвенкийском языке для названия „медведь“ имеется более двадцати терминов. Наибольшее распространение имеют „amākā“—дед и „amīkān“—отец.

W. Uwocān. Ŋorboko

9. Hulakī, amākā

Hulakī amākāwə вakaran ēksadu, jaŋil ḍapkadutin. Hulakī gunən amākāwə: „Amākā! ḍūktə āhinmāt". — „Kə! āhinmāt", gūnən amākā. „Hi ŋēli āhkəl". Amākā ŋēli āhinan, hulakī dili. Hulakī āḍənə gūniwki: „Ŋēskī! ŋēskī! amākā". Amākā āhinan. Āhicālān, hulakī amākāwə anaran ēksa hərgiskīn. Amākā вuruḍənə ēksaduk gиramnaiвi kapuran, вuknən вururan. Hulakī ŋənərən amākāla, amākāwə təlillən. Ətərən təlirə, amākā imuksəlḍīn kucuŋnan. Hulakī təlilвi nākuran.

Tāduk hulakī hururan, irgihəjəwi huruwran kucuŋni. Gorowo ŋənəkənim, arcaran iləwə. Hulakī hanŋūktallan: „ilə ŋənəḍənnə?" — „ḍəptilələwi gələktəḍəm". — „Minŋi вihin təlilвi, tālā huruwət", gūnən hulakī. Huruгə ḍūktə, ŋənərə goromomowə. Gurkīn ḍəmmukin, alвallan ŋənəḍəmī. „Hata ŋənəwət?" gunḍəwki: „Dagamaran", gūnən hulakī: „Hi təli вiḍəkəl, вi gənnəktə". Ilə əmənmurən. Hulakī hururən, gənnəhinən təlilвi. Tarkānduli ŋənəkənim, hulakī hipkicillan. Ilə hukulāttən, hukulāttən вolonī dolвonīwān, ḍəmmukin alвaran tərətcəmī — doŋotorən. Bucālən, hulakī təlirən iləwə tuyə ḍəmməcinəwi.

O. Salatkin. Nēpa

10. Sulakī, ilə

Umnəkən вakaldicātin ilə sulakīŋun. Sulakī gūliən nuganukin: „Miti ḍūksə wānāsinmāt kuŋkuwə". Ilə gūnən: „Kə! surуwət!" Nuŋartin ŋənərə dolвodolōn вirajawa solokī. Icəwullən curвuka. Sulakī gūllən: „Curвukawa iswāt, tuktiḍəŋəp ojolōn, tādu ānŋəcīḍaŋāp".

В. Увочан. Ербогочен

9. Лисица, медведь

Лисица встретила медведя на скале, на краю гольцов. Лисица сказала медведю: „Дед! вместе спать ляжем". — „Ну, ляжем спать", сказал медведь. „Ты внизу ложись". Медведь лег пониже, лисица повыше. Лисица, спя, говорила: „Ниже! ниже! дед". Медведь заснул. После того как заснул (он), лисица столкнула его со скалы вниз. Медведь, падая со скалы, разбил свои кости, летел до смерти. Лисица пришла к медведю, стала вялить медведя. Не став (перестав) вялить, сделала из жира колбасу. Вяленое мясо лисица положила на лабаз.

Потом лисица ушла, подорожник-колбасу унесла. Долго идя, встретила человека. Лисица спросила: „Куда идешь?" — „Еду ищу". — „У меня есть вяленое мясо, пойдем туда", сказала лисица. Пошли вместе, долго шли. Товарищ ее проголодался, стал (не в силах) итти. „Еще пройдем? говорит: Приближается", говорит лисица: „Ты побудь тогда, я принесу". Человек остался. Лисица ушла принести вяленое мясо. Пройдя недалеко, лисица стала следить. Человек лежал, лежал в осеннюю ночь, голодный, не мог выдержать — замерз. После того как (он) умер, лисица завялила (мясо) человека для зимнего запаса.

О. Салаткин. Непа

10. Лисица, эвенки

Однажды встретился эвенки с лисицей. Лисица сказала ему: „Пойдем вместе убивать медведя". Эвенки сказал: „Ну, пойдем". Они шли до ночи вверх по реке. Показался холм. Лисица сказала: „До холма дойдем, влезем на верх, там переночуем".

Nuŋartın ısna curвukawa, ānŋəsnə. Ilə mōlāllan, sulakī ụləllən cajṇawar: ḍəprə, ānŋəsınạ. Sulakī gūllən ilətkī: „Si āskəl dili, вi ŋēlı“. Ilə gūnən: „Kəl āsınŋāp!“ Nuŋartın āsınə. Sulakī dolвo təgərən, iləwə gıranan digidələn kərən iləwə anammen. Ilə cụŋụrisnạn ŋēskī. Cụŋụrrən вirajalā, mōldu wātsən, mə̄nmi cuŋurmī gūnən: „Sulakīnun, ēkun ilən gırkıcān, targacınŋun ụlə̄kkụn“. Sulakī, anaḍamī gụncə̄n: „Nuŋan minə вụwkənəwi kərən, вi sācāw ərə̄ ḍəpmī ərụpcụ ōdan, tarīt вi nuŋanmān anacāw“.

М. Jolıgır. Turu

11. Amākā

Irgicī əmərən amākālā. Əməkə̄nim, hanŋūktaldan: „Hi ēduk ŋə̄ləcindä?“ — „Aŋdukpı“, gū̄nən amākā, „Hi ēduk ŋə̄ləcindä?“—„Bə̄jədụk ŋə̄ləcim“. Amākā gūnən: „e—e! hi вəjədụk ŋə̄ləcindā, вi əŋnəm ŋə̄ləttə“ — „Bəjəjə hakalatkät, hi вəjəriktə əməwkəl, вi aŋılwə əməвḍəm“, gūnən irgicī.

ḍalum jəpkəkə̄wə əməwrən irgicī, amākāwə alвaran alatcamī. Alвakājim alatcamī, gələktildən irgicī amākāwə. Amākāwə вakaran вụcə̄wə. ḍūr вə̄jə wācāl, nəkụnin вəjə. Irgicī gūcə̄: „Əḍạcās əməwrə, ụmụkə̄nə əḍạcās əməwrə“, Amākā gūnən: „Nadan вəjəl вicə̄tin, haltın tuksahıcātın, ḍūr вəjə nəkụnin əwkil hụjụnə, alвam wāssalanḍamī hōda ḍūr вəjə nəkụn вiwki. Əduk ḍụlə̄skī ēkun-da əγin īrə“, amākā gūnən: „hụjətkə̄t“.

Hụrụkə̄nim, amākā ụlgụkīwə вakaran. ụlgụkīwə gūnən: „ḍiktəkə̄rə gənnə̄kəl, ḍəwdə̄w. ḍiktəwə əməwrə̄kis, ēja-da ətə̄m ḍəwrə ḍụlə̄skī“. ụlgụkī gū̄nən: „Hi ēja вū̄ḍəndä?“ — „ēja-kə вū̄ḍəm, irəksəwəs oṇoḍom“. ụlgụkī ḍiktəwə adıkānmə əməwrən. Əməwrə̄kin, gū̄nən amākā: „e-e! вi manatpı вụlihinḍəm“. Tarīŋın ụlgụkīŋi irəksə oṇocō ōdan.

Они дошли до холма, собрались спать. Эвенки пошел рубить дрова, лисица стала варить чай. Поели, легли спать. Лисица сказала эвенки: „Ты ложись повыше, я пониже“. Эвенки сказал: „Ну, заснем!“ Они заснули. Лисица ночью встала, перешагнула через эвенки, стала эвенки толкать. Эвенки скатился вниз. Скатился к реке, о дерево убился, сам себе, катясь, говорил: „Лисенка, какой худой приятелишка, такая лгунишка“. Лисица, столкнувши, сказала: „Он меня собирался отравить, я знала, что от съедания этого худо будет, поэтому я его столкнула“.

М. Йолигир. Туру

11. Медведь

Волк пришел к медведю. Придя, спросил: „Ты чего боишься?“ — „Рябчика“, сказал медведь: „Ты чего боишься?“—„Человека боюсь“. Медведь сказал: „Э! ты человека боишься, я не боюсь“.—„Мужичок, поищем, ты только человека принеси, я рябчиков принесу“, сказал волк.

Полную ямку притащил волк, медведя не мог дождаться. Не могши ждать, пошел искать волк медведя. Нашел медведя мертвого. Два человека убили, младшие (братья) человека. Волк сказал: „Почему не принес, ни одного не принес“. Медведь сказал: „Семь человек было, часть убежала, двух мужиков младших братьев не ранят, не мог попытаться убивать сильно, два (двух) человек(а)—младшие братья. С этих пор (и) впредь ничто пусть не слышится“. Медведь сказал: „Разделимся“.

Уйдя, медведь встретил бурундука. Бурундуку сказал: „Принеси ягод поесть. Если принесешь ягод, впредь ничего не стану есть“. Бурундук сказал: „Ты что дашь?“—„Что же дам, шкуру покрашу“. Бурундук принес немного ягод. Когда (он) принес, медведь сказал: „Э-э, я лапой поглажу“. Таким образом шкурка бурундука (раскрашенной) разрисованной стала.

Tāduk hụrụrən amākā, hulakīwa вakaran. Hulakī gụ̄nən „e-e! amākā! äḍạγạ̄t!“— „äskānən“, gunən amākā, „ŋanmaktaja ācın вinən ŋəkəjə“. Tādu āhına. Amākā hōt ämulcā. Āhıktadun hulakī digidələ̄n ōdan. „O-o! amākā hụkəmụlcā вihim! diskī!“ ōkal!“ Amākā diskī ōran, hụkəldən, вụrụrən. Bụrụkə̄nim lụhụ tukaladu вiḍərən, dụndədụ. Nonon nuŋan ụγilə̄ вiḍəcə̄n.

Р. Сēмва. Сiгəмвụ

12. Şulakī amıkānnun

Şulakī amīkānnun arcaldıra. Amīkān gụ̄nən: „Şulakī! ēwa вəjụşcạndʳi?“ — Cīnə̄kə̄lwạ! ələptikīnmạ! Şi ēla ḍəwụŋnəndʳi?“ — „ḍujāpcalwa, ŋaŋtalwa!“ — „Şi ēdu änŋạcındʳı?“ — „Bi änŋạcıŋnām dōlā! Şi ēdu änŋạcındʳı?“ — „Bi nälg dụ änŋạcıŋnām, ələptikīn ḍəwụŋnəm mōdowı“. — O! ələptikī mindụ ŋə̄ləmụgdi“. — „Bi ŋə̄ləciŋnə̄m mugdəkə̄nḍī əwụnikin ēşal“. — „O! вi adıja-wal əwụnikin ēşal ərụвḍạm“ — „Şi gələ̄ktikəl mụgdəkə̄n əwụnikin ēsalwa, вi ələptikīlwạ ajḍam“.

Şụrụrä. Amīkān gələ̄ktildʳən, tālā arcaran mụgdəkə̄n şə̄cīwa, „Amīkān“, gụ̄nən mugdəkə̄n, nəlgə şēcī: „īlə̄ ŋənəḍəndʳi?“ Amīkān gụ̄nən: „Bi şinə şụrụвḍəm“. Mụgdəkə̄n garparan amīkānmạ əşilə̄, higrən irəksəwə, ıŋaktawān huşşan, əŋəktəwə̄n gụlirəṇ cụkīŋnən. Iŋawān ụŋkụrən tụ̄lilạ̄.

Āşınạn вəjə. Tımātnạ təgərən, ıŋaktan oror öcā.

Amīkān şulakītkī əŋnə̄n əmərə. Şulakī nuŋanmān alattən, alattʳən, gələ̄ktənə̄şşən. Bakaran amīkān dılīn cụkīdu.

W. Putugır. Norвokō

13. Hulakī amākānun

Hulakīja amākānun вakaldıra. Hulakī gụnən: „Bi əwụnkī ēhacīlduk hōmat ŋə̄ləciŋnə̄m“. — „ēt? əwụnkīlwər ēhacīduk ŋə̄ləciŋnə̄nnä?“ gụ̄nən amākā. „Hi ēt ŋə̄ləciŋ-

---

Потом пошел медведь, лисицу встретил. Лисица сказала: „Э-э, дед, поспим“.—„Для сна“, сказал медведь: „есть без комаров утес“. Там заснули. Медведь сильно хотел спать. Во время сна лисица перешла через (него). „О, дед, хочу скатиться, повыше подвинься!“ Дед повыше подвинулся, покатился, упал. Упавши, все время живет на земле. Раньше он вверху жил.

П. Чэмба. Чиромбу

12. Лисица с медведем

Лисица встретилась с медведем. Медведь сказал: „Лисица! что промышляешь?“—„Птичек, внезапно вылетающих! Ты что ешь?“—„Бруснику, шишки!“— „Ты где ночуешь?“— „Я ночую внутри (в дупле)! Ты где ночуешь?“—„Я ночую в коряжине, внезапно вылетающих птиц ем в дереве“. — „О! я боюсь внезапных птиц“. — „Я боюсь пенька с поперечными глазами“.—„О! я скольких поперечных глаз убивал“.—„Ты поищи пенек с поперечными глазами, я внезапно вылетающих птиц принесу“.

Ушли. Медведь пошел искать, там встретил ушастый пенек. „Медведь“, сказал пень, коряга с ушами: „Куда идешь?“ Медведь сказал: „Я тебя унесу“. Пень выстрелил в медведя, тогда ободрал шкуру, шерсть раздул, нос повесил на дерево. Шерсть высыпал снаружи.

Заснул человек. Утром проснулся, шерсть в оленей превратилась.

Медведь не мог притти к лисице. Лисица его ждала, ждала, пошла искать. Нашла медвежью голову на лабазе.

В. Путугир. Ербогочен

13. Лисица с медведем

Лисица встретилась с медведем. Лисица сказала: „Я боюсь сильно поперечных глаз“.—„Чего? поперечных глаз боишься?“ сказал медведь. „Ты чего

nənnä?“ hulakī hanŋūktaran amākāwə. „Bi ŋələciŋnəm hōmamat əliptiŋirḍī“.—„Tarīlḍıwər ŋələciŋnənnä, вi tarıŋılвas umıwumcāw вukacān ōdālān“.

Nuŋartın ḍūktə gūməttə: „Hi minŋi ŋələwkəciḍīw əwki ŋələttə, вi hinŋi, ŋələtkicīḍīs əwki ŋələttə вihim“. Nuŋartın tēruldıra, вiḍəktuləwər əmədəwər ḍālləli. Amākā hitihinən вırajāwə ḍapkanŋalın. Hulakī hụrụrən dətilduli.

Hulakī, ḍāllə ōdalān, umıwran əliptikīlвạ, вukacān ōdalān. Nuŋan tērụduwı əmərən, ḍalduwı gụnḍəwki: „Hitəhəldidə ŋələciwki вicə amākā“. Hulakī alatcā, alatcā amākāwə, amākāŋīn, tēruwı ılallat iltəcə, hata ācın вicə. Alвakānım alatcamī, hulakī ūḍahınan amākāwə ūḍalın. Ūḍalin ūḍaran gē kaltakawa nụlgiwə hulākī. Icərən mōkakārвạ təktəcəl. Təktənəwətin icərən, təktəḍəktuwər ēwa-wal lokocōl. Hulakī icərən gırkın dılвān, lokopcō, amākā dılвān. Hulakī gūnən: „Hinə gūcəw hata ətənni tərərə“.

Ərdələ amākā ilədụk əwki ŋələttə вicən, hulakī ŋələciwki вicən.

W. Lontogır. Ika

14. Amākā əŋkä ŋələttə

Sulakīja amākānunın ụlgụcəmətcərə. Sulakī gūnən: „Bi ŋələciŋnəm əwụnkit ēsatarılḍī“. — „Bi əŋnən ŋələttə əwụnkit ēsatarılḍī, ŋələciŋnəm ələwsigdilḍī“. — „Bi tarılḍī əŋnəm ŋələttə“, sulakī gūnən: „si əŋnənni ŋələttə əwụnkilḍī ēsatarılḍī, si wānākəl əwụnkil ēsatarıla, вi ələwsipcụlạ wāmī, ələ əməwḍäŋəp“.

Amākā sụrụrən, sulakī gırkuran, əməwrən kətəməməwə ələwsipcụlwạ, amākāwạ alāttən, alāttən, alвaran. Tar ūḍalın sulakī amākāwə asasnan. Bakaran amākā əwụnkit ēsatarılḍī wāwcā, cukīdu oŋoktotwı soṇoloḍoron.

Sulakī gūllən: „Tar-ka gụnḍəcəs, вi əŋnəm ŋələttə əwụnkilḍī ēsatarılḍī“. Amākā gūnən: „Kə! ca! urunä sụrụkəl“.

боишься?“ спросила лисица медведя. „Я боюсь сильно внезапно вылетающих птиц“.—„Тех боишься, я тех набрала бы с горку“.

Они вместе договорились: „Ты моего пугала не боишься, я твоего пугала не боюсь“. Они договорились притти через десятидневку на стоянку. Медведь отправился к берегу реки. Лисица ушла на болото.

Лисица через неделю собрала внезапно вылетающих с горку. Она по договору пришла, говорит в уме: „Зря боялся дед“. Лисица ждала, ждала медведя, после договора прошло еще три дня, медведя не было. Уставши ждать, лисица пошла по следу медведя. По следу шла полторы кочевки лисица. Увидала срубленные деревья. Срубленные увидала, на месте сруба что-то повешено. Лисица увидала голову товарища, повешенную деда-медведя голову. Лисица сказала: „Тебе говорила, (что) пожалуй, не выдержишь“.

До этих пор медведь эвенков не боялся, лисица боялась.

В. Лонтогир. Ика

14. Медведь не боялся

Лисичка с медведем разговаривали. Лисица сказала: „Я боюсь поперечноглазых“. — „Я не боюсь поперечноглазых, боюсь внезапно вылетающих“. — „Я тех не боюсь“, сказала лисица: „ты не боишься поперечноглазых, иди убивай поперечноглазых, я убью внезапно вылетающих, сюда принесем“.

Медведь ушел, лисица пошла, принесла много внезапно вылетающих, медведя ждала, ждала, устала. По следу медведя погналась. Нашла медведя убитого поперечноглазыми, на лабазе ноздри зияют.

Лисица сказала: „Так-то говорил, я не боюсь поперечноглазых“. Медведь сказал: „Ну! прочь! тихо уходи“.

375431
8747
Научная библиотека Ленинград. Ленинград Н.А.С.С.Р.

В. Əḍən. Urmī

15. Əhə, ṇəkə̄

Umnə̄kə̄n əhəṇụn ṇəkə̄ вakaldıra. Ṇəkə̄ŋin amŋaduwı əmụwḍəcə̄n ələptikīwạ. Əhəŋin ələptikīwạ icəksə̄kə̄n, ṇəkə̄duk ụlgụmillạn. „Ōn ṇəkəksə̄kə̄n ələptikīwạ wānni? Bī ələptikīduk sōmat ŋə̄ləcim, вəjəduk əhim ŋə̄lərə“. Ṇəkə̄ŋin gụnḍərən: „Bī ələptikīduk əhim ŋə̄lərə, nuŋan вī ḍəptilə̄w. Bəjəduk вī sōmat ŋə̄ləm. Nuŋan, ṇəkə̄lwə wāttän“. Əhəŋin gụ̄nən: „Sī ələptikīduk əmī ŋə̄lərə, ər вugalā вaran ələ̄ptikījạ əmụwkəl. Bī nānä вaran вəjəjə wāksākān, əmụwdiŋə̄w“. Ṇəkə̄kụn əhə hụjəcildirə.

Ṇəkə̄ŋin вimī inəŋītikīn ələptikīwạ əmụwḍəwki вicə̄. Əhəwə ụγəksə̄kə̄n alacımī, əhəŋī ūḍawān ūḍallan. Əhəŋən ṇəkə̄ŋiwə əwənkīl wācāl. Əhəŋiwə dılwān gụlīcə̄l.

Əhə вəjəwə wācā вihikin, nuŋan əwənkīlwə ḍəptilə̄timcə̄. Bəjə nuŋandukın əŋəhītmər ōnan təkənin вicə̄. Ṇəkə̄ŋin ələptikŋīi wānətpı, tarīt nuŋan ḍəptilə̄lticə̄ ələptikīwạ.

Aw. Putugir. Ŋəkə̄nnə

16. Hulakī hēŋannun

Nonon вiḍəcə̄tin hulakī koŋnomo, həgdin irgicīdin. Hulakī gırkuḍacān вıra ḍapkalın; gırkuḍana вakaran hēŋanma вiḍərīwə вıra ḍapkadun. Hulakī gụ̄nən hēŋantıkī: „Gukcanmāt gurukamīja!“ — „Kə! gukcanmāt“, hēŋan gụ̄nən: „əhikə̄nə alātməlcəkəl minə. Ərtikī ŋənəməlcəktə ə̄du, alātməlcəkəl minə!“.

Б. Эдян. Урми

15. Медведь, соболь

Однажды с медведем соболь встретился. Соболь во рту внезапно вылетающую (птичку) нес. Медведь, птичку увидевши, соболя спросил: „Как собравшись птичку убил? Я птичек очень боюсь, человека не боюсь“. Соболь говорит: „Я птички не боюсь, она—моя еда. Человека я очень боюсь. Он соболей бьет“. Медведь сказал: „Ты птичек если не боишься, в это место много птичек принеси. Я опять же много людей, убивши, принесу. С соболем медведь расстался.

Соболь будучи ежедневно птичек приносил. Медведя долго ждавши, по следу медведя пошел. Медведя соболева эвенки убили. Медведя голову на (специальный лабаз) положили.

Если бы медведь человека убил, он эвенков едой сделал бы. Человек его сильнее творения основой (при сотворении) был. У соболя внезапно вылетающие птички добыча, поэтому он (соболь) едой сделал птичек.

Ав. Путугир. Нгоконно

16. Лисица с налимом

Вначале лисица была черная, большая с волка. Лисица шла по берегу реки; идя, встретила налима, живущего на берегу реки. Лисица сказала налиму: „Побежим взапуски по плесу“.—„Ну, побежим“, сказал налим: „немножко подожди меня. Сюда (моментально) приду, подожди (немножко) меня!“

Hēŋan hurʉrən. Ŋənərən hēŋan ɖaltikīwɪ, gʉ̄nən: „Hulakī ərihinəkɪn, ɖawuŋnakallu ɖʉləskīn". Hēŋān tʉγ hipkʉrən ɖalduwɪ upkattikī.

Hēŋan, gorokōnmə bikəjim, əmərən hulakīŋɪn biɖərən, gʉ̄llən hulakītkī: „Kə gukcanmat"— „Kə!" gʉ̄nən hulakī. Hēŋan bʉktʉnən, tādu-da billən. Hulakī diŋnilə̄hinən. Gukcahina ʉmʉkənmə gurukawa, hulakī jəkərən „Hēŋan!" — „Hoj! Hoj!" ɖawran hēŋan amaskīn. Hulakī ʉrʉnən, gʉ̄nə: „Hʉktum". Hulakī diŋnilə̄hinən, diŋnilə̄hinən tarjalā, illan, ərihinən „Hēŋan!" Tar gurukadu gʉ̄nən „Hoj!" Hulakī ələtpi diŋnilə̄hinən, diŋnilə̄hinən gurukamīwa, dʉ̄tərən kocowo, əwrən biralā, ərihinən hēŋanma. Tar ŋān tarjalā gurukadu ɖawran. Hēŋan əcə̄ bʉktʉssəmətirə, tādu-da cʉcincəllən. Hulakī diŋnilənən, diŋnilənən ɪgɖargaknan. Ərdələ igɖama ōdan, ɖəltʉmə, mʉdʉrən ōdan.

I. Uwocān. Ṇorbokō

17. Hulakī, kʉkəkī

Hulakīja bakaldira kʉkəkīnʉn. Urinə ʉmʉkəndʉ. Hulakī gʉ̄nən: „Hʉrʉγət, ilələ wānəhinmat, bi əjəkī ɖawrāsinakɪw, hi āhinɪŋnakal". Holokī ɖawrāhinən. Hulakī icərən iləlbə, kʉkəkīwə həriwrən āγrə, ŋurmāhinə, dʉ̄rpʉ biɖərə. „Hi ŋēwuwa pəktirʉlkal, nuŋartɪn ʉləkitpər gʉ̄ldiŋətin „amēja-j!" gʉ̄ldiŋətin „əŋnəkəl! ətəkəl wārəl" hi pəktirʉlkal". Upkatpa təpʉrə. Hulakī cɪmkajɪ pəktirʉɖəcə̄. Kʉkəkī icərən hoŋollon, ŋɪnnun dʉγədun hoŋorən cumɪknanmɪ.

Bira ələkəs doŋotolɖorōkin, kʉkəkī burdaktɪɖirān biradu. Hulakī icətcirən, gʉ̄nən: „Kōkcārrī ēda nihintiɖannɪ?" „Burdahilγāt!" kʉkəkī gʉ̄nən. Hulakī burdaɖena, əjʉrən. Bira doɣidālɪn hʉrʉrən, bakaran ollolwo. Ollol əŋintin ʉhəɖərən. Hulakī gʉ̄nən: „Bi hamān bihim ʉɣiskī turujə ōkallu!" Ōrä. Hulakī tʉktirən, hʉktillən ɖʉlājɪ.

Налим ушел. Пошел налим к родне, сказал: „Когда лисица крикнет, откликайтесь впереди". Таким образом налим предупредил родню свою всю.

Немного погодя, налим пришел к месту лисицы, сказал лисице: „Ну, побежим!"—„Ну", сказала лисица. Налим плюхнулся (в воду), там (и) остался. Лисица побежала. Пробежавши один плес, лисица крикнула: „Налим!" — „Хой! хой!" откликнулся налим позади. Лисица обрадовалась, говоря: „Убегу". Лисица бежала, бежала далеко, остановилась, крикнула: „Налим!" Тот на плесе ответил: „Хой!" Лисица изо всех сил побежала, пробежала плес, пересекла мыс, дошла до реки, покричала налиму. Тот опять там на плесе откликнулся. Налим не плыл, там же остановился. Лисица бежала, бежала до побурения. До сих пор рыже-бурая стала, верткая, хитрая стала.

И. Увочан. Ербогочен

17. Лисица, кукша

Лисичка встретилась с кукшей. Жили вместе. Лисица сказала: „Пойдем людей убивать, я вверх поплыву в лодке, ты спи". Вверх поплыла. Лисица увидала людей, разбудила кукшу. Пристали, отправились скрадывать, две юрты (стоят) есть. „Ты нижнюю стреляй, они нарочно будут говорить: „Отец", будут говорить: „не стреляй"—ты стреляй". Всех убили. Лисица стреляла в срединную жердь[1]. Кукша увидала, заплакала, на вершинке сухого дерева плакала до уменьшения.

– Когда река только что начала замерзать, кукша прыгала по реке. Лисица увидала, сказала: „Зачем лапками щелкаешь?" — „Попрыгаем!" сказала кукша. Лисица, прыгая, утонула. Внутрь реки ушла, встретила рыб. Мать рыб болеет. Лисица сказала: „Я—шаман, постройте вверх столб". Сделали. Лисица убежала домой.

[1] Средняя жердь юрты стоит внутри между входом и костром. К ней привязывают поперечную жердь для подвешивания крюков.

N. Bajakī. Cirəmbu̯

21. Mundʳukātkār

Amīkān əmərən mundʳukātkārtıkī. Mundʳukātkār tu̯ktirä kımkalı, gū̯nə: „Amīkān jajaldʳan", huldʳaldulıwar ukcaksārwə tipcə̄l. Amīkān ḍawarän şēraŋılduktın şamālıldʳän, gū̯nän: „Mundʳukātkār əptilə̄ltin cāŋes! cəŋəs!" Mundʳukātkār gū̯nə: „iŋəkə̄ ēdan? ēşalwı turakal". Tāduk kapurīldulıwar tipcə̄l ēşaldun u̯ŋku̯rə. Amīkān balıran, Mundʳukātkār gu̯nḍərə: „iŋəkə̄ ıdan? inŋiktəkə̄rə ırmaktal! iŋə̄kə̄, lapulwı-γu lapucul!"

Iŋə̄kə̄, gərbicī Kanḍıkā, əmərän mundʳukātkārtıkī, hanŋū̄ktaran: „Amīkān ili şu̯ru̯cə̄n?" — „Ərjəklə̄ şu̯ru̯cə̄n!" Tālā bakaran, ḍawaldırän, gū̯nən mundʳukātkārtıkī: „oştoljo əməpkəllə". Tādu baldapkānän amīkān. Iŋə̄kə̄ mu̯cu̯rän ḍūlāwı. „Iŋə̄kə̄! u̯cu̯ldʳəp, şu̯ru̯ḍəp".

Şu̯ru̯rə mundʳukātkār, iŋəkə̄tin gū̯nän: „Kōkcamalı şu̯ru̯kəldʳu̯, ənəl kukcumalı şu̯ru̯rə". Nuŋartın şu̯ru̯rə kukcumalı. Tālā hu̯jəldikīcitin, ələkəş gū̯nən: „īli şu̯ru̯ḍəp?", gē gū̯nən: „Kōkcamalı". — „Ətə̄p! ḍawaldıp". Ḍawaldırä. „Ir dabdıḍan, kukcumalı şu̯ru̯ḍəp". Nəku̯ndimər dabdıran, ḍū̯krə şu̯ru̯rə kukcumalı. Ŋənərə, ŋənərə, tādu hakuwrä. Mundʳukātkān gū̯nən: „Cijikə̄n binə jū̯ktə!" Gē gū̯nən: „Cındalbukī binə". Cijikə̄n binə jū̯rən. Cındalbukī jū̯rən tu̯gi. Ugaşınən nəku̯nīn nuŋanmän, mu̯gdəkə̄cə̄ndu̯ nə̄rən, ınamuldʳän. ēkşamradu nə̄rän, ŋān ınamuldʳän, tākındu nə̄rän, ŋān ınamuldʳän. Ŋān ēkşamradu nə̄rän, əmə̄nən əşilə̄. Ŋənərən ərəkīltikī. Ərəkīldu̯ işinən. Ərəkītkī gū̯nən: „ŋaḍumālıγā(t)!" Mundʳukātkān şələməwə aγawa gadan, ərəkī alıcā: „Ajawa aγawa!" Ərəkī gū̯nən: „Uramakān aγaw, kıŋeş ōkal!" Kiŋeş ōran, ərəkītkī gū̯nən: „Ŋaḍumalıgā(t)!" Mundʳukān şu̯ru̯rən. Tālā ışşan, əkīnīn əmə̄ḍənən əkşə̄rīdu̯ mirə̄cā. Tādu ororwı kaŋalburä nəlgə şaŋārdulı. Əkinin gū̯nən: „Kaŋalbulkal!" Kaŋal-

---

Н. Баяки. Чиромбу

21. Зайцы (сестры)

Медведь пришел к зайцам. Зайцы влезли по средней жерди (юрты), говоря: „Медведь стал шаманить". Под одеяла сунули гнилушки. Медведь схватил за жердь, стал шаманить, сказал: „Легкие зайцев, чанес! чёнёс!" Зайцы сказали: „Бабушка что делает? глаза открой". Потом ноговицы открыли, в глаза насыпали (песок)[1]. Медведь ослеп. Зайцы говорят: „Бабушка что делает? Черемуха[2] поспела! Бабушка, уши мохнатые" (дразнят).

Бабушка, по имени Кандика, пришла к зайцам, спросила: „Медведь куда ушел?" — „Сюда ушел!" Там нашла, схватилась (с медведем), сказала зайцам: „Стол принесите". Там (на этом) заставила скатиться (спустила) медведя. Бабушка вернулась домой. „Бабушка, соскучились (мы), уйдем!"

Ушли зайцы, бабушка сказала: „Идите по копытообразной, не идя по кулеобразной (дороге)[3]". Они пошли по кулеобразной (дороге). Там на месте разветвления первый сказал: „Где идем?" Другой сказал: „По копытообразной". — „Стой! поборемся!" Схватились. „Кто победит, по кулеобразной пойдем". Младший победил, пошли вместе по кулеобразной. Шли, шли, там закрылась со всех сторон (дорога). Заяц сказал: „Хвоинкой будучи, выскочу-ка". Второй сказал: „Шишкой будучи". Сделавшийся хвоинкой проскочил. Шишкой (сделавшийся)[4] выскочил тоже. Потащил младший его, на пенек положил, заплакал. На скалу положил, опять заплакал, на колоду положил, опять заплакал. Опять на скалу положил, оставил тогда. Пошел к лягушке. У лягушки жил. Лягушке сказал: „Погощу у родни". Заяц железный игольник взял, лягушке похвастался: „Хороший, красивый". Лягушка сказала: „Стальной игольник, звон сделай". Позвонил, лягушке сказал: „Погостим". Заяц ушел. Дошел до того места, старшая сестра (заяц), оставленная, вышла замуж за бога. Там олени побрякивают через дыры коряжины. Старшая сестра сказала: „Позвони". Позвонило

---

[1] У зайцев был набран в чулки и ноговицы песок.

[2] Глаза медведя называют иносказательно черемуха, уши—мохнатки, сердце—железное и т. д.

[3] Кулеобразная дорога приводит в тупик.

[4] Заяц, превратившийся в шишку, сделал попытку проскочить в щель, но застрял. Другой заяц потянул его и оторвал голову.

burān tuksinməwən. Əmərə oror. Oror tuŋmə həgdimər. Mundʳukātkān ororwo həgdilwə əkīnduk şuruwrən ḍūlāwı. Işşan ḍūwı. Ərəkī əməpcən kumıkārwə. Oror şuruwrə kōkcarduwar kumıkārwə. Ərəkītkī gūnən mundʳukān, tuksaḍana ḍūwı: „Hiyin əməḍərən!" Hiyin dəgiwuşnan ḍūwān ərəkīn. Ərəkī āmutkānduli hurrən.

Ş. Kımā. Cirəmbu

22. Mundʳukār, jantakī

Jantakī ḍəwrān mundʳukar əŋīnmətin, taduk ḍūlātın əmərān. Mundʳukār āşınmurā ukcakşārwə huldʳalduwar, untalduwar tukalawa təwrə, ikāptinduliwər tuktirā Jantakı əmərān, həkimnəldʳən, gunḍänə: „Mundʳukātkār əptilāltin conuş! tepuş! conuş! tepuş!" Mundʳukār gūnä: „Amākā ēḍandʳı?" Icəşnən jantakī uyişkī, mundrukātkār tukalawa uŋkurə jantakī ēşaldun, tāduk mişārə. Atırīkān ḍūlān ŋənərā. Atırīkān ḍūduwı ācın, bəjucā. Atırīkān imukşəŋilwān ḍəwrā, ḍikildʳə kalandun. Atırīkān əmərən dolboltono, togowı ılaldʳān. Nuŋanduhın bicātin hawālişal əlātin itigālin. „Iwəldʳəl əməkəldʳə, togo ḍəgdəkəl!" Iwəldʳəl mənākār əmərə, togo mənəkān, ḍəgdəwrən. „Haga mūltunākəl". Haga mūltulirən: „Kalan əməkəl!" Kalan əŋnərən əmərə „Kıŋ!" ōḍan ələ. Atırīkān tukuldʳan, şolıwūnmı gādan, iktərən kalanma. Mundʳukātkār injəktəldʳə, kalanduk jūrə. Atırīkān gūldʳān: „Nīkā! ēwa-ka ḍikılkātcuş? Mindu ucunigdə umukōndu! Nıkā, mindu işkəldʳə!" Işnə. Nuŋan bəjuşipki amīkārwa, əŋəŋəptundwi əməwuwki amīkānma. Mundʳukār həgdimukār ōda, gūnä: „Bu uculdʳəw, bu-wə-li bəjuşnəw, gıdawı būkəl mundu". Hanŋūktara atırīkāntukī, on ərinərən. „Ŋāməndʳəjə əli! əli!"

Mundʳukātkār hoktorönmo işşa, təgənəkār ərildʳə ŋāməndʳəjəwə. Ŋāməndʳəjə əmərən, nuŋartın icərə, jəŋaw mişārə, gıdawān əmənə. Inəkālə mucurə gūnä: „Ŋələ-

---

за облаками. Пришли олени. Олени очень большие. Заяц больших оленей от старшей сестры увел домой. Дошел до дому. Лягушка принесла насекомых. Олени унесли на своих копытах насекомых. Лягушке-заяц сказал, убегая домой: „Ветер идет". Буря снесла дом лягушки. Лягушка нырнула в озеро.

Ш. Кима. Чиромбу

22. Зайцы, россомаха

Россомаха съела мать зайцев, потом в их дом пришла. Зайцы положили спать под одеяло гнилое дерево, в унты набили земли, по жерди юрты влезли. Россомаха пришла стала топтаться, говоря: „Легкие зайцев (съем) чонгуш! топуш! чонгуш! топуш!" Зайцы сказали: „Дедушка, что делаешь?" Посмотрела россомаха вверх, зайцы высыпали в глаза россомахи землю, потом исчезли. К старухе домой пошли. Старухи нет дома, ушла промышлять. Сало старухи съели, спрятались в котле. Старуха пришла вечером, огонь начала разжигать. У нее были работниками все вещи. „Дрова, придите! огонь, зажгись!" Дрова сами пришли, огонь сам зажегся. „Чуман, приди, наполнись водою". Чуман наполнился водою. „Котел, приди!" Котел не мог притти. „Кинг!" только (и) сделал. Старуха рассердилась, взяла палку (для закрывания двери), ударила котел. Зайцы засмеялись, из котла вылезли. Старуха сказала: „Малыши! для чего же спрятались? Мне одной скучно! Малыши, у меня живите!" Жили. Она промышляла медведей, за поясом притаскивала медведя. Зайцы подросли, сказали: „Мы соскучились, попробуем-ка мы промышлять, копье дай нам". Спросили у старухи, как кричит (она). „Медведь сюда! сюда!"

Зайцы пошли по тропинке; севши, начали кричать медведя. Медведь пришел, они увидали, с испугу убежали, оставя копье. К бабушке вернулись, говоря: „Страш-

mụpcəkəkụn! gıdawas əmənə!“ Iṇəkə gụ̄nän: „Bi ṣụnə gụcəw ŋələmụpcə cıpkān!“ iṇəkə gəlnərən.

Ṇān mundʳukār ijəcildʳə gırkuḍıdāwər, gụ̄nä: „ụcụldʳəw“. Ṇụŋnərən atırīkān: „Ələ ṣụrụkəldʳə, tālā ōḍan kōkcama, kukcama“.

Ṣụrụrə mundʳukār, tālā ıṣṣa ūḍa ḍụ̄nməmən. Əkindi omgorən: „iṇəkə gụ̄cən kukcumalı ṣụrụḍạt“. — „Əṣin, iṇəkə gụ̄cạ̄n, kokcamalı ṣụrụḍạt“. Əkindi gụ̄nän: „Ŋōrcagāt, īduk dabdıḍap, ṣi dabdırakıṣ, ṣụrụḍəp kōkcamalı, bi — kukcumalı“. Ŋōrcaldʳa, ṣagdamar dabdırän. Ṣụrụrä kukcumalı, ŋənərə gụləkəntikī, gụləkən hakura nuŋarwatın haktıragdıdu. „Hirụldʳəp!“ Nəkụ̄ndi gụ̄nən: „ıŋaktadin, cijədin!“ Əkīndi gụ̄ldʳän: „Cındālbədıkān ōkta!“ Gē cijədin ōran, jụ̄rən gụlạ ṣajalıu. Ṣagdak cındālbukī ōdan, dılırıktawı jụ̄rən, mirəldụkpi tagawrän. Nəkụ̄nmi tāncıldʳạn dılwān, dılwān pəstirgạrän, nuŋanman uγaṣnan. Dạrụmī, əmənən tākəndu dılwān. Amaṣkī ətəṣnən, əkīnīn ṣoŋolcō. Ṇān gādan əkīnmi dılwān, caskī ṣụrụrän, hōkṣamradu lokurän. Amaṣkī ətəṣnən, əkīnīn iṇjəktəlcə, əmənən tādu. Əkinin gụ̄nän: „Nəkə, ṣukṣalbı lukulıldʳāktın, ənə bəlgənəldʳə ēkurdu-wal ḍawunan“. Nəkə ṣụrụrän ṣukṣan lukurgaran, bəlgənəṣnən: „Əkindụwi-wāl ṣoŋojo ōdakıw, ēkunḍī ṣukṣalbı lukuja ōdan?“ Ərəkī ḍawrän. Ŋənərən ərəkītkī, iṣnən ərəkīnụn. Ərəkī ŋācıktəldʳän, ṇaḍumıḍedāwər „Mundʳukān ṇaḍumıḍaγāt“. — „Minṇi ṇaḍulwı ācir!“ Ərəkī ṣụrụrän dolboltōno əməwrən ororowı — kumıkārwə. Mundʳukātkān ṣụrụrän əkintikīwi. Əkinīn ədīlīcạ̄ agdıwa. Hụrilin bişi nuŋanŋācınīn dıldʳagdal. Əkinin gụ̄nən: „Alatkal, awuspı ụnə əməḍän!“ Əmərən dolboltōno awuṣın. Əməmī ụdişikələn ōran, ororon anıran. Nuŋan ərəkītkī əməwrən. Ədıldʳən, ərəkī ḍūwı tukṣaldʳən, ədın ṣuruwrän ḍūwān. Ororwōn ərəkī mundʳukān ororın kōkcarwar ṣajaldutın ṣụrụwrə. Ərəkī albaran tukṣacəḍəmī, gụ̄nən: „Ṣi-mət mōmat bəkụj həgidun!“ Ərəkī bəjətpi hụrrən mụ̄li. Tikindụlə ərəkī mụ̄dụ inḍərən, mōdu ərəkī papandukın mō halaktan ōcān.

ный, копье оставили!“ Бабушка сказала: „Я вам говорила, (что) страшный зверь!“ Бабушка принесла.

Опять зайцы (сестры) стали проситься побродить, говоря: „Соскучились“. Указала (дорогу) старуха: „Здесь идите, там будет копытообразная (и) кулеобразная“.

Ушли зайцы, до того (места) раздвоения дороги дошли. Старшая забыла: „Бабушка говорила, чтобы шли по кулеобразной“. — „Нет, бабушка говорила, чтобы шли по копытообразной“. Старшая сказала: „Поборемся, как победим: если ты победишь, пойдем по копытообразной, если я—по кулеобразной. Стали бороться, старшая победила. Пошли по кулеобразной, дошли до избушки, избушка окружила их в темноте. „Давай заговорим!“ Младшая сказала: „Шерстинкой, хвоинкой (стану)“. Старшая сказала: „Шишкой стану“. Вторая хвоинкой стала, выскочила в щель избы. Старшая шишкой стала, только голова прошла, плечами застряла. Младшая стала тащить голову, голову оторвала, ее потащила. Уставши, оставила голову на колоде. Оглянулась обратно, старшая плачет. Опять взяла голову старшей, дальше пошла, на разломанное молнией дерево повесила. Обратно оглянулась, старшая начала смеяться, там (и) оставила. Старшая сказала: „Малыш, когда вязки (на унтах) развяжутся, не ругайся, где-нибудь откликнется“. Меньшая пошла, вязка развязалась, ругнулась: „У старшей какой, плаксой стану когда, с чего (это) вязки развязались“. Лягушка откликнулась. Пошла к лягушке, стала жить с лягушкой. Лягушка предложила погостить у родни. „Заяц, погостим“. — „У меня нет родни“. Лягушка ушла, вечером привела оленей — насекомых. Заяц пошел к старшей. Старшая (заяц-сестра) вышла замуж за гром. Дети ее такие же как она — только головы. Старшая сказала: „Подожди, зять рано придет“. Вечером пришел зять. Придя, поясное украшение сделал, оленей подарил. Она (младшая сестра-заяц) привела к лягушке. Ветер начался, лягушка дом тисками покрыла, ветер унес дом ее. Оленей лягушки, заячьи олени в щелях копытных унесли. Лягушка не могла убежать, сказала: „Хоть бы тебе деревянный Penis“. Лягушка сама (телом своим) нырнула в воду. До сих пор лягушка в воде живет, на дереве из Penis'а лягушки теперь трещина (откуда течет смола) стала.

M. Jolıgır. Turu

23. Mundukān

Ətirkə̄n вu̯şşəḍərən. Mundukān tarā nımŋaldan. Mundukān gū̯nən: „Iləlвə gəlnə̄ktə, ḍarıtcaŋātın". Ətirkə̄n tādu gū̯nən: „Atırkākun! mundukānmə ḍəwu̯ldiŋə̄t! Bi nuŋanmān hamānıktạ. Əkəl u̯lgu̯cə̄nə ewa-da, u̯rkəjə ajamamat hōmkal, вi вu̯şşəliktə, mindu̯ əldənmə tutāncəməwə əməpkəl". Nımŋaldan. Mundukān gū̯nən: „Tu̯ksəŋilḍi horontılda". Mundukānmə ətirkə̄n duktaldan. Duktaldākın, atırkānīn tigicildən. Ətirkə̄nīn əldənḍīji ələ iktərən, koŋnomo henın mundukān ōdan. Tāduk atırkānīn iktətpi wārən u̯mu̯kə̄nmə. Tarıŋın iktəlin həgdikə̄ku̯n ōdan mundukaŋın u̯rə̄nə.

Mundukān hēnın koŋnomo ōdan ər вihilə̄t. Mundukān tu̯ksu̯du̯ əwki gırkıra ōdan, du̯ndədu̯ təγətnə ōdan upkatpa tırganīwa. Tu̯ksəcīdu tırganīdu tugı təγətnə ōdan. Tırganīdu tu̯kşəjə ācındu nuŋan hēktalwa ḍəwuldən.

D. Woul. Aŋarā

24. Atırkān tukşakīnun

Umnạkạ̄n вiḍạcạ̄tin atırkācān, ətirkə̄cə̄n. Ḍəmu̯ḍəcātin nuŋartın. Ətirkə̄cə̄n gū̯nən: „ḍəmu̯likşəl, atırkān, tukşakīl şamānạtın şamālākạl. Bi вu̯gləlikşạn ōḍalım?" Atırkān şu̯ru̯rān. Ŋənəḍäwki. Ŋənərān, ŋənərān, вakaran tukşakīl şamānmətın. Gū̯nān tukşakīl şamāntıkītın atırkācān: „şamālārāndı! Minŋi ətirkạ̄nmi вu̯gləlcạ̄". Tukşakī gū̯nən: „ərdạt şu̯ru̯ḍäŋə̄w!" Tar atırkācān ŋənəştən ḍūlāwı, tukşakī tar şu̯ru̯rān. Atırkācān ıstan aranmı. Tar ətirkạ̄nmi āşınmurạn, tāduk u̯iktəlвə ətirkạ̄nmi oŋoktolın təwdạn. Tāduk atırkān ətirkạ̄ndu̯wi вū̯rən mōwa, aranmı ḍə̄kə̄rən şaŋāşəlвə, ədə̄tın tuksakīl u̯ktildə. Şu̯ru̯rān tukşakī şaman, amardun вodoşto əşil şamār вişi, kətə tukşakīl. Əmərə

М. Йолигир. Туру

23. Заяц

Старик хворает. Заяц на него шаманит. Заяц сказал: „Пойду приведу людей (зайцев), подпевать будут". Старик тогда сказал: „Старушка, зайца съедим! я его зашаманю (обману). Не рассказывай ничего, дверь хорошенько прикрой, я захвораю, принеси мне железный меч". Стал шаманить. Заяц сказал: „Облаками покрывается". Зайца старик ударил. Когда ударял, старуха стала караулить. Старик ударил только железом, почернело ухо зайца. Потом старуха зубом одного убила. Зубы того (зайца) большими стали подобно заячьим (современным).

Заячье ухо почернело до настоящего времени. Заяц не смог по облаку ходить, весь день стал сидеть (жить) на земле. В облачный день—также сидит (живет) на земле. В безоблачный день он стал есть талинки.

Д. Воуль. Верхн. Ангара (С. Байк. район)

24. Старуха с зайцем

Однажды жили старик (и) старуха. Захотели есть они. Старичок сказал. „Голодные (мы), старуха, заячьего шамана позови шаманить, я болящим сделаюсь": Старуха ушла. Идет. Шла, шла, нашла заячьего шамана. Сказала старушка заячьему шаману: „Пошаманишь! Мой старик заболел". Заяц сказал: „Вот погодя пойду!„ Та старуха дошла до дому, заяц тот ушел. Дошла старуха до юрты. Того старика уложила спать, потом воткнула ягоды в нос старика. Потом старуха дала старику палку, в юрте дыры заткнула, чтобы зайцы не могли убежать. Пошел заяц-шаман, за ним вслед не шаманы, много зайцев. Пришли

tukşakīl, təγərə aranmə muγəli. Nimŋəldən tukşakī: „Puŋ! puŋ! puŋ!“ Ətirkən вutilвən duptən muǰəkşitmī. Ətirkən ilḍakāttan, gadan mōwa tar nimŋātcarīlвa tukşakīlвa tijəwunḍiwī təpuldən. Tukşakīlвə təpurən, təpurən, kətəwə wārən tukşakīlвə. Tukşakīl şamānmətun təputtən şērdulın, urārən. Tukşakīl şamāntın jurən şōnalı. Ətirkən, atırkān inistə iləlgācin.

Ş. Kımā. Cirəmвu

25. Amīkān kolēmtēnun

Amīkān kolēmtēnun muşcāmətsə. Amīkān gunān: „şi minŋidu inəninduw aşumātcə ətəndʳi inə“. — „inḍəm! Şi tugī ətəndʳə inəninduw inə!“ Həŋkātmāttʳə, həŋkātmāttʳə, kolēmtē jurən mūduk dundʳaldə. Dundʳaḍu həkulāşnən. Əвəj hururən mūli, təli əməlcō amaşkī, tāduk ŋān hurrən mūli, ŋān əməlcə, lopurorən amaşkī. Iliwrān hurrān mūli, aşumātcə əşin məŋicərə. Kolēmtētkī əŋkəcildʳən: „Bi ətəm şinŋidu dundʳaḍuş inə“. Kolēmtē umuntikī ukəlāldʳən. Əвəj tikuldʳan kolēmtē həkimnāşnən mūlə. Ərduk kolēmtē kapcakta ōdan.

S. Bukocār. Tuŋir

26. Atırkān, amikān

Umukən atırkān вicą omolgīcī. Nuŋartın ororun ācın вicąn, umukən munn вicąn. Вılgatın manawrān, omolgı hururān, вəjurān. Hurudānā, gunān əŋindwi: „Bi timī əməḍiŋāw“. Əŋinin anŋattān umukən dolвontwa, əməḍiŋādun inəŋidun alātcina. Alāttān, alāttān omolgī əcə əmərā tar inəŋidu. Atırkān garan sukəwi gəlāktəγinən omolgīduwı. Ŋənərān, ŋənərān uḍawān вakaran omolgīŋīwı. Uḍaγinən omolgī uḍa-

---

зайцы, сели вокруг костра. Зашаманил заяц: „Пунг! Пунг! Пунг!“ Старика болезнь не мог до конца (вылечить). Старик встал, взял палку, стал бить тех шаманящих (подпевающих) зайцев. Зайцев бил, бил, много набил зайцев. Шамана заячьего ударил по (около) ушам, мимо пəпал. Заячий шаман выскочил в дымовое отверстие. Старик (и) старуха стали жить, как люди.

Ш. Кима. Чиромбу

25. Медведь с карасем

Медведь с карасем заспорили. Медведь сказал: „Ты на моей земле совсем не сможешь жить“.—„Проживу, ты тоже не сможешь на моей земле жить!“ Спорили, спорили, карась выскочил из воды на землю. На земле лег. Медведь нырнул в воду, тотчас выскочил обратно, потом опять нырнул в воду, опять выскочил, вылетел обратно. В третий раз нырнул в воду, нисколько не выдержал. Карасю сказал: „Я не могу на твоей земле жить“. Карась на одном месте лежал. Медведь рассердился, притопнул карася (столкнул) в воду. С этих пор карась плоским стал.

С. Букочар. Тунгир

26. Старуха, медведь

Одна старуха жила с сыном. У них не было оленей, один конь был. Еда кончилась, парень ушел, промышлять пошел. Уходя, сказал матери: „Я завтра приду“. Мать ночевала одну ночь, поджидая день прихода. Ждала, ждала парень не пришел в тот день. Старуха взяла топор, пошла искать парня. Шла, шла след парня нашла. Пошла по следу парня.

wān. Ūḍalın ụrəkə̄cạ̄nmə tụktiγinən. Urədụk icəcillän ərgiskạ̄kī, araj icärän ụrə ərədụn ụklạ̄ḍirän kulın ılan dılıcī. Atırkān araj mə̄därän „Muka omolgīwə ḍəptän ər kulın“.

Atırkan mụcụrän ḍūlāwı, gārạn porōkwa, təwrän porukıŋı hụtəkə̄cạ̄ndụ, ərkərän ulawə ụtəkə̄cạ̄n amŋadun. Mụcụγinạn amaṣkākī ūḍalıwı, əmərän ụrəlạ̄wi, nullan gäŋdıt ulawı; nōdarän kulındulā. Kulın icəḍəkän, laŋgalırän ụtəkə̄cạ̄nmān, nımŋərän. Atırkān olgımāllạn ụrədụ, alācıllän ōkın-ka tilkəḍän hụtəkə̄cạ̄nīn. Olgımādalān, ụtəkə̄cạ̄nīn kulın ụrin dōndun dilkərän. Dilkərə̄kin, atırkān tuksaran kulındulā, icärän omolgīwı kulın ụrdụn. Omolgīwı gıramkıṇa tādu-dāt ōran, dụnnədụ īmārän. Īmāksək, atırkān ḍūlāwı ŋənəḍəγinən, ḍūdun bılgan ācın bicạ̄n. Ələ̄ nuŋurnī ōran, atırkān togojowı ılarän tụlilạ̄. Əhilə̄ āγınən togoduwı. Dolbo atırkān mēlıllan. Togotkīwı tcärän, togon bargıdädun nụlgimạ̄ḍirän amīkān, ŋāləwı icəwkạ̄tcänạ. Atırkān daγamadāwı nuŋandulān ŋə̄ləḍəwki. Atırkān ajamamat icəcəliksək, icərän ŋālạdun sụptilə̄wạ̄. Atırkān tə̄li dagamaran amīkāndulā. Ələ̄ cuktuḍirän ŋāləduкın sụptiləwə̄. Amīkān mụcụγinän, atırkān ŋə̄ləḍiwkạ̄ ādāwı. Təγəksək, təγəksək, atırkān āγınän. Təγəltə̄nə atırkān, mēlıksak, icärän toγon bargıdadun hụklạ̄ḍirä bəjụr. Amīkān cuktalınalın bụ̄cạ̄. Atırkān, tarıt ụlləŋtə̄ḍənə, bıllän.

S. Bukocār. Tụŋir

27. Əwənkī kulınnun

Ụmụkə̄n əwənkī, bəjụḍänạ, döldırän təpkə̄nmə. Tar təpkə̄ndụlạ̄ tuksaran, icərän ılandılıcī kulın amīkännun kụhiḍərä. Amīkān, əwənkīwə icəksək, təpkə̄llän: „Mindụ bələtkəl! bələtnəlis bi sindụ bəjụrə əmụwḍiŋạ̄w, ḍawaksak“. Kulın təpkə̄nḍəwki: „Bi sinələ̄ mụ̄lạ̄ ŋənəwḍiŋạ̄w, icəwkạ̄nḍiŋạ̄w ələnījạ“. Əwənkī ḍalduwı gụ̄γincạ̄rän, gụ̄γincārän: „Bələciktə kulınma, mụ̄dụ ənəwi icərä, icəḍiŋạ̄w“. ḍalduwı gụ̄γincạ̄rän, pəktirạ̄wụnmi gārạn, otdārän amīkānmạ. Kulın gụ̄nän: „ūkkal mindụ səgdənnələ̄, bi sinəwə əməwḍiŋạ̄w mụ̄lạ̄, icəwkạ̄nḍiŋạ̄w ələnījạ“. Əwənkī ūγran səgdənnələ̄, kulın

---

След на горку поднялся. С горы посмотрела вниз, увидала, (что) у подошвы горы лежит трехголовая змея. Старуха сразу догадалась (почувствовала): „Кажется, парня съела эта змея“.

Старуха вернулась домой, взяла порох, набила порох в мешочек, привязала трут у связки мешочка. Вернулась обратно по следу, пришла к горе, зажгла огнивом трут, бросила к змее. Змея, увидев, схватила мешочек, проглотила. Старуха остановилась на горе, ждала, когда взорвется мешочек. До ожидания, мешок взорвался в брюхе змеи. Когда взорвался, старуха побежала к змее, увидела парня в брюхе змеи. Вытащила оттуда кости парня, закопала в землю. Схоронивши, старуха пошла домой. Дома еды не было. Тогда вечер настал, старуха разожгла снаружи огонь. Легла у огня спать. Ночью старуха проснулась. На огонь посмотрела, за огнем подходит медведь, руку (лапу) свою показывая. Старуха боится приблизиться к нему. Старуха, приглядевшись хорошенько, увидела в руке занозу. Тогда старуха приблизилась к медведю. Тогда вытащила из руки занозу. Медведь вернулся, чтобы старуха побоялась спать. Сидевши, сидевши, старуха заснула. На утро старуха, проснувшись, увидела—за костром звери лежат. Медведь дал за вытаскивание. Старуха стала жить тем мясом.

С. Букочар. Тунгир

27. Эвенки со змеей

Один эвенки, промышляя, услышал шум. На тот шум побежал, увидел трехголовая змея с медведем дерутся. Медведь, увидя эвенки, крикнул: „Мне помоги! за помощь я тебе зверей принесу поймавши“. Змея кричит: „Я тебя через воду перенесу, покажу всякое“. Эвенки в уме рассуждал, рассуждал: „Помогу змее, „не видя в воде, увижу“. В уме рассудил, взял ружье, выстрелил в медведя. Змея сказала: „Садись верхом мне на спину, я тебя унесу в воду, покажу всякое“. Эвенки сел верхом на спину, змея

dəγiwrän əwənkīwə mụ̄lạ̄. Mụ̄ dōndun kulınŋı ḍūn. Kulın, ḍūlāwı ŋənəwụksə̄k, əwənkīwə вụ̄rän вələtnəlin damgarukka. Əwənkī gäksäk, ŋənəhinən ḍūtkākīwı. Ŋənəḍänạ̄, ēruk̇tallän damgarukkı. Ṇiptän, ṇiptän, damgarukīn əwki ṇiwrä.

Əwənkī, tıkulıksāk, nōddarän damgarukın mụgdəkə̄cạ̄ndulạ̄. Damgarukın, nāksäk mụgdəkə̄cạ̄nmạ, ṇiwrän. Ōran ostol ələni вılga, arakı ələni. Əwənkī, arakī umıksāk, damgarukkı gārạn sạmnạn. Əwənkī sāllạn; ḍəpmụnmi, əwənkī nōddawkı mụgdəkə̄cạ̄ndụlā. Tarīŋın ostol ōwki, arakı, вilga ələni. Əwənkī, sạmiksā, nān damgarukkı karmanduwı nạ̄wki.

Ḍūlāwı əməksə̄k, ụlgụcə̄niwki on вəlitcạwki. Gorokōn вiksə̄k, əwənkī lucamārän lucaldulā. Əmərän ụmụkə̄n ḍūlā, lucadu icəwkạ̄cillạn damgarukın. Luca mədə̄rän damgarukka, tıtārän, əwənkīwə ərạ̄stə. Əwənkī ŋənəḍəγinən ḍūlāwı. Ŋənəḍənạ, icərän ḍiktəlвə ḍụ̄r ḍiktəmkụrвə. Ụmụkə̄n ḍiktəmkụrdụ huların ḍiktə, gēdu koŋnorın ḍiktə. Əwənkī hularınma ḍiktạwä garan, ḍəpillən. Dıldun əwənkīdụ вaldıra ijəl. Baldıkūtta, ōn-kat əwki dəgdə̄rä dılwı. Ŋənəγindạ̄wi nəkəwki — tıkıwkı. Koŋnorın ḍiktəmkụrạ mirkiγinən, gārạn, koŋnorınma ḍiktəwə, ḍəptän, araj ijəlin вụrụrä. Əwənkī mə̄dərän, garan koŋnorın ḍiktəwə, hularınma. Hularırвa ḍiktəlвə təwlə̄ksə̄k, hụrụrạn lucaldulā. Əmərän tar ḍūlā talaḍarīklātın damgarukka, təpkə̄llən: „ēkun ḍiktəjə gāḍıŋān“. Luca talaḍarī damgarukka, dōldırän, ụŋnän omolgīcānmạ „ganākạl ụmụkə̄nə ḍiktəjə“. Omolgīcān gāran ụmụkə̄n ḍiktəwə hularīnma, hụrụwrän lucalā. ḍiktəwə hụrụwḍəkạ̄nän lucalā, əwənkī nōdarän ḍiktəŋilвi, tuksaγınan ḍūtkākīwı.

Gorokōkun вiksə̄k, lucaldulā ŋənəγinən əwənkī. Əmərän lucaŋlāwi, lucaŋdun ijəl вaldıcā. Luca hanŋuktallan əwənkīwạ: „Ajīttāwı sānnı?“ Əwənkī gụ̄nän: „sām! minŋi ḍūlāw hụrụgə̄t, tādu ajītcaŋāt“. Lucawa murırḍi hụrụwrạ ḍūlān.

Əwənkī gụ̄llän ḍūduwı: „minŋiwə damgarukka вụ̄ḍiŋạ̄s, tạ̄li ajḍıŋās“. — „Bụ̄ḍiŋạ̄w! ajīwkal-nun minəwə“. Luca gōrвacınīn gənnə̄rän damgarukka. Damgarukka mụrəktun əwənkī nımŋäγınən. Nımŋānəksə̄k, koŋnorın ḍiktəwə вụ̄rän lucadu, ḍəвdə̄n. Luca ḍəptän koŋnorın ḍiktəwə, araj ijəlīn вụrụrä. Luca hụrụrän, əwənkī damgarukkınun вiḍällän.

унесла эвенки в воду. Внутри воды дом змеи. Змея, придя домой, дала эвенки за помощь табакерку. Эвенки, взявши, пошел домой. Идя, посмотрел на табакерку. Открывал, открывал, табакерка не открылась.

Эвенки, рассердившись, бросил табакерку о пенек. Табакерка, ударившись о пенек, открылась. Появился стол, полон еды, всякой водки. Эвенки, попивши водки, табакерку взял, закрыл. Эвенки узнал, захотевши есть, эвенки бросал к пеньку. От этого появлялся стол, водка, еда всякая. Эвенки, закрывши, клал опять табакерку в карман.

Придя домой, рассказал (о том), как помогал. Долго ли прошло, эвенки пошел в гости к русским. Пришел в один дом, показал русскому табакерку. Русский рассмотрел табакерку, отнял, выгнавши эвенки. Эвенки пошел домой. Идя, увидал ягоды, два куста. На одном кусте красная ягода, на другом черная ягода. Эвенки красную ягоду взял, съел. На голове у эвенки выросли рога. Сильно растут, никак нельзя поднять головы. Итти хочет — падает. К черной ягоде приполз, взял черную ягоду, съел, сразу рога отпали. Эвенки узнал, взял черную (и) красную (ягоду). Красные ягоды собравши, пошел к русским. Пришел в дом, (где) отобрали табакерку, закричал: „Кто ягоду возьмет?“ Русский, отнявший табакерку, услышал, послал парнишку: „Купи одну ягоду“. Парнишка взял одну красную ягоду, принес русскому. Снеся ягоду русскому, эвенки бросил ягоды свои, убежал домой.

Сколько-то прошло, к русскому отправился эвенки. Пришел к русскому, у русского рога выросли. Русский спросил эвенки: „Вылечить умеешь?“ Эвенки сказал: „Умею! пойдем в мой дом, там вылечу“. Русского на лошадях привезли в дом его.

Эвенки дома сказал: „Дашь мою табакерку, тогда вылечу“.—„Дам! вылечи меня“. Работник русского принес табакерку. Над табакеркой эвенки зашаманил. Пошаманив, дал черную ягоду русскому, чтобы съел. Русский съел черную ягоду, рога сразу отпали. Русский ушел, эвенки стал жить с табакеркой.

В. Əḍən. Urmī

28. Torokī mụkụ

Ụmnəkən mụkụ torokīṇun вakaldıran. Torokī surkan вicə kıraḳūcən, mụkụnin surkan вicə həgdiŋəmijə. Torokī mụkụtkī gūnən: „Sindụ həgdiŋə surka ēkun ḍarın? Mindu həgdiŋə surka вimī — aja. Bī mol təkərwətin ūləcim, tadukkar вəjələ, nınala minədəw. Sindụ kıra surka ləwụktəwə tānạrīdus — aja". Mụkụ gūnən: „Gə! tar вihikin, ḍūgətkət". Torokīṇun mụkụ surkalвar ḍụgəcildirə.

В. Əḍən. Urmi

29. Ṇəkə, solıgā

Ụmnəkən ṇəkə solıgawa вakaldıca. Ṇəkəŋin ıṇṇaktan sōma uhā вicə. Solıga ıṇṇaktan sō aja вicə. Ṇəkəŋin solıgatkī gụncə: „Mit iṇṇaktawar, ḍūgətkət". Solıgaŋın gụncə. „Bī ətəm ḍụgəttə". Ṇəkəŋin gụncə: „Sī əhikis ḍụgəttə, nirilə ṇorcanāgāt. — Sī minəwə garandārạkıs, вī iṇṇaktaw sıŋarın ōḍıŋān".

Ṇəkəṇun solıga ŋənərə ṇōrcanāmī. Ṇōrcaḍanal, ṇəkəŋin solıgawa mūlə garandārān. Solıga ıṇṇaktan siŋarin ōdan. Oŋoktokōndun solıgadu ajargu ıṇṇaktan əmənmurən. Ṇəkə iṇṇaktan sōma aja ōdan. Ṇəkə solıgaŋı ıṇṇaktawān tītərən.

МИФЫ

М. Jolıgır. Turu

30. Ōlı

Nonon ılan dụndəl вiŋkitin. Ụgilə вiŋkin howokī, hərgilə вiŋkin akīnīn — hatana. Dulgudu dụndədụ howokī hawalcān, hatana tụgī hawalcān.

Б. Эдян. Урми

28. Кабан, кабарга

Однажды кабарга с кабаном встретилась. Кабана клык маленький был, кабарги клык большущий был. Кабан кабарге сказал: „Тебе большой клык для чего? У меня большой клык был бы—хорошо. Я деревьев основания рою, потом людей, собак режу. Тебе маленький клык мха (для) объеданию — хорошо". Кабарга сказала: „Ну! так если есть, обменяемся!" С кабаном кабарга клыками обменялась.

Б. Эдян. Урми

29. Соболь, хорек

Однажды соболь с хорьком встретился. Соболя шерсть очень плохая была. Хорька шерсть очень хорошая была. Соболь хорьку сказал: „Мы шерстью обменяемся". Хорек сказал: „Я не стану меняться". Соболь сказал: „Ты не станешь меняться, к ручейку (минеральному) пойдем бороться. Ты меня если поборешь, моя шерсть желтой станет".

С соболем хорек пошли бороться. Борясь, соболь хорька в воду бросил. Хорька шерсть желтой стала. На носике у хорька хорошая (старая) шерсть осталась. Соболя шерсть очень хорошая стала. Соболь хорька шерсть отобрал.

М. Йолигир. Туру

30. Ворон

Вначале три земли было. Вверху жил бог (ховоки), внизу жил старший брат его—сатана. На средней земле бог работал, сатана тоже работал.

Howokī ōran cıwkānmə, hatana ōran tuŋi, nuŋanŋācın, ŋkəŋmə. Howokī ōran gāgwa, hatana ōran kirəktəwə; howōkī ōran ḍantakīwa, hatana ōran amākācīwa; howokī ōran hulakīwa, hatana ōran guskəwə.

Howokī upkattu gərвilwətin вūrən. Upkat hatana ōwcāwān nuŋan əcān вurə iləldu, ḍəptətin. Taduk howokī ōran вəjəwə, ahīwa. Nuŋanŋın вələmnī ōli вicān. Tar ōli ətəjətcəcān ōnalwān. Howokī hanŋūktaran: „ēḍara nuŋartın?“ — „Biḍərə, kuŋarkārwə вaldiḍara, kətə iləl ora. Bəjumətcərə nuŋartın, wāḍərə hulakīlwa, ḍantakīlwa“. ōli gunḍəcān. Ōlīdu əmərən hatana əjətcəcān: „Mindu вūkəl ōnalwan, ēruktadāw; вi hindu ajamawa ḍəptiləwə вūḍəm — higḍəγ nimdəwə вūḍəm вi“. Ōli вūrən, ḍəwrəkin, „Alapcu“, gūnən. Tāduk howokī hanŋūktaran: „ōn iləl вiḍərə?“ Ōli gūnən: „Bi nuŋarwatın hatanadu вū̄m, ēruktadan“.

Howokı tıkulcān ōlıwə, ḍəwkānən nuŋanmān munupcāwə, kirāwə.

I. Lopal. D. Kātənŋā

31. Īduk вukit əmərān

Şowokī ōrān hişəwə, tukalawa: „ōgın manŋıkākun ōmi“, gūnān. Olgırān hişäwə, tukalawa oldoksodu olgırān, ŋınakın ugıcīllan. Şowokī şururān, hawalnāşınan. Şatana əmərən, gūnān ŋınakändu: „Şi ŋınakān ḍūlākın вişinni, şowokī ōnalgulwan mindu вūkəl, ēruktadāw, вi sindu şunə вūlḍam“. ēruktallun şatana ōmīlwa, tumnırān.

Dolвoltono şowokī əmərən, ŋınakın gūllān: „Mindu şatana şunə вūcan“. Şowokī gūllän: „Şi ēwa вūnnä şatanadu“ — „Bi ōmīlwa, вū̄m nuŋandun“. Şowokī hanŋūktaran: „Şi ēkumal ōmilwa вūnnä?“ — „Şiŋilwa ōnalwas“.

Şowokī soŋollon. Şatana tumnındukın iləl вūllə.

Бог сделал утку, сатана сделал тоже, подобно ему, гагару. Бог сделал лебедя, сатана сделал дятла; бог сделал россомаху, сатана сделал медведя; бог сделал лисицу, сатана сделал волка.

Бог дал всем имена. Все, сделанное сатаною, он запретил (не дал) людям есть. Потом бог сделал мужчину (и) женщину. Его помощник был ворон. Этот ворон (караулил) охранял творения его. Бог спрашивал его: „Что делают они?“ — „Живут, детей рожают, много людей стало. Промышляют они, убивают лисиц, россомах“, говорил ворон. К ворону пришел сатана, просил: „Мне дай творения его посмотреть, я тебе дам хорошую еду — содержимое желудка дам тебе“. Ворону дал. Съевши, сказал: „Вкусно“. Потом бог спросил: „Как люди живут?“ Ворон сказал: „Я дал их сатане посмотреть (чтобы он посмотрел)“.

Бог рассердился на ворона, заставил его есть гнилье (и) помет.

И. Лопаль. Ср. Катонга

31. Откуда смерть пришла

Бог (шовоки) делал (обрабатывал) камень (и) землю. „Пусть будет крепкая душа“, сказал. Положил камень (и) землю на доску, сушил, собака караулила. Бог ушел, работать пошел. Сатана пришел, сказал собаке: „Ты собака голая (есть), богом сделанные души дай мне посмотреть, я тебе кафтан дам“. Посмотрел сатана на души (и) плюнул.

Вечером пришел бог, собака сказала: „Мне сатана кафтан дал“. Бог сказал: „Ты что дала сатане?“ — „Я души дала ему“. Бог спросил: „Ты какие души дала?“ — „Твое творение“.

Бог заплакал, от плевка сатаны люди стали умирать.

I. Bukocār. Olokno

32. Ḍū̄r nəkụnəhəl

Ụtə̄lə̄ (bilir) ḍū̄r nəkū̄nəhəl вicạ̄l, dụnnə ələkəs ōwḍarākın. Tar nəkū̄nəhəl əwkil ajamāttə вicạ̄l.

Akīndıγu ərụmạkicinạ ōḍawkı вicạ̄, kulıkārвə. Nəkū̄ndiγụ ōḍacā вəjəlвə. Akīndıγụ hərgụdụ вuγadu вuγatālcā, nə̄kụndiγu ụgụdụ вuγadu вuγatālcā.

Nəkụndiγu ŋınakıcī вicạ̄, ŋınakın tətkəjə ācın вicạ̄. Nuŋan вəjəlвə ōcā ijəməl iləcīlвə. Tar ōnalвı вəjəŋilвi ampārduwı, kulustāksə, nə̄cə̄. Hụŋtụlвə ōnaldulāwı hụrụhilḍənə, ŋınakınduwı kuluswı вū̄cạ̄. Kuluswı вū̄ḍənə ŋınakınduwı gū̄cạ̄: „Akīnmī əmərə̄kın, ampārwər ənnə nīrə, on-da gū̄nə̄kın, ənnə nīrə“.

Ŋınakın ḍūduwı ampārwı ətəjə̄ḍəlcạ̄. ḍūduwı вiḍərə̄kin, ŋınākındulā akīnīn əməcạ̄. Ŋınakınduk hanŋūktalcā: „Nəkū̄nmī ilạ̄ hụrụcə̄n? okın əməḍəŋạ̄n? ēkura ōcān?“ Ŋınakın gū̄cạ̄: „Ụγiskī hụrụcə̄n, okın-ka əməḍən, ēkura-ka ōrka, əcə̄w sārə“. Akīnīn ŋınakınma gū̄lcạ̄: „Amrārwı nīkəl“. Ŋınakın gụncạ̄: „Əŋnəm nīrə, ətə̄m nīrə“. Akīnīn gū̄lcạ̄ ŋınakındulā: „Amparwı nīrə̄kis, tətkəjəs вū̄ḍəŋạ̄w, tigḍạdụ əhijəs sulapta, həkụdụ əhijạs həkụŋnərə, iŋindụ əhijəs hiktərəwrə, tətkəjəs вū̄ḍəŋạ̄w“. Tikā gū̄nə̄kın, ŋınakın amparwı nīcạ̄. Nəkū̄nnī ōnalвān вəjəŋılвạ̄n huwtıwcā; tar huwtırākın, вəjəl вụglạ̄lcạ̄l. Ŋınakındu ıŋaktalan ōcā. Tikā nəkəksə̄ akīnın hụrụcə̄.

Tar cukcacālan ḍāllạwạ-wạl вiksə̄, nəkū̄nīn əməlcạ̄ ḍūlāwı. ḍūlāwı ıssana, icəcạ̄ ıŋaktacī ōcāwə ŋınakınmı. Ŋınakındukkı hanŋūktalcā: „ēkunduk tətkəjəwi gānnı?“ Ŋınakın gū̄lcạ̄: „Akīnnī əməksə, вū̄rən“. — „ēdaka nīnni ampārwạr“? — Tətkəjəs вū̄ḍəŋạ̄w gụnnə̄kın, nīcạ̄w“. Nəkū̄nin ampārlāw īcạ̄, вəjəŋilin hāltın вū̄ticạ̄l, hāltın inḍạcạ̄l. Tar inḍərītkụlвə huwuhıcā „Sạksəcīl ōkallu“, gū̄nən. Tar вəjəŋilin awgarācāl, sạksəcīl ōcāl. „Ŋınakınmi“, gū̄cạ̄ nəkū̄n: „вəjəl amarīlduktın вodoktoḍowkı ōkal, вəjənun, wārākın, вultaŋājə ḍəpiŋnəkəl“.

И. Букочар. Олекма

32. Два брата

Давно два брата были, земля тогда только что сделалась. Те братья друг друга не любили.

Старший очень худое делал — насекомых. Младший делал людей. Старший на нижней земле жил, младший на верхней жил.

У младшего была собака, собака была без одежды. Он (младший) делал людей костяных с мясом. Тех сделанных людей, закрывши на ключ, в амбаре положил. К другим творениям собираясь уходить, собаке отдал ключ. Ключ отдавая собаке, сказал: „Старший когда (если) придет, амбар не открывай, как бы ни говорил, не открывай“. Собака дома амбар охраняла. Когда она была дома, к собаке пришел старший. У собаки спросил: „Младший куда ушел? когда придет? что сделал?“ Собака сказала: „Вверх ушел, когда придет, что сделал, не знаю“. Старший собаке сказал: „Амбар открой“. Собака сказала: „Не открою, не стану открывать“. Старший сказал собаке: „Амбар если откроешь, одежду дам, на дожде не промокнешь, в жару не нагреешься, в холоде не замерзнешь, одежду дам“. Так когда сказал, собака амбар открыла. На сотворенных младшим людей подул; после того как подул, люди стали болеть. Собака с шерстью стала. Так сделавши, старший (брат) ушел.

После этой порчи, десятидневка прошла, младший пришел домой. Домой доходя, увидел с шерстью ставшую собаку. У собаки спросил: „Откуда одежду взяла?“ Собака сказала: „Старший, придя, дал“. — „Зачем открыла амбар?“ — „Одежду дам, когда сказал, открыла“. Младший в амбар вошел, люди его часть болеют, часть живут. На тех живущих дуя, „Кровяными станьте“, сказал. Те люди поправились, с кровью стали. „Собака“, сказал младший: „За людьми ходящей стань, вместе с человеком, когда убьет (он), добычу от охоты ешь“.

M. Joligir. Turu

33. Hinu̥kī

Nonon hinu̥kī həgdikə̄ku̥n вicə̄n. Howokī ələrən nuŋandukın. Howokī вəjəwə, ōna, ŋālıḍırḁn, tariŋmı вu̥rirən du̥ndədu̥. Bu̥rirə̄kīn akīnīn — hatana вulkuran ılıksalḍı ōnaldun. Hatana gū̥nən: „Tumıcīl, ılıksacīl ōktın, ərit вu̥ṣṣənəl ōktın". Howokī tıkuldan, hinu̥kīwə вōrıtcān u̥ldəwə̄n. „Ŋuŋn̥akīdu вū̥ḍəm u̥ldədu̥kis, hēlakīdu вū̥ḍəm, ḍəlīdu вū̥ḍəm, horokīdu вu̥ḍəm, hu̥wu̥ldu̥ olloldu вu̥ḍəm mə̄ndu̥ hu̥ju̥kū̥kə̄n ōdājı; minə ələwkə̄nin-də, вəjəl əwkil вu̥ddə вimcə̄l, əcə̄l вu̥ru̥rə вimī". Əhī iləl вu̥wki ōda.

A. Kamвagır. Ŋəkə̄nnə

34. Hinu̥kīcə̄n

Nonon hinu̥kīcə̄n həgdimḁ вicə̄n, mōtıduk həgdimər вicə̄n. Umnə̄ əksərī ŋənəḍəcə̄. Tar əksərīwə ələwkə̄cə̄ hinu̥kīcə̄n. Əksərīwə ələwkə̄nə̄kın, u̥lləwə̄n hinu̥kīcə̄n hōŋnacā; əksərī hālgəran u̥llədu̥kin. Nuŋan вōrıcīpkōnən upkattun inḍərīdu hinu̥kīcə̄n u̥lləwə̄n. Əhīkə̄kə̄n tarītpar hinu̥kīcə̄n hu̥ju̥ku̥kə̄n ōcān.

A. Kamвagir. Ŋəkə̄nnə

35. Horokī

Nonon horokī gərвin ācın вicə̄n. Umnə̄ horokī, taduk ıŋtılgucān вinəl, hu̥ru̥rə əksərilə̄, u̥ŋkildimə̄tnə̄hīnə. Ista əksərīwə, u̥ŋkildimə̄cīllə; horokī gu̥llən: „Iŋtılgucān minə̄ ḍawawkı". Gū̥cə̄ ıŋtılgucān: „Bi ēlaha-da əcin вihim ḍawawrə horokīwa, horokī ḍawawkı gēkcān horokī". Horokī hōmamat hālḍḁrḁn, hiŋilgə̄ndu̥lə̄, uwgaknan, вu̥ru̥cə̄, Əhīkə̄kə̄n tarīt hiŋilgə̄ndu̥ uwgucawkı ōcā. Əksərī gū̥cə̄: „Aktınmāt horokī". Tarītpar gərвin horokī ōcā.

М. Йолигир. Туру

33. Рябчик

Вначале рябчик большой был. Бога испугал он (бог испугался от него). Бог, человека делая, держал, тот упал на землю. Когда упал, старший брат-сатана плюнул слюною на творение его. Сатана сказал: „Пусть будут со слюною, с соплями, от этого болящими пусть будут". Бог рассердился на рябчика, разделил мясо (его). „Собаке дам от твоего мяса, куропатке дам, тайменю дам, тетереву дам, всем рыбам дам, самому чтобы немного осталось; меня бы не испугал бы, люди бы не умирали, не упали бы". Теперь люди смертными стали.

А. Камбагир. Нгоконно

34. Рябчик

Вначаче рябчик большой был, лося больше был. Однажды шел бог. Бога испугал рябчик. После того, как заставил испугаться, (бог) мясо рябчика рассек, бог отбавил от мяса его. Он поделил всем живущим мясо рябчика. Поэтому сейчас рябчик маленький стал.

А. Камбагир. Нгоконно.

35. Тетерев

Вначале у тетерева не было имени. Однажды тетерев, потом сова будучи, пошли к богу, жалуясь друг на друга. Дошли до бога, стали жаловаться друг на друга; тетерев сказал: „Сова меня хватает". Сказала сова: „Я никогда не хватала тетерева, тетерева хватает тетерев-ястреб". Тетерев сильно устыдился, в снег упал, под снегом насквозь. Поэтому теперь под снегом лазающим стал. Бог сказал: „Дикий тетерев". От этого имя (его) тетерев стало.

I. Uwocān. Ņorвokō

36. On ụmụkə̄n вəjə вərkə̄tcə̄n

Ụmụkə̄n вəjə вiḍəcə̄n hụtəlnụnmi. Nuŋan tụlətcəwki вicə̄ вərkə̄rвə, munnukarвə ḍəmnə tụγəwki. Umnə̄ dolвotono tụləcə̄n вərkə̄nmə munnukān ūḍarandun. Tımātnə icənə̄hicə̄n tarīŋı. Ŋənəḍərən ḍaldujı gụnḍəna: „Taγanan-mu? ənạ̄n-mu?" Ihılḍana, icərən вərkə̄nin tilpəcə̄.

Tə̄li tar вəjə ụrụnən. Bərkə̄ndụlə̄ ıstan, icərən munnukānŋın hāŋəḍənə hụrụcə̄. Tarīŋı ūḍahınən; ūḍaḍacān, ūḍaḍacān, icərən munnukānŋın ugdussan hēkta hərgidə̄lin. Tar вəjə ụgdụhinən ūḍalın munnukān. Nuŋan haŋārdulı əwrən. Əwrən вəjə, hərəwə̄n əcə̄ ısta, hụrụrən caskī. Ŋənəḍənə icərən hoktoronmo. „icənə̄ktə, ēkur ıtıltın", gụnnə, hụrụrən. Ŋənəḍənə icərən вalagawa; īrən dōγıdālān, tādu вiḍərə iləl. Hanŋūktarən nuŋan: „ōn вiḍəs?" Nuŋartın gụ̄nə: „ēt toγo hiŋkəriḍərən?" Tar вəjə gēwrān hanŋūktarən, tarīŋıltın gụnə: „ēt toγo hiŋkərimə ōdan?" Tar вəjə ostolduktın ụlləlвə gānə, ḍəwrən. Tarīŋılın gūllə: „ēda ụlləl manaвḍərə". Tụk kəḍərə̄ktin, dolвoron. Əməḍəwki вəjə ụmụkə̄nnun ilənụn āhıllən, tarīŋın ōrellan. Ḍalın təgərə gụ̄nə: „Hụcụwụllən, hamānə ə̄rikəllə". Tə̄li dolвo əcə̄l ārə. Təγəmīktədin əməwrə hamānmə, tarīŋıtın həwəncə̄ḍərən, ēwa-da əcə̄ icərə. ə̄rirə həgdəmə̄rwə hamānmə, tarīŋıtın tụk-sə əcə̄ icərə. Uhəḍəwkiŋitin mohorən. Ilīwran hamālārən həgdəmə̄məwə hamānmə. Tarīŋıtın, īḍəksə̄ ənə, icərən iləwə. Hamān gụ̄nən: „Ər вiḍərən". Hamān tar вəjə hanŋūktarən: „īdụk əməcə̄s?" Tar вəjə gụ̄nən: „Bi əməcə̄w ụγiγit, munnukānmə ūḍana. Tımātnə icənə̄cə̄w вərkə̄nmi, tarīŋıw tilpəcə̄ вicə̄n. Munnukān, hāŋəḍənə, hụrụcə̄ вicə̄n. Bi ūḍassāw nuŋanmān. Tarīŋın ụgdụhinən hēkta hərgidə̄lin, вi tə̄li ugdussāw; əвḍəcə̄w, əвḍəcə̄w ıhım ūḍakıttulā. Tụk kənə, əməcə̄w əlạ̄". Hamān вəjəwə ụlirən, ụŋnən amaskīn. Tar вəjə mucurən amaskījı, tāduk ḍaldujı ụlgụcə̄nən, on gırkunajı hərgiskī.

И. Увочан. Ербогочон

36. Как один мужчина настораживал самострел

Один мужчина жил с сыновьями. Он настораживал самострелы, зайцев для пищи на зиму (запасал). Однажды вечером настораживал самострел на заячьей тропинке. Утром пошел посмотреть его. Идет, в уме говоря: „Попал ли, нет ли?" Доходя, увидел спущенный самострел. Тогда тот мужчина обрадовался. До самострела дошел, увидел, (что) заяц ушел, истекая кровью. Тот по следу пошел; шел, шел, увидел, (что) заяц влез под тальник. Тот мужчина влез по следу зайца. По отверстию спустился. Спустился мужчина, до дна не дошел, пошел дальше. Идя, увидел тропинку. „Пойду-ка посмотрю, что (в чем) дело". Сказавши, пошел. Идя, увидел балаган, вошел внутрь, там живут люди. Он спросил: „Как живете?" Они сказали: „Зачем огонь щелкает?" Тот мужчина опять спросил, те сказали: „Зачем огонь щелкает?" Тот мужчина, со стола мясо беря, съел. Те сказали: „Почему мясо кончается?" Так когда продолжалось, ночь настала. Пришедший мужчина стал ложиться спать с одним человеком, тот закричал. Товарищи встали, говоря: „(В бок) кольнуло, позовите шамана". Ту ночь не спали. На утро привели шамана, тот шаманил, ничего не видно. Позвали большого шамана, тот также ничего не увидал. Больной расхворался. В третий раз привели самого большого шамана. Тот, еще не войдя, увидал человека. Шаман сказал: „Вот он". Шаман спросил того мужчину: „Откуда пришел?" Тот мужчина сказал: „Я пришел сверху, преследуя зайца. Утром смотрел самострел, тот спущен был. Заяц окровавленный ушел. Я пошел по следу его. Тот влез под тальник, я туда влез, спускался, спускался, дошел до тропы. Так пришел сюда". Шаман накормил мужчину, отправил обратно. Тот мужчина вернулся обратно, потом родственникам рассказывал о похождении своем в нижнюю (землю).

Н.А.С.С.Р.

Ş. Kımā. Ciʀəmbu

37. On ŋmuk̄ən bəjə dundʳa hərguŋlə şuruc̄ən

Ŋmuk̄ən bəjə indəcən. Şuruʀən hutəwi, kucuŋlərən; əŋin gu̱nən: „Iləʔ əkəi-da hawaldıra, dolʙoltonotcō". Nuŋan əşin dōlcatşə əŋinmi, şuruʀən. Şuruʀən, şuruʀən, kucuŋlərən gorolō. Tuk-də haktıra iwrān. Işşan cogıwə, ışşā cogıwə, hurrān. Hurrān, hərgiskī buruşnan. Buruşnan, şōwa gorowo buruḍirān bəjə.

Işşan dundʳawa, buruʀən hoktokīttu. Hoktokīttuŋ şuruʀən, ēruktaḍena oror ūdaltın, bəjəl ūḍaltın. Icərən bəjəlwə, tojuş doldıran tawıcarīwatıŋ bəjəlbə: tak-tuk, tak-tuk. Ŋənərən tar bəjəltikī. Oron hawaldaran ıjadutın. Iscākın, oron buddān. Işşan ıjawatın, bəjəl hanŋūktaldʳa nuŋanmān: „Iduk əməndʳi?" — „Bikājəm kojcāw", tāduk şuruʀən ḍuγīdulātın. Ḍūwatın işşakın-nun, aşī buddān. Tar bəjəl gu̱ldʳə: „ēkun targācın əmərən, şamāntukī əŋkəcildʳə". Şamān nuŋanmān hanŋūktaldʳan: „ēduk əməndʳi?" Ŋuŋan gu̱nān: „bi kojcāw". Şamānmə ipkārə, jajadān. Şamān jajaldʳan, jajarān, jajarān, gu̱nān bəjətkī: „Şi ŋγigic əməcāş". Təli nuŋan, ḍonan, gu̱nən: „Əlātpi, bi ŋγiγic buruc̄āw, minə amaşkī tikəl ḍulāwı".

Ələtin bəjəl hənŋkəcildʳə şamāntukī: „ōn-mal ḍəkıpkākāl nuŋanmān amaşkī". Şamān jajarān, jajarān ūḍajan bəjə. Ətəmī jajaḍamī ŋŋəcildʳən, şuruḍān ḍulāwı. Bəjə gu̱nən: „ōn ışşam ḍūwı? minŋi ḍūw ŋγilā". Ḍalıldıran, ḍalıldıran bəjə, şuruʀān. Şamān gu̱nən: „əli şuruḍəndʳi ər oktokīttuŋ". Bəjə ḍalıldıran ḍalduwı: „ōn-ka ışcam ḍūwı? Iləm-mət əgıw ōda". Şuruʀān oktokıttuŋ, şamān gu̱nnəlin. Şuruʀān, şuruʀān icərən tuktuwunma, tuktuwun sidərən ŋγiskī. Tuktışnan tuktuwundulā; tukturān, tuktırān şōma gorowo. Işşan əjədəkpi, hurḍəktuwi, tādu iwəŋkiwə gādan şuruʀān ḍulāwı.

Ш. Кима. Чиромбу

37. Как один мужчина ходил на нижнюю землю

Жил один мужчина. Пошел за гнилушками сыну, мать сказала: „Куда? не ходи ночью". Он не послушал мать, ушел. Шел, шел за гнилушками далеко. Темнота спустилась. Дошел до болота, вошел (когда) на болото, нырнул. Нырнул, вниз упал. Полетел, очень долго падал мужчина.

Достиг земли, упал на тропу. По тропе пошел, рассматривая следы оленей, следы людей. Увидел людей, звук кованья кузнецов услышал: Так-тук! так-тук! Пошел к людям. Олень ходит по кузнице. Когда он дошел, олень умер. Дошел до кузницы, люди спросили его: „Откуда пришел?" — „Я заблудился", потом ушел к юртам их. Когда он дошел до юрт, умерла женщина. Те люди стали говорить: „Какой-такой пришел, спросите у шамана". Шаман спросил его: „Откуда пришел?" Он сказал: „Я заблудился". Шамана заставили шаманить. Шаман начал шаманить, шаманил, шаманил, сказал мужчине: „Ты сверху пришел". Тогда он вспомнил: „Верно, я сверху упал, отпусти меня обратно домой".

Все люди стали просить шамана: „Как-нибудь отправь его обратно". Шаман шаманил, шаманил на (след) человека. Кончивши шаманить, стал отправлять, чтобы ушел (он) домой. Мужчина сказал: „Как дойду до дома? мой дом вверху". Подумал, подумал мужчина, ушел. Шаман сказал: „Вот по этой дорожке пойдешь". Мужчина подумал: „Как дойду до дома? без помощи не сделаю (пройду). Пошел по дороге, указанной шаманом. Шел, шел, увидел лестницу, лестница стоит вверх. Полез по лестнице; лез, лез очень долго. Дошел до места, где провалился, где нырнул, там пешню взял, ушел домой

I. Kaplin. Iŋārigdā

38. Carcikān

Bicān ụmụkān ilə, gərbin Carcikān. ḍoromocōn nuŋan hitānduk dəgiwki Kiŋgittuk hụtəlbən. Tar hụrụwrən nuŋanmān ḍūlāwi. ihiwrən ḍūlawi. ilan hụtəlin. Nuŋan hụtəlbən ətəjətcəwki. Hụtəlin əwiwụntəwkil Carcikāndi. ḍūrə, ilana anŋanīla birkə. Tụk kəḍənə Kiŋgit dōkicān bihin, tālā təgətcənə, Kiŋgit hoŋoḍowki. „Eda hoŋoḍonnā?“ hanŋūktaran bəjə. Kiŋgit gūnən: „ēt ajdāwi hanŋūktaŋanni minə, ŋinakin omolgin hi“. Gorowo hanŋūktawki nuŋan, darullan, hanŋūktaḍarākin ər dəgiwki. „Təgəmí ụrgakakin ḍūwa agdi hēŋmacin“, Kiŋgit gūnən: „Hụtəlwən wāmməcin“ — „Bi ajimcāw hụtəlbən, əmcə wārə“, bəjə gūnən, hụrụkājim əhilə. Təgəmi ōllan, bəjə hilə hụtəlbən olgohinən hitānduḷā dụnnələ gorokōndulā. Issan dilwan hụtəlbən. Nuŋartin alsaḍaŋnārə Carcikānmə olgotcomī.

Ihikājim, agdikākun əməḍərən. Ŋənəḍənə əhilə agdi ụrə upkatpān kapuran, hụtəlin budə amakākun, da arūrə ŋānə. Biḍəŋnārə ətəcə.ən, əmərən Kiŋgitin, hoŋoḍono, gəlāktəwki hụtəlbi. Bakaran nuŋan hụtəlbi, ụrụnən. Hụrụwrən əhilə hụtəlbi, ụlin əwiwkil hụrụwrən, ḍūwi takustan. Hanŋūktaran Kiŋgit bəjəduk: „Hụtəlbi ajiŋulin, hụrụmụ̄linni əhilə ilə dụnnələ?“ Carcikān gūnən: „Minə ŋənəwkəl ụyiskī, ŋaŋŋa haŋārdulān“. — „Həgdiwə kəhāwə ŋənəwkīt“, gūnən Kiŋgit.

Kiŋgit hụrụwrən ḍụ̄rwə bəjụr irkihəl, gūnən: „Əjəttākiw amŋalıw diŋnəkəl“. Əhilə dəgilcān, Carcikānmə hụrụwrən. Ŋənəḍənə, hərəlḍənə, dəgḍəwki ụyiskī. Digillәwə ŋənərə, icəwụllən ŋaŋŋa haŋānn. Kiŋgit gūnən: „Əŋnəkəl ụlgụcənə, ni-wəl bakamī, Kiŋgit əməpcən“.

Bəjəwə tinən, bəjə hụrụrən. Dụnnəkākụn, ajakākun, cukacī, ilə ūḍa ācin, ēkunda ācin. Biḍəŋnārən, girkuḍaŋnaran. Tāduk icərən ḍū biḍərən, ḍūlā hụrụrən istan. Ahī biḍərən, āḍərən; ahīkākun, ajamama ụlliḍirən.

И. Каплин. Ингаригда

38. Чарчикан

Был один человек (эвенки), по имени Чарчикан. Украл он от глупой птицы Кингит сыновей. Та унесла его домой. Довела до дому. Трое сыновей. Он детей караулил. Дети играли с Чарчиканом (с его волосами). Два, три года прошло. Так шло, Кингит села (спустилась), сидя там, Кингит плачет. „Почему плачешь?“ спросил мужчина. Кингит сказала: „Чем успокоить (вместо того, чтобы), спрашиваешь меня, собачий сын ты“. Долго он спрашивал; надоело, (когда) спрашивал птицу. „Завтра в полдень гром, по всей вероятности, дом свернет“, Кингит сказала: „Сыновей наверное убьет“. — „Я спрятал (спас) бы детей, чтобы не убило“, мужчина сказал, уйдя тогда. Утро настало, мужчина сыновей ее повел в глухую землю, далеко. Дошел (довел) головы сыновей ее. Они не могут теребить (голову) Чарчикана (играть волосами).

Когда дошел, гром (гроза) сильный подходит. Идя, гром теперь всю гору разбил, дети быстро умерли, да ожили вновь. После окончания (грома) живут, пришла Кингит, плача, ищет своих детей. Нашла она детей, обрадовалась. Унесла тогда детей, игру, (в которую) играли, унесла, дом починила. Спросила Кингит человека: „За спасение детей хочешь отправиться теперь в какую землю?“ Чарчикан сказал: „Унеси меня вверх, в отверстие неба“. — „Большое мучение путь (этот)“, сказала Кингит.

Кингит унесла двух зверей с ободранными рогами, сказала: „Когда спрошу, в рот мой засунь“. Теперь полетела, унесла Чарчикана. Идя, планируя, летит вверх. Четверо суток шли, показалось отверстие неба. Кингит сказала: „Не смей рассказывать, встретивши кого-нибудь, (что) Кингит принесла“.

Мужчину отпустила, мужчина пошел. Земля большая, хорошая, травянистая, следа человека нет, ничего нет. Живет, ходит. Потом увидел, дом стоит, к дому пошел, дошел. Женщина живет, спит; хорошая женщина, красивая, вышивает.

Hanŋūktaran nuŋan, ahī əŋnərən dōldıra. „ēwa togo hiŋkərən?“ gū̧nən ahī, bəjəwə əwki icərə. Ilallawa, digilləwə bəjə bidəcən, ḍəptilə ḍəpiŋnərən. „ēkunḍī ḍəptilə manawuŋnārən?“ gūnən ahī. Tuγ biḍəcən, āsmulcā nuŋannun. Dolbo əhilə ojolōn tuktirən ahīmācıllan ahīwa. Hīraŋıllan, mokocıllan bəjə ahīwa. Təli mədərən, icərən ahī bəjəwə. „ēkun əməpcən hinə? Kıŋgıt əməwrən?“ — „Bi mənəkən əməcəw“. — „Əhilə minə ŋələmdu nənnə. Hi əhilə ətənnə ədu biḍəmī, tukalaja ācın. Tukalakanə dunnətkī gəlnəkəl“, ahī gū̧nən. Bəjə gū̧nən: „Bi-kə ōn gənnəḍəm?“ Ahī murınma ahākīcīwə bū̧rən, bəjə gənnəhinən. Ahī gū̧nən: „nījə-wəl bakaḍıŋas, ōn-da gū̧nḍərəktin, əkəl dōlcatta, hokōskal, əməskəl amaskī, murınmı əməbḍən“.

Nuŋanmān hərkərən murındu. Murın bu̧ru̧rən haŋārdulı. Ŋənəḍəŋnərə dunnələ. Ista dunnədu. Bu̧ru̧rən ūḍakittu. Atırkākākun tolgokīn kumtəpcə, ajıcıtcamī albaḍaran. Bu̧ru̧rən Carcıkān tolgokī dagın. Atırkān, nuŋanmān icəkəjim, gū̧nən: „ajıpkal, bələkəl tolgokīwo təwəkəkəl“. Bəjə lukcamaran murındukkı u̧hiji mənŋi luktan, ajicıllan tolgokīwə, bələllən atirkākākundu. Atırkān ŋālədukın Carcıkānmə ḍawaran. „Bi, gū̧nim: ılanma anŋanīl hokorcō bihin. Bū̧kit ḍawaran nuŋanmān. Ilandu anŋanīl untalbə, tolgokīwān həmkıcə“. Carcıkān icəttən, murın dəgillən huskī. Murın ıscālān, həŋkəwə dōlcacawkı: „Minə ŋələmdu nənnə, hinə gu̧ncəw: əŋnənnə dōlcatta, əcəs dōldıra minə“.

W. Uwocān. Norbokō

39. Umu̧kən bəjə u̧γu̧lə dunnələ tu̧kticən

Umu̧kən bəjə biḍəcən ḍūdujı, nuŋanŋın gərbin bicən Gıdālə. Gıdālə bicən bajıkākun. Biḍərīn dunnədu̧ nīdə ācın bicən targācın baj. Gıdālə bālcān biḍəmī dulugdu̧ dunnədu, nuŋan bimu̧lcən u̧γu̧du̧ dunnədu̧. Tımātnə u̧nə təgərən, hu̧ru̧rən gələktənəhinən dəγiwkiwə. Dolboltono əmərən Gıdalə ḍūlajı, dəγiwkiwə əməwrən. Dəγiwkī gū̧nən: „Hi hapaşkal ılana anŋanīl ḍəpkītjəji, tətkītjəji, mū̧gjəji mōjəjı“.

Спросил он, женщина не слышит. „С чего огонь щелкнул?“ сказала женщина; не видит мужчины. Три, четыре дня мужчина жил, еду ел. „Каким образом еда кончается?“ сказала женщина. Так жил (живя), захотел спать с нею. Ночью тогда забрался к ней, начал совершать coitus с женщиною. Гулял, совокуплялся мужчина с женщиною. Тогда поняла, увидала женщина мужчину. „Что тебя принесло? Кингит принесла?“ — „Я сам пришел“. — „Теперь меня в запрет ввел. Ты теперь не станешь здесь жить, земли нет. Немножко земли (глины) с земли принеси“, сказала женщина. Мужчина сказал: „Я-то как принесу?“ Женщина дала коня с крыльями, мужчина отправился. Женщина сказала: „Кого бы (ты ни) встретил, что бы ни говорили, не слушай, поторопись, приходи обратно, конь принесет“.

Привязала его к коню. Конь упал в отверстие. Идут к земле. Дошли до земли. Упал на тропу. Старушка санки опрокинула, поправить не может. Упал Чарчикан вблизи санок. Старуха, увидя его, сказала: „Почини, помоги, санки поставь“. Мужчина отвязался от коня, повод свой снял, стал чинить санки, помог старушке. Старуха схватила Чарчикана за руку. „Я говорила: три года был потерян. Смерть его взяла. На третьем году унты, санки сносила“. Чарчикан посмотрел, конь улетел вверх. Когда конь дошел, слово услыхал: „Меня в грех ввел, тебе говорила: не слушай, не послушался меня“.

В. Увочан. Ербогочен

39. Один мужчина на верхнюю землю лазил

Один мужчина жил в доме своем, его имя было Гидало (стрекоза). Гидало был богатый. На той земле, где он жил, никто не был таким богатым. Гидале надоело (устал) жить на средней земле, он захотел жить на верхней земле. Утром рано встал, пошел искать птицу. Вечером пришел Гидало домой, привел птицу. Птица сказала: „Ты запаси на три года еды, одежды, воды, дров“.

Gıdālə ərirän upkatpa вəjəlвə, gū̧nən: „Hu ōkallu dəγiwki ojodun вalagaja“. Tarīī вəjəl ōra dəγiwki ojodun вalagawa. Upkatpa hu̧ru̧mmə̄cīlвə̄n nə̄ttə вalagadu. Gıdālə īrən вalagalāji. Dəγiwkinīn dəγillən.

Gıdālə gorowo dəγilḍərən. Alвallan вiḍəmī Gıdālə. u̧mu̧kə̄ndu tırganīdu dəγiwki illan, gū̧nən: „ıhıp!“ Illa. Gıdālə u̧ru̧nən, jümə̄lcirən tu̧liskī, icəhiŋnərən mu̧rə̄liŋin, ni-də̄ ācin, ələ tuktıwun ılıtcarən u̧γiskī. Dəγiwki gū̧nən: „Tawar tuktıundulı tuktıskal u̧γiskī“. Bəjə tuktıhınan tuktıwundulı. Gorowo tuktırän hu̧ju̧ku̧kə̄nduli haŋārdulı.

Tarıŋı haktırāpcukāγın, u̧mnə̄t ŋə̄rillən u̧γiskī. Gıdālə u̧ru̧nən „ıhım“ gu̧nnə; tuktıkōjım, icəhiŋnərən mu̧rələ̄nŋin, icərən ḍūwa haŋŋaḍarīwa. Tar вəjə ḍūtkī hu̧ru̧rən, ḍūwa ıstan, īrən, icəttən u̧mu̧kə̄n ahī, u̧mu̧kə̄n вəjə, u̧mu̧kə̄n hunāt вiḍirə. Gıdālə hanŋūktarīlān, nuŋartın gū̧nəwkil: „Toγo hiŋkərən“. Gıdālə tımārduk əcə̄ ḍəwrə, ḍəmū̧llən. Nuŋan icərən cōŋaldu u̧lləl вiḍərə, nuŋan əjə̄ttən u̧lləjə ḍəвdə̄ji. Nuŋartın gū̧nə: „Toγo hiŋkərən“. Gıdālə gādan u̧lləlвə ḍəpilindis, ḍəwrən, ajıwrän, ḍalduji gū̧nən: „Nuŋartın minə əwkil icərə“. Nuŋan məŋəkə̄tmu̧llən, hu̧cu̧hinən əwnilə̄ hunātpə. Hunāt pıjanıllän. Amīnīn hamālāhınən hamānmə. Hamān əmərən həwəncillən, ēja-da əcə̄ icərə. Mu̧hərən u̧həḍəwkiŋitin, amīnīn gēwrən hamālāhınən həgdimə̄məwə hamānmə. Hamānmə əməwrən orordu. Hamān īrən ḍūlā, icərən вəjəwə ḍūdu təgətcərīwə, gū̧nən: „ər вiḍirən u̧həwkə̄nḍəwki“. Dolвoltono ōdan, həwəncəkīcin ipkə̄cillə, həwəncədə̄n hamānmə. Əcə̄ həwəncərə hamān gū̧nən: „ewa həγəncəḍəp icəвḍərīwə?“ Hamān hanŋūktallan Gıdāləwə: „īdu̧k əməcə̄s?“ Tar gū̧nən: „Bi əməcə̄w du̧lu̧γdu̧k du̧nnəduk“. Hamān gū̧nən: „Hi hu̧ru̧kəl du̧nnəŋdu̧lə̄wi“. — „Bi ommom īli-də̄ əmənəji“. — „Bi ŋənəwḍəm“, gū̧nən hamān.

Hu̧ru̧rə ḍū̧ktə. Ista haŋārdulā, hamān gū̧nən: „Hi haŋārdulı hu̧ru̧kə̄kən. Gıdālə hu̧ru̧rən, ıstan dəγiwkilə̄, īrən вalagalaji, gū̧nən dəgiwkitkī: „Ḍəγiwkəl ḍūtkīw“. Dəγiwki dəγillən, gorowı dəkkə̄nim, ıstan ḍūlā. Dəgiwki gū̧nən „ıhıp“. Gidālə jū̧rən вalagadukkı, hu̧ru̧rən ḍūlāji. ḍūlāji ıstan, ḍalın вiḍirə. ḍalduwı u̧lgu̧cə̄llən on gırkunaji u̧γu̧lə̄ du̧nnələ̄.

Гидало позвал всех мужчин, сказал: „Вы сделайте на птице балаган“. Те мужчины построили на птице балаган. Все, (что) предполагал увести, положили в балаган. Гидало вошел в балаган. Птица полетела.

Гидало долго летел, устал жить Гидало. В один день (однажды) остановилась птица, сказала: „Дошли“. Остановились. Гидало обрадовался, быстро выскочил наружу, огляделся вокруг, никого нет, только лестница стоит вверх. Птица сказала: „По этой лестнице лезь вверх“. Мужчина полез по лестнице. Долго лез до маленькой дыры.

Там темнота, вдруг засветилось вверху. Гидало обрадовался, „дошел“, говоря; влезши, оглянулся вокруг, увидел дымящуюся юрту. Мужчина к юрте пошел, до юрты дошел, вошел, увидел — одна женщина, один мужчина, одна девушка живут. На вопрос Гидало они сказали: „Огонь щелкнул“. Гидало с утра ничего не ел, есть захотел. Он увидел—на месте (для хранения посуды) мясо лежит, он спросил поесть мяса. Они сказали: „Огонь щелкнул“. Гидало взял мясо, до отвала наелся, в уме говоря: „Они меня не видят“. Он захотел побаловаться, ткнул под пазуху девушку. Девушка сошла с ума. Отец ее пошел за шаманом. Пришел шаман, стал шаманить, ничего не увидел. Расхворалась больная, отец вторично отправился за большим шаманом. Шамана привез на олене. Шаман вошел в юрту, увидел мужчину, сидящего в юрте, сказал: „Вот причина болезни“. Настал вечер, время камланья, заставили шамана шаманить. Не шаманил шаман, сказал: „К чему шаманить на то, что видно“. Шаман спросил Гидало: „Откуда пришел?“ Тот сказал: „Я пришел со средней земли“. Шаман сказал: „(Ты) уходи на свою землю“.—„Я забыл, где шел“.—„Я уведу“, сказал шаман.

Ушли вместе. Дошли до отверстия, шаман сказал: „Вот в отверстии маленький проход“. Гидало ушел, дошел до птицы, вошел в балаган, сказал птице: „Лети (унеси) домой“. Птица полетела, долго летевши, достигла дома. Птица сказала: „Пришли“. Гидало вышел из балагана, ушел домой. Дошел до дома, родня живет. Родне рассказал о своем похождении на верхнюю землю.

Ş. Kımā. Cirəmвu̯

40. Hēladan

Ətirīkən inḍärän, tunŋa aşāl hu̯rilīn: ēpkālkä, ēpkalkäduk вişin, Du̯lu̯gu̯, Ācın gərвijə, taduk Nıkākī. Ətirīkən gū̯nən: „ēpkālkä mū̯ləkəl!“ — „Ətā̤m, ōḍam“ — „ēpkālkäduk вişin, mū̯ləkəl!“ — „Ətā̤m, ōḍam“. — „Du̯lu̯gu̯, mū̯ləkəl“. — „Ətā̤m, ōḍam“. — „Acın gərвi, mū̯ləkəl!“ — „Ətā̤m ōḍam“ — „Nıkākī, mū̯ləkəl!“ — „Ətā̤m, ōḍam“.

Ətirīkən mənəkən şu̯ru̯rän ḍu̯kətkī, umnārän. Umīldʳän, gurgaktaldukpı hēlвōran. „ḍu̯kə, tīkəl, ēpkālkäwı вu̯ḍam“. ḍu̯kə kaŋkıwrän. „ḍu̯kə tīkəl, ēpkalkäduk вişiwə вū̯ḍam“. ḍu̯kə təlki kaŋkıwrän. „ḍu̯kə tīkəl, Du̯lu̯gu̯wı вū̯ḍam“. ḍu̯kə təlki kaŋkıwran.— ḍu̯kə tīkəl, ācinmə gərbijə bū̯ḍam“. ḍu̯kə təlki kaŋkıwrän. „ḍu̯kə tīkəl, Nıkākīwı вū̯ḍam“. ḍu̯kə tīnən.

Ətirīkən ḍūlāwı əmərän, gū̯nän: „Nıkākī, ḍu̯kətkī şu̯ru̯kəl, u̯mgəkərwi şu̯ru̯pkəl“. Nıkākı şu̯ru̯rän, ḍu̯kədu̯ təγərən, ḍu̯kə əjəşnən, ḍū̯kə şu̯ru̯wrạn Nıkakī.

Gorowo əjənən, icärän togokōnmə darīskī, gū̯nän: „ḍu̯kə alatkal, tar-wəl togokōntıkī hulıtnāşıktạ!“ ḍukə gū̯nän: „Udaj, udaj, ācın āŋnu̯nạjạ вişim“. Nıkākī togokōntıkī şu̯ru̯rən, tādu atırīkān вiḍərän. „Iṇəkə, hanŋūktarän Nıkakī: „ḍu̯kə minä īlə ŋənəвḍərən?“ Atırīkān gū̯nən: „Nıkajə, əkəkucīm şārə, ḍū̯rḍigu̯-wəl u̯ŋtu̯wu̯ntəcī, ecā şācā вisin“. Nıkākī şu̯ru̯rän ḍu̯kətkī. Tāduk ṇān togokōn icäwrän, ḍu̯kətkī ṇän gū̯nən. „ḍu̯kə alatkal, tar-wəl togokōntıkī hulıtnāşıktạ!“ — „Udaj, udaj, ācın ānŋu̯nạjạ вişim“: Nıkākī su̯ru̯rän togokōntıkī. Atırīkān вiḍärän. — „Iṇəkə, ḍu̯kə minə īlə ŋənəвḍirän?“— „Nıkājə əkəkucīm şārə, ılanḍəgdə-wəl u̯ŋtu̯wu̯ntəcī ēcā şācā вirän“. Tu̯gạnıkəmi nıkākī ŋənərən ḍānḍı u̯ŋtu̯wu̯ntəcīpkī. „ḍu̯kə alatkal, tar-wəl togokōntıkī hulıtnāşıkta“. ḍukə əcə şu̯ru̯rə. Nıkākī şu̯ru̯rän atırıkāntıkī, hanŋūktarän: „iṇəkə, ḍu̯kə minä īlə ŋənəвḍərən?“ — „Nıkājə, sinə ḍu̯kə ŋənəвḍərən du̯ndʳạ, cu̯ŋəḍāktu̯lān; şinə kōcu-

---

Ш. Кима. Чиромбу

40. Хеладан

Живет старичок, пять дочек: Эпкалькэ, после Эпкалькэ следующая, Средняя, Безымянная, потом Меньшая[1]. Старик сказал: „Эпкалькэ, принеси воды“.— „Нет, работаю“. — „После Эпкалькэ следующая, принеси воды“. — „Нет, работаю“. — „Средняя, принеси воды“. — „Нет, работаю“. — „Безымянная, принеси воды“. — „Нет, работаю“. — „Меньшая, принеси воды“. — „Нет, работаю“.

Старик сам ушел ко льду, попить пошел. Стал пить, бородой прилип. „Лед, отпусти меня, Эпкалькэ свою отдам“. Лед закрепился. „Лед, отпусти, после Эпкалькэ следующую отдам“. Лед крепче закрепил. „Лед, отпусти, Среднюю отдам“. Лед еще крепче закрепил. „Лед, отпусти, Безымянную отдам“. Лед крепче закрепил. „Лед, отпусти, Меньшую отдам“. Лед отпустил.

Старик пришел домой, сказал: „Меньшая, иди ко льду, игрушки возьми“. Меньшая ушла, на лед села, лед уплыл, лед унес Меньшую.

Долго плыла, увидала огонек в стороне, сказала: „Лед подожди, вот туда к огоньку схожу, погреюсь!“ Лед сказал: „Нет, нет у меня нет стоянки (ночлега)“. Меньшая ушла к огоньку, там старуха живет. „Бабушка“, спросила меньшая: „куда меня лед несет?“ Старуха сказала: „Меньшенькая, никак не знаю, может быть, двухбубенная знает“. Меньшая пошла ко льду. Потом опять огонек показался, льду опять сказала: „Лед, подожди, вон туда к огоньку пойду погреюсь“. — „Нет, нет, без ночлега (я)“. Меньшая пошла к огню. Старуха живет. „Бабушка, куда меня лед несет?“ — „Меньшая, не могу знать, может быть, трехбубенная знает“. Таким образом Меньшая дошла до десятибубенной. „Лед, подожди, вон туда к огоньку пойду погреюсь!“ Лед не пошел. Меньшая пошла к старухе, спросила: „Бабушка, куда меня лед несет?“ — „Меньшая, тебя лед несет в центр (в конечный пункт) земли (шаманской), тебя лед

[1] Имена дочек даны по названиям пальцев.

cıḍan ḍụkə. Nikā ənəkə̄kən ətə̄ṣīldʳə". Atırīkān вū̃rān ḍū̃rwạ ṣilgiwụr. „Nıkā, ərilḍī turgurmıṣınḍandʳā dụndʳạtkī". Nıkā tuktıran. ḍụkə ikə̄ldʳən:

„Hēladan, Hēladan,
ətə̄ṣkəl, ətə̄ṣkəl
əjə̄k, dirəkə̄cạr,
dirələ̄ḍəkītkə̄r".
„Ətə̄m ətə̄ṣıld ə,
вəjəl hojomıltın
dirəkə̄tcəmırə".
„Hēladan, Hēladan,
ətə̄ṣkəl, ətə̄skəl
əjə̄k, āgəkōcar
āgəlōḍokītkār"
„Ətə̄m ətə̄ṣildʳə,
вū̃nil nuŋımıltın
āgəkōtcomırə"
„Hēladan, Hēladan,
ətə̄ṣkəl, ətə̄ṣkəl
əjə̄k, jəndʳə̄gīkə̄r
jəndʳə̄gilə̄ḍəkīc".
„Ətə̄m ətə̄ṣildʳə,
вū̃nil amumıltın".
amukōtcomıra
„Hēladan, Hēladan,
ətə̄ṣkəl, ətə̄ṣkəl
əjə̄k, dəwəkṣəkə̄r
dəwələ̄ḍəkītkə̄r".
„Ə.ə̄m ətə̄ṣildʳə̄,
вū̃nil ṣə̄kṣəŋiltin
dəwəkṣəkə̄tcərə".
„Hēladan, Hēladan,
ətə̄ṣkəl, ətə̄skəl
əjə̄k, kədərə̄kə̄r
kədələ̄ḍəkītkə̄r!"
„Ətə̄m ətə̄ṣildʳə,
вū̃nil ṣəgdəndʳəŋiltin
kədərə̄kū̃tcụrə"
„Hēladan, Hēladan,
ətə̄ṣkəl, ətə̄ṣkəl
əjə̄k cụcụkə̄cər
cụcụlə̄ḍəkitkə̄r".
„Ətə̄m ətə̄ṣildʳə,
вū̃nil ṣaŋalʳaŋıltın
cụcụkə̄tcəmirə".
„Hēladan, Hēladan,
ətə̄ṣkəl, ətə̄ṣkəl
əjə̄k, вụrụṣkə̄cər
вụruṣlə̄ḍəkītkə̄r".
„Ətə̄m ətə̄ṣildʳə,
вū̃nil hagdıŋıltın
вụrụṣkə̄tcəmirə".

обманет. Меньшая, никак не оглядывайся". Старуха дала два шила. „Меньшая, этими зацепишься за землю". Меньшая полезла. Лед запел:

„Хеладан, Хеладан[1],
оглянись, оглянись
вниз, камень для растирания (красок),
камень виднеется".
„Не стану оглядываться,
лбы людские
камнем кажутся".
„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, брусочки (точила),
брусочки виднеются".
„Не стану оглядываться,
голени мертвецов
брусочками кажутся".
„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, черная краска
чернеется".
„Не стану оглядываться,
мертвецов кал
чернеется краской".
„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, красная краска
краснеется".
„Не стану оглядываться,
кровь мертвецов
краснеется краской".
Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, кожемялки,
кожемялки виднеются".
„Не стану оглядываться,
мертвецов хребты
мялками кажутся".
„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, скребки (для соскабливания мездры),
скребки виднеются".
„Не стану оглядываться,
мертвецов дыры в тазовых костях
скребками кажутся".
„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, брусочки (точила),
брусочки виднеются".
„Не стану оглядываться
мертвецов лодыжки
брусочками кажутся".

---

[1] Хеладан — имя девушки, которое она получила после того, как отделалась от льда.

„Hēladan, Hēladan,
ətə̄şkəl, ətə̄şkəl
əjə̄k, tiγəkə̄cər
tiγələḍəkī̇tkə̄r“.
„Ətə̄m ətə̄şildʳə
вụ̄nil oldʳoŋıltın
tiγəkə̄tcəmirə“

„Hēladan, Hēladan,
ətə̄şkəl, ətə̄şkəl
əjə̄k, ŋəkəkə̄cər
ŋəkələḍəkī̇tkə̄r“.
„Ətə̄m ətə̄şildʳə,
вụ̄nil aruŋıltın
ŋəkəkə̄tcəmirə“.

Hēladan şuṛuṛän, ŋənərən ŋamənd'əjạlä. Əвəj gụ̄nən. „Minə wākạl təlgətkəl; mēwanmāw āşınmukal mə̄nduwi, воşoktolвōw — maluduwı, hogŋowōw, kərlməkwạ āşınmukạl вargıdālı, ıŋaktawāw uŋkụḍändʳi ŋırəkạ̄ndụ, şıluktalwāw lokokol oşoŋordu, dılwāw āsınmukạl malugıdāduwı“. Hēladan wārən əвəjwə, on nuŋan gụ̄cạ̄n, upkatpa ōran. Tımaltānạ Hēladan mēldʳän, вargıdātkī icäşnən — ətirī̇kə̄n, atırīkān āḍərə, malutkīwı icäşnạn ḍụ̄r kuŋākār əwiḍərə, malugıdādun ətirī̇kə̄n āḍərən, tụligıdādun kicụrī̇ḍərə oror. Ṇī̇rụkạ̄n ḍalum ororḍī̇. Jụ̄rän ḍūdukwı, osoŋordu uşıl lokucaḍarä. Ororwo tāluwrän, ilildʳən, ërunḍī̇wı ororwo. Nuŋartın əŋnərə də̄gdərə — cicirgụnrə. Tāduk upkatpı ëruktın əŋnəre də̄gdərə ŋālạwān. Hēladan вakaran hụlụkụtkə̄n ərildində oron, tarī də̄gdəktəldʳən ērunmān. Tādu ụsiwrän, ugrän, sụrụrän. Huktiwrän, huktıwrän ıkə̄nḍərī̇l əwənkī̇lwə ışşan. ḍūkānŋutin lupumräk huktıwrän, ḍawaşcara əwənkī̇l amandıra. ḍānmə ḍūgıl lupumräk ŋənərən, ḍāgıdutın ḍawara nuŋanmān. Hēladan ḍawawmī, ikə̄ldʳän:

Mēwanıjakānduk dondonın ēmaḍī kacırkāw dondonın;
воşonıjakānduk dondonın ēmaḍī kacırkāw dondonın;
hoŋŋonıjakānduk dondonın ēmaḍī kacırkāw dondonın;
kunmukcakānduk dondonın ēmaḍī kacırkāw dondonın;
dılmıkānduk dondonın ēmaḍī kacırkāw dondonın;
ıŋaktajakānduk dondonın ēmaḍī kacırkāw dondonın;
şıluktajakārduk dondonın ēmaḍī kacırkaw dondonın.

„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, чашки,
чашки виднеются“.
„Не стану оглядываться,
мертвецов черепа
чашками кажутся“.

„Хеладан, Хеладан,
оглянись, оглянись
вниз, огниво,
огниво виднеется“.
„Не стану оглядываться,
мертвецов предплечья
огнивом кажутся“.

Хеладан ушла, пошла к медведю. Медведь сказал: „Меня убей, освежуй, сердце мое положи спать с собой, почки на священное место в юрте, двенадцатиперстную кишку, прямую кишку напротив, шерсть высыпи в сухую ямку, тонкие кишки повесь на сухое свалившееся дерево, голову положи спать за священным местом в юрте“. Хеладан убила медведя, так, как он говорил, все сделала. Утром Хеладан проснулась, увидала, напротив старик, старуха спят, на священном месте двое детей играют, за этим местом старик спит, снаружи бродят олени. Ямка полна оленей. Выскочила из юрты, на сухом дереве узды висят. Собрала оленей, стала пробовать предплечьем (нажимая) оленей. Они не выдерживают, падают. Все плохие не могли выдержать ее руки. Хеладан нашла маленького такого оленя, тот выдержал нажимание предплечьем. Тогда же обуздала, села верхом, ушла. Бежала, бежала, дошла до поющих эвенков. Через их юрту пробежала, эвенки быстро схватить не успели. Десять юрт перебежала, на десятой ее поймали. Поймавшись, Хеладан запела:

От сердца медведя зачем отошла
От почек медведя зачем отошла
От двенадцатиперстной кишки медведя зачем отошла
От прямой кишки медведя зачем отошла
От головы медведя зачем отошла
От шерсти медведя зачем отошла
От кишек медведя зачем отошла

Ş. Kımā. Cirəmbu

41. Kərāndə, Uŋanı

Əwənkĭl ikənkətciŋkitin inəŋilbə dolboltonoknonin. Umukən atirikān bicən. Nuŋā dōldirān Kərāndə igwən. „Nikājə, ətəŋnəkəldʳu ikəndəmĭ dolbotonorokin, haşajə ēkukākuŋŋan igin idərān". Kuŋākar guŋdirā: „inəŋuşu!" amgalin ninakir ŋōŋajan təpkəldʳə ulākkitcərĭwa.

Əwənkĭl əŋnərə təḍərə iŋəkəwər. Kərāndə əmərən ikənimniṣalwə əwənkĭlwə nimgərən. Atirikān kalanḍĭwi kumtirən, umukən şulapcān.

Işnān, ucunikti nuŋan ḍalildāraŋ, girkuḍidāwi hargilduli. Şuruŋrān hargiltikĭ, horokĭlwa icārān dəgilḍəktuwar amuna. Horokĭl amunmatin gadan, ḍūlāwi əməwrān. Əmkədu bārən əmucildʳən, əmuttʳən, əmuttʳən, horokī amunin hiltərgərən. Atirikān inən ŋəŋŋaknənin.

Nəŋŋə ŋuŋŋakĭl əmərə. Atirikān şuruŋrān bira ḍapkalān, ŋuŋŋakĭlwə ilbərān. Ilbəḍəktuwi amunma bakaran, gadan, ḍūlāwi əməwrān, əmkədu bārən, əmucildʳən. Əmuttʳən, əmuttʳən, ŋumŋakī amunin icērgāldʳən. Icērgālukān ōdākin, təlkikən əmucildʳən, ilīdutin inəgil hawalikān ōdan. Hawalikān ōmī bəjuşildʳən Kərāndəwa. Bakaran cinəkāwə, əməwrən iŋəkətkĭwi: „iŋəkə, əri ḍəbḍəcə akījawī?" — „Nikājə əşān, ər buya cipkatkānin, ŋənəpkəl idu bicən, tādu tĭkəl". Uŋanı suruwrān ḍawaḍāktikī, tĭnən. ḍawarān hinukĭwa, əməwrən iŋəkətkĭwi: „iŋə, ər ḍəbḍəcə akijawī?" — „Nikājə, əşān, ər buya cipkānin, tĭkəl, idu bicān". Uŋanı şuruwrān ḍawaḍāktukĭwi, puṭawa ḍawarān, əŋintikĭwi əməwrən — „iŋə, ər ḍəbḍəcə akījawī?" — „Nikājə, əşin, ər buya cipkānin". Nuŋan əməwrən amaşkī, nīməwə ḍawarān. Tāduk əlāwutin cipkār əməwuşşān iŋəkələwi, bəjunmə əməwrən, mōtiwa, tāduk amikānma əməwrən. Əlāwutin, iŋəkən ŋənəwkənən amaskī. Iŋəkən gūnən: „Ər buga cipkācīn, akmilwāş ḍəbdəcə uŋili şūruçān".

Ш. Кима. Чиромбу

41. Корэндо, Уньяны [1]

Эвенки пели и плясали весь день (и) ночь напролет. Одна старуха была. Она услышала шум Корэндо. „Малыши, прекратите плясать во время ночи, страшно, какой-то шум слышен". Дети сказали: „Лгунья", в рот ее собачий помет всунули обманувшей.

Эвенки не поверили бабке. Пришел Корэндо, пляшущих эвенков проглотил. Старуха котлом покрылась, одна осталась.

Жила, с тоски она подумала пойти в ближайший лес. Пошла в лес, тетерева увидала, на месте (сидения птицы) помет. Помет тетеревов взяла, принесла домой. В люльку положила, стала качать, качала, качала, помет тетерева развалился. Старуха жила до самой весны.

Весною гуси пришли. Старуха пошла на берег реки, гусей испугала. На месте, где испугала, помет нашла, взяла, домой принесла, в люльку положила, стала качать. Качала, качала, гусиный помет запищал. Когда стал пищать, сильнее закачала, на третий день стал ходить (человек из помета). Научившись ходить, стал промышлять Корэндо. Нашел шипелку (пташку), принес бабушке. „Бабушка, эта съела старших?" Бабушка сказала: „Малыш, нет, это божий зверь, снеси где был, там отпусти". Уньяны отнес на место, (где поймал) отпустил. Уньяны поймал рябчика, принес бабушке. „Мама, эта съела дядю?" — „Малыш, нет, это божий зверь, отпусти, где был". Уньяны отнес на место, (где поймал) пальника поймал, принес матери. „Мама, эта съела дядю?" — „Малыш, нет, это божий зверь". Он отнес обратно, глухаря поймал. Потом всех зверей перетаскал, бабушке дикого оленя принес, сохатого, потом медведя принес. Всех бабушка заставляла относить обратно. Бабушка сказала: „Этот божий зверь, съевший твоих старших братьев, ушел вверх".

---

[1] Корэндо — злой шаман, Уньяны — добрый герой, мстящий Корэндо.

Uŋanı tawıcıld'an aşākīlwa. Tawıtşan, dəgilạ̄n ōdan, iŋə̄kə̄wi hanŋū̄ktaran: „īlə̄ Kərändə orokīndulı ŋənəŋkin?“ — „Nıkājə, ụγụmə̄rdụli“. Uŋanı aşākīlbı həgdiụrrān, ŋān dəgild'ən, hanŋūktarān: „īlə̄ Kərändə orokınduli ŋənəŋkin?“ — „Əşin, hətəwəlnụn“ Ŋān nuŋan həgdiụrrān aşākīlwı, dəgild'ən Kərändə dəkə̄tpə̄n ụγụməric. iŋə̄kə̄ gụ̄nən: „Nıkā, Kərändə hərgilitmạ̄r dəkkicạ̄n“.

Uŋanı dəgild'ən Kərändə ūḍālın. Işşan Kərändə aşīlān. Uŋanı ikə̄ld'ən:

„Ūkə̄k, ụ̄kə̄k, ụgụkə̄k aşukınma dōlaŋılın,
Kərändụkin dōlaŋılın, Kərändụkin dōlaŋılın?“

Ūkə̄k gụ̄ŋən:

ē! şikə̄n nikə̄n hə̄şụcind'ə,
tikə̄n nikə̄n вinə“.

Uŋanı dōşcaran, Kərändə dōlakītan halkargarān. Ŋān dəgild'ən, ışşān gēwān aşīwān Cụcụnkə̄kpə.

„Cụcụnkə̄k! Cụcụnkə̄k, Cụcụγụnkə̄k! aşukınma dōlaŋılın,
Kərändụkin dōlaŋılın Kərändụkin dōlaŋılın?“

„ē, şikə̄n, nikə̄n hə̄şucind'ı
tikə̄n nikə̄n вinə“.

Uŋanı dəgild ən ılītkīn təgəlgəndulạ̄ Kədərə̄ktulə̄.

„Kədərə̄k, Kədərə̄k, Kədərə̄gə̄k! aşukınma dōlaŋılın,
Kərändụkin dōlaŋılın Kərändụkin dōlaŋılın?“

„ē, şikə̄n, nikə̄n, hə̄şụcind'ı
tikə̄n nikə̄n вinə“.

Уньяны стал ковать свои (для себя) крылья. Выковал, сделался способным летать, спросил свою бабушку: „Куда Корэндо, до тетери (полета) доходил?“ — „Малыш, чуть повыше“. Уньяны увеличил крылья свои, опять полетел, спросил: „Куда Корэндо, до тетери (полета) доходил?“ — „Нет, чуть повыше“. Опять он увеличил крылья свои, полетел выше полета Корэндо. „Бабушка сказала: „Малыш, Корэндо ниже летал“.

Уньяны полетел по следам Корэндо. Достиг до жены Корэндо. Уньяны запел:

„Скребок, Скребок, Скребочек! далеко (ли) до посадки его,
От Корэндо до посадки его, от Корэндо до посадки его?“

Скребок (собственное имя жены) сказала:

„Эх, ты, такой, сякой, равняешься,
тоже какой нашелся“.

Уньяны спустился, сломал место посадки Корэндо. Опять полетел, достиг до другой жены до Скребка.

„Скребок, Скребок, Скребочек! далеко (ли) до посадки его,
От Корэндо до посадки его, от Корэндо до посадки его?“

„Эх, ты, такой, сякой, равняешься,
тоже какой нашелся“.

Уньяны полетел к третьей сиделке (нарицател. назв. для жены) к Мялке.

„Мялка, Мялка, Мялочка! далеко (ли) до посадки его,
От Корэндо до посадки его, от Корэндо до посадки его?“

„Эх, ты, такой, сякой, равняешься,
тоже какой нашелся“.

Uṇanı dəgildʳən cāşkī digintikīn nụlgilạ̄n Āgənkāk.

„Āgənkāk, Āgənkāk, Agəngənkāk!
Kərāndụkin dōlaŋılın aşukınma dōlaŋılın?“

„ē, şikə̄n, nikə̄n, hə̄şụcindʳi
tikə̄n nikə̄n вinə“.

Uṇanı dəgildʳə̄n Bụrụşkə̄kdụlạ̄.

„Bụrụşkə̄k! Bụrụşkə̄k, Bụrụşgə̄kə̄k!
Kərāndụkin dōlaŋılın aşukınma dōlaŋılın?“

„ē, şikə̄n, nikə̄n hə̄şucindʳi
tikə̄n nikə̄n вinə“.

Uṇanı dəgildʳən Şidınkākdulā, tāduk Agakākdulā. Uṇanı ışşan Kərāndələ̄. Kərāndə ḍəвḍərən əwənkilwə. Uṇanı ikə̄ldʳən:

„Kərāndə! Kərāndə! Kərāngāndə
Kərāngāndə şirəkụlwụr gēgdumātkāt!
Əṇīn lāmu ụŋụrə̄ndụn şirəkụlwụr“.
„Uṇanı! Uṇanı! Uṇaganı!
Əkəl-kə̄n! əkəgəl-kən!
ḍəвḍəm-kən, ḍəвḍəgəm-kụn!
„ēdu ḍəвḍəpụnə?
akījalī, əkıjəli kərəməḍụ вişim“.
„Uṇanı! Uṇanı əkəl-kən! əkəl-kən
hərgişụn! hərgigişun
harukaşkākun вişim, вigişim“.
„Kərāndə! Kərāndə!
Ēkun harunıḍan?
akījalı, əkījəli kərəməḍụ вişim“.

Уньяны улетел дальше к четвертой кочевке (нариц. назв. жены) к Игольнику.

„Игольник, Игольник, Игольничек! далеко (ли) до посадки его?“
От Корэндо до посадки его
„Эх, ты, такой, сякой, равняешься,
тоже какой нашелся“.

Уньяны полетел к Брусочку.

„Брусок, Брусок, Брусочек! далеко (ли) до посадки его?“
От Корэндо до посадки его,
„Эх, ты, такой, сякой, равняешься,
тоже какой нашелся“.

Уньяны полетел к Скребку (для выскабливания шерсти), потом к Футляру (от наперстка). Уньяны достиг Корэндо. Корэндо съел эвенков. Уньяны запел:

„Корэндо! Корэндо! Корэндо!
Корэндо! давай крыльями посостязаемся
Над срединой матери моря, крыльями“.
„Уньяны! Уньяны! Уньяны!
Подожди! Подожди!
Поем-ка, поем-ка!“
„К чему поешь?
За старших братьев, сестер мщу я“.
Уньяны! Уньяны, подожди, подожди!
Пониже, пониже,
Голова кружится (у меня)“.
„Корэндо! Корэндо! Корэндо!
Что за головокружение?
За старших братьев, сестер мщу я“.

Kərändə dəgildʳən. Ərgəktūldʳə. Uŋanı Kərändə huкitəwən huklaran şirəкutpi. Əwənkīl huкitaduкin jūrə, hāltın inəkir, hāltın вucəl.

Uŋānı ikəməcildʳən Kərändu Āpkālkınunın.

„Kərändə Āpkāgalkın
şirəкulwur gēgdumātka(t)
əŋī lāmu uŋurədun".
„Uŋani, Uŋagam! əkəl-kən!
Əkəl-kən! əkəgəl-kən!
ḍəвḍəm-kən! ḍəвḍəgəm-kən".
„Kərändə Āpkāgalkın
ēdu ḍəвḍəpundʳə?
akījali, əkījəli kərəməḍu вişim".
„Uŋāŋı, Uŋāmı, Uŋagani!
hərgişun; hərgigişun
harukaşkākun вişim! вigişim".
„Kərändə Āpkāgalkın
Ēkun harunıgıḍın?
akījalı, əkījəli kərəməḍu вişim".

Āpkālkı dəgildʳən lāmudu ərgəşinə. Uŋanı huкitəwən huktaran şirəкutpi. Əwənkīl huкitaduкin jūrə, hāltın inəkir, hāltın вūcəl. Əlkə Kərändə hurilīn ḍūrnun Uŋānı ikəməcildʳən, dəgiməcildʳən, tuŋ-maı hultanārən huкitalwətin, tīnən əwənkīlwə.

Tāduк Uŋanı dəgildʳən Kərändə aşālduлın. Ikəldʳən:

„Buruşkək! Buruşkək Buruşgakāk!
Kərändəкunmagaşun
dəкucəp, dəкucəp
təgətənukəgənmu
şomicarıgəmāgaşun
əŋī lāmu uŋurəndun".

Корэндо полетел. Стали кругами летать. Уньяны распорол крылом своим брюхо Корэндо. Эвенки из брюха его вышли частично живые, частично мертвые. Уньяны стал петь с Первенцом (собственное имя) Корэндо (состязаться в пении).

„Первенец Корэндо,
Маховыми крыльями померяемся
Над серединой матери моря".
„Уньяны! Уньяны, подожди,
Подожди, подожди,
Поем-ка! поем-ка!"
„Первенец Корэндо,
К чему поешь?
За старших братьев, сестер мщу я".
„Уньяны! Уньяны! Уньяганы!
Пониже, пониже,
Головокружение у меня!"
„Первенец Корэндо,
Что за головокружение?
За старших братьев, сестер мщу я".

Первенец улетел, спустившись к морю. Уньяны распорол брюхо крылом. Эвенки из брюха вышли, частью живые, частью мертвые. Еще с двумя сыновьями Корэндо пел Уньяны, состязался в полете; также прободал брюшины их, освободил эвенков.

Потом Уньяны полетел к женам Корэндо. Стал петь:

„Брусок! Брусок! Брусочек!
Вашего Корэндо
Добыли, добыли,
Много народов
Проглотившего
Над самой серединой моря".

Ş. Kiltinə. Cirəmвu̧

42. Gurıwul

Bəjə nu̧lgişnạn, ŋəku̧du u̧rədu̧ ḍūtāldʳạn. Hu̧tạn nu̧lgişinḍə̄ktu̧ omgorən əmgəkə̄rwi, anŋūktaldʳän: „Əmgəkə̄rwi ī̇du?“ Əkī̇nīn gū̧nən: „Ōḍam!“ Tāduk anŋūktaldʳän nəkū̧nmi: „Əmgəkə̄rwi ī̇du?“ — „Ōḍam! ḍandʳı[1] şācā вirə“. ḍandʳıŋu anŋūktaldʳän: „Əmgəkə̄rwi ī̇du?“ — „u̧ŋku̧cə̄n amarındun.“ Hu̧tən, ororwı ḍawaran dagaptukcāwı uγucakkı, nınakınmı, amaşkī su̧ru̧rän. Dāgrän вırawa, amarıntıkī gəlnə̄rən əmgəkə̄rwi. Əmgəkə̄rwi ışcanakān, icärän ŋāməndʳəjəwə. Ŋāməndʳəjə əwiḍərən, hikə̄nduwi şu̧ru̧kə̄cipkə̄nḍiri. Asātkān icəmi, ḍikildʳän. Ŋāməndʳi gū̧nān: „Asī uγucakīş nī̇ gərвin?“ — „Kōkcagda“. — „Aγa! γa-ha-ha! Ŋāməndʳi iŋjəktərən: „kōkcamatın-ŋu şulapcān! nınakındʳī ni gərвin?“ — „Comcondi“ — „Aγa! γa-ha-ha! comcomotın-ŋu şulapcān“.

Amīkān ḍawarān asīwa, hərkərən, uγucakpan mōdu igdərän, nınakınma mōdu u̧γirən. Ədu̧ hata niptəl ōran. Asātkān gū̧nān: „Bəjə, amī̇jamı, ənī̇jəmi əŋkijətin amumılduk, cikə̄mildu̧k niptilə̄rə, u̧mirī̇lə ḍawulmī“. Amīkān cāskī şu̧ru̧rän, gorotmordu şu̧kədāwi ī̇rän. Aşātkān ŋālən gū̧rän: „Bəjə, amījawı, əŋī̇jəwi əŋkijətin amumılduk, cikə̄mildu̧k niptilə̄rə, u̧mirılə ḍawu̧lmī“. Amīkān caskī şu̧ru̧rän, tālā ŋān şukədə̄rän. Aşātkān ŋān gū̧rän: „Amījamı, əŋī̇jəmi əŋkijətin amumılduk, cikəmilduk niptilə̄rə, u̧mirī̇lə ḍawu̧lmī“. Amīkān şu̧ru̧rän əşī-də̄ ī̇rä, gorokōkun.

Dəgrə hıjındıl. Aşātkān gū̧nän: „Hıjındıl, minə tī̇kəldʳə, tī̇kə̄kişu̧n u̧mirī şə̄kşəḍin həwiḍəm“. Hıjındıl вu̧ru̧rə tī̇şcərə tī̇şcərə (şəwişcərə), alвara şuвḍamī, amgawal ḍəlḍitşə. Tādukwı nuŋarŋıltın amgaltın ḍəlḍilạnạ.

Tāduk şulakī əmərān. Aşātkān gū̧nən: „şulakī minə tī̇kəl, tī̇nə̄kiş irgəwə̄ş cu̧şcə̄rəm“. Şulakī tī̇nən, aşatkān uγucaktu uγran, hu̧ktiwuşnän. Şulakī alacıldʳän amīkānmạ. Amīkān əmərān şulakīwa tu̧rəldʳən, şoŋoḍonə gū̧ldʳän: „şulakī, ēda

---

Ш. Кильтыно. Чиромбу

42. Гуривуль

Человек кочевал, на высокой горе остановился. Дочь его на месте кочевки забыла бабки, спросила: „Бабки (игрушки) где?“ Старшая сестра ответила: „Работаю!“ Потом спросила младшего брата: „Где бабки?“ — „Работаю! остяк наверное знает“. Спросила у остяка: „Где бабки?“ — „Высыпал позади“. Дочь оленей поймала, ближайшего верхового, собаку, пошла обратно. Перешла реку, обратно пошла принести бабки. Когда до бабок дошла, увидала медведя. Медведь играет бабками, на груди перекатывающий. Девочка, увидевши, испугалась. Медведь сказал: „Женщина, как имя верхового оленя?“ — „Копытный“. — „А-ха! ха!-ха!“ Медведь засмеялся. „Копытный ли остался! Как имя собаки?“ — „Маленький палец“. — „А-ха!-ха!-ха! пальцем остался“.

Медведь схватил женщину, связал, верхового оленя привязал к дереву, собаку к дереву привязал. Здесь вблизи подстилку сделал. Девочка сказала: „Человек, мой покойный отец, моя покойная мать не брали от кала, от мочи подстилку, собираясь свежевать важенку“. Медведь ушел дальше, далеко слышны удары топора. Девочка опять сказала: „Человек, мой покойный отец, покойная мать не брали от кала, от мочи подстилку, собираясь свежевать важенку“. Медведь ушел дальше, там опять рубил топором. Девочка опять сказала: „Покойный отец, покойная мать не брали от кала, от мочи подстилку, собираясь свежевать важенку“. Медведь ушел далеко, (так что) не слышно стало.

Прилетели свищи. Девочка сказала: „Свищи, освободите меня; когда освободите, угощу кровью важенки“. Свищи (клесты) упали (спустились), развязывали, развязывали, не могли развязать, рты (клювы) свои изогнули. С тех пор их клювы изогнуты.

Потом лисица пришла. Девочка сказала: „Лисица, освободи меня; когда освободишь, хвост твой раскрашу“. Лисица освободила, девочка села верхом на верхового оленя, убежала. Лисица стала ждать медведя. Медведь пришел, стал ругать лисицу, плача, сказал: „Лисица, зачем

[1] Название для всех соседей (остяков, кетов, селькупов) у сымских эвенков.

tīnənd'i ḍạwụlāḍạrīwạ?" — „Amākā, minə ḍəpkạl! Halgarduwı niptəkəl minə, ṣụkədə̄kəl". Ṣulakī amīkān halgarduwı ṣụkədə̄rən, ṣulakī adaγarän. Amīkān halganmı ṣụkədə̄rən, halgan umanīn ṣụlgimtild'ən, ḍạwụld'ān. Cinəkə̄l ḍalgald'a. Amīkān tụrə̄ld'ən cinəkə̄l, ṣoŋoḍonə: „hi-i-i-i, cinəkəŋə̄ṣạl, ṣụ-də ḍạwụlŋə̄tpiṣụn halgarwar". Ṣulakī mīsə̄rän. Ərdụlə̄ ṣulakī irgi mudanīn colko, amīkān umanīn ācın.

Amīkān ṣụrụrän, hunātpạ ūdalın aṣaṣnan. Asātkān ŋənərən, amtılīn nụlgiṣicə̄l, ʙırawa dākcāl. Nuŋan ə̄nld'ān: „Amā, minə dagupcuṣkal". Amīnīn ḍūduwı gụ̄nän: „Nıkājạ ēkunḍı ṣoŋojo ōdan, amaṣkī-wạl mucuγıkātmı?"—„Əŋə̄ dagupcuṣkal".—„Nıkākījạ, ēkunḍı ṣoŋonojo ōdan amaṣkī-wạl mucuγıkatmī?" — Akā daγupcuṣkal!" — Nəkụ̄jət, ēkunḍı ṣoŋojo ōdan amaṣkīwı mucuγıkātmī?" — „Əkə̄ daγupcuṣkal!" — „Nəkụ̄jə, ēkunḍı ṣoŋojo ōdan mucuγıkātmī?".

Nıkākī ikə̄ld'ən:

„Ŋəkụjə, ŋəkụjə
ulṣakal, ulṣakal!
amījawāw, əṇījəwə̄w,
akījawāw, əkījəwə̄w
ulṣakal! ulṣakal!"

Tādu ḍand'ın ʙicə̄n. ḍand'ın gụ̄nən: „Ŋəkə əkəl-kə̄n!" Ipkə̄cə̄mə̄tiw koltoncōn. Ŋəku ulṣaṣnan əntilwə̄n, aknīlwān tụrərən. ḍand'un daguwrän ipkə̄cə̄nduwi aṣātkānmə.

Amīkān əmərən anŋūktald'ān: „aṣī īlə̄ dōkcās?" Aṣī ikə̄ld'ən:

„Əḍikīwə, ṣolokīwə,
əḍikīwə, ṣolokīwə".

Amīkān ṇan anŋūktald'ān: „Asī īli dōkcāṣ?"
—„Əḍikīwə, ṣolokīwə,
əḍikīwə, ṣolokīwə".

отпустила ту, которую собирался свежевать". — „Дедушка, съешь меня! Положи меня на ноги свои, ударь топором". Медведь ударил лисицу на коленях своих. Лисица увернулась. Медведь рубнул (топором) свою ногу, мозг из ноги стал черпать (черпаком), стал есть. Птички стали дразнить. Медведь, плача, начал ругать птичек: „Хи-и-и, худые птички, вы бы свои ноги поели". Лисица скрылась. С этих пор кончик лисьего хвоста белый, у медведя нет костного мозга.

Медведь ушел, пошел по следу девочки. Девочка шла, родители ее откочевали, перешли реку. Она стала кричать: „Папа, перевези меня (через реку)". Отец ее в доме (сидя) сказал: „Меньшая, с чего (это) плаксой стала на обратном пути?"—„Мама, перевези!"—„Меньшая, отчего плаксой стала на обратном пути?"—„Дядя, перевези!"—„Меньшая, отчего плаксой стала на обратном пути?"—„Тетя, перевези!"—„Меньшая, что плаксой стала на обратном пути?"

Меньшая (мизинец) запела:

„Скала, скала (гора, гора),
сползи, сползи.
Отца моего, мать мою,
дядю моего, тетку мою
раздави, раздави".

Там жил остяк. Остяк сказал: „Скала (гора), подожди". Вырубил (материал для деревянного) черпак(а). Гора сползла, родителей ее, старших братьев (и дядей) раздавила. Остяк перевез в черпаке девочку.

Пришел медведь, стал спрашивать: „Женщина, где перешла?" Женщина запела:

„Пониже, повыше,
пониже, повыше".

Медведь опять спросил: „Женщина, где перешла?"

„Пониже, повыше,
пониже, повыше".

Əşin tildʳən amīkān, oloşışnạn hagdıkīkīldı, ụmŋəkə̄kīldi, ṇuŋıkīldı, həŋəkīldi, вokakīldı, cıkıkīldı, hụkitəkīldi, cụŋụrə̄kīldi, əgənīkīldi, mirəkīldi, moŋokōldī, ḍəgikīldi, amgakīldı, oŋoktokīldı, ēşakīldı, hojokīldı, horokīldı, вūkikīldi. Amīkān əŋkəcildʳān: „Hagdıkīkārwə ōktın вụrụşləḍəkītkān, ṇuŋıkārwə ōktın āgələḍəkītkār, şəgdəndʳə ōγın kədərə̄ḍəkītkə̄n, oldʳu ōγın dirələḍəkītkə̄n, ḍawukār ōktın kawıraḍakītkār, şə̄kşəkə̄n ōγın dəwələ̄ḍəkītkə̄n, amukārwı ōktın jəndʳəgilə̄ḍəkīt“. Tikin ụrədụ dəwəkşə, jəndʳəgi вisi, tāduk вụrụşil, āγəşur, kawıral.

Aşātkān işnạn ḍandʳunnun. ḍandʳun kojicildʳān, mūlə̄ḍə̄n nuŋanmān. ḍandʳun gụnḍən: „Amumılduk, cikə̄mildụk mūləndʳi“, ụŋkụḍạnạ mū̄wạ amaşkī.

Tụγənīwə ḍụwụḍərən mū̄wạ, ḍandʳun ụŋkụtkə̄lḍəldʳən. Ṇəŋṇənī ōdan.

Karaulıl əmərə, aşī ikə̄ldʳən:

„Karaulıl, karaulıl
minə də̄gdəpkə̄ldʳə.
ḍandʳun minə mōlcatcırən“.

Karaulıl gū̄nə:

„Ətə̄rəw-lən də̄gdəwrə,
gagışal də̄gdəwuktən“.

Gagışal dəgḍərə.

„Gagışal, gagışal,
minə də̄gdəpkə̄ldʳə,
ḍandʳun minə mōlcātcırən“.

Gagīşal gū̄nə:

„Ətə̄rəw-lən, ətə̄rəw-lụn,
ətə̄rəw-lən də̄gdəwrə,
ṇumṇakīl də̄gdəwụktən“.

Ṇumṇakīl dəgḍərə.

„Ṇumṇakīl, ṇumṇakīl
minə də̄gdəpkə̄ldʳə,
ḍandʳun minə mōlcātcırən“.—

Ṇumṇakīl gū̄nə:

„Ətə̄rəw-lən, ətə̄rəw-lụn,
ətə̄rəw-lən də̄gdəwrə,
gaşal də̄gdəwuktən“.

Не понял медведь, побрел, по пятки, по мыщелки, по голень, по колено, по бедро, по таз, по живот, по пуп, по подмышку, по плечо, по горло, по подбородок, по рот, по нос, по глаза, по лоб, по макушку, до смерти. Медведь сказал: „Пятки пусть сделаются брусками; голени пусть будут точилами; спина пусть будет мялкой; череп пусть будет камнем для растирания красок; лопатки пусть будут камнем для красок; кровь пусть будет красной краской, кал пусть будет черной краской“. Теперь в горах есть красная, черная краски, потом бруски, точила, камни для растирания красок.

Девочка жила с остяком. Остяк обманывал, заставлял ходить ее за водою. Остяк говорил: „От кала, от мочи воду носишь“, выливая воду обратно.

Зиму таскала воду, остяк все время выливал. Весна настала.

Журавли прилетели, женщина запела:

„Журавли, журавли,
меня унесите,
остяк меня обижает“

Журавли сказали:

„Не станем подымать,
лебеди пусть подымут“.

Лебеди прилетели.

„Лебеди, лебеди,
меня унесите,
остяк меня обижает“.

Лебеди сказали:

„Не станем, не станем,
не станем подымать,
гуси пусть подымут“.

Гуси прилетели.

„Гуси, гуси,
меня подымите,
остяк меня обижает“.

Гуси сказали:

„Не станем, не станем,
не станем подымать,
гаша [1] пусть подымут“.

---

[1] Гаша — шаманские птицы.

Gaşal dəgḍərə.

„Gaşal, gaşal
minə dəgdəpkəld'ə,
ḍand'un minə mōlcätcıran".

Gaşal əgurwəpturwal işuşild'ə, burə.
Aşätkän dəgild'ən. ḍand'un ikəld'ən:

„Nəkūjə, nəkūjə,
burukəl! burukəl!
Bururəkiş, ōḍam
ḍargaja ōḍam".

„Ətəm-lən bururə
ŋän-dā: mūlcəcilkal,
mūŋiləw-də uŋkucilkal.
ēkon şəgdənd'əḍun
ḍargaltuja biḍəm"

— „Nəkūjə, nəkūjə,
burukəl, burukəl!
Bururəkiş, ōḍam
dərbəkījə ōḍam".

„Ətəm-lən bururə
ŋän-dā: mūlcəcilkal,
mūŋiləw-də uŋkucilkal.
ēkon horocōndu
dərbəkīltun biḍəm".

— „Nəkūjə, nəkūjə,
burukəl! burukəl!
Bururəkiş, ōḍam
dətəld'əs ōḍam".

— „Ətəm-lən bururə,
ŋän-dā: mūlcəcilkal,
mūŋiləw-də uŋkucilkal,
ēkon ŋuŋıcāndu
dətəkəltun biḍəm".

— „Nəkūjə, nəkūjə,
burukəl! burukəl!
Bururəkiş ōḍam
nəlijəstə ōḍam".

— „Ətəm-lən bururə,
ŋän-dā mūlcəcilkal,
mūŋiləw-də uŋkucilkal.
ēkon hikəcānduw
nəlliltuja biḍəm".

— „Nəkūjə, Nəkūjə,
burukəl! burukəl!
Bururəkiş ōḍam
latakaja ōḍam".

— „Ətəm-lən bururə.
ēkun ŋuriktadu
latakaltum biḍəm".

Гаша прилетели.

„Гаша, гаша,
меня подымите,
остяк меня обижает".

Гаша выдернули средние перья из крыльев, дали. Девочка улетела. Остяк запел:

„Меньшая, меньшая,
упади, упади!
Если упадешь, сделаю
новое платье сделаю!"

— „Не стану падать,
опять: за водой иди,
воду опять выливай.
Для чего на спине
в новом платье буду".

— „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
нарядную шапку сделаю".

—„Не стану падать,
опять: за водой иди,
воду выливай.
Для чего на маковке
в нарядной шапке буду".

— „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
ноговицы сделаю!"

— „Не стану падать,
опять: за водой иди,
воду выливай.
Для чего на голенях
в ноговицах буду".

— „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
нагрудник сделаю!"

— „Не стану падать,
Опять: за водой иди,
воду опять выливай.
Для чего на грудке
в нагруднике буду",

— „Меньшая, меньшая
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
затылочное украшение сделаю!"

— „Не стану падать.
Для чего на волосах
в украшении буду".

— „Nəkū̆jə, ŋəkū̆jə,
вu̯ru̯kəl! вu̯ru̯kəl!
Bu̯ru̯rə̄kiş ōḍam
handʳija ōḍam“.

— „Ətə̄m-lən вu̯ru̯rə.
ēkon вokucōndu
handʳintujan вiḍam“.

Aşatkan dəgildʳən, dəgildʳən, вu̯ru̯rən. Atırīkān u̯rkədu̯n cu̯rənu̯n. Atırīkān gū̆nən: „Nıkājə, ēmakākūcındʳi? minŋi hu̯rilвi ḍawu̯ku̯rə“. — „ḍajakal minə“, aşātkān gū̆nən. „ēduwı-ka ḍajamī? handʳıduwı?“ — „Əşin, ŋə̄gdikā̆n!“ — „Tāləgıduwı?“ — „Əşin, ŋə̄gdi“ — „Hərkiduwi?“ — „Ŋə̄gdi“. — „Agaduwı?“ — „Kə! agaduwı ḍajakal“.

Dolвoltono hu̯rilī̆n əməḍirə. Əmərə ḍūlāwı, amtara. „ōn-ka ŋə̄ḍərən, iŋə̄?“ — „Tikə̄n, tāləgıkəmıwı tilə̄nḍəcə̄w“. — „Əşin, əşin, tāləgıwaşta şārəw“. — „Handʳıkānmı tilə̄nḍəcə̄w“. — „Əşin, əşin, handʳıwasta şārəw“. — „Hərkikə̄miwi tilə̄nḍəcə̄w“. — „Əşin, əşin hərkiwəstə şārəw. Fa! fa! fa! ēkun-ka ŋə̄ḍərən?“ Atırīkān gū̆nən: „Nıkājə aŋaḍakāmīkākən əməcə̄n“. — „ēwuna-ka ḍajukātcəndʳi? əməpkəl ḍawu̯wu̯n“. — „Nıkā, ılıptınāşın ŋəkəḍəm“.

Taduk hu̯rilīn hanŋūktamātcərə: „ılıptıntāḍəp“. Upkac gūşildʳə: „ılıptıntagā“. Āşınə. Tımaltanə təgərə, ŋān ijəcildʳə, ḍəвdə̄wər. Atırīkān gū̆nən: „Nıkā, вu̯ru̯ptintakaldʳu̯“. Ŋān hanŋūktamācıldʳə: „īlə̄, вu̯ru̯ptintə̄jəp?“ Şagdagā gū̆nən: „Bu̯ru̯ptintə̄gə̄“. Şu̯ru̯rə hu̯rilī̆n. Aŋaḍakān gū̆nən: „iŋə, minə tī̆kəl! okın-mal cu̯rəşcin“. Tī̆nən atırīkān. Dəgildʳən aşātkān, gaşa-gaşal ūḍalıtın, gaşagalwa вokonān, umırī̆wa ajcāl. Aŋaḍakān ikə̄ldʳən:

„gəşäl! gəşäl!
gəşäl! gaşāl!
ḍəвḍəpcajal вişiş,
вu̯ru̯ptiŋə̄ttu̯wər,
ılıptıŋāttuwar“.

„Ēkun-ka tar ōran?“ gaşal gū̆nə. Nıkākī gū̆nən: „Bi umırī şu̯winmə̄n əwu̯m“. — Əşin, вi u̯γiskī dōldʳım“. icəcildʳə u̯γiskī, icərə dəgḍərī̆wə, gū̆ldʳə: „iŋəŋəşu̯kə̄ku̯n, tī̆cə̄!

— „Меньшая, меньшая,
упади! упади!
Если упадешь, сделаю
бахрому (на хорьках) сделаю“.

— „Не стану падать.
Для чего на лонном соединений
в бахроме буду“.

Девочка улетела, полетела, упала. У двери старухи упала. Старуха сказала: „Малышка, каким образом пришла? Мои сыновья съедят (тебя)“. — „Спрячь меня“, сказала девочка. — „Куда же спрятать? в бахрому от хорьков?“ — „Нет, вонюче!“ — „В опояску хорьков?“ — „Нет, вонюче!“ — „В хорьки?“ — „Вонюче!“ — „В игольник?“ — „Ну, в игольник спрячь“.

Вечером пришли сыновья ее. Пришли домой, понюхали. „Чем-то пахнет, мама?“ — „Так от опояски (моей) вшей искала (вшами пахнет)“. — „Нет, нет, (запах) опояски знаем“. — „От бахромы (от хорьков) пахнет“. — „Нет, нет, (запах) хорьков знаем. Фа! фа! фа! Чем-то воняет“. Старуха сказала: „Маленькая сиротинка пришла“. — „Для чего прячешь, дай (мы) съедим“. — „Малыш, на восходе дам“.

Потом сыновья между собою посоветовались: „На восходе съедим“. Все договорились: „На восходе съедим“. Заснули. Утром встали, опять стали просить съесть. Старуха сказала: „Меньшой, на закате съешьте“. Опять стали советоваться: „Где на закате съедим?“ Старший сказал: „На закате съедим“. Ушли сыновья. Сирота сказала: „Мама, меня выпусти, когда-нибудь упаду (спущусь)“. Отпустила старуха. Улетела девочка по следу гаша, нагнала гаша, добывших важенку. Сиротка запела:

„Гаша, гаша!
Гаша, гаша!
Съели
на закате,
на восходе“.

„Что там случилось?“ сказал гаша. Младший сказал: „Я сломал важенки маленькое ребро“. — „Нет, я сверху слышу“. Посмотрели вверх, увидали летящую, сказали: „Мама-мертвец (ругательное слово), выпустила.

mucumī ḍəbḍəp nuŋanmān". Ganācildʳə ụγiskī, nıkāduk gəjəwrirən ṇəkəwən. Aṣātkān dəgildʳən, tālā Guriwul icərən dəgḍərīwə. Gurıwul ikəldʳən, bụrụdən:

„Aṣīja! aṣīja!
bụrụkəl, bụrụkəl,
bụrụrəkiṣ, ōḍam
nəkụjə ōḍam
ḍūrḍī bakṣatarīcī".
— „Ətəm-lən bụrụrə
gəṣä-gaṣāl
bụrụptintin bişim,
ılıptıntın bişim,
gəjəwụntin bişim,
gạṣāgal ətərə
ṣularə, ḍūrḍī-wəl
bakṣawrākıṣ".
— „Asīja! aṣīja!
bụrụkəl, bụrụkəl,
bụrụrəkiṣ ōḍam
nəkụjəwə ōḍam,
ılanḍī bakṣatarīcī".

— „Ətəm-lən bụrụrə
gạṣạ-gạṣāl
bụrụptintin bişim,
ılıptıntın bişim,
gəjəwụntin bişim,
gạṣāl ətərə ṣularə,
ılanḍī-wal bakṣawrākiṣ".
„Aṣīja! aṣīja!
bụrụkəl, bụrụkəl,
bụrụrəkiṣ ōḍam
nəkụjəwə ōḍam
diginḍī bakṣatarīcī".
— „Ətəm-lən bụrụrə,
gạṣā-gạṣāl
bụrụptintin bişim,
ılıptıntın bişim,
gəjəwụntin bişim,
diginḍī bakṣawrākıṣ,
gạṣāl ətərə ṣularə".

Gurıwul gorowo ikəḍəcən, asātkān əmūḍəcān bụrụḍəmī.

— „Asīja! Asīja!
bụrụkəl, bụrụkəl,
bụrụrəkiṣ, ōḍam
nəkụjəwə ōḍam
ḍānḍī bakṣatarīci".

Aŋaḍakān təli bụrụrən.

вернувшись съедим ее". Стали стрелять вверх, ранили плечо крыла. Девочка улетела, там Гуривуль увидел летящую. Гуривуль запел, чтобы упала (она):

„Женщина! женщина!
упади, упади,
если упадешь,
лабаз сделаю
на двух подставках".
— „Не стану падать.
Гаша, гашами
на закате
на восходе (буду съедена),
ранена я,
гаша не оставят,
двойной лабаз если сделаешь".
— „Женщина! женщина!
упади, упади,
если упадешь,
лабаз сделаю
на трех подставках".

— „Не стану падать.
Гаша, гашами
на закате
на восходе (буду съедена),
ранена я,
гаша не оставят
на трех подставках лабаз".
— „Женщина! женщина!
упади, упади,
если упадешь,
лабаз построю
на четырех подставках".
— „Не стану падать.
Гаша, гашами
на восходе
на закате (буду съедена, раненая)
на четырех подставках если сделаешь,
гаша не оставят".

Гуривуль долго пел, девочка не хотела падать.

„Женщина! женщина!
упади, упади,
если упадешь,
лабаз построю
на десяти подставках".

Сирота тогда упала.

Gurıwul aşīlārān. Ilan anŋanīl inən, hụtətin bişin ụmụkən. Gurıwul bəjụrən. Gəşạ-gəşạ̄l əmərə. Gurıwul aşīn purcawa ụŋkụrən irəkşədụ, gəşä-gəşạ̄l ḍəwụldʳə, oronmı ụmirīwə wārən aşī, nimrəḍīn hụtəwi ŋụkətəwən, şenmān ụcişinḍən, şoŋoldōn. „Kuŋakān ēkunḍī şoŋojo ōdan, aknīl-wal əmərəktin. Ēkunḍī amultana ōdan?“ Şụrụwrən hụtəwi tạşiḍənərən amurwal, nəkụlı tuktıran hụtənụn, tuktıwunma tānən məntikīwi. Kiŋnərwạ̄n dōldırā gəşä-gəşạ̄l. Tukşaşna, həgildʳə iktəlḍīwər nəkụ̄ bakşalwān.

Gurıwul aşī ikəldʳən:

„Gurıwul, Gurıwul!
ēwadāglə gụ̄cəş
şērwā kōŋāktəkār
gạşal, gạşal gạşalil əmərəktin,
dōldıḍam, dōldıḍam
adıduk-pal dawaγıl“.

Ụmnə ikəḍəlgidụn, ụmụkənmə bakşawa həgrə. Asī ikəldʳən ilarā. Ilīwrakın ikərəkin, əmərən Gurıwul, ụşəlin hurınḍana. ḍụ̄rwə gạşạ̄-gạşạ̄l wārən, ılītın adagarān, adagaḍāktu ijəŋəwi əmənən. Gəşägə mişərən. Gurıwul əmərən gəşägə ijəŋəwạ̄n gadan, şıltuktuwı nərān. Aşaşnān gəşägan ūḍalın. Guluwunma icārān, guluwuna lupumrak gıranān. Şəbḍəcə ŋēldʳa lirorā, bəjəl iŋjəktəldʳə. Gurıwul həripcəldʳən mụrəli — ācın, upkac iktəjəcīl. Nuŋan şụrụrən, gēwa guluwunma ışşan, ŋān gıranān, ŋān ŋēldʳanın lırōrān mụrəli icātşān—ācın iktəjə ācin, ələtin iktəcī. Nuŋan şụrụrān ılīdutın guluwun, guluwunma gıranān, ŋān ŋēldʳanın lırōrān, mụrəli həripcəldʳən, icārān ụmụkən miminə. Ildʳạn tādu, gụ̄nən: „Bəjə minə tiləḍəkạl!“ Gəşägạ̄n tiləldʳən. Gurıwul tiləldʳən gəşägạ̄nmạ̄, tiləmnin gādan şıltuktukpı iktəwən. Gəşägạ̄n gụ̄nən: „Bəjə ēwa-ka ŋəkəlindʳi?“—„Kụmkələ ḍạwụldʳəm“. Iktəḍən ụtụmụktụlin. Tāduk Gurıwul gụ̄nən: „Amākā āsnən, əməpkəldʳụ tirụjən“. Bụ̄rə kuŋakār tirụwạr, Gurıwul tirụpkạ̄nən, tirụdụ nərān dılwan, şụrụrān.

Гуривуль женился. Три года жил, был один сын (их). Гуривуль промышлял. Пришли гаша. Жена Гуривуля сушеного мяса насыпала на шкуру, гаша стали есть, важенку убила женщина, обмазала содержимым желудка зад сына, за ухо подергала, стал плакать. „Ребенок отчего-то заплакал, дяди когда пришли, почему-то обделался?“ Унесла сына, пошла подтереть сыну испражнения, на лабаз влезла с сыном, лестницу втащила к себе. Звон услышали гаша. Прибежавши, стали грызть зубами подставки.

Жена Гуривуля запела:

„Гуривуль, Гуривуль!
Для чего говорил
ушами звон,
когда гаша придут,
услышу, услышу
через сколько-то
больших переходов“.

Один раз пропела, одну подставку сгрызли. Женщина пропела трижды. В третий раз когда пела, пришел Гуривуль, стрелы его мигали (пролетали). Двух гаша убил, третий увернулся, на (том) месте, где увернулся, клык оставил. Гаша скрылся. Гуривуль пришел, клык гаша взял, в шильник сунул. Погнался по следу гаша. Увидел костер, через костер перешагнул. Опушка кафтана загорелась, люди засмеялись. Гуривуль оглянулся вокруг — нет, все с зубами. Он ушел, дошел до второго костра, опять перешагнул опять опушка загорелась, кругом оглянулся—нет беззубого, все с зубами. Он ушел к третьему костру, костер перешагнул — опять опушка загорелась, кругом оглянулся, увидал одного беззубого. Остановился там, сказал: „Человек, поищи мне вшей!“ Гаша стал искать. Гуривуль стал искать гаша убивалкой вшей, взял из шильника зуб, гаша сказал: „Человек, что делаешь?“ — „Вшей ем“. Зубом уколол в затылок. Потом Гуривуль сказал: „Дедушка заснул, дайте подушку“. Дети дали подушку. Гуривуль взял подушку, на подушку положил голову его, ушел.

Kımā. Cirəmbu̯

43. Epkācān

inḍərə bəjə aşīnun, ılan hu̯riltin. Amīntin şu̯ru̯rän siγu̯n bu̯ru̯ptu̯lə̄n, əşin mucura, cōmbawrän. Tāduk şagdak hu̯tən şu̯ru̯rän, tu̯k-şə cōmbawrän, duluγ şu̯ru̯rän — cōmbawrän. Əmə̄nmu̯rə nıkā əṇīnu̯nmi. Nıkāk şu̯ru̯rän şıpkıtnārən, icärän Ēpkācān şə̄ksədil ijəlin, ḍagda dulın dulın aşī ikə̄ldirän, ḍagda aŋalḍaḍırän. „Bəjəjə! bəjəjə! cagılı, gorolı, ḍagdaŋīw hapkāşınmund'ä". Bəjə mu̯cu̯şnän ḍūlāwı. Əṇīntikī əmərən, u̯lgu̯cə̄nən: „icəm Ēpkācānmə amījaw wāḍacā, ijəlin şə̄kşəgdil, ḍagda aŋalḍaḍırən, tālı aşī ikə̄ḍirän mō dulın dulın". Əṇīnmi hanŋūktald'än: „ṇəṇə, amā halkalīn əju̯rgəlīn biŋkitin?" — „Ee, biŋkitin əju̯rgəlin, tiptirgəlin, ku̯rgəlin, tākän kuŋalın nə̄cə̄w". — „Əməpkəl"! Əṇīnīn gilnə̄şşə̄n. Hu̯tən tawıcıld'an bərijəwi, şäləmə lu̯kījəwi ōran, ild'ən ḍagdawa garparan. ḍagda dulınmān şu̯ru̯wrän. Ṇān tawıtşan mand'ıγurän, garparän, gē həgdimarwə ḍagdawa. ḍagda hapkanışnän. Nuŋan dılwı kamnundāran, tukaladāran, əṇīntikī gū̯nən: „Ēpkācān wānālḍəlım, əşīkin-nun əmərə — mınə wārän".

Şu̯ru̯rän, ışşan Ēpkācāndulā, ikə̄ld'ən aşī:

„Ēpkācān, Ēpkācan, ciru̯ku̯l-dạ,
bəjədu̯ əməpcə̄ş, ciru̯ku̯l-də̄,
həŋạrmīşinḍạn, ciru̯ku̯ldạ".

Ēpkācan ikə̄ld'ən:

„Bəjəjə! bəjəjə! ciru̯ku̯l-dạ,
cagılı, gorolı, ciru̯ku̯l-də,
ḍagdaŋıw hapkāgə, ciru̯ku̯l-dạ —
şınmund'ı, ciru̯ku̯l-dạ".

Ш. Кима. Чиромбу

43. Эпкачан [1]

Живут мужчина с женщиною, трое сыновей. Отец их ушел на закате солнца, не вернулся, исчез. Потом старший сын ушел, также исчез, средний пошел—исчез. Остался младший с матерью. Младший ушел, пошел посмотреть, увидал кровавые рога у Эпкачана, в середине сосны женщина запела, сосна раздвигается (и) сдвигается. „Мужичок! мужичок! дальше, подальше, сосной моей разбит будешь". Мужчина вернулся домой. К матери пришел, рассказал: „Видел Эпкачана, отца убившего, рога его в крови, сосна раздвигается, там в середине дерева женщина поет". У матери спросил: „Мама, у отца молоток, клещи были?"—„Да, были клещи, наковальня, щипцы, в середину колоды положила".—„Принеси". Мать сходила, принесла. Сын выковал лук, железную стрелу сделал, встал, в сосну выстрелил. Половину сосны снес. Опять ковал, укреплял, выстрелил во вторую большую сосну. Сосна разбилась в щепки. Он голову обмазал клеем, посыпал землей, матери сказал: „Эпкачана иду убивать; если не приду, меня убьет".

Ушел, дошел до Эпкачана, запела женщина:

„Эпкачан, Эпкачан, чиркульда,
мужика же принесла, чиркульда,
коленями раздавит, чиркульда".

Эпкачан запел:

„Мужичок, мужичок, чиркульда,
дальше подальше, чиркульда,
сосна в щепы чиркульда,
разобьет тебя, чиркульда".

---

[1] Эпкачан—название оленя—важенки около одного года.

Bəjə dagamāṛan, garparan, Ēpkācānmạ wārān, ḍagdawa garparan apkanuṣıknanın. Aṣī ṣulaptan. Aṣī gụ̄ldʳān: „ṣụrụgə̄t tukṣalıkītkī“. Ṣụrụrā, ıṣṣa tukṣalıkītpa, aṣī gụ̄nān: „Kə! bəjə, tukṣaṣılkə̄!“ Tukṣakīttu bicạ̄n ṣılawurgacır. „Ṣi-kạ̄n ḍụlạ̄li mıkcaṣılka, bi muldʳım“, bəjə gụ̄nən.

Aṣī tukṣaṣıldʳan, bəjə amarguc. Tukṣaṣmī hələṣụn aṣīwa. Aṣī gụ̄nən: „ə̄dụk ōḍan diŋnilə̄likīc“. Iṣṣa diŋnilə̄likītpạ, aṣī gụ̄nən: „Kə! bəjə!·ṣikə̄n diŋnilə̄ṣkə“. — „Bi muldʳım, si-kə̄nə“. Aṣī diŋnilə̄ṣnən, bəjə amarguc hələṣụn. Tāduk aṣī gụ̄nən: „ə̄duk ōḍan ṣarumōlıkīc“. Iṣṣa. „Bəjə, ṣikə̄n ṣarumōkə“. — „Bi muldʳım“. Aṣī ṣarəməldʳən, bəjə amarguc gorotmordu. „Ə̄duk ōḍan igdilikīc“. Iṣṣa igdilikitpạ „Kə, bəjə igdikə“. — „Bi muldʳım ṣikə̄nə“. Aṣī mōmat igdiwụnḍi igdiṣnạn, bəjə ṇụriktạlwạ̄n, igdiwunmāw urgacān, gadan ijəməwə igdiwunma, igdiṣnạn, ṇān urgaran; ṣāləmạwạ gādan, igdiṣnạn, ụmụkə̄n iktəwạ əwrən, bakurrān igdiwun ukundulın, aṣī bụddạn. Bəjə amaṣkī mucuṣnan. Ēpkācānmạ guluwundu kintirə̄nən, əṇīntikīwi ṣụrụrān, ụlgụcə̄nən upkatpa. Əṇīnīn uruktatpı əptəwi urıṣnan, bụddạn.

N. Bajakī. Cirəmbụ

44. Epkācān

Atırīkān ələkəṣ bicạ̄n, ilan hụrilīn — ılan bəjəl. Hụrilwi gụnḍirān: „Luŋurıdu əŋnəkəldʳu gırkuḍarā, ŋə̄ləmụgdi“. ụmụkə̄n hụtən ṣụrụrān luŋurītkī. Tālā mō hoṇolın aṣī ikə̄ḍərən:

„Ēpkācān, Ēpkācān, cirụkil-ḍạ,
bəjədụ əməpcə̄ṣ, cirụkil
həŋgərmisinḍạn, cirụkil“.

Мужчина приблизился, выстрелил—Эпкачана убил, в сосну выстрелил—до щепок разбил. Женщина осталась. Женщина сказала: „Пойдем на место прыжков“. Ушли, дошли до места прыжков, женщина сказала: „Ну, мужик, прыгай!“ Место прыжков было, как бы из шил. „Ты-ка вперед скачи, я не умею“, сказал мужчина.

Женщина стала прыгать, мужчина позади, прыгая, опередил (дальше) женщины. Женщина сказала: „Отсюда пойдет место бегов“. Дошли до места бегов, женщина сказала: „Ну, мужичок, ты беги“. — „Я не умею, ты-ка (попробуй)“. Женщина побежала, мужчина позади дальше (опередил). Потом женщина сказала: „Теперь будет место, где мочатся“. Дошли. „Мужик, ты помочись“. — „Я не умею“. Женщина помочилась, мужчина позже, значительно дальше. „Отсюда будет место, где чешут волосы“. Дошли до места чесания. „Ну, мужик, чеши“.—„Я не умею, ты чеши“. Женщина деревянной гребенкой стала чесать волосы мужчине, гребенку сломала, взяла костяную гребенку, стала чесать, опять сломала, взяла железную, стала чесать, один зуб сломала, соскользнула гребенка на грудь ее, женщина умерла. Мужчина вернулся обратно, Эпкачана сжег на костре, к матери пошел, рассказал все. Мать от радости легкое вырвала, умерла.

Н. Баяки. Чиромбу

44. Эпкачан

Вначале была старуха, трое сыновей. Сыновьям говорит: „Ночью не ходите, страшно“. Один сын пошел (под вечер) в полночную сторону. Там в расщелине дерева женщина поет:

„Эпкачан, Эпкачан, чирукиль-дя,
мужчину же принес, чирукиль,
коленями раздавит, чирукиль“.

Bəjə tālā ŋənərən kīrạlin. Êpkācān вəjəwə tukşancaran. Êpkācān, wārən, вəjə вụddạn. Tarī вəjə cōmвawrān. Atırīkān hụtən gē şụrụrān tar ūdalın. Tālā ŋān mō hoŋolın aşī ikə̄ḍərən:

„Êpkācān, ēpkācān, cirụkụl,
вəjədụ əməpcə̄ş, cirụkụl-ḍạ,
həŋgərmişinḍạn, cirụkụl!"

Tarī вəjə ŋān ŋənərən Êpkācan kirạlin. Êpkācān tukşancaran, ŋān nuŋanmān wārən. Bəjə ḍūlāwı əşin əmərə, ılītın вəjə̄ tụgā şururān, gələktənə̄şşən nəknīl ūḍaltın. Ṇan ikə̄ldʳən asī:

„Êpkācān, ēpkācān, cirụkụlḍạ,
вəjədụ əməpcə̄ş, cirụkụl,
həŋgərmişinḍạn, cırụkụl!"

Tar вəjə Êpkācāndulā əşin ŋənərə kirạlạ̄n, mucuşnan ḍūlāwı. Əṇintikīwi gụ̄nən: „Bi icəm—aşī ikə̄ḍərən mō hoŋolın, Êpkācānmə icəm şə̄ksəgdən ijəlin. Êpkācān wācān nəknilwi". Atırīkān gụ̄nən: „Nıkājə əŋnəkəl targıdātkī gırkıḍara". Nuŋan hanŋūktaldʳān əṇinmi, gụ̄nən: „Kụrgəl вişi?"—„Bişi"—„Halka вişin?" — „Bisin" — „Əjụrgə вişin?"—„Bişin". Ijaŋıldʳan. Şäləməwə вərjəwi ōran, ụşələwi sələməlwə ōran. Şụrụrān talā ŋān. Ṇān asī ikə̄ldʳən:

„Êpkācān, ēpkācān; cirụkul-dạ,
вəjədụ əməpcə̄ş, cirụkụl
həŋgərmişinḍạn, cirụkụl".

Êpkācān həŋgərmişinạn, tukşancaldāwi, вəjə garparan Êpkācānmə, wārən. Tarā garparan mōwa hoŋolın. Mō pəşirgərən. Asī ikə̄ḍərī вụrụrən dụndʳạdụ.

Мужчина подошел туда поближе. Эпкачан на мужчину прыгнул. Эпкачан убил, мужчина умер. Тот мужчина пропал. Другой сын старухи пошел по тому следу. Там опять в расщелине дерева женщина поет:

„Эпкачан, Эпкачан, чирукуль,
мужчину принес, чирукульдя,
коленом разобьет, чирукуль".

Тот мужчина опять подошел поближе. Эпкачан к мужчине прыгнул, опять его убил. Мужчина домой не пришел. Третий мужчина тоже ушел, пошел искать следы младших братьев. Опять запела женщина:

„Эпкачан, Эпкачан, чирукульдя,
мужчину принес, чирукуль,
коленом разобьет, чирукуль!"

Тот мужчина не подошел близко к Эпкачану, вернулся домой. Матери сказал: „Я видел, женщина поет в расщелине дерева, Эпкачана видел с окровавленными рогами. Эпкачан убил младших братьев". Старуха сказала: „Меньшой, не ходи в ту сторону". Он стал просить мать, сказал: „Наковальня есть?" — „Есть". — „Молот есть?"—„Есть".—„Клещи есть?"—„Есть". Стал ковать, железный лук сделал, железные стрелы сделал. Пошел туда опять. Опять женщина поет:

„Эпкачан Эпкачан, чирукульдя,
мужчину принес, чирукуль,
коленом разобьет, чирукуль".

Эпкачан колени прижал, чтобы скакнуть, мужчина выстрелил в Эпкачана, убил. Выстрелил в ту щель дерева. Дерево треснуло. Поющая женщина упала на землю.

Tāduk sụrụrän вəjə asīnun. Asī gū̃nən: „Ə̄duk ōḍan həndʳiliḍəkīc, həndʳilildʳəp". Ŋənərə, вəjə gıralīn həgdiməşəl ōda, aşī gıralī hụlitmạsạl ōda. Tāduk aşī gū̃nən: „ə̄duk ōḍan mıkcālıḍakīc, mıkcalıldʳəp". Bəjə mıkcānən, asī mıkcānən, aвuldʳän вəjəwə. Ṇụtərə dılīlwar, gū̃nən aşī: „igdililḍạp!" Igdilildʳə. Bəjə igdirän ṇụriktạlwi. Aşī tụrkəwụcildʳän, igdiwụnḍiwi arkīran ukundulın, вụddạn.

Ş. Kiltinə. Cirəmвụ

45. Nəmələ̄n

Atırīkān kumalānıḍaran. Hụtəwi ipkə̄rən asātkānŋı, tāləptılə̄də̄n, purtawı вū̃rən kōlēcēwa. Aşātkān şụrụrän, şụpirīlwə hōŋnāldʳən, ŋālạwı wārän, hāŋāldʳən, tarīc şoŋoldʳən. Cinəkə̄ əmərən gū̃nän: „cı-cı-ca! cı-cı-ca! ēwa şoŋolḍəndʳı? cı-cı-ca! cı-cı-ca! şə̄kşəwi cıwuşka!" Cıwusnan, gū̃nən! „əṇījə! nəkū̃jə! tụg-dä вirä alagdıl".

Aşātkān şụrụrän, wārän ənīnmi, nəknīlwi, wārän, ḍəwrän. Akīnīn əmərän, вəjụşcəcə̄. Dōldırän, gụnḍirän: „Hāŋā! hāŋā! hāŋā-ŋā! əşiməki, akī okın əməḍän? əsiməki?" Tar ṇān tụk-sə gū̃nən: „hāŋā! hāŋā! hāŋā-ŋā! əşiməki akījā okın əməḍän?" Tarīc sụrụrän oror ṇəkələ̄tin. Nəmələ̄nmə gələ̄ktəḍərən. Tarā Nəmələ̄nmə ḍawaran uγran, şụrụrän nəkū̃ndụlạ̄wi, ŋənərən gū̃nän. „Nəkū̃! hāj! hāj!" Tar nəkū̃nīn, tụgə gū̃nəkin, mışōran. Nəkū̃nin kalanmı gōkalārän, şụkəŋkiwi gadan, sụrụrän. Nəmələ̄nḍi hụktiвḍərən, hụktiвḍirän. Tālā dolвoldʳən, nəkū̃nmi dōldırän amaşkī kəşilirīn aşaḍan. Tarīc вokoldʳən şiγun вụrụcə̄lə̄n. Şụkəŋkiwi ḍụlə̄şkī nōdarän, gū̃nän: „Nəmələ̄n halganawı вụrụptinạwi вōrıkal, ānŋạcıwunaw". Iwəŋkin tarī Nəmələ̄n hōgran halganmān ụmụkə̄nmə. Hata hụptipḍạrän; ānŋəşnạn, Nəmələ̄n halganmān ḍəвḍənə.

Потом пошел мужчина с женщиною. Женщина сказала: „Теперь будет место состязания в шагах, станем шагать". Пошли, шаги мужчины увеличились, шаги женщины маленькие. Потом женщина сказала: „Отсюда пойдет место состязания в прыжках, станем прыгать". Мужчина прыгнул, женщина прыгнула, отстала от мужчины. Насмолили головы, женщина сказала: „Станем чесать волосы!" Стали чесать. Мужчина чесал волосы. Женщина стала расчесывать, гребенкой уколола грудь, умерла.

Ш. Кильтыно. Чиромбу

45. Нэмэлон (десятиногий олень)

Старуха делала кумаланы. Дочь свою заставила шкурки напяливать на палочки, нож дала, женский нож. Девочка ушла, стала срубать палочки, руку разрезала (убила), кровь потекла, заплакала от этого. Пташка пришла, сказала: „Чи-чи-ча! чи-чи-ча! что плачешь? чи-чи-ча! чи-чи-ча! кровь свою лизни". Лизнула, сказала: „Мать, младшие сестры также сладки, вероятно".

Девочка ушла, убила мать, младших сестер убила, съела. Пришел старший брат, отпромышлял. Услыхала, говорит (она): „Кровь! кровь! кровь! сегодня ли, старший брат когда придет, сегодня ли?" Потом опять также сказала: „Кровь! кровь! кровь! сегодня ли когда ли старший брат придет?" Потом пошел к следам оленей. Нэмэлона ищет. Того Нэмэлона поймал, сел верхом, поехал к младшей сестре, шел, говорил: „Младшая, хэй! хэй!" Младшая, когда (он) так говорил, исчезла. Младшая надела (котел на плечо), топорик взяла, ушла. На Нэмэлоне бежал, бежал. Стало темнеть, услышал позади звук бега младшей сестры, преследует (она). Таким образом после захода солнца стала нагонять. Топорик вперед бросила (она), сказала: „Нэмэлон, ногу на ночлег отдели (отруби)". Топор тот отрубил одну ногу Нэмэлона. Все еще убегает; заночевала, съедая ногу Нэмэлона.

Tımāltānə ṇān Nəmələnmən aşaşnan. Tālā Nəmələnḍī ṇān вokoldʳən dolвoltōnə. Ṇān kəşirīlīn īldʳə. Tālā ṇān şiγụn вụrụşnan, ṇān gụ̄nən: „Nəmələn halganawı вorıkal". Bụrụptinən, iwəŋkiwi ṇān ḍụləskī ṇōdarän, ṇān Nəmələn halganma hōgran. Tụgi aşatkān hōgran jəginmə halgarwān. Ṇān dōldırän kəşirīlīn, kaların käŋirīlīn. вokoldʳən. Bokonən Nəmələnmə, ṇān şụkəŋkiwi ṇōdarän, gụ̄nḍänə: „Nəmələn ḍäγīw, halganmı вorıkal mindụ вụrụptinəw". Ṇōdarän şụkəŋkiwi ḍuləşkī, Nəmələn halganmän hōgran, вụrụrän. Nəmələn ələwən ḍəwrən.

Akīnīn tar əşilə tukşamat mīşərän. Tālā tukşarän, tukşarän ṇān dōldırän amaşkī kəsirīlīn, käŋirīlīn. Wek dagamaran.

Dolвoltōnə вokumūrän akīnmı. Akīnīn ikəldʳən:

„Həkụ-kụ! həkụkụ! həkụkụ!
iṇəjən dılaca dalgalaşkal
kumalandınḍī galajaвda,
tōkī galandınīn
galajaвda ōkal
Tōkī galandınīn!
Dəwərdiвgin! dəwərdiвgin!"

Tōkī ōdan. Tōkī вinə, hụktildʳan. Hụktiḍəŋnərən, hụktiḍəŋnərən, hụktirän tālā, dolвoltōnə dərụrən, ṇān amaşkī dōldırän, ṇān kəşirīlīn, kalanın käŋtrīlīn ṇān ikəldʳən:

„Həkụkụ! həkụkə! həkụkụ!
iṇəjən dılaca
kumalandımatic,
dalgalaşmalakal!
galajaвda ōkal
əвəj galandınīn,
galajaвda ōkal!
Dəwərdiвgin! dəwərdiвgin!"

Əвəj ōdan, hụktildʳän. Hụktirän, hụktirän, dolвoltōnə därụrän, ṇān вokoldʳən kəşirīlīn, käŋirīlīn, ṇān īldʳə, ṇān ikəldʳən:

„Həkụkụ! həkụkụ! həkụkụ!
iṇəjən dılaca dalgalaşkal
kumalandımatīc dalgalaşkal!
galajaвdā ōkal
gụşkə galandınīn!
dəwərdiвgin! dəwərdiвgin!"

Утром опять стала предследовать Нэмэлона. К вечеру там опять стала нагонять Нэмэлона. Опять звук бега слышится. Опять там солнце село, опять сказала: „Нэмэлон, ногу отдели!" Солнце село опять, бросила вперед топорик, опять отрубил (он) ногу Нэмэлона. Таким образом девочка отрубила девять ног его. Опять услышала звук бега, звон котла, стала нагонять. Нагнала Нэмэлона, топорик бросила, говоря: „Нэмэлон, десятую ногу отдели мне на закате (вечером)". Бросила вперед топорик, отрубил ногу Нэмэлона, упал (он). Нэмэлона всего съела.

Старший брат теперь скрылся пешком. Бежал, бежал туда, опять услышал позади звук бега, звон, все время приближался.

Вечером (совсем) хотела догнать старшего брата. Старший брат запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом след,
следом сохатого
след мой сделай!
следом сохатого!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!"
(заклинание)

Сделался лосем. Лосем ставши, стал удаляться. Бежал, бежал туда, вечером устал, опять позади услыхал, опять звук бега, звон котла, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом след,
след закрой!
След (мой) сделай
медведя следом,
след сделай!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!"

Медведем стал, побежал. Бежал, бежал, вечером устал, опять стала нагонять, опять звук бега, звон котла слышен, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой!
След сделай
волка следом!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!"

Hụktildʳən, gụşkə вinə. Dolвoltōnə därụrän, ṇān ïldʳə käŋirïlïn, kəşirïlïn, ṇān ikəldʳən:

„Həkụkụ! həkụkə! həkụkụ! galajaвda ōkal
iṇəjən dılaca dalgalaşkal! jantakī galandınīn!
kumalandımatīc dalgalaşkal! dəwərdiвgin! dəwərdiвgin!“

Jantakï ōdan, hụktildʳän. Hụktirən, huktirən, tālā dolвoltōnə ṇān därurän; ṇān kəşirïlïn, käŋirïlïn ïldʳə, ṇān вokoldʳən. Nuŋan ṇān ikəldʳən:

„Həkụkụ! həkụkụ! həkụkụ! galajaвda ōkal
iṇəjən dılaca dalgalaşkal! gəlkï galandınīn!
kumalandımatīc dalgalāşkal! dəwərdiвgin! dəwərdiвgin!“

Gəlkï ōdan, hụktirän. Dolвoltōnə ṇān därụrän, ṇān kalanḍıwı käŋirïlïn, kəşirïlïn ïldʳə, ṇan вokoldʳən, ṇan ikəldʳən:

„Həkụkụ! həkụkə! həkụkụ! galajaвda ōkal
əṇijən dılaca dalgalaşkal! şulakī galandınīn!
kumalandımatīc dalgalaşkal! dəwərdiвgin! dəwərdiвgin!“

Şulakī ōdan hụktildʳan, dolвoltōnə ṇān därụrän, ṇān käŋirïlïn, kəşirïlïn ïldʳə. Ṇān ikəldʳən:

„Həkụkụ! həkụkə! həkụkụ! galajaвda ōkal
əṇijən dılaca dalgalaşkal! kụŋkụ galandınīn!
kumalandımatıc dalgalaşkal! dəwərdiвgən! dəwərdiвgən!“

Убежал, волком будучи. Вечером устал, опять послышался звук бега, звон котла, опять запел:

„Жар! жар! жар! След сделай
Мать-солнце закрой следом россомахи!
кумаланом след! Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

Сделался россомахой, побежал. Бежал, бежал, там ночью опять устал опять звук бега, звон котла слышен, опять стала догонять. Он опять запел:

„Жар! жар! жар! След сделай
Мать-солнце закрой следом рыси!
кумаланом закрой след! Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

Рысью стал, убежал. Вечером опять устал, опять звон котла, звук бега слышны, опять стала нагонять, опять запел:

„Жар! жар! жар! След сделай
Мать-солнце закрой лисьим следом!
кумаланом закрой след! Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

Сделавшись лисицей побежал, ночью опять устал, опять звук котла, звук шагов слышны. Опять запел:

„Жар! жар! жар! След сделай
Мать-солнце закрой следом соболя!
кумаланом закрой след! Дэвордыбгин! дэвордыбгин!“

60 Куŋкӯ вinə, hуktild'än. Dolвoltönə ŋän därуrän, ŋän ild'ə kəşirilin, kalandı käŋirilin, ŋän ikəld'ən:

„Həkuku! həkuku! həkukə!
əŋijən dılaca dalgalaşkal
kumalandımatic dalgalaşkal!

galajaвda ökal
sələŋə galandınīn!
dəwərdiвgin, dəwərdiвgən!"

65 Şələŋə ödan, huktidəŋnərən, ŋän därurän, ŋän käŋirilin, kəşirilin ild'ə, ŋän ikəld'ən:

„Həkuku! həkukə! həkuku!
əŋijən dılaca dalgalaşkal
kumalandımatic dalgalaşkal!

galajaвda ökal
ḍələkī galandınīn!
dəwərdiвgən! dəwərdiвgən!"

70 ḍələkī ödan huktild'ən. Dolвoltönə ŋän därurän, ŋan kəşirilin käŋirilin ild'ə, ŋän ikəld'ən:

„Həkuku! həkukə! həkuku!
iŋəjən dılaca dalgalaşkal,
kumalandımatic dalgalaşkal!

dalajaвda ökal
cämutkän galandınīn!
dəwərdiвgən! dəwərdiвgən!"

75 Cämutkän ödan gӯnän: „Şiŋərəkər ŋəpkətənədu pərilḍəkəld'u!" Pərild'ə. Tädu aşaḍarī cömвarän nuganmän. Dəвgəlwə şukəŋild'ən, şukəŋkin əwurgərən. Əwurgərəkin, gӯnän: „Akä! alätcikäl minəl kədərəlwi ülwı əməвḍəm". Amaşkī sururän, kədərəlwi, ülwı cucurwi, şıdıwurwı əməwrən. Tanl cucurwi upkal əwrən, kədərəlwi əwrən, ələwətin əwrən. Täduk cömвarän nəkӯnīn, tädu вuddan.

---

60 Соболем ставши, побежал. Вечером опять устал, опять слышны звук бега, звон котла, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
следом хорька!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!"

65 Хорьком стал, бежит, опять устал, опять звук шагов, звон котла слышны, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
горностая след!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!"

70 Горностаем стал, побежал. Вечером опять устал, опять звук шагов, звон котла слышны, опять запел:

„Жар! жар! жар!
Мать-солнце закрой
кумаланом закрой след!

След сделай
мыши следом!
Дэвордыбгин! дэвордыбгин!"

75 Мышью стал, сказал: „Мыши во владинках у ручья разбегайтесь!" Разбежались (следы). Там (и) потеряла его преследовавшая. Пустые места ударяла топором, топор сломался. Когда сломался, сказала: „Старший брат, подожди меня! кожемялки, скребки принесу!" Обратно ушла, кожемялки, скребки (разн. сорта) принесла. Все скребки сломала, мялки сломала, все сломала. Потом потерялась младшая сестра там (и) умерла.

Ş. Kiltinə. Cirəmbu̯

46. Murıwul

Cıwukcak aşī āḍərān. Ụmụnmə̄k əmərən Cıwukcatkī şāriwụcild'ən āḍərīwạ, ụmụnmə̄k ikə̄ld'ən:

„Cıwukcak! Cıwukcak!
ēgdatpı āŋnənd'ı?
Ŋēwi cāŋılı
Ŋēwi caskīlı!
Cinəkə̄l cuŋılcāl!
Cinəkə̄l culd'ıcāl!"
— „ụmụnmə̄k! ụmụnmə̄k!
Minələjə uγupkal
huld'arukmāttuwı,
kalarukmāttuwı".
— „Ətə̄m-lən! ətə̄m-lən!
Ətə̄m-lən uγuwrạ!
ḍụ̄nmə̄k-lụn ŋəkəγin!
Murıwul lombolonmōn
hərəlnə̄ḍī bişim,
witrinə̄ḍī bişim,
hirgənə̄ḍī bişim".
— „ḍụ̄nmə̄kjə! ḍụ̄nmə̄kjə!
Minələjə uγupkạl
huld'arukmāttuwı,
kalarukmāttuwı".

— „Ətə̄m-lən! ətə̄m-lən!
Ətə̄m-lən uγuwrạ
Ilanmāk ŋəkəγin!
Murıwul lombolonmōn
hərəlnə̄ḍī bişim,
witrinə̄ḍī bişim,
hirgənə̄ḍī bişim".
— „Ilanmāk! ılanmāk!
Minələjə uγupkal
huld'arukmāttuwı,
kalarukmāttuwı".
— „Ətə̄m-lə̄n uγuwrạ,
Diginmə̄k ŋəkəγin!
Murıwul lombolonmōn
hərənə̄ḍī bişim,
witrinə̄ḍī bişim,
hirgənə̄ḍī bisim".
— „Diginmə̄k, Diginmə̄k!
Minə-lən uγupkạl
huld'arukmāttuwı,
kalarukmāttuwı".

Ш. Кильтыно. Чиромбу

46. Муривуль

Женщина Чувукчак спит. Пришла к Чувукчак Умунмок[1], стала будить спящую. Умунмок запела:

„Чувукчак! Чувукчак!
Зачем спишь?
Покойники кругом,
покойник близко,
пташки защебетали
пташки засвистели!"
— „Первая, Первая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца".
— „Не стану, не стану,
не стану сажать я,
Вторая пусть попробует!
Муривуля шаманским плащом
окружена я,
плясовым кругом окружена,
зашаманена я".
— „Вторая, Вторая!
Меня верхом посади
на одеялоносца
на котлоносца".

— „Не стану, не стану,
не стану сажать я,
Третья пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я".
— „Третья, Третья!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца".
— „Не стану, не стану,
Четвертая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я".
— „Четвертая, Четвертая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца".

---

[1] Имена сестер произведены от числительных: ụmụn—один, ụmụnmək—женское имя.

— „Ətəm-lən uγuwrạ,
Tunŋamāk ŋəkəγin!
Muriwul lombolonmōn
hərənəḍī bişim,
witrinəḍī bişim,
hirgənəḍī bişim“.
— „Tunŋamāk! Tunŋamāk!
Minə-lən uγupkạl
huldʳarukmāttuwı,
kalarukmāttuwı“.
— „Ətəm-lən uγuwrạ
Ṇuŋụnmək ŋəkəγin!
Muriwul lombolonmōn
hərənəḍī bişim,
witrinəḍī bişim,
hirgənəḍī bişim“.
— „Ṇuŋụmək, ŋuŋụnmək!
Minə-lən uγupkal
huldʳarukmāttuwı,
kalarukmāttuwı“.
— „Ətəm-lən uγuwrạ
Nadanmāk ŋəkəγin!
Muriwul lombolonmon
hərənəḍī bişim,
witrinəḍī bişim
hirgənəḍī bişim“.
— „Nadanmāk, Nadanmāk!
Minə-lən uγupkạl
huldʳarukmattuwı,
kalarukmattuwı“.
— „Ətəm-lən uγuwrạ
ḍapkunmāk ŋəkəγin!
Muriwul lombolonmōn
hərənəḍī bişim,
witrinəḍī bişim,
hirgənəḍī bişim“.
— „ḍapkunmāk, ḍapkunmāk!
Minə-lən uγupkạl
huldʳarukmāttuwı,
kalarukmāttuwı!“
— „Ətəm-lən uγuwrạ!
Jəginmək nəkəγin!
Muriwul lombolonmon
hərənəḍī bişim,
witrinəḍī bişim,
hirgəŋəḍī bişim“.
— „Jəginmək, Jəginmək!
Minə-lən uγupkạl
huldʳarukmāttuwı,
kalarukmāttuwı“.
— „Ətəm-lən uγuwrạ
ḍānmakja ŋəkəγin!
Muriwul lombolonmōn
hərənəḍī bişim,
witrinəḍī bişim,
hirgənəḍī bisim“.

— „Не стану сажать я,
Пятая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Пятая, Пятая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
Шестая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Шестая, Шестая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
Седьмая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Седьмая, Седьмая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
—„Не стану сажать я,
Восьмая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Восьмая, Восьмая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
Девятая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.
— „Девятая, Девятая!
Меня верхом посади
на одеялоносца,
на котлоносца“.
— „Не стану сажать я,
Десятая пусть попробует!
Муривуля плащом
окружена я,
кругом окружена,
зашаманена я“.

— „ḍānmākja! ḍānmakja! huldʳarukmāttuwı,
Minə-lən uγupkal kalarukmāttuwı“.

Ḍānmāk uγuwrạn, şụrụrə Murıwultıkī. Nuŋan ḍūkānmạ lupumrak hụktirạn, şụrụrạn. Murıwul ụmụkə̄n əmə̄nmụrän ḍūkānduwı. Şụrụrän, ūḍaltın ūḍaşnän. Tālä вokonən ụmụnmə̄kpə, gụ̄nən: „Aşē! ətə̄şkə“. — „Ətə̄m! ətə̄m! ēşamat icəpkə̄ti, ētpı ətə̄şinḍạm, kədərə̄w garpakal“. Murıwul kədərə̄wə̄n garpaşcaran, urārän. Tarä ṇān ŋənərən, ŋənərən ḍụ̄nmə̄k вokonän „ḍụ̄nmə̄k ətə̄şkạ!“ — „Ətə̄m, ətə̄m, ə̄şamat icəpkə̄ti, ə̄tpı ətə̄sinḍạm? Cụcụnmə garpakal, əṇīwə ḍānmākpı īdụ tēwulḍandʳı?“ Murıwul garparan, urārän; şụrụrän, ṇān вokonän aşīwa, Ilanmāk. „Asē! ətə̄skạ“. — „Ətə̄m! ətə̄m! ēsamat icəpkə̄ti, ētpi ətə̄şinḍạm ụwəpkə garpaka“. Murıwul ılīwrän garpaşcaran, urārän, ṇan şụrụrän, iltənən, ṇān aşīwa вokonən. „Asī, ətə̄şkạ“ — „Ətə̄m! ətə̄m! ēşamat icəpkə̄ti, ētpı ətə̄şinḍạm? Şıdıwunma garpaka“. Garpaşcaran nuŋan, urārän, ṇān şụrụrän, ṇān вokonən aşīwa Tunŋamāk. „Aşē ətə̄skạ“. — „Ətə̄m! Ətə̄m, ēşamat icəpkə̄ti, ētpı ətəşinḍạm, əṇīwə ḍānmākpı īdu tēwulḍandʳı; ụlkäwə garpaka“. Murıwul ụlkäwə̄n garpaşcaran urārän. Şụrụrän ṇāṇ вokonən aşīwa Ṇụŋụnmə̄k. „Asī ətə̄skạl. — Ətə̄m! ətə̄m! ēsamat icəpkə̄ti, ētpı ətə̄şinḍạm? ḍawalgānmə garpaka“. Nuŋan garparan, urārän, ḍawalgānmạ əmə̄nən, şụrụrän, ṇān вokonən asīwa Nadanmāk. „Aşē! Ətə̄skạ“. — „Ətə̄m! ətə̄m! ēşamat icəpkə̄ti, ētpı ətə̄şinḍạm, şiγụnkə̄nmə garpaka“. Murıwul garpaşcaran, ṇan urārän, şụrụrän cāskī, āşīwa вokonən. „Aşē ətəşkạ“. — „Ətə̄m! ətə̄m! ēşamat icəpkə̄ti, ētpı ətəşinḍạm, ənīγəkpə garpaka!“ Garpaşcaran nuŋan, urārän, şụrụrän aşīwa вokonən, gụ̄nən: „Asī ətə̄şkạ“, — „Ətə̄m! ətə̄m! ēsamat icəpkə̄ti, ētpı ətə̄şinḍạm, dāläspạ garpaka“. Nuŋan garparan, urārän, ururän asīwa вokonən: „Aşī ətə̄şkạ“. — „Ətə̄m! ətə̄m ēşamat icəpkə̄ti ētpı ətə̄şinḍạm, ḍaγujwə̄n garpaka!“ Murıwul garparan, urārän, şụrụrän, вokonən aşīwa. „Asə̄ ətə̄şkạ!“ — „Ətə̄m! ətə̄m! ēşamat icəpkə̄ti ētpı ətə̄sinḍạm, lomвolonmo garpaka“. Nuŋan garpaşcaran urārän.

— „ Десятая, Десятая! на одеялоносца,
Меня верхом посади на котлоносца“.

Десятая посадила, отправились к Муривулю. Она сквозь юрту пробежала, убежала. Муривуль остался один в своей юрточке. Пошел, по следам пошел. Там встретил Первую, сказал: „Женщина, оглянись“. — „Нет, нет! глазом увижу как (глаза слепые), чем оглянусь, мялкой выстрели“. Муривуль мялкой бросил, промахнулся. Там опять шел, шел, Вторую встретил. — „Вторая, оглянись!“ — „Нет, нет, глазом как увижу, чем оглянусь, скребок брось. Мать Десятую где догонишь?“ Муривуль бросил, промахнулся, ушел, опять догнал женщину, Третью. „Женщина, оглянись!“ — „Нет! нет! глазом как увижу, чем оглянусь, скребок брось!“ Муривуль в третий раз бросил, промахнулся, опять ушел, прошел, опять женщину нагнал. „Женщина, оглянись!“ — „Нет, нет, глазом как увижу, чем оглянусь, скребок для выскабливания шерсти) брось“. Быстро бросил, промахнулся, опять пошел, опять встретил женщину, Пятую. „Женщина, оглянись!“ — „Нет! нет! глазом как увижу, чем оглянусь, мать Десятую где догонишь; бугорком (на бубне) выстрели“. Муривуль бугорком выстрелил, промахнулся. Ушел, опять догнал женщину, Шестую. „Женщина, оглянись“. — „Нет! нет! глазами как увижу, чем оглянусь, ручку (от бубна) брось“. Он бросил, промахнулся, ручка осталась, ушел, опять встретил женщину, Седьмую. „Женщина, оглянись“. — „Нет! нет! глазами как увижу, чем оглянусь, серединку (пузыря шаманского бубна) брось“. Муривуль бросил, опять промахнулся, ушел дальше, женщину встретил. „Женщина, оглянись“. — „Нет, нет! глазами как увижу, чем оглянусь, круг от (шаманской шапки) брось“. Бросил он, промахнулся, ушел, женщину встретил, сказал: „Женщина, оглянись“. — „Нет! нет! глазами как увижу, чем оглянусь, крышку (от бубенного чехла) брось“. Он бросил, промахнулся, ушел, женщину встретил. „Женщина, оглянись“. — „Нет! нет! глазами как увижу, чем оглянусь, рог (наспинное украшение большого шамана) брось!“ Муривуль бросил, промахнулся, ушел, встретил женщину. „Женщина, оглянись“. — „Нет! нет! глазами как увижу, чем оглянусь, плащ брось“. Он бросил, промахнулся.

Şụrụrän Murıwul, вəjəwə arcaran. ḍıkıldʳän. Bəjə gụ̄nən icəpcə̄jə Muruwulwa: „Aha-ha-hä!“ Murıwu'tıkī ḍəwụpki əmərän, talmīwı uγaktaḍaran, вəjə gụnḍirän Murıwulwa: „ḍıkılmākātcıγāt!“ Tarī ḍəwụpki şụrụrän. Murıwul gụ̄nän: „On ḍıkılmākātcıγā?“ ḍạwụpki şụrụrän. Murıwul icättʳən. Āmutkändulı hụrrän ḍawụpki, ṇara вinə. Murıwul şụpirə̄ kaputtan ŋāliḍạnạ, şụrụrän, iktərən mụ̄wə hụrḍäktuwi. ḍạwụpki tāduk ıldʳən: „Aha-ha-ha! Bəjə şōtıtmārtı вişindʳi“. ḍạwụpki gewrän ḍıkılnārän, Murıwul icättʳän, tālā ḍạwụpki mụ̄gdəkə̄nə ōdan. Murıwul şụrụrän ṇän şụpirə̄ kaputtʳan mụ̄gdəkə̄nə işşan, iktərən şụpirə̄c. Bəjə gụ̄nän: „Aha-ha-ha! вəjə, şōtımārtı вişindʳi“. Tāduk ḍạwụpki gụ̄nän: „Kə! вəjə şi-məli ḍıkılnākə! Murıwul gụ̄nən: „Ənət icättä şi-də̄“. Murıwul ŋənərən, ŋənərən tālā kārвukə ōdan, əpkərə̄ hoṇolın hụrrän. Gələ̄ktildʳən, gələ̄ktəldʳän ḍạwụpki, alвaran, əşin вakara. Dolвoron ḍạwụpki änŋạşnạn. Aŋnạldʳän tar əpkərə̄ dagama. Togowo ılaran, pōtakīwān şılaran. Əşīlə̄ ikə̄ldʳən: „Bəjə gụ̄cə̄ вirän, ējagan ḍāwụldʳän ŋāməndʳəja ŋāşā ōmīkotı“, gụ̄nə вəjə pōtakīwān əmụkşəmīduwi iṇiktəḍəmirən. „Bəjəkə̄kụn īlə̄ ōdan, ōşıktajagdal?“ Āşnạn nuŋan, āşınākın, əsīlə̄ nuŋan hışıcıldʳan ānŋạduwı. Hışıcılıktadu Murıwul garparan şəgdəndʳəlin, gụ̄ldʳən: „Əpkərə̄ ēḍandʳı, ēḍandʳı? ənə!“ Ṇän garparan, ḍəwụpki вụddạn.

Murıwul əpkərə̄dụk jụ̄rən, вəjə ōdan, şụrụrän. Tālā pụtə dəgildʳən, dōran tādu. Murıwul garparan, tar pụtəwə wārän. Gənnə̄cirən, ḍawaran nuŋanmān. Pụtə hanŋūktaran, gụ̄nän: „Bəjə ōṇı kəndʳi?“ Bəjə gụ̄nən: „Garpam“. — „Hatat hikə̄nmi ılkụrildʳän“. Işildʳən вəjə, pụtə gụ̄nän: „Bəjə ōṇı kəndʳi?“ — „isilim“. — „Hataglat, gụ̄nän: „ṇəвdụrildʳən“. işşən вəjə, togowı ılarän, mōjawı kastıranan, pụtə gụ̄nän: „ōṇı kəlindʳi? ēkun kāşəran?“ Bəjə togowı ılarän, təlgəcildʳạn; pụtə gụ̄nän: „Bəjə ōnı kəlindʳı? — „Təlgəcilim“. Pụtə tagdılıldʳən. „Hataglat, gụ̄nim, ekunḍı hişilildʳə“. Sılarän вəjə, tarīt hanŋūktarän: „Bəjə ōṇı kəlindʳi?“ Murıwul gụ̄nän: „Sılam“ — „Hataglat, ēt ḍigilildʳən“, ḍəwrən Murıwul pụtəwə. ḍəwụldʳən əşīlə̄, pụtə gụ̄nän: „Bəjə ēndʳi?“ — „ḍəwụm“. — „Hataglat, ēkunḍī haktırāldʳən?“ Murıwul amunan. Murıwul

---

Ушел Муривуль, человека встретил. Спрятался. Человек сказал при виде Муривуля: „А-ха!-ха! ха!“ К Муривулю людоед подошел, кузов тащит, человек говорит Муривулю: „Давай друг от друга прятаться!“ Тот людоед ушел. Муривуль сказал: „Как друг от друга прятаться?“ Людоед ушел, Муривуль подсматривал. В озерко нырнул людоед, в ленка превратившись. Муривуль прут сломал, держа пошел, по воде ударил по месту ныряния. Людоед тогда встал: „А-ха! ха! ха! человек (ты) силен!“ Людоед вторично спрятался. Муривуль подсмотрел, там людоед пеньком стал. Муривуль ушел, опять прут сломал, до пенька дошел, ударил прутом. Человек сказал: „А-ха! ха! ха! (ты) мужик силен“. Потом людоед сказал: „Ну, мужик, прячься ты“. Муривуль сказал: „Ты-то не подглядывай“. Муривуль шел, шел, там превратился в бабочку, в щель сухого дерева залез. Искал, искал людоед, не мог, не нашел. Вечером людоед заночевал. Ночевал вблизи от того дерева. Огонь зажег, глухаря зажарил. Вдруг запело: „Мужик как будто говорил, что-то станет есть, по медведю голодал“, говоря мужик понес глухаря в поняге. „Мужичок куда же пропал, только звезды одни“. Лег спать (он), когда (он) ложился, спину грел на ночлеге (у костра). Во время грения Муривуль выстрелил в спину его, сказал: „Бревно, что делаешь, что делаешь? перестань!“ Опять выстрелил, людоед умер.

Муривуль вылез из сухого дерева, стал человеком, ушел. Там пальник летел, сел там. Муривуль выстрелил, пальника того убил. Дошел, поймал его. Пальник спросил, сказал: „Мужик как (что) сделал?“ Мужик сказал: „Выстрелил“. — „Совсем в грудь мою попал“. Стал теребить мужчина, пальник сказал: „Мужик как (что) делаешь?“ — „Тереблю“. — „Еще что“, сказал: „больно от теребления“. Вытеребил мужчина, огонь зажег, дерево срубил, пальник сказал: „Что сделал? что-то кольнуло“. Мужчина огонь разжег, стал резать, пальник сказал: „Мужик, что делаешь?“ — „Разрезаю“. Пальник лопнул „еще что, говорю, чем обогревать спину?“ Сжарил, тот сказал: „Мужик, что делаешь?“ — „Обжариваю (на вертеле)“ — Еще что, отчего-то скарежился“. Съел Муривуль пальника. Начал есть, пальник сказал: „Мужик, что делаешь?“ — „Ем“. — „Еще что, отчего стемнелось?“ Муривуль захотел на двор. Кал

amunīn həŋkəcildʳən: „Tōŋıŋa! tōŋıŋa! əcəs minə wārə". Murıwul amunmı garparan, luk'ī laŋgarararan. Gēwā garparan, ŋān luk'ītpi laŋgarararan. Bərītpi iktərən, amunīn gunḍirān: „Tōŋıŋa! tōŋıŋa! əcəş minə wārə". Amunīn halganmān ḍawaran, ŋān gūnān: „Tōŋıŋa, tōŋına əcəş minə wārə". Gēwan ḍawaran, ḍūkrəwi halgarwı, ŋān gulḍʳān: „Tōŋıŋa! tōŋıŋa əcəş minə wārə!" Murıwul ŋālaṭpı kulturān, ŋālan laŋgarararan. Amunīn gūnān: „Tōŋıŋa! tōŋıŋa əcəş minə wārə". ḍūkrə ŋālalwān ḍawaran amunīn. „Tōŋıŋa, Tōŋıŋa əcəş minə wārə". Dılītpı ḍawaran əlēwən. Tādu əşīlə bıḍəŋnərən.

ḍawupki əmərān, gūnən: „O-γo-γo! irkūkə! dəŋatacā ajada!" Murıwulwa talmīduwı nərən, ugaşnan. Tāduk gūnān Murıwul: „Amākā! hişəγıldu dārumkiliŋnəkəl". ḍawupki dārumkildʳən hişəγdu. Murıwul hişəwə təwūlḍʳən. Təwrən hişəlwə Murıwul. Şururān ŋān ḍawupki. Murıwul gūnān: „Amākā! əşəŋəşələ nəŋəŋnəkəl". Nəŋərən əşəŋərwə; əşəŋərdu Murıwul ḍawaran ŋālalḍīwı, tādu əmənmurən. ḍawupki ḍūlāwı ışşan. ḍūwı gūlḍʳən: „Atəjəj, urgəgdikəkur irkukəkəkun". Aturīkān lopororān, unaptuna nimgəcə uruktəṭpi, talmīwān gādan, ēruktaldʳān — hişəjəgdəl, hanguktaldʳān ḍawupkiwə: „Luptımandʳı?" hukitəwən huptaran, ēmac ācın, unaptijagdın; ḍawupki gulḍʳən: „Tişələ! tişələ! hukitən təkərgərən". Şəktərən, hukitənaja ōdan. ḍawupki şururān amaskī ūḍalıwı, bakarān əsəŋərdu. Murıwul ŋālalḍıwı ḍawucaḍarīwān.

Tarı gūlḍʳən: „Ə-γə-γə-γə! irkukəmīkun ānŋaldukpı taγapcā". Tāduk talmīduwı nərən, uγaşnan ḍūlāwı. Şurıwrān, ışıwrān, ikōptunduwı lokorōn dəŋatacāwā irkukəwə. Hutən gūnān: „inə şēkanmān mindu hukkal". Inə kəndʳatcırān, amīnīn gūnān: „Aγa-γa-γa! dəŋatacāja-da binə kəndʳacāja-da biγin!" Cikāldʳən Murıwul, ḍawupki gulḍʳān: „Atəjaj, lāmulā, lāmulā". Şururā ḍabḍānərə. Murıwul gūnān kuŋākārwə: „Tīkəldʳu minə! bərkārīşun ōḍam, minə ganacīwuraşun". Gūŋiŋətin ətʳinəncāl-də. Tarıc dılīlwatın Murıwul hoŋnārān. Bəjəlwətin ulərān. Āşınmuran dılwatın huldʳadutın. Əmərə bəjəldīwər, gūlḍʳə: „Nıkākīltı ətʳinəncāl-də? şıwıcāl-da". Tarıc ḍawuldʳə. —

Муривуля спросил: „Тониня, Тониня, (ты) меня не убил". Муривуль выстрелил в свой кал, стрела прилипла. Вторично выстрелил, опять стрела прилипла. Мужчина ударил, кал его сказал: „Тониня, Тониня (ты) меня не убил". Кал его схватил за ногу, опять сказал: „Тониня! Тониня! (ты) меня не убил". Вторично схватил обе ноги, опять сказал: „Тониня, Тониня, меня не убил". Муривуль рукою ударил, рука прилипла. Кал его сказал: „Тониня, Тониня (ты) меня не убил". Обе руки схватил его кал „Тониня! Тониня! (ты) меня не убил". Всю голову схватил. Там теперь и остался (Муривуль).

Людоед пришел, сказал: „Охо-хо! найденная добыча, порядочно замерз!" Положил Муривуля в понягу, потащил. Потом сказал Муривуль: „Дед, на камнях отдохни". Людоед стал отдыхать на камне. Муривуль начал набивать камни (в понягу). Набил камня Муривуль. Пошел опять людоед. Муривуль сказал: „Дед! под наклоненным деревом проходи". Пошел под деревом; за дерево Муривуль схватился руками, там (и) остался. Людоед домой дошел. Дома сказал: „Старуха! тяжелющая добыча". Старуха прыгнула, — от радости проглотила наперсток, понягу взяла, посмотрела — только камни; спросил людоедку: „Проглотила?" Брюхо ее распорол, ничего нет, только наперсток; людоед сказал: „Тышоло! тышоло! брюхо разорвалось". Помазал кровью, брюхо поправилось. Людоед пошел обратно по следам своим, нашел зацепившегося за дерево руками Муривуля.

Тот сказал: „Э-хэ! хэ! хэ! находка после ночевки зацепилась". Потом в понягу положил, потащил домой. Понес, дотащил, на жердь в юрте повесил замерзшую добычу. Сын сказал: „Мама, мне ушко отрежь". Мать покосилась, отец сказал: „А-ха! ха! ха! замерзший-то косым пусть будет!" Муривуль помочился, людоед сказал: „Старуха, на море, на море!" Ушли, пошли есть. Муривуль сказал детям: „Отпустите меня, лучок сделаю, в меня (орудие стрельбы) выстрелите". По сказанному (как говорил) отвязали. Тогда Муривуль отрубил головы их. Тела их сварил. Положил спать головы их под одеяло. Пришли родители, сказали: „Малыши не отвязали ли? замазались".

„ōn-ka, atırīkān, hụtəməgdi, вəjə hụtəwəw ụ̄lə̄nən“.—„ōn, ətə̄n hụtəmus“ ēruktald'ə hụrilwi, dılīltīn ələ.

Nuŋartın āşınạ, şoŋoḍıld'ə. Murıwul şəktəwụntin hərgidə̄dụn вiḍirān, ḍạwụpkilwə şilgiwụrḍi arkıran. ḍạwụpkil gụ̄nā: „ēkunḍı oldortı вəgirəld'ə, hụrildụwər şoŋojo ōdakıt“. ḍạwụpkil ḍụ̄krə вụddạ. Bụdəktin Murıwul şụrụrān.

Tālā ḍūmīlwatın əwənkīl вakaran. ḍūmīγıld'ān, uŋkānmə вakaran; tarīc ṇān ḍūmīγıld'ān, ụŋt'əwụnmạ вakaran, gụ̄nən: „Şēm! Şēm! Şēm! gagdamapkānəwı вakam“. Tarīc ṇān ḍūmīld'ān, inməwə вakaran. „Şēm! Şēm! Şēm! tụlgụpkə̄nəwi вakam“. Tarīc ṇān ḍūmīγıld'ān, nınakın amunmān вakaran. „Şēm! Şēm! Şēm! purcankānəwı вakam!“ Şụrụrān ṇān matalwa вakaran, cinəkə̄nụn, kụkə̄kīnun ḍūlgātcırā. ụmụkə̄n gụndirān: „Bəjəwə ēc ulıḍap?“ Muriwul gūnān: „Oŋodu purcaγıl вicə̄l“. Şụrụrān asī gələ̄ktənə̄rən. Alвaran вakaḍamī gələ̄ktərən, gələ̄ktərən əşin вakara. Gē̄ şụrụrān gələ̄ktərān, gələ̄ktərān, ṇān əşin вakara, gụ̄nān: „ṇəṇəjạgdi, purca ācın!“ Murıwul gụ̄ld'ən: „Şıw! Şiw! Şiw! ējan вiḍạn purcaγıltın! Şiw! Şiw! Şiw!“ Murıwul şiŋərə̄kə̄n ōdan. Şəktəl dōgıdālıtın hụktiktəld'ən. Kədərə̄lḍīwər tərəgə̄cild'ə, kədərə̄jə ụrgərən. Tāduk cụcụnmi gādan, cụcụnə ụrgərən, ụγụwi gadan, ụγụwi ụrgərən. Tardalā Murıwul şiŋərə̄kə̄n ōdan, tikin siŋərə̄kə̄n вişin.

N. Kaplin. Ṇorвokō

47. Häwänätmə [1] ijəcī

„Əṇī! ēkun əməḍərən, untan oṇocī, häwänätmə ijəcī, hōnandus təgəḍəŋə̄n“, gụ̄llən kuŋākān. Tar kuŋākān āmuttulā ḍawrāşcā, häwänätmə ijəcī əməcə̄, hōnandun təgəcə̄. Əṇīnīn cirīkə̄wə ojoduwı nə̄cə̄. Häwänätmə ijəcī ḍəpcə̄ tar ahīwa kalatajwa. Tụk-kə kə̄jim, hụtələ̄n ŋənəcə̄. Häwänätmə, ə̄rıḍəwki tar ahī hụtə̄wə̄n. Tar kuŋākān amīnīn əməcə̄, hụtətkīwi gụnḍəwki: „Əṇinni-kə īlə̄ hụrụcə̄n?“ — „Nuŋanmān häwänätmā ijəcī ḍəpcə̄n“. Tar вəjə häwänätmə ijəcīwə (nuŋan ahī вicə̄n) ahītālcā. Tāduk tar

---

Потом стали есть. „Что-то, старуха, не наши ли дети, мужик детей моих сварил“.— „Как, не может быть, чтобы твои дети“. Посмотрели детей, (там) только головы.

Они легли, стали плакать. Муривуль под постелью лежит, людоедов шилом проткнул. Людоеды сказали: „Чем это в бок колет, от плача (видно) по детям“. Оба людоеда умерли. Когда умерли (они), Муривуль ушел.

Там нашел юрты эвенков. Стал искать (в юрте), железную лейку нашел, потом стал опять искать, помазок (для клея) нашел, сказал: „Шэм! шэм! шэм! кормовое весло нашел“. Потом опять стал искать, иглу нашел. „Шэм! шэм! шэм! багор нашел!“ Потом опять стал искать, нашел собачий кал. „Шэм! шэм! сухое мясо нашел!“ Пошел опять, соседей встретил, пташка с кукшей живут вместе. Одна говорит: „Мужика чем накормим?“ Муривуль сказал: „В носу лодки сухое мясо было“. Ушла женщина, пошла искать. Не могла найти, искала, искала, не нашла. Вторая пошла, искала, искала, опять не нашла, сказала: „Мама, сухого мяса нет!“ Муривуль сказал: „Шив, шив, шив, какое там сухое мясо! шив! шив! шив!“ Муривуль превратился в мышь. Под подстилки убежал. Собрались колотить мялкой, мялка сломалась. Потом скребок взяла, скребок сломался, (еще) скребок взяла, скребок сломался. В те поры Муривуль мышью стал, еще теперь мышью живет.

Н. Каплин. Ербогочен

47. Железные рога

„Мама, кто идет, унты вышитые, железные рога, на макушку юртяных жердей сядет“, сказал ребенок. Тот ребенок на озеро поехал в лодке, железнорогая пришла на юртяной связке села. Мать его котел на голову положила. Железнорогая съела ту женщину с котлом. Так сделавши, к ребенку пошла. Железнорогая позвала сына той женщины. Пришел отец того ребенка, сыну своему сказал: „Мать-то куда ушла?“ „Ее железнорогая съела“. Тот мужчина женился на железнорогой. Потом тот

---

[1] Häwänät от русского слова свинец, употребляется в значении свинец и железо. Железнорогая—важенка.

вəjə hụrụcə̄ ḍaldulāwı, ahīlākājım. Häwänätmə ijəcīŋin hụrụcə̄ ə̄dīwi ahaşca. Häwänätmə вokocō ədīwi. Guluwurwa ılatcāl, ahätkārwə gụ̄cə̄l: „ōmaktawar kukınmar ŋənnə̄wkəllə!“ Häwänätmə guluwundulā hulıtnācā, togolō məŋụnmə lamвawa nōdacāl, gụ̄cə̄l: „Ni ahīn hōtmār, tar gāḍan lamвawa“. Ōmakta kukıntın gāhıcılcā, nuŋanmān togolō anacalla. Togodu вụrụkə̄jim, häwänätmə gụnḍəwki: „Əcə̄ī anara вihiksun, talakacā вimcə̄w hakırwahun. Awalaŋ ijədụn hälвụ! hälвu!“

A. Pụtụgir. Ŋəkə̄nnə

48. Cụlụgdi

ụmụkə̄n вəjə ụrincəḍəcə̄n, gırkuktalān, вəjụmə̄cilə̄n. Ahīn ḍūkcaduwı hụtənụn вillä. Tar ḍūkcaduwar вiḍərə̄ktin, ēkun-mal kacunallan, icəttə — cụlụgdi əmərən. ḍūkcālātın īrən nuŋan, tar ahīwa umnə̄t mukuran, hụtəwə̄n əcə̄ mukura.

Cụlụgdi ḍəwkə̄jim, вəjə ḍūkcādun вillən. Tar вəjə ḍūkcālāwı dolвoltōnə əmərən, ḍūkcālāwı īrən. Cụlụgdi вiḍərən ḍūkcādun, ahīwān dəpcə̄, hụtən вiḍərən, əcə̄ ḍəwrə. Tar вəjə ŋə̄ləllən. „Minə ḍəwḍən!“ gụ̄nən вəjə. Cụlụgdiwə atırkāntālıksan ōran, ədə̄n ḍəwrə nuŋanmān.

Dolвoltōnə āŋnạttə ḍūktə Cụlụgdinun. Bəjə tımātnə ụnəmə̄mə təgərən, ororwı ḍawattan, gụ̄nən atırkānmı cụlụgdiwi: „Namakājım, əməhində̄wi jaŋkalıw“.

Bəjə gụ̄kə̄jim, huksıllalwı təttən, hụrụrən akīntıkīwı. Istan akīnmı; ıskājım, ụlgụcə̄llən akīntıkīwı: „Cụlụgdi, əmənə, nụlgiwə̄w ḍəwrən“. Tar вəjə ḍalın ŋə̄ləllə, tāduk вəjə gụ̄nən: „Akīnmı guluwuna ılawāt! Nuŋanmān guluwundulā anaḍanāktə“. Əhilə̄ guluwunma ılara.

Ahī-Cụlụgdi ororwı namaran, kuŋākānmə uγuwran ūcakın amaskīn. Gụlihilləkin, tar kuŋākān вụrụrən dụnnələ̄. Cụlụgdi əmərən kuŋākāndulā, uγụwran, ṇān ūcakın

---

мужчина ушел к своей родне, женившись. Железнорогая ушла, последовала за мужем. Железнорогая нашла мужа. Зажгли костры, девочкам сказали: „Приведите новую невестку“. Железнорогая пришла погреться к костру, в огонь бросили серебряную ложку, сказали: „Кто из жен сильнее, та ложку возьмет“. Новая невестка взялась достать, ее в огонь столкнули. Умирая в огне, железнорогая сказала: „Если бы не столкнули, съела бы ваши печени. Рогам оленя (возрастное название) больно! больно!“

А. Путугир. Нгокөнно

48. Чулугды

Жил один мужчина, мастер ходить, промышлять зверя. Жена его в юртенке с сыном жили. В то время, когда они были в юрте, что-то такое зашуршало, посмотрели — Чулугды пришла. В юртенку их она вошла, сразу проглотила ту женщину, сына ее не проглотила.

Чулугды, съевши (жену), в юртенке мужчины стала жить. Тот мужчина пришел вечером, в юрту вошел. Чулугды живет в его юрте, жену съела, (а) сын его жив, не съела. Тот мужчина испугался. „Съест меня“, сказал мужчина. Сделал Чулугды своей старухой, чтобы его не съела.

Вечером спали вместе с Чулугды. Мужчина встал рано утром, оленей поймал, сказал своей старухе Чулугды: „Навьючивши оленей, иди по свежему следу моему“.

Сказавши, мужчина надел лыжи, пошел к старшему брату своему. Дошел до брата; дойдя, стал рассказывать брату: „Чулугды, пришедши, кочеводку (жену) мою съела“. Родственники того мужчины испугались, потом мужчина сказал: „Брат, костер зажжем! Ее в костер столкнем“. Тогда зажгли костер.

Жена-Чулугды оленей навьючила, ребенка посадила на оленя задом. Когда стала собираться, ребенок упал на землю. Чулугды подошла к ребенку, посадила опять

amaskın, kuŋākāntıkī gụ̄nə: „Bi hinə mukuḍam, вụrụrəkis. Əŋīnnə on uγuwuŋkın hınə?“ — „Ūcakīw ijətkīn dārəwəw nə̄ŋkin əŋī“. Cụlụgdi uγuwran tụk kuŋākānmə. Əhīlə̄ nụlgihinən tar вəjə jaŋkalın. Nụlgihiwki, nụlgihiwki, əhilə̄ ıstan ụrinəwi. Bəjə nəknīlīn arcamkara, gụ̄llə: „Haŋas! вu inigəktəwụn“. Ahātkār inigəllə.

Guluwundu вiḍənəl, вəjəl jə̄kəllə, gụ̄nəl: „Ollon вụrụrən gāhıtcaksar вiwkil“. Tāduk вəjə gụ̄nən: „Minŋi atırkam gāḍaŋān“. Nuŋan gụ̄nən atırkāntıkīwı Cụlụgditkī: „Atırkān gānākəl“. Tarıŋın tuksakākuttān, əmərən, gāhıcıllan. Nuŋanmān tādu guluwundulā anara. Cụlụgdi ēhan togodu hụcərgə̄wki, ḍogḍomī. Tụk wārə nuŋartın Cụlụgdiwə.

Iləl gụnḍirə: „Cụlụgdi ēha əhikin ḍogḍorə, əhikin hucərgə̄rə, tə̄li əwki вụddạ Cụlụgdi. Upkat ụllən nuŋanŋın hələmə, ụmụkə̄n ēha illəgə̄cin“.

I. Kaplın. Iŋārıgdā

49. Cụlụgdi

ụmụkə̄n вəjə urumkun вicə̄n. Nəlkə, əwilạhạ nụlgiḍəcə̄n. ụrinə̄rən, ụrinə̄də̄wi ŋənəḍəcə̄n. ụricə̄, ụmụkə̄n halgacī Cụlụgdi. Tar вəjə əmərən nuŋandulān əhīlə̄. ụmụkə̄n halgacī ṇụŋniciwki nuŋanmān, ụrinə̄rən tar вəjə ḍūn. Əmərən ahīn, nụlgirən. ḍūwı tar вəjə hawalcā, ḍūwı kaltakawān əlвərən Cụlụgdi hụkəwi вụrụscərən, nuŋanmān təpuḍəmī. Bəjə ḍūwı kaltakawān namaran orondu, kaltakan ḍūn вimnān. Nụlgihinən hoktokōkun, mụcụhinən, tar Cụlụgdinun ḍụ̄ktə təgətcənə guluwundulāwar. Dolвoltōnə вəjə ḍūlāwı iŋəhinən, вırawa dagrạn, hoktowı dakkājım, əjə̄ḍiŋə̄ḍīn.

Hoktowı вargıdādun icəcillən caŋıcīŋı, dōldırən həŋkə̄rвə̄n, əməḍərən: „Goro-wol вiγin, daga-wal вiγin taj-tu! taj-tu! Əməḍənə вırawa əjə̄rən duγnadun. Əjə̄kə̄jim əhīlə̄, ŋənərən, dāllạn hiŋilgənḍī hoktowo, ṇān tīgitcənə вiḍəŋnərən.

Cụlụgdi ahī ahaḍaran nuŋanmān, ədī ūḍakākın. „Hakınmān вucakaḍaḍıŋa-wu?“ gụnḍirən, əmərən вırawa, əjə̄rən. Bəjə nuŋarwatın ḍụ̄ktəwə əjīrən, ụlə̄kkirən.

к заду (оленя), ребенку сказала: „Я тебя проглочу, если упадешь. Мать твоя как садила тебя?“ — „Лицом к рогам оленя сажала мать“. Чулугды посадила так ребенка. Тогда отправились по свежему следу мужчины. Кочевали, кочевали, потом дошли до стоянки. Младшие сестры мужчины встретили, сказали: „Невестка! мы развьючим“. Девочки развьючили.

Сидя у костра, мужчины засмеялись, говоря: „Крюк (для подвешивания котла) упал, кто может вынуть?“ Тогда мужчина сказал: „Моя старуха вынет“. Он сказал своей старухе Чулугды: „Старуха, поди возьми“. Та поскакала, пришла, стала брать. Ее столкнули туда в костер. Глаз Чулугды в огне лопнул, сгорая. Так они убили Чулугды.

Люди говорят: „Если глаз Чулугды не сгорит, не лопнет, тогда не может Чулугды умереть. Все ее тело железное, один глаз как у человека“.

И. Каплин. Ингаригда

49. Чулугды

Был один короткий мужчина. Весною в период охоты (по насту) кочевал. Шел кочуя. Ходил, чтобы кочевать. Кочевал одноногий Чулугды. Тогда тот мужчина подошел к нему. Одноногий заметил его дорогу, отправился к юрте того мужчины. Пришла жена его, прикочевала. Мужчина делал юрту, половину юрты покрыл. Чулугды бросил быстро топор, чтобы ударить его. Мужчина половину дома (покрышек) навьючил на оленя, половину оставил на остове. Отправился кочевать по дорожке, вернулся, с Чулугды вместе сели у костра. Вечером мужчина отправился в юрту передневать (переночевать), через реку перешел, дорогу прорубивши, чтобы (тот) утонул.

По ту сторону (его) дороги увидел бродягу, услышал слова, идет: „Далеко ли близко ли тай-ту! тай-ту! (съем). Подойдя к реке, утонул в прорубленном (месте). Когда утонул, (мужчина) пошел, покрыл снегом дорогу, опять остался караулить.

Чулугды жена шла по следу его, по следу мужа. „Печенку его съели“, говорит, пришла к реке, утонула. Мужчина их обоих утопил, обманул.

I. Kaplın. Iŋārıgdā

50. Bərkə̄ltụn

ḍụr вəjəl hō̄nıŋıl вicə̄tin. Ge nəkū̄nī̇n вicə̄n Bərkəltụn, akī̇nīn вicə̄n Mụcụnəj, əkī̇ntin ŋuŋun dılıcī вicə̄n. Nuŋartın вiḍəcə̄tin əkī̇ndụwi. Əkī̇ntī̇n ədī̇mə̄cillən Cụlụgdiwə-hō̄nıŋıwa. Bultaḍaŋnarə, ajakākur вəjəl вicə̄tin. Əhilə̄ əkī̇nī̇n ụŋcə̄n nuŋarвatin, gənnə̄də̄tin amākāwə, ḍawadātın inḍərī̇wə. Amākāwə irəksəwə həktəwụnəwi əməwdə̄tin hiltiliḍədə̄n hamnıptınawı.

Əhī̇lə̄ hụrụcə̄l, ŋənəḍəcə̄l, amākāwə gələ̄ktəcə̄l. Ō̄pcāl hərəlgəndulə̄, вargıdādun nəlgəkə̄wə icəcə̄l amākāwə hiltilвə kapuḍaŋkılвān.

Akī̇nī̇n əhī̇lə̄ ikə̄lcə̄n, gū̄nḍənə:

„Nəkū̄jəj! Mụcụnəj
ō̄n вugdəkə̄kun
kapuḍaŋkılın;
ēldulā ıhıвḍan
əkī̇nti ŋụŋụnin“

Nəkū̄nī̇n gū̄nən: „Icəwə̄t awadı-wal вihikin nuŋan!“

Gırkucāl, вakacāl amākāŋar. Amākā tuksancacān nuŋarвatın. Nəkū̄nī̇n Bərkəltụn hērdukī̇n amākāwə ḍawacān, ḍunnətkī̇ nōdacān amākāwə. ḍūlāwər ıhıpcāl, əkī̇ndulə̄wər. Ihıwkājım, gorowotı gırkuḍaltın.

Əkī̇ntin ụllilcə̄ nuŋarвatın, ḍānmə tigəl winəwə вū̄cā̄n. Əhī̇lə̄ umkājım, həвḍəpcụ ocātīn. Mụcụnaj, əkī̇ndụkki əjə̄cəlcə̄: „Ēduk-kə вakacās hacıkān-məl вinə̄n“. Nuŋan ŋān вū̄rən ḍānmə tiγəl. Hoktolcōl nuŋartın, āhıcāl. Nuŋartın ılanma anŋanīl āwkıl. Āḍərə̄ktin, ḍū̄rwə hələməlwə awsalwa ōcāl, dıcāl nuŋarwatın āḍərə̄ktin. Lāmulā əjī̇cāl Cụlụgdiŋụn mī̇rən, əjī̇kə̄jim. Cụlụgdilə̄ nụlgihinən, nəknilвi dıkājım.

И. Каплин. Ингаригда

50. Бёркольтун

Два мужчины были силачи. Второй младший был Бёркольтун (живчик), старший был Мучуной, старшая сестра их была шестиголовая. Они жили у старшей сестры. Старшая сестра их стала собираться выходить замуж за Чулугды силача (богатыря). Промышляли (они), хорошие мужики были. Тогда сестра послала их, чтобы притащили медведя, чтобы живого поймали, подстилку для шкуры медведя чтобы принесли, за гнилушками для дымокура сходили.

Тогда (они) ушли, шли, искали медведя, пришли в марник, увидали по ту сторону коряжину, медведя, гнилушки разбивающего. Старший брат тогда запел, говоря:

„Нокуей! Мучуной!
Как холмик
сломанный;
до чего доведет
сестра шестиголовая!“

Младший сказал: „Посмотрим, какой он есть!“

Пошли, нашли медведя. Медведь быстро прыгнул на них. Младший Бёркольтун схватил медведя за уши, бросил медведя на землю. Притащили домой к сестре. Притащивши, вблизи походили.

Старшая сестра накормила их, десять чашек вина дала. Тогда, опьяневши, они стали веселыми. Мучуной спросил сестру: „Где нашла, щенком ли будучи?“ Она еще дала десять чашек. Опьянели они, заснули. Три года они спали. Когда они спали, сделали два железных ящика, всунули их, когда они спали. В море утопили. Утопивши, вышла замуж за Чулугды. Откочевала к Чулугды, всунувши своих братьев (в ящик).

Hōnıŋıl āḍəcāl, āḍəcāl, əhīlə̄ mēlcāl, ēruktacāl—haktırapcudu вiḍərə. Ikə̄lcə̄ Mụcụnəj: „Nəkū̄jəj! Bərkəltun! Ēkundu ōcāltı? Əkīnti Ṇụŋụnin ēkurdulā ıhıwran? Ajadıdu awsadu nōcā əkīnti Ṇụŋụnin вitpə“. Nəkū̄nīn Bərkəltụn mēlcā. Əhīlə̄ ēruktawkıl — haktırapcu, humnawkıl — mū̄dụ вiḍəhincə̄l. Hācal nuŋartın mū̄dụ вiḍərə, ikə̄cə̄l: „Əṇəjəi Lāmujəj! Kəjụləwər gərвis. Mụnŋidụ mū̄dū̄s вụdə̄kiwun. Uγəskəl! uγəskəl! kəjuləwər! uγəskəl! uγəskəl! kəjuləwər!“

Nuŋartin əmụwụllə; tụk kəḍənəl, ụmnə̄t hikcə̄l, humnawkıl, dụnnədụ ōda. Bərkəltun ikə̄lcə̄: „Akıjaj! Mụcụnəj hawāwātın ēruktakal! kəjụləwər! Akīnān! Mụcụnəj ahunmanın вinə̄n“. Ēruktallan akīnīn Mụcụnəj, alвaran kapuritcamī awsalwı. Alвakājım ikə̄llən: „Nəkū̄jəj Bərkəltụn! kəjụləwər! hawāwatın hi-ə-li ēruktakal hiŋigdəwə naḍəjıŋkı, ər mōmodu вụḍəkīt ərụpcụ ōdan“. Bərkəltụn hōgıltulcān hoṇoskottən. ụγikụn. Mụcụnəj ikə̄lcə̄: „Nəkū̄jəj! Bərkəltụn! kəjuləwər! hoṇoskottən вuttəgə̄cinin. Hawuskātkạl вihikin! kəjuləwər! kəjuləwər!“ Bərkəltụn hōgıntucān, hụmtəlḍī hụrụknənin upkatpān hətəkụpcəcə̄.

Dılacawa tırganīwa icəcə̄l. Hōt ḍəmụlcə̄l; ēlaha-da ənəduwər вihi dụnnədụ ōcā. Jūcə̄l awsaduk gū̄lcə̄l: „īriklə̄ ḍūt вinə̄n əhīlə̄?“ Dılaca ılkənīn hụrụcə̄l, ŋənəḍəcə̄l ŋənəḍə̄cə̄l cıpıcıkānmə̄ wācal. Cıpıcıkānduk gıramnakānḍī вərkə̄nmə ōcāl. Tarīt wācāl kụkə̄kīkə̄nmə. Halgandukīn ōcāl ṇān ṇurkānmə, tāduk wācāl hinụkīcəkə̄nmə halganḍīwı ōcāl ṇurjawar. Tāduk ṇimənŋiwə ṇurjawar ōcal, wācāl вəjụncikə̄nmə, əŋnəkə̄nmə Ṇuŋındukın ōcāl ṇurılвa, warə həgdiwə вəjụrwə. Issal dụnnəldụlə̄ īdụ gırkıŋkıtın. Iskājım, ḍūwar, вakacāl ḍūwatın upkatpatın ılapcāl, ēkunda ācın. ūḍatın hụrụkiətin häwkāttən arakukan. Ṇurılawar ōra ajamama, əkīnmər hụrụḍə̄ktụlə̄n hụrụrə. Ŋəŋəḍəcə̄tin, ŋənəḍəcə̄tin, ısta nuŋarвatın. Balagawān icərə hēkılduk ōcāwə. Tāra hıpkumōcılla „ōn hō вinə̄n, maŋiwı ḍorogdı“. Bərkəltụn gū̄cə: „Dōwaḍıŋāw вihim“. Kə-hilə̄ əməcə̄l. Ətəjə̄mnī вiḍərən. Tar ətəjə̄mnī kawkawān ḍawacān ətitcə̄n həŋkəjə ācınḍī wācān. Bərkəltụn ikə̄lcə̄n: „Əkījəj! Ṇụŋụnin! kəjụləwər! nəkniliji əməcə̄l, dorowomcās

---

Богатыри спали, спали, наконец проснулись, посмотрели—в темноте сидят. Запел Мучуной: „Младший брат Бёркольтун! в чем мы заделаны? Сестра шестиголовая во что ввела? В хороший гроб положила нас шестиголовая сестра“. Младший брат Бёркольтун проснулся. Тогда осмотрелись — в темноте; толкнулись—в воде живут. Узнали они, (что) в воде живут, запели: „Мать море! Коюловор имя твое. Наша могила в воде твоей. Вынеси волной! вынеси! Коюловор вынеси! вынеси (заволнуйся)! Коюловор!“

Они стали толкаться, так делая вдруг, взглянули, шевельнулись, на земле стали. Бёркольтун запел: „Старший брат! Мучуной, работу их посмотри! Коюловор! Старший брат! Мучуной! сколько-то (ящиков) есть“. Осмотрелся брат Мучуной, не мог разбить ящики. Не смогши, запел: „Младший брат Бёркольтун! Коюловор! работу ты-ко посмотри, на тебя надеюсь, в этом деревянном гробу худо стало“. Бёркольтун стал толкать, немножко раздвинул. Мучуной запел: „Младший брат! Бёркольтун! Коюловор! как будто расщепил (раздвинул). Если бы был побойчее Коюловор! Коюловор!“ Бёркольтун быстро толкнул, в щепы разлетелось, разбил все.

Солнце, день увидали. Сильно проголодались, на ничего неимеющей земле оказались, вышли из ящика, сказали: „В каком направлении была наша юрта?“ Солнце когда стояло (в полдень), ушли, шли, шли, птичку убили. Из косточки птички сделали лучок. Убили им кукшу. Из ноги ее опять сделали стрелу, потом убили рябчика, из ноги его сделали стрелы. Потом глухариные стрелы сделали, убили зверька, теленка. Из голени его сделали стрелы, убили больших зверей. Дошли до земли, где ходили. Дойдя до дома, нашли весь дом сожженным, ничего нет. След от ухода едва-едва узнали. Стрелы хорошие сделали, по дороге сестры отправились. Шли, шли, дошли до них. Увидели балаган, сделанный из елей. Там стали поглядывать. „Какой сильный Манги (чорт) зять“, Бёркольтун сказал: „Я займу“. Ну вот пришли. Пастух живет. За горло пастуха схватил, оторвал, без слова убил. Бёркольтун запел: „Сестра шестиголовая! Коюловор! братья пришли, поздоровалась бы

ajadu вuγadut, ḍūdu ajadu, nonos əmərəw əhīlə". Maŋımī ḍorogdı həŋkəcilcə̄: „Ətəjə̄mnīl ēwa ōḍara?" Bərkəltụn gụncə̄n: „Ətəjə̄mnīs, ụlgụcə̄mə̄tcərən mụnnụn, kəjuləwər." Tāduk maŋı ikə̄ḍərən: „ēkun, ēkun ṇəkəḍərən ụwə-kụ-wə, ụwə-ku-wək. Cıpıcamātəŋkillən londutorə uwə-ku-wək! uwə! īdu вicə̄n halkanmı, ṇụŋụn pụdəcī". Tarıŋı jūmcə̄, hụrụllən Bərkəltụnṇun kụhidāwi. Jū̄ḍərə̄kin, Bərkəltun koltoron nuŋanmān, dılīlīn əhīlə̄ hətəkụrə hụmtəlḍī hụrụknənin. Bụdə̄kin, əkīnmə̄n ə̄rılcə̄n. Bərkəltụn ikə̄lcə̄: „Əkijəj Ṇụŋụnmən hıγıskātkal mụndụlə̄". Ṇuŋụnŋi əkīntin əwki icəwụllə. Tarıl gụlələn īcə̄l. īkə̄jim, gụlələ̄, amun вinə вụrụrən, hụkụhinən mə̄nmi əkīntin ḍūduwı вinə. Tara garpacıwkı „Ənụkāwki, ənə icəwrə!" gū̄nən. Tarīt wācātın Cụlụgdiwə—māŋıwə, Ṇụŋụnŋiwə. ḍū̄ktə вillə, вajahal ōra.

N. Kaplın. Ṇorвokō

51. Bərkə̄ltụn

„Bərkə̄ltụn", gū̄lcə̄ əkīnīn: „Venōkānə ŋənnə̄kəl". Tar venōwa вū̄cə̄n, Bərkəltụn umdān. Tar umcā, hoktocōn. Umkājımī, ōcan əkīnin təmụwə, ụŋcə̄n Bajkalduli kuŋakārвə. Tar kuŋakār ılanma anŋanīl ācāl. Ṇıkātkutın hụkitən pəhirgə̄scə̄, təgəcə̄, Bərkəltụnmə həripcə̄. Tarīŋın təgəcə̄. Həripcə̄l, īliwạr gırkıwar.

Nəkū̄nīn ikə̄lcə̄: „Bajkalkān ụγəskəl ḍapkatkī! ḍapkatkī! Nuŋartın āγrə, jū̄rə ḍapkalā, murınduwar ūkcāl, hụktiwụscə̄l ḍapkatkī. Hụktiwḍərə̄ktin, ḍapkun dılīcīkākun loporocā вalaγaduk, gụlcə̄, cıpıcāgəcın lāndorona: „ototok! ototok". ḍapkun dılīcīwa gārpacāl вụknənin. Tar omolgīl əkīnduwər gū̄cə̄l: „Əkījə ēwa ōḍannā?" garpacāl əkinmər вụknənin.

на хорошей земле, в хорошем доме, только что пришли". Манги зять спросил: „Караульщики что делают?" Бёркольтун сказал: „Караульщик твой разговаривает с нами, коюловор". Потом Манги запел: „Какой, какой собирается голос, голос. Ни одна птичка не летала (голоса не подала), где был мой молот шестипудовый". Тот быстро выскочил, пошел драться с Бёркольтуном. Когда выскочил (он), Бёркольтун ударил его (кулаком), головы его разлетелись в щепки до конца. Убивши, позвал старшего брата. Бёркольтун запел: „Сестра шестиголовая, покажись нам". Шестиголовая сестра не показалась. Те вошли в избу. Когда вошли в избу, превратившись в кал, (она) упала, покатилась сестра по дому. Ту выстрелили. „Больно, не видно!" сказала. Так убили Чулугды — Манги (и) Шестиголовую. Вдвоем стали жить, богатые сделались.

Н. Каплин. Ербогочен

51. Бёркольтун

„Бёркольтун", сказала старшая сестра: „вина принеси". Та вина дала, Бёркольтун чтобы напился. Напившись, опьянел. Когда напились, старшая сестра сделала плот, послала ребят на Байкал. Ребята те спали три года. У младшего живот заболел, проснулся, Бёркольтуна разбудил. Тот встал. Разбудили третьего товарища.

Младший запел: „Байкалушка, заволнуйся к берегу! к берегу!" Они пристали, вышли на берег, на коня сели, поскакали к берегу. Когда скакали (они), восьмиголовая вылетела из балагана, сказала, как птичка, подавая голос: „Ототок! ототок!" Восьмиголовую убили на смерть. Парни сестре сказали: „Сестра, что делаешь?" Убили сестру свою на смерть.

N. Bajakī. Cirəmвu̯

52. Ṇu̯rigdi Nandʳinun

Bəjə a̯wa̯nkī вakaran ṇurigdiwa̯ a̯wa̯nkīwa̯ ṣinələḍərīwə. Tar a̯wa̯nkī du̯ndʳa̯lā̯ hərgu̯lə̄ inḍa̯n. Bəjə anŋūktaran: „ēkun ṣī вiṣindʳi?“ — „a̯wa̯nkī вiṣim“, ṇu̯rigdi gū̯nän. „īrgic əməcā̯ṣ?“ — „Bi əməcā̯w hərgu̯du̯k du̯ndʳa̯du̯k“. — „īli əməcā̯ṣ? — „Tawār āmutpa, tā̯lı jū̯cə̄w“. — „Ətə̄m təḍə̄rə“, вəjə gū̯nän. Ṇurıgdı gū̯nän: „purtalwı ḍu̯γītkə̄“. Ḍu̯γə̄ttʳə purtalwar. Bəjə gū̯nän: „āmudıntıkī gırkuldʳap“. Ṣu̯ru̯rä āmuttıkī. Ŋənərə, ṇu̯rigdi hu̯rrän, tā̯lı вəjə tar təḍə̄rən, ḍūlāwı mu̯cu̯ṣna̯n. ḍūtkīwı mu̯cu̯ra̯n, gū̯nän, upkattu u̯lgu̯rildʳän ṇu̯rigdiwa̯ icəḍə̄kpi, purtalwar ḍu̯γə̄tṣəw ṇu̯rigdi u̯lgu̯ldʳän nuŋanŋıdu du̯ndʳa̯du̯ calвar ācır, irəktəl ācir, nuŋan ələ hawalḍaran ərtikī du̯ndʳa̯tkī.

Tādu a̯wa̯nkīŋilin Nandʳı вicā̯n. Əṣin nuŋan təḍə̄rə. „Ṣi-t u̯lə̄kku̯tca̯ndʳi“ — „u̯lə̄ku̯tca̯ra̯kiw, ṣu̯ru̯kəl ṣi mə̄nəkə̄n“. Nuŋan āmuttıkī əməcə̄n вəjə ūḍalın. Ŋənərän, вakawrän ṇu̯rigdiwa̯. Tar nuŋanmān ḍawawrän. Ṇu̯rigdi hərgu̯tkī du̯ndʳa̯tkī ṣu̯ru̯wrän nuŋanmān. Cōmвawrän Nandʳı əṣilə̄. Alāttʳə, alāttʳə nuŋanmān, əŋnərən mərə. Nandʳawa icənə̄ṣṣə̄n, cōmвaвḍākın. īlə̄-mə̄t ṣu̯ru̯ḍəkin, ācın. Nandʳı cōmвawrän.

Tu̯γənī ōdan, ŋənərən tu̯ga̯nī, ṣiŋilgən u̯nən, ḍugaran. ḍugarakın, ṇān hawalıldʳa. Ṇu̯rigdi əmərən a̯wa̯nkīltikī. a̯wa̯nkīltikī əmərə ḍū̯rə вəjəl, u̯mu̯kə̄n aṣī ṇu̯rigdi.

Nandʳalı tamara aṣīwa. Nandʳı əjə̄n əŋnərən təḍə̄rə. Ṇu̯rigdil gu̯nḍärə: „Tālā inḍirän Nandʳı“. Nandʳı, əjə̄nmə̄n ṣu̯ru̯wrə hərgu̯tkī du̯ndʳa̯tkī. Ṣu̯ru̯wrə, ıṣṣa. Ələ̄tpi əjə̄n Nandʳıwa icərän. „Ṣi вiṣiṣ?“ Əjə̄n icərän,—Nandʳı asīlācā. Əməmṣınən amaṣkī inəŋitkī.

Ṇurıgdıtıl əməwrə əjə̄nmə. Nandʳı əjə̄nin gū̯nän: „Ələ̄tpi, inḍirän tālā hərgu̯du̯ du̯ndʳa̯du“, u̯lgu̯rildʳən: „Ərga̯cin du̯ndʳa̯, ḍagdak, ṣu̯pirīgīl вiṣī hu̯rpikə̄gīl вiṣi“

Н. Баяки. Чиромбу

52. Волосатый с Нандрой

Мужчина эвенки встретил волосатого эвенки, рубящего березу. Тот эвенки на нижней земле жил. Мужчина спросил: „Ты кто такой?“—„Эвенки“, волосатый сказал. „Откуда пришел?“—„Я пришел с нижней земли“.—„По чему пришел?“ — „Вон по тому озеру, там вышел“. — „Не верю“, сказал мужчина. Волосатый сказал: „Ножами обменяемся“. Обменялись ножами. Мужчина сказал: „К озеру пойдем“. Пошли к озеру. Пришли, волосатый нырнул, тогда тот мужчина поверил, домой вернулся. Домой вернулся, сказал, всем рассказал, (что) видел волосатого, (что) обменялся ножами, (о том, что) волосатый рассказывал, (что) на его земле берез нет, лиственниц нет, он только ходит по этой земле.

Был там у эвенков Нандры. Он не поверил. „Ты врешь“. — „Если (я) вру, поди ты сам“. Он к озеру пришел по следу мужчины. Пришел, нашел волосатого. Тот его поймал. Волосатый унес его на нижнюю землю. Пропал Нандры теперь. Ждали, ждали его, не пришел. Пошел смотреть на место исчезновения Нандры, куда бы ни пошел—нет. Нандры пропал.

Зима стала, прошла зима, снег растаял, лето стало. Когда настало лето, опять стали ходить. Волосатый пришел к эвенкам. К эвенкам пришли два человека, одна женщина волосатая.

За Нандры заплатили женщиною. Младший брат Нандры не поверил. Волосатые сказали: „Там живет Нандры“. Увели брата Нандры на нижнюю землю. Увели, дошли. Наконец брат увидел Нандры. „(Это) ты“. Младший брат увидел, Нандры женат. Быстро собрался итти обратно на дневную поверхность.

Волосатые привели брата. Брат Нандры сказал: „Действительно, живет там на нижней земле“, стал рассказывать: „такая земля, сосняк, ивняки, чаща есть“.

Ŋurigdil əməwrə əməmnəwətin aṣīwa, gāda ḍūγīldukwar ŋusuktuwə asīwa. Nandʳi əjəndun əməwrə. Nuŋan asīlārən.

Tāduk ŋān aṣāl ḍūr hawaldara āmutiki, ŋənərə uwulən hawalildʳa. Bakawra ŋān targācir bəjəl, halgartin āṣir—Culugdil. Culugdil aṣaṣna ḍūrə aṣāla. Asāl tukṣaṣna. bokomorōktin, gē gūldʳən: „Ṣi-gu-klō! Ṣi-gu-klō". Gēwa aṣīwa bokonən, ḍawaran, halganmān kaltakawān hōgrən, hāŋildʳan Culugdi. Gē aṣī gūldʳən: „ilakṣaja, ilakṣaja!" tāduk: „labgāṣə! labgāṣə!"

Əwənkī aṣi gē ŋənərən ḍūlāwi, ulgurildʳān: „ēkurŋan targācin ḍēwaw wārən". ulgurəkin, ṣururə āmuttikī, təḍədəwər ajākandī, ēkur wārə ḍēwan. Icənərən tarīc, ṣurɥwrən aṣī āmuttiki bəjəlwə, təḍədətin. Dōlcatcāktukpi dōlcacildʳa, ŋān Culugdil ṣurucəl. Ŋurmara, icərə ələ tarī wāḍākpatin aṣīwa, uγacāl āmuttikī. Tādu bakara nōnitin aṣīwa. Təli təḍərə aṣīwa ələtpimājən. Halganīn ācin. Halganmān ŋālinatin bəjələn.

Lucal hawalildʳa āmuttuli murəli. Icərə ūḍalwa gūldʳə: „Ŋurigdil ūḍaltin ṣō əgdi". — ēkur ūḍaltin, ɥaŋkīl ūḍaltin?" Murəli hawaldʳa, goroli hawaldʳa — ɥaŋkīl ācir. Icərə mūli kuŋākār jūrə dundʳatkī, ōda tuŋa. Tukṣaktaldʳə, uwuli, əwildʳə kuŋakār. Lucal gundirā: „ēkur targācir?" Əwirə, əwirə, ŋān hurrə āmuttuli. Lucal gūldirə: „Timātna mit ugitkə, ḍawaldāwər". Əmərə āmuttikī ŋānə, lucal ḍawwi laibokalḍī kupurə ajakandī. umukən ətəjəṣnən əṣīlə, gē ṣururān gorotkī.

Dulindun inəŋi ŋān jūrə tarīl kuŋākār. Ŋān āmut ḍapkalin əwildʳə. Lucal icərā ŋurigditkārwə. Tigiṣnə. Tigitṣən umukən, ŋurigditkān halgandukin dawaran. Ŋurigditkān gūldʳān: „Mamacıklıcıt! Mamacıklıcıt". Tar kuŋākār mūli hurritṣə. Luca goro ḍawaran.

Dolboron, timātna əmərə, ānŋattʳrə tādu. Ŋurigdil əmərə, amūltin məŋurwə əməwrə talmīwa, ḍuγəttəwər, hutəwər gadāwər. Luca awunmi təpəttʳən. Ŋurigdil məŋurə uŋkuḍirā awundun. uŋkurə talmīwa əlāwən, məŋurə lupumrak uŋkurə. Luca būrān hutətin amaskī.

Волосатые привели званную женщину, взяли из юрт своих вонючую женщину. Привели брату Нандры. Он женился.

Потом опять две женщины пошли к озеру, пошли, по берегу стали ходить. Нашлись опять такие люди, без ног — Чулугды. Чулугды стали преследовать двух женщин. Женщины убежали; когда (те) нагнали, вторая сказала: „К тебе! к тебе!" Вторую женщину нагнал, схватил, отрубил половину ноги ее, стал пить кровь Чулугды. Другая женщина сказала: „Талинку! талинку!" Потом: „Кровь (идет)! кровь!"

Другая женщина-эвенкийка пошла домой, стала рассказывать: „Какой такой родственницу убил". Когда (она) рассказала, пошли на озеро, чтобы хорошенько удостовериться, кто убил родственницу. Пошел посмотреть, увела женщина на озеро мужчин, чтобы проверили. Из места, где слушают, стали слушать, опять Чулугды ушли. Подкрались, увидали только место убийства женщины, поехали к озеру. Там нашли оставленную женщину. Тогда поверили во всем женщине. Ноги нет. Ногу принесли к телу.

Русские ходили вокруг озера. Увидали следы, сказали: „Следов волосатых очень много". — „Какие их следы, следы эвенков?" Стали кругом ходить, долго ходили — эвенков нет. Увидали, из воды на землю вышли дети, (всех) пять стало. Стали бегать по берегу, стали играть дети. Русские сказали: „Кто такие?" Играли, играли, опять нырнули в воду. Русские сказали: „Утром мы покараулим, чтобы поймать". Пришли на озеро опять, русские лодку в мох хорошо спрятали. Один начал караулить теперь, другой ушел подальше.

В полдень опять вышли те дети. Опять стали играть на берегу реки. Русские увидали маленьких волосатых. Подкараулили. Подкараулил один, маленького волосатого за ногу поймал. Малыш сказал: „Мама! мама!" Ребятишки те нырнули в воду. Русский долго держал.

Настала ночь, утром пришли, ночевали там. Пришли волосатые, родители принесли котомку денег, чтобы обменять, чтобы ребенка взять. Русский продырявил шапку. Волосатые сыпали деньги в шапку. Высыпали котомку полную, деньги сыпались через (нее). Русский отдал их сына обратно.

Ş. Kiltinə. Cirəmвu̯

53. Icəgdirə̄

Bəjə вicə̄n Icəgdirə. Nuŋan əŋ̣ī̇nmi cımkaduwı ūγıra̤n ṣō̄momoc. Kultırdukpı tukşaşşān ḍānma̤. Tukşaktal gu̯nḍān: „iŋ̣ərən anŋanī! ḍāγıdutın anŋanīl alātcıka̤l, əməḍəm".

Şu̯ru̯rən Icəgdirə. Tālā вəjə ūḍapcānən həgdiŋə̄ hakdıkīn kumalandın. Arcaran вəjəwə ḍū̯r dılīlīn, ḍəwu̯pki. Icəgdirə gū̯nān: „Amākā! purtawı əməpkəl icädā̤w". ḍəwu̯pkı вū̯rān, ēruktadān. Tāduk Icəgdirə gū̯nān: „Amākā! icäkəl tarī hu̯rilwi awalḍara! on əŋnə̄ndʳi icärä?" ḍəwu̯pki icəcirān. Icəgdirə, hu̯rilwə̄n icəcildʳəkin, dılīlwān şu̯kədə̄rən. Dılīlīn ḍū̯krə вu̯ru̯rə. Tə̄li ḍəwu̯pki ŋ̣an gū̯nān: „Gēpkal şukədə̄kəl!"— „Əşin, u̯mu̯n-də ələkin". Icəgdirə irəktəlwə ḍū̯rwə əγu̯rən, вu̯rirən, ḍəwu̯pkiwə tirərən.

Ṇān şu̯ru̯rən ḍu̯lə̄skī. Tālā ŋ̣ān вakaran, ŋ̣ān targācın ūḍalīn kumalandın hagdıkīlīn. Arcaran ḍəwu̯pkiwə ılan dılīlīn. „Tinī̇wə Icəgdirə hu̯təwə̄ş wārān", cinəkə̄l gū̯cə̄tin ḍəwu̯pkitkī.

Icəgdirə əmərān, gū̯nān: „Amākā, icätkəl, вi-kə ōn wāḍa̤m? ēkun вi-kə, icätkəl, ōn вi wāḍa̤m, вi hu̯lu̯ вişim; amākā kolıcēwı ēruktadāwı əmu̯pkəl". ḍəwu̯pki вū̯rān, Icəgdirə ēruktaldʳān, ŋ̣ān gū̯nān: „Amākā, tarwə-wəl icätkəl, hu̯rilwi tukşaktaḍarä, ōn əŋnəndʳi icärä, icätkəl, joŋıtkal". Amākā icäcildʳān, tə̄li Icəgdirə şu̯kədə̄rən nuŋanmān. Amākā gū̯nān: „Icəgdirə, əl-kə, gēpkal şū̯kədə̄kəl". Icəgdirə gū̯nān: „u̯mnə̄-də̄ ələkin". Ilan irəktəl əγu̯rən, əməwrən, tirərən nuŋanmān.

Ṇān ḍu̯lə̄skī şu̯ru̯rān. Ṇān arcaran digín dılīlīn вəjəwə. Tar gū̯nən: „şikəkə̄n вişindʳi! Tinī̇wə cinəkə̄l gū̯cə̄tīn: „Icəgdi hu̯riliş manaḍeran, wātcirān". Nuŋan hıγıwəldʳən şu̯kəŋkiwi; Icəgdirə gū̯nān: „Amākā, kolışēwı əməpkəl". Tar вū̯rān, Icəgdirə ēruktaldʳān, gū̯nān: „Tarıl icəвḍəndʳi?" Ḍəwu̯pki ŋ̣ān icäcildʳān. Icəgdirə şu̯kədə̄rən, dılīlwān upkatwān hōgra̤n. Amākā gū̯nān: „Əl-kə şu̯kədə̄kəl!" — „Əşin əşī̇lə̄ ələkin; вu̯,

---

Ш. Кильтыно. Чиромбу

53. Ичёгдыро

Мужик был Ичёгдыро. Прекрепко привязал он свою мать к срединной жерди юрты. Прыгнул от порога десять раз. При прыжках сказал: „Прошел год! на десятом году поджидай, приду".

Ушел Ичёгдыро. Там мужик след нашел—большая пятка с кумалан. Встретил двухголового человека, людоеда. Ичёгдыро сказал: „Дедушка, дай мне свой нож посмотреть". Людоед дал посмотреть. Потом Ичёгдыро сказал: „Дедушка, посмотри, там дети ходят! как не можешь увидеть?" Людоед взглянул. Когда (тот) детей смотрел, Ичёгдыро головы его отрубил. Обе головы упали. Тогда людоед опять сказал: „Рубни вторично!" — „Нет, одного (раза) довольно". Ичёгдыро две лиственницы свалил, уронил, людоеда придавил.

Опять пошел вперед. Там опять нашел, опять такой след — с кумалан пятки. Встретил трехголового людоеда. „Вчера Ичёгдыро твоих детей убил", пташки сказали людоеду.

Ичёгдыро пришел, сказал: „Дедушка, посмотри, я-то как убью? какой я посмотри, как я убью, я маленький, дедушка, нож свой принеси посмотреть". Людоед дал, Ичёгдыро стал смотреть, опять сказал: „Дедушка, вон туда посмотри, дети бегают, как не можешь увидеть, посмотри, всмотрись". Дед стал смотреть, тогда Ичёгдыро рубанул его (топором). Дед сказал: „Ичёгдыро, ну, еще раз ударь". Ичёгдыро сказал: „Одного (раза) достаточно". Три лиственницы свалил, притащил, придавил его.

Опять вперед пошел. Опять встретил четырехголового человека. Тот сказал: „Топорик есть (у тебя)! Пташки вчера говорили: Ичёгдыро детей твоих кончает, убивает". Он стал точить топор свой; Ичёгдыро сказал: „Дедушка, нож свой принеси". Тот дал, Ичёгдыро стал смотреть, сказал: „Тех видишь?" Людоед опять стал смотреть. Ичёгдыро рубанул, все головы отрубил. Дед сказал: „Еще рубани". — „Нет, теперь довольно; мы,

Əgdirǟl əŋnərəw şu̯kədə̄rə". Icəgdirə digínmạ irəktəlwə əγu̯rạn, tirərən nuŋanmān. Ṇān şu̯ru̯rän, ṇān ūḍalwān вakaran, ūḍalın targacır, ṇān kumalan hənmiptirīn, tāduk вəjəwə arcaran tunŋa dılīlīn. Ḍəwu̯pki gū̯nən: „Şi ēkun вişindʳi? Cinəkə̄l gū̯nä: „Icəgdi hu̯rilwə̄ş wātcərän, manaḍərän". Icəgdirə gū̯nän: „Amākā, icätkəl ēŋıwı wāḍạm, hu̯lu̯ вişīm". Ḍəwu̯pki kolıcēwıḍan hīwərən „Hiγiwəktə", gū̯nän Icəgdirə: „ēruktadāwı вū̯kəl!" Ḍəwu̯pki вū̯rən kə̄lıcēwı. Tarı ṇān gū̯nän: „Icəcilkạl hu̯rilwi hawalḍarä! ōn əŋnəndʳi icärə? icəcilkạl tārwəwukār". Nuŋan icəcildʳän, Icəgdirə şu̯kədə̄rən tunŋa dılīlwa tarwa. Hōγran dılılwān. Amākā gūnən: „Ṇān şukədə̄kəl". Icəgdirə gū̯ldʳän: „Bi əŋnəm şu̯kəḍạmī, u̯mnə̄ ələ̄kin". Icəgdirə tunŋa irəktəlwə əgu̯rrən, uγaran, tirərən nuŋanmān tunŋac irəktəl.

Ṇān şu̯ru̯rān, ṇān arcaran ṇu̯ŋu̯nḍi dılīn ḍəwu̯pki, ṇān kumalandın hagdıkīlīn, hənmiptilīn. Bəjəwə arcaran, ṇu̯ŋu̯nḍi dıltärän. „Ēkun şi вişindʳi? Ərkə̄kən Icəgdirə hu̯rilin manaḍərı, cinəkə̄l gū̯cə̄tin tinīwạ". Icəgdirə gū̯nän: „Amākā, icətkəl, ēŋıwı-ka вi manaвḍam, вi hu̯lu̯ вişim. Amākā, kolıcēwı əmu̯pkəl ēruktadạ̄wər. Amākā, hu̯rilwi tārwəwəkān əwiḍərə, icətkạl ōn əŋnə̄ndʳi icäri?" Icəcildʳən amākā, Icəgdirə şu̯kədə̄rən dılīlwān, ələ̄wətin hogran; ṇu̯ŋu̯nmə irəktəlwə u̯gu̯rrạn, uguktaran, tirərən nuŋanmān.

Ṇān şu̯ru̯rän Icəgdirə, nadan dılīlīn вəjəwə arcaran, ṇān dılīlwān wārän. Tāduk ḍapkun dılīlīn вəjəwə arcaran, dılīlwān wārän. Tāduk jəgin dılīlīn arcaran, ṇän wārän. Ḍān dılīlīn arcaran, tu̯gi wārən, ḍānḍı irəktəl əγu̯rrən, uguṛạn, ugaktaran, tirərən nuŋanmān. Mucu̯şnan əṇīndu̯lạ̄wi. Mu̯cu̯ran, əṇīnīn u̯γədu̯wi laвganạn. Icəgdirə əṇīnīn nintiḍu̯rən, əptəlin tagdırgara. Əṇīnīn вu̯ddạn.

А. Кamвagır. Ŋəkə̄nnə

54. Ahātkān

Ụtə̄lə̄ u̯mu̯kə̄n вaj ilə hawamnīn вicə̄n, u̯mu̯kə̄n ahātkān aŋaḍakān. Baj hōmamat вolgıcawkı вicə̄.

тунгусы-Огдырэлы не можем рубить". Ичёгдыро четыре лиственницы свалил, придавил его. Опять ушел, опять следы нашел, следы такие опять с кумалан подошвы, потом человека встретил пятиголового. Людоед сказал: „Ты кто? Пташки сказали: Ичёгды детей твоих убивает, кончает". Ичёгдыро сказал: „Дедушка, посмотри, чем убью, маленький (я)". Людоед нож свой точил. „Дай я поточу", сказал Ичёгдыро: „дай посмотреть!" Людоед дал нож свой. Тот сказал: „Посмотри, дети твои ходят! как не можешь увидеть? Посмотри, там близехонько". Он стал смотреть. Ичёгдыро рубанул те пять голов. Отрубил головы. Дед сказал: „Еще рубани". Ичёгдыро сказал: „Я не могу рубить, раз довольно". Ичёгдыро пять лиственниц свалил, притащил, придавил его пятью лиственницами.

Опять ушел, опять встретил шестиголового людоеда, опять с кумалан его пятки, его подошвы. Человека встретил, шестиголового. „Кто ты? Вот только что Ичёгдыро детей кончил, пташки говорили вчера". Ичёгдыро сказал: „Дед, посмотри, как, чем я кончу, я мал. Дед, ножик дай (принеси) посмотреть. Дед, дети вон там близко играют, посмотри, как не можешь видеть?" Стал дед смотреть, Ичёгдыро ударил топором головы его, все отрубил; шесть лиственниц повалил, свалил, придавил его.

Опять пошел Ичёгдыро, семиголового человека встретил, опять убил головы. Потом восьмиголового человека встретил, головы его опять убил. Потом девятиголового человека встретил, тоже убил. Десятиголового человека встретил, тоже убил, десять лиственниц свалил, потащил, притащил, придавил его. Вернулся к матери. Вернулся, мать около костра прилегла. Ичёгдыро толкнул пяткой мать, легкие ее вырвал. Мать умерла.

А. Камбагир. Нгоконно

54. Девочка

Давно у одного богатого человека (эвенки), была работником одна девочка сирота. Богач (ее) сильно притеснял.

ụmnə̄ ahatkān mụ̄lə̄hicə̄. Bıra ḍapkadun ılıtcana, hoŋoḍowkı dılacadu gụnḍənə: „Dılaca, minə gakal“. ụmnə̄t dəɣilcə̄ dılacalä. Nuŋanmān gacā dılaca.

Ahạ̄tkān əhī̇kə̄kən ıhıtcawkı dılacadu, əhī̇kə̄kən tādu bıḍərən.

W. Lontogir. Nēpa

55. Anŋanī

Ətirkə̄r ụlgụcə̄nī̇ŋkitin: Anŋanī upkacın ụrụmkụn, tırganīl ācır bıŋkitin. ụmnə̄ bēgadu hogdarpıdu ətirkə̄cə̄n tisụstə̄wı, sụkəwi ụniwiḍərə̄kin, dolborən; atırkācān, ikə̄nwı ikə̄nḍərə̄kin, dolboron. Həgdārpı bıwsə, ōcātın tırganīl ụrimil.

Ətirkə̄nduk, atırkānduk anŋanīl sālārə.

N. Salatkın. Nēpa

56. Samān

Bicạ̄n həgdi samān. Nuŋan bụnilä aruwuŋkın, əŋkin ụmụkə̄mə̄ṭjə iləjə bụwkạ̄nä. Samāndulā əmərän əksərī̇. ụlgụcə̄mạ̄cillä samānnun. Əksərī̇ gụnḍəwki samāntıkī: „Si mindụ ụmụkə̄mə̄ṭjə iləjə bäḍānnı bụḍämī̇, sı mindụk həgditmər bıdạ̄wi kəḍənni, həgditmər mindụk bımī̇. Sı mindụ irikəl ụlləŋilwə̄w, bı sindụ bụ̄ḍälim ḍụ̄rə misiktəl ụlləwə, irimī̇ sı mindụk həgditmər ōḍaŋās, əsikis irirə, bı sindụk həgdimər ōḍaŋāw“. Əksərī̇ samāndu bụ̄rən ḍụ̄rwə misiktəl ụlləwə. Samān səwəncällän, iricillän əksərī̇ ụlləŋilwə̄n. ụmụkə̄nmə misiktəwə irirän, gēwa-da iricillän, səwəncärän, səwəncärän, tụk-dạ̄ albaran gēwa misiktəwə iriḍämī̇. Tə̄li əksərī̇ gụ̄nän samāntıkī: „Sı ụlləŋilwə̄w albanni iriḍämī̇, bı sindụk həgdimər bısim“.

Tarīptıduk ilə̄l bụlcə̄tin, saman albalcān bụnilə aruwīḍamī̇. Saman iricạ̄ bısikin, əŋnəmcə̄l ilə̄l bụḍärə.

Однажды девушка пошла за водою. Стоя на берегу реки, плакала, солнцу говоря: „Солнце меня возьми“. Вдруг слетело солнце. Взяло ее солнце.

Девочка до сих пор стоит на солнце (и) сейчас там живет.

В. Лонтогир. Непа

55. Год

Старики рассказывали: Год весь короток (был), дней не было. Раз в месяце ноябре (мог) старичок, (чтобы) выковать топор, как только продал, (уже) ночь настала; как только старушка посуду собрала, (уже) ночь настала. После ноября месяца стали дни короче.

От старика от старушки познали года.

Н. Салаткин. Непа

56. Шаман

Был большой шаман. Он оживлял мертвых, ни одному человеку не давал умереть. К шаману пришел бог. Стали разговаривать с шаманом. Бог сказал шаману: „Ты мне ни одного человека не хочешь дать, ты хочешь быть сильнее меня. Ты сжарь мясо, я тебе дам два куска мяса, сжаривши, ты станешь больше меня, если не сжаришь, я буду больше тебя“. Бог дал шаману два куска мяса. Шаман стал шаманить, стал жарить мясо бога. Один кусок сжарил, стал жарить другой, шаманил, шаманил, так и не мог сжарить второй кусок. Тогда бог сказал шаману: „Ты мясо мое не мог сжарить, я больше (сильнее) тебя“.

С тех пор люди стали умирать, шаман не мог оживлять мертвых. Если бы шаман сжарил, не умирали бы люди.

N. Zujəw. Tutura

57. Samān

ŋtələ ŋrikittŋ Kŋlŋrədu bidəcətin əwənkil. Nugartın manawulcātin. Samāgıtın bicən həgdiŋəkəkŋn. Iləl manawullakītın, samān sŋrŋrən ŋrikīttikī Torkātkī. Samān bicən sagdandalāwı, ḍapkunḍārīcī anganīŋılīn. Nugan bucən. Burəkin samān, iləl kəcətin dəlkənimmān.

Bolo bagdawkil hawahına, samān kərən bagdawkılnun dəγilḍəhinimmān hullataj ētaj lāmu bargıskīn. Lāmu bargıskīḍın kərən ŋŋinŋmmān mānŋitkīwi dŋnnāŋtikīwi tukalakāna gŋnnə: „Mŋnŋil mindŋ ŋŋnəkitin tukalakāna, bi amaskīwı əməḍəŋəw, gəjŋn ōkha, ḍānḍapkucī ōkha. Ilələ ajīcīhmmen, buḍərīlə ajīlḍeŋōw". Torkāγən əmmān tukalaja „ŋŋnā bŋkho emāḍəŋān?" gŋnə. „Kə! hilə!", samān gŋncən: „əmī mindŋ tukalaja ŋŋnā, minŋi kalanīw manawḍeŋān".

Nuŋanŋın kalanīn ḍabul manawran. ŋmŋkān ələ sulapcān bəjə. Samān gŋncən „Minŋidŋk kalandukīw upkat manawḍeŋātın, ələ ŋmŋkən sulapceŋān bəjə".

S. Lontogır. Nēpa

58. Samān, bəjə

Bəjə bakaldıran samānŋun. Samān gŋnən bəjətkī: „mōlāswāt!" Nugartın mōlāsnə, ogorə mōwa. Samān gŋllān: „Bəjə minŋi səgdənnəw ənŋḍārən, iktŋkəl sŋkət səgdənnəliw. — „Ətām kaputta səgdənnəwās". — „Ətənni, əkəl ŋələttə". Bəjə gāran sŋkəwi, samān hŋkləsnən mōtkī. Bəjə ikiŋllən arakūkan sŋkət samān səgdənnəlin. Samān gŋnḍəwki: „Ṣōti, sōti iktŋkəl!" Bəjə ələtwi iktŋllən. Samān təgətcənə mŋgdekəcəndu iŋjəktəllən bəjət, gŋllən: „ēḍanni? ēwuna iktŋḍaŋni mōwa?". Bəjə icəcillən, upkatwān mōwa əmtəcə sŋkət. Samān ŋləkkicən bəjəwə, iŋjəktədəwi; bəjə təḍərən nuŋanmān.

Н. Зуев. Тутура

57. Шаман

Давно на стойбище Кулуро жили эвенки. Они стали вымирать. Шаман их был великий. Когда эвенки вымерли, шаман ушел на стойбище Торкэ. Шаман был в старости, восьмидесятилетний. Он умер. Когда шаман умер, эвенки стали делать лабаз.

Осенью лебеди передвигались, шаман полетел за море с лебедями, с одеялом, со всем. За морем начал отправлять на свою землю (родину) за землею, говоря: „Когда мне пошлют землю, я приду обратно, молодым ставши, восемнадцатилетним ставши. Людей стану лечить, умирающих вылечу". Житель Торкэ не послал земли: „Умерши, что может сделать?" сказали. „Ну, теперь" шаман сказал: „Не послали мне земли, вымрет мой род".

Его род действительно вымер. Один только человек остался. Шаман говорил: „От моего рода все вымрут, только один человек останется".

С. Лонтогир. Непа

58 Шаман, мужчина

Мужчина встретился с шаманом. Шаман сказал мужчине: „Пойдем по дрова". Они отправились по дрова. Шаман сказал: „Мужик, у меня спина болит, ударь топором по спине".—„Не стану, сломается спина".—„Нет, не бойся". Мужчина взял топор, шаман лег на дерево". Мужчина ударил слегка по спине шамана. Шаман говорит: „Сильнее, сильнее ударяй!" Мужчина изо всей силы стал бить. Шаман, сидя на пеньке, смеялся над мужчиной, сказал: „Что делаешь? зачем бьешь дерево". Мужчина посмотрел, все дерево разбито топором. Шаман обманул мужчину, чтобы посмеяться, мужчина поверил ему.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ. БЫЛИНЫ

A. Kambagir. Ŋəkānnə

59. Cagıcıl

ụtələ ụmụkən ilə bicən, nuŋan ahīcī bicən, tunŋa hụtəlin bicəl. Tar hụtəlbi balagaduwı əməncə, ahītaj hụrụcəl, mōlāhicāl. Hụrụcələtin, ḍūlātın əmərən caŋıt. Tar ilə hụtəlbən wātcā. Caŋıt kuŋākār dılılbatın təktəcə; təktəḍənəwi, hulladuŋ cakılcā. Ətirkən əmərən ḍūlāwər, hụtəlin ācır ḍūduwar. Ətirkən hullawı laŋıhicā, kuŋākār dılılun hụklāhilcəl. Ətirkən ŋələlcə, tadu hanucā, bụrən.

N. Monahow. Iŋārıgdā

60. Ilətí

Ilətílwə bakaran ụmụkən ilə. Nəkū̱nŋin bicən hunāḍın. ụmụkəndu ụrildirā. Inərə ụmnə, tar inəktəduwər maŋaraktalla hunātpān ụmụkən bəjənụn. Tar bəjə bū̱rən nəkū̱nmi, ḍụwəttən, nəkū̱ndiji gādan ahījaji. Tāduk hụjəttən; hụrụrən, hərəkətpi nụlgihinən. Ilətil hụrụrə hərəkətpər, tar ilətı amīnīn uwasāḍəwkı kukınmı, əwki hawahwkānə. Kukınmı ḍūjan hawalıwkı; hərəkət ḍəbdən, təpụwki oronmo, bụrgụməməjə orono. Tāduk dolbo ahī ədin hoŋoḍowkı, ahīn gụnḍərən: „ēda hoŋoḍonnā?“ Ədin əwki ụlgụcənə.

ụmnə āhınən ahī dolboltono. Āhıcālān, əmərə ahātkān. „Əkā, gū̱nə: ər bātkəlḍis bi bātkətəḍıŋə̄w“. Tar ahī gū̱nən: „ōn ōrakıw, gadāwər ŋəkəḍis, tar bātkəlbar ōn gamuḍas?“ — „Əkā, hinḍi həwəncəwū̱ntə̄ḍərə“. — „Bātkəlḍīw upkat əwiwū̱ntəlḍəŋəhụn“. — „Ōn həwəncəwū̱ntə̄ḍərə minḍī?“ — „Əkā! hinə əhikəkən wāmmacır!“

A. Камбагир. Нгоконно

59. Бродяги

Давно был один человек, он был женат, пять сыновей было. Тот сыновей оставил в балагане, с женою пошел по дрова. После их ухода, в дом пришел чангит-бродяга. Убил сыновей эвенки. Бродяга головы детей отрубил; отрубивши, под одеяло положил (запрятал). Пришел старик домой, детей нет дома. Старик одеяло отвернул, детские головы лежат. Старик испугался, там же пропал, умер.

Н. Монахов. Ингаригда

60. Людоед

Встретил людоедов один человек-эвенки. У него была младшая сестра, девушка. Остановились вместе. Продневали раз, на месте стоянки просватали девушку с одним мужчиною. Тот мужчина дал свою младшую сестру, обменял, за сестру взял жену. Потом разделился, ушел отдельно, откочевал. Людоеды пошли отдельно, отец людоеда уважал невестку, не заставлял (ее) работать. Невестки юрту делал, чтобы особо ела, убил (он) жирного оленя. Потом ночью муж женщины плачет, жена говорит: „Почему плачешь?“ Муж не рассказывает.

Однажды спала вечером женщина. К спящей пришли девочки: „Тетя“, сказали: „этими твоими бабками я буду играть“. Женщина сказала: „Как я буду (что же со мной будет, если) взять собираешься, (то) как хочешь взять бабки (суставы пальцев)?“—„Тетя, тебя принесут в жертву“. — „Бабками моими все играть будут; как (когда) шаманить будут мною (приносить меня в жертву)?“— „Тетя, тебя сейчас предполагают убить“.

Tə̄li ahī gụ̄̄nən: „Nəkə̄, hụ ŋənəḍəkəllə ḍūlāwər, minə ḍəpilḍiŋə̄hụn“. Ahātkār hụrụrə. Hụrụcə̄lə̄tin tətmạlcirān, hulladuji dirən dəpəwə, hoktolıjı hụrụrən, mụcụhinən. Killəlвi gakājım, hoktolıjı ŋənəḍənə, icərən irəktəwə əγəŋə̄nmə, tarā tụktirān dụgə̄məklə̄n. Tādu təgəcillən dụγə̄du. Dōlcatcāŋnərən, nuŋanmān həwəncə̄ḍəkə̄nə, wānācāl, kotot uculārə ḍūwān lupumnak, ahīwə uculārä. Tarīŋıtın cānŋuhərākın, gụ̄nə: „Kə! kəhəγin, əhilə̄ wārəp“. Icərə tarīnŋar, tarıŋıtın dəpə. Tāduk ahatkānmə ıdakalla, gụ̄̄nə ıdakaḍanal „Ni ụlgụcə̄n, ụlgụcə̄kəl“. Tarīŋıtın ụlgụcə̄nə: „Ərə tawar gūcạn, tawar gụ̄̄cạn“. Ahātkānmə ụmụkə̄nmə təpụrə həwəncə̄wụ̄̄nəwər.

Tāduk ahīwa ūḍawān gələ̄ktərə toγolḍī, вakara hoktolıji, hụrụcə̄ amaskī, tarā ūḍahına toγolḍī tarīŋıtın, ụmụkə̄ndụlə̄ mōlā iskə̄jim, həkəriwrən ūḍan. Mụrə̄li mụjirə, ācın tarīŋıtın ūḍan, īlə̄-də ūḍan ācın. „Nuŋanmān tımātnə вakaḍap, īlə̄-də ətə̄n, вakaḍap tımātnạ nuŋanmān“. Hụrụrə ḍūlāwər tarīl вəjəl. Ahī icətcəŋnərən mō dụə̄dụkin. Upkat āhıcālātın, tarī ahī cimmənən hiŋilgəndụlə̄. Hiŋilgəndụli dōgıdālı ụgdụhinən, goromomowo ŋənərən. Tāduk jụ̄̄rən hiŋilgənduk, killəlwi təttən, hụrụrən akīndulāji, hoktolın ahāhınən. Goromomowo ahārān, tımātnạ ụnə̄t вokonən. Akīnmı вokokōnə, hoŋollon, akīnīn gụ̄̄nən: „ēda hoŋoḍənnə?“ — „ēkurвal hargıldutın вụ̄̄cə̄s! Minə həwəncə̄wụ̄̄ntə̄ḍəcə̄tin, ḍəвdə̄wər kəḍəcə̄tin, tāduk tuksam“.

Akīnīn tıkullan, wārə̄n ahījı, nəkụ̄̄nmi tətiγəlḍin tətiwrən, higrən dārəwə̄n, əmə̄nən ḍūkcādujı, nəkụ̄̄nmi gụ̄̄nən: „Hi nụlgiḍəkəl, ılallalı əhikiw əmərə, tarā gụndə̄jı, wamnạn“.

Bəjə ḍūkcājı icəwrīkə̄kə̄ndụ вiḍəcə̄n, ətəjə̄tcəcə̄n əmərījətin ilətil, nuŋanmān ahāhınāktın. Icətcəcə̄n ahāhınŋıjətın hoktolı, tə̄li nuŋarвatın garpacīlmacın вicə̄n.

Tırgakākın əmərə, ahara. Əməkə̄jim icərə wāpcāwə ahīwə, gụ̄̄nə: „ēkun ajakākun вəjə, kə̄! ēda əcə̄s hụptirə?“

Tarīŋar təlgəttə. Toγojowər ılara, tar ulləlвə̄n hılara, ḍəpildə̄wər. ḍəpilləktin, amīnīn hələməwə̄n, tar ahī ḍəвḍənə, gụ̄̄nən: „ēda hələmə̄w humnahınən? Ənə̄n-məl вitki вihi?“ ḍalın gụ̄̄nə: „əkəl ụlə̄kittə, ḍəвḍəkəl!“

Тогда женщина сказала: „Маленькие, вы идите домой, меня съедите“ Девочки ушли. После их ухода быстро оделась, под одеяло положила гнилушку, по дороге ушла, вернулась. Взявши лыжи, по дороге идя, увидала наклоненную лиственницу, влезла на нее к самой вершине. Там на вершине осталась сидеть. Услышала, что собираются шаманить, пошли ее убить, прокололи пальмой насквозь юрту, женщину прокололи. Когда та затрещала, сказали: „Ну, пусть мучается, теперь убили“. Посмотрели ту, (а) та — гнилушки. Потом девочку стали бить, говоря во время ударов „Кто сказал, расскажи“. Та сообщила: „Вон та сказала, та сказала“. Одну девочку убили для камлания.

Потом след женщины искали с огнями, нашли дорогу, пошли обратно, идя по следу с огнями той, до одного дерева дойдя, исчез след. Кругом обошли, нет следа той, нигде нет следа. „Завтра найдем ее, никуда не денется, найдем завтра“. Ушли домой те мужики. Женщина подглядывала с дерева вершины. Когда все стали ложиться спать, то женщина спрыгнула в снег. Под снегом поползла, долго шла. Потом выскочила из снега, надела лыжи, пошла к старшему брату, по дороге его последовала. Долго следовала, утром рано нагнала. Старшего брата встретивши, заплакала, брат сказал: „Отчего плачешь?“ — „Каким чертям меня отдал! меня хотели принести в жертву, собирались съесть, убежала оттуда“.

Брат рассердился, убил свою жену, одел в одежду младшей сестры, ободрал лицо, оставил в юрте, сестре сказал: „Ты кочуй, если через три дня не приду, скажи, (что) убит“.

Мужчина оставался на виду (невдалеке от юрты), подкарауливал идущих людоедов в то время, как (те) преследовали ее. Поглядывал на дорогу преследовавших, предполагал (как появятся тогда) выстрелить в них.

В полдень пришли, дошли. Придя, увидали убитую женщину, сказали. „Какой хороший человек, ну к чему же не убежал?“

Разрубили ту. Огонь разожгли, мясо той сжарили, чтобы съесть. В то время, когда ели, отец сердцем (почувствовал), евши ту женщину, сказал: „Что-то мое сердце шевельнулось, не наша ли?“ Родственники сказали: „Не ври, ешь!“.

Əhilə ŋlgŋcəməcillə: „Tarı вəjəwə ahāḍap-ku, ətəp-ku?“ Halŋn gŋ̄nə: „Ajawa вəjəwə ēda ahaḍap, mitki ahāḍanawa wācā“. Tar вəjə, tŋŋnŋn gŋ̄nəktin, arakūkan hŋrŋrən. Gorolkonom hoktolŋji tŋlŋŋhinən. Hoktolŋji ŋənərən goromomowo, nəkŋ̄nin ŋricə ıstan. Iskānım, cajtīllan. Cajtīḍana, icərən ılan вəjəl ŋənəḍərə hərəlgənmə bargıdāh. Tar вəjə əŋnəkānmi ḍawarān, ḍawakājım, təpŋrən, daluwān gamalcarān. Tarinŋı dalullan. Dalugın pəhirgərən gŋŋnəməmət. Bəjə hŋrŋrən, tarīŋılвı wānāhınan ŋmŋkən вəjə jŋ̄ḍənəhicān. Jŋ̄ḍənəḍərīwə garpacān, ēhalwān hŋcələkin garpacān. Tarıŋın jokolcōn ḍalвı: „Garpacā вihim!“ Bəjə gēwrən garparan, wārən nŋŋanmān. Tāduk gīl əməḍərə, tŋlŋŋḍərə, gŋndənəl: „ŋŋŋajamaspān ēkun wārən?“ Bəjə tigitcəcən əməḍərīlвə garparan ḍŋlāwŋwə hələməkəkānmən, tarīŋın вŋrŋrən. Bəjə tādu-ssa garparan, wārān ılanīwa. Mŋcŋrān ḍŋlāji, tāduk nŋlgihinən.

A. Putugır. Ŋəkānnə.

61. Ilətī

ŋmŋkən вəjə nŋlgiḍəcən. Nŋlgiḍənə iləl hoktowotın вakaran. Hoktolıtın nŋlgihinən. Bakaran ŋrincəḍərīlвi. Tarīldu ŋrinərən. Təγəmīktədin tar ilətīl tar вəjə nəkŋ̄nmən maŋaraktalla. Maŋaraktanal, tar вəjə nəkŋ̄nmən garą ilətīl. Bəjə nəkŋ̄nduliwi tamanmāra ilətīl hunātpətın. Garan tar вəjə hunātpətın, nŋlgihinən ahīnun. Ilətil ŋān nŋlgihinə. Ilətī ətirkən omolgīwı ahīwān tolgokīkāndu nŋlgihinmi, ıruḍawkı kukınmı. Kukının gŋ̄nən: „Minə ēda ıruḍaŋnannä?“ — „ēwa kəhəḍəḍənnä, gırkuḍanä, hŋtə“. Ətirkən kukınduwı, ḍəwdən, wāwkı вŋrgŋməməjə orono, hərəkət ḍŋjān hawalıwkı.

Əhīlə ilətīl həwəncəllə. Dolвoltono tar kukıntın ḍūkcāduwı ʃhərəkətpi ḍŋr ahātkār əmərə haŋastulāwər. „Haŋaspar!“ gŋ̄llə: „ərīt вi ŋāləḍīs вātkətəḍəŋaw“.

Стали тогда разговаривать: „Станем ли преследовать того мужика или кончим?“ Некоторым сказали: „Хорошего мужика зачем преследовать, убил преследуемую нами“. Тот мужик, когда так сказали, ушел тихонько. Немного пройдя, по дороге побежал на лыжах. Долго шел по дороге, дошел до стоянки сестры. Придя, стал чай пить. Распивая чай, увидал, (что) трое мужчин идут по марнику[1] на том берегу. Тот мужчина теленка схватил, схвативши убил, выхватил лопатку. Стал по той ворожить[2]. Лопатка лопнула прямо. Мужчина ушел, пошел убивать тех. Один человек вышел. Вышедшего выстрелил, прострелил насквозь глаз. Тот позвал товарищей: „Выстрелен (я)“. Мужчина вторично выстрелил, убил его. Потом другие идут, на лыжах идут, разговаривая: „(А) командира (хозяина) кто убил? “Мужчина подкарауливал подходящих, выстрелил переднему в сердце, тот упал. Мужчина там же стрелял, убил третьего. Вернулся домой, потом откочевал.

А. Путугир. Нгоконно

61. Людоед

Один человек кочевал. Кочуя, встретил дорогу людей. По дороге их пошел кочевать. Встретил стойбище. С ними остановился. На утро те людоеды стали сватать младшую сестру того мужчины. Просватавши, взяли людоеды младшую сестру того мужчины. Заплатили мужчине за сестру девушкой. Взял тот мужчина девушку их, откочевал с женщиною. Людоеды тоже откочевали. Старик людоедов, жену парня посадивши на санки, повез невестку. Невестка сказала: „Зачем меня везешь?“ — „К чему мучиться пешком, дочка“. Старик для питания невестки убил жирного оленя, отдельно юрту ее построил.

Тогда стали шаманить людоеды. Вечером, когда невестка была одна в юрте своей, пришли две девочки к невестке. „Невестка!“ сказали: „вот этой твоей

---

[1] Марник—поросль ивняка.
[2] Гадание по лопатке состоит в накаливании ее: лопнет прямо—хорошо, криво—худо.

Gē gụ̄cə̄n: „Bi ərit вätkətə̄ḍəŋäw“. Tar ahī gụ̄llən; „Bi ōn ērākıw вätkətə̄lḍəs minŋi вätkətə̄lḍīw?“ — „Hinḍī həwəncə̄ptintə̄ḍərən amīja“.

Ahī əhīlə̄ ŋə̄ləllən; untalwı, purtawa ḍajaran. Amakān вikə̄jim, hamāŋıtın gụ̄nən, ə̄li вargıha ōdāwər, ḍụ̄r вəjəl вinəl ḍūrḍī gıdal tigittə̄wər, ŋənələ̄kinnụn, gıdalāwər ajamāmāt. Tāduk hamān gụ̄nən: „Ahīŋar ŋənnə̄kəllu!“ Ahī təγərən, amakān təgəkə̄jim, gụ̄nən: „Jụ̄ḍənə̄mụ̄ḍəm, jụ̄ḍənə̄wkə̄kəllu!“ — „Ərụmụlвi ụŋkụnə̄γin, ətəjə̄tkəllə ahātkār“. Ahātkār icəcillə tar ahīwa. Ahī jụ̄dənə̄hinən, ahātkārwə̄ gụ̄nən: „Əməwkəllə ŋəkəjə“. Ahātkār əmərə, ahī hụndụkki jarılwa hōŋanə, вụ̄rən ḍụ̄ktədu ahātkārdu. Ahātkār ụrụnə, ḍūkcälāwər tuksahına. Ahī hụnmi murduptıkī nə̄mə̄lcərən, kigləlwi gamalcaran, tuksahınımmən kərən. Tuksaḍana hoktolı, icərən hokto darīgıdādun nəŋirīwə, kigləlwi hiŋilgəndụli dirən, mə̄nin nəŋirīwə tụktirən dụγə̄məklə̄n.

Əhīlə̄ kəkə̄jim, dōlcacıllan. Hamāŋıtın gụ̄nən „Kə! gənnə̄kəllə, ēgdat вeldurgaran“. Bəjəl ŋənərə, hụnin ələ. Gələ̄ktəllə, hewụlḍi mụjiktərə.

Ahī nəŋirīdụkki icərən əməḍərīlвə, mıkcānən hiŋilgəndụlə̄. Hiŋilgən dōgıdālın tụktirən gorokōnmo. Ilətīl alвara gələ̄ktəḍəmī, əcə̄l вakara ahīŋar. ḍūlāwər ısta, hamāŋıduwar gụ̄nə: „əcə̄wụn вakara“. Hamān gụ̄nən: „Ōn-ka tə̄li aja ōḍan? ŋə̄ləmụpcə̄ ōḍan, ācın hə̄ksəŋjə“. Gēwa ahātkānmə wāptıntārə tar ahīklā, həwəncə̄ptintə̄rə.

Tar ahī, dıkılıcaḍakājım hiŋilgəndu, jụ̄mə̄lcərən, kigləlwi gämälcaran, hụrụmmän kərən akīnmı hoktolın. Akīnmı hoktolōn dāran, tar hoktolın hụrụrən. Ŋənəḍəwki, ŋənəḍəwki, akīnmı ıstan. īrən akīndulāwı; hoŋoḍono, gụ̄llən: „Ərgə̄cirdu iləldu minə вụ̄cə̄s. Minə wäldāwər kəḍərə̄ktin, aran tuksanım“.

Ahī akīnīn ahīwı wārən, nəkụ̄nmi tətiγəlḍīn tətiwrən, därəwān nanna hiγrən lokommen kərən mōdu dəwjəptikī hokto dulkakundun, nəkụ̄nmi gụ̄nən: „Nụlgiḍəkə təptirītpi“. Nəkụ̄nīn nụlgihinən. Akīnīn gụ̄nən nəkụ̄ntikīwi: „Bi ə̄dụ tigicīlḍəlim ahārīlātın. Ərạ̄kīw əmərə gụ̄kəl wāmŋan“. Akīnīn tigicīllən.

рукой я буду играть в бабки“. Вторая сказала: „Я этой буду в бабки играть“. Та женщина сказала: „Что же со мной будет, если будете играть в бабки моими суставами?“ — „Тебя принесет в жертву отец“.

Женщина теперь испугалась, унты, нож спрятала. Недолго прошло, шаман сказал, чтобы приготовить там напротив двух мужчин с двумя копьями караулить, когда же пройдет, чтобы хорошенько заколоть. Потом шаман сказал: „Женщину приведите!“ Женщина встала, немножко постоявши, сказала: „Хочу выйти, позвольте выйти!“ — „Худо бы не было, если отправится, девочки покараульте“. Девочки стали следить за женщиной. Женщина вышла, девочкам сказала: „Принесите огниво“. Девочки пришли, женщина, оторвавши корольки от своего кафтана, дала обеим девочкам. Девочки, обрадовавшись, убежали в свои юрты. Женщина быстро положила на жердь кафтан, схватила быстро лыжи, стала убегать. Бежавши по дороге, увидала в стороне от дороги наклоненное дерево, сунула лыжи под снег, сама влезла на вершину наклоненного дерева.

Засевши так, стала слушать. Шаман сказал: „Ну, тащите, что-то треснуло“. Мужчины пошли, только кафтан (увидали). Стали искать, с лучиной (с огнем) искали.

Женщина с дерева увидела проходящих, спрыгнула в снег. Под снегом долго лезла. Людоеды не могли найти, не нашли женщины. Домой дошли, шаману сказали: „Не нашли“. Шаман сказал: „Как же тогда хорошо будет? худо будет без крови“. Вторую девочку принесли в жертву вместо той, устроили шаманство.

Та женщина, спрятавшись в снегу, быстро выскочила, быстро взяла лыжи, пошла по дороге брата. Дорогу брата нашла, по той дороге пошла. Шла, шла до брата дошла. Вошла к брату; плача, сказала: „Таким людям меня отдал. Когда меня собирались убить, едва убежала“.

Брат женщины свою жену убил, в одежду сестры одел, кожу с лица ободрал, на самой середине дороги распялив на дереве пошел повесить, сестре сказал: „Кочуй до стоянки“. Сестра откочевала. Брат сказал сестре: „Я здесь покараулю преследующих; если не приду, скажи, (что) убит“. Брат стал караулить.

Tırgakākın dulınīn ōcālān, tarıl ụlвụḍərə, əmərə. Icəcīllə wāpcāwə iləwə, gụ̄llə: „Bəjəkə̄kụn, ēkun cultın, ēda əcə̄ huptıra“. Wānəwạ ahīwa hōŋnālcāl, ḍəpildə̄wər. Guluwunawar ılara, hılacılla. Amīntın ətirkə̄n hələməwān mihinə, ḍəpihinən, gụ̄nən: „ēda-kə hələmə̄w hụmnahınan, ōn-ka mụtki вimcə̄?“ Gīl gụ̄cə̄l „Əkəl hāləkəttə, ụlə̄kittə“. Ilətīl ụlgụcə̄mə̄cilcə̄l: „Ahamī-wu?“ — „Aja вimcə̄“. gụ̄lcə̄l gīl. „Targācınmạ вəjəwə cultıwa ēwan ahaḍadān, ŋənəḍəγin“. ḍūlāwər mụcụhicə̄l ilətīl.

Bəjə ahāhınạn nəkunmi hoktolın, dolвonīkānmə ŋənərən, вokonən nəkụ̄nmi.

I. Kaplın. Iŋārıgda

62. Ahī

ụmụkə̄n вəjə вakacān ilə̄lвə hunıcil, hunāḍīcīl. Kətəkə̄kụn; ụrillạn. Maŋaraktalla hunātpạ, hunātpətın gələllən ḍụgə̄cīldə̄wər. ụlgụcə̄mə̄ttə, ḍụγə̄ttə. Ahī gakājım, tar вəjə hụrụrən. Ahī ŋə̄pcu вicə̄n. Ədī jụ̄ḍən, ahī amardukın jụ̄ḍən, amunmān ḍəвḍən.

Nụlgicạ̄l tarīl вəjəl, ụricạ̄l, inəcə̄l, həγəncə̄llə dolвo. Bəjə hunaḍīn tādu вiḍərən. Əmərə ḍụ̄r ahātkār, ahītkī ụlgụcə̄nḍərə: „вātkətə̄ḍıŋāw вi“. — „īlə̄ hụrụrəkiw“? — „Ər həγəncə̄ḍərə, hinə wāmūcıllə“. Ahī dolвo untalвı təttən, gụ̄nən: „Cikə̄nmūlcạ̄ вihim, cikə̄nnə̄ḍəm“. Ahī tuksaḍacān, ūḍakıt dagadun ṇəŋərī вiḍərən. Nuŋan ṇəŋərīwə tuktıcān. Tādu təgətcəŋnərən.

Gələ̄ktəlcə̄l nuŋanmān, ācın ḍūdu. Ni ụlgụcə̄cə̄n nuŋandun, tarīl kuŋākār moŋnohol. ḍụ̄ktəwə kuŋakārвə wārə əhīlə̄. Ahīwa gələ̄ktəllə hēwulḍī, togolḍī, alвara вakaḍamī. Mụcụrə ḍūldulāwər.

Ahī tuksahıcā, вụrụcə̄n dụnnələ̄, hụrụmnān hoktolı. Istan mirənḍə̄kki, akīnŋı hoktolın ahahınạn. Ahaḍan, ahaḍan, akīnŋı вokonən. „Ajaldu iləldụ вụ̄cə̄s minə, minḍi həγəncə̄γụn-

---

Когда полдень настал, те гуськом идут, пришли, стали рассматривать убитого человека, сказали: „Мужичок, какой умный, почему не убежал?“ Убитую женщину разрубили, чтобы съесть. Костер разожгли, стали жарить. Отец-старик, сердце ее отрезав, начал есть, сказал: „Что-то сердце шевельнулось, не наша ли?“ Другие сказали: „Перестань хвастаться, врать“. Людоеды стали разговаривать: „Преследовать ли?“ — „Хорошо было бы“, говорили другие. „Такого мужика догадливого зачем преследовать? пусть идет“. Домой вернулись людоеды. Мужчина пошел по дороге сестры, всю ночь шел, сестру встретил.

И. Каплин. Ингаригда

62. Женщина

Один человек встретил эвенков с дочерьми, с девицами. Много; остановился. Стали сватать девушку, девушку просил (за нее) чтобы обменять. Разговаривали, обменяли. Взявши жену, тот мужчина ушел. Жена вонючая была. Муж выйдет, жена за ним выйдет, кал его съест.

Откочевали те мужики, остановились, продневали, ночью стали шаманить. Сестра мужчины у них живет. Пришли две девочки, женщине говорят: „Я буду бабками играть“.—„Куда же я уйду?“—„Вот шаманят, тебя собираются убить“. Женщина ночью унты надела, сказала: „Хочу помочиться, пойду помочусь“. Женщина бежала, около дороги наклоненное дерево стоит. Она на дерево влезла. Там засела.

Ее стали искать, нет дома. Кто рассказал ей, те дети глупые. Обеих девочек убили тогда. Женщину искали с лучинами, с огнем, не могли найти. Вернулись домой.

Женщина убежала (когда), упала на землю, ушла по дороге. Дошла до места, где замуж вышла, по дороге брата последовала. Шла, шла брата догнала. „Хорошим же людям ты меня отдал, меня хотели убить на

tə̄ḍərə". Akīnīn ahīwı wārən. Dārəwən hiŋrən, əmənən ḍūduwı. Nuŋgihinəkin, hunātpı uŋnən, mənin hipkıcıllan ahaḍakākuttą. Nuŋartın ahaḍara, hunātpən вakakajun, uŋucəl hılacılkākutta. Amınīn ḍəpcən tar ahīwą „Mēwanmā ŋirərən, вitki вinən", gūnən. Gil gūŋiwkil: „ekun вəjətkən cultin wānə əmənən mittų".

M. Mucujir. Tōkma

63. Iləl

Iləl вicątin ḍurpų. Bicątin hunīltın ḍūr, ḍūr amalgīltın ipkəlimmən, вəjuhindątin orocēhal. ḍūrwą oror namaḍıbına, tālā urina. Uşnarāḍa, āhınımmen. Amalgīltın oilomōhıcątın, ḍajıltın вihi ānnātcı.

Tımātną gē hunāt kərän samnıhal ilallän. Orortın əməḍirā, ərtikī icəhinän. „Bųləhəl əmųḍirä; kątąkəurtänä icəųilą, əmųḍəḍirā ḍūlāar". Bųləhəl əmucąl. Amalgī jūrän tuleskī, untalwı hoatırän, gē kərän əmmen. Bųləhəl əmųrą, kərə wāmmen nəkūnmąn ąmalgijä, ēgēje tuhanän. Sabırımmen kərän ēl-wal-uol inməkilwą. Hunātwą ąmalgi ahīlārän. ḍūkcə sųrųrə. Sųrųrā martıkī. Īdelą ānŋąhına, gē hunāt koloвo lokuŋki. Gorokokunmama gənərā. Issa ḍūlwatın—kətəkəkųn. „Mōnaolkal hunīlwa, nörtın tuhanḍıŋātın", gūnən amınīn. Kərän gē hunāt ədīnduķwi gəląmmän kolecıkōn. „ēa kəndi?" gūllən ədīn „işätcädąwi kolecikōje вūkąl. Ədīn amenūkīwı ųlgucąnän: „Nōrtın kərä şudılımmen, kərä tuhanḍelımmen lucalduk; gē mōnauāt, gē sųrųąt lucamahınmī". Gē mōnaällän, lucama koloвo lokonōrän ajıtkī.

Tigdäkəkųn ōrän, cannuor. Luŋur ədīn kərän tətnąhinimmän, ahīn ḍūdo əlвälcąn. Ədīn sųrųrəkän, kərän tuhanımmen ḍūa amaşkīji. Ədīn əmųrąn, ahīn ācın. ḍūmahınän ḍūldulā, şutnāmınän. Əmərän „ācın", gūnän. „Noan kəcą tuhanımmen".

шаманство". Брат ее свою жену убил. Лицо ободрал, оставил в юрте. Когда кочевал, послал сестру (дальше), сам стал выслеживать преследовавших. Они преследовали, найдя девушку (убитую), обрадовались, стали жарить на вертеле. Отец ел ту женщину. „Сердце почувствовало, наша вероятно", сказал. Другие сказали: „Какой парнишка догадливый, убитую оставил нам".

М. Мучуир. Токма

63. Эвенки (люди)

Было две юрты эвенков. Было две девушки, два парня. Стали заставлять (их) промышлять на оленях. Навьючивши двух оленей, там остались. Поужинали, легли спать. Парни их отправились рыбачить, лодки заночевали (оставили на ночь).

Утром вторая девушка встала, стала разжигать дымокуры. Олени идут, туда посмотрела. „Бродяги идут, много видно, подходят к юртам". Бродяги пришли. Парень выскочил, унты схватил, другой не мог выскочить. Бродяги пришли, убили младшего парня, второй убежал. Стала собирать скарб (и) торсуки (девушка). На девушке парень (чужой) женился. Ушли вместе. Ушли к марнику. Где заночуют, там вторая девушка повесит хлеб. Долго шли. Дошли до юрт—много. „Оставь девушек (в доме), они убегут", сказал отец. Стала вторая девушка просить у мужа кольцо. „Что делать будешь?" сказал муж. „Смотреть дай кольцо". Муж отцу сказал: „Они сбегут, они убегут от русских, одну оставим, одну возьмем (с собою) к русским". Оставили вторую, в лес (она) повесить пошла русский хлеб.

Дождь пошел с ветром. Вечером муж оделся, жену дома оставил. Когда муж ушел, (она) убежала обратно домой. Муж пришел, жены нет. По домам пошел, бегал. Пришел. „Нет", говорит: „она сбежала".

Tuhanän, tuhanän hunāt, kolobo lokonorwı gāŋki. Icạn nəkū̃nmạ̄n wāwcäwạ. ḍajılwa sụrụwcə̄l. Kolobоŋılwa ācır ōre. ḍämụllän, omīkın gənəḍəwki. Tāduk icärän mōtī hụklạ̄ḍirän. Əhīkə̄nikə̄kụn maŋi ḍammän, kəcạ̄ tụkin ḍạpildạ̄wi. Hunāt tạ̄mīnin kərän purtat mähinimmän ụnləwə; mähinän, kərän tuhanımmen. Gənərän, gənərän ahunma, tālā ılaran, kərän ụnləŋilwi şılaşılımmen. ḍāpcạ̄n tarīŋmı gənəḍihinimmän ajuma. ēkun icärän, ḍawrahalḍırän bıralı. Kōcaurän, kōcao dūtōrän. Kərän bəjə gụjimmän, kərän tə̄tcilimmän. Bəjə əmərän nōandullān. „ējduk əməkə̄kə̄cinnā, ōnı tuhanınnä nōrduktın?“ Gū̃nän „Bi tuhacā bihim“. Kərän ḍaurāldıhınımmen, ətərän gorobəj bıḍạmī ḍūldolātın. lhılla ḍūlwal. Ṇəkū̃nin icərän ahātkānmə „Əmərä, anŋē! anŋē əməcā ḍūtkā“, ənīntikīji tuhanän. Ənīnīn jū̃rän ḍūdukkı „īdụk əməḍän kə̄ḍinnä“. Ənīnīn icəcillän hụtän əməḍirīwạ̄n.

А. Кàмвагır. Ŋəkə̄nnə

64. Caŋıt

ụmụkə̄n ilə hunāḍīnun tụktihicə̄l ụrəldụlə̄. Tālā ụmụkə̄n bıradu ụrinərə. Tāduk akīnīn gırkuktallan. Akīnīn hụrụcə̄lə̄n, nəkū̃nmə̄n caŋıt hụrụpcə̄. Akīnīn girkuktaḍakājım, əmərən ḍūlāwı. ḍūlāwı əmə̄nnən nəkū̃nīn ācın ḍūduwı. Akīnīn gələ̄ktəlcə̄ nəkū̃nmi, icənə̄hicə̄ ụγụlə̄, icərən ūḍawān ıŋādu. Ilə pəktirə̄wụnmi gāmālcā, hụrụrən əjə̄kī bırawa. Icərən — ḍawraḍaratta. Tar ilə holotın tuksacā ḍılı, kụktilcə̄. Hụktiḍənə, hunātpı gū̃cə̄: „ḍawwān purulkal!“ Ahātkān dōldıcā akīnmı gụnḍərīwən, purulcā ḍawwān hilgiwụnḍi. Tar ḍawıtın mū̃lcə̄. ḍapkalā ākcāl; „ḍawwar mū̃ŋəlcə̄, caŋıt gū̃cə̄: „ṇụtələ̄kəl!“ Ahātkān ṇụtələ̄hicə̄, ụmụkə̄n mōdu lokoron hụnmi, mə̄nin akīndulāwı tuksahıcā. Caŋıt gụniwki: „Atırkān! kə! ma! əməkəl!“ hụnmiwə̄n ə̄riḍəwki. Caŋıt hụrụcə̄, tarīŋın hụnin lokucaḍaran, gələ̄ktəlcə̄ ahīwə. Hunāt akīnīn gū̃cə̄: „Caŋıt ərī ahīs!“ Caŋıt tuksahıcā, ilə ahahıcā caŋıtpa, pəktirə̄cə̄, urārạn. Tụgə caŋīt tuksahıcā, ilə nəkū̃nmə̄n gacā.

Бежала, бежала девушка, повешенный хлеб собирала. Увидала убитого младшего брата. Лодки уведены. Хлеба не стало. Проголодалась, голодная шла. Потом увидала — лось лежит. Только что медведь оставил, собрался остывшего есть. Девушка села, стала ножом резать мясо, отрезала, убежала. Шла, шла сколько-то, огонь зажгла, стала мясо жарить. Съела то, отправилась сытая. Что-то, увидала, в лодке плывет по реке. Перешла через мыс. Стала мужчину поджидать, села. Мужчина пришел к ней. „Откуда пришла, как убежала от них?“ Сказала: „Я убежала“. Поехала в лодке, немного осталось до юрт. Доехали до юрт. Младшая сестра увидала девушку: „Приехали (старшая) сестра, сестра пришла домой!“ к матери побежала. Мать вышла из дому. „Откуда пришла?“ Мать стала рассматривать пришедшую дочь.

А. Камбагир. Нгоконно

64. Чангит

Один эвенки с сестрой бродил по горам. Там на одной реке остановились. Потом брат ушел. После ухода его, младшую сестру Чангит увел. Брат, походивши, пришел домой. Оставленной дома сестры нет в доме. Брат искал сестру, пошел посмотреть на берег, увидел след на песке. Эвенки быстро взял ружье, пошел вниз по реке. Увидел — плывут. Тот эвенки побежал рядом сбоку, покричал. Крича сестре сказал: „Лодку продырявь!“ Девушка услыхала, что говорил брат, продырявила лодку шилом. В лодку стала набираться вода. Пристали к берегу. „Лодка протекать стала“, сказал Чангит: „Посери (серой замажь)“. Девушка начала собираться серить, на одно дерево повесила кафтан, сама убежала к брату. Чангит сказал: „Старуха! ну! на, держи! иди!“ к кафтану крикнул. Чангит пошел, от той (только) кафтан висит, стал искать жену. Брат девушки сказал: „Чангит, вот твоя жена“. Чангит убежал, эвенки преследовал Чангита, выстрелил, промахнулся. Так Чангит убежал, эвенки взял сестру.

S. Lontogır. Ṇēpa

65. Ḍū̄rpụ əwənkī̇l

ụrincəḍəcə̄tin ḍū̄rpụ əwənkī̇l. ụmụkə̄n вicə̄n samān. Nuŋartın mōtımāsına, asāltın əmə̄nmụrə ororṇunmər. Bəjəltin sụrụrə. Sụrụrəktin, əmərə maŋıl, sụrụwrə asālwətin. Əmərə вəjəl, asāltın ācır, samān gū̄llən: „ṇəŋinə̄swə̄t asālwər". Sụrụrə ūḍakīttulı; ısta hujaldıkıttulā, samān gū̄llən gırkıtkīwı: „Si sụrụkəl anŋulı hoktolı, вi ḍəginŋụli".

Alawullan samān gırkıwı, gū̄llən: „Təgəmī̇ tụwsụḍəŋə̄n, si вakamī̇, ənə ḍūlātın ŋənərə. Ukın-ka tiγdəlḍəŋə̄n, si dīkə̄ndə̄wı ụmŋəwū̄rdụtin, tə̄li asāl ụmŋəwū̄rwər tıwsalḍeŋātın, tə̄li si sụrụwḍəŋə̄s asālwər".

Samān sụrụrən. ụmụkən вəjə вakaran maŋılwa, alacıllan tiγdəjə. Tāduk tiγdəllən, nuŋan əmərən ụmŋəwụrdụlə̄tin maŋıl. Tigdəlləkin, asīn jūrən ḍūduk ụmŋəwū̄rdụlə̄wər tıwsanārən. Samān asītkīwı gū̄nən, iγilwətin minə̄də̄n. Asīn irən ḍūlā, вəriltin, iγilwətin minə̄rən, əmərən gū̄nən: „Minə̄m". Samān əmərən ḍūlātın, maŋıl вərilwə gara, вəjəwə wādāwər, iγiltin minə̄wcə̄l. Samān nuŋarwatın wārən, asīwı sụrụwrän.

W. Putugır. Ṇorвokō

66. Ilətī̇l, iləl

Bakaldıra ḍū̄r ụriləhəl. ḍū̄ktədụ вicə̄l ḍū̄r hunīl. ụmụkə̄n ụrilən вicə̄ ilətī̇, gē вicə̄n iləmi. ḍụktədụ вicə̄l ḍū̄r omolgīl. Nuŋartın ḍụgə̄ldinəl əknilвər, ahīlcāl.

Təγəmī̇-nən hụjāttə. Ilətil həγəncə̄llə, ụmụkə̄nmə nụlgiwə nụlgikə̄nimī̇l. Tar ahīwa wāptıntāmulla. Ahī tāgrän nuŋanḍīn wāptıntāmuḍarīwatın. Ahī gū̄llən: „minə tinkạllụ,

---

С. Лонтогир. Непа

65. Два хозяйства эвенков

Стояли две юрты эвенков. Один был шаман. Они промышлять собрались (лося), жены их остались с оленями. Мужья ушли. Когда они ушли, пришли лесные черти (эвенки-людоеды), увели жен. Пришли мужья, жен нет, шаман сказал: „Пойдем искать жен". Пошли по тропе, дошли до раздваивания тропы, шаман сказал товарищу: „Ты иди по правой дороге, я — по левой".

Стал учить шаман товарища, сказал: „Завтра будет облачно, ты, найдя, в юрты их не ходи. Когда дождь пойдет, ты спрячься под походный лабаз, когда женщины будут покрывать тисками лабаз, тогда ты уведи женщин".

Шаман ушел. Один мужчина нашел лесных чертей, стал выжидать дождя. Потом пошел дождь, он подошел к походному лабазу лесных чертей. Когда дождь пошел, жена его вышла из юрты, пошла покрывать лабаз. Шаман жене своей сказал, чтобы перерезала тетивы их. Жена его вошла в юрту, тетивы от луков перерезала, пришла, сказала: „Перерезала". Шаман подошел к их юртам, черти взяли луки, чтобы убить мужчину, тетивы перерезаны. Шаман их убил, жену свою увел.

В. Путугир. Ербогочен

66. Людоеды, люди (эвенки)

Встретились два стойбища. На обоих было две девушки. Одно стойбище было эвенков (людоедов), другое эвенков (нелюдоедов). На обоих было два парня. Они, обменявшись старшими сестрами, поженились.

На утро же разделились. Людоеды стали шаманить, прокочевавши один переход. Ту женщину захотели принести в жертву. Женщина узнала, (что) ее принесут в жертву. Женщина сказала: „Меня пустите

tuliskĭ jŭdəw". Nuŋanmān tinə tuliskĭ. Ahī tuktirən nəgirĭlə, taktukāndulā. Hamāgıtın gŭllən: „Wāptinmar wākallə". Ilətĭ gŭnən: „ācın wāptintı". Gələktəllə ilətĭl wāptınmar hēwulḍĭ, wāptınmar alsara bakaḍamī. Əmənə tımānllā ŋərildələn. Tımātnə gələktəllə, huruçāl ḍŭr binəl, hoktolıwı. Ahī ıssa akīndulājı.

Akīnmı ıstakın-nun nulgihincə dolbonīwə. Birawa doŋotomoktowo dakcā. Dakkānım ŭḍaduwı dukcā ḍukəwə. Ilətĭl birawa dakḍanal duŋnadun əjətcəl.

P. Putugır. Ņorbokō

67. Ilə, caŋıt

Ilə bakaran ilələwə, umukəndu urinə. Təγəmĭnən əmərə caŋıcıl. Caŋıt maŋaraktāllan hunātpān, ilə bŭrən hunātpı. Caŋıt nulgihinən, hunātpān gaḍawkı. Həwəncəllə huŋtudu ḍūdu. Hunāt ăḍərəkin, ḍŭr ahātkār əmərə. Gē gŭllən: „Bi ərĭt bātkətāldıŋāw". Hunāt hanŋuktallān: ērakıw bātkātāldıs? — „Wāptintāmuḍarā hinə". Hunāt tuksahınān amīnmı hoktolın. Dolbo amīnmı bokonān „Caŋıcıldu ēda minə bŭcəs?" Nuŋartın nulgihinə. Ņulgihinəl birawa dāγrə. Amīnīn bıra ḍukəwən duγrən. Caŋıcıl, əməḍənəl, əjərə upkat.

W. Kaplın. Ņorbokō

68. Caŋıcıl

umnā nadan bəjəl əwənkĭl girkuḍecāl, caŋıtcenal urəlduli. Hādun əwuŋnəra ḍukcāl dulā. Pəktirəwuntin ācın bicān. Nuŋardutın bicātin ələ lukĭl. Tarīŋıwar nuŋartın garpacıŋkıtın cıpıcala, hinukĭla, bəjiŋāla. Hādun ḍəmukir girkuḍaŋkıtın. umnā nuŋartın

---

вон (на улицу) выйти". Ее пустили на двор. Женщина влезла на наклоненное дерево, на старый пень. Шаманы сказали: „Жертву убейте". Людоед сказал: „Нет жертвы". Стали искать людоеды жертву с лучинами, жертвы не могли найти. Оставили до утра, до рассвета. Утром стали искать, пошли вдоем искать. Женщина дошла до брата.

До брата когда дошла, откочевали ночью. Перешли замерзшую реку. Перейдя, на следу прорубили лед. Людоеды, переходя реку, в проруби утонули.

П. Путугир. Ербогочон

67. Эвенки, чангит

Эвенки встретил эвенков, вместе остановились. Завтра пришли чангиты. Чангит просватал сестру его, эвенки отдал сестру свою. Чангит откочевал, взявши девушку. Стали шаманить в другой юрте. Когда девушка спала, пришли две девочки. Вторая сказала: „Я этим буду в бабки играть". Девушка спросила: „Что со мною будет, если ты собираешься играть в бабки?" — „Тебя хотят принести в жертву". Девушка убежала по дороге отца. Ночью догнала отца. „Зачем меня отдал чангитам?" Они откочевали. Кочуя, перешли реку. Отец прорубил лед. Чангиты придя, все утонули.

В. Каплин. Ербогочон

68. Чангиты

Однажды семь мужчин эвенков бродили, разбойничая, по горам. Иногда спускались, в юрты. Ружья (у них) не было. У них были только луки. Ими они стреляли пташек, рябчиков, зверей. Иногда голодные ходили. Однажды они

wācāl hujụkụnmạ cıpıcawa. Tarīŋmar hılatta togodu. Hılatcakājım, вōrıtta upkattu nadandu ilə̄ldụ. Upkatwa вōrıtta, ụmụkə̄ndụ ələ aвullan, tạ̄li nuŋandun вụ̄rạ hılawūnma, cıwdān.

Tar, hılawūnma cıвḍana, cəkərihinạn. Tə̄li nuŋanŋin ḍalın gụ̄llā nōwandun: „Hi, əŋəni, kətəwə ḍāpinni, hi əŋəni kətəwə ḍāpinni, upkattuk kətətmərwə". Wārạ nōwanmān.

S. Kımā. Cirəmвụ

69. Şıktowul

Şıktowul Kımā вicə̄n. Nuŋaŋın вicə̄n əjə̄n ụmụkə̄n — hunāḍīn, hụtən hulụkụn. Şıktowul вicə̄n şō gēlgan. Şıktowul inḍəcə̄n Əgdirālnụn, əwənkīlnụn. Nuŋan ıtıgaldʳān вərilвi. Aşāl, icätcärī ıtıgaḍerīwa, ụlə̄kụtşā hụŋtụltikī вəjəltikī: „Şıktowul ıtıgaḍerān, mitpạ wāldāwı". Bəjəl ıtıgaldʳā wāldıldāwər Şıktowulwa. Şıktowul nụlgişidə̄wi ıtıgarān. Şıktowul ḍụlạ̄li tışuşnan nəkụ̄nīn amarguc. Bəjəl əmụjincərə, Şıktowul nəŋinḍirạ, nəkụ̄nmạ̄n āmultana. Bəjəl ganacıldʳa, Sıktowul əjə̄nin adagaran. Adagurān, adagurān uşəlwi, tāduk nuŋanmān ŋuşamtʳəwə̄n hogişunmukān, tāduk nuŋanmā wārə. Şıktowul amaşkī hụrụləşincạrən. Bəjəlnụn alcardırān nəkụ̄nmə̄n wāḍacālnun. Ganamācıldʳān, вəjəlwə ələ̄wətin wārən. Tāduk вəjəl ụlə̄kitcərilwə aşālwə tildʳə, icəcilwạtin hōŋnārə.

Şıktowul şụrụrān, jajantıkī Jokonıkī. Jokonıwə ılırān, jajadān. Jokonın nadaldʳawa jajarān, jajarān. Şıktowul təgətcərən jajanḍarīdu. J okonı gụ̄nān: „Nadan anŋanīl wāḍaḍundʳā, Kardakuwa wāḍəndʳā, tāduk ətəḍəndʳi wā ḍəmī. Şıluktalwan şōlıpkānḍəndʳi". Şıktowul şụrụrān, wāldʳān wāldʳān Əgdirālwə, ụmụkə̄n вəjə вakawrān Şıktowulŋācın, nuŋaŋın gərвin Hə̄cụmkụ. Nuŋartın вərilḍīwər ələ̄ḍirə, ganamācıldāwər. Ganamātcərə, ganamātcərə nıpcıkılwar manaknan. Tụtəkə̄lḍīwər şụkəlcilḍirə, ıtınmat

---

убили маленькую пташку. Поджарили ту на огне.вПоджаривши, разделили всем семи мужчинам. Все разделили, одному только нехати ло, тогда ему дали вертел, чтобы обсосал.

Тот, обсасывая вертел, подавился. Тогда его родственники сказали ему: „Ты очень много ешь, ты очень много ешь, больше всех". Убили его.

Ш. Кима. Чиромбу

69. Шиктовуль

Шиктовуль был (из рода) Кима. У него были младший брат, сестра, маленький сын. Шиктовуль был очень проворный. Шиктовуль жил с Огдырылями, эвенками. Он стал настораживать луки. Женщины, увидевши настораживавшего, наврали другим мужикам: „Шиктовуль настораживает, чтобы нас убить". Мужчины собрались убить (в драке) Шиктовуля. Шиктовуль собрался кочевать. Шиктовуль пошел впереди, брат позади. Мужчины собрались, Шиктовуль не дошел, дожидая брата. Мужчины начали стрелять, брат Шиктовуля увернулся. Увертывался, увертывался от стрел, потом стрела задела за лыжную петлю, тогда его убили. Шиктовуль обратно пошел. Встретился с мужиками, убившими брата его. Стал стрелять (друг в друга), мужиков всех убил. Потом мужики совравших женщин поняли, увиденных (увидевши их) зарубили.

Шиктовуль ушел к шаману Яконы. Заставил Яконы шаманить. Яконы семь дней шаманил, шаманил. Шиктовуль сидел у шаманящего. Яконы сказал: „Семь лет будешь убивать, Кардака убьешь, потом перестанешь убивать. В петлю от кишек поймаешься". Шиктовуль ушел, бил, бил Огдырылей, встретил одного человека, такого же, как Шиктовуль, его имя Хочумку. Они померились луками, чтобы стрелять друг в друга. Стреляли, стреляли, пока колчаны не кончились (не опустошились). Мечами стали фехтовать, никак

əwkı wārə. Ətəmī şu̯kəlciḍəmī, ḍū̯ktə şoŋolḍırə. Şıktowul, alвamī wāldıḍamī, şu̯ru̯rān, hu̯ŋtu̯lə вəjəl wāḍəna̯.

Əwənkīl ələtin tildʳə, Şıktowul вu̯ləkətcirən. Şıktowul hunāḍīn Həcu̯mku̯gu̯lli u̯mu̯ndu̯ inḍəcən, u̯mu̯ndu̯ nu̯lgiktəḍəcən. Nulgiḍərə daran. Şıktowul hunāḍın Həcu̯mku̯ hunāḍīn ikəmətcənəl, şōkātmātcanəl. Həcu̯mku̯ hunāḍīn ikəlḍən: „ake-jen-de Şıktowul cāgeje-ḍeş əməḍən mu̯gdəkəcəkərə nu̯lgişinḍəktu̯wi ılımnancınakan". Şıktowul hunaḍīn lokomıḍan nu̯lgişinḍəktu̯wi ḍūmıduwı lalвokaŋılduwı nəḍən lokomılwa. Şıktowul gaḍan lokomılawı hunātpı ōnalwān. Hu̯ŋtu̯l вəjəl gū̯nḍərə: „Şıktowul ēkunka hənmiptinḍən ərā du̯ndʳawə şəgnəḍənə". Şıktowul dōlcatcān həŋkətcərīlвa̯ nuŋanmān, həŋkəməldu̯tin gu̯nḍən Şıktowul: „əməpcəşun". Şıktowul wāldʳən вəjəlwə. Bəjəlwə wāŋnərən oroktogacınma̯. Şamāşa̯l jəŋərə Şıktowulwa, ēmat cıpkārə əŋnərən dagamārə. Şıktowul ḍu̯lū̯du̯kin ilaldʳaduk cıpkārwə mədaŋna̯ra̯, huktılıŋnara̯. Şıktowul ḍəmū̯ldʳən; u̯lвimcə вimī, ıssan вəjəwə u̯mu̯kənmə, ajītcā вəju̯nmə. Şiktowul ŋurmaran вəjəwə, garpalḍana, hanŋūktarān: „Ni вişindʳi, ni hu̯tən?" вəjə gū̯nən: „Şıktowul hu̯tən". Şıktowul ŋənərən, şoŋoldʳon hutəwi aran əşin wārə. Tagwacılmī, hanŋūktarān hu̯tən ajīcā вəju̯nma̯. Hu̯tən u̯ldʳildʳən Şıktowulwa вəju̯n əptāḍəna̯. u̯lgu̯mətşən, u̯lgu̯mətşən, ḍəwrən u̯ldʳəwə, tāduk ānŋa̯ttʳən hu̯tənu̯n. Tāduk ŋān şu̯ru̯rān, вu̯ləkətcildʳən, вokonən nu̯lgiḍərilwə əwa̯nkīlwə, Əgdirālwə, вəjə jū̯şnəsca̯ ḍūdukpı. Şiktowul tar wārən вəjə. Bəjə Kardaku вicān. Tāduk ḍalıldaran Şıktowul „Əri, gu̯gərin Jokonı" şıluktalwān, sılumāra̯n şōlıpkāŋrən şōldʳan вəjə şıluktaldulın. Tukşaşna, halganmı uguran.

Bəjəl ūḍalın tukşaḍara, Şıktowul tākunduli kumŋalı irəktəli hu̯rrān. Hurrəkinən, вəjəl ojolın tukşara. Tukşaşıldʳa tākunmə Şıktowul taŋrān вəjəl, hāltın əpkil giwə şōpkamātsa̯. Bəjəl ŋənərəktin, Şıktowul jū̯rən tākunduk, mu̯cu̯şna̯n ḍūlāwı. Işnən ḍūduwī, inən şagdaknanmı. Şagdancālān вəjəl əməncərə. Şıktowul tildʳən, əməḍərə вəjəl. „Minə wāḍināḍərə", hu̯riltikīwī gū̯nən: „Mişəka̯ldʳu̯! Minə wāktın, əşilə mindu̯ ələkin əgdiwə вəjəl wācāw, şagdacāw, ətəcəw oвlog вidəmī. Şu̯-nu̯n mişəka̯ldʳu̯, вi ədu̯ alacılḍam,

---

не могут убить. Кончивши фехтовать, оба заплакали. Шиктовуль, не могши убить, ушел, убивая других людей.

Все эвенки узнали, (что) Шиктовуль бродяжничает. Сестра Шиктовуля жила вместе с сестрою Хочумку, вместе кочевала. Кочевали рядом. Сестра Шиктовуля (и) сестра Хочумку пели, состязаясь, хвастаясь. Сестра Хочумку. запела: „Братец Шиктовуль издалека идет, пеньки на месте кочевки расставляя" Сестра Шиктовуля вешало поставила на кочевке на брошенной юрте, мох положила на вешало. Шиктовуль взял вешало, сестрою сделанное. Другие мужики сказали: „Шиктовуль как будто топает, идя по этой земле". Шиктовуль услыщал говорящих о нем, на слова их сказал Шиктовуль: „Притащились". Шиктовуль стал убивать мужиков. Бил людей, как траву. Шаманы прокляли Шиктовуля, (чтобы) никакой зверь не мог приближаться. Приближение Шиктовуля за три дня узнавали звери, убегали. Шиктовуль проголодался; пропадая с голоду, дошел до одного мужика, добывшего зверя. Шиктовуль подкрался к человеку; стреляя, сказал: „Кто ты, чей сын?" Мужик сказал: „Сын Шиктовуля". Шиктовуль пошел, заплакал. Сына чуть-чуть не убил. Узнавши, спросил сына, убившего зверя. Сын накормил Шиктовуля легкими зверя. Разговаривал, разговаривал, съел мясо, потом ночевал с сыном. Потом опять ушел, стал бродяжничать, встретил кочующих эвенков—Огдырылей, мужчина вышел из юрты. Шиктовуль убил того мужика. Мужик был Кардуку. Тогда вспомнил Шиктовуль „Этот, как говорил Яконы", кишки вытащил, сделал кольцо из кишек, пролез через кишки мужика. Прыгая, ногу наколол.

Мужики побежали по его следу. Шиктовуль в середину колоды (спрятался) нырнул. Когда спрятался, мужики через верх (колоду) перепрыгнули. Стали перепрыгивать через колоду, Шиктовуль считал мужиков, некоторые прыгали незаметно. Когда мужики ушли, Шиктовуль вылез из колоды, вернулся домой. Жил дома, жил до старости. Когда состарился, пришли (к нему) мужики. Шиктовуль услышал, (что) идут мужики. „Меня идут убивать", сыновьям сказал: „скройтесь! меня пусть убьют, теперь мне довольно, много людей убивал, состарился, кончил жить, не жаль. Вы-то скройтесь, я здесь подожду, чтобы

wāḍātin". Şıktowul hụrilin misə̄rə darkındulı. Bụləşəl əmərə Şıktowul вərin tụlilā̱ lokowūndu lokucaḍarän. Bəjəl əmərə вərəwə̄n gada, incärä nuŋanmān. Şıktowul gụ̄nən: „Əkəldʳu-kən wārə, вi həŋkətciktə şụntikī, dōlcatkallu minə". Tāduk gụ̄nən: „Minə wākạldʳə, mēwanmāw ḍəpkạldʳə. Mēwanmāw ḍəmmī, mingəcir şō ōḍaş, ēmat ətə̄n şụnə wārə".

Bəjəl wārə Şıktowulwa təlgətşə mēwanmān, вakara mēwanīn hụŋtụtmər, ələ̄n ıŋu. Bəjəl ŋə̄lildʳə əşi ḍəwdə̄wər Şıktowul mə̄wanmān. Tugı Şıktowul inīn, Şıktowul mudanīn.

Ş. Kımā. Cirəmвụ

70. Nara

Gāgdärā вicə̄n Tānımə. Təgə̄du вargıgādu вicə̄n Şıntawul. Nuŋartin əŋəşicīl вicə̄tin. Gāgdärā daвdattän Şıntawuldu. Şıntawul hunīlwı tiwran.

Tīmī вələgəlildʳən Narawul, Şıntawul gəncədə̄wi. Gāgdärā Narawul şārän. Nara əŋəşit həgdimər Gāgdärāduk. Gāgdärā gụ́nən: „Şi daвdıḍandʳi, вi aran daвdacam". Nara ḍəkildirän. Kətə əwənkīl tāwrə. Ŋənəncəşnə Şıntawulwa. Nara şụrụrän akīnan. Akīnīn əŋəşitmər gēngāməndımər вicə̄n Naraduk. Nara gelgandımər вicə̄n.

Jajalwə şụrụwrā, hurkə̄kər şụrụrä multaş вəricīlwi. Nara ışşan Şıntawul ḍūwān. Nara ḍụlā̱li şụrụrän, Şıntawul ororwōn ilвərän. Şıntawul icätnə̄rän, ēkunḍī olonə. Icạttän, icättän ēmac ācın. Şıntawul jụ̄ṣṣän, cīkə̄nḍırän. Cīkə̄nḍırəkin Şıntawul, Nara amargıdādun şəgdəndʳədụn ulcamātcạnə. Şıntawul ḍūlāwı īrän, Nara nuŋannunīn īrän. Şıntawul ēmac əŋnərän tildʳə, təgə̄tcirən. Nara вēduwı təgərən. Təgəḍərəkin, Nara təgəcə̄du icərän. ụlgụrmə̄cildʳə. Nara gụ̄nän: „Kərəməḍu вişim Gāgdärā hunīldulı".

Amarguc əmərə ələ̄tin əwənkīl. Haranāldʳə. Şıntawul həripcụldʳən īdụ əŋəşitmər. Nara haranduwı kụllkụşnən əpkərə̄wə. Ələ̄tin garalin taraşına, ələ̄tin ụmkəktạlin вụrụrä. Şıntawul tə̄li ēnawrän.

убили". Сыновья Шиктовуля скрылись под наст. Пришли бродяги, лук Шиктовуля снаружи на вешале висел. Мужики пришли, лук его взяли, вошли к нему. Шиктовуль сказал: „Подождите меня убивать, я скажу вам, слушайте меня". Потом сказал: „Меня убейте, сердце мое съешьте. Съевши мое сердце, сильными, подобно мне, станете, никто вас не убьет".

Мужики убили Шиктовуля, вырвали сердце, нашли совсем другое сердце, все волосатое. Мужики побоялись есть сердце Шиктовуля. Такова жизнь Шиктовуля, конец Шиктовуля.

Ш. Кима. Чиромбу

70. Нара (соб. имя—недохолощенный бык)

Гагдэра был (из рода) Танимо. На противоположном берегу реки был Шинтавуль. Они были силачи. Гагдэра поддался Шинтавулю. Шинтавуль девушек отнял.

Утром стал помогать Наравуль Шинтавуля наказать. Гагдэра знал Наравуля. Нара был силач больше Гагдэры. Гагдэра сказал: „Ты победишь, я немножко поддамся". Нара согласился. Много эвенков собрали. Отправились к Шинтавулю. Нара пошел с дядей. Дядя был сильнее (и) неуклюжее Нары. Нара был проворнее.

Шаманов увели, парни пошли лучным отрядом. Нара дошел до юрты Шинтавуля. Нара зашел вперед, испугал оленей Шинтавуля. Шинтавуль пошел посмотреть, что случилось. Смотрел, смотрел, ничего нет. Шинтавуль вышел на двор. Когда справлялся Шинтавуль, Нары позади, за его спиной вертелся. Шинтавуль вошел в юрту. Нара с ним вошел. Шинтавуль не мог ничего понять, сел. Нара на среднее место сел. Когда сел, увидел Нару сидящего. Стали разговаривать. Нара сказал: „(я) мщу за Гагдэра девушек".

Позже пришли все эвенки. Стали стойбищем становиться. Шинтавуль приметил, где сильнейший. Нара на месте юрты ударил по сухому дереву (силу показал). Все ветки вздрогнули, весь снег свалился. Шинтавуль тогда разобрал.

Тимāтнạ әрилдʳә диŋнилəликĭситин, гулувӯн һəгдиwạ ылара. Калтакагıḍĭн гулувӯнма ṣамāṣạл тəгәрə. Бəjəл ḍawṣилдәрə вәрилwәr. ụмụкӯн вəjə ụргәмкәрән тụтәкəлwәтин, гӯнән: „ụргәмәкәкụn Нараgы". Тụтәкəлwәтин Нараjа Ṣынтawулnun ылıwрāн. Нараŋтwа ṣылворāрāн мандʳıтмарĭт. ӯлгụсəмəтṣə ĭдиɣ ḍụḷạĭ гāḍан, тарĭ ṣụкәдəḍən. ḍӯкрə тук-
20 ṣāнсəлдʳə тụтәкəлwәр Нараgы мандʳıт ṣылворāнмусā. Нара гāсcаḍалгıдан, Ынтawул ṣụкәдāṣсәрāн. Нарawа ŋāлạ һụjирән, әŋкиwạ. Нара һəндʳişнən, Ṣынтawул аṣаṣнан. Əṣın вокоnə, амаṣкĭ һụктилдʳən, Нара вокорāн, ṣụкәдəрāн Ṣынтawулwа. Ṣынтawул тəгəкнə-нин әŋкиwạ нылāṣнən вụрụсə. Нара мӯсụṣнən. Нара гӯнān: „Тıкın ādu вимсāṣ! Вəjə-мəтмəткạl". Ынтawул алтасилдʳан, һәркəлдʳən әŋкiwi. Нара әŋĭн алıпкāсилдʳан, Ṣынта-
25 wулjawı вокowı daptaldʳāн, гụnḍāнạ: „Әр ḍējēгартın һəjгən", Гāгдāрā гӯнən: „Бəjə-мəтkạl нụганмāн". Нара əṣın ḍəкildирā, əṣın wāмӯлдʳā. Нара гӯнān: „Gилwə-ḷı ŋə-кəктin!" Ṣынтawул гӯнāн: „Мindụ āсın таргāсın вəjə" Ṣынтawул алтасилдʳан: „Бụ вӯḍā-rəw ṣундụ асāлīṣun". Нара ḍəкildирāн, аṣāлawı ḍӯrwə гādан. Гāгдāрā һунӣлwāн тиḍəлwән амаṣкĭ гāḍıran. Нụŋтụл һụrкāкụr асīлāрạ, əгdиwə аṣāлwа əməwrə мāнŋитkĭwi
30 дụндʳатkĭwi. Мụсụṣnạ. Нара аṣāлwı мӯdилwạ угаḍана.

Ṣынтawул jajалтın Нарawа jəŋərə, āсın һụтəwi видən. Нара ḍӯrдук аṣал ụмụкə-мāс һụтən əсā вişi. Тāдукkı гəрвисĭ Нара. Нара висān әлə əŋəşi Тāнımə.

Ş. Кımā. Сirəmвụ

71. Sərincə.

Şərincə ikānipkədirən nəŋŋə. Əgdirā вicətin əwənkĭl. Вụləşəl, ụrəgər, şəŋnə Cirəmвụtkĭ umıldʳə mӯwə. ụmụkəntin dōldırān Şərincə cumnrwān, gӯnən: „Cumn-

---

Утром раскопали место бегов, большой костер разожгли. Половину костра шаманы заняли[1]. Мужчины просматривали луки свои. Один мужчина свесил мечи, сказал: „тяжелее Нарин". Мечи Нары (и) Шинтавуля поставил. Нарин воткнул покрепче. Договорились, который (из них) первым возьмет, тот ударит.
20 Оба побежали за мечами. Нарин воткнут крепче. Пока Нара брал, Шинтавуль рубанул. Ранил руку Нары, большой палец. Нара побежал. Шинтавуль преследовал. Не догнавши, стал бежать обратно. Нара догнал, рубнул Шинтавуля. Когда Шинтавуль присел, большой палец снес, бросил. Нара замахнулся, Нара сказал: „Теперь здесь был бы! Давай рубить друг друга". Шинтавуль взмолился, привязал большой палец. Мать Нары стала досаждать, по заду Шинта-
25 вуля похлопала, говоря: „Вот запрятанный болотный житель". Гагдэра сказал: „Убей его". Нара не согласился, не захотел убивать. Нара сказал: „Другие пусть попробуют!" Шинтавуль сказал: „У меня нет такого человека". Шинтавуль стал просить: „Мы дадим вам женщин ваших". Нара согласился, двух жен взял. Гагдэра девушек отнятых обратно взял. Другие парни женились, много женщин
30 привели на свою землю. Возвратились, Нара своих жен на плечах переносил через воду.

Шаманы Шинтавуля заговорили, чтобы (Нара) был бездетным. У Нары от двух жен ни одного ребенка не было. С тех пор называется Нара. Нара был последний богатырь (из рода) Танимо.

Ш. Кима. Чиромбу

71. Шоринчо.

Шоринчо устроил весною весенний праздник обновления жизни. Эвенки были (из рода) Огдырэ. Бродяги, каменные (жители правобережья Енисея) дошли до Чиромбу, стали пить воду. Один из них услышал в воде эхо Шоринчо, ска-

---

[1] Межродовые столкновения эвенков в большинстве случаев сводились к состязаниям богатырей—военных предводителей. Параллельно шли состязания в искусстве между шаманами. Роды встречались, устраивали костры. С одной стороны располагались богатыри, с другой—шаманы.

ḍarə". Ələ̄tpạr dōlcacıldʳə, ələ̄tpi ịḍərə cuŋrır. ēnāwrạ şolokī cuŋrırawạ, şụrụrə Cirəmвụwə şolokī. Ŋənərə ḍapkuldʳawa. ḍapkīdutın wāmūlḍʳạ dōldıḍacāwạ. Wālḍənəkār icərə oronmo cōlkāwə. Wārə oronmo, ḍəwrə. Dolвoltono dōldırə əwənkīl kụnəlirwətin. Luŋurıwə kụnəliḍərə əwənkīl. Tımältānākın, iləwgildʳə, jajaldʳən Şərincə̄. Əwənkīl ikə̄nildʳə. Tımạltānạ вụləşəl əgəlgərə Şərincə̄ ḍūkānmạn. Şərincə̄ tildʳən əgəlgəpcə̄lạwə umnaldʳän: „ēkun cōlın gụ̄nən? Şərincə̄kụn mụşụn əgəlgəjəgdədin ḍūn tirənḍəşinən". Bụləşəl gụ̄nə: „Umnalca!" Ganaldʳə Şərincə̄ ḍūkānmān, ikə̄nımnīşəlwə wārə. Şərincə̄ dəgilcạrän şōnalıwı, hatınän, şiγụnḍi вụrụrən. Şərincə̄ hụktildʳən nınakınḍī. Bụləşəl garpara nınakınma, nınakın вụddạn. Tāduk Şərincə̄, kulın вinə, hụktildʳən. Kulīnma вụləşəl ērkanḍīwar iktərə, Şərincə̄wə wārə, ụldʳəwə̄n ḍıgḍırä, ḍigḍira Şərincə̄ ṇān ụmụnụpiŋnərän ṇədụḍirä вaklalta, ṇān ụmụnụpcā. Təlgə̄tcirə ələwə̄n, Şərincə̄ ṇān ụmụnụpcā. Ōmīwān əŋnərä вakara. Şərincə̄ ōmīwı ḍajacā ācındu gərвidụ. Okın ācıŋıwān gərвijə minə̄rə, tə̄li Sərincə̄ вụddan.

ụmụkə̄n вəjə wāḍāktutın вụkcəcə̄. Ilan вụləşəl īrə ḍūkānitıkī. Tar вə̄jə aran əşin ılıncara purtatpı, əksə̄rən. Ụntụwụ̄nmạ gāda вụləşəl,mụrụkə̄rə purtatpı gēlawān. Tāduk īrə, əgdi вinəl, kumalārwə ṇəduldʳə wānəltıkīwar, gụnḍənəl: „şi ərīc ənụtụkəl". Bəjə icərən cukşacī, gụ̄nən: „Ər-kə ōn cukşacī?" ụmụkə̄ntin gụ̄nən: „ətənnụkə̄kụnti", kumalānmạ ṇədụrän, dārạn ətədạn icäвḍạmī. Gīl ḍụ̄r hụrkə̄kər tukşana. Asādılwa şụrwə tətşạ. Bụləşəl gụ̄nə: „Nuŋarŋıltın aşāl ēkun dụndʳạjạn şə̄ŋəḍərə?" Bụləşəl şụrụrä wāḍāktukpar, ụmụkə̄ntin вụlən gụ̄nən: „ṇəkəwi omgom". Amaşkī mụcụşnạn wāḍāktıkīwı, ḍūkāntıkī īrän. Bəjə təgətcə̄ jōnan. Bələn tāgrän hāwı. Həŋkətmə̄ttən, tēruldārān gōcıktawān əmərən.

ḍụ̄r hụrkə̄kər ışşaḍalwar əwənkīlwə, jarıkārwạ nimgəcilcə̄lə̄wər, ḍəmụ̄lcəldʳə, ụlвimə̄cələwrə ışşa.

зал: „Раздается". Все стали слушать, все услыхали эхо в воде. Приметили, что) эхо сверху, пошли вверх по Чиромбу. Шли восемь дней. На восьмой ден захотели убить слышавшегося (того, чье эхо слышали). Убивая, увидели белого оленя. Убили оленя, съели. Вечером услышали шум (от эвенкийской игры в мать-дерево)[1]. Всю ночь играли эвенки. Когда настало утро, стали греть бубны, начинал шаманить Шоринчо. Эвенки стали в круг. Утром бродяги окружили юрту Шоринчо. Шоринчо понял окружавших, стал говорить: „Чей язык говорит? Дух Шоринчо окружавших юрту собрался придавить". Бродяги сказали: „Заговорил (зашаманил)! „Стали стрелять в юрту Шоринчо, всех в хороводе убили. Шоринчо быстро вылетел в отверстие юрты, превратился в духа, солнцем упал. Шоринчо стал убегать собакой. Бродяги выстрелили в собаку, собака умерла. Потом Шоринчо, змеею ставши, начал убегать. Змею бродяги били кончиком лука. Убили Шоринчо, мясо его рубят, рубят, Шоринчо опять собирается в одно, разбрасывают по частям, опять соединяется. По суставам разбирают всего, Шоринчо опять соединился. Не могли найти его душу. Душа Шоринчо спряталась в безыменный палец. Когда палец отрезали, тогда Шоринчо умер.

Один мужчина остался полумертвым на месте убийства. Три бродяги вошли в юрту. Тот мужчина едва не бросил (в них) ножом, одумался. Бубен взяли бродяги, разодрали ножом пузырь. Потом вошли, много (их) было, разбросали кумаланы по убитым, говоря: „Ты этим вознаградись". Мужчина увидел окровавленного, сказал: „Это почему окровавленный?" Один из них сказал: „Уже кончился". Бросил кумалан, чтобы лицо не было видно. Два других парня убежали. Женские кафтаны надели. Бродяги сказали: „Их женщины на какую землю (могут) дойти?" Бродяги ушли с места боя, один бродяга сказал: „Огниво забыл". Вернулся обратно на место боя, в юрту вошел. Сидевший мужчина испугался. Бродяга узнал сородича. Разговорились, обещал притти в будущем году.

Двое парней во время похода проглотили корольки (крупный бисер), стали голодать, едва живые от голода дошли.

---

[1] Игра kunəlir „мать-дерево"—массовая. Играющие делятся на две партии: мужскую и женскую. У каждой партии свое дерево — „отец" и „мать". Подбрасывают палку. Партия, поймавшая палку, старается поцарапать дерево противной партии. Ей не дают, стараясь выбить и уронить палку. При падении палки игра переходит к другой партии.

I. Bajakī. Cirəmbu

72. Arka

Arka amīnīn bicən Mōlkōn. Nuŋan bakaran hulukutkənmə kuŋākənmə. Irgicildʳən tarā. Tāduk Arka həgdiŋə ōdan, həgdiŋə şamān ōdan. Arka umukənnun şamānnun jaŋʳamattʳən ənəşiwi, merirān şajtaşalčīwi. Nī əŋəşitmər. Togowo həgdiŋə ilara, nadanma əpkərəl mōlwa olgoŋnorə. Tādu jaŋʳamācildʳə. umukənmə inəŋiwe jaŋʳamāttʳə, şaman ilaran togodu şəwəşəlčīwi. Dabdaran hunŋtu şamān, čəgdirən gē, şajtaşalčīwi ilarān. Arka əŋəşi həgdimər ōdan. Tutəkəcīlin ilandār bəjəl bicəl. Ilarakin, nuŋartin gūldʳə mənŋiwər şamānmər: „Tugi biwkə". čəgdirān tarī şamān.

Arka ŋān hunŋtutkī şamānukī ŋənərən, ŋān hunŋtu şamān turəldʳən Arkawa, gūldʳān: „Şi-kə eda tugi ŋəkəčəndʳī əwənkīlwə mən ilatcandʳı şi?" Arka həŋkəcildʳən: „Ōn-ka mən ilatcačam, mənəkən turəlcən minə". Ŋān tar şamān gūldʳən: „Jaŋʳamātkā, ēkun-ka targācın bişin həgdiŋə?" Arka gūldʳən: „Şu mənəkər turəliŋnəş. Ajawrakış, jaŋʳamātkā". Ŋān togowo həgdiŋə ilara, nadanma əpkərəl ilara. Şō həgdiŋə togo ōdan. Gē ijəlin baldira, Arkaŋı baldira ijəlin tugi. Ŋāldira čūkrə, əŋəşilwər merildʳä, idu əŋəşitmər ōdan. Arka dabdıran, bodoloşşən. Əŋəşitmər həgdimər ōda şajtāşalīn. Tunŋačār tutəkəcīlīn bicəl tar dabdačacā. Dabdarakin, həŋkəcildʳə tutəkəcīlin: „ŋəkəčəkis ərutşiji".

Tāduk Arka ŋān ilītin şamaşıl Putugın bakaldira. Arka kuşildʳən čukədu, biradu. Arkawa pışşaldʳān hojolın turkəc. Arka taptirānən hojowı, ēmac şōkşəjə ācın, hujə ācın ōdan. Arkaŋıl tunŋačār tutəkəcīlin tar şamāŋıl tunŋačār tutəkəcīlin kuşirə čukədu. Dabdara Putugınŋı. Arka təgān Tanınma bicən. Arka wārən Putugınma əlāwətin. Arka Jələgudu indəcən. Putugın awgidālā əməcən.

И. Баяки. Чиромбу

72. Арка

Отец Арка был Молькон. Он нашел маленького ребенка. Стал растить того. Потом Арка большим стал, большой шаман стал. Арка состязался с одним шаманом в умении шаманить, мерился духами. Кто сильнее. Большой огонь разожгли, свалили семь сухих деревьев. Там стали шаманить. Один день шаманили, шаман сжег в огне своих духов. Поддался другой шаман, улетел второй [1], духов сжег. Арка значительно сильнее стал. Мечников тридцать человек было (у того). Когда зажег, они сказали своему шаману: „Тому (и) нужно быть". Улетел тот шаман.

Арка опять пошел к другому шаману, опять другой шаман стал ругать Арка сказал: „Ты-то к чему так делаешь, эвенков сам сжигаешь ты?" Арка сказал: „Как (я) сам сжигаю, сам вызывал меня". Опять тот шаман сказал: „Давай пошаманим, какой такой силач?" Арка сказал: „Вы сами вызываете. Если нравится, давай шаманить". Опять большой костер развели, семь сухих деревьев сожгли. Очень большой огонь стал. У второго выросли рога, у Арка тоже выросли рога. Схватились оба, силою мериться стали, который сильнее. Арка победил, сбежал (тот). Сильнее, больше стали духи его (Арка). Пятьдесят мечников было у побежденного. После победы стали говорить мечники: „Если бы начал раньше, хуже (было бы)".

Потом Арка опять с третьим шаманом (из рода) Путугин встретился. Арка начал драться на льду, на реке. У Арка прострелил лоб насквозь. Арка вытер лоб, нет никакой крови, раны не стало. Пятьдесят мечников Арка с пятьюдесятью мечниками того шамана бились на льду. Побежденными стали Путугины. Народ (род) Арка был Танимо. Арка убил Путугиных всех. Арка жил на Елогуе. Путугин пришел на эту сторону (с правого берега Енисея).

[1] Побежденный сжег своих духов и, превратившись в птицу, улетел.

M. Joligir. Turu

73. Nurgowul

Nonon Nurgowul bihin, gē ŭrən bihin. ŭrən bihin kətəkəkun ŭrilĭn. Tālawar əmərən Nurgowul. Tāduk ŭmukənĭn gŭnən: „Ganātmāt!“ Nurgowul manaran bəjəŋilwən ŭrənŋilwə. ŭrən tuksahınan; bırawa mikcandarĭwa garparan, halganmān kaputtan. Kaputkānım, ahĭwān hurŭwrən. Nurgowul hutəwən amākān ajaran, hōmama hujukukənmə.

Tarāwa irgittan dapkun anŋanĭwa. dapkun anŋanĭn irgitkājim, ajaɣūldan, lukĭwa ōran mukutiwa, tāduk, guluwun bargıdālān ihwkākānım, tatıgāttan. Tādu əcē nawkānā' cāgı amandĭ gorokondĭ ŋān tatıgāttan. Tāduk, gorotmordulā ihwkānım, hələmət lukĭt tatıgāttan.

Tar kuŋākān lukĭdu əcē nāwrə, nuŋan mikcānan. Jəgitin anŋanĭ ōdan. Jəgitin anŋanĭ ōdakın, tar kuŋākān mōwa ilkənmə bakaran, amākāduk hanŋūktaran: „ēkun ilkəncān?“ — „Əcāw hārə“. — „Amākā! ələdākəl, hubakal, ulgucākəl mindŭ“. Ilaran hanŋūktaran amakāji. Amakān gŭnən: „Bultakəl dəwgə bəjunə, tāli gŭnim“. Tādu bultaran kuŋākān kətəwə hōma bəjunmə. Bultarakın, gŭnən: „Nurgowul wācān amĭnmās“. — „ēkuma hō bəjə, mōyat baldıdıŋāw, hi, ətirkān, ulgucākəl, ulgucəndəwi baldırakıw“. Tāduk tar kuŋākān hurŭrən. Bakaran tālā jəgin dŭwa. Bakakānım, kalılā dŭla ĭrən. Irəkin, ənĭnĭn tāgəcıldan. „Hi ēkuma kuŋākān bihindā?“ ənĭn gŭnən: — „ēkuma binān, əcāw hārə“ — „Ōn minŋi hutəw ŭrərĭ?!“ Hutən tādu gŭnən: „Tar-tı bihim“. — „Ətirkānmi əmərəkin, ənə ulgucənə“, gŭnən ənĭnĭn: Kuŋākān gŭnən: „Ətirkān okın əmədiŋən?“ — „Dolboltono əmədjŋən“. — „uldəjə mindŭ bŭkəl! hōt dəmmulim, gorojo əmədəm“. — „uldəŋilbi taŋdaŋān, mədədən, budam, ədam-ŋu?“.

Hujukukənmə bŭrən halganĭn uldəwən. Adırākān mukukānım, ətərən. Tādu əmərən ətirkānĭn dolboltono. Lōwanmı taŋdan, dŭlājı ənə ĭrə. Taŋkanım, gŭnən:

M. Иолигир. Туру

73. Нурговуль

Вначале был Нурговуль, (и) второй Урон. У Урона было много стойбищ. Туда пришел Нурговуль, потом один из них сказал: „Пойдемте стреляться“. Нурговуль прикончил мужчин Урона. Урон убежал; через реку в перескакивающего (Урона) выстрелил, ранил ногу. Ранивши, жену его увел. Нурговуля сына его (дед) спрятал, очень маленького.

Воспитывал того восемь лет. Восемь лет растивши, начал учить (увертыванию), сделал деревянную стрелу, потом, за костром поставивши, учил. Там не попавши, дальше позади далеко опять учил. Потом, очень далеко поставивши, железной стрелой учил.

Тот ребенок на стрелу не попадался, он отпрыгивал. Девятый год пошел. Когда девятый год настал, тот ребенок метку на дереве нашел, спросил деда: „Кто пометил?“ — „Не знаю“. — „Дед, пожалуйста, сообщи, расскажи мне“. Трижды спрашивал деда. Дед сказал: „Добудь зверя для еды, тогда скажу“. Там же добыл ребенок много сильных зверей. Когда отпромышлял, (дед) сказал: „Нурговуль убил отца твоего“. — „Какой сильный мужик, может вырасту, ты, старик, расскажи, расскажешь, когда вырасту“. Потом тот ребенок ушел. Встретил там девять юрт. Встретивши, в большую юрту вошел. Войдя, мать его узнала: „Ты чей сын?“ сказала мать. „Чей был, не знаю“. — „Как похож на моего сына?!“ Сын тогда сказал: „Тот (и) есть“. — „Старик мой придет когда, не рассказывай“, — сказала мать. Ребенок сказал: „Старик когда придет?“ — „Вечером придет“. — „Дай мне мяса! Сильно проголодался, долго шел“. — „Мясо сосчитает, узнает, дам ли, нет ли?“

Немножко дала мяса от ноги. Немножко поевши, перестал. Пришел вечером старик. Повешенное (мясо) подсчитал, не входя в юрту. Посчитавши

„Halgan ɥldən ācɪn“. Taŋdākɪn, ikənɪm ḍūlāji, gʊ̄nən: „ēkun kuŋākāmɪn əməcən? ɥldəmi idu вʊ̄ndā? hʊŋtu-ɣu, tawardu-ɣu вʊ̄ndā?“ Ahīn gʊ̄nən: „Tawardu вʊ̄mi, ḍəpcən“. — „ēkun kuŋākāmɪn əməcən? hōt ulikal, aŋaḍakān вinən. Hāksəjə urkukal kalandu hʊjʊwdən“. Tarīŋɪn aksaran, aksakānɪm gʊ̄nən: „Hi amīmāw wāḍəwki вihindi?“ — „Ni amındı gərвin вicən? Hi minŋiwə gərвiwəw hāndı“. — „Ni amīndı gərвin? Hi minŋiwə gərвiwəw hāndı-ɣu?“ — „Hāmı“ — „Gərвiwəw ŋi, hārəkıs?“ — „Hinŋi gərвis Nurgowul“.

Mıkcānən hōnalın əidʊnmə caskī. Mıkcāndarīwa purtatpı amandıwkāmın. Tāduk tuksahınākın, hokordon; əmərən, hʊŋtʊlwə tətkənən tətigəlwə. Əmərəkin jəgin ḍūdu: „Okı вihis jəgin ḍū wākaldu“. Hʊwʊlitin ɥrʊttə, əcəl nawkānə. „Kə, hilə, вi-wə-li ganācīktə“, gʊ̄nən: „adaɣukaldul mıkcākaldul“ Lukītukīndī wārən. ɥmʊkən hulaptan, hōŋɪtın hulaptan. „Amīwaw ōn wācās, tʊgi wāḍam“. Garparan ɥmʊkəlın wārən. Wākānɪm, ənīnmi hʊrʊwrən. Amākān gʊ̄nən: „Ələ-də hōmaja вihindi“.

I. Uwocān. Ṇorвokō

74. Nurgowul

Nurgowul gərвicī hōnıŋ, garpalān вəjə вicə. Nuŋan ɥrilənə manawkı, вəjətkərвə wācıwkı, ahatkārвə gāwkı məndʊji. Təgəmīnin nʊlgihinən, ıstan ɥmʊkəndulə ḍūlā. Icərən atırkān hʊtəji ḍawucaḍarīwān, hanŋūktaran nuŋandu: „Hʊtəs, вəjətkən-mu, ahatkān-mu?“ — „Ahatkācān!“. Nurgowul hʊrʊldənə gʊ̄nən: „Bəjətkən вimī ər, ilkəndʊliw əməŋnən!“

Nurgowul hʊrʊcələn, əmərən amīnīn. Amīnīn hʊtəji alawullan adaɣakīttu. Hutəji hʊnmən lukkānɪm, toɣocīt, ēllat noduncucıwkı, tarŋɪn adaɣawkı. Tāduk amīnīn ōrān ɥrвa, tarīŋɪtpı garpawkı, hʊtən adaɣawkı.

сказал: „Мяса (от) ноги нет“. Подсчитавши, войдя в юрту, сказал: „Какой парнишка пришел? Мясо какому дала? чужому или тому дала?“ Жена сказала: „Тому дала, съел“. —„Какой ребенок пришел? побольше покорми, сирота наверное. Кровь налей в котел, чтобы сварилась“. Тот (мальчик) рассердился, рассердившись сказал: „Ты убил отца моего?“—„Как было имя отца твоего? Ты мое имя знаешь? Как имя отца твоего? ты мое имя знаешь наверно“. — „Знаю“ — „Как же имя, если знаешь?“ —„Твое имя Нурговуль“.

Прыгнул в верхнее отверстие юрты за нюк. Прыгающего ножом не успел (задеть мальчик). Потом, когда убежал, потерял (его); пришел, надел другую одежду. Пришел в девять юрт. „Сколько (есть) девять юрт убивайте“. Все обрадовались, не попали. „Ну, теперь я-ко постреляю“, сказал: „увертывайтесь! прыгайте!“ Каждой стрелой убил. Один остался, сильный остался. „Как отца моего убил, так убью (я)“. Выстрелил в голень, убил. Убивши, мать увел. Дед сказал: „Теперь сильный (ты)“.

И. Увочан. Ербогочон.

74. Нурговуль

Нурговулем назывался богатырь, ловкий стрелок был мужик. Он стойбища кончал, мальчиков убивал, девочек брал к себе. Утром кочевал, дошел до одной юрты. Увидел, старуха сына держит, спросил ее: „Ребенок твой — мальчик или девочка?“ — „Девчонка!“ Нурговуль, уходя, сказал: „Мальчик это, пусть по метка моим пойдет!“

После ухода Нурговуля пришел отец. Отец стал учить сына своего увертыванию. Снявши с сына кафтан, огнем, углями бросался, тот отворачивался. Потом отец сделал стрелу (деревянную), ею выстрелил, сын увернулся.

Hụtən, ṇurılajı ōkānım, ḍān nadan anŋanīcī вınə, hụrụrən Nurgowul ilkəndụlin. Ŋənərən ılanḍārвə tırganīl. Ilanḍāγīdujı dōldırān kōŋalāhəl jụrginḍərilвə. Icərən, tāgrən əkīnmi. Əknilīn nihụḍərə Nurgowul wānəwān вəjụnmə. Əknilīn ụlgụcənə īdụ вiḍəriwān Nurgowul. ḍəwrən ụlləwə nuŋan, hụrụrən Nurgowuldulā. Dagamalḍana, ṇurmaran kikəhinən. Nurgowul gādan ṇurвı ụrəmkəttə, gụ̄nən: „Tụksənmi həkkəl, garpakal goroduk əməcə вəjə". — „Hi nonokol hagdımulla". Nurgowul garparən, urārən. Gē garparən həŋənmən təlləmnək. Nurgowul gēwren garparən urārän. Ge hılumārən Nurgowulвa, Nurgowul gụ̄nən: „Hagdacālāw əmənnə", ṇurılвı вụ̄rən, gụnḍənə: „minŋəcin ụrinələ manawkı ōdaji".

Bəjətkən ororвon ḍawarän, əknilвi hụrụwrən ḍūlāji.

N. Kaplın. Ṇorвoko

75. Ilan əŋəhil

ụtələ, kətə anŋanīl iltənə вiḍənədụktin ılan əŋəhīl. Nuŋartın вiḍəcətin ələkəs, əwənkīl ōḍarāktın.

Tar əŋəhil вiḍəcəl ajamamat, əwkil ụpcụrə, kụhirə. Ēja-wal ụmụkəntin gụ̄nəkin, əwkil mụssərə; ēja-wal ōmūlmī, ụmụtəl əwkil ōra, ōlıwkıl ụmụkəndu, ụlgụcəmətnəl, gụ̄ldinəl. Nuŋarwatın hācāl upkat əwənkil. Nuŋargācırtın əŋəhīl īdụ-də ācır вicəl. Bəjụhinmī, nuŋartın əməniwkil ụmụkənə girkījəwər. ḍūjawar ōwkıl nuŋartın hekılduk. Ilana hēkīl nuŋartın ụjiwkil dụwəldụlitin, golomogocın, tarīŋılduwar вiḍəwkil.

Nuŋartın tırganītıkın tiliksiḍəwkil əŋəhīcīlə ilələ. Kətəwə anŋanīl вikəjəmīl, dōldıcāl īdụ-wəl jākəltıkī ụmụkən вihin əŋəhī, əŋəhītmər naŋarduktın. Nuŋartın alвacāl ōn-dā вakaḍamī nuŋanmān. Tar jākə nuŋarwatın ṇān tilcə, īdụ-wəl вihiwətin ılan əŋəhīl. Gələktilcə nuŋarwatın. Gələktılcə tar əŋəhī jākə ılanma anŋanīl, digīdụwi tilcə ajamamat nuŋarwatın. Tar jākə əŋəhīlwə вakaran, diginmə tolgokīcīl ororwo

---

Сын, сделавши стрелы семнадцати лет будучи, ушел по меткам Нурговуля. Шел тридцать дней. На тридцатый услышал звон боталов. Увидел, узнал старшую сестру. Сестры волочат зверя, убитого Нурговулем. Сестры рассказали, где живет Нурговуль. Поел мяса он, пошел к Нурговулю. Приближаясь, подкрался, свистнул. Нурговуль взял стрелы, сравнил, сказал: „Подстели подстилку, (чтобы кровь не пролилась на землю), стреляй, пришедший издалека мужик". — „Ты начни, старший". Нурговуль выстрелил — промахнулся. Второй выстрелил — колено насквозь. Нурговуль вторично выстрелил—промахнулся. Второй (выстрелил) — по кишкам. Нурговуль сказал: „Под старость пришел", стрелы свои дал, говоря: „Будь, как я, кончай стойбища".

Парнишка оленей его поймал, сестер увел домой.

Н. Каплин. Ербогочон

75. Три силача

Давно, много лет прошло после существования трех силачей. Они жили тогда, когда эвенки (только) делались (организовывались).

Те силачи жили хорошо, не спорили, не дрались. Когда что-нибудь один из них говорил, не противоречили. Что-нибудь желая делать, по одиночке не делали, делали вместе, разговаривая, договариваясь. Их знали все эвенки. Подобно им силачей нигде не было. Отправляясь промышлять, они оставляли одного товарища. Дом они строили из лиственниц. Связывали они вершины трех лиственниц, как балаган, в нем жили.

Они ежедневно узнавали о сильных мужчинах. Много лет прошло, услышали, (что) где-то есть у якутов один силач, сильнее их. Они никак не могли найти его. Тот якут о них также услыхал, (о том, что) где-то живут три силача. Стал искать их. Искал тот силач-якут три года, на четвертый узнал хорошо о них. Тот якут силачей искал, на четырех санных оленях ехал

hụktiwụscə̄ dolвonīwə, tırganīwa, nuŋardulātın. Nuŋan ororwo garan tar-ḍarın, daвdıḍamī nuŋarwatın həlinḍī hụktiwụhində̄wi nuŋarduktın. Ələkəs ıhılcā nuŋarwatın. Ihılḍana, icərən hēkīl ụjicə̄l dụwə̄ldulitin, ḍūtāḍạrạ.

Tar jākə ŋə̄ləlcə̄ hōmat. „ēkurdulā əməm?“ Ujitcə̄ ororwı, ī̇cə̄ nuŋardulātın. ḍūduwar вiḍərə ılanī. ḍūtın hōmama aja. Bajakākunḍī вiḍərə, kətə ḍəptilə̄tin. ī̇kə̄jim, dorowaran nuŋarnuntın. Hōmamal ajaltın вicə̄l, iləməhəl. ụlilcə̄l nuŋanmān. ụlgụcə̄mə̄tcəcə̄l dolвodolōn. Tādu ānŋạtcā nuŋardutın. Tımātnə təgəcə̄l ụnəkə̄kụn, cātīcāl okırā-dā. Təγətcəkə̄jəmī̇l, ụmụkə̄n ılanduk əŋəhī̇l gụ̄lcə̄ əməməktədụ jākədu: „Andagī, əŋəhī̇lвər ụrə̄mkə̄tkə̄t, antı вimcə̄“. Tar jākəŋıtın ụrə̄rən. Jụ̄lcə̄l diγni. Ṇōwụt ḍawaldıran amŋatcawkı əŋəhī̇. Tar amŋatcawki вicə̄ upkattuk hagdımar. Ḍawaldıra jākənun əŋəhī̇nun. Jākəŋın nōdacā nuŋanmān arakūkān. ḍawaldıcā duluγıtın nəkụ̄ntin. Ṇān nōdawcā jakəŋduwı. Əhī̇lə̄ əmə̄nmụcə̄ nəkụ̄ndiγitin. Tarīŋıtın вicə̄ aknıldukkı əŋəhī̇tmər. ḍawaldıcā jākənun. Tar jākəwa ụγircə̄ ụγiskī̇, nōdacā nuŋanmān.

Tarıptıduk nuŋartın taŋılla mə̄rwər upkattuk əŋəhitmərilḍi. Jākəŋıtın həlinḍi hụktiwụscə̄ ḍūlājı, daвdakājım. Daвdıdawkı əŋəhī̇ aknılīn tikụlcə̄l, daвdamī jākədu. Ahılgacīlcāl nuŋanmān, wādāwər.

Nuŋ·rtın ḍūtin dagadun вicə̄ hụjụkūkə̄n hərəlgən. Tar hərəlgəndụlī вolo ahadara jākəŋītın mōtīwa. Upkattuk hagdamarīŋıtın akīntın gacā pəktirə̄wụ̄nmi, ṇurmāscā tar jākəwạ. Daγamākanım, pəktirə̄cə̄ nuŋanmān, tādu-dā wācā nuŋanmān, hụrụcə̄ ḍūlāwı.

Tarīptıduk tırganīduk əŋəhī̇tmər nuŋarduktın ī̇dụ-də̄ ācın вicə̄.

N. Monahow. Iŋārigdā

76. Cərə

Ilanḍār ṇamaḍıl anŋanīl amaskī вicə̄n ilə, gərвicī̇ Cərə. Nuŋan ələkə̄n вiŋəhin, hōniŋ Əpcəkə̄n wācān əṇī̇nmə̄n, amīnmān. Hulapcān nuŋan amākānun. Hōnıŋ Əpcəkə̄n manawkı вicə̄n okıja-dā ụrinəhəl. Hōnıŋīl nonon ụrə̄mkəciŋnərə

ночь (и) день к ним. Он взял оленей для того, чтобы, победивши их, от них скорее ехать. Наконец дошел до них. Доходя, увидал: лиственницы связаны вершинами, юрту составляют.

Тот якут сильно испугался: „К чему пришел?“ Привязал оленей, вошел к ним. В доме живут трое. Дом очень хороший. Богато живут, много еды. Войдя, поздоровался с ними. Очень хорошие были, гостеприимные. Накормили его. Разговаривали до ночи. Там ночевал у них. Утром встали рано, пили чай несколько раз. Посидевши, один из трех силачей сказал пришедшему якуту: „Товарищ, перекинемся, каков ты есть“. Тот якут согласился. Вышли четверо. Вначале схватился спросивший силач. Тот спросивший был старше всех. Схватились с якутом силачом. Якут бросил его слегка. Схватились с средним братом. Опять бросил якут. Теперь остался самый младший. Тот был сильнее старших. Схватились с якутом. Поднял того якута вверх, бросил его.

С тех пор они стали считать себя самыми сильными. Якут скорее побежал домой, побежденный. Победивший силач рассердился на братьев за то, что поддались якуту. Стали нагонять его, чтобы убить.

Около их юрты был маленький марник. Осенью в том марнике якут гонял лося. Самый старший брат взял ружье, подкрался к якуту. Приблизившись, выстрелил в него, там же убил его, ушел домой.

С тех пор сильнее их нигде не было.

Н. Монахов. Ингаригда

76. Чоро (большеротый)

Триста лет назад был эвенки, по имени Чоро. Он младенцем был, (когда) богатырь Опчокон убил его мать, отца. Остался он с дедом. Богатырь Опчокон кончил (разбил) сколько-то (очень много) стойбищ. Богатыри вначале сравнивали луки

вərilвər, tāduk garpatmācilıŋnarə okıduk-kal gıraktal, gụldikə̄jimī̇l. Həgdənnəldụtin вiŋnərən ṇıpcık. Tar ṇıpcıktu вiŋnərə ḍụ̄r-вəl, ılan-mal ṇamaḍıl ṇurıl. Tar ṇurılвar manaknan əmī̇ nawkāldıra, ajarāldıwkıl.

Amākān hụtəji, həgdikə̄n ōrakın, alawulcān adaγakīttu. Nonon hụtəji nōdunculcān togocīt, ēllat. Hụtən toγō həkụdụkin hətəkəniŋkin. ēlladuk adaγawkı ōrakın, tụlə̄rən lukī dụγə̄dụn togocīwa ēllawa, tarīŋıtpı garpacīlcān. Adagawkı ōrakın, garpacīlcān lukīt, tarıŋıt əwki ụmnə̄mə̄t nawkāmura.

Tə̄li nuŋandun вicə̄n nadan anŋanīn. ḍapkīdujı anŋanīdujı ūḍassān Əpcəkə̄n ilkə̄ndụlin. Amākān hılвacān ī̇dụ вiḍərī̇wətin. Cərə tērucān amākādujı nadallalı əməḍə̄ji, nadallalı ərəkin əmərə, ədə̄n alattə.

Ilallawa ŋənərəkin, ıstan ḍụ̄rḍānnulā, gụ̄nən: „Ni ə̄dụ wācā amīnmāw, əṇī̇nmə̄w əwəskī̇ əməγin!“ Əpcəkə̄n gụ̄nən: „Hitānmə dılвı gulınānnā“. Cərə gụ̄nən: „icətcəp əhī̇ awadı вinə kəḍənnə“. Əpcəkə̄n gụ̄nən: „Ni nonoḍon?“ — Hi nonokol hagdımulla!“ Əpcəkə̄n ılanma lukīl garparan ụlвụltə, Cərə adaγaran. Cərə gụ̄nən: „Tar ələ̄s-pu?“— „ējē ələ̄ptə“. Tāduk ōdan Cərə garpatkīcīn. Umnə̄ garparan—cụŋụrə̄dụn, gētpı — hələmədụn, ılītpı—omkotodun. Cərə upkatpa wātcān, ələ ḍụ̄rвə ahāl; ahālawı hulacān, upkatpān ororwōn, idiγəlwə̄n gācān.

Tụγ gurkuḍana, nuŋan gācān diginmə ahāl. Tāduk nadan ahācī ōcān. Bajan ōcān hawamnīlīn вicə̄tin, nuŋan ṇụŋə вicə̄n. Nadanduk ahāl nadan hụtəlin вicə̄tin: ụmụkə̄nŋin ōcān Kụndəγir, gēn Paŋarakaj, ılīn Moŋgo, digin Hacakaγır, tunŋīn Hicə̄γır, ṇụŋin Oluwul, nadīn Putuγır. Tar nadanduk omolgīldukın вaldıcātın əwənkī̇l Kātəŋgādu.

Cərə, amākāmīlmī, hụrụwụŋkin hụkəcə̄nmi ḍāntunŋa hụntəl ōḍaŋawə gıdawı. Nuŋan, hụrụnənə dagamamī, gıdaduwı tipkə̄niwki, dıramduγja calвakānə hōŋna.

Nuŋan ənə ŋə̄ləttə əməŋkin hụrụnəndụlə̄. Amākāl əməlləktin, ụmụtə̄lḍī gıdalūḍana, ojolıwkı, nōdawkı.

свои, потом начинали стрелять друг в друга на расстоянии скольких-то шагов, договорившись. На спинах у них был колчан. В тех колчанах было две или три сотни стрел. Примирялись (только тогда, когда) те стрелы (кончались, когда) не попадали.

Дед, когда внук подрос, стал учить его увертыванию. Вначале бросал во внука углем с огнем. Внук от горячего огня отскакивал. Когда увертывающимся от огня стал, натянул (дед) стрелу с огненным углем на конце, той стрелял. Когда увернулся (внук), стал стрелять стрелою, не мог той сразу попасть.

Тогда ему было семь лет. На восьмом году пошел по следу Опчокона. Дед предупредил, где их местожительство. Чоро назначил деду притти через семь дней; если же не придет через семь дней, чтобы не ждал.

Три дня прошло (когда), дошел до десяти юрт: „Кто здесь убил моего отца, мою мать, пусть сюда выходит!“ Опчокон сказал: „Зря голову подставляешь“. Чоро сказал: „Посмотрим теперь, который возьмет“. Опчокон сказал: „Кто начнет?“ — „Ты начни, старший!“ Опчокон спустил три стрелы под ряд, Чоро увернулся. Чоро сказал: „Это последняя?“ — „Да, последняя“. Тогда настала очередь Чоро стрелять. Раз выстрелил — в пуп, второй — в сердце, третий — в лоб. Чоро всех убил, только двух женщин (оставил); женами (себе) оставил, всех оленей, все добро взял.

Таким образом кочуя, он взял четырех женщин. Потом стал иметь семь жен. Богатым стал, работники были, он хозяином был. От семи жен было семь сыновей: один стал Кундогир, другой Пангаракай, третий Монго, четвертый Хачакагир, пятый Хичогир, шестой Олувуль, седьмой Путугир. От тех семи парней выросли эвенки на Катонге (название реки).

Чоро, на медвежий промысел отправляясь, уносил топор, из десяти фунтов, сделанное копье. Он, приближаясь к лежбищу медведей, насаживал копье на вершинку срубленной березки.

Он, не боясь, подходил к лежбищу. Когда медведи подходили, по одиночке прокалывая, через голову бросал (их).

Idu̧-wəl nuŋandukın daγat вiḍəcəl tunŋa iвḍərīlīn. Tar iвḍərīldu̧lən əməcəl ḍān ḍəptīl, gū̧lcəl: „Əвilwət! mundu ajamama əвiwū̧nmu̧n вihin“. Əmərə əвiwū̧ntin вiḍərən. Tar əвiwū̧ntin ōpcā tərgəksədu̧k haku, u̧mu̧ru̧cī. ḍəptīl, tarīŋdulāwar ugduḍanal, iŋəktəḍəwkil hu̧ku̧nə̄ḍənəl. ḍəptīl jū̧rəktin, ugduhına Cərə iвḍərīlīn. ḍəptīl upkatpa təktərə, ələ u̧mu̧kə̄n вəjətkə̄n hulapcā.

Təktəkə̄jimīl, nu̧lgihicəl Cərə hoktolın. Bəjətkə̄nmə tihu̧wkə̄nḍəcəl. Olgadutın hupticāhıcā. Dolвonīwa ŋənəkə̄jim, вokocō Cərəjəwə. u̧lgu̧cə̄cə̄, on ḍalwān wānəwətın.

Dəptīl əməcəl Cərələ̄, gu̧lcəl: „Əвilwə̄t!“ Cərə gū̧nən: „ēē əвimcəltə!“ Əmərə əвikittulə̄tin. Cərə gū̧nən: „Hu̧ hāpkālluwar, icəwkə̄kəllu̧ ōn əвiwkə̄!“ ḍəptīl upkat ugduhına, Cərə hanŋūktaran ḍəptīlwə: „u̧mu̧ru̧wə̄n ēŋnarə?“ — „Tānmukā!“ Cərə tānān, upkatwa təktərən; вəjətkə̄n, təktəḍiḍənə, gū̧nən: „Tu̧gə təktəḍəcə̄hu̧n əŋīŋə̄wə“.

Tāduk Cərə nu̧lgicə̄n Nātājə, gərвicī urə, daγadun. Tādu вiḍərəkin, əməcə̄n aŋgarşkaj hōnıŋītın, hanŋūktalcān Cərəduk вəjəŋə̄lə. Cərə hılвacān Nātājə ojotkīn. Tımātnə hu̧ru̧rə ḍū̧ktə. Tə̄li Cərə hagdacā вicə̄n. Nātājəwa tu̧ktikə̄jimīl u̧mu̧kə̄ndu̧ copkökōdu Cərə gū̧nən: „Omolgīl həlkiltin ōcāl“. Tu̧γ gū̧kə̄jim, hōγıcān dıramduγwa calвakānmə, tipkəcə̄ gıdaduwı. Ŋənəḍənəl, icətcəl ḍān ḍapkunma amākāl. Gırkīn amardu otma ōcā. Cərə ŋənəcə̄ amākāldulā gū̧nḍənə: „u̧mu̧tə̄lḍī, вəjəl“. Əmərīklə̄tin gıdalānə, ojoliji nōdawkı. Tu̧γ gıdaḍana, upkatwa manacā. Icəssə̄ gırkījı, tarīŋın īdu̧də̄ ācın, tuksascā, tu̧ktəlin aran icəwrə. Cərə ılallawa higḍəcə̄.

Gırkīn ıssā dolвoltōno, gū̧cə̄: „u̧gdu̧hinḍacān amākāl dulındulātın, īdu̧ tərəḍən“. Tə̄li hu̧tə̄lin ölcāl ŋurīlawar, gu̧nḍənəl: „Amīnmawun ḍəwrə, вu nuŋardutın icəwkə̄nḍərəw“.

Cərə diγidu̧wi tırganīduwı, hādātin ḍalīn inḍərīwān, həγdəγməmə amākā ohıktalwān nıkımnadun ū̧jicə̄ ŋınakınduJı, kaŋālləγācın, gū̧cə̄: „Ŋənəḍəkəl“. Mə̄nin ıssā dolвoltōno. Əməcə̄ guluwūndulāwı, aksakājım gırkīdukkı. Tımātnə Cərə gū̧cə̄: „Tar

---

Где-то недалеко от него жили пять родственников. К тем родственникам пришли десять людоедов, сказали: „Поиграем, у нас хорошая игрушка есть“. Пришли к игрушке. Та игрушка сделана из ровдуги, закрытая, обшитая. Людоеды, влезая в ту, смеялись, вылезая. Людоеды, когда вышли, влезли родственники Чоро. Людоеды всех перебили, только один парнишка остался.

Перебивши, откочевали по дороге Чоро. Парнишку заставили итти впереди. Во время задержки (он) сбежал. Ночь пройдя, нагнал Чоро. Рассказал об убийстве родственников.

Людоеды пришли к Чоро, сказали: „Поиграем!“ Чоро сказал: „Да, поиграем!“ Пришли к месту игры. Чоро сказал: „Вы, знающие, покажите, как надо играть!“ Людоеды все влезли. Чоро спросил людоедов: „Что делают с тесемкой по обшивке?“ — „Надо стянуть!“ Чоро натянул, всех перебил; парнишка, поколачивая, сказал: „Так били (вы) родителей.

Потом Чоро откочевал поближе к горе, называемой Натайо. Когда там жил, пришел ангарский богатырь, стал спрашивать у Чоро зверей (итти на промыслы). Чоро указал на вершину Натайо. Утром пошли вместе. Тогда Чоро был стар. Влезши на вершину (Натайо), Чоро сказал: „Парни (медведи) свежие следы понаделали“. Сказавши так, отрубил толстую березку, посадил на копье. Идя, увидал восемнадцать медведей. Товарищ остался позади. Чоро пошел к медведям, говоря: „По-одному, мужики (подходите)“. Подходящих (к нему) насаживая на копье, бросал через голову. Так закалывая, всех перебил. Посмотрел товарища, того нигде нет, лез, следы его едва виднеются. Чоро обдирал (свежевал) три дня.

Вечером товарищ дошел, сказал: „Влез в середину медведей, где (там) выдержит“. Тогда сыновья его сделали стрелы, говоря: „Отца нашего съели, мы им покажем“.

Чоро на четвертый день, родня (чтобы) узнала, когти от самого большого медведя привязал на шею собаки, как ботало, сказал: „Иди“. Сам дошел вечером. Пришел к костру, рассердившись на товарища. Утром Чоро сказал:

вəjə ŋihụlḍiγin, sārī". Ŋihụnnəl əməwrə. Dolвoltono urkamiŋnarə. ə̄rirə Cərəwə, tarīŋitin əwki əmərə. ḍəpilcə̄lə̄tin, əmərən Cərə, icərən kalandu həγdəγ amākā dılwān, purtajı urıskājım, arkına, nōdarən ŋınakındulājı.

Aŋgarskajīl вụ̄rə ajarāldıwūnawar hunātpạr Cərə omolgīdun.

A. Mụcụjir. Tōkma

77. Aŋaḍakān

ụmnạ̄ ụrāncädäcạ̄tin iləl, kətənnụkạ̄kụn. Bəjạŋiltin gırkuḍanal, aγılı, mōtī näkạwạ̄n icärä. Əmərä ḍūldulāwạr ụlgụcə̄nə upkattıkī вəjạltikī, gụ̄nạ: „Tə̄mi sụrụḍälləp, вəjụhinḍälləp nuŋanmān".

Tādu вicạ̄n ụmụkə̄n aŋaḍakān, nuŋanŋīn вicạ̄n əṇīnīn, nuŋartın вiḍạŋkitin ḍūkcakāndu. Bicạ̄tin nuŋarŋıtın orortın. Nuŋandun вicạ̄tin anŋanīŋılīn ḍān nadanduk häläkā.

Bəjəl tımātnə вəjụhinmī sụrụwrä nuŋanmān. Əməllā mōtī nākạlạ̄n. Upkat вəjạl sụrụwụcillä hərəlihinə mōtīwa. Mōtī hälärän dulındutın. Bəjạl ılıtcaŋkıl icəwụltə, ədạ̄n mōtī hụktillä. Upkat ə̄rällạ. Mōtī hụktiktəllən tartıkītānə. ụmnə̄t hụktillän tartıkī, kuŋākāntıkī. Tar kuŋākān icərän hụktiḍəriwạ mōtīwa, ajat ītılārän lukīwı. Mōtī hụktiräkin dāla, nuan nəmkərän. Mōtī hụktillān caskī. Bəjạl əmərä nuandulān, kərä təpụlimmän, gụ̄nḍänạl: „вəjụnmạ sụrụwrạn! däräwạ вihiwạ, urārän mōtīwal alвaḍana вimī, əmcạ̄ əməḍärä! Nī-wạl ə̄dụ ılıtcā вimcạ̄". Sōt nuŋanmān təpụrä, ımannadu həkimnə̄rə nuanmän, ojolın gırkura śuhınuhal. Mə̄nəkə̄r sụrụrə ḍūltıkīwar. Əmərə ḍūldulāwạr, əmərə əṇīndụlạ̄n, kapura ḍūwatın, upkatwatın ororwotın imməkilwạtin; mə̄nəkə̄r nụlgihinə caskī.

Əṇīnīn вillän əmụkin. Əhin gorowo вirə, icərän aran əmətcirän hụtən. Əṇīn hanŋūktallan: „Əḍạnạ əmạ̄nmụcạ̄s?" Nuŋan gụ̄nän: „Minä aran əhi wārä, вi nəmkim

---

„Тот мужик пусть притащит, знает". Приташивши, принесли. Вечером сварили в котлах. Позвали Чору, тот не пришел. После еды их пришел Чоро, увидал в котле большую медвежью голову, вытащивши нож, насадивши (на его голову), бросил собаке.

Ангарские дали для примирения сыну Чоры дочь (свою).

А. Мучуир. Токма

77. Сирота

Однажды кочевали эвенки, много юрт. Мужчины их, идя по лесу, заметили след сохатого. Пришли домой, рассказали всем мужчинам, говоря: „Завтра пойдем промышлять его".

Там был один сирота, у него была мать, они жили в маленькой юртенке. У них были олени. Ему было больше семнадцати лет (от семнадцати больше).

Мужчины утром увели его промышлять. Пришли на след лося. Все мужчины стали расходиться, окружая лося. Лось остался в середине их. Мужчины стояли на виду (друг у друга), чтобы лось не убежал. Все закричали. Лось побежал куда-то. Вдруг побежал по направлению к парнишке. Парнишка тот увидал бегущего лося, хорошенько натянул стрелу. Когда лось бежал вблизи, он опустил стрелу. Лось убежал дальше. Мужчины подошли к нему, стали бить, говоря: „Зверя упустил! Под лицом (под носом) был, опустил лося! Если бы не мог, не приходил бы! Кто-нибудь здесь постоял бы". Сильно его били, в снегу затоптали его, по нему ходили на лыжах. Сами ушли домой. Пришли домой, к его матери, сломали юрту, всех оленей торсуки; сами откочевали дальше.

Мать осталась одна. Немного прошло, видит, едва идет ее сын. Мать спросила: „Не остался?" Он сказал: „Меня едва не убили, я выстрелил

motīwa, nuŋan caskī huktillän. Nuartın minə təpurə; əŋə icänąwąt! ərkäw urärą, ajat nämkicąw". Icänąlūnə, əmərə nämkiḍąktąląn. Mōtī huktilcąn caskī ūḍalın. Dämakıwa ūḍara, icərä mōtī hukląḍąran wäwcä. Nuartın higrə nuanmän. Tädu billą. Kuŋäkän ajat awgararan, wällan mōtila, wärän kətəwə. Nuartın birə gorokokunma. Kuŋäkän gūnąn əŋīntikīwi; „əŋə, bi nuarwatın icänąktą, ējа-kət ōḍara". Əŋīnīn gūnąn: „Nuartın sinə wädąŋätın". — „Bi ətəm ḍūldulätın ŋənərä, bi ələ sıpkıtcaŋäm". Sururän, ŋənəḍąŋki hoktoh, ŋənərän gorowo. Tälä icərän ḍūlwatın. Umundu ḍūdu ələ too ḍəgdəḍərən. ḍū daadun ılıtcırän dəlkän. Dəlkändu huklądärä kətə ullәl. Nuŋan əmərän daalä, ajat icəcillän. Icərän dəlkändu huklądärä ilәl ŋäląltın, dılıltın. Nuan darıwıt icätcän, mucuhinän. Əmərän əŋinduląwi, ulgucanan. Əŋīnīn gunän: „Miti surəwąt! nuŋartın mitwą wänäḍällä". Nuŋan gūnąn: „Bi nuarwatın iculiḍälim". Adillakäną birə, nuŋan icänąhinąn, əmərän, icərän dəlkändu ullәl ocäl adıkükan. Nuan əmərän əŋīnduląwi, gūnän: „əŋąl nemat surąt ədųk. Kamakän əmədällä, nuartın ullәŋilwąl manalcäl". Nuŋartın sururä, gorokōkunma ŋənərä, tädu billä. Hutən gūnąn: „Əŋąl bi icänąktą, ējа-kət ōḍara nuartın". Sururän, əmərän biḍąktuląwąr, icärän too ḍəgdəḍärän. Əmərän daalä, icärän ḍūr bəjąl ıŋıtcara, hınaldutın inijicäḍärä umutąl ŋäląl. Nuan icətcäŋkin bəjąl təərä, sılacılla ullәŋilwąl. Irrəkitin, ḍąpillä; manamī abuhwra, upculla, kuhillą. umukən bəją wärän. Kuŋäkän ŋurmäran, nämkirän, wärän gēwa, əmərän əŋīnḍuląwi, gūnän: „Bi nuarwatın wäm" ḍūkcą biḍällä.

A. Putugır. Ŋəkənnə

78. Aŋaḍakän

ųtälə biḍəcätin ilәl, hältın bicätin ilətīl. Tar ilətīldu atırkän hutənun. Atırkän hutən bicən bəjətkən ələkəs ilḍərī. Tar atırkän bicən bajan, kətəməmə bicätin ororīn. Ilətīl tar atırkänmą hutənunīn dugiwkil bicätin.

в лося, он убежал дальше. Они меня били; мама, пойдем посмотрим, не промахнулся же, хорошо выстрелил". Пошли смотреть, пришли к месту, где целились (стреляли). Лось убежал дальше по следу. Немного прошли по следу, увидали, лось лежит убитый. Они ободрали его. Там стали жить. Парень хорошо поправился, стал бить лосей, убил много. Они жили долго. Парень сказал матери: „Мама, их пойду посмотрю, что делают". Мать сказала: „Они тебя убьют". — „Я не подойду к их юртам. Я только подгляжу". Ушел, шел по дороге, шел долго. Там увидал юрты их. В одной юрте только огонь горит. Около юрты стоит лабаз. На лабазе лежит много мяса. Он подошел поближе, хорошенько посмотрел, увидел, на лабазе лежат человеческие руки, головы. Он кругом посмотрел, вернулся. Пришел к матери, рассказал. Мать сказала: „Пойдем мы! они придут (и) нас убьют". Он сказал: „Я посмотрю". Немного дней прошло, он пришел посмотреть, пришел, увидел на лабазе человеческого мяса немного. Он пришел к матери, сказал: „Мама! уйдем скорее отсюда. Скоро придут, они мясо кончили! Они ушли, долго шли, там стали жить. Сын сказал: „Мама! я пойду посмотрю, что они делают". Ушел, пришел на свое старое стойбище, увидел—огонь горит. Подошел поближе, увидел—двое мужиков спины греют, на понягах у них привешено по одной руке. Он смотрел, мужики сели, стали жарить мясо. Когда было готово, стали есть; когда кончили, нехватило, заспорили, стали драться. Один мужик убил (другого). Парень подкрался, спустил стрелу, убил второго, пришел к матери, сказал: „Я их убил". Вдвоем стали жить.

А. Путугир. Нгоконно

78. Сирота

Давно жили эвенки, часть их были людоеды. У тех людоедов — старуха с сыном. Сын старухи был парнишка, впервые ходящий (встающий на ноги). Та старуха была богата, много оленей было. Людоеды били с сыном старуху.

Ilətil bolo gırkuktalla, mötimäcillə. Gırkuktaḍanal mötiwa ahılgara. Gırkuktakäjimil, dolboltono əmərə ḍükcälāwər. ḍalduwar ŋlgucällə, gunnəl: „Bu mötiwa ahılḍaraw oŋkodu. Gŭmättə: „Təgəmi ilbənəhinḍəgəlti kətə binəl".

Təγəmiktəḍin, timätnə ilbənəhinə. Atırkän hutən bərbi ajamamat takustan, lukiduwi tulərən kirəktə oŋoktowōn. Timätnə hururə, kətə binəl, atırkän hutəwən huruwrə. Hururə mötiŋar ilbənəhinə, ŋənərə, tar ista. Iskäjimil, gŭmättə: „Murälə ilnähwät, umukən ilbəliyin mötiwa, əcə icəmätirə". Mötiŋitin huktirən atırkän hutəlin, tar hurkəkəndulı. Hurkəkən garparan huktiḍərîwə motîwa hajälə. Gəjəwuŋniran, lukilāwi ŋənərən, luki duγən häksəkən öcä. Bəjəl əmərə tar hurkəkəndulä, gŭllə: „ēnnə?" — „gəjəwunim". Hurkəkənmə gŭllə: „Hargı hutən, motîwa unŋinni" Ilətil upkat hurkəkənmə duŋillə, həkimnəllə, gŭnḍənəl: „Mötîwa unŋinni". Hurkəkənmə aran əcəl wärə. Dukkäjimil hururə ḍülāwər. ḍüwar ihiksal, hurkəkən əŋäkäwən ŋän duŋillə. Duŋrə hömamat, aran əcəl wärə. Hurkəkən dolboltono əmətlən aran ḍülāwı.

Timätnə ilətil nulgihinə upkat, atırkän ororwön upkatwän hurŋwrə, mərduwər gara, atırkänmə hutənunmə əmənə ḍükcäduwar. Hutən gŭnən: „Əŋäkä, hurŋwät mötîwa gəjəwunrilāw, näwkänmucä bimî, bussəlnən. Ŋənətcəhinmat mötiŋı üḍalın". Hururə, üḍaḍanal; ŋənəḍənəl, ḍəmŭllə. Hutən icərən koksicänmə, tara garparan, warən. Tarînŋar ḍəpittə, ŋän hurutcəhinə idigəlwər uγatcanal. Ista mötinŋar üḍalın. Mötînŋar üḍalın hururə. Tar üḍalın ŋənərə goromomowə. Mötiŋitin togotco, häksəcî binə. Ŋän hururə üḍalın. Ŋənəḍənəl mötîŋar üḍalın, icərə mötiŋitin hukulədərən bucə. Homamat urunə, gunḍənəl; „əksərî bŭrən". Mötîŋar higrə, ḍəpillə. Mötiŋitin burgukäkun, imuksəcîkäkun. ḍəpḍənəl, inättə goromorwön biḍəktuwər. Atırkän hutən sultallan, mötilwa wärən.

B. Əḍən. Urmı

79. Sodu Sordoncō Sōldanî

Əlәkəs dunnə potomöskîgacın öḍarakın, ŋaŋŋa kumalaŋgacın nödawcą öḍaŋahın. Dulın dunnədu umun mata baldıḍacā. „Cə!" gundən — ninan ācın. „Ədə!" gundən—gırkîn

---

Людоеды осенью отправились промышлять лося. Идя, лося выследили. Пройдя, ночью пришли домой. Родственники стали рассказывать, говоря: „Мы лося выследели на пастбище". Договорились: „Утром погоним, многие будучи (много нас)".

На утро пошли гнать лося. Сын старухи лук свой хорошо поправил, на стрелу насадил нос дятла. Утром ушли, много собралось, сына старухи увели. Пошли гнать лося, шли, до того дошли. Дойдя, договорились: „Кругом пойдем, встанем, один пусть пугает лося незаметно". Лось побежал к сыну старухи, к тому парнишке. Парень выстрелил в бежавшего лося не совсем хорошо. Ранил, к стреле пошел, на конце стрелы кровь. Мужики пришли к тому парнишке, сказали: „Что сделал?"—„Ранил". Парню сказали: „Чортов сын, лося упустил" Все людоеды стали бить парня, топтать, говоря: „Лося упустил". Парня чуть не убили. Побивши, ушли домой. Дойдя до дому, бабку парня стали бить. Сильно били, едва не убили. Парень вечером едва пришел домой. Утром людоеды отправились в кочевку, увели всех оленей старухи, себе взяли, старуху с сыном оставили в юртенке. Сын сказал: „Бабушка, пойдем к месту, где лося ранил, не может быть, чтобы не попал (попался на стрелу), умер вероятно. Пойдем по следу лося". Пошли, идя к следам; идя, захотели есть. Сын увидал кукшу, выстрелил в нее, убил. Съели ту, опять пошли, таща скарб. Дошли до следа лося. Пошли по следу лося. Долго шли по тому следу. Лось сидел окровавленный, увидели—лось лежит мертвый. Сильно обрадовались, говоря: „Бог послал". Лося ободрали, стали есть. Лось жирный, сала много. Поевши, долго жили на стоянке. Сын старухи начал промышлять, лосей убивал.

Б. Эдян. Урми

79. Соду Сордончо Солданы

Вначале земля шару подобна становилась когда, „небо кумалану подобно брошено было (в то время). На средней земле один богатырь родился. „Чо!" чтобы сказал — собаки нет. „Друг" чтобы сказал — товарища

ācın. „Nəkū!“ gundən — nəkūnīn ācın. „Amī!“ gundən — amīnīn ācın. „Əŋə!“ gundən — ənīnīn ācın. Tar mata gərbin bicə — Sodu Sordoncō Sōldanī mata. Ər mata bidəcə əmukəkən. Timānītikin ər-də təgənə, bəjuktəwki bicən. Tar mata ələsmə bəjŋəmən bicə. Tar mata ḍugidəlin ḍūr dəktilələkən ciwkācən ḍūrəkən əhin dawsihina, digin halgacī bəjgə digrəkən əhin hətəkənə. Tar mata soma atircā bicə.

Umnəkən mata ŋōɣutpı, gēwanma ŋəpcuhuḍənə, təgəcə. Ər mata ḍəbuksəkən ətərən, mənin kamujran ajamat tətilbi. Matakān bimī ŋurwı gaksākān, ŋtəndukki jūrən. Juksəkən, tərgəcin ŋənəksəkən ŋtəntikīwi turəcillən: „Baldınaw utənmı! goroh, dagalı prolostı! prostı ōgın! Ədukkər nadan ḍār, ḍapkun ḍār anŋanī dōgıdəlin əhikiw əmərə, bucən gunçədəwi“.

Ər matatkān bimī ŋənəwkəndəcə bicə. „Dərim“ gunərī, dərim — əgəlin ācın. Ər mətatkān ŋənəḍənə, bakaran goroptımı hoktorōnma. Tāduk bəjəl ūḍalbatın bakaran. Ūḍawān icənən bicə, mukų huklənəgəcinin bicə. Ər bəjə hoktorōndōlin ŋənəḍəcə. Tar ŋənəḍənə, bəjətkən bimī ḍaldāḍawkı bicə: — „Ōn biktə? Əmukin baldıcaw, dunnə ojodun əmukəkən. Tikin dagamaran icəŋətiw dunnə ojodun baldıcal bəjəlbə“.

Tikən binə, ŋənəḍəcə gunḍəcə: „Minduk əŋəhītmər bəjə dunnə ojodun ācin“. Ər bəjə ŋənəḍərəkin, ḍulgidədun ēkun-ka həgdiŋəmījə dəptikī əməḍəcən. Ər bəjə bimī okin-kat əcin ŋələilə, bəjə ŋələlcə. Dəptikī əməḍərī bəjə gunḍərən: „Alakə ōdan! Mindų mən ḍəptiləw amŋalāw əməḍərən“. Ər bəjə gunḍərən: „Sī ōn-da əŋəhī bimī, umnəkəmə ətənnī ḍəptə. Tar-da bihikin, mit ḍūksə-bakaldımātcəŋāt. Sō sōlbar sāmātcıgāt“. Ər bəjəl bimī kuhin təkənin ku-ku biwki. Ər bəjəl bimī tar dunnəŋdəwər kuhilḍərə. Ər-kən, tar-kan kuhiḍəcəl bicəl. Ahunma-dā kuhinəwər əcəl sārə. Umnəkən toktomōr ōksākār, taŋḍacəl bicəl kuhilnəwər. Kuhilnətin ōcā ılan ḍār anŋanī. Tāduk caskī ər matal kuhiḍərə. Kuhiḍənəl, mata bimī gunillən: „Toktokol! bolkojkol! ōn-mal ŋəkəksəkən minəwə inəkinḍī sulakal!“ Ər awaɣē bimī, əwki dōl-

---

нет. „Братишка“ чтобы сказал — брата (младшего) нет. „Папа“ чтобы сказал — отца нет. „Мама“ чтобы сказал — матери нет. Того человека имя было Соду Сордончо Солдоны богатырь. Этот богатырь жил одиноко. Ежедневно рано вставая, промышляющий был. Тот богатырь первейший промышленник был. Того богатыря впереди двукрылая пташка дважды не взмахнет крыльями, четырехногое животное четырежды не отскакнет. Тот богатырь очень старый (много живший) был.

Однажды богатырь передовым вторично вперед собираясь итти, проснулся — встал. Этот богатырь, есть кончивши, сам собрал хорошо одежды свои. Богатырь будучи, стрелы взявши, из юрты вышел. Выйдя, немножко пройдя, юрте своей сказал: „Рождения моего юрта, долго ли, коротко ли (на долго ли, на коротко ли), прости, прости пусть будет. С этих пор семьдесят, восемьдесят лет спустя если не приду, умер — думай“.

Этот богатырь будучи быстро пошел. „Устал“ если сказать, устал — силы нет (устать не может). Этот богатырь, идя, нашел далекую, старую тропинку. Потом людей следы нашел. След выглядел как бы кабарги от лежания. Этот богатырь по тропинке пошел. Так идя, богатырь будучи, думал. „Как буду? один родился, земли на поверхности одинешенек“. Теперь приблизилась необходимость увидеть на поверхности земли родившихся людей“.

Так будучи, шел, говорил: „Меня сильнее на поверхности земли человека нет“. Этот человек шел когда, перед ним что-то большущее навстречу шло. Этот человек будучи никогда не пугался, (но здесь) человек испугался. Навстречу идущий человек говорит: „Вкусно стало! Ко мне сама еда в рот идет“. Этот человек говорит: „Ты как бы ни силен, сразу не съешь. Так, если будет, мы вдвоем схватимся! Очень сильного (из нас) пересилим“. Этих людей будучи драки причина кукиш был. Эти люди будучи на той земле стали биться. Так (и) этак бились. Сколько (времени) битва была, не знали. Однажды остановку сделавши, подсчитали бой свой. Бой их шел тридцать лет. Потом дальше эти богатыри бьются. Дерясь, богатырь будучи заговорил: „Остановись! подожди! как-нибудь принимаясь, меня живым оставь“. Это чорт будучи не слушает.

dira. Gəgdəkmə ụmụtəkənḍī koltoḍowkı bicən. Ər mata bimī ərīksən mudanīn ōdan. Ər matatkān bimī turəcillən: „Bī akīnmī Oluktuk Ōrdancā Ōldanī, mata, dōldıḍakalī Bī ərīksəw mudanīn ōdan. Awaγē minəwə ərīksəwəw tītəllən. Ōn-mal ṇəkəksəkən, mulan ōrī ōmī, bihanākạl".

Tādukkar turənın əḍəlin ətərə, hərgụ dụnnəduk əməḍərən ig. Tādukkar gorowodo əḍəlin ōda, akīnīn əmərən. Akīnīn gụ̄llən nəkụ̄ntikīwi: „Nəkụ̄ ələkəhipti bakaldınadu dorowojo dōldıkal. Targacın əŋəhīwi ācinmān sāksākān, ēdā kụhilcəs?" Akīnīn bimī nəkụ̄nmi awaγēduk tītərən. Akīnīn bimī awaγıŋın tiarākān əḍəlin koltoro, turəcillən: „Eda, baγas, sī tikən əŋəhī ōcās, toktokol, bolkojkol, ōn-dā əŋəhī bicəliwi, bī ərīksəwəw əkəl tītərə".

Akīnīn bimī gụnḍərān: „Bī baldıcāw dulın dụnnədụ awaγē ajmakan manadāwı". Tādukkar Ōldanīkān mata bimī awaγıŋı ərīksəwən hōgıllan. Hōgıḍana, gụ̄nən: „Nəkụ̄ əməkəl awaγıŋı dılwān hōkkal. Hōgıksākān mụgdəkəndu tipkəkəl awaγıŋı dılwān". Ər matal bimī awaγıŋar wāksakār, dərụmkıḍəụərə. Tādukkar nuŋartın ụlgụcəməcillə: „Sī, nəkụ̄, irtikī ajaŋahincas?" „Bī əmụkəkən ŋənəhincəw. Tar ŋənəḍənə, awaγēwa bakaldıksākān, kụhilcəw. Kụhiliksəkən, minəwə wāksāllākın, sinəwə əricəw, mìnəwə bihadās". Akīnīn gụnḍərān: „Sī irtikī ḍaldānạtkīwı, ŋənəkəl! Ekunmal uha ōdakın, minəwə ərıŋnəkəl, ahun-da gororo bugadu bimī, sindulə əməḍəŋəw. Bī hərgụ dụnnə awaγıwān manāḍıŋāw. Gə! nəkụ̄, goroh, dagah prostu ōḍagın".

Sōldanī mata bimī gụnḍərən: „Akī bī goro dulın dụnnə hərəwən kuptuhınāmī ŋənəḍəm". Ər bəjə bimī akīnacē, nəkunəcā hụjəldirə.

Sōldanīkān mata bimī ḍuləskəkī mən ụ̄ḍawi ŋənəḍərən. Ər-kə, tar-ka ŋənəḍərəkin mata, ḍulgidədun ēkun-ka ḍigınāḍərān. „Edu bagas, uha ụmŋụ əməḍərən? Ekụnmı gılāktəmī ṇəkəjəḍənni ḍunnə ojolin? Hitəməwə dụnnəwə maradāḍạnnı! Mụkənŋəcin mụnụḍıŋəs ūdawı mudandun. Tākənŋəcın taŋaḍıŋās!"

Однако по разу кулаком ударяет. Этого богатыря будучи дыхание конец настал. Этот богатырь будучи заговорил: „Мой старший брат Олуктук Орданча Олданы (за глотку хватающий) богатырь, послушай. Моего дыхания конец настал. Чорт мое дыхание отнимает. Как-нибудь собравшись, жалеющим сделавшись, выручи".

После того (как) слово его еще не окончилось, из нижней земли идет звук. После того долго еще не прошло, старший брат пришел. Старший брат сказал младшему брату: „Братишка, при первой встрече здорово, послушай. Об отсутствии силы зная, зачем начал биться?" Старший брат будучи младшего от чорта отнял. Старший брат будучи чорта трижды еще кулаком не ударил, (тот) заговорил: „Для чего, силач, ты так силен стал, остановись, подожди, хотя и сильным бывая, мое дыхание не отнимай".

Старший брат будучи говорит: „Я родился на средней земле, чтобы чорта народ прикончить". Потом Олданыкан, богатырь будучи, чорта дыхание стал рубить. Рубя, сказал: „Братишка, приди чорта голову отруби. Отрубивши, в пенек всунь чорта голову". Эти богатыри, будучи чорта убивши, отдыхают долго. Потом они разговаривать стали: „Ты, братишка, куда путешествовал?" „Я один шел. Так идя, чорта встретивши, биться начал. Бившись, меня когда убивать (чорт) собрался, тебя позвал, меня чтобы выручил". Старший брат говорит: „Ты куда думаешь итти, туда иди! Что-нибудь худое если будет, меня зови, на какой бы далекой земле я ни был, к тебе приду. Я нижней земли чорта пойду прикончить. Ну, братишка, долго ли, близко ли, прости пусть будет".

Солданы, богатырь будучи, говорит: „Брат, я далеко средней земли дно чтобы обыскивать итти, пойду". Этот человек будучи с братом старшим, с братом младшим расстались.

Солданы, богатырь будучи, вперед по своему следу идет. Так (и) сяк шел когда богатырь, впереди него что-то раздается. „К чему, силач, плохой дух (запах) идет? Что искать собираешься земли на поверхности? Зря землю портишь! Как кочка на болоте сгниешь, следа своего на конце. Как колода рассохнешься!"

Sōdanīkān mata вimī tikunawı sōdun nəmkuḍuliwi naran əcə pəhirgərə, diram-
duliwı naran əcə dälpəgərə. Sōldanīkān вimī mən ŋurwı gaksākān, ugiskəki cəkər-
ḍənə, turəcillən: „Bī ŋurkänmı hīmät dəgrī dəktiləcī ōksākän, minəwə вokonmuksākān,
tar kihitcarī ahākänmą вokonmuksākān, nuŋanŋunīn kihitnawān вokondōw". Ər mata
вimī ŋurwı tinḍərən. Tiniksəkān, mən ōn-da ōnawı əcēn sārə. Ŋurin вimī nuŋanman
ədųk-ta hīmāt dəgiwḍərən. Sēnın вimī nuŋanmān cıginaḍaran. Ehadukın вimī tuksa-
kīgacının вihi ēnamutkān tikcərən. Ər вəjətkən вimī ər-kən, tar-kān dəgḍərən.
Ər mata вimī dəgnəwi mudandun ilḍaran. Tikunan вimī iltəncə. Ər mata вimī dərim-
kiḍərən. Dərimkiḍənə ḍaldācəḍərən, ŋənodəwi dılaca jūptutkīn. Gorowo-kon ənə
ḍaldäḍärä, вəjətkən вimī ŋənəwkəndəhinən. Ər вəjə ŋənəḍərəkin, amargīdādun tųksų
вaldıḍaran. Gorokot əcə ōda, tarkān-dat вokonillan. Umųn вəjəndə — tar awaγikāt
əməḍərən. Umųn əγųhinḍą вicə ukcakīn. Tar вokonḍorī вicə awaγē omolgın.
Nuŋan turətcərən: „Bī sinəwə ədų ḍəвḍiŋəw ūḍaduwı əŋəhījəwi".

Ər mata вimī gųnillən: „Sī minəwə əkəl ḍəptə. Minəwə bōkanawı gakal. Bī
sinəwə, ōn gųnərīwəs dōldıḍiŋāw". Awaγiŋın вimī matagı turənmən dōldıran, bōka-
nawı nuŋanmān gadan. Ər mata вimī tar əγųhinḍaŋān mudanaja ācın muŋitcaran.
Əγųhinḍagın sərḍīwən manaran. Sulaptan umukəmə giramnan. Ər mata gugdanḍa
ųrəwə tųktihinən, ųrəŋi ojolōn ıscana, вəjə вimī əγųhinŋi dılwān tonŋolıran. Awaγın-
ḍagı oluktukın ḍawaran. Awaγiŋı tardat wārən.

Ər mata вimī mən ūḍawı ŋənəḍəhinən ḍuləskəkī. Tar ŋənədərəkin, həgdiŋəmijə
hoktorondulā ıscaran. Ər вəjə вimī ēkunma-kat ənə sarə hoktorondolın ŋənəwkən-
ḍəhinən. Mata gųncəḍərän ḍalduwı: „Ūḍa вiksəkən mudacī вidiŋən. Ər вəjə вimī
ər-kən, tar-kān ŋənəwkəndəḍərən ḍuləskəkī. Tar ŋənəḍərəkin ḍulgidədųn sōma aja
cuturın cuka ōḍaran. Calвar mōlūn, вadannaltın gilвəkəcillə. Tāduk icənən ḍuləskī
sōma aja digin kiricī ḍūnḍa ōdan. Ər вəjətkən вimī dıldulāwı iktərən, mən kırakucān
omolgīcan ōdan. Kırakucān omolgī ōksakan, ḍūnḍatkī tuksaḍaran. Bəjətkəcən

---

Солданы, богатырь будучи, гнева своего в силе (от силы) тонкие кишки
едва не порвал, толстые места свои едва не лопнули (едва удержал от лопания).
Солданыкан, будучи свои стрелы взявши, вверх нацелившись, заговорил: „Моя
стрела быстро с крыльями полета сделавшись, меня в догоню унося, ту оскорбля-
ющую маленькую женщину догнавши (до той донеся), с ней за оскорбление
ее рассчитаться чтобы (я)". Этот богатырь будучи стрелу пускает. Пустивши,
сам никак действие свое не понял. Стрела (его) будучи его отсюда быстро
понесла (он за конец стрелы держался). В ухе (ухо его) будучи свистит. С глаз
его будучи, как заяц слезка скатывается. Этот человечек будучи так (и) сяк
летит. Этот человек будучи полета своего в конце останавливается. Гнев бу-
дучи прошел. Этот богатырь будучи отдыхает. Отдыхая, думает, чтобы пойти
солнца на восход. Долго же не думая, человечек будучи (в далекий путь)
отправился. Этот человек шел когда, позади его туча выросла. Много еще не
прошло, кто-то нагонять стал. Один человечище — то чорт идет. Один бычище
был верховой его. Тот нагоняющий был черта сын. Он говорит: „Я тебя здесь
съем, на следе твоем силу (покажу)".

Этот богатырь будучи заговорил: „Ты меня не ешь. Меня слугою возьми.
Я тебя, как говорить будешь, слушать буду". Чорт будучи богатыря слова
послушался, слугою его взял. Этот богатырь будучи того бычища без конца
бил. Бычища круп кончил (забил). Остался только один костяк. Этот богатырь
на высокую гору влез. До вершины горы дойдя, человек будучи бычью голову
оторвал. Чорта за глотку схватил. Чорта тогда же убил.

Этот богатырь будучи своей дорогой пошел вперед. Так шел когда,
большущей дороги достиг. Этот гость, будучи ничего не зная, по дороге
долго пошел. Богатырь думает в уме: „След будучи с концом будет". Этот
человек будучи так (и) сяк долго идет вперед. Так шел когда, впереди
очень хорошая зеленая трава делается. Берез стволы, листья поблескивать
стали. Потом в виду его впереди очень хороший четырехгранный домище
стал. Этот человечек будучи по голове ударил, сам маленький мальчик стал.
Маленьким мальчиком ставши, к очень большому дому бежит. Мальчиком

bimǐ, ḍūlā ısnan. Sōma baran bəjə uruwupcā. Tar ḍūnḍalā ǐnən bicə. Sōma baran bəjə ajmakın uruwupcā. Tādu awaɣınḍa ahīlāḍaran dılaca hunātpān. Mit bəjəŋit bōkanḍa ōdan. Tāduk nuŋan sōma baran tiɣəlbə cukcaran. Awaɣıŋın bimǐ tkullan. Tıkulıksākān, nuŋan Soldanıwa tuliskǐ ahaḍaran. Sōldanī nuŋantıkīn gunḍərən: „Sǐ ekunma gilāmǐ, ēdawı, minəwə tuliskī ahacınnı?“ Mata bimǐ gunḍərən: „Kuhidəwi əjāttəkıs, kuhigātl Bǐ sinəwə baɣas icədəwās, icəwkāndiŋəw“. Ər bəjəl bimǐ kuhilḍərə. Kuhicəl, kuhiḍərə, kuhıḍərə, kuhiḍərə, kuhiḍərə, tādukkar awaɣıŋın multıllan. Awaɣıŋın bimǐ gunillən: „Sǐ minəwə ōn-mal ŋəkəksəkān, əkəl wārə!“ Sōldanīkān bimǐ awaɣıŋı turənmən əcə dōldıra. Gorowo-kot əcə nəkcərə nuŋanmān, tar-dat wārən.

Sōldanīkān awaɣıŋı wāksākān, dılacaŋı hunāḍın ḍūlan ŋənəḍərən. Sōldanīkān ıscarakın, dılaca hunāḍın gunillən: „Sǐ dulın dunnə bəjəŋin ōksakān, minəwə awaɣıdu əcəs bū̆wkənə amīnmāw“. Tādukkar Sōldanī nuŋanmān ılgumillən, nuŋanmān ahīlāmnāk. Ahākān bimǐ nuŋantıkīn ŋənənŋət ōdan. Sōldanī dılacaŋı hunātpān ahīlāran. Adıllakūnma bıksəkān, Sōldanī gunḍərən ahītkīwı: „Bǐ nān ḍūcī bicəw. ḍūwi garandānə, adı-kat ḍān anŋanī ōdan. Tikin mit bī ḍūlāw ŋənəhinərīttut-tə ələkin ōdan. Sǐ amīnnī sinəwə tinḍiŋən-də, minŋun ŋənəlḍədəs?“ Hunāḍın gunḍərān: „Bǐ nānā ədu amīnŋunmı bimǐ, aɣunmulım, gəgdəkmə ŋmun bugadu bihīwi. Tikin bī sinŋun ŋənərīw inəgǐŋıw ōdan“. Ahākān amīnīn hunāttuwı ḍūr murnma bələktirān. Sōldanīkān mata ahīŋunmı ŋənəhillən ḍūtkīwı. Ŋənəhilḍənə, Sōldanī hunāḍıŋı amīntikīn gunillən: „Tikin sǐ, bī amīnmagacınmı ōksākān, əmənmulinni. Tikin goroh, dagalı porostı ōgın. Ədukkər caskī bakaldırīl ōdap-ku, əhip-ku?“

Nuŋartın bimǐ ŋənəhillə, amahıpkıwı ūḍawı ŋənəhinä. Nuŋartın bimǐ murındǐ gorowo-do əcəl surura. Sōldanī ḍūn ōdan daga. Sōldanīkān bimǐ gunceəwki: „Bǐ tirḍimən sōma gorowo ajanŋacāw. Tikin, ḍūlawı ıstuw inikinḍi ōḍaran“. Nuŋan ḍūwi ıscana, turətcərən: „Gə! ələkəs ıstıdu baldicā ŋtənmi dorowōjä dōldıdakal!“ Nuŋan bimǐ ŋtə, uhamı ŋtəndulən ıscaran. Akīnīn nuŋangın nonon əməcə ḍūlāwı. Ər bəjəl bimǐ ŋmundu baldıḍara.

будучи до дому дошел, очень много людей собрано. В тот дом вошел. Очень много людей народа собрано. Там чортище женится на дочери солнца. Наш человек слугою стал. Потом он очень много чашек разбил. Чорт будучи рассердился. Рассердившись, он Солданы вон гонит. Солданы ему говорит: „Ты что требуя, чтобы что сделать, меня вон гонишь?“ Богатырь будучи говорит: „Если биться попросишь, побьемся! Я тебе, силач, морду твою покажу“. Эти люди будучи начинают биться. Бились, бьются, бьются, бьются, бьются, потом чорт обессилел. Чорт будучи сказал: „Ты меня, хотя собравшись, не убивай“. Солданы будучи чорта слово не послушал. Долго его не держал, тотчас же убил.

Солданыкан, чорта убивши, солнца дочери в дом идет. Салданыкан дошел когда, солнца дочь сказала: „Ты средней земли человеком ставши, не дал моему отцу отдать меня чорту“. Потом Солданы ее стал уговаривать за него замуж выйти. Женщина будучи должна была пойти. Солданы солнца на дочери женился. Сколько-то дней прошло, Солданы говорит жене: „Я тоже с домом был. Дом свой бросивши (с тех пор, как бросил) сколько-то десятков лет прошло. Теперь нам в мой дом итти пора пришла. Твой отец тебя отпустит ли, со мной чтобы пошла?“ Девушка говорит: „Я также здесь с отцом живя, соскучилась, всегда на одной земле будучи. Теперь моего с тобой отъезда день настал“. Женщины отец дочери своей двух коней дал. Солданыкан гость со своей женой отправился к своему дому. Уходя, Солданы девушки отцу сказал: „Теперь ты, подобно отцу моему ставши, остаешься. Теперь долго ли близко ли, прости пусть будет. Отсюда дальше встретимся ли, нет ли?“ Они будучи отправились, по старому следу идя. Они будучи на конях долго не шли. Солданы дом стал близко. Солданыкан будучи думает: „Я пешком очень долго путешествовал. Теперь до дому дохожу живым“. Он, до дома дойдя, говорит: „Ну! На первом приходе родившая (меня) юрта здорово услышь!“ Он будучи до юрты, до худенькой юрты дошел. Старший брат его раньше пришел домой. Эти люди будучи вместе живут (растут дальше).

C. Slepcowa. Sahalın

80. Kıldınakān

Dulın dụnnədụ ụmụn əttikə̄tkə̄n, attıkān вicə̄l. Tar вiḍərəktin, ụtətin вaldicā. ụtətin вaldırakın, amtılīn ụŋtụtirạ, вuga вəjŋə̄wə̄n ə̄rirə. Əttikə̄n gụ̄nən:

„Ṇə̄ri, ṇərä! ṇə̄ri, ṇə̄rä!
Bī ụtəw gərвijə̄n вụkəllu!“

Umụn ətti gərвiwə̄n gụ̄nən:

„Kālä, kālä! Kālä, kālä!
Bī вụ̄ḍəŋə̄w sī ụtəs gərвijə̄n,
ụtəs gərвin вigin —
dulın вuga kıldınakānän!“

Tar siwajвawa, ḍəwụksəl upkat sụrụrụ ḍūlāwər ụtətin ụmnə̄kən gụ̄nən:

„Käldiṇə̄rə! Käldiṇə̄rə!
Bi, amī, ŋənəktə
jənəwə вargıskī!“

Əttikə̄n gụ̄nən: „Ṇə̄ri, ṇə̄ri! ụtə əkəl ŋənərə. Tādu вihin so sardak nakıta. Bılır вī kụhiksə, əcə̄w kējra tar nakıtawa“. ụtətin gụ̄nən; „Käldiṇə̄rə! Käldiṇə̄rə! Bī nuŋandulān ŋənəḍəŋə̄w“. Tar gụ̄nəkin, əttikə̄n вụ̄rən вərjə̄n. Kıldınakān mata ŋənərən. Jənəwə tụktirən. Tar tụktiksə, icənən, вīhin təwụktə. Tar təwụktəlвə ḍəptān. Ḍəwḍərəkin, nakıta amardukın ṇurmaḍaran. Kıldınakān вərвi gaksa, pəktirə̄rən. Nakıtan onda əcə̄ ora. Nakıtan gụ̄nən: „Dulın вuga əttikə̄n ụtən əməcə̄“. Kıldınakān gụ̄nən:

Ч. Слепцова. Сахалин

80. Кильдынакан (ловкий человек)

На средней земле один старичок, старуха жили. Те (когда) жили, сын (их) родился. Сын (когда) родился, родители зашаманили, земли зверей созвали. Старик сказал:

„Нёри, нёре! Нёри, нёре!
Моему сыну имя дайте!“

Один тигр имя сказал:

„Калэ, калэ! Калэ, калэ!
Я дам твоему сыну имя,
сына имя пусть будет —
средней земли ловкий человек (кильдынакан)!“

Так свадьбу отъевши (на празднике угостившись), все ушли домой. Сын их однажды сказал:

„Кильдынёро! Кильдынёро!
Я, отец, пойду-ка (отправлюсь-ка)
за реку (на противоположный хребет)“.

Старик сказал: „Нёри, нёри! сын, не отправляйся. Там имеется очень страшный медведь. Давно я, подравшись, не поборол того медведя. Сын сказал: „Кильдынёро! Кильдынёро! Я к нему пойду!“ Тот (когда) сказал, старик дал лук. Кильдынакан богатырь-человек пошел. На гору влез. Взобравшись, увидел — ягода есть. Ягоды поел. Когда ел, медведь сзади подкрадывался. Кильдынакан, лук взявши, выстрелил. Медведю ничего не сделалось. Медведь сказал: „Со средней земли стариков сын пришел. Кильдынакан сказал:

„Bĭ sinəwə wāḍiŋāw". Nakıta tıkullan. Tar gŭnəkin, nuŋanmān ahaktallan. Kıldınakāndu pokōjba əcān bŭrə. Ahaktacā, ahaktaran Kıldınakānma. Kıldınakān bıddəwi ŋəkərən, soŋoron: „Kildiŋərə, Kildiŋərə! Sĭ nakıta bĭ əŋənĭ ədərduw tıwəhinni. Nĭ əməksə, minəwə adḍiŋān?" Tar gundərəkin, ugiskəkĭ tırən döldıwran. Icərəkin, ḍŭr ahātkār ŋaŋŋadu dəgḍərə. Tar dəgḍənəl ımun ahātkān gŭnən: „Guḍəjwə baraksan matawa nakıta ḍəbḍiŋān. Əkĭ nuŋanmān ŋənəwgət ḍūlāwar!" Əkīnĭn gŭnən: „Ekunmān nuŋanmān karajīnni? dulın buga bultirkəwān. Bĭ-ləkə ətām karaja, sĭ karajkal!" Tar gŭnəkin, nəkŭnĭn Kıldınakānma gadan. Tar amarduktın nakıta gŭnən: „Mulal ḍəpŋōtwəw ŋənəwrə".

Kıldınakan ŋənəwḍənə gūnən: „Sĭ ahātkān ĭlə ŋənəwḍənni minəwə?" — „Bĭ sinəwə ŋənəwḍəm ḍūlāwı".

Ahātkān ḍūlāwı əmuwuksə, gŭnən:

„Gĕ, gēŋ! gēŋ, ŋəj!
Ərā-kə gŭnām:
Kıldınakān mata,
sinəwə ḍəwumcə nakıta.
Bĭ sinəwə əməwum,
bĭ gərbiw Məŋunkān.
Bĭ akĭnmĭ bihin —
dulın buga Awdanıkānĭn".

Kıldınakān gŭnən:

„Kālḍiŋərəj! Kālḍiŋərəj!
Ahātkān Məŋunkən
ēda minəwə əmuwcōs ər bugalā?
Amĭnmĭ, ənĭnmĭ soŋoḍiŋātın,
minəwə buriksəl".

„Я тебя убью. Медведь рассердился. Так (когда) сказал, начал его преследовать. Кильдынакану не давал покоя. Преследовал, преследовал Кильдынакана. Кильдынакан умирать собрался, заплакал: „Кильдынёро, Кильдынёро. Ты, медведь, на мою молодость сильно нападаешь. Кто, придя, меня спасет?" Так когда говорил, сверху слово послышалось. Когда посмотрел, две девушки в небе летают. Так летая, одна девушка сказала: „Красивого очень богатыря медведь съест. Сестра (старшая), его снесем домой?" Сестра сказала: „К чему его спасешь, со средней земли негодного. Я-то не стану спасать, ты спасай". Так (когда) сказала, младшая сестра Кальдынакана взяла. После того медведь сказал: „Жаль! Еду (добычу) унесли".

Кильдынакан, переносясь, сказал: „Ты, девушка, куда меня несешь?" — „Я тебя несу домой".

Девушка, домой принесши, сказала:

„Гэ, гэнг! гэнг нёй!
Это-то скажу:
Кильдынакан-богатырь,
тебя съел бы медведь.
Я тебя принесла,
меня звать Монгункон (серебрышко).
У меня брат (старший) есть —
средней земли Авданикан (листочек)".

Кильдынакан сказал:

„Кильдынёрой! Кильдынёрой!
Девушка Монгункон
зачем меня принесла на эту землю?
Отец (мой), мать (моя) будут плакать,
меня потерявши".

Kıldınakān mata Məŋụnkạ̄n ahātkānmạ ahījawı gadan. Adı-da anŋanīwa вiksə, ụmnə̄kə̄n вaḍıkır, ələkəs dılaca jụ̄ḍərəkin, tụksə koŋnomo jụ̄rən. Tụksụ ḍapkalın icəwrəktin, həgdigənḍə dəgi dəgḍərən. Tar dəgḍənə tụrə̄ttən:

„Gēṇī, gēṇə! nəkụ̄ Məŋụnkə̄n!
Cajja вəlinnə̄kəl!
tụrgən, tụrgənḍī!
Mata hamattan amardukıw“.

Aвdanınḍa mata dagamaran ḍūlāwı, ṇān tụrə̄ttən:

„Gē-ṇē, gē-ṇō-ō! Gēṇə, gēṇə!
Sīkə̄n ḍūdus ēkun matan вihin?
Tụrgạnḍī gụ̄kəl:
ỉdụk əməcə̄ mata вəjə?“

Aвdanınḍa əməksə, iwə̄ktụwi dōran. Məŋụnkạ̄n ahātkān tụrə̄ttən:

„Gēŋ, gēŋ ṇə̄ə̄j! Gēŋ, gēŋ ṇəj!
Akın Aвdanı tar matadu
вī ŋənəcə̄w attıkāŋjān.
Tar mata dulın вuga Kıldınakānın!“

Aвdanı mata tụrə̄ttən;

„Gēṇı, gēṇə! gēṇı gəṇəj!
dulın вuga вụltirkə̄n-kə!
Eda вī nəkụ̄nmə̄w gacās?
Bī acınduw ənə mindụ ụlgụmụrə.
Bī sinəwə dərəwə̄s əttäḍiŋə̄w!
Jụ̄kəl ḍūdukkı kụhigə̄t!“

Кильдынакан-богатырь девушку в жены взял. Сколько-то лет проживши, однажды утром, когда солнце только что взошло, тучка черная вышла. Тучки края когда показались, большая птица полетела. Так, летя, заговорила (запела):

„Гэни, гэнё! Сестра Монгункон!
Чай приготовь
скорее, скорее!
Богатырь догоняет позади“.

Абданиндя-богатырь подошел домой; опять заговорил:

„Гэнё, гэнё! Гэнё, гэнё!
В твоем доме какой богатырь есть?
Скорее скажи:
откуда пришел богатырь-человек?

Абданиндя, придя, на поленницу сел. Монгункон-девушка заговорила:

„Гэнг, гэнё-нэй! Гэнг гэнг-нэй!
Брат Абдани, к тому богатырю
я пошла старухой (женой стала).
Тот богатырь средней земли Кильдынакан!“

Абдани-богатырь заговорил:

„Гэни, генё! Гени, генёй!
Средней земли негодный!
Зачем мою сестру (младшую) взял?
В мое отсутствие (и) не сказавши мне.
Я тебе морду разобью!
Выходи из дома! Побьемся!“

Kɪldɪnakān mata ŋələlcə. Əhin ḍūdukkɪ jū̆rə. Məŋunkən gū̆nən:

„Geeŋ, geeŋ gē-ŋəj!
Kɪldɪnakān matakān!
ēkundukɪn ŋələlinni?
jū̆kə! tʊrgəndḭ! kʊhikə!“

Kɪldɪnakān mata ḍūdukkɪ jū̆rən. Ŋurbɪ ganaja, tʊrəttən:

„Kildiŋərə mata-bəjə
ilicərəkis, bɪ̆-də mata sōŋɪn bihim!
Gə! əhilə kʊhiγət!“

Matal kʊhillə. Kɪldɪnakān mata Abdanɪnḍawa kejran. Ahīn əməksə, gū̆nən:

„Gēŋ, gēŋŋəj mata Kɪldɪm!
akīnmāw əkəl wārə“.

Ahīn gū̆nəkin, Kɪldɪnakān əcə wārə akīnmān. Ilanī ŋənərə ḍūlāwər.
ḍū̆r anŋanī ōdan, ōn akīnīn əməcən. ʊmnəkən siksə ədin ədinillən, tigdə tigdəllən Tar tigdəcələn icərəktin, murılkān bəjə dəgḍərən. Tar dəgḍənə tʊrəttən:

„Nɪkɪ, nɪkɪ, mata Abdanakɪn!
Ərdə sinəwə bakam,
nimməwʊm sindʊlə̄.
Ahīwɪ gənnəm.
Aja-gu əjəḍin,
uha-gu əjəḍin
bʊdiŋəs nəkū̆nmi?“

Кильдынакан-богатырь испугался. Не вышел из дома. Монгункон сказала:

„Гээнг! гээнг! гэнёй!
Кильдынакан-богатырек!
Чего испугался?
Выйди скорее! побейся!“

Кильдынакан-богатырь из дома вышел. Стрелы (железные) беря, заговорил:

„Кильдынеро богатыря-человек
если тронешь, я-то богатырь силач!
Ну! теперь побьемся!“

Богатыри начали биться. Кильдынакан-богатырь Абданиндю поборол. Жена его, придя, сказала:

„Гэнг, гэнг-нёй, богатырь Кильдыни!
брата (старшего) моего не убивай!“

Когда жена сказала, Кильдынакан не убил брата. Втроем пошли домой.
Два года стало (прошло), как брат пришел. Однажды вечером ветер задул, дождь пошел. После того, как дождь прошел, (когда) посмотрели, с конем человек летит. Летя заговорил:

„Ники, ники, богатырь Абданакин!
Здесь же тебя нашел,
гостить (пришел) к тебе.
Жену (себе) взять.
По хорошей просьбе,
по плохой просьбе
отдашь сестру (младшую)?“

Əməksə, murnmı ŋjirən. Tar ŋjḍərəkin Kıldınakān mata jūrən:

„Gēni, gē-nəj! вĭkə sindu
ahījawı ətəm вūrə!
Bĭ gacāw Mənŋunkən ahīwa.
Əməkəl, kŋhiγət!“

Matal kŋhillə. Kıldınakān mata nuŋanmān dasdıran. Səlŋlinḍə mata cucaran. Tar amardun Kıldınakān, Asdanıkān amardukın ahamāttą. Səlŋlinḍə bugalān ısta. Kıldınakān tŋrāttən:

„Gēni, gēŋə! gēni gəŋə!
Mata-ja Səlŋunḍə,
jūkəl tŋrgənḍĭ, kŋhiγət!“

Səlŋlinḍą akīrīn jūrə. Kıldınakān icərəkin, Səlŋlinḍą akīrīn ŋmŋr ēhalkāhąl, ŋmŋr algalkāhąl. Tar jūksə ŋmŋntin gūnən:

„Kədərəgəjkən mata Kıldını, dorowo!
Kŋhidəwi əməcəs вiḍiŋə? Gə! kŋhigət!“

Kıldınakān mata gadan ŋurwı, garpallan upkatpatın. Tar garpaḍarakın, səndun ahīn soŋotton. Kıldınakān gūnən Asdamkān matatkī:

„Gēni, gē-ŋā! Gēni, gēŋə! Mata Asdanın
вĭ ŋənəm ḍūlāji. Ahīwāw ēkun-ka hŋktiwŋlcə.
Porōsaj, porostı! Porōsaj, porostı! ŋənəm ḍūlāji!“

Придя, коня привязал. Когда привязал, Кильдынакан-богатырь вышел:

„Гэни, гэнёй! Я-то тебе
жену (свою) не отдам!
Я взял Монгункон в жены.
Приходи, побьемся!“

Богатыри начали биться. Кильдынакан-богатырь его победил. (Вновь прибывший) Сэллюлиндя-богатырь убежал. Того позади Кильдынакан, Абданикан позади его погнались. До земли Сэллюлинди дошли. Кильдынакан заговорил.

„Гэни, гэнё! Гэни, гэнё!
Богатырь Сэллюлиндя,
выходи скорее, побьемся!“

Сэллюлинди братья (старшие) вышли. Кильдынакан (когда) посмотрел, Сэллюлинди братья с одним глазом, с одной ногой. Так выйдя, один из них заговорил:

„Кожемялка богатырь Кильдыни, здорово!
Биться пришел пожалуй? Ну! побьемся!“

Кильдынакан-богатырь взял стрелы, выстрелил все. Так (когда) стрелял, в ушах его жена заплакала (услышал плач жены). Кильдынакан сказал Абданикан-богатырю.

„Гэни, гэне! Гэни, гэне! Богатырь Абдани,
я иду домой. Жену мою кто-то увез.
Прощай, прости! Прошай, прости! Йду домой!“

Kıldınakān mata ukcalāraṇ murınduwi, dəgḍəhinən. Tar dəgḍənə goronık icəttəkin, ahīn ukcatukīn ụmụn mata əlgəḍərən. Tara icəksə, Kıldınakān mata tụrgənḍī ŋənərən. Ŋənəḍənə tụrəttən:

„Gēnī, gēṇə̄! gēnī gēṇə̄!
Hī, mata вəjə,
Eda ilicənni вī ahīwâw?
Əkəl ilicərə! Ər-ti garpam!“

Mata əlgəḍənə Məŋụnkə̄n ahīwa. tụrə̄ttən:

„Guŋrē, guŋrē, mata вəjə,
sī ahīs əhin вihi.
Əkəl kihilgə̄rə,
dulın вuga вụltırkə̄n“.

Məŋụnkə̄n ahī turə̄ttən:

„Gēŋ, gēŋ-ṇə̄j! Gēŋ, gēŋ-ṇəj!
Mata вəjənḍə əkəl ilicərə
hụŋtụ вəjə ahīwān“.

Tar gụnḍərəkin, Kıldınakān mata matawa garparan. Mata ōn-da əcə̄ ōra. Kihillə. Kihicə̄l, kihirə, nī-də̄ əcə̄n kējra. ụgụ вuga mata tụrə̄ttən:

„Guŋrē, guŋrē! guŋrē, guŋrē!
Mata Kıldınakān, əhīlə̄ ətəγə̄t!
Sī — dulın вuga sōnıŋın вihinni,
вī — ụgụ вuga sōnıŋın вihim.
Bī gərвiw — ụgụ вuga Ŋiŋtənikə̄nin“.

Кильдынакан-богатырь сел верхом на коня, полетел. Так летя, издалека когда посмотрел, жену на верховом один богатырь ведет. То увидевши, Кильдынакан-богатырь быстрее двинулся. Идя, заговорил:

„Гэни, гэне! Гэни, гэне!
Ты, богатырь-человек,
Зачем трогаешь мою жену?
Не трогай! Сейчас же выстрелю!“

Богатырь, ведя Монгункон-жену, заговорил:

„Гунгрэ, гунгрэ, богатырь-человек,
твоя жена не есть (это не твоя жена).
Не задавайся,
средней земли негодный“.

Монгункон-жена заговорила:

„Гэнг, гэнг-нёй! Гэнг, гэнг-нёй!
Богатырь-человек, не трогай
другого человека жену!“

Так когда говорила, Кильдынакан богатырь в богатыря выстрелил. Богатырю ничего не сделалось. Стали биться. Бились, бились, никто не победил. Верхней земли богатырь заговорил:

„Гунгрэ, гунгрэ! Гунгрэ, гунгрэ!
Богатырь Кильдынакан, теперь кончим!
Ты — средней земли силач,
я — верхней земли силач.
Мое имя — верхней земли Нинтокон (корешок)“.

Kikiksəl, ətərə. Ŋintəkə̄nin ḍūlāwı ŋənərən, taduk tụrə̄ttən:

„Guŋrə̄, guŋrē! guŋrē, guŋrē!
Bī ḍūlāw niməwụdə̄wi“.

Kıldınıkān ḍūlāwı ŋənəhincə̄, ahīwı minilgilcə̄. Ahī galıwı ŋənəhilcə̄. Tar ŋənəḍərəkin ụγiskī ēkun-ka tụrə̄ttən:

„Səllụləjəjə, Səlluləjəjə,
mata вəjə dorowo! llə̄ ŋənəḍənni?“

Tar gụ̄nəkin, Kıldınakān mata ụγiskī icənən, ōn-ka ahīwān gacā. Kıldınakān mata ahamāttạn nuŋanmān. Ūḍadu вokonıksa, kisillə. Awahı nuŋanmān wāllān. Kıldınakān mata tụrə̄ttən:

„Gēnī, geṇə̄! gēnı, geṇə̄!
ēkun minə, əməksə, ajdıŋān?
Bılır, вılır gụniktə:
nəkụ̄nmi вihin.
Tarŋıw-da, əməksə, ogın ajra“.

Tar gụnəkin, ụγiskə̄kī tụrə̄cittən:

„Gēŋ, gēṇə̄j! gēŋ, gēṇə̄j!
Kıldınakān mata, amŋawı aŋakal,
umuktalwa garadām!“

Kıldınakān mata amŋawı aŋaran. Icərəkin, umukta əmərən. Tarā nimŋərən. Tar nimŋəksə, əŋəhī-də əŋəhī odan. Kıldını awaγıwa wārən. Nān-dat ŋənəhillə ḍūskıwar. Kıldınakān ḍūlāwı ıstan. Icənən ḍūn ajıpcā, oronın ācın, ənīnīn ācın, amīnīn ācın. Dəgdın öcān.

Повоевавши, кончили. Нинтокон домой пошел, потом заговорил:

„Гунгрэ, гунгрэ! Гунгрэ, гунгрэ!
В мой дом гостить приходи“.

Кильдынакан домой пошел, жену увез. Жену отнятую повез. Так (когда) шел, сверху что-то заговорило:

„Сэллюло, Сэллюло,
богатырь-человек здорово! Куда идешь?“

Так (когда) сказал, Кильдынакан-богатырь вверх посмотрел, как жену его (того) взял. Кильдынакан-богатырь стал преследовать его. На следу нагнавши, начали биться. Чорт его стал убивать. Кильдынакан-богатырь заговорил:

„Гэни, гэнё! Гени, генё!
Кто меня, придя, спасет?
Давно, давно скажу:
брат (младший мой) есть.
Тот-то, придя, пусть спасет!“

Так сказал (когда), сверху заговорило:

„Генг, гэнёй! Гэнг, генёй!
Кильдынакан-богатырь, рот открой,
яйца сброшу!“

Кильдынакан-богатырь рот открыл. Когда посмотрел, яйцо пришло (упало). То проглотил. То проглотивши, силачом (очень) сильным стал. Кильдыни чорта убил. Опять пошли домой. Кильдынакан до дома дошел. Посмотрел — дом сломан, оленя нет, матери нет, отца нет. Опечалился.

Icəttəkin, awaγı hunāḍın ılıtcaran. ụmụn algalkān, ụmụn ıēhalkān, prowləka ṇụriktəkə̄n, ıēha hojo dulındun вihin. İŋin вicə̄ ŋonımınḍa. Amŋan əgdigə̄nḍə. Kıldınıkānma Məŋụnkə̄nmə ahaktallan ḍəвdə̄wi. Kıldınıkān ṇurвı gadan. Tar gaḍarakın, ahīwān uktuwran. Kıldınıkān soŋoron. Tar amardukīn ahamāttạn. Ahamātcā, ahamāttạn, əcə̄ вokono. Nān tụrə̄ttən:

„Gēnı, gēṇə̄! gēnı, gəṇə̄!
Ekuŋıw əməksə, ajdaŋān?
Bılır, вılır вī gırkīw вicə̄n.
Ŋiŋtəninḍə! Ŋiŋtəŋäj mata,
əməkəl tụrgənḍī!
Ahīwäw uktuwrän
awahı hunāḍīn.
Tar awahı hunāḍīn вihin, gụnīktə,
ılan lāmu cagidādun вihin".

Tar gụnəkin, Ŋiŋtəninḍə əməksə, ḍụ̄ri ŋənəhinə. Ŋənəcə̄kə̄r, ŋənərə. Tar ŋənəḍərəktin, ụmụn cıwkacān, ḍụlgidə̄dụtin dōksa, tụrə̄cittən:

„Cıpcē, cıpcē, matal вəjəl! Ilə̄ ŋənəḍərəs?

Nuŋartın nuŋanmān əcə̄l icəhinə. Ṇän-dāt ḍụlgidə̄dụtin dōllan:

„Cıpcē, cıpcē, matal вəjəl! ēda əhis tụrə̄ttə?

Nuŋartın ŋənəḍərəktin, ḍụ̄r anŋanī iltəcə̄n. Cıpkacān tụrə̄cittən:

„Cıpcē, cıpcē! Cıpcē, cıpcē-əj!
Ərəj вụddəm. Matal вəjəl,
ōn əhis mulānə minəwə?
Bī Kıldınakan ụtən вihim".

Когда смотрел, чорта сестра стояла. Одноножка, одноглазка, с проволочным волосом, глаз по средине лба. Язык был длинный. Рот большущий. Кильдынакана (и) Монгункону стала преследовать, чтобы съесть. Кильдынакан стрелы взял. Когда взял, жену (его) увез (тот). Кильдынака́н заплакал. Потом преследовать стал. Преследовал, преследовал, не догнал. Опять заговорил:

„Гэни, гэнё! гэни гэнё!
Кто, придя, спасет?
Давно, давно мой товарищ был.
Нгинтониндё (корешок)! Нгинтонэй-богатырь,
приди поскорее!
Жену мою увезла
чорта сестра.
Того чорта сестра, говорю,
за тремя морями находится".

Так (когда) сказал, Нгинтониндё придя, вдвоем пошли. Идущие, идут (шли, шли). Так (когда) шли, одна пташка, впереди их севши, заговорила:

„Чипчэ, чипчэ, богатыри-люди! Куда идете?"

Они ее не заметили. Опять перед ними села:

„Чипчэ, чипчэ, богатыри-люди! Почему не говорите (отвечаете)?"

Они шли (когда), два года прошло. Пташка заговорила:

„Чипчэ, чипчэ, чипчэ, чипчэ-эй!
Сейчас умру. Богатыри-люди,
как меня не жалеете?
Я сын Кальдынакана есмь".

Kıldınakān mata gadan ụtəwi, tụrəttən:

„Gēŋe, gēŋə! Gēŋē, gēŋə!
ụtəkən, ụtə, ĭdụ bisin sĭ ənīnnī?

Cıpkacān tụrəttən:

„Bĭ ənīnməw awahı gacā.
Hīmat ḍəpŋətin. Tụrgənḍĭ ŋənəkəlĭu!“

Matal ŋənərə. Icərəktin, həgdiŋə sō sələmə ḍū bihin. Tar sələmə ḍu oldondun gırkuktaḍaran ụmụn awahı. Kıldınakān tar awahıwa wāksā, tərgəksəwən təttən. Tar tətiksə, sələmə ḍūlā ĭrən. Icərəkin, ḍūdu ahĭn arandu təgətcərən, soŋoḍoron. Tāduk tụrəttən:

„Gēŋ, gēŋəj! Gēŋ gēŋəj!
Utəw ĭlə ŋənərən?
Əttikəŋĭw eda əhin əmərə?“

Tar gụnəkin, Kıldınakānnān tụrəttən:

„Gəŋ, gēŋēj! Gēŋ gēŋəj!
dorowo, ədə! əkə! tụrəttə baranma,
tụrgənḍĭ tətilwi tətkəl! ŋənəgət!“

Ahĭwı ŋənəwrən ḍūlāji. Tar ŋənəḍərəktin, ụtətin tụrəttən:

„Cıpcē, cıpcē! Cıpcē, cıpcē!
Amĭ bıldınıkān!
Bĭ-kə ŋənəm ụgụ bugatkĭ,
sụ ŋənəkəllu ḍūlāwər“.

Кильдынакан-богатырь взял сына, заговорил:

„Гэнгэ, генго! Гэнгэ, генго!
Сынок, сын, где твоя мать?“

Пташка заговорила:

„Мою мать чорт взял.
Скоро должен съесть. Скорее идите!“

Богатыри пошли. Увидали (когда), большой очень железный дом есть (стоит). Того железного дома сбоку ходит один чорт. Кильдынакан, того чорта убивши, ровдугу (одежду из ровдуги) его надел. Так одевши, в железный дом вошел. Посмотрел (когда), в доме жена его у костриша сидит, плачет. Потом заговорила:

„Гэпг, гэной! Гэнг, гэной!
Сын мой где идет?
Старик мой (муж мой) почему не приходит?“

Так сказала (когда), Кильдынакан опять заговорил:

„Гэпг, гэной! Гэнг, гэной!
Здорово, жена! не говори много,
скорее одежды надевай! Пойдем!“

Жену свою увел домой. Так шли (когда), сын их заговорил:

„Чипчэ, чипчэ! Чипчэ, чипчэ!
Отец Кильдынакан!
Я-то пойду на верхнюю землю,
вы идите домой“.

Kıldınıkān ahī galıwı ŋənərə ḍūlāwər. Ụtətin ŋənərən ụgụ bugatkī. Ụgụ bugatkī ŋənəḍərəkin, oldondulın ụmụn dəgi dəgḍərən. Tar dəgḍənə turəcittən:

„Kimənin, kimənin, mata bəjə,
Cıpcınıkan, ilə ŋənəḍənni?
Ŋənəŋət, akānnəgət!“

Cıpcınıkān turəttən:

„Cıpcē, cıpcē! ətəm ŋənərə
Bugalā ŋənəkəl!
Əkəl ilicərə minəwə!“

Asī ēkunma-dā əcə turəttə uŋtu bugatkī ŋənərən. Cıpcınıkān tar awardukın ŋənəhinən. Ŋənəcə, ŋənərən. Ŋənəḍərəkin, icəttən, araj əkāṇḍərə. Cıpcınıkān mata nadan tuksụ cagıdāduŋ sıpkittan. Sıpkıtcarakın, ụmụn ahīnḍa əkāḍənə, turəcittən:

„Kimənin, Kimənin, mata
Cıpcınıkān, ēda əməcəs?
Əŋətkəcin əmərə bicəs.
Tikkəl turgənḍī, əkəl sıpkıtta“.

Cıpcınıcān mata tiktən ụgụ bugalā. Əkānillən. Ḍụr ahīnḍa dagalın irən. Ụmụn ahīnḍa turəttən:

„Gerēwlakānın, Gerēwlakānın!
Mata Cıpcınıkān
Bī dagalıw ēda əcəs irə?“

Кильдынакан, жену взявши, идет домой. Сын их пошел в верхнюю землю. В верхнюю землю когда шел, сбоку одна птица летит. Так, летя, заговорила:

„Кимонин, Кимонин, богатырь-человек,
Чипчиныкан, куда идешь?
Пойдем, попоем-попляшем!“

Чипчиныкан заговорил:

„Чипчэ, чипчэ! Не пойду!
На землю иди!
Не трогай меня!“

Женщина ничего не сказала, на другое место пошла. Чипчиныкан за ней пошел. Шедший идет (шел, шел). Шел (когда), посмотрел вдруг — пляшут-поют. Чипчиныкан-богатырь через семь облаков подслушал. Подслушивал (когда), она, женщина, поя, заговорила:

„Кимонин, Кимонин, богатырь
Чипчиныкан, зачем пришел?
Как не желающий пришел (хотя и не хочешь, пришел).
Падай скорее, не подслушивай“.

Чипканыкан-богатырь упал на верхнюю землю. Начал петь-плясать. Две женщины к нему подошли. Одна женщина заговорила:

„Гэрэвляканын, Гэрэвляканын!
Богатырь-Чипканыкан
Ко мне почему не подошел?“

Cıpcīnīkān mata əkāniksə ətərən. Taduk ŋənəksə, təgəttən ḍolo ojodun. Ḍolon kurbuttan. Cıpcınīkān mata ıldāji ŋəkərən — namaracā. Ahāl əkāndərə, iŋəttə. Umuŋ ahī tuŗəttən:

„Kimənin, Kimənin,
Cıpcınīkān mata!
ēda ḍolodu namaracās?
Ilkal! icəməjə!“

Cıpcınıkān kurbuŗən, ıllan. Horkīwı təkərgər ıllan. Tāduk ḍolowo gaksa, garadāraŋ, icənən — aja ahīnḍa ıhtcaḍaran. Nuŋanmān icətcəḍərən, taduk tuŗəttən:

„Dəgri, dəgri-dəl Dəgri degri-dəl
Mata Cıpcınīkān, porosaj porostı!
ḍawamī, gaḍiŋās ahījawı, əmī — ətənni!“

Ahī dəgilḍəhinən. Cıpcınīkān tar amardun dəgilḍəhinən. Ḍawaran nuŗiktəḍuŋkin. Tāduk ḍūlāji ŋənəwrən. Ahīn gərbin Ņuŋərmək. Cıpcınīkan ḍūlāji əməksə, ahījahwı bilcə. Ənīnin, amīnin buсəl.

Tar bidərəkin umnəkən dolbo ahīn tolkıcılcā, tāduk tuŗəttən.

„Dəgrā, dəgrā!
Cıpcınīkān mata sələkəl!
Əmərə mata! Nadan mata əmərən.
Tāduk bī akīnmī əmərən!“

Cıpcınīkan mata nurbı gadan. Tulilə jūrən. Araj icənən, nadan mata nuŋanmān garpalcal. Cıpcınīkān mata nuŋarbatın garparan. Umuŋmətin wārən. Umuntin tuŗəcittən:

„Nıkı, nıkı! Mata cıpcınīkan,
ēda bī nəkunməw wācās?
Bī sinəwə wādiŋāw“.

Чипчиныкан-богатырь, попевши, перестал. Потом, подойдя, сел на поверхность камня. Камень шевельнулся. Чипчиныкан-богатырь встать попробовал— приклеен. Женщины поют, смеются. Одна женщина заговорила:

„Кимонин, Кимонин,
Чипчиныкан-богатырь!
Почему к камню прилип?
Встань! Стыдно!“

Чипчиныкан шевельнулся, встал. Штаны разорвав, встал. Потом, камень взявши, бросил, посмотрел—красивая женщина стоит. Его рассматривает, потом заговорила:

„Догри, догри! Догри, догри!
Богатырь-Чипчиныкан, прощай прости!
Поймавши, возьмешь в жены, не (поймавши)—не возьмешь“.

Женщина полетела. Чипчиныкан за той полетел. Схватил за волосы. Потом домой привел. Жена его по имени Нюнгормок. Чипчиныкан, домой придя, с женой жить стал. Отец его, мать его умерли.

Так жил (когда), однажды ночью жена увидала сон, потом заговорила:

„Догрэ, догрэ!
Чипчиныкан-богатырь, проснись!
Пришли богатыри. Семь богатырей пришло.
Потом мой брат (старший) пришел!“

Чипчиныкан богатырь стрелы взял. На улицу вышел. Едва посмотрел, семь богатырей в него выстрелили. Чипчиныкан-богатырь в них выстрелил. Одного убил. Один заговорил:

„Ники, ники! Богатырь Чипчиныкан,
зачем моего брата (младшего) убил?
Я тебя убью“.

Ụmụsŋi mata gadan ŋurwı garparan Cıpcınkānmạ. Garparan nācā Cıpcınkāndu. cıpcınlkān tiktən. Tiktəkin ahīn, jūrən, tụrəttən:

„Dəgri, dəgri-dəl Dəgri, dəgri-də!
Akī ụmụsŋi eda wānnı kuletpi?“

Cıpcınīkān mata dılbı tikullan, ŋan ŋurbı gadan. ụmụsŋinḍə ılıtcanwān garparan. ụmụsŋinḍəwə nārən kaltaka ıēhawān Umụsŋinḍə kaltaka ıēhajan ācın kụhilcən Cıpcıkānŋaḷı. Cıpcıkānmạ kejran. Cıpcıkān ahīn gūnən: „Əkəl wārə ədiwəw“. Tar gūnəkin, əcə wārə. Tāduk ılanī biḍəlcətin.

A. Afanasjewa. Sahalın

81. Dulın buγa Ụmụsŋinḍạn

Dulın buγa dulkakındun,
Ụmụn jənə burkacāndun,
Dulın buγa ụmụsŋinḍạn birạ.

Ụmụn ụtụk ụtạkācī ḍapkun mō kaltakaḍın ōwca tāduk ekuŋındā ācın, ələ anŋıdā ŋālạdun bihin uların məŋụn uạkaptun. Tətin upkacın kumaksa. Tawar biḍạnạ, umnạkạn togotkokīwı ıcaksa, tikan gunna, turātcạran:

„Nıki, ŋikimə, bi ōn ụmụkīn baldıcāw?
Dulın buγadu oŋı minŋạcin bəjə ācın“.

Умусни-богатырь взял стрелы, выстрелил Чипчиныкана. Выстрелил, попал в Чипчиныкана. Чипчиныкан упал. Когда упал, жена вышла, заговорила:

„Дэгри, дэгри! Дэгри, дэгри!
Дядя Умусни, зачем убиваешь свояка?“

Чипчиныкан-богатырь головой рассердился (в уме рассердился), опять стрелы взял в Умусниндю стоящего выстрелил. Умусниндe попал в половину глаза. Умусниндя без половины глаза начал биться с Чипчиныканом. Чипчиныкана победил. Чипчиныкана жена сказала: „Не убивай мужа моего! Так (когда) сказала, не убил. Потом втроем стали жить.

А. Афанасьева. Сахалин

81. Средней земли Умусниндян

На средней земле, на самой середине,
На островке одной реки,
На средней земле Умусниндян жил.

Одну дряхлую юртенку, из восьми полуплах сделанную (имел), кроме того ничего не было, только на правой руке было из красного серебра кольцо. Одежда вся нерпичья. Так живя, однажды сидя у огонька, так говоря, разговаривал:

Ники, никимо, одинокий, родился?
В середине земли подобного мне человека не может быть“.

Tāduk tuliskī jūkąnąm, uların məgun unakaptunmı gālądukwı cuptuliksa, uyiskī garadāran, tikān gunna, turātcaran:

„Niki, ŋikimə uların məguməcumə unakaptunmı, bi turānmi musılkān ədu ödäkın, uların məgun umurəcun öḍaksa, tikkəl".

Təḍāmə-dā, uyiŋit uların məgun umurəcun tiktən. Ḍə! umusŋinḍa uların məgunmą umurəcunduwi təγəksə, utąkāntikiwı icätcänə, turātcaran:

„utuk utąkānmi pudan purasaj!
Okın mucanarıwı sānə, ilkalḍam, gunam sot gorolmı,
ılan tugurun anganilduli mucana-wal əḍəm".

Tardāt əhilu əjəkəkī əjəḍəhinan. Tar əjənḍərəkin, umun kumacān jūksą turātcaran:

„Mata bəjə dulin buγa umusŋinḍan dorowo! dorowo!
Ilə gənəlkąja öḍannı? ilkal! alatkal ulgurkānə ulgucāngāt".

u musŋinḍa, əcə-kät icähina, gənəwi gənəḍəhinan.

„Dulin buγa bultaran, ēwa sökancannı? ni sinąwą əhin sāra?„

Ḍə! Tar gənəḍənə umusŋinḍa icəran jənə ulidun uların məgunmą cōraa mawa. Tartikī əjənḍəhinan, tar gənəḍənə jönə ulidun, icārän ḍūr ahātkār ajagdsārəwə sārəḍərə. Gē ahatkān, nuŋanmān icəksə, turātcaran:

„Kimə kiməkə nuŋaj məgunkan! icətkal ēkun əmərən,
awadı bagas ajatāran, guḍəjtərən uların məgun umurəcunin".

Потом, выйдя вон, из красного серебра кольцо с руки сдернувши, вверх подбросил, так говоря, заговорил:

„Ники, никимо, мое (золотенькое) из красного серебра кольцо, мое слово имеющее духа,[1] здесь когда станешь, лодкой из красного серебра сделавшись, упади!"

Действительно, сверху упала лодка из красного серебра. Ну! Умусниндян, севши в лодку из красного серебра, на хижину смотря, заговорил:

„Старая, старая хижина, прощай!
Когда вернусь, не знаю, метить дорогу буду, говорю очень далеко,
едва ли вернусь через три обратных года".

Оттуда тогда вниз поплыл. Когда тот плыл, одна нерпа, выскочивши, заговорила:

„Богатырь-человек среднеземельный Умусниндян, здорово! Здорово!
Куда направился? остановись! подожди! разговоры поразговариваем!"

Умусниндян не глядя ехал своей дорогой.

„Среднеземельный, охотник, чего задаешься? кто тебя не знает?"

Ну! Так двигаясь, Умусниндян увидел на берегу реки избушку из красного серебра. Туда подплыл, так идя, на берегу увидал двух девушек, красивую вышивку вышивают. Одна девушка, увидя его, заговорила:

„Кимо! кимоко! сестричка Монгуикон, посмотри, кто идет,
какая лодка красивая, красуется лодка из красного серебра".

1 Скажу заговор, словом заставлю превратиться.

Ӄmusŋinḍa tawar ākṭaṇ. Ākkānaṃ, nuŋartukītun suruŕān. Ahātkār, matawa ŋāḷaḍukın əlgənəl, cōramalāwar ĭwrą. Ajagda sāgābuksə, sulakīksa səktəwӯndu təgəwkāṇą. ӄmuṇ caldı sacarĭwa wāksakar, ajadıgdawar tujəntuŕətin.

Siksəŋŋi ōllan, əkĭndəgu tikāṇ gunnə turātcāraṇ:

„Kimə! kimək! mata ӄmuspinḍa bu əmərĭ suruŕĭ matawa ḍūduwar əwkil ānŋawkāciną bihiw".

„Kimə! kimək ānŋawkānąkwӯṇ cıwkāṇ, keikān upkatkāntın iṇąktəlḍiŋətin. Bu mata sōniŋa ānŋawkāwun, ḍūlāwun ānŋąnākąl".

Ahātkār, ӄmuspinḍawą ŋāḷaḍukin gāksakar, əlgədəhiną. ӄmuṇ hoktokōnḍoh suruwrə, tāduk ӄmuṇ sālāmə ḍūnḍalā ĭwrə. urkəduk urkəlą ŋənəwuksąl, kataksāl Ӄmuspinḍawą mārtin tuliskī iṇəŕdətin:

„Kimə! kimək! duhn buŕa ӄmuspinḍa buldar kihwhlwatin nulgiwrən".

Ӄmuspinḍa tukulcālāwı soŋocōlāwı ēja-da bəlądən, ŋəkəḍiŋąn, Nān-dat ahatkār iṇəgdātın:

„Gurukanın! Gurukanın, əkāj Sēkankān! iṇəməcājə!
Duhn buŕa ӄmuspinḍąn dıljan bucuwrĭlāwı ıstan biḍąnŋu".

Ӄmuspinḍą ajat icärän, bəjəl giramnakākuntın gēltanŋācın, bəjəl munnuktukındu ninguḍərə. ӄmuspinḍą amaskakĭ tuksaksa, ḍapkun ḍūptıl sələmə urkəḍənə əkihincān. Tar cāklān tuksanḍahınan. Ahātkār ḍūlātın ıstan, ahāl, təgətcənəl, ajagda sārəwą sārəḍərą.

Умсниндя пристал туда. Приставши к ним, пошел. Девушки, гостя за руку ведя, ввели в дом. На красивые собольи, лисьи постели посадили. Одну двухгодовалую важенку убивши, хорошо угощали.

Вечер настал, старшая так сказала:

„Кимо! кимоко! гостя Умсниндяна, к нам пришедшего, хорошего гостя, не можем уложить спать в своем доме.
Кимо! кимоко! если уложим спать, утка, пташка, все засмеют (нас).
Мы гостя-богатыря уложим спать. В дом иди спать".

Девушки, взявши Умсниндяна за руки, повели. По одной дорожке увели, потом в один железный домище ввели. Из двери в дверь проводя, замкнувши Умсниндяна, рассмеялись сами снаружи:

„Кимо! кимоко! среднеземельный Умсниндян дочерей моря увез!"

Умсниндян, рассердившись, расплакавшись, ничем не мог (себе) помочь, опять девушки рассмеялись:

„Гируканын! Гируканын! тетка Секанкан! очень смешно!
Средиземельного Умсниндяна пусть голова засохнет" (до засыхания дойдет).

Умсниндян осмотрелся хорошо, человеческие кости рассыпаны, люди в каждом углу стонут. Умсниндян, обратно побежав, восемь двойных железных дверей сломал, потом убежал дальше. Дошел до дома девушек, девы, сидя, красивую вышивку вышивают.

I. Zujəw. Tutura

82. Aksırē-Baksırē

Ətirkān atırkānnun вī̇ḍicətin. Ilan hunīltın вī̇cətin, gəjụkəkụr. Nadanḍār вụləhəl əməḍirə, sụrụldəwəl hunīlwa. Bī̇cən ṇārət ukunmıma. Tartıkī nuγartın dəgilḍicātin, вagdawkıl ōhal. Kə! əməḍırā вụləhəl. Hunīl əhī̇lə amīntıkīwal gụnḍirā: „Mụnə ḍajekal (зajekal) əmmin вụrā". — „Hılla ēkurwahun sụnạ ḍajeḍıḍıŋāw, su əŋkitārəs minə dōldıtcō; ajama, sụnə sụrụụktin. Āptərā tāmkədāhinạ ipkərəkiw, əḫkitārās ụmụkəmətcạ aptuna tāmkəhina. Ajama sụrụụktin, ēḍaktın-mal". Kə, əməllə вụləhəl ṇagadılḍırā ṇarḍıntıkītın. Hunīltın вagdawkıl ōhal dājilūktạḍirā. Kə, ṇagadıḍırā, noartın ụjlskī̇ ụjilḍirā. Sagdawu ahātkān inmə ōrān tıkımmen. Ḍū̄rwạ sụrụwrā. Ḍūtkī əmərān ahātkān, amīntıkī gụnḍirān: „Minə ḍajəkal (зajekal) ədətin minə вụləhəl sụrụwrā".— „Ajama, sụrụwḍū̄ktin (sụrụwзụktin) ēḍaktın-mal əḍiŋāw ḍajeḍara, amīnīn gụnḍirān: ərəkəncə sụrụkəl, ərkəklā sụrụkəl, tālā вiḍirān Aksırē Baksırē, sinạ зajedıŋān. Tarı ōlānduk ōlāndıtmər: korokalın kalokōcāndı, ēhalın ōhıktagdır, oŋokto pəşnaomokun, зəgin ulıwmokun, ōhamṇakurın həŋəkinmən". Ahātkān gənəḍāhinān.

N. Bajakī. Cirəmвụ

83. Əwəṇkī̇l

ụtələ ədụ вipkə jajan вicən. Əwənkī̇ŋilin ḍū̄r вụddạ. Nuŋan təlkiptşạn, вakaran, nuŋarwatın wārān cāgıganmə. Təlkindu icəcild ān jajanma, nuŋan ụrəgən вicən. Tarı ḍəpcə nuŋarŋıltın əwənkī̇lwətin. Jajan icəcildʳən təlkindu, şụrụrān urəgəntikī. Tunŋaḍār əwənkī̇lwə mənŋilwi ụγụwrən. Şụrụrān, Jəndʳiwə daγran, daptulın hụrrān Pīdı. Hụŋtụlwə вakaran. Bargıdā tụgi jajan вicən əməlŋun. Daptudun Pīdı вakaldıra, ụlgụrməcildʳə. ụlgụrməttʳə, ụlgụrməttʳə, jajan haūŋuktaldʳān hụŋtụwə jajanma: „ilə ŋənəḍəndʳi?"—„əli hurısılḍalım". ụmụndụ şụrụrā Pīdılı, tunŋaḍārıl əwənkī̇lin namaḍı ōran.

Н. Зуев. Тутура

82. Акшире - Бакшире

Старик со старухой жили. Три дочки было, красивые. Семьдесят бродяг подходят, чтобы увести девушек. Было озеро молочное. Туда они (девушки) летали, лебедями ставши. Вот подходят бродяги. Девушки отцу говорят: „Нас спрячь не отдавай".—„Ну для чего вас спрячу! вы не хотели меня слушать; хорошо, (пусть) вас унесут. Постегонку ссучить приказывал когда, не хотела ни одна постегонку сучить. Хорошо, пусть увезут (что хотят, то делают)". Вот подошли бродяги, пошли неводить на озеро. Девушки, лебедями ставши, полетели. Вот неводят, они (девушки) вверх подымаются. Старшая девушка иглой стала, упала. Двух увели. Домой пришла девушка, отцу говорит: „Меня спрячь, чтобы меня бродяги не увели". — „Хорошо, пусть уводят, пусть делают (что хотят), не спрячу". Отец говорит: „Вот иди, сюда иди, там живет Акшире-Бакшире, тебя спрячет. Тот из мастеров мастер. Уши его как котлы, глаза как звезды, нос как пешня, подбородок как весло, камысы на коленях. Девушка пошла.

Н. Баяки. Чиромбу

83. Эвенки

Раньше здесь коренным жителем был шаман. Двое эвенков умерло. Он видел сон, нашел (что) их убил дальний. Во сне увидал шамана, он горный („каменный"— с левого берега Енисея) был. Тот съел его эвенков. Шаман увидел во сне, пошел к горному. Пятьдесят эвенков с собою увел. Ушел, Енисей перешел, пошел по нижнему течению Пита. Других встретил. На том берегу также эвенкийский шаман был. На устье Пита встретились, стали разговаривать. Разговаривали, разговаривали, шаман спросил другого шамана: „Куда идешь?" — „Здесь вверх собираюсь пройти". Пошли вместе по Питу из пятидесяти эвенков сто стало.

Daptudukın tunŋawa inəŋilwə ŋənərə. Ayrə. Ḍurə jajaşal şuruŋrä ḍ̄ŭrdụli ŭḍalı. Gē ılanma inəŋıl ŋənərən, hŏntäḍırän. Ilıdutın inəŋil jajantın gụnən: „ụmụkänmə inəŋiwə ŋənəḍəp, ŋəkụduk şaŋŋantın icəwụldʻən. Namurdun ḍŭγıltın, diginḍär ḍŭγıl". Ŋənəncərə, ŋənərə mụrəli, əgəlgərə jajan əwənkĭltin. Jajan gŭnän: „ılakaldʻu guluwurwa". Əwənkĭlwi ipkərən mụrəli əlgərə. Lụŋụldʻə əwənkĭlın mụrəli, ıtıgaldätin kụşilwạ ŋəkədəwər. Nän lụŋụldʻə, ılarä lụŋụldʻə. ụrəgər əŋnərə jŭwəttʻə. Ətirĭkən nugarwatın tụŋnən, şukşalwı lukca binə. Jajan tarä gŭldʻän: „Şụrụkəl, ıtıgaḍanäkaldʻu" əşilə kụşinə. Ŋän amaşkī şụrụrän ətirĭkən. Lụŋụḍəŋnərə, hata lụŋụḍəŋnərə, ətirĭkən əmərän, ŋän tarĭltukī tŭrəldʻən jajan, ŋän ḍŭläwı şụrụrən. Jajaltın ụrəgər əməşinə, isilmĭ şəbdəptikĭ. Əməşinə tụtəkəlwətin ıtıgara, şəbdəptikĭ təgərə ḍŭkrə jajaşal. Əŋkəcildʻən jajan, əwənkĭlwə ḍəpcə: „ēkunac! əcəp tildʻə ḍəwụjəwi". Əŋkəcildʻən, mirättʻən ılanma aşälwạ. Əŋkəcildʻən: „bŭḍam". Awgıdä əşilə ətərən tụrəḍəmĭ. Namurŋıl jajaltın gŭldʻa: „Əşilə nimạgilkại". Nimạgĭldʻä tarĭl, gorowo nimạgĭldʻə, nadaldʻaja. Əŋkəttʻən, şụrụlmĭ, ədən tụγi ŋəkərə, gēwrä ədən, ŋän ḍawuşcara ədən. Awgıdä jajan gŭldʻən: „Ənə tụγi ŋəkəldʻə əşĭlə ninakmät şulaptʻa ətən. Ilanma aşäl bŭrə urəgər jajantın. Şụrụwrä ḍŭläwạr əwəşkĭ, ŋuşuktal aşälwạ. Mŭlwə uγaŋnärä.

Ḍəptikĭwạr ŋənəwrə; ŋənərə kụşicäl, ḍulıntın hälupcäl binəl, ụwijə əmərə, hərkəptĭrtin ŋäläwạ hujulwụrkəkun. Dulıntın ächr. Hụŋtụl şụrụcäl ḍŭläwär, əşi icərə. Tarĭl tụγĭ əməşinə ḍŭläwạr, aşälwạ ḍŭrə ajalwa əməwrə.

N. Bajakī. Cirəmbụ

84. Ilụdən

Ilụdən əŋəşĭcĭ bicən, Kımä bicən. Nuŋan lucadılwa əŋəşĭcĭlwə ŋədụrən ılanma. Kupeş ipkərən, saklaldu ŋŏrcadätın, ılandu cetwerıl vınoldu. Ilandu dəbdıran Ilụdən, ŋədurən upkatpa. Şụtnəwə ırụşnan lucadıwa nadan əwənkĭl, nuŋan əmụkən ırụşnan.

От устья шли пять дней. Пристали. Два шамана пошли по двум дорогам. Один шел три дня, без дороги шел. На третий день шаман их сказал: „Один день пройдем, дым их с большой горы станет виднеться". „На (хребте) Намуре юрты их, сорок юрт". Быстро пошли, обошли кругом, окружили шаманские эвенки. Шаман сказал: „Разжигайте костры". Заставил эвенков окружить кругом. Стали кричать кругом эвенки, направились (собрались) войну начать. Опять стали кричать, трижды кричали. Горные не хотели выходить. Старик их предупредил, снявши тесемки от обуви. Шаман тому сказал: „Иди, собирайтесь теперь воевать". Опять обратно ушел старик. Кричали, долго кричали, пришел старик, опять тех стал ругать шаман, опять домой ушел. Шаманы горных жителей пришли, шевеля (спиной) кафтаном. Пришли, мечи скрестив поставили, сели спинами (друг к другу) два шамана. Спросил шаман, съевший эвенков: „Зачем! не знаем съеденных (не слышали о съеденных)". Стал просить выдать замуж трех женщин. Сказал: „Дам". Живущий на этом (левом) берегу теперь кончил ругаться. Намурские шаманы сказали: „Теперь гости". Стали те гостить, долго гостили, неделю. Просил, уходя, чтобы так не делали, чтобы вторично опять не хватали бы. С этого берега шаман сказал: „Не поступайте так, (а то и) собаки не останется". Дали трех женщин горные шаманы. Увели домой к себе, вонючих женщин через воду переносили.

Людоедку увели. Шли, воевали (по пути), половина оставшись, мало пришло с перевязанными руками, раны большие. Половины нет. Другие незаметно ушли домой. Те тоже, придя домой, двух красивых женщин привели.

И. Баяки. Чиромбу

84. Илудон

Илудон силач был, (из рода) Кима был. Он поборол трех русских силачей. Купец заставлял бороться на заклад, на три четверти вина. Трех победил Илудон, всех бросил. Русское судно тащили семь эвенков, он один тащил (такое

Luca əwənkī̇wə koḷtorän. Koḷtorökın, icättʳən əwənkī̇wə, şụrụrən. Irura, ırura gorowo, tālā cātīldʳa. Ətərə. „Əwənkī̇“, gū̧nän: „alawa tətkəl ŋōraşkal“. Şụrụrā ŋān. Koḷtoḍocōwo lucawa əwənkī̇ koḷtoron amarguc. Koḷtorokın əwənkī̇, вụrụrən luca. Bụddạn lucadı əŋəşī̇. Əmə̄nə nuŋanmān. Hụŋtụl lucal həŋkə̄tcirə: „tụgi nādə!“ Iludən ŋān ıruşnan, ısta derewnəlā. Āgrə, tādu cātīldʳə. Iludən tērunmatın tērutşan; kupes, ḍəwụldʳən, vinovo tụjụttʳən, ụlildʳən ajalḍī ḍəptiləl. Əŋkəcildʳen əwənkī̇wə kụpes, gadāwı mə̄nŋijəwi əŋəşijəwi illəməgdijəwi tışıca ruвlıl. Əwənkī̇ əşin ḍəkildirə, əşin sụrụmụldʳə. Gorojo əjə̄cildʳən kupes əŋəşī̇wi. Ḍalıldārän, ḍalıldārän, ụmnə̄t gū̧nän Ilụdən: „Ətə̄m şụrụrə“. Iludən oltowrän kupespa, derewnədu işinən. Gorowo inən tādu.

Lucal korobalwatın amīkān ḍəmụldʳən. Lucal ipkə̄rə Ilụdənmə, вəjụştə̄n. Şụrụrə вəjụşimnī̇l ılan: ḍū̧r lucal, Ilụdən ılītın. Bakara amīkānmạ. Amīkān nuŋarwatın əməncərən ḍəbdə̄wi. Amŋawı aŋacā, ḍawaran ŋāləlḍīwı. Ilụdən kaltakadun, ḍəgdụkin ḍawaran kaltakadun şērdukın, ŋōrcaldʳän. Hụktəwụktəmə̄cīldʳən amīkānnun əwənkī̇. Lucal arkıra gıdalḍī amīkānmạ. Ilụdən ụşigində̄rän amīkānmạ. Amīkān əjụrən. Nuŋanmān wārā. Wārə həŋkətmə̄tcərə: „ḍəwụlḍəp-gū?“ ətə̄p-gu? Lucal gū̧nạ: „taŋa“. Ilụdən hata ipkə̄tcəḍən, ḍəвdə̄tin. Lucal gū̧nə: „hiγə̄t ēruktadāwı imụkşạnā-γu вirän!“ Hiγildʳə, higrə, ēmac ācın imụkşạwạ, ụmụkə̄n gıramdʳa. Əmə̄nə amīkānmạ, irəkşəwə̄n gādạ, şụrụwrə. Uγasınạ lucal. Sụrụwrā derewnətkī, irəkşəwə̄n hiŋni. Derewnəlān əmərə.

Lucal ụlgụrildʳə, gū̧nə: „Tālā вakaraw amıkānmạ, korobowa ḍəpcə̄n. Mụnə ḍəвdạ̄wi hụktincạ̄rạn. Iludən ḍawaran, amīkān ŋōrcaldʳən“.

Lucal ụlgụrlildʳə ḍaltıkīwar: „Arkıraw вu, əwənkī̇ ŋōdarän amīkānmạ, amīkān əjụrən. Jū̧ktạ вəjə, mēwanın mandʳı, ēramat əŋnərən jə̄nə“.— „Bəjə ŋə̄ləjə ācın, ụmụkə̄mə̄c əwənkī̇ ŋə̄lənəjə“ gū̧nə.

Ilụdən ḍūlāwı şụrụrən. Ḍūlāwı ŋənərən ḍaltıkīwı ụlgụrildʳən: lucal orotıŋmatın lirulārạ. Ŋạ̄lạtcirə, əŋitin ōn-māt вəjụş, əŋitin ōn-māt“. Əmụkə̄nmạ anŋanīwa inən Iludən, tāduk вụddạn.

же). Русский эвенка ударил кулаком. Ударивши, взглянул на эвенка, ушел. Тащили, тащили долго, там стали чаевать, перестали. „Эвенки,—сказал (тот),— лямку надень, тяни“. Пошли опять. Ударившего русского эвенки ударил обратно. Когда ударил эвенки, упал русский. Умер русский силач. Оставили его. Другие русские говорили: „Так (и) надо“. Илудон опять потащил лямку, дошли до деревни. Пристали, там стали чай пить. Илудон договор выполнил; купец накормил, вином угостил, накормил хорошей едой. Стал просить эвенка купец, взять (продать) свою силу, предлагая тысячу рублей. Эвенки не согласился, не захотел итти. Долго просил купец силу. Думал, думал, вдруг сказал Илудон: „Не пойду“. Илудон оставил купца, в деревне жил. Долго там жил.

Медведь задрал корову русских. Русские заставили Илудона убить. Ушли три охотника: два русских, один Илудон. Нашли медведя. Медведь быстро подошел, чтобы съесть (их). Рот открыл. Схватил руками Илудон, одною рукою за подбородок, другою за ухо схватил Илудон, стал бороться. Стали двигаться медведь с эвенком. Русские насадили медведя на копье. Илудон перевернул медведя. Медведь пропал. Его убили. Убили, разговаривают: „Съедим (его) или не будем“. Русские сказали: „Сухой“. Илудон еще настаивал, чтобы съесть, русские сказали: „Обдерем, чтобы посмотреть, жирный ли!“ Стали обдирать, ободрали, никакого жира нет, только кости. Оставили медведя, шкуру взяли, ушли. Потащили русские, несли в деревню ободранную шкуру. В деревню пришли.

Русские стали разговаривать, сказали: „Там нашли медведя, задравшего корову. Нас (чтобы) съесть, подпрыгнул. Илудон схватил (медведя), медведь стал бороться“.

Русские стали рассказывать товарищам: „Насадили на копье мы, эвенки бросил медведя, медведь пропал. Бойкий человек, сердце крепкое, ничего не боится (ни перед чем не постоит)“.—„Мужик без страха,, нет ни одного эвенка боящегося“, сказали.

Илудон ушел домой. Домой прошел. Домой пришел, товарищам стал рассказывать (о том, как) русские медведя били. Боятся, никак не могли убить. Один год жил Илудон, потом умер.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

D. Cēmвạ. Cirəmвụ

85. Iwul

Ḍū̄r вəjəl вiçə̄tin. ụmụkə̄n Iwụl вicə̄n, gē Akarāmə. Nuŋartin şurụrə вəjụşildʳə multala. Ḍawrāşnạ̄, ḍawrāḍạ̄ŋnārā, ḍawrāḍạ̄ŋnạrā вıralı, icərə tōkī вırawa dagḍaran. Iwul gụ̄nān: „Amıŋaşa kırkacānḍen вi tukşāncəktə". Iwul mụ̄li tukşāncərən. Hụktiwụşinmụ̄rān, tōkīdu вimrək hụktildʳən. Akarāmə ūḍaḍaŋnarān, tālā. Iwul halganmān вakaran. Tarā uγaşnan Akaramə̄, ṇān ūḍaşnan, tālā gēwa ṇān вakaran halganmān, ṇān tarā uγaḍaŋnārān, tāduk ṇān ŋālạwān вakaran, ṇān şụrụrān. Ŋənəḍəŋnārən, tālā gēwa ŋālạwān вakaran, tarī gādan. Şụrụrān tōkī ūḍalın, kəŋtirəwə̄n вakaran, tarī uγaşnan. Tāduk dılwān вakaran. Gụ̄nān Akarāmətkī tar: „şi ətəkəl minə icətcəmī, halgarwāw ụmụndụ nə̄kəl!" Akarāmə ələ̄wə̄n ildʳəwə̄n ụmụndụ nə̄rən, Iwul ṇān вəjə ōdan. Ṇān Iwul şụrụrān Akarāmənun ḍụ̄krə. Akarāmə gụ̄nān: „Bi вəjụktə tōkīla, şi nụlgişinkạ̄l, tālā Cinə̄dụ ḍūγutkəl".

Akaramə вəjụrən, şụrụrān. Ḍụ̄rwə tokīlwa ajran, Iwulwa ūḍalın şụrụrān. Iwul tālā şoŋoəorən, alвaḍaran şēraŋılwa tuktıwuşcaḍamī Cinətkī, ụmụkə̄nmə tuktıpcə̄. Akarāmə gụ̄nən: „Iwul ēlcāş tụgi?" — „O! ēwa-dāglə gụ̄cə̄ş Cinə̄dụ ḍūγutōdāw".—„Şi nụlgiḍəkəl tālā ōrandu ḍūγutōḍandʳı", gụ̄nən Akaramə. Iwul ḍūncaran. Akarāmə ṇān əmərən, ṇān gụ̄nān: „Iwul şi ēḍandʳı tụgi?" — „ēwa-dāglə gụ̄cə̄ş ōrandu dūγutōdāw! Ōn вi mụ̄dụ ḍūγutōḍam?"

Tāduk Iwul вəjụrān tōkīla, mə̄nəkə̄n darıwuşnan. Akarāmə nụlgişinən. Iwul ḍụ̄rwə ororwo olgoşnən, ŋənəḍəŋnərən, tālā вıra ōdān. Iwul gụ̄nən ororвı: „Untalwar lukulkaldʳu! Ōn əŋnəs tildʳə?" Tāduk Iwul ororwo halgarwatın higrən. Oror вụddạ.

Iwul tālā tōkīwa icərən, ŋācıldʳən tōkīwa: „Amīŋaşa sırumın! ku! ku! ku!" Tar hụktildʳən. Ṇān Iwul şụrụrān. Tālā jantakīwa icərən, ṇān ŋācıldʳən: „Amīŋaşa nınakının! əl! əl! əl!" Jantakī hụktildʳən. Iwul ḍụ̄lāwı mụcụşnạ̄n, əmərən. Akarāmətkī wul gụ̄nān: „Tālā untalwatın lukcāl, lukrakītın, āşınə". Akarāmə tụrə̄ldʳən Iwulwa:

Д. Чэмба. Чиромбу

85. Ивуль

Два мужика были. Один был Ивуль, второй Акарамо. Они шли промышлять табуны диких оленей. Поехали в лодке, плыли, плыли по реке, увидали, лось пересекает реку. Ивуль сказал: „Покойного отца собака, выскочу-ка я". Ивуль прыгнул быстро на воду. Хотел бежать, лося мимо пробежал. Акарамо бежал (за ним), нашел там ногу Ивуля. Притащил ту, опять побежал по следу, там опять вторую ногу нашел, опять пощащил ту, потом еще руку нашел, опять ушел. Шел, там вторую руку нашел, ту взял. Пошел по следу лося, грудную клетку, корпус его нашел, потащил его. Потом голову нашел. Сказала та Акарамо: „Ты меня не рассматривай, ноги сложи вместе!" Акарамо сложил все тело вместе, Ивуль опять человеком стал. Опять Ивуль пошел вместе с Акарамо. Акарамо сказал: „Я пойду промышлять лосей, ты кочуй, там (на) Чино (горе) поставь чум".

Акарамо ушел промышлять. Два лося добыл, пошел по следу Ивуля. Там Ивуль плачет, не может жерди втащить на Чино (скалистую гору), одну (только) втащил. Акарамо сказал: „Ивуль, что сделал так?" — „О! для чего же говорил, на Чино юрту ставь!" — „Ты кочуй, там на пороге юрту поставишь", сказал Акарамо. Ивуль юрту пошел ставить. Акарамо опять пришел, опять сказал: „Ивуль, ты что делаешь так?" — „Для чего же ты говорил, чтобы я юрту на пороге ставил! Как я в воде юрту поставлю?" Потом Ивуль помышлял лося, сам пошел выслеживать. Акарамо кочевал. Ивуль увел двух оленей, идет, там река. Ивуль, сказал оленям: „Унты снимайте! Как не можете понять?" Тогда Ивуль ободрал ноги оленям. Олени умерли.

Ивуль там увидал лося, покричал лосю: „Олень покойного отца! ку! ку! ку!" Тот убежал. Опять Ивуль ушел. Там россомаху увидал, опять покричал: „Собака покойного отца! оль! оль! оль!" Россомаха убежала. Ивуль в домой, пришел. Акарамо Ивуль сказал: „Там, унты сняли, снявши, уснул рамо стал ругать Ивуля:

„ēwunawı ororwı wānd'ı". Akarāmə ụmụkə̄n şụrụrān. Tāduk əwənkīlwə вakaran. Həŋkəcild'ən Akarāmə: ‚Minŋiwə şirụwə̄w şi wāşī?" Əwənkīl gụ̄nə: „Bụ əcə̄lwụn wārə".—„Şụ wāşun". Əwənkīl Akarāməwạ ḍawara. Akarāmə lụŋụld'ən: „Iwul əməkəl! Bəjəl minə tirəcə̄l! Hımāc!"

Iwul əmərən ŋimicīwi ŋālirān. Akarāmə ḍawaldırān вəjənụn. Iwul gụ̄nən: „Ŋimiciwə ụŋkụḍəs". Akarāmə şōmnāşinạn Iwul şiləwə̄n, gụ̄nən: „Şi wākəl! вərilwi ḍawakal ganātkəl". Iwul əwənkīlwə ələ̄wətin wārən. Ṇān şụrụrān Akarāmənun вəjụrə, hēlakīla вəjuşcạmī. Akarāmə əmərən, Iwul gụ̄ld'ən: „Ōn ajıŋnand'ı?„ — „Tụgi ajıŋnam! Şi-wəli вəjụkəl hēlakīla. Bi orıcāw hēlakīlā, tādu şi ụkələ̄şinḍənd'ı". Iwul orıld'an: „He-la-kī-ı-l! əməkəld'ụ-ụ! şigdələ̄w!" Hēlakīl вụrūrə hụkitədụn. Iwul haktancald'ān, ṇəmụrigdi ōdan. „Aha-ha-ha! вi, вụrụrə̄ktin, əşim maŋıcara". Hēlakīl upkat dəgild'ə. Iwul ụmụkə̄mə̄c əşin ajīwra, əşin ḍawara. Ḍūlāwı əmərən, Akaramə ācın ḍūduwı. Tāduk əməwrən əŋnəkə̄nmə Akarāmə. Iwul gụ̄nən: „ụlgụrkạl ōn ajīŋnand'ı əŋnəkə̄nmə".—„Bi ḍoromocōw atırīkānduk".—„Bi tımātnạ вakalḍam". Tımātnạ Iwul şụrụrān tālā. Iwul garparan aktakīwa, uγaşışcald'ən. Atırīkān əmərən, kədərə̄wi ŋālıḍaran, əmərən. Iwul dārə̄wə̄n kədərə̄şnən. Iwul şoŋold'ən, Akarāmə gụ̄nān: „ēt şoŋogond'ı?" — „Atırīkāŋəşu minə dārəwə̄w kədərə̄şnən" — „ēda-kə aktakīwa wānd'ı? Şinə gụ̄cə̄w əŋnəkə̄nmə, wādāş".

Ṇān şụrụrā Akarāmə Iwulnun. Akarāmə ṇuragırān hişəwə, gụ̄nān: „Iwul ḍawakal! əri tōkī". Iwul ḍawaran. Hişə nuŋanmān tirərən, Iwul вụddạn.

I. Lontogır. Nēpa

86. Iwul, Cərə

ụmnə̄kə̄n вiḍəcə̄n atırkān, nuŋanŋın вicə̄tin ḍụ̄r hụtəlin. ụmụkə̄n вicə̄n gərвin Iwul. Nuŋandun вicə̄tin anŋanīŋılīn ılanḍār, nəkụ̄ndıwụdụ вicə̄tin ḍān tunŋa, nuŋanŋın gərвin вicạ̄n Cərə. Iwul gụ̄llən Cərətkī: „Cərə ḍawja ḍawıŋılwāt". Cərə gụ̄nān Iwultıkī: „kə! ḍawıŋılwāt".

„Зачем оленей убил?" Акарамо пошел один. Встретил потом эвенков. Спросил Акарамо: „Моего быка ты убил?" Эвенки сказали: „Мы не убивали". „Вы убили". Эвенки поймали Акарамо. Акарамо стал кричать: „Ивуль, приходи! Мужики придавили! Скорее!"

Пришел Ивуль, щербу (уху) держит. Акарамо схватился с мужиками. Ивуль сказал: „Щербу прольет!" Акарамо толкнул ногою щербу Ивуля, сказал: „Ты бей! возьми лук, иди стреляй". Ивуль всех эвенков убил. Опять ушел с Акарамо промышлять, тетерек промышлять. Акарамо пришел, Ивуль сказал: „Как промышлял?" — „Так промышлял! Ты-ко попромышляй тетерек. Я кричал (звал кричалкой) тетерек, там ты западней будь (подкарауливай!)" Ивуль стал звать: „Тетерки! приходите! на балку мою!" Тетерки упали ему на живот. Ивуль засмеялся, смешно стало. „А-ха! ха! ха! Я не выдержу, когда они упадут!" Тетерки все улетели. Ивуль ни одной не добыл, не поймал. Пришел домой, Акарамо нет дома. Акарамо потом принес теленка. Ивуль сказал: „Расскажи, как добыл теленка?" — „Я украл от старухи". — „Я утром найду". Утром Ивуль ушел туда. Ивуль выстрелил в холощеного быка, быстро уволок. Пришла старуха, мялку в руках держала, пришла. По лицу Ивуль мялкой ударила. Ивуль заплакал, Акарамо сказал: „Что плачешь?" — „Старуха меня по лицу мялкой ударила". — „Зачем же быка убил? я тебе говорил, чтобы (ты) теленка убил".

Опять ушли Ивуль с Акарамо. Акарамо принес камень, сказал: „Ивуль, держи, это лось!" Ивуль взял. Камень его задавил, Ивуль умер.

И. Лонтогир. Непа

86. Ивуль. Чоро

Однажды жила старуха, у нее было двое сыновей. Один назывался Ивуль. Ему было лет тридцать, младшему было пятнадцать, его имя было Чоро. Ивуль сказал Чоро: „Чоро, давай лодку делать". Чоро сказал Ивулю: „Ну, сделаем лодку!"

Əŋintin hiltilə̄şcə̄ вicạn hiltilə̄wər. Iwul gụ̄nən Cərətkī: „şi, Cərə, əwtilə̄lə̄ḍəkəl вi ḍawtawə ụllilḍạlım“. Cərə gụ̄nən: „Kə! sụrụlḍālım“. — „Si, Cərə, gākạl pəktirə̄wụnə, ēja icəmī, tara pəktirə̄nıŋnəkəl“.

Cərə şụrụrān, gārạn pəktirə̄wụ̄nmə mə̄nŋụnmi, ŋənəḍəwki ụrəli, icərən mụgdəkə̄n dawadun ēkun-mal təktəḍərən, nuŋan pəktirə̄wụ̄nmi mirəḍụkwi gārạn ŋāləlduwı kərən cokonımmen, tar pəktirə̄nən. Sụrụrān dawalān, əmərən, icəcillən, kərə əŋīnmi wācā. Nuŋan əŋīnmi higrən, əwtilə̄lwə̄n gārạn, sụrụwrən ḍūtkīwı. Əmərən ḍūlāwı, akīnīn ḍawtawa ụlliḍərən. Əməllən dawalān, əwtilə̄lwə nōdarān akīnmı dawadun.

Icəcillən akīnīn, tāgrən əŋīnmər wācā, gụ̄llən nəkụ̄ntikīwi: „ēda si wācā вisinni əŋīnmər“. — „Si gụ̄cə̄s mintikī: ēja icənni, tarā pəktirə̄niŋnəkəl! — tar вi icəm, pəktirə̄cə̄w“. — „Si ḍalja ācın вisinni, ēmātjə, awadı-wal moŋnon вisinni“. Tụwi nuŋanmān həŋkətrən əŋīndụliwər. Nuŋartın aran-aran ḍawja ōra.

Nuŋartin ḍalıdācılla, ụrində̄wər gēlā ụrindụlə̄. Iwul gụ̄llən Cərəlkī: „Si Cərə orotoj dụ̄tə̄skəl hoktolı, вi kocowo ḍawdu ulıscalım“. Iwul gụnḍəwki: „Si dụ̄tə̄mī ụnə, tālā ḍūja ōḍadāwı əjə̄ dawadun“. — Kə! вi, əmədələs, ḍūja ōḍaŋāw“.

Iwul ụrə̄rən: „Kə! ōrakıs əmədələ̄w ḍūja aja вimcə̄“. — „Ōḍaŋāw!“ Nuŋartin sụrụrə gētkī ụrintikī. Iwul ḍawdu ḍawrāsṇạn. Cərə ororḍī dụ̄tə̄snən. Cərə dūtə̄rən tālā ụrindụlə̄, ḍūja ōllan əjə̄dụ, əməwụwki seraŋja ılıwussalıwkı — tarā əjə̄nmụsiniwki. Alвaran ḍūja ōḍamī, upkatwa sēraŋılwa manaran. Əsīlə̄ sụrụrən orordulāwı, əmərən dawalātın, gụ̄llən: „Kə! lukkallə untalwar“. Oror əwkil ēmātjə gụ̄nə. Nuŋan gēwran gụ̄nən orortıkī: „Lukallu untalwar“. Tə̄li Cərə gārạn purtawı, kərən higilimmān ōsalwatin. Awadıŋıja ōsajān higrən, tarī вụwki oron. Tụwi upkatwa təpụrən ororwo, Iwul əmədələ̄n. Iwul əjə̄nən Cərə dawalān, hanŋūktallan: „īri-kə ḍū ōnnı-wu, əcə̄s-wu?“ — „Bi alвam ḍūja ōḍamī“. — „īri-kə oror?“ — „Bi orortıkī gụ̄lcə̄w: lukkalla untalwar! dagiscallap вargıdātkī вırawa, nuŋartın əcə̄tin luksa untalwar. Bi kəcə̄w higimmān untalwatın, nuŋartın kərə вụrərụmmān“. — „Si Cərə ēkun moŋnon вisinni, ēmātjə əcə̄s sārə! Okın oror untalwar lukıwkıl? okın-mal əwkil luksa. Bi sinṇụn ətə̄m вiḍərə, sụrụḍəlim gorotkī“. Cərə ororwo ḍāpcāllan, tādu ụrindu əmə̄nən.

Мать за гнилушками пошла. Ивуль сказал Чоро: „Ты, Чоро, ребра принеси, я бересту сварю“. Чоро сказал: „Ну (я) пойду“. — „Ты, Чоро, возьми ружье. что увидишь, то стреляй“.

Чоро ушел, взял с собою ружье. Шел лесом, увидал—что-то двигается около пенька; он ружье с плеча взял в руки, стал нацеливаться, выстрелил. Пошел поближе, пришел, увидел — мать убил. Он мать ободрал, ребра ее взял, понес домой. Пришел домой, брат лодку шьет. Подошел поближе, ребра бросил около брата.

Посмотрел брат, узнал мать убитую, сказал младшему: „Зачем ты убил мать?“ — „Ты сказал мне: что увидишь, то стреляй! Вот я увидел (и) выстрелил“ — „Ты без ума, какой дурак“. Так его ругал за мать. Они едва-едва сделали лодку.

Они придумали кочевать на другое стойбище. Ивуль сказал Чоро: „Ты, Чоро, с оленями перейди по дороге через мыс, я в лодке погребусь“. Ивуль сказал: „Ты перейдешь раньше, там построй юрту около течения (реки)“. — „Ну, до прихода твоего я юрту построю“.

Ивуль согласился: „Ну, если сделаешь до моего прихода, дом будет“. — „Сделаю!“. Они ушли на другое стойбище. Ивуль в лодке поплыл. Чоро на оленях пошел через мыс. Чоро пересек мыс, пришел на стойбище, стал строить юрту на течении, приносил жерди, пробовал ставить — те уносило течением. Не мог построить юрту, все жерди кончил. Пошел тогда к оленям, сказал: „Ну! снимайте унты“. Олени ничего не могли сказать. Он вторично сказал оленям: „Снимайте же унты“. Тогда Чоро взял нож, стал обдирать камысы. У которого обдерет камысы, тот олень упадет. Так, до прихода Ивуля задавил всех оленей. Ивуль подплыл к Чоро, спросил: „Где же дом? сделал или нет?“ — „Я не мог сделать“. „Где же олени?“ — „Я оленям сказал: снимайте унты, перейдем на другой берег! Они не сняли унтов. Я ободрал унты, они упали“. — „Ты, Чоро, какой дурак, ничего не знаешь. Когда олени унты снимают? Никогда же не снимают. Я с тобой не стану жить, уйду далеко“. Чоро оленей есть стал, там на стойбище остался.

A. Kambagir. Ŋəkənnə

87. Dulubun

ụmụkən ilə bicən nəkụ̄cī, bicən akīnīn ụmụkənmə. talumawa ḍawwa ōlcā, nəkụ̄nmi gụ̄cə: „Gələktəkəlniŋtəlikəl, ḍawwar ōwdāwər".

Nəkụ̄nin hụrụcə gələktəlcə. Tar ilə ahīn, hụtəlīn ilan bicətin. Nəkụ̄nin bicən dulubun. Akīnīn alatcawkı, nəkụ̄nin dolbotono əmərən. Tarīŋın ugacakākur kuŋākār niŋtilbətin əməwrən. Akīnīn gụ̄cə: „ēkunduk bakannı kuŋākār halgarbatın? Bi gụ̄cəw-gụ hindụ kuŋākār niŋtilbətin gənnəkəl?" — „Bi ewa hānni?" Akīnīn, wātcā mānŋwi nəkụ̄nmi. Nuŋan ılalcacā pəktirəwụnmi, gamalcacā, nuŋanmān pəktirəcə, wācā tarīŋnı.

N. Kaplin. Ņorboko

88. Ụlək ilə bicə

ụlək gụ̄lcə ahītkīji: „Cannıkpı hiɣəkəl!" Tar hiɣəkākəjim, ụlək ahīji wācā. Hōŋnōscō hēktakānə, əməwcə hēktawa, ahīji ıdakalcā, tarīŋın ilcā. ụlək tar hēktakānŋıji bụ̄cilcə haldatıldu, haldatıl gācāl. Tar haldatıl ahālwər təpụcāl, tāduk ıdakalcāl təpụnəlwər ahālwər. Tarīŋıtın əwkil arura. Jopocāl tukaladu.

ụlək məŋụnilwi gānalwi ulutakāndu nātcə mō daɣacāndun, garpacīlcā. Garparakın, bụrụwkil məŋụr. Bụ̄wki tarīŋılwı haldatıldu. Haldatıl ụnəjəcāl bərilwən. Garpacılcāl, albacāl bụrụtcəmī məŋụrə. Tıkulcāl haldatıl ụlākit. Dicāl macālə hụkitəliwı ụlākwə. Haldatıl hụrụcāl ḍūldulāwər.

Macāləlā əməcə ilə, ụlək gụ̄cə: „jụ̄pkəl minā". Ədụk jụ̄wcə ilənjin. ụlək gụ̄cə ilətkī: „Macālə hụkitədun məŋụnmə nācəw". Ugduscā ilə macālə hụkitəlāw. ụlək gācā iləmə murınmān, hụktiwụscə tar ilə ahīlān. ụlək ahīlāran ahīwān. Haldatıl əməcāl əjicāl

---

A. Камбагир. Нгоконно

87. Глупец

Один тунгус был с младшим братом, был старший брат. Одну берестянку стали делать, младшему сказал: „Принеси корней, лодку сшивать".

Младший пошел искать. У того тунгуса была жена, трое детей было. Младший брат его был глупец. Старший ждал, младший пришел вечером. Тот принес кости (пяток маленьких) детей. Старший брат сказал: „Где нашел ноги детей? Я разве говорил, принеси пятки детей?" — „Я что знаю?" Старший брат убил своего младшего брата. Он быстро поставил ружье, быстро выстрелил, убил того. (пятка — niŋti, корень niŋtə).

Н. Каплин. Ербогочон

88. Лживый человек был.

Лгун сказал своей жене: „Повесь чайник!" Когда та повесила, лгун убил жену. Срубил талинку, принес талинку, жену стал бить, та встала. Лгун ту талинку продал солдатам, солдаты взяли. Те солдаты убили жен своих, потом стали бить убитых жен. Те не ожили. Зарыли в землю.

Лгун полученные деньги положил на берегу под корень пенька, стал стрелять. Когда выстрелил, деньги выпали. Дал тот (лук) солдатам. Солдаты купили лук его. Стреляли, стреляли, деньги не могли выпасть. Рассердились солдаты на лгуна. Сунули лгуна в брюхо коровы. Солдаты ушли домой.

К корове подошел человек, лгун сказал: „Выпусти меня". Выпустил отсюда человек. Лгун сказал человеку: „В брюхо коровы деньги (я) положил". Влез человек в брюхо коровы. Лгун взял коня человека, ускакал к жене того человека. Лгун женился на жене его. Солдаты пришли, утопили

macāləwa. Tāduk ɥlək gʉ̄nən haldatıldu: „Bi mʉ̄ muhundukin ahīwa gācāw". ɥlək təpucə̄ macāləlwə, hukitəldutin nətcə̄ haldatılwa, ɥllilcə̄ nuŋarwatın. Tugī ɥlək əjitcən mʉ̄dʉ haldatılwa bʉ̄cələtin.

N. Ŋanagır. Olokno

89. Atırkācān

ɥmukən hunāḍicī, ɥmukən hutəcī, murının kulıncıkācī, atırkacān biḍəcə̄. Murınīn bucə̄, kulıncīkānīn əmānmucə. ɥmukən bəjə əməcə̄: „Kulıncīkānmą əməwkąl!" guniwki. „Bi ətąm bʉ̄rə kulıncīkānma". Nuŋan, əməksək, hurucə. Ilan turganīja ānŋatcāl, digīlą̄wi əməcə̄ nānə bəjə. „Kulıncīkānmą əməwkąl", gʉ̄cə. „Ətąm bʉ̄rə" gʉ̄cə. „ēda? bagdarın caŋankān kulıncīkānmą gəlą̄ḍirān; bʉ̄rəksun-məl, əhəksun-məl, gāḍąŋāw", gundirān: „kulıncıkānmą aja biŋəhiwər bʉ̄kəllu". Hunāḍīn guniwki: „Bʉ̄ɣąr!" Atırkacān ənī əwki bʉ̄glərə. Bəjə mucuḍahıcā, ḍʉ̄lląja ānŋatcāl, ilīpcā əməcə̄ bəjə. Tar əməcə̄ gʉ̄cān: „Bʉ̄kəl-wəl, əkəl-wəl, bi gāḍąŋāw". Hunāḍīn: „Bʉ̄ɣąr!" gʉ̄cā. Atırkacān mulacā. „Bʉ̄kąllu-wəl, əkəllu-wəl, bagdarın caŋankān gawkānąn". Hunādīn bʉ̄cā, uɣırpcāl kulıncīkānma, əlgəḍəhicą.

Ḍaldulāwı ıssa, ḍalīn gʉ̄cə̄l: „Atırkacān eda soŋopco oḍərəs?" — „ekuna kāḍəgąn kulıkān?" Gʉ̄cə̄ ɥmukəntin tikə̄. Kulıncīkan gʉ̄cā: „ēda minə gaduhıḍeras? bi ıssagaw ilə̄-də̄ dunna icącāli". Sələməjə tolgokīja, sələməjə homutja, sələməjə luɣaja kəlutcā. Tāduk ukcāl, sērgadu ukcāl. Kətəkəkur binəl bəjəl, ukcāl tolgokīdu. Ələ gʉ̄cə̄ bagdarın caŋankān: „Dunnə nāmilin nāmirəkəl, buɣa cacalın cacarıkəl!" Murın kulıncīkān huktilcā. Ahullaja-wal əcə̄l ŋənərə, muɣdəkəcərdu hakırbatın ŋēwarbatın lokotcō. Upkat bucə̄l, sələməwə tolgokīwə jawırgacā, əlgəjəwi uruwḍacə̄. ɥmukən bəjə cukawa kadıḍacə̄, murın huktiktəḍərīwąn icətcə̄. Murına ācındī ələ əmərən mənəkitpi. Kulıncīkān gʉ̄nən: „Minəwə əkəl ḍawalāttə, bagdarın caŋankān hoktodu ŋənəḍəm. On-dā gʉ̄kəl: kəgəldʉ̄s kəgəl ōḍəŋāw, ırgıdus ırgı ōḍəŋāw". Murınma laŋgalımmēn, nuŋanmān tādu ŋēwarbān, hakırbān lokotcō.

корову. Тогда лгун сказал солдатам: „Я жену взял от хозяина (духа) воды". Лгун убил коров, в брюха их положил солдат, зашил их. Так лгун утопил в воде солдат до смерти.

Н. Нганагир. Олекма

89. Старушка

Жила одна старушка с дочкой, с сыном, с кобылой, у кобылы был жеребенок. Кобыла умерла, жеребенок остался. Пришел один человек: „Жеребенка отдай!" говорит. „Я не дам жеребенка". Он (как) пришел, (так и) ушел. Три дня продневали, на четвертый опять пришел человек: „Жеребенка отдай" сказал. „Не дам", сказала. „Почему? белый царь просит жеребенка; дадите или не дадите, возьму, говорит, жеребенка хорошего дайте". Дочь говорит: „Отдадим!" Старуха-мать не желает дать. Человек вернулся, десять дней прожили, в третий раз приходит человек. Пришел тот, сказал: „Дашь ли, нет ли, я возьму". Дочь сказала: „Отдадим". Старуха жалела. „Дадите ли, не дадите, белый царь заставит взять". Дочь отдала, привязали жеребенка, увел.

Пришли к соседям, соседи сказали: „Чего, старушка, плачешь?" — „Что сделается с жеребенком?" сказал один из них. Жеребенок сказал: „Зачем меня берете? я дойду до какой-нибудь земли, увижу". В железные санки в железный хомут, в железную дугу запрягли. Потом сели, в санки сели. Много людей было, сели в санки. Теперь сказал белый царь: „Через землю поезжай, краем объезжай!" Конь-жеребенок побежал. Не прошло несколько дней, на пеньках развешал их печени, их сердца (разбил). Все умерли, железные санки сломал, упряжь (с оглоблями) таскал. Один мужик траву косил, увидал бегущего коня. Конь без всего, только сам идет. Жеребец сказал: „Меня не лови, к белому царю по дороге иду. Так скажи: „На гриве твоей гриву сделаю, на хвосте твоем хвост сделаю". Стал ловить коня, там же его сердце, печень повесил (убил).

N. Kaplın. Ņorв

90. On ụlə̄kitcə̄n ụmụkə̄n вəjə.

Umnə̄ ụmụkə̄n вəjə əməcə̄n ụγəđərī́ldulə̄. ụhəḍərī́l gụllə: „Əcə̄s-γụ hamān вirə, həγəncəkəl mụnə“.—Həγəncəḍəm-də əḍəŋnən ajiwra—wāptınạ ācın!“ ụhəḍərīl həγəncəwkə̄llə, oronmo wākānımīl. Hamānŋıtın ətərən həγəncəḍəmī, gụ̄nən: „Ilallalı ajıwgaradās“.

Hamānŋıtın təəmiktəḍī́n hụrụllən. ụγəḍəwkil вụ̄rə ụmụkə̄nmə oronmo, tətiγəllən nuŋandun. Hamanŋıtın, oronduji uγucaḍana, ıstan ḍūlāji, hōkacıllan ụlə̄kkinətpi ilə̄lwə, hamān ōna.

P. Putugır. Ņorвoko

91. Ụmụkə̄n culluwkı[1] mụdụrə̄n

Jəγin haldatıl вicə̄l, mụdụrə̄n вicə̄n. Cụllụwki ōran jəγinmə вəril, jəγinmə lukīl. Haldatılın əmərə mụdụrə̄ndụlạ̄. Gụ̄nən mụdụrə̄n: „Bərilвi, nī-wạl gāmmulākın, вụ̄mcə̄w ŋamaḍıdu aruwlıl“. Haldatılın gụ̄nə: „ēda aja вər, lukī“. Mụdụrə̄n gụ̄nən: „Ərgəcin вər aja вiŋnərən, hu, gāmī, tə̄liŋnə вajḍıŋāhun. Bi вajcāw вərilḍī́ji“. Mụdụrə̄n nə̄tcə̄ jəγindu irəktəl məŋụrwə, jopocō. Mụdụrə̄n haldatılın gụ̄nə: „Bərilвə əməwkəl“. Mụdụrə̄n вụ̄rən, gụ̄nən: „icətkə̄llə“. Haldatılın icəcillə. Mụdụrə̄n garparan irəktəwə daγacāndulı, lukīn lupurarān. Mụdụrə̄n gụ̄nən: „Icətkəllə ụ̄lạ̄lḍạlım“, ūlāllạn məŋụrwə. Məŋụn вiksənmə̄n вakaran. Haldatılın gụ̄nə: „Əhilə̄ aja-da!“

Ḍūlāwər hụrụrə, ḍūwar ista. Cajtırə, ahālduwər gụ̄nə, ajalwa вərilwə gādawər. Cajtıkānımıl, hụrụrə, garpatnāhınạ. Hēkīlwa garpatta, garpatta, ụ̄lạ̄llə, ụ̄lạ̄llə, əcə̄l вakara. Gụ̄nə: „Mụdụrə̄n ụjə̄kkiḍəkin, ēkun ərgəcin; ēlaha-wal вakaḍıŋāltı nuŋanmān“.

Н. Каплин. Ербогочон

90. Как обманул один мужчина

Однажды один мужчина пришел к больным. Больные сказали: „Не шаман ли (ты), пошамань нам“.—„Пошаманил бы, да не поправлю—нет жертвы!“ Больные заставили шаманить, оленя заставили убить. Шаман кончил шаманить, сказал: „Через три дня поправитесь“.

Шаман на утро ушел. Больные дали ему одного оленя, одежду. Шаман, на олене ехавши, доехал до дома, хвастался, (что) обманул людей, ставши шаманом.

П. Путугир. Ербогочон

91. Один болтун хитрец

Было десять солдат (и) хитрец был (один). Якут (болтун) сделал девять луков, девять стрел. Солдаты пришли к хитрецу. Хитрец сказал: „Если кто-нибудь хочет взять луки, отдал бы за сотню рублей“. Солдаты сказали: „Разве хорошие лук, стрела?“—Хитрец сказал: „Такой лук хороший бывает, вы, купивши, сразу разбогатеете. Я разбогател от луков своих“. Хитрец положил в девять лиственниц деньги, закопал. Солдаты хитрецу сказали: „Дай луки“. Хитрец сказал: „Посмотрите“. Солдаты стали смотреть. Хитрец выстрелил около лиственницы, стрела взлетела. Хитрец сказал: „Посмотрите, стану копать“, выкопал деньги. Клад нашел. Солдаты сказали: „Теперь хорош!“

Домой ушли, дошли до дома. Пили чай, женам говорили, что взяли хорошие луки. Попивши чаю, ушли, пошли стрелять. Стреляли, стреляли в лиственницы, копали, копали, не нашли. Сказали: „Хитрец обманул, такой сякой! когда-нибудь встретим его“.

---

[1] Culluwki — прозвище, которое ербогоченские эвенки дают якутам.

I. Lontogir. Nēpa

92. Ətirkə̄n, atırkān

ụmnə̄kə̄n вiḍəcə̄tin ətirkə̄n, atırkan. Nuŋartın вiḍəcə̄tin ụmụkə̄ndụ ḍūdu. Nuŋartın əŋkitin ēja-dā ōra.

ụmnə̄kə̄n ətirkə̄n gụ̄nən atırkāntıkī: „Si mindụ̄ tilə̄kəl kụmkələ dıldulıw". Atırkān gụ̄nən: „Kə! tilə̄ktə! Hụkələ̄skəl tırūduw". Atırkān tilə̄llən, alвaran ēja-da вakamī, gụ̄nən: „Sinŋidụ dıldus kətəməwə ṇaŋṇa, upkatwa ŋālạlwı ṇaŋṇam. Si mindụ tilə̄kəl!"—„Kə! hụkələ̄skəl". Ətirkə̄n atırkāndu dıldun tilə̄llən, вakaran ḍụ̄rwə kụmkəl, gụ̄nən: „Sindụ вisi kụmkəl". Tar jeŋillen, вakaran ılīwa, tar upkattuk həgdimər. Ətirkə̄n gūnən: „Nuŋanmān ụllilwə̄t; вaldırakın, kəḍəŋə̄p wāmmən, tə̄li miti siləwkə̄cīl ōḍaŋāp". Atırkān gụ̄nən: „ụllilwə̄t, nuŋandun ōwāt ḍūjān, tādu nuŋanmạ̄n, ụlliliŋnəp".

Kərə nuŋandun ḍūjan ōmmen, ụllillə, nuŋan ānŋəttən. Təγəmī ətirkə̄n icəcillən, nuŋan вaldıcā həgdiməmə. Ətirkə̄n tuwsasīnan ḍūlāwı, gụ̄nə̄sinən atırkāntıkīwı. „Mitki macāləp вaldıran, nuŋanmān wāwāt", gụ̄nən. Tuwsaran ətirkə̄n, urısınan purtawı, kərən gıdalāmmən macāləwə. Hiγillə, hiγrə nuŋanmān. Ətirkə̄n gụ̄llən atırkāntıkīwı: „Kə! ụlləwə uwawāculkạl ḍūlāwər". Uwawattə. Ətirkə̄n gụ̄nən: „Si ımālkəl ḍūwar". Atırkān imārən ḍūwa ụrkətəjwə̄n, gụ̄nən: „Bi-kə əsīlə̄ īli īḍəlim?" —„Bi sintikī gụ̄cə̄w īdə̄s". Atırkān ılıtsan, ılıtsan, kərən sụrụrən вırajawə solokī. Atırkān ŋənərən gorowo, icərən awsa cụŋụrkə̄tcərən. Nuŋan kərən tar awsawa sụkətwi təktəsinimmān, tādu ḍalum umar. Tarā gārạn umarwa, kərən sụrụmmān ḍūlāwı. Nuŋan ıstan ḍūwı. Tụktirən, ḍū ojolōn, icəcillən, ətirkə̄nmi icərən. Nuŋan macāləwı ḍəwcə̄. Atırkān kərən вụrimmān umanma. Ətirkə̄n gāncaran, ḍəpsən, gụllən: „Həncəkl hata mindu вụ̄kəl!" Atırkān hata вụrirən. Ətirkə̄n icəcillən ə̄duk вụrụmḍərən, tāγrən atırkānmı. Ətirkə̄n gụ̄nən: „Si mindụ nikəl ụrkəwə". Atırkān niwrən ụrkəwə. Tar вillə, əsīlə̄ ətərə ənilḍəmī, hawalīlla ajat.

И. Лонтогир. Непа

92. Старик, старуха

Однажды жили старик, старуха. Они жили в одной юрте. Они ничего не делали.

Однажды старик говорит старухе: „Ты поищи мне вшей в голове". Старуха сказала: „Ну! поищу, ложись на подушку". Старуха стала искать вшей, не могла ничего найти, сказала: „В твоей голове много грязи, все руки замазала. Ты мне поищи!" — „Ну! ложись". Старик стал искать в голове старухи, нашел две вши, сказал: „У тебя есть вши". Стал искать, нашел третью, эта больше всех. Старик сказал: „Покормим ее, когда вырастет, убьем, тогда мы со щербой (с супом) будем". Старуха сказала: „Покормим, сделаем ей дом, там ее кормить станем".

Стали ей делать домик, стали кормить, она ночевала. Утром старик посмотрел, она выросла большая. Старик побежал домой, пошел сказать старухе. „Наша корова выросла, убьем ее", сказал. Побежал старик, выдернул нож, заколол корову. Стали обдирать, ободрали ее. Старик сказал старухе: „Ну! таскай скорее мясо домой". Перетащили. Старик сказал: „Ты зарой снегом юрту". Старуха зарыла юрту (и) дверь, сказала: „Я-то теперь где войду?" — „Я тебе говорил, чтобы вошла". Старуха стояла, стояла, ушла вверх по реке. Старуха долго шла, увидела—горновик катится. Она начала рубить топором тот горновик (берестяная коробка), там полно костного мозга. Взяла тот мозг, пошла домой. Она дошла до дому. Влезла на верх юрты, посмотрела, старика увидала. Он корову (уже) съел. Старуха уронила мозг. Старик быстро схватил, съел, сказал: „Бог, дай мне еще!" Старуха еще уронила. Старик посмотрел откуда падает, узнал старуху. Старик сказал: „Ты мне открой дверь. Старуха открыла дверь. Так стали жить, теперь перестали лениться, работать хорошо стали".

A. Kamвagır. Ŋəkə̄nnə

93. Baj

u̧tə̄lə̄ əmu̧kə̄n вajıkākun ilə вicə̄, əmu̧kə̄n hawamnīn вicə̄. Tar ilə nəlkinīdu tu̧ktihicə̄n u̧rəldulə̄, tar hawamnīn, gırkutcana, hoktolın ŋənəḍəwki. Baj hawamnīwa əpki u̧llirə, hawamnīwı gu̧niwki: „ēdawı alвaḍannı kaŋkıt gırkuḍamī?“ Tar вaj hawamnīwı təktəwki. Hawamnīn hōmamat ḍalaŋəlcā, amakān вu̧ḍəŋə̄. Hōmamat tıkulcā hawamnī, dolвo ḍaldatcawkı, tar вajŋı wādāwı. Hawamnī u̧mnə̄ dolвo hu̧kəwə gacā, dolвorokın, təktəhicə̄ dılın, hərəkət hu̧ru̧knənin. Ahīn ḍulakın tuksahıcā tu̧līskī, ədīwə̄n wārakın. Hawamnī tar ahīḍīn ahītālcā.

A. Kamвagır. Ŋəkə̄nnə

94. Ahātkān, amākā

u̧tə̄lə̄ u̧mu̧kə̄n ilə hunāḍīnan u̧rəldu gırkuktalcāl, nu̧lgiktəmət ororḍī. Tar ahātkān amīnīn gırkuktalcā, hunaḍīn guluwunduwı əmə̄nmu̧cə̄. Ahātkān amīnmı alatcawkı dolвonīwa, amīnīn ācın. Dolвoknonın alatcawkı; dolвo, hoŋoḍono, təgətcəwki. Biḍərəkin, guluwunīn вargıdādun amākā ılıtcaran. Amākā alamaḍawkı, ōn ōrīwān upkatpan alamaḍawkı. Ahātkān toγowo gacā, amākāŋın tugı toγowo gacā. Ahātkān toγowo dılduwı lamвaracā, amākā tuγı ōcā. Tar toγo dıldun вadaralcā; amakaŋın dīŋnilə̄hıkə̄cə̄n, orēḍana. Tu̧k-də̄ hu̧ru̧rən. Ahātkān amīnīn əmərən guluwundulāwı, nuŋan wācā ələ u̧mu̧kə̄n mōtīwa.

A. Kamвagır. Ŋəkə̄nnə

95. On вəjə amākāwa u̧lə̄kitcə̄n

Ilə, gırkuḍaṅa, icərən u̧mu̧kə̄n amākāwa āmutkāndu gırkuḍarīwə. Tar ilə ṇurmahıcā tar amākāŋı. Tarıŋı ṇurmana, pəktirə̄cə̄, tarıŋı gəjəwu̧niscə̄. Amākāŋın nuŋandulān diŋnilə̄cə̄. Tar ilə nawtaracā du̧nnələ̄. Amākāŋın tirəcə̄ tar iləwə. Ilə həku̧-

---

А. Камбагир. Нгоконно

93. Богач

Давно один богатый человек был, один работник его был. Тот человек весною пошел в горы, тот работник, едва идя, по дороге его шел. Богач не кормил работника, работнику говорил: „Почему не можешь итти скорее?“ Богач бил работника. Работник сильно похудел, скоро помрет.

Сильно рассердился работник, ночью придумал убить того богача. Работник однажды ночью топор взял, когда стемнело (наступила ночь), отрубил голову его, в сторону покатилась. Жена его голая выскочила вон, когда мужа убил. Работник на той жене его женился.

А. Камбагир. Нгоконно

94. Девочка, медведь

Давно один человек с девочкою бродили в горной тайге, кочуя на оленях. Отец той девочки ушел, дочку у костра оставил. Девочка ждала отца ночь, отца нет. До ночи ждала; ночью, плача, сидела. Когда сидела, видит—за костром стоит медведь. Медведь передразнивал, как делала она, все передразнивал. Девочка огонь взяла, медведь тоже огонь взял. Девочка огонь к голове приложила, медведь то же сделал. Огонь голову его зажег; медведь убежал, крича. Так (и) ушел. Отец девочки пришел к костру. Он убил только одного лося.

А. Камбагир. Нгоконно

95. Как мужик медведя обманул

Человек, бродя, увидел одного медведя, по озерку шедшего. Тот человек подкрался к медведю. Подкравшись к тому, выстрелил, ранил того. Медведь на него побежал. Человек тот упал ничком на землю. Медведь придавил того человека.

lə̄tcə wkı əwki ərīmə̄tirə. Amākāŋın icətcəwki ərīhinəwə̄n, ətəjə̄tcəwki tar iləwə dolbo nīwa. Tırucəcə̄, tar ilə həkụlə̄ḍəwki, ənə huŋnahına. Amākā hụrụrən. Tar ilə ılcā hụrụcə̄.

Aw. Putugır. Ŋəkə̄nnə

96. On вəjə amākānun tụγəḍəcə̄n

ụmụkə̄n вəjə вolonīdu ḍūkcādukkı gırkuktallan. Gırkuktaḍarakın, udullan, palıllan, ekun-da ətərən icəwḍəmī. Palıkākun ōdan. Bəjə, ŋənəḍənə, icərən awdumıwa. Awdumıdu ugduhıncallan, palı iltəndələ̄n. Pəktirə̄wụnmi ụrkədụn lokoron mōdu, mə̄nin gorokōkunmə hata ugduhıncaran. Awdunduwı ekun-da əwki icəwrə. Ugduhıncaḍarākın, amākā īllən tar awdundulā. Bəjə ŋə̄ləllən, ənə humnara hụkələ̄hinən. Amākā ŋəwdilə̄rən tar вəjəwə, maluduwı nə̄rən. Bəjə hụkələ̄ḍənə, ḍaldācā: „Bi jū̄rəkiw, ərụpcụ ōdan, ajat əktə jū̄rə“.

Hụkələ̄ḍənə, tar вəjə ḍəmmụllən hōmamat, ḍaldācā: „ēda cīwḍawki hagdıkīwı, hagdıkīwān вi-də cīwukta“. Amākā hagdıkīwān cīwran, cīwkājim itiki-wəl ajiwrīgacın ōran. Amākā jū̄rən tụliskī, вəjə ŋān tụliskī jū̄rən. Jū̄kə̄jim, icəttən—ŋəŋŋənī ōcā. Hiləkə̄cā ḍapkanŋāldu. Amākāŋın hụrụrən ḍapkanŋālı hiləkə̄nŋəli hụrụrən. Bəjə pəktirə̄wū̄nmi garan, hiləkə̄nŋəli hụrụrən. Ŋənəḍənə, kolōmkalwı, вərilwətin təktəḍənə, hụrụrən „gırkīw taγaḍan“ gū̄nə. Bəjə ŋənəkīttulə̄wi hụrụrən, ḍalīn ŋənəkittuwi вiḍərə. Bəjə ḍalwı вakaran, ḍūlā īrən, ahīn əcə̄ taŋmatıra. Bəjə mə̄nin ụlgụcə̄llən ahītkīwı: „Bi amākānun tụγəḍəcə̄w“.

A. Kamвagir. Ŋəkə̄nnə

97. Ulta

ụmụkə̄n ilə dulвun вicə̄n. ụmnə̄ gırkuktalcā. Gırkuḍana, ḍūwı hokorron. Upkat dolвonīwa gırkunkātcā, koloвoŋkōrwı upkatpān manacā. Gırkuḍana, jə̄kəlcə̄. Jə̄kərəkın, ụrəlḍụlə̄ ultacā jə̄kənīn. Tartıkī tuksahıcā, tālā tuksacā, jə̄kəcə̄ ŋān, ultacā, ŋān, amaskīwı tuksahıcā. Tarā hata tuksaktaḍacā nadallawa, aran вakacā, ḍūwı.

Человек лежит, не дышит. Медведь смотрел дыхание его, караулил человека ночь. Понажал, человек тот лежит, не шевелясь. Медведь ушел. Человек то встал, ушел.

Ав. Путугир. Нгоконно

96. Как мужик с медведем зимовал

Один мужик осенью пошел из дома. Пока ходил, ветер задул, слякоть пошла, ничего не стало видно. Большая слякоть стала. Мужик, идя, увидал старую берлогу. В берлогу влез, до того, как слякоть перейдет. Ружье повесил на дерево у входа, сам еще долго лез. В берлоге ничего не видно. Когда влезал, медведь вошел в ту берлогу. Мужик испугался, не двигаясь, лег. Медведь обнюхал того мужика, на главное место положил. Мужик, лежа, думал: „Если я выйду, худо будет, лучше не выйду“.

Лежа, тот мужик проголодался сильно, подумал: „Почему сосет лапу, пососу-ка я пятку его“. Медведя лапу пососал; пососавши, как будто сыт стал. Медведь вышел вон, мужик тоже вышел вон. Выйдя, увидел — весна стала. Проталинки образовались на берегах. Медведь пошел по берегу, по проталинке пошел. Мужик ружье взял, по проталинке пошел. Идя, кулемки, самострелы ломая, ушел, „товарищ попадется“ (о медведе) говоря. Мужик пошел к месту, где ходил, на этом месте сородичи живут. Мужик сородичей встретил, в дом вошел, жена его не узнала. Мужик сам рассказал жене: „Я с медведем зимовал“.

А. Камбагир. Нгоконно

97. Эхо

Один человек глупый был. Однажды бродил. Бродя, потерял дом. Всю ночь ходил, хлеб весь кончил. Ходя, крикнул. Когда крикнул, крик в горах раздался. Туда побежал, туда прибежал, опять крикнул, раздалось опять, обратно побежал. Таким образом бегал семь дней, едва нашел дом.

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ. ЗАГАДКИ

L. Kımā. Cirəmвu̯

98. Cinəkə̄

„Cinəkə̄ olвoşkōtnōgōt!“ — „Ətə̄m əjə̄d̥əp!“ — „Oroktolduk d̥awad̥ap!“—„Ŋālalt' mild̥əp!“—„Kokold'od̥op!“—„Kokold'oltı uld'apcurə“. — „Olgīd̥ap“. — „Kētād̥ərə!“— „Maŋıd̥ap!“ — „təpu̯rgəd̥ərə“. — „inmət şaŋānad̥əp!“ — „inmə mu̯ku̯rgəd̥an“.—„irəgəc iru̯d̥əp“.—„Irəgəjə jāləpcə̄n“.—„Təktəŋkət təktəd̥əp!“—„īr-kə təktəŋkä?“—„Inməktu“. —„Ir-kə inmək?“ — „nə̄ku̯du̯“—īr-kə nə̄ku̯?“—„Togo d̥əpcə̄n.“—īr-kə togo?“—„u̯du̯n şicə̄“. — „Ir-kə u̯du̯n?“ — „Ŋəpku̯ptu̯n ŋəpcu̯cə̄“. — „Ir-kə nəpku̯ptu̯n?“ — „Tar-wa-wəl əwəd̥ə̄kin hījilad̥arān“.

N. Kaplın. Ŋorвokō

99. Pereden

Pereden ilə hu̯ru̯cə̄n u̯kinə̄scənə. u̯kikə̄jim, u̯kidu̯wi təγətcəcə̄n Pereden. Uŋaŋan garparan Peredene, təγətcərəkin. Pereden u̯kilə̄wi вu̯ru̯cə̄. Uŋaŋan, tar wākōjim, hu̯ru̯rən. Tar ŋənəd̥ənə, вakacā mōtīwa. „ēja d̥əwu̯ŋnənni?“—„Hēktakānə d̥əpiŋnə̄m“. Uŋaŋan gū̯cə̄: „Baldıdukwı вaldıd̥akal!“ Uŋaŋan hu̯ru̯rən, gələ̄ktənə̄hicə̄ amākāl. Bakacā amākāwə „ēja d̥əpiŋnənni, amākā?“—„Hiŋərə̄kə̄cə̄rə d̥əpiŋnə̄m, mōtīla d̥əpiŋnə̄m, iriktəkə̄rə d̥əpiŋnəm“. Uŋaŋan hu̯ru̯rən, gələ̄ktənə̄hicə̄ irgicījə. Bakacā irgicīwə: „ēja d̥əpiŋnənni, irgicī?“ — „d̥əpiŋnəm orokōro, iləkə̄rə, ŋınakıra“.—„Baldıdukkı вaldıd̥akal“. Uŋaŋan hu̯ru̯rən, gələ̄ktənə̄hicə̄ horokīwa. Bakaca horokīwa; „ēja d̥əpiŋnənni?“ —„d̥iktəjə d̥əpiŋnəm“.—„Baldıdukwı вaldıd̥akal!“ Uŋaŋan hu̯ru̯cə̄, hulakīwa gələ̄ktə-

---

Ш. Кима. Чиромбу

98. Чиноко [1]

„Чиноко, пойдем купаться!“ — „Нет, утонем!“ — „За траву захватимся!“ — „Руки порежем!“ — „Рукавицы наденем!“ — „Рукавицы промочим“. — „Высушим“. — „Засушим“. — „Разомнем“. — „Сломаются“. — „Иглой заштопаем!“ — „Игла тупая“. — „Напильником поточим“. — „Напильник затуплен“. — „Стамеской выдолбим“. — „Где стамеска?“ — „В торсуке“. — „Где торсук?“ — „На лабазе“. — „Где лабаз?“ — „Огонь съел“. — „Где огонь?“ — „Ветер затушил“. — „Где ветер?“ — „Водяной выпил“. — „Где водяной?“ — „Вон там едва виднеется“.

Н. Каплин. Ербогочен

99. Пэрэдэн

Эвенки Пэрэдэн ушел морду ставить. Морду сделавши, сидел у морды Пэрэдэн. Уянган выстрелил в Пэрэдэна, когда он сидел. Пэрэдэн упал в морду. Унянган, убивши его, ушел. Идя, встретил лося. „Что ешь?“ — „Талинки, ем“ Унянган сказал: „От рождения расти (расти большой)!“ Унянган ушел, пошел искать медведей. Встретил медведя. „Что ешь, медведь?“ — „Мышей ем, лосей ем, муравьев ем“. Унянган ушел, пошел искать волка. Встретил волка: „Что ешь, волк?“ — „Ем оленчиков, людишек, собак“.—„От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать тетерева. Нашел тетерева. „Что ешь?“ — „Ягоды ем“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, лисицу пошел искать,

[1] Чиноко — маленькая свистящая птичка похожая на кедровку. Здесь передан разговор двух птичек, живущих на главной шаманской реке, чиноко и клейстика.

nəhicə̄, вakacā hulakīwa. „Hulakī, ēja ḍəpiŋnənni?“—„Munnukārə, hiŋərə̄kə̄rə ḍəpiŋ nə̄m“.—Baldıdukwı вaldıḍakal“, gū̄nən Uṇaŋan, hụrụrən. Ba karan hēlakīcānmə, „ēja ḍəpiŋnənni?“ — „Hēktakārwə, ḍiktəkə̄rwə ḍəpiŋnəm“. — „Baldıdukwı вaldıḍakal“. Uṇaŋan hụrụcə̄, gələ̄ktənə̄hicə̄ hinụkīcə̄nmə, вakacā hinukīcə̄nmə, „ēja ḍəpiŋnənni?“ —„Hēktakārə, himiktəkə̄rə, kuŋaktala ḍəpiŋnəm“. Uṇaŋan hụrụcə̄, gələ̄ktənə̄hicə̄ iləwə, „ēja ḍəpiŋnənni?“ — „Koloвojo ḍəpiŋnəm“, — „Baldıdukwı вaldıḍakal“, gū̄lcə̄ Uṇaŋan, hụrụcə̄, вakacā murınma; „ēja ḍəpiŋnənni?“ — „Cukaja ḍəpiŋnəm“—„Baldıdukwı вaldıḍakal“. Uṇaŋan hụrụcə̄, gələ̄ktənə̄hicə̄ macāləjə. Bakacā macāləwə, „ə̄ja ḍəpiŋnənni?“—„Oroktojo ḍəpiŋnəm“.—„Baldıdukwı вaldıḍakal“, Uṇaŋan hụrụcə̄, вacaka oronmo, „ēja ḍəpiŋnənni?“—„lawıktala, cukala dəγinŋə̄ktələ ḍəpiŋnəm“.—„Baldıdukw вaldıḍakal“, Uṇaŋan hụrụcə̄, gələ̄ktənə̄hicə̄ ŋınakınma. Bakacā ŋınakınma, „eja ḍəpiŋnənni?“ — „Tərgəksələ, koloвolo, ụlləjə dəpiŋnəm“. — „Baldıdukwı вaldıḍakal“, gū̄nən, Uṇaŋan hụrụrən, gələ̄ktənə̄hinən hekalānmə. Bakacā hekalanmə, „ēja ḍəpiŋnənni?“ — „Ororo ḍəpiŋnəm, hinə ḍəpiŋnəm“. Hekalān ḍəwrən Uṇaŋanma.

H. Salatkina. Ṇorвokó

100. Bəjətkə̄n

Bicə̄n вəjə, ılan asālīn. Biḍəcə̄tin ajat. Bolo вəjə tụktisinən, ụlụmə̄sinən, вəjụmə̄sinən. Sụrụlḍərəkin, umukə̄n asīn gū̄nən: „Bəjə, sī əmədələ̄s, вī ụlliḍəlim sụnəs“. Gē gū̄nən: „Bī ụllidəŋə̄w untalas“. Ilī gū̄nən: „Bī hụtəŋḍə̄ŋəw omolgījas“.

Bəjə вəjụsınən. ụmụkə̄n sụnən ụllirən, gē untala, ılī hụtəŋillən. ụmụkə̄n asī gū̄nən: „Asī ələkəs hụtəŋilmī, ēsalwı ụjiwki“. Tarā ēsalwa ụjirən. Hụtəŋnəkin, hụtəwə̄n nödanārə вıralā, kacıkānmə əməwrə hụtəjə̄n. Bəjə əmərən. Ḍū̄r asāl əməwrə ụllinəwər, ụmụkə̄n əcə̄ əmərə. Bəjə вə̄wə icəsinən. Icərən əcə̄ kuŋakān вirə — kacıkān вiḍərən. Bəjə tıkulıhsa, asī ụmụkə̄nmə̄n ŋäləwān kaputtan, kacıkānmə wārən.

нашел лисицу. „Лисица, что ешь?“ — „Зайцев, мышей ем“. — „От рождения расти“ сказал Унянган, ушел. Встретил куропатку. „Что ешь?“ — „Талинки, ягоды ем“ —„От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать рябчика, нашел рябчика. „Что ешь?“—„Талинки, бруснику, толокнянку ем“. Унянган ушел, пошел искать человека. „Что ешь?“ — „Хлеб ем“. — „От рождения расти“, сказал Унянган, ушел, нашел лошадь. „Что ешь?“ — „Траву ем“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать корову. Нашел корову. „Что ешь?“ — „Траву ем“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, нашел оленя. „Что ешь?“ — „Мох, траву, грибы ем“. — „От рождения расти“. Унянган ушел, пошел искать собаку. Нашел собаку. „Что ешь?“ — „Кожу, хлеб, мясо ем“. — „От рождения расти“, Унянган ушел, пошел искать рысь. Нашел рысь. „Что ешь?“ — „Оленей ем, тебя ем“. Рысь съела Унянгана.

Х. Салаткина. Ербогочен

100. Мальчик

Был мужик, три жены (у него). Жили хорошо. Осенью мужик лазил (ходил по горам), промышлял белку, зверя. Когда собирался уходить, одна жена сказала: „Мужик, до твоего прихода я сошью кафтан твой“. Вторая сказала: „Я сошью унты твои“. Третья сказала: „Я рожу сына твоего“.

Мужик отправился промышлять. Одна кафтан его сшила, другая унты, третья ребенка родила. Одна жена сказала: „Женщина, впервые рожая, глаза завязывает“. Та глаза завязала. Когда родила, ребенка ее пошли бросить в реку, щенка принесли за сына. Мужчина пришел. Две женщины принесли сшитое, одна не пришла. Мужчина, рассердившись, сломал одну руку жены, щенка убил.

Bəjə ḍūrnun asālnunmı nulgisinə, ılīwa asīwa əmənḍənəl.

Tar asī bırən, ṇəŋŋədələn bıḍəcən. Ṇəŋŋə bıra arbarakın, asī mūlədənə, icərən ēkun-mal ūḍakārīn. Ilə ūḍalīn. Nuŋan, iləwə ḍawadāwı, bıra ḍapkadun bərwə tāduk cucunmə nērən. Gūnən: „Bəjətkən bimī, bərwə gaḍaŋān, asātkān bimī, cucunmə". Mānin sıpkıcıllan. Kuŋākān mūduk jūrən, bərwə garan. Asī kuŋākānmə icəksə, tuksaran, nuŋanmān ḍawammən kərən. Tāduk ḍūlāwı tuksaḍasınan. Bəjətkən, cerŋāḍənə, wākəcıllən: „Minə sēŋan hakınḍīwı ulıḍəcən". Sēŋan mūduk jūssərən, ṇān mūtkī hurrən. Asī ḍūlāwı bəjətkənmə əməwrən, ulgucəllən, ən nuŋanmān mūlə nōdacātın. Bəjətkən həgdiməkən ōhsa, bokoncusnan amīnmī. Amīnmı bokonon. Ḍūlān ırən. Upkat nuŋanmān icəcillə. Ḍi-mət əcə sārə nuŋanmān, nuŋan bəjəŋi hutən.

Cajiŋra, nuŋanmān təɣəẇkəcillə, cajtūldān. Nuŋan cajtūran. Amīnīn haŋūktallan: „İduk bisinni?" Nuŋan ulgucəllən upkatwān. Asāl mədəllə əcə ajat ulgucəndərə, gūllə: „āmə āskəl". Bəjə gūnən: „ulgucākəl, ulgucākəl". Bəjətkən ulgucənən upkatwān ajamamat, ōn ənīnīn hutəŋrəkin, nuŋanmān bıralā nōdācātın, ōn ənīnīn nuŋanmān ḍawaran. Təli bəjə tukullan, asālwı nōdārən, ılītkī surumān kərən.

Nuŋan hutətəj ənīndulən əmərə. Biḍəlimmār kərə.

M. Mōlḍākītow. Kalar

101

umun—umukta	Nuŋun — nuriktə
Ḍūr — duguktə	Nadan — nanna
Ilan — ılaglı	Dapkun — ḍaw
Digin — dilkācən	Jəgin — jalwuka
Tunŋa — tuksakī	Ḍān — ḍantakī

Мужчина с двумя женами откочевал, третью жену оставив.

Та женщина живет, до весны жила. Весною, когда река обмелела, женщина, идя за водою, увидала какой-то следок. Человека след. Она, чтобы человека поймать, на берегу реки лук, потом скребок положила. Сказала: „Мальчик если—лук возьмет, девочка если — скребок". Сама стала следить. Ребенок из воды вышел, лук взял. Женщина, ребенка увидев, побежала, его поймала. Потом домой убежала. Мальчик, ворча, закричал: „Меня налим печенью своею кормил". Налим из воды выскочил, в воду опять нырнул. Женщина домой мальчика привела, рассказала, как его в воду бросили. Мальчик, большим ставши, отправился искать отца. Отца нашел. В юрту вошел. Все его смотреть стали. Никто его не знает, (что) он—мужика сын.

Сварили чай, его посадили чай пить. Он чаю попил. Отец его спросил: „Откуда ты?" Он рассказал все. Женщины почувствовали, (что) не хорошо рассказывает, сказали: „Сном спи!" Мужик сказал: „Расскажи, расскажи!" Мальчик рассказал все хорошенько, как мать его когда рожала, его в реку бросили, как мать его поймала. Тогда мужик рассердился, жен бросил, к третьей ушел.

Он с сыном к матери пришел. Стали жить.

М. Молдякитов. Калар

101. (Считалки)

Один — яйцо	Шесть — волос
Два — паут (овод)	Семь — шкура
Три — гусенок	Восемь — лодка
Четыре — „плевок" (муха)	Девять — мох
Пять — заяц	Десять — россомаха

102. Əwədil tāγıwkāl (nāŋāwkạl, tilkəl)

1. Ḍū̄r nəkū̄nān mān mānmər əhi icəldirə? ēhal. (Af. Sah.).
2. Ḅagdarın bəjə iwəḍārān, uların bəjə kıstaḍaran? iktəl, inŋi. (Af. Sah.).
3. Ḍān bəjə, ḍān ḍuḳạwạ ınaḍara? ŋālə, ohıktal. (Af. Sah.).
4. Hulakī hıγıluḍaran, hulakī awdundukın? ılıksa. (Uw. Ṇorв.).
5. Ḍū̄r-ḍār bəjəl nəkū̄nəhəl bicəl, digin awucīl? halgar, ŋālə ụmụkəcərtin. (Uw. Ṇorв.).
6. ụmụkən bəjə hawaduk-ta hawa. ilə ḍalīn.
7. Ṭawar ēkun garparan? ēşa. (Bajakī. Cir.).
8. Tawar ēkun hamaldʿan? (ēsa). (Bajakī Cir.).
9. Tar ēkun ajilun? dalı. (Bajakī Cir.).
10. Tar ēkur tökīl təwəjḍərə? sēr. (Bajakī Cir.).
11. Ḍū̄r mötīl oŋkoḳoro kaltırdu? sēr. (Uw. Ṇorв.).
12. Bəjəl āmutkānmạ bargımnak ŋınnukārọī ıktumätcərə? sarınıktal. (Uw. Ṇorв.)
13. Calвuktu mötī gırkuḍaran? cōlı. (Uw. Ṇorв.).
14. Tar ēkun asī, hıluktala həkinḍərən? cölī. (Bajakī Cir.).
15. Tar ēkur hisụkārwə ŋāləktəḍərə? osıktal. (Bajakī Cır.).
16. Tar ēkun āmutkākājadu hisụkār? iktəl. (Bajakī Cir.).
17. Tar ēkun āmutkānmạ mụrəli hişəkār? iktəl. (Bajakī Cır.).
18. Tar ēkun bəjə şəвdəndʿə ınıktəḍərən? ŋurıktạ. (Bajakī Cır.).

19. ụmụn ınak ojalıwı nōduḍarān? ərıwụn. (Af. Sah.).
20. Ḍū̄r bəjə mākkụscārā: bī sināwạ вokonḍıŋāw, bī sināwạ вokonḍıŋāw? kıŋŋal (Af. Sah.).
21. Ilan bəjəl gukcanḍara, gụnḍənəl: bī huptıḍam, bī huptıḍam, nī-də əwki huptıwra? huksılla, howgura. (Uw. Ṇorв.).

---

102. Эвенкийские загадки

а) Части тела

1. Два брата друг друга не видят? (Глаза).
2. Белый мужик пихает, красный рубит? (Зубы, язык).
3. Десять мужиков десять льдин несут? (Ногти).
4. Лисица выглядывает, лисица из норки? (Сопля).
5. Двадцать мужиков братья были с четырьмя шапками? (Пальцы рук и ног).
6. Один мужик из бойких бойкий? (Человеческий ум).
7. То что — выстрелило? (Глаз).
8. То что — стрельнуло? (Глаз).
9. То что — промышленник? (Ум).
10. То что — лоси пасутся? (Уши).
11. Два лося пасутся на косогоре? (Уши).
12. Мужики на двух берегах озера жердями бьются? (Ресницы).
13. В березняке лось ходит? (Язык).
14. То что (за) — женщина кишки топчет? (Язык).
15. То что — камни таскают? (Ногти).
16. То что — на озерке камни? (Зубы).
17. То что — вокруг озера камни? (Зубы).
18. То что — мужик соболя тащит? (Волосы).

б) Предметы домашнего обихода и орудия труда

19. Одна корова через лоб бросает? (Лопата).
20. Два мужика спорят: я тебя догоню, я тебя догоню? (Лыжи).
21. Три мужика бегут, говоря: я обгоню я обгоню; никто не обгоняет? (Лыжи и палка).

22. ụmụkə̄n ətirkə̄n, dụnnə hərgidə̄lin gırkuḍana, ıləl ororwotın ḍoromıwkı. ırcacīwū̄n.
23. ụmụn вəjə, ılıtcana, ŋāləjə, halgana ācın вinə, вəjəjə ḍawawkı? adıl. (Uw. Ṇorв.).
24. ụmụkə̄n ətirkə̄cə̄n, hụkələ̄ḍənə ŋāləjə, halagāna acın bīnə, bəjəjə ḍawawkı? ụkī.
25. Tar ēkun ŋə̄di? ērkān. (Bajakī Cir.).
26. Tar ēkur atırīkār tiləmə̄tcərə? cımka, ıkoptınnun. (Bajaki Cir.).
27. Tar ēkun atırīkān saŋṇanmutcaran? old'owun. (Bajaki Cir.).
28. Tar ēkur atırīkār tērucımātcırə? kultır. (Bajaki Cir.).
29. Tar ēkur вəjəl dılmātcərə? ṣōna. (Bajaki Cir.).
30. Tar ēkun ḍəlılḍəkə̄ncəḍərən? golo. (Bajaki Cir.).
31. Tar ēkūr вəjəl ḍūnmātcərə? irəgə̄. (Bajaki Cir.).
32. Bi-kə̄n вiktə, si-kə̄n вikəl? kiglə. (Bajaki Cir.).
33. Tar ēkun nəŋirīwə sirikə̄kə̄n dawdıtcaran? вəri. (Bajaki Cir.).
34. Tar ēkun ācın ŋə̄linəjə, ŋə̄lınəcitmər? ụṣə (lukī) (Bajakī Cir.).
35. Tar ēkun asī cogı, вəjə cogı? kōŋakta, cog. (Bajakī Cir.).
36. Tar ēkun aŋunaju, aŋunacıtmakān? togo, gulu. (Bajakī Cir.).
37. Tar ēkun ajiwnaja, ajiwnacıtmakān? togo, gulu. (Bajakī Cir.).
38. Tar ēkun ulgukī hụktiktəḍərən, sıluktala ıruktaḍana? kuwuka. (Bajaki Cir.).
39. Tar ēkun dụụtə̄lə̄n? ụṣi. (Bajaki Cir.).
40. Tar ēkun darıwulan? tıjəwụn. (Bajakī Cir.).
41. ụmụkə̄n murīn ılītcawkı hụtən diŋnilə̄hiniwki cīŋəritcənə. pəktirə̄wū̄n, pulkı.
42. Tar ēkur mugdəkə̄cə̄ndu вəjəl həkinḍərə? tawītkīt. (Bajakī Cir.).
43. Tar ēkur tōkīl əŋtimə̄tcərə ŋəkụwə lupumrak? kụrgə. (Bajakī Cir.).
44. Tar ēkun вəjə ḍụkəwạ iniktədərān? iwəŋki. (Bajakī Cir.).
45. Tar ēkun ṣıγıkāgdulı ulgukī huktıktəḍərən? igdiwụn. (Bajakī Cir.).
46. Tar ēkun atırīkān ıruktaḍaran ṣıluktalwa gēlgajāpənı? inmə. (Bajakı Cir.).
47. Tar ēkur aṣāl təγətcārā āmutkānmạ mụrə̄lī? cụcụn. (Bajakī Cir.).

---

22. Один старик, под землей бродя, человеческих оленей ловит? (Невод).
23. Один мужик, стоя, без рук, без ног людей ловит? (Сеть).
24. Один старичок, лежа, без рук без ног человека ловит? (Морда).
25. То что — незамерзающее? (Кончик лука).
26. То что — старухи вшей ищут? поперечная жердь и срединная на месте соединения (в юрте).
27. То что — старушка дымит? (Таган).
28. То что — старушки договариваются? (Порог).
29. То что — мужики головами опираются? (Связка юртяных жердей).
30. То что — налимом стоит? (Бревно).
31. То что — мужики юртами стоят? (Напильник).
32. Я есть, ты есть? (Лыжа).
33. То что — прутик толстое дерево поборол? (Лук).
34. То что — без страха, немного страшна? (Стрела).
35. То что — женщина болтунья, мужчина болтун? (Колокольчик и язычок).
36. То что — едящий, не наедающийся? (Огонь, чурка).
37. То что — сытый, не насыщающийся? (Огонь, чурка).
38. То что — бурундук бегает, кишки таская? (Рубанок).
39. То что — через протянулось? (Узда).
40. То что — измеритель? (Посох).
41. Один конь стоит, детеныш его бегает, покрикивая? (Ружье, пулька).
42. То что — на пеньке мужики топчатся? (Наковальня).
43. То что — лоси едят мох через гору? (Кузнечный мех).
44. То что — мужик льдину тащит? (Пешня).
45. То что — по чаще бурундук бегает? (Гребень).
46. То что — старуха тащит кишки ловко? (Игла).
47. То что — женщины вокруг озера сидят? (Скребок—круглый).

48. Tar ēkur aşāl təγətcārā, tākənmą ḍalum təγətcārā? kədərə. (Bajakī Cir.).
49. Tar ēkun ŋaŋŋaltakājadu tukşəkən? hargan. (Bajakī Cir.).
50. ųmuķən ətirkən hutəwi anakākucıwkı tarjalā hətəknənin. homok nəkə.
51. ųmuķən mōtī ılıtcaran, oldonīn upkacīn pəktiruwcə? curвuyar. (Uw. Ņorв.).
52. Tunŋa вəjəl ųmutəl ḍūcīl? kokollo. (Uw. Ņorв.).
53. ųmuķən atırkācān halgarwı həmkəknənin ŋənəwki? kədərə. (Uw. Ņorв.).
54. ųmuķən atırkācān horolıllakın, dunnə upkacın horolıwkı? māsləŋḍərī. (Uw. Ņorв.).
55. Ŋənəmī, ŋənəmī ūdaja ācın? ḍaw. (Zujew. Tut.).

56. Aγıjakākındu kalan ųjiḍärän? irinäk ḍūn. (Af. Sah.).
57. ųmųn вəjə ŋənəḍānä mawutpı вuricą? hokto. (Uw. Ņorв.).
58. Ātırkākun ılcā, amīkunma turgamī? saŋŋan. (Zujew Tut.).
59. Tar ēkun ūḍagda? mō hoŋon. (Bajakī Cir.).
60. Tar ēkur multakşa kųjinə? ōsıktal. (Bajakī Cir.).
61. Tar ēkun ətirīkən şaşuŋıpca? amun doŋotokınınduk. (Bajakī Cir.).
62. ųmuķən ətirkəcən вagdama awucī? Mugdəkəcəndu hiŋilgən. (Uw. Ņorв.).
63. Koŋnomo macālə əmərəkin, вəjəl upkat вuŋnərə; вagdama macālə əmərəkin, вəjəl upkat aruŋnara? dolвonī turganī. (Uw. Ņorв.).

64. Ḍān ḍakacī ḍānḍūrin atırkān вicą? kārkə. (Af. Sah).
65. Ḍūr kərāl gukcanma, gukcanma, awgutın-məl əwki suptıra? tuhakī koŋnolın sērdun. (Sujew Tut.).
66. Tar ēkun dēŋŋaldun? mundʳukān. (Bajakī Cir.).
67. Tar ēkun tākın hərgidun əŋupcə? ųluķī ūḍan. (Bajakī Cir.).

---

48. То что — женщины сидят, полно на колоде сидят? (Мялка).
49. То что — на ясном небе облачко? (Береста на лыже).
50. Один мужичок толкает сына (так, что тот) отскакивает? (Замок и огниво)
51. Один лось сидит, бок весь прострелен? (Поленница).
52. У пяти мужиков по одной юрте? (Перчатка).
53. Одна старушка до мозолей на ногах ходит? (Кожемялка).
54. Одна старушка повернется когда, земля вся поворачивается? (Маслобойка).
55. Еду, еду следа нет? (Вода, лодка).

в) Природа

56. В тайге котел кипит? (Муравейник).
57. Один человек, идя, аркан потерял? (Дорога).
58. Старушка встала, небо подпирая? (Дым).
59. То что — следистое? (Трещина в дереве).
60. То что — шкура (дикого оленя) продырявлена? (Звезды).
61. То что — старик, побелевший от мороза? (Замерзший кал).
62. Один старичок с белой шапкой? (Снег на пеньке).
63. Черная корова придет когда, люди умирают; белая корова придет когда, люди оживают? (Ночь(и) день).

г) Животные и растительность

64. Десятиценная, вниз опущенная старуха была? (Сарана).
65. Два ворона соревнуются, соревнуются, никто не опережает? (Черные пятна на ушах зайца).
66. То что — с приподнятым затылком? (Заяц).
67. То что — под колодой растоплено? (След белки).

ШАМАНСКИЕ ПЕСНОПЕНИЯ

I. Bajakī. Cirəmвu̯

103.

şırunḍal! şırunḍal! şırunḍal! şırunḍal!
ēwal şırundakīc togındulān!
omī ədəwi sēktakārrạ!
ənŋəkər ıtıwul, əməl kagancaldʳı!
nımŋakājadu-wal əlạdạ ıtıwul
ıtıwul gajıcāl ıtıwul
gelgaruŋnıkuldʳu, ənəl mınıkcara,
amŋarişaḍanaldʳu cagıdālā!
omī ənəl ḍalalīwra
luŋurı dolвonī əjındulān.
omī! вi-wạl cōlıgaḍam!
ēwal ukşanḍakuc.

Ş. Kimā. Cirəmвu̯

104. Jandʳapkā

ewalgīldʳa jand aḍukīc,
jandʳapkājạ ụldʳipkəşpạn
ụldʳipkəş gırıwlın
şomtogorkōş ıltıgiḍı
ḍarıwlıgın tətəgən
lụkigikəş ḍawugulan
jandʳapkājạ tətəŋıwən.

ēwalgıldʳa tāŋtəḍəkīc.
amījaγu Gurıwulja
Gurıwulja hırgagalḍuŋuşıgıwar
ərāgilwa əligilвəl
əligikəвlişəgəlwə
tikigin-məl вidəgətin
ərgəgəcir əligilвəl.

И. Баяки. Чиромбу

103. (Проводы души покойного в мир мертвых).

Покатились! покатились! покатились! покатились!
Какая покатость в нижний мир!
Пусть душа не пропадет!
Священные телята не пугайтесь!
В каком-то камлании только божьи олени,
Божьи олени обменялись, божьи олени!
Ловчее идите, не беспокоясь,
разговаривайте вдали!
(О) душе не говоря лишнего
вечер (и) ночь в чистом месте.
Душа я ли (тебе) языком говорю!
Как-нибудь дойдете.

Ш. Кима. Чиромбу

104. Камланье

Кто-нибудь сделает место, где камлают,
камланья — песни границы
по кругу границы
выемкой впадинки (на ободе шаманского бубна)
душа его (шамана) звучит (поет)
бугорок откликается (передает)
камланья — песни звучание.

Кто-нибудь сделает место, где подсчитывают души.
Отец Гуривуль
Гуривуль первую веру в шаманский дар (дал)
эту веру (эти молитвы),
теперь существующую веру (молитвы),
теперь чтобы были
такие же, как эти молитвы.

ʙijəɣlu̯ɣ ɥaacincurkaw,
kunıncurkaw
ərägilwə̨ əligilʙəl?
əcəgəw ɲacıncugurəl
əcəgəw kaŋalʙərəl
Tuksinməwə kaŋaldʳən
amıgıdı ıldugudı,
ıldugulḍaŋaşigıwı,
ərägiliwəl əligilʙər,
ɲuŋŋugilḍaŋagişiwi,
şirugukəŋəşigiwi,
tugigilgu gunigirkəş.
ərägilwə ɋalagaşal:
ırgaganuḍakşugona,
ənəgə talguraganä,
hıgıgındʳı ḍākşəgənä
dundʳəgə talguraganan.
Işıgıcä ḍakşəgənä
mökogoldʳərıduguwı
dundʳəgəwi ḍırəgəwən.
şıgnigik ēcıkagıkun,
talguguracī ʙigurən.
şiwugušin harpagalkan
dundʳaŋəşu şurgilḍakän
irgigidəşukəgənmət
kalʙugulḍaŋıjagawar
aŋagaḍar şıŋtagalnal

ʙəgigilḍəŋijəgəwar.
Amī ɥɣə ɲuŋŋildʳəkin
Ilədə ətəm guŋəlurų.
Tug-wəl ʙicəgudukpı
nikutənun nikuldʳəktin
nikugguldiliktəgətpi
hərgigic, ugigic
täwurtänul täwuldınəl
əŋīgidi dundʳəgədi.
Dalʙancädal darıncana
dolʙonguşu urkəlʙişpən
şələgəgdəl, mōragagdal
äcıgır şaşanagaldʳə
kolegiŋran nalʙagaŋran.
Dalʙaganca ḍākşogonal
dolʙoŋoşo şökarkīwän,
ərägilwə ɲəpkəgəktəl,
dundʳaŋəşə jalıktalwän.
Akīgiŋaşajagamı
ʙurugəɋākilduguktən
oldʳogonraşmilḍigıtın
ḍargagagantuḍugunu.
Nōdıgıʙḍakıldugukpı
şəʙḍəgəʙḍəgildugu̯wi
wälajagdul şolaldutın.
şuguguşıw tälägimnaw
amaga jomʙuşugukän

Я разве звал (кричал)
звал издалека (разве)
эти молитвы?
(нет) не звал!
(нет) не звонил боталом!
Облаками звонил
отец поучающий,
(во время) передачи
этих молитв
(во время) начала указания
свого быка-порова (оленя)
так учил (говорил вероятно).
эти годы
отмахивая духов,
не затихая
ветришь (дуешь) беспрерывно
земли тишину.
Дошедший без остановок
до своего хорошего лесного места
до хребта земли.
Любимое место очень хорошее
с тишиною есть.
Вихрь верхней земли
землю нехорошую
где-нибудь обойдя
по краям хребтов
сироты оставшиеся

протиснутся.
Верхний отец когда (тогда) указывал
куда не стану говорить (куда бы ни говорил).
Так от бытия своего,
подталкиванием (незаметно) пусть помогут
подталкиванием своим
снизу сверху
соединенные соединились
на матери-земле.
На границе жизни охраняют
ночную дверь (проход)
железные, деревянные (духи)
не поддающиеся болезни (смерти)
острый забор (образуют).
Границу жизни сторожат
пропасть ночи,
эти ручьи из слез (плач по покойнику)
осыпь земли.
Покойный мой дядя
из места падения (смерти)
боковыми стенками (гроба)
дразнит.
Из красивых мест
для радости (веселья)
смерти духам всесильным.
Ко всему привык
отец спокойный (успокоившийся)

hilkənəmil, digəncumil.
Əŋgənŋəşə uwralandum,
ədəgəwi ŋəkəgəldʳə
dundʳaŋəjəl oldagdadun.
Amagajur mēligişal
harigicanukuguldʳu!
ilgəgənu ŋənəgəkəl,
ēlagajal ərudigilə
ədəgəwi ŋəkəgəldʳə
dundʳaŋəşə ləpəktudun.

Əŋi dundʳa kawiraştn
hərəgəwi kādəgunnu.
Əŋi dundʳa tuŋulkənmən!
Əŋi dundʳa tənməkəwən!
mōkogoldʳəriduguwar
aŋagadar şintagalnal.
Amagajə ərədəgəkər!
Amaja ədu jəmbuşukəl!
şarkaganu tanugukal!
ilgagancuşkārguguldʳə!

А. Камбагир. Ŋəkənnə

105

Timanī! gelkārkəllə, culəkallu
Təgətəmilwən gēmunkallu!
dolboksodun gēmunkallu!
Timanī hēkalandun hanŋukallu.
hutəkārwi imnəjwətin!
Giralwatin duwkāki dugduwkəllu!
Hutəw ōmīwan tumnəjkallu!
Hutəkārwi dunnəwətin cuksəwkallu;
Baldinil calbakār cuksərdītin cuksəwkallu!
Cimkar, əkī ŋintərdulin hōlinmunal,
dalunmunal, gēmunkallu!
Nikālwəw hutəkārwəw timanītkī ulgənkallu!

(немного) рассердившись (и) отстранившись.
Ненужное задержу,
чтобы не начинать
обмана на земле.
Отцы, дремлющие с открытыми глазами,
начинайте выслеживать!
Подсматривая иди,
что-нибудь плохое
чтобы не начать
в трясине земли.

Мать-земля камнем
дно свое охраняет.
Мать центра земли!
Мать безветреной земли!
в хорошем месте
сироты оставлены.
Отец, подожди!
Отец, здесь остановись!
табаку покури,
остановись ненадолго!

А. Камбагир. Нгоконно

105. (Проводы души)

Утро! (быстро) двигайтесь, (травы) растите
Только что выросшие (родившиеся души) проводите!
Ночью проводите!
У рыси утра спросите!
Детей души (по дороге, по которой ведут души мертвых в мир мертвых),
шагами ровно шагайте (переносите)!
Душу сына перенесите!
Сыновей кровью землю окровавьте (помажьте)!
Выросшие звезды кровью помажьте!
По корням тетки жерди (через лазейку для души)
потихоньку проводите!
Маленьких детей к востоку (друг за друга) свяжите!

Hụtəlwi gulınmunal, upkattuk ərụkirdụk kəjụnmụkəllu!
Tımanī hərgə ŋintəldụlin tarkākāndulı hụrụnkəllụ!
Amtıl muhur hụtəkərwi ālıwkāllu tımanī ŋēktardun!

А. Кambagır. Ŋəkənnə

106

Nonon kənən təmigdət!
Əkī cımkar niŋtərŋilin təminəl!
Əŋī haran gēlkārŋılın təminəl!
Arakūkān himụrməgdət təminəl!
Amtıŋıl, ŋaḍul ŋēwımagdāt,
haraŋıl muhuraltın bụwginŋəḍərə.
Ərụkirdu ŋəlụcəmət,
amtıŋıl ŋənəksənmər tıḍurıwdātın.
Hụtəkəmi imnəjŋiwən ērunkallu!
Tımanŋuŋın ōmīwān ērunkallu!
Dolboksonmon ōmīwān erunkallu!
Əŋi tımān garpaltandun tālı ērunmat!
Amtıŋıkārrı hụtəkərwəw
tımānītkī doturıŋdun nụlgiwkəllu!
Ajamamat gụlinmụnəl hụtəw ōmīwān!
Utələwtil amakaltın gıraltın
ḍugdıwkānəl gụliwkəllu!
Utạlạwtil amākāl ḍugdısŋıltın
Ụlgənkəllu hụtəkərwər!

Сыновей оставляя на ночлег, от всего худого охраняйте!
По корням утренней зари прямо ведите!
Духи-водители сыновей уложите спать в утреннем мире мертвых!

А. Камбагир. Нгоконно

106. (Обращение к духам, чтобы перевезли душу умершего в верхний мир)

Вначале попробуем!
Тетка-жердь корнями попробуй!
Мать-место (для юрты) взглядом попробуй!
Понемножку потихонько попробуй!
Родители, родня покойников
духи места (для юрты) урчат.
Худым пугая,
чтобы родители дороги уменьшили (сузили).
На душу сына предков посмотрите!
На душу утра посмотрите!
На душу ночи посмотрите!
В лучи матери-утра туда посмотрим!
Родители детей моих
в хорошее место верхнего мира перевозите!
Хорошенько провожая душу сына!
Прежних дедов шагами (по старым путям)
заставляя ровнее шагать, провожайте
Прежних дедов по следам
перевозите сыновей!

A. Kambagir. Ŋəkənnə

107.

Dolbonītkī gulinmunəl hargıwa,
Dolbonīŋıw ŋəkərkıdun tınucanal,
dolbonītkī gulinmunəl, dolbonī ŋəkərkidun,
hargıwa əŋḍəkit gagılkāndun mūmənānukəllu!
Əŋḍəkit gagılkāndun kalırıtpar dorpısallu!
Tāduk cāskī dolboŋıw, hakanın hurıwḍəŋən!
Ŋənəksənmən tıdurkallu!
Tāduk cāskī dolbonī gemakadın nulgikəllu!
Mucānduwar ekurduwar lapkānmūḍas!
Upkatpān hoktol binəl mucanduwar
Ḍūr nadar tərkələrḍi upkatpa lipkidəwər!

Koŋnokō ır. Tōkma

108.

ŋəlamə! ŋəlamə! ŋəlamə!
āsīlə-dā ŋəlamə! ŋəlamə!
āŋikānmi ŋəlamə! ŋəlamə!
ājbərānmək tə ŋəlamə! ŋəlamə!
ajtəŋta gəlam ŋəlamə! ŋəlamə!
ajamāgda kauḍə ŋəlamə! ŋəlamə!

aṣīlāj, aṣīlāj
tuwā gənim päsäluj
aja mindā päsäluj
barajaldu aṣälāj
asī-bälaj aṣälāj
aŋaḍakār aṣälāj

А. Камбагир. Нгоконно

107. (Обращение к духам, чтобы перевезли душу умершего в нижний мир)

В полночную сторону провожая, душу
Ночная птица на границе перенося,
в полночную сторону провожая в длинную ночь,
душу в самой середине (главной шаманской) реки во рту пронесите!
В волнах реки сбрасывайте рога, быки!
Потом дальше ночью пусть щука понесет!
Дорогу его сузьте!
Потом дальше через отверстие ночи кочуйте!
На обратном пути как-нибудь проголодаетесь!
Все дороги на обратном пути
Две семерки (четырнадцатью) крестами все закройте!

Конгнокоир. Токма

108.

Голамо, голамо, голамо (припев)
теперь (припев)
тетушка (припев)
попытаюсь-ка попросить (припев)
промысел прошу (припев)
хорошим покрытым! (припев)

теперь, теперь
так говорю (припев)
хорошо мне (припев)
на просторах теперь (припев)
женщина—дух! (припев)
сироты (припев)

amɪnmatān ąsālāj
dągdąwəttā ąsālāj
barajaldu ąsālāj
garajaldu ąsālāj
kacākānmā ąsālāj
dolвoşıdın ąsālāj
ōnı dılgan ąsālāj

ilgərədın ąsālāj
ajtan ələ ąsālāj
gələtągnām ąsālāj
gəlą, gələl ąsālāj
tuwā gənim ąsālāj
aja mindä ąsālāj

ПЕСНИ И ПРИПЕВЫ

P. Bajakī. Cirəmbų

109. Əpkərəγil

Əpkərəγil ginilkəşun!
Irəwəγil şirgilkəşun!
ēgəḍənə, ēḍaləna: } 2 раза
ḍəlāŋ! ḍəlāŋ ḍəlāŋə-əj! }
Calвukāγil äwilkəşun
taktıkaγil kogrilkoşun
ēgəḍənə, ēḍuləna } 2 раза
ḍəlāŋ! ḍəlāŋ, ḍəlāŋə-əj! }

P. Bajakī. Cirəmbų

110.

əḍəj! əḍəj! əḍə-əj! eḍə-əj!
ųlkųnkāḍəm, ųlilāḍəm
əḍəj! əḍəj! əḍə-əj! əḍə-əj!
kişirkāḍəm ųlilāḍəm
əḍəj! əḍəj! əḍə-əj! əḍə-əj:

отца их (припев)
унесли (на крыльях) (припев)
на просторы. (припев)
На ветках (припев)
щенок мой (припев)
ночной, (припев)
как голос его (припев)

раздается (припев)
добычи теперь (припев)
прошу (припев)
просьба, просьба (припев)
так говорю (припев)
хорошо мне. (припев)

П. Баяки. Чиромбу

109. Сушняки

Сухие деревья покачиваетесь (вы)!
лиственницы вверх подымаетесь (вершинами, как шильями!)
делая так, делая так: } припев
дёленг! дёленг! дёленг! }
Березы трепещете листьями!
кедры чернеетесь!
делая так, делать так: } припев
дёленг! дёленг! дёленг! }

110.

ёдей! ёдей! ёдей! ёдей!
нагрудник шью! бисером вышиваю!
ёдей! ёдей! ёдей! ёдей!
кафтан шью! бисером вышиваю!
ёдей! ёдей! ёдей! ёдей!

111. Припевы к импровизации

1. Şiwār, siwār dakūga!
   ăḍărtən, ăḍirkəl dakūga!
2. nājəkā! nājəkā! nājəkajə!
   jəkəjị jəkājəl jəkəjə!
3. ədă! ədājən! olokal!
   ədă! ədājəs! şolokol!
4. jəhār! jəhār-jəl jəhərā!
   jəhə jogaj! jogaj! jogaj!
5. Olịjo! olịjo! əmụkəj əmukəj!
   Olēlo! lēlo! Olēlo! lēlo!
6. ạ!ātin! ạ!ājə jəhərājə
   Əjụkə! əjụkə!
7. Gajulā! gajulā! ḍəkụḍə! ḍəkụḍə!
8. jəno ạnəkə ena ākạ! ākə! əkarəla!
9. ikāla! ikula! ekala!
10. jə! jehā! jəjə!
11. dāwijəl! dāwijəl! dāwijəl
12. kādānəj! kādānəj! kādānəj! ikən ajama!
13. jəhəgə! jəhạgə! jəgä əgạj!

I. Momol. D. Kātənŋā

112. Импровизация

Jəhār! jəhār! jəhār jə!
Jə! jəhār! jəhār! jəhạhạr! jəhār jə!
Hinōdē! nōdām ədin! ədin!
Həḍụgə! həḍụgə! əḍụ! əḍụgə!
Ə!ālə! ə!ālə! jəhārjə! jəharjə!
Henalbulkal ənəkə! şēl kājə! ənəkə sērjə:
Olkumkạ!! kumkạ! kukājə! ə!ilə! ə!ilə!
Heki şə!ā! həki şə!ā! şə!i! şi!ə! şōlā! şolo!
Hinōdē! nōdem! hədin! ədin!
E bi bajə! bi şoronmudın bä! hədin! ədin!
Aŋaḍakānucạnạ biḍạm bä!
Amikāma, noan! hədin! ədin bä!
Aşılāw alkarin hədin! ədin bä!
Ənị ədụkạ əməşụcənạ hədin! ədin bä!
Dulin mōda muligacāwı hədin! ədin! bä!
Itukın ədin aŋaḍakānä hədin! ədin! bä!

111.

1—13—припевы к импровизациям; перевода не имеют.

И. Момоль. Подкам. Тунгуска

112.

Иохэр! йохэр! йохэр йо!
Йо! йохэр! йохэр! йохахар! йохэр!
О ветер! ветер! ветер!
Ходюго! ходюго! ходюо! ходюго!
Олэло! олэло! йохэр-йо! йохэр-йо!
} вступление из припевов для мотива.
Открой уши бабушка уши! бабушка уши!
Послушай, слушай сказ теперь! теперь!
Хоки шолэ! хоки шолэ! шоли! шилэ! шоля! шоло!
О ветер! ветер! ветер!
Эх я! я бедная я! ветер! ветер!
Осиротевшая живу я!
Отец-то мой он! ветер! ветер!
К жене своей отправился ветер!
Мать отсюда пошла (о) ветер! ветер!
В середину дерева жить ветер! ветер! (умерла)
Душа ветра сироту (охрани)! (о) ветер! ветер!

Pətpələḍəmılı bēja əhirjə! jəhirjə!
ēna polademı bēja əhirjə! jəhirjə!
Əhəgəj jə! həgąj! ikąn! ıkąn! ikän!
Culugda jo həgąj! ikąn! ıkąn! ikąn!
Kokcagda ja həgąj! ikąn! ıkąn! ikän!
Hərə əməḍəmjə həgąj! ikąn! ıkąn! ikän!

НОВЫЕ ПЕСНИ

S. Gerasimow. Tupik

113. Ụrəl

ụrəl minŋil, su ajakıker,
bəjụna wāŋnām copkoldus.
Sinŋi iraktəldụs sigidu
kətə bəjur dıkancawkīl.
Əgdildụ bıraldu kōcōldutın
kətə əwənkil ụrincąwkil.

Tar goroptıldutın ḍūkcāldutın
kətə əwənkil bụcą̄l bıwkil.
Ətkąn sowətŋı wlast ōcālān
əwənkildụ aja ōḍaran.
Əgdil bıraldu kōcōldutın
bolnisal, skolal ōwḍara.

S. Gerasimow. Tupik

114. Asal

Nonoptıldu tar anŋanīldu
ēkunat-kat əŋkiw sārə,
dalawduwı, ḍalawduwı.
Okın-kat əŋkıw ụlgụcāna,
bəjəŋi (h)awawān awalḍana

ụrgąkụra, ụrgąkụra.
ątkąn sowetŋı wlast ōcālān,
ahīŋı turānın ultallan
ụrąlduli, ụrąlduli.

Всевидящая луна йохирьо! йохирьо!
Что видящая луна йохирьо! иохирьо!
Эхэгой йо! хогай! икан! икан! икан! (припев)
Чулугды йо! хогай! икан! икан! икан!
Кокчагда я! хогай! икан! икан! икан!
Вниз иду! хогай! икан! икан! икан![1]

Соч. С. Герасимова. Тупик

113. Горная тайга

Горы мои, вы красивы,
зверя бью в лощинах твоих.
В твоих лиственничниках, в чащах
много зверя скрывается.
На многих реках, на мысах
много эвенков кочует.

На старых стойбищах
много эвенков умерло.
Теперь советская власть настала (когда),
эвенкам хорошее делает.
На многих реках, на мысах
больницы, школы строятся.

Соч. С. Герасимова. Тупик

114. Женщины

В старые же годы
ничего не знала,
в уме своем, в уме своем.
Никак не разговаривала,
мужскую работу работая,

тяжелую, тяжелую.
Теперь советская власть настала,
женское слово раздалося
по тайге, по тайге.

[1] Песнь запевает одна девушка, припев поет весь хоровод.

Сочинено группой студентов ИНС'а

115. Bụ tattıl

On bụ upkat əwənkil ŋənəḍərəw,
Mụnə upkat ḍalwun ụdəkəlcətin.
Ŋənəsinḍəcəwun bu gorogıtı,
Upkattukın Sibirŋi dụnnəldukin:
Nil marduk, nil agılduk ŋənəcətin.
Tar gorogıt Sahalın dụnnəŋdụkin.
Lenıngrattulā əməcəwun,
Ənəl gələllə, ajatku tatcarəwun.
Holoktodu indụ munə tirəŋkitin,
Tıkın bu ōḍaraw ōmaktaja inə.
Nonon mụnə taŋiŋkıtın bəjụrḍī
Bajasal mụndụk kətəjə gāŋkıtın.
Tıkın sowetŋı wlast ōcālān, wlast təgəlŋi
Mundu nīwrən ŋərijə hoktojo, ŋərıjə inə.
Saŋŋan ḍūdu gəjəḍəgin əri ikən!
Upkat dawlaḍaktın ər əikənə!

A. Salatkın. Nēpa

116. Nəŋŋənī

Nəŋŋənī, alat ŋōḍana, əmərəkin
ḍụkəl, gụlkənəḍənəl, əjəscəŋətin,
īdụ-də ajat ṇamallakın,
cıpıcal, ụlgụkīl, təpurəkər uruḍaŋātin.
Ajat ṇamallakın;
tāduk tụgi-də əwənkī jūḍəŋən.
Upkacın mụrəli culargallakın,
ajatkuja ikənə ikəlḍəŋən.
Dılaca ajat nālləkın,
kuŋākācār tụlili tuksaktalḍaŋātın.
Ṇamī ṇəŋŋə hụtəŋrəkin,
gụḍəjgụjə sōnŋācānə alātcəlḍəŋātın.
Dəgīl, ṇuŋŋakīl umulḍaŋatın,
hụtələwər umudāwər.
Bəjətkəcər tawulḍaŋātın,
nuŋarwatın ḍəwdəwər.
Ələkəs kụktikən kụktiḍəŋən
ŋınnusaldu dōcaḍana
upkatwa unə sərlwụcīlḍəŋən
ələkənḍīwī wəkətcənə.

Сочинено группой студентов ИНС'а

115. Мы студенты

Как мы все эвенки уходили,
Нас вся родня провожала.
Шли мы издалека,
Изо всего сибирского края:
Кто из тундры, кто из тайги шли.
Те с далекой Сахалинской земли.
В Ленинград приехали,
Не боясь хорошо учимся.
В старой жизни нас притесняли,
Теперь мы строим новую жизнь.
Раньше нас считали зверьми,
Кулаки от нас много брали.
Теперь советская власть настала, власть народная
Нам открыла светлую дорогу, светлую жизнь.
(Пусть) раздастся эта песня в дымной юрте!
Все запойте эту песню!

А. Салаткин. Непа

116. Весна

Весна, вкусно пахня, придет когда,
льдины, шумя, поплывут.
Всюду хорошо пригревать станет когда,
пташки, бурундуки, мыши обрадуются.
Хорошо пригревать начнет когда,
потом также эвенки выйдет.
Все когда кругом зацветет,
хорошую песню запоет.
Солнце хорошо лучи свои бросать начнет когда,
ребятишки по улице забегают.
Важенка весною отелится когда,
красивого теленка начнут ждать.
Птицы, гуси яйца начнут класть когда,
детей высиживать чтобы.
Ребятишки начнут собирать,
их есть чтобы.
Впервые кукушка запоет,
на вершинках сидя,
всех рано начнет будить,
полным голосом крича.

P. Molḍākītaw. Tokko

117. Kalār-ənī sıgıjaldun

Kalar-ənī sıgījaldun,
tuksakīmawan, вu̯ltələtcəm,
ajaŋkarвī вəjəŋkārвī
anŋanīdu вakaldımī —
hakın — neвan səвəriwki...
Kalar-ənī kapcajaldun,
Cacarıntī oḍalıksak,
kampamıldu kajıpcatcam
həmukārвī вəjəŋkārвī
hələвdəwī ḍaldalīŋnam...
Kalar-ənī kadasalın
horolmojō inəŋiwə
hoṇandīwī kajḍallakīn
əjətilвəm girkijəвəm
əcən-i-də ıcəpkānə...
Bılırgıdu вılasjadu,
nonoptıdu вidəjədu
ənīn, amın вəgin вinmī
ŋələpkātnəl вu̯nəlitin;
вu̯dəjəwī ḍaldalīŋnam.
Cuturıma ḍuγanıŋım,
cutumama əməcālān,
cu̯lələmə sāksəjətpī
ḍūkāndukkī suptiḍaŋnam
gırkīdukkı ilвəwḍəŋəm

M. Pawlow-Ḷanagır. Kalar

118. Bıragacın

Bıragacın ku̯gu̯nānəl,
əjāgəcin, jaγınānəl,
aγlan, kadar ḍapkadukın
andagīltī kətəlillə.
agdıgacın migdikānəl,
ədinŋəcın cuwkānəl,
sıgī, вōna dōjaldukın
gırkījaltī əməllə.
Lenın gu̯nnən tu̯rājəlwān,
u̯lləldu̯wər namarāḍənəl,
ḍalawsajal kuŋājākār
ḍalanduwar ılılla.

П. Мольдякитов. Токко

117. Калара-матери в чаще

(Песня девушки)

Калара-матери в чаще
зайцу подобно прыгаю,
любимых подружек
в году встречаю (когда)
печень-сердце бьется.
Калара-матери в горах
трехлетней важенкой (подобно) став,
окруженная худым пребываю
(с) любимыми подружками,
чтобы жить (вместе) обдумываю.
Калара-матери в скалах
круглое солнце (самое жаркое)
тенью своею покроет когда,
желаемых подружек моих
не показали даже (не дали встретить).
При прежней власти,
при прежней жизни
отец, мать, хозяином будучи,
запугивали до замужества;
чтобы умереть обдумываю (о смерти заставляли думать).
Зеленое лето,
зеленое после того, как придет,
всей своей кровью
из дома стремлюсь убежать
от товарищей убегу.

М. Павлов-Нганагир. Калар

118. Как река

Как река шумя,
как струя перекатываясь,
равнины, скалы от краев
товарищи умножаются (собираются).
Как гром гремя,
как ветер воя,
чащи, града (гольцов) из середины
товарищи сходятся,
Ленина заветов слова
в тела свои нагружая,
веселые ребята
в звено начинают вставать.

M. Mōlḍakītaw. Kalār

119. Kuŋākār biŋəsīwər

Kuŋākār kuŋākār biŋəsīwər əbiwū̆rə əbiḍəkār!
ḍalaw, aja bīŋəsīwər tu̯rətcənəl dawlaḍakār!
Ḍōncaḍanal, soŋoktoḍorīt ətən aja bīrə.
əwiḍənəl, dawlaḍanal taṭcarīt aja bīrə
Koŋnomol, koŋnomol nu̯riktəlti əḍəlitin bagdargara,
mu̯ŋu̯məjəl iktəlīt əḍəlitin səmkərə.
Kuŋākārtulīt tu̯rərtī əḍəlitin sagdana,
girkilnu̯nmər əwiḷəkār, dawlaḍakār!

120. Girkī̆jəl, aknījal.

Girkī̆jəl, aknījal! } припев
Girkī̆jəl, əknījəl! }
Umu̯nḍī dulganḍī
səwḍəpcut ikāɣət!
припев
Umu̯nḍī gıraktat
tu̯lŋu̯nəl ŋənəɣət!
припев
Umu̯nḍī ḍalītwar
binīwər oḍaɣāt!
припев
Cāskākī hālḍəɣāt
ərudu̯k bododuk
Binīlə hawālā
ḍu̯ləskī sıɣnmāt!
припев
Ŋu̯ŋnəwə ḍu̯ɣıwə
ḍu̯ləskī ū̆ḍaɣāt!
припев

M. Молдякитов. Калар

119. Ребята при жизни своей

(Пока живете в детстве)

Ребята, ребята, в жизни своей игры играйте!
В молодую, хорошую жизнь разговаривая пойте!
Помня, что плачущим не хорошо быть,
играя, поя, учащимся хорошо быть.
Черные, черные волосы пока не побелеют,
твердые зубы пока не сломаются.
Детские слова пока не состарятся,
с товарищами играйте, пойте!

120. Товарищи, братья [1]

Товарищи братья! (старшие) } припев
товарищи сестры! (старшие) }
Одним голосом
весело запоем!
припев
Одним шагом,
сцепившись, пойдем!
припев
Одним умом
жизнь (свою) построим!
припев
Вперед продвинемся
от худой жизни!
припев
К жизни, к работе
вперед протянемся!
припев
По прямой линии (направлению)
вперед последуем!
припев

[1] Эта песня сочинена учениками Ербогоченской школы и вывезена в 1934 г. Н. Салаткиным.

Т. И. Петрова

СКАЗКИ ЭВЕНКОВ ПРИАНГАРЬЯ[1]

ВВЕДЕНИЕ

Во время командировки от Комитета Севера ВЦИК к эвенкам, кочующим по рр. Комо (левого притока Подкаменной Тунгуски) и Каменке (правого притока Ангары) б. Канского округа Сибирского края, летом 1927 года, я записала несколько эвенкийских сказок. Так как специальной моей задачей было собирание экономических сведений, то уделить большое внимание записям текстов я не могла.

Известные среди эвенков хорошие рассказчики мне в том районе не встретились, и пришлось записывать со слов лиц, которые на мою просьбу рассказать что-либо выражали согласие. Чаще это были сравнительно молодые эвенки, не шаманы, и, возможно, этим объясняется упрощенный, лаконический стиль рассказанных мне сказок, из которых некоторые здесь приводятся.

Из опубликованных до настоящего времени сказок и рассказов сибирских эвенков мне известно лишь небольшое количество[2].

Сказки мною записывались на эвенкийском языке. На месте работы делались некоторые заметки относительно отдельных слов и форм. Окончательно же сказки были переведены на русский язык уже по приезде в Ленинград. В затруднительных случаях я обращалась к студентам б. Северного факультета Ленинградского Восточного института (теперь Института народов Севера ЦИК СССР) А. Черончину и Н. Салаткину.

Всего здесь я привожу одиннадцать сказок.

Первой помещается сказка о Kārāndəs и Uŋani, записанная от Андриана Николаевича Черноусова (кочует по р. Каменке) 8 сентября 1927 года. Перевести точно имена героев сказки (Kārāndəs, Uŋani), выяснить их смысловое значение довольно затруднительно, да и сами рассказчики не смогли это сделать. Имя Kārāndəs можно производить от слога kārā, что означает у эвенков „ворон"; это название ворона чаще употребляется в сказках, обычное же его название — ōl. Подтверждением правильности такого происхождения имени Kārāndəs является и то, что, по объяснению рассказчиков, именно в ворона обратился в конце концов Kārāndəs, когда, после долгих усилий, выбрался из моря. Сказка эта среди эвенков имеет большое распространение. Песню Uŋani, которую он поет, когда вызывает Kārāndəs'а помериться силами, на-

---

[1] Тексты, представленные Т. И. Петровой, уточнены в переводе и переписаны принятой в настоящем сборнике транскрипцией. Ред.

[2] В. Васильев, „Тунгусские предания", „Живая старина", 1900 г., в II, и 1909 г., в. I, Его же, „Образцы тунгусской народной литературы", сборник в честь 70-летия Гр. Н. Потанина, Записки РГО по Этн. отд. 1909, в. 34, Н. Н. Поппе, „Материалы для исследования тунгусского языка", Л. 1927 г. Небольшие отрывки и фразы из сказок и песен имеются в статье Huth'a „Die tungusische Volkslitteratur und ihre ethnologische Ausbeute". Известия Академии Наук, том XV, 1901. В. Васильевым приводятся эвенкийские сказки и рассказы на русском языке в переводе с якутского. У Н. Н. Поппе они даны на эвенкийском языке с русским переводом; кроме того, в начале предпосланы грамматические замечания, а в конце помещен словарь, составленный на основании тех же рассказов. У Huth'a приведены упоминутые отрывки на эвенкийском языке с переводом на немецкий язык. Разбираются они автором с точки зрения стилистических форм (стихосложение).

певают даже женщины во время работы. По словам эвенков, в память о добром Uŋani, отомстившем за убийство эвенков Kārāndəs'у, шаманы имеют на своем костюме железные крылья.

Вторая же и третья сказки про Akarāmə записаны 9/10 сентября 1927 года от А. Н. Черноусова (кочует по р. Каменке). Из разговоров, во время рассказыванья этих сказок, можно было вынести впечатление, что Akarāmə—это какой-то родоначальник эвенков, которому покровительствует земля и небо, будучи его женами. Прямо об этом в сказке не говорится, и лишь некоторым намеком служит эпизод с лягушкой, когда две жены Akarāmə на обращение последнего к богу отвечали, одна с дерева (сверху), а другая из земли (снизу). Четвертая сказка о Mŋrāwŋl'e записана со слов П. Е. Киронова (кочует по р. Каменке) 3 сентября 1927 года. Huth, приводящий отрывок из сказки о Mŋrāwŋl'e, записанной им приблизительно в тех же местах, где работала после него и я, находит, что рассказы о герое с таким именем встречаются у тунгусо-манчжурских народностей различных районов. По его мнению, сказка, записанная Протодьяконовым у уссурийских нанай (гольдов)[1], с героем, носящим имя Нэннэ Моракху, по имени и характерным чертам героя напоминает записанную им сказку о Mŋrāwŋl'e. Huth и значение этого имени ищет в нанайском (гольдском) слове „кричать" (mога — основа глагола кричать). Имя Mŋrāwŋl, по толкованию Huth'a—„громко кричащий", вполне соответствует содержанию сказки, записанной им, и с большой натяжкой упомянутой сказке Протодьяконова.

Пятая сказка о Mūjiŋə записана со слов Н. П. Оллода (кочует по р. Комо) 12 августа 1927 года. Содержит рассказ о кровной мести. Следует обратить внимание на то место, где огонь своим „чиканьем" дает знать Mūjiŋə о приходе Huladigir'ов. Примета основана на распространенном у эвенков поверьи, что огонь всегда предупреждает о какой-либо опасности. Во время моей поездки бывали такие случаи: соберемся уже совсем в дорогу, как огонь „чикнет", и эвенки отказываются выезжать из дома, уверяя, что в дороге ждет несчастье, „огонь не велит ехать".

Шестая и седьмая сказки об Iwŋl'e записаны со слов Максима Филатовича Берегова (кочует по р. Онок) 23/25 августа 1927 года. Интересны как пример юмористических рассказов у эвенков. Комический элемент в данных сказках заключается в неправильном понимании Iwŋl'ем обращенной к нему речи и особенно в тех случаях, когда одними и теми же словами обозначаются разные понятия. Например: ninti означает пятку человека и ninti — тонкие кедровые корни, которые идут на сшивание бересты; əptīlə—ребро у человека и əptīlə—шпангоут у берестянки (лодка); ninakir — собака и ninakir — деревянные зажимы, которые поддерживают бересту при обшивке берестянки. Я слушала сказку об Iwŋl'e от одного эвенка на русском языке два вечера, и она все-таки не была окончена. Приключения Iwŋl'я крайне многочисленны и нелепы. К сожалению, передать мне содержание сказки по-эвенкийски у рассказчика нехватило терпения, и я принуждена была ограничиться только несколькими отрывками. Среди эвенков рассказ об Iwŋl'e очень распространен.

Одиннадцатая сказка о Намонные и шамане записана со слов А. Н. Черноусова (кочует по р. Каменке) 16 сентября 1927 года. Nāmənnəja представляет собою один из видов тех мифических существ-полулюдей, которые, по представлению эвенков, населяли или еще населяют землю. Они рисуются людьми медведеобразными, огромного роста и покрытыми шерстью.

Восьмая и девятая сказки записаны со слов Андриана Николаевича Черноусова (кочует по р. Каменке) 2 сентября 1927 года. Лисица, по мнению эвенков, является очень хитрым и озорным зверем. Содержание этих сказок не ново: они являются вариантом некоторых эпизодов сказки, приведенной В. Васильевым на русском языке под названием Хулян и Кувшичан.

Десятая сказка—о мужике и огне. Мораль ее заключается в том, что к огню надо относиться почтительно, иначе разгневанный дух огня наказывает виновного.

---

[1] „Песни, былины и сказки уссурийских гольдов". Записки Общества изучения Амурского края, 1896 г.

A. Cernousow. Kamenka

1. Kārāndəs, Uṇanı

Bicə̄tin ḍūγıl kətəkə̄kụn. ụmụkə̄n bicə̄n atırkān. Kārāndəs əmərān. Upkatwa əwənkīlwə manaran. Atırkān kalanḍıwı mə̄nmi kupuran. Atırkānmạ əşin bakara. Kārāndəs dəγillən. Atırkān, Kārāndəs dəγilləkin, kalandukkı ıllan. Sụrụrən, eruktallan əwənkīlwə. Icəttān ēkun-da ācın. Atırkān sụrụrān bıralā. ụgụli sụrụrən. Tālā ilbərən numnakīlwa. Numnakīl amusına. Amunmatin gadan, sụrụrān ḍūlāwı. Əmərān əmkəjə̄n ōran, əmụcillən — kuŋākānmə ụrə̄snən. Ṇān əmụcillən—soŋollon kuŋākān. Ṇānā əmụcillən — gırkullan. Irgicillən. Tırganīdu baldıllan. Ḍū̄r-ḍārdu tırganīl bəjā ōdan. Hanmūktallan tārā bəjā atırkānmə: „ekun amtılwaw wācān?“ Atırkān gū̄nān: „Ətə̄nnā bakara wāḍāpkīwạ, nuŋan ụgili sụrụcə̄n“. Tārā hụrkəkə̄n gū̄nān: „īrilə̄ sụrụcə̄n? Sılbakal mintikī“. Atırkān silbaran. Hụrkə̄kə̄n ōllan hurakīlawı. Atırkān kalanmān kuputcawunman ōran hurakīlawı dəwəcillən. Dəγillən. Purasınan Kārāndəspạ. Tālā bakaran Kārāndəs docakıtpān, doran tadu. Albaran dəgdəḍəmī nuŋanmān, kapurgaran, ṇānā dəγillən. Tālā bakaran ḍūwān. Ṇurmārān. icərān Kārāndəs hurakīlın biḍərə tụlilə̄. Nuŋan ḍoromoron hurakīlwān irəgə̄llən. Kārāndəs dōldıran, gū̄nạn: „ēkun paskanḍaran?“ Asīn gụnān: „Badaraḍaran“. Hụrkə̄kə̄n irəgə̄rən. Ṇānā əmərān, biḍạktụtin nə̄rān, sụrụrān, ə̄rillən. „Kārāndəs əməkəl, lāmə ụŋụrə̄kə̄ndụn dəgdụmə̄kạ̄tcilləp“. Kārāndəs dōldıran, ıtıgallan. Gū̄nạn: „Əkəl-kə̄nə alakīwı tətissạḍəm“. — „Kārāndəs, Kārāndəs, əməkəl, əməkəl, ụŋụrə̄kụndụn dəgdụmə̄kạ̄tcilləp“. — „Əkəl-kə̄nə əkəl-kə̄n, sirạkə̄milwi tətissədəm“. — „Kārāndəs Kārāndəs, egdakāndāwı tətissəlinnā, əməkəl, əməkəl“. Kārāndəs dəγillən, ụγirə̄llən lāmulā. Ərgəmə̄cillạ Uṇanı ụγirə̄jə ōdan. Kārāndəs hōlosmə̄jḍạn albajaḍan. Uṇanı hata ụgirə̄dạn, gorokōkunma ụgirə̄rā. Ụmnə̄t Uṇanı ụγijit iktərān. Kārāndəs hurakīwān əwrān. Kārāndəs bụrụrān lāmə, ụŋụrə̄kə̄kụndụn. Ḍapkunlawa jū̄sməḍārān, cumdalāwı aran jū̄rān.

А. Черноусов. Каменка

1. Карэндос, Уняны

Было юрт много. Одна была старушка. Карэндо пришел. Всех эвенков кончил (съел). Старуха котлом себя покрыла. Старуху не нашел. Карэндо улетел Старуха, когда Карэндо улетел, из-под котла встала. Ушла, стала смотреть эвенков. Увидала—никого нет. Старуха пошла к реке. По берегу пошла. Там испугала гусей. Гуси обделались. Помет их взяла, ушла домой. Пришла, люльку сделала, стала качать—на ребенка похож стал. Опять покачала—заплакал ребенок. Опять покачала—стал ходить. Стала воспитывать. Днями рос. В двадцать дней мужиком стал. Стал спрашивать тот мужик старуху: „Кто родителей моих убил?“ Старуха сказала: „Не найдешь убийцу, он вверх ушел“. Тот мальчик сказал: „Куда ушел? сообщи мне“. Старуха сообщила. Мальчик стал делать крылья. Старухиного котла из покрышки сделал крылья, стал летать (пробовать). Полетел. По следу Карэндо отправился. Там нашел Карэндо место посадки, сел там. Не могло удержать его, сломалось (место посадки), улетел. Там нашел дом его. Подкрался, увидел Карэндо—крылья лежат снаружи. Он украл, крылья подпилил. Карэндос услышал, сказал: „Что потрескивает?“ Жена сказала: „Горит“. Парень подпилил. Опять пришел на место положил, ушел, стал кричать. „Карэндо, приходи над морем серединой померяемся летанием“. Карэндо услышал, стал собираться, сказал: „Подожди, обутки надену“. — „Карэндос, Карэндос, выходи над серединой (моря), померяемся (летанием)“. — „Подожди, подожди, маховые крылья надену“. — „Карэндос, Карэндос, чего ты долго одеваешься, иди, иди“. Карэндос полетел к морю. Спланировали. Уняны выше стал. Карэндо внизу, не может. Уняны еще поднялся, далеко поднялся. Вдруг Уняны сверху ударил, Карэндоса крыло сломал. Карэндос упал моря на середину. Восемь дней вылезал, (до того что) уменьшился.

A. Cernousow. Kamenka

2. Akarāmə

Akarāmə ŋənəḍäcə̄n hoktolı. Tālā вakaran əwənkīl ḍūkcālwatın. Ḍūkcāldu вụniwạtin вakaran. Asīwa gadan uwasınan hoktolıtın. Tālā вakaran nuŋaıwatın, вụnıwạ вakanawı əmə̄nən. Mə̄nəkə̄n ḍūlātin əmərən. Hanmūktalla: „īll əməmụs Akarāmə?“ Nuŋan gū̄nän: „Hoktolısun əməm“. — „Sī-kə əmụkin əmənnä?“ — „Əciw, mınŋi tālā asīw вiḍərən“ — „ēda əcis əməwrə“. — „Nuŋan вə̄lın, ŋə̄lätcə̄w əməpkitwi nuŋan вə̄lıkəkụn“. — „icənə̄ktəwụn nuŋanmān, ə̄lə̄ əməḍən“. — „Ca! əkəllu, вə̄lılḍəlụən, mə̄nmi ụcilγəḍān“ — „icənə̄ktiwụnti“. — „Ca, əkəllu вə̄lin, mə̄nmi wāḍən“.

Nuŋartın hatadıkı gənnə̄sinä nuŋanmān, əmərə. Nuŋan mə̄nmi ụcilə̄rə purtat. Nuŋan, Akarāmə вikə̄jim, mə̄nəkə̄n purtawa ụcilə̄rən əwtəlin. Tarıl icinə̄rä, icərä— mə̄nmi wācā. Mucusına Akarāməlā, gū̄nä. „Aşīs mə̄nmi ụcilə̄rə“. Akarāmə soŋolkō-kuttan. „Şụnə gụcə̄w, əkəllə icinə̄ḍärä, aşīw вə̄lin вicə̄n“. Tarīl gū̄llə, gū̄nə: „Əkəl şoŋodoro, Akarāmə, aşījas вū̄ вū̄ḍärāw“. Nuŋan hata soŋojoḍon. Ṇānä gū̄llə: „Ətəkəl soŋoḍomī, ḍū̄rə aşāl вū̄ḍərəw“. Akarāmə ajakākun odan. Ḍū̄rwə aşāl gadan.

A. Cernousow. Kamenka

3. Nımŋakān

Əmụkə̄n вəjä sụrụrān, ororwı onosınan. Tala arcaran ərəkīwə tasaḍarīwa ororwı. Gū̄nän: „Minṇil ororwı“. Gē gū̄nän: „Minṇil“. Mụşşəmə̄cillə, ụpcụllə. Əhsəriwə ə̄rillə, Ərəkī ə̄rillən — ekun-dā ācin. Bəjä ə̄rillən. Bəjäŋil ḍū̄r asālīn: gē mōwa tụktirān. gē dụnnā dụnnạmə̄cạ. Bəjə əhsə̄rīwə ə̄rillən. Mōdu вisin aşīn ḍawurıllan: „Bəjäŋil ororın“. Ərəkī ṇānə gēwullan ə̄rillən dụnnəwə, ṇānä ekun-da ācın. Bəjä dụnnəwə ə̄rillən. Ṇānä dụnnạdụ вisin ḍawurıllan. „Kəl īrä sinṇil ə̄rinəllä. Minṇilwạ dōldıcınnä ḍawrıḍarıwə“. Ororwon tirān, tasısınan ḍūlāwı. Tikin-mạl oror вidə̄tin.

А. Черноусов. Каменка

2. Акарамо

Акарамо шел по дороге. Там встретил эвенков юртовища. В старой юрте покойницу нашел. Женщину взял, потащил по дороге. Там нашел их, найденную покойницу оставил. Сам до юрт их дошел. Спросили: „Откуда пришел, Акарамо?“ Он сказал: „По вашей дороге пришел“. — „Ты-то один пришел?“ — „Нет, моя там жена осталась“. — „Почему не привел?“ — „Она—мэнеричка, боялся привести, она сильно „кружает“. — „Пойдем-ка посмотрим, сюда придет“. — „Нет, не ходите, закружает, сам посмотрю“. — „Пойдем посмотрим“. — „Нет, не ходите, мэнеричка себя убьет“.

Они все-таки пошли за ней, пришли. Она себя заколола ножом. Он Акарамо сам нож вколол в легкие. Те пошли посмотреть, увидали — сама себя убила. Вернулись к Акарамо, сказали: „Жена твоя сама себя заколола“. Акарамо сильно заплакал. „Вам говорил, не ходите смотреть, жена моя—мэнеричка“. Те стали говорить, сказали: „Не плачь, Акарамо, жену мы дадим“. Он сильнее заплакал. Опять сказали: „Перестань плакать, две жены дадим“. Акарамо перестал. Двух жен взял.

А. Черноусов. Каменка

3. Сказка

Один мужик шел, оленей вел. Там встретил лягушку, гнавшую оленей. Сказал: „Мои олени“. Другая сказала: „Мои“. Заспорили, заругались. Бога позвали. Лягушка закричала — ничего нет. Мужик закричал. (У) мужика две жены: одна на дерево влезла, другая на земле осталась. Мужик бога покричал. На дереве бывшая: жена откликнулась: „Мужика олени“. Лягушка опять вторично закричала на землю — опять ничего нет. Мужик земле покричал. Опять на земле бывшая жена откликнулась. „Ну, где же твои вызванные? Моих слышишь отликающихся“. Оленей отобрал, погнал домой. Теперь олени чтобы были.

I. Kɪrənəw. Kamenka

4. Mʊrāwʊl

Bicən Mʊrāwʊl ətirkən. Asīja ācɪn, əmʊkən. ēn-dā ācɪn. Nʊŋan Mʊrāwʊl lʊkījawɪ ōḍarān, kʊlʊkāt kʊlʊkāḍarān. Asī ʊgīli dāgḍārān, gʊnḍārān: „Sī-gdə-glə ōḍannə ācɪndə". Mʊrāwʊl əsɪn dōldɪra ajat, ēkʊn həŋkəcillən, mʊnnɪlillən īlə-dō əsɪn icəwʊllə. Asī ŋānā: „Sī-gdə-glə ōḍannā! Səbḍəpcʊkɪt bodoḍonnā?" Mʊrāwʊl mʊnnɪllən, icərān asīwa, ʊgiskīkəkʊn ʊgikʊnduli dōwaicarān. „Asījaj" ərillən" Mʊrāwʊl: „Pʊrʊkəl mindʊlə". — „Ətām, irgikturəl minə hʊjicətin, asaḍira ūḍalıw, səhşʊw ūḍaḍara curgɪḍarīwa". Təli bʊrʊrān. Mʊrāwʊl gʊ̄nan: „Bī gʊləjəwər ōḍam, ılanḍı baksanmą". — „Ətām", asī gʊndan, əsɪn ḍōkɪra. Mʊrāwʊl gʊnḍan: „Bi ōḍam gʊləjəwər digɪndi baksanma". Asī gʊnḍan: „Ətām, irgikturəl əməmī, gʊləwə əwḍərə, wāḍarą minə, ətām". Mʊrāwʊl gʊ̄nan: „Bī gʊləjəwər ōḍam, baksalḍam".

Asī tārā bʊrʊrān, ḍokīran. Adıkānmą doibonīl ānŋaktarā, hʊtətin baldırān. Mʊrāwʊl tārā asītkīwɪ gʊ̄nan: „Bī ılan urəl cāgɪdāduktɪn dōldɪḍam, ərilləkis minə, irgikturəl əmələləktin. Bī tālā dōldɪḍam, ərilləkis, lukīwɪ, bərilwī ʊḍam sindʊlą. Əmʊkən binə, lukīw manaḍam, nuarwatın wāḍan".

Mʊrāwʊl sʊrʊrān, gɪrkullan goroskī. Amardun irgikturəl əmərā, purara asīwa tārā. Irgiktʊrąl tārā asīwa lukītpar garpara dəgḍərīwə ʊgili. Nekakīwān ŋāląwān timirə, əwrə. Irgiktʊrəl, ılan binəl, purışına ʊgili dəgḍərīwə asīwa. Ŋālądukīn nekakīdukən səhşin curgɪḍarīwə ūḍara Mʊrāwʊlduląlą gʊlələn. Mʊrāwʊl ācɪn gʊlədʊwi — gɪrkuḍarān. Əmərā asī ḍūlān, asī əmʊkən. Gʊ̄llə, əməmī: „Asī tuktiwʊnmi ḍʊlkʊkəl". Mʊrāwʊl asīwɪ alawuran: „Tʊktiwʊnmi ʊgiskī tākąl, tuktʊŋnanḍarā irgikturəl əməmī. ōnə əjəcillələitin, ənə ʊlākciwrə, əksəkəl tʊktiwʊnmi ḍʊlkʊrə". Irgikturąl əməmī, əjəcillə tʊktiwʊnmən. Asī tārā əsin ḍʊlkʊrə. Hata nuartın əjətciḍārā, tʊktiwʊnmi hərgiskī sʊndədən. Gorokōkunma əjətcirā. Nʊŋan hata əsɪn ʊlākcimə nuardutın.

И. Киронов. Каменка

4. Мурэвул

Был Мурэвул старик. Жены нет, один—ничего нет. Он, Мурэвул, стрелы делает, рубанком стругает. Женщина вверху летает, говорит: „Ты-то зря работаешь без ничего". Мурэвул хорошо не слышит, кто заговорил, оглянулся, нигде не видно. Женщина опять: „Ты-то зря работаешь, весело живешь?" Мурэвул оглянулся, увидел женщину, высоко поверху парит. „Женщина!" закричал Мурэвул: „упади ко мне".—„Не стану, волки меня ранили, гонятся по следу моему, по каплям крови моей следуют". Потом упала (спустилась). Мурэвул сказал: „Я дом строю, на трех ногах (подставках)".—„Не стану", сказала женщина, не согласилась. Мурэвул сказал: „Я сделаю дом на четырех ногах". Женщина сказала: „Не стану, волки, придя, дом снесут, убьют меня, не стану". Мурэвул сказал: „Я дом построю, подставки сделаю".

Женщина та упала, согласилась. Сколько-то ночей проспали, сын родился. Мурэвул тот жене сказал: „Я из-за трех хребтов услышу, если позовешь меня, когда волки придут. Я там услышу, когда позовешь, стрелу, лук пошлю к тебе. Один будучи, стрелу истрачу, их убью".

Мурэвул ушел, ходил далеко. После него волки пришли, выследили женщину ту. Волки в ту женщину стрелой выстрелили, в летящую вверху. Маленькую руку ее (мизинец) сломали, утащили. Волки, трое будучи, стали выслеживать летящую вверху женщину. Из руки из ее по каплям крови следили (следом шли) к дому Мурэвула. Мурэвула нет дома—ходит. Пришли к дому женщины, женщина одна. Сказали, придя: „Женщина, лестницу спусти". Мурэвул жену научил: „Лестницу вверх втяни, как бы не залезли волки, придя. Как бы ни просили, как бы ни обманывали, лестницу не опускай". Волки, придя, стали просить лестницу. Женщина та не спустила. Все еще они просят, лестницу вниз чтобы спустила. Долго просят. Она все еще не обманывается ими.

Nuartın iktəlḍīwər kəŋillə baksawa. Əmụkə̄nmə ḍapkīwatın kəŋirə iktəlḍīwạr. Əmụkə̄nmə hata əwrạ. Asī tārā ŋə̄ləllən, Mụrāwụlwạ ərillən: „Mụrāwụl īdụ ōḍannā, ēwa gụ̄cə̄s: ılana ụrəl cagıdāduktın dōldıḍam?“ Mụrāwụl dōldırān, asīn ə̄rilləkin, lukīwı ılanma ụŋnạn, garparān bəritpi. Əmụkə̄n lukīn əmərān asīlān. Irgiktụrə̄lwə upkatpa, əmụkə̄n binə manaran. Upkatpān ılanıwa wārān.

N. Ollöda. Komo

5. Mụjiŋə̄

Mụjiŋə̄ bicə̄n sōniŋ. Ganālcādu maŋıcān. Əwənkīl ılanna, gərbitin Huladıgır, Mụjiŋə̄ manaran. Ḍụ̄r hụrkəkə̄r sụrụrā, tuksasınā. Bəjəl ōda. Gələktəllə Mujiŋə̄wə. īdụ biḍạrān, bakara.

Dolboltono Mụjiŋə̄ āṣılḍarakın, əmərə. Tụligit dōlcatta. Mụjiŋə̄ āṣıllạn, toγo hiŋkərān. Asīn gụ̄nān: „ēwa hiŋkərān, Huladıgır əməḍərā“. Mụjiŋə̄ gụ̄nān: „ēduk Huladıgır əməḍirā, nınnukārḍi halgarwar sıranal, əməḍirā“. Āsıwə̄nən.

Əmərā Huladıgır Mụjiŋə̄lə̄. Bakara hụtən jaŋkawān. Mụjiŋə̄ hụtən şukşıllalın mōŋōgsolın ḍụkəməl. Purasına, bokonon, tụliŋụsınən, əmə̄nən bəjəlwə. Tālā, jụ̄ktəldu turgaran. Mıkcānān ḍụkəməlwı ūlaran. Tādu bəjəlwə bokono, wācā. Sururə Mụjiŋə̄lə̄. Mụjiŋə̄ sagdı ōcā. Tụligit ə̄rillə: „Mụjiŋə̄ jụ̄kəl! Huladıgır əməcə̄l, nınnukārdī halgarwar seranal“. Tādu Mụjiŋə̄wə wācātın.

M. Beregow. Ənək

6. Iwụl

„Iwụl tusınḍakal, nə̄kụdụ ụrikạl, ḍūja hawalḍakal nə̄kụdụ“. Nuan nə̄kụdụ hawallan ojon. Akīnīn əmərān, gụ̄nạn: „Iwụl sinā gụ̄cə̄w, hawalḍadās dụnnədu, si-də̄ nə̄kụdụ. Moŋnon bisinnā“. Tāduk gụ̄nạn: „Iwụl tusınḍakal əsī, ụrikạl tārā bıradu,

---

Они зубами стали грызть подставку. Одну восьмую сгрызли зубами. Одну все-таки свалили. Женщина та испугалась, Мурэвула позвала: „Мурэвул, где работаешь, что говорил: из-за трех хребтов услышу?“ Мурэвул услыхал, когда жена закричала, стрелы три послал, выстрелил луком. Одна стрела пришла к жене. Волков всех, один будучи, кончил. Всех трех убил.

Н. Оллода. Комо

5. Муинго

Муинго был богатырь. В стрелянии укрепился. Эвенков три хозяйства, по имени Хуладыгир, Муинго кончил. Два паренька ушли, убежали. Мужики (они). Пошли искать Муинго. Где живет, нашли.

Вечером, когда Муинго спать ложился, пришли. С улицы услыхали. Муинго спать ложиться стал, огонь чикнул. Жена сказала: „Что чикнул, Хуладыгиры пришли“. Муинго сказал: „С чего Хуладыгиры придут, жердями ноги свои подпирая придут“. Спал много.

Пришли Хуладыгиры к Муинге. Нашли сына его лыжный след. У сына Муинги ободки лыж ледяные. Отправившись следить, нашел, стороной прошел, оставил мужиков. Там на ручей наткнулся. Прыгнул, свои ледяные (обшивки) замочил. Там мужиков, найдя, убил. Пошли к Муинго. Муинго состарился. С улицы закричали: „Муинго, выходи! Хуладыгиры пришли, жердями ноги подпирая“. Там Муинго убили.

М. Берегов. Онок

6. Ивуль

„Ивуль, иди вперед, у лабаза остановись, юрту построй у лабаза“. Он на поверхности лабаза стал строить. Брат (старший) пришел, сказал: „Ивуль, тебе говорил, чтобы на земле строил, ты же на лабазе. Дурак есть“. Потом сказал: „Ивуль, иди вперед сейчас, остановись у той реки,

ḍūja hawalkal, sıruwı sụrụpkạl, mə̄ndụwi əlgəskəl, tādu ụrikạl, bıradu". Iwụl hawallan ḍūja mụ̄dụ. Bıra dōndun sērittan, albaran. Bıra əjə̄dụ sə̄raŋīlīn əjə̄sinḍərə. Gụ̄nạn sıruwı: „Sıru əməkəl, ḍawucınākạl sōnawa". Sıru əsin tillə. Oron bisin oron.

Nuŋan sụrụrān sırulāwı, gụnḍạnạ: „Untalwı ədụ̄wi ulara, əkəl-kə̄n-nụn, sindulə əməḍəm, untalwās luknāḍạm. Gụ̄cə̄ bırān, luktan untalwān. Sırun Iwulŋı bụddạn. Nānā akīnīn əmərān, Iwulwa həŋkəcillən, gụ̄nạn: „Iwụl, sıruwa wānnā?" Nuŋan gụ̄nạn: „Bī untalwān lukım, nugan āsınạn". Akīnīn gụ̄nạn: „Miti matal əmərəktin, ētı, sırul ụsipkə̄ncilləktin, ekunḍe kụsipkə̄siḍap?" — „Bī-kə bıḍəm" — „Sī elḍī ijətə̄ḍənnā?" — „Cụcụnkək, kedərə̄kək, ṇānā bī kụsilḍạm". Sırul ụmụnụptā. Kətəkạ̄kụn matal əmərā. Sırulwa kụsipkə̄cillə. Iwụl cụcụnmi, kədərə̄wi ḍawaran, sụrụrən sıruldulā. Sırul kụsiḍārā. Nugan sırulwa tuksamalcullan kədərə̄lḍīwi. Sırul upkat ŋə̄ləllə.

Tāduk akīnīn gụ̄nạn nuanmān: „Iwụl sī gənnə̄kəl nintələ". Iwụl əməwrān bıraduk kuŋākār nıntılwātın, əməwrān akīndulāwı. Akīnīn nuanmān həŋkəcillān, gụ̄llən: „ēcāw sinə gụ̄cə̄w ərgəcirə əməbdə̄s. Əwənkī̄l hụtəldụliwər mitpə wāḍạrā. Iwụl gənnə̄kəl əptilələ̄". Nuan əməwrān kuŋākār əptilə̄lwạtin. Akının gụ̄nạn: „Iwụl nınakıra gənnə̄kəl". Iwụl sụrụrān. Upkattulı ḍūgıl gırkuran, əwənkī̄l nınakırwatın əlgạrān. Nınakākurīn kụsikə̄tcụlkạ̄kụttə. Nınakır təkəgərə ḍaptan upkacın. Ərụmə ōdan. ụsindạkīt ōdan, hụŋtụlwə ḍaptalārān. Əsīlə Iwụlwə əsin ụŋ ttə əmụkə̄n ḍawwı ōllan. Ətərān, irəktə lulḍīn luhran, luŋıllan, muŋəllạn. Ətərān, upkatpān ōran, ıtalwı ıtalārān, simiptirạn ōran, ụlkilin similin dılaptun.

* * *

7. Iwụl

Iwụl bicə̄n moŋnon. Nuŋartın ılana aknıl. Əmərā nuŋardulātın caŋıtıl. Iwụl siləŋḍərān. Caŋıtıl ganacilla nuŋarwatın. Aknīlīn adagasılla. Iwụl siləwi ollonḍorān. Akīnīn bəritpi siləwə̄n ụŋkụrən. Nuŋan silədụwi soŋollon. Amīnmī lukīḍīn nuŋarwatin ganattan. Manaran.

дом построй, быка отпусти, к себе сведи, там остановись у реки". Ивуль стал юрту строить на воде. На середине реки жерди ставил, не мог. На быстрине реки жерди уплывают. Сказал быку: „Бык, иди, иди поддержать связку жердей". Бык не понял. Олень есть олень.

Он пошел к быку, говоря: „Чтобы унты не замочить, подожди, к тебе приду, унты твои приду снять". Сказал, снял унты его. Бык Ивуля умер. Опять брат пришел, Ивуля спросил, сказал: „Ивуль, быка убил?" Он сказал: „Я унты снял, он заснул". Брат сказал: „Наши соседи когда придут, чем быки начнут драться, чем заставим драться?" — „Я-то есть". — „Ты чем драться станешь (какими рогами)?" — „Скребком, мялкой опять же я начну драться". Быки собрались. Много соседей пришло. Быков заставили драться. Ивуль скребок, мялку схватил, ушел к быкам. Быки дерутся. Он быков разогнал мялками своими. Быки все испугались.

Потом брат сказал ему: „Ивуль, ты принеси корней". Ивуль принес с реки пятки детей, принес брату. Брат его спросил, сказал: „Разве я тебе говорил, чтобы такие принес. Эвенки за детей своих нас убьют. Ивуль, принеси ребра (для лодки)". Он принес ребра детей. Брат сказал: „Ивуль, зажимы (для лодки) принеси". Ивуль ушел. По всем домам ходил, собак эвенков привел. Собаки его (сильно) дерутся. Собаки разорвали лодку всю. Худо стало. Разрушение стало, другие лодки стал делать. Теперь Ивуля не посылал, один лодку делать стал. Кончил, лиственничной смолой намазал, замазал, смочил. Кончил, все сделал, дранки подвел, продольные дощечки сделал, поперечины, нос покрыл.

* * *

7. Ивуль

Ивуль был дурак. Их три брата. Пришли к ним бродяги. Ивуль суп варит. Бродяги стали их стрелять. Братья старшие увернулись (от стрел). Ивуль суп свой вешает на крюк. Брат луком суп пролил. Он по супу заплакал. Отцовской стрелой в них выстрелил. Убил.

A. Cernousow. Kamenka

8. Sulakī

Sulakī, irgiktu̯rā вakaldıra, u̯lgu̯cəməcillā. Sulakī gū̯nạn: „Bəjə şī ëdu вimcəs?“— „Bī ḍəkidu mōtīdu вimcəw“. Irgikturä hanmūkıaran: „Sī-də ëdu вimcəs?“ Sulakī gū̯nḍän: „Bī nu̯su̯ktəkəndu вimcəw“. Irgiktu̯rā gu̯llən: „Gələktəlləp targacıra mōtılā“. Sulakī u̯ru̯nān. Gələktəllə. Tālā u̯rədu̯ вakara ḍū̯ktəwə. u̯mu̯ndu̯ ilвərə. irgiktu̯ra aşaşınan ḍəkiwə, sulakī aşaşınan nu̯su̯ktəwə. Sulakī tarkāndulā aşaran-da həwginmu̯rən, əkənəllən: „Bəjəjəj, şī mōtīlıpkal, həwginmucə вişim“. Irgikturä aşaşınaṇ ḍawaran mōtīwa. Sulakī puraşınan. „Tālā əmərān вu̯rgu̯kəku̯n mōtī“, gū̯llən: „Bəjä ëja ōḍap?“ — „Hərkəmətkətcəḍəp“, irgikturä gū̯nạn: „hərkəkəl minə, imuksəkərə u̯liḍạkạl, tarīt ṇānä вī-wə-li şinə hərkəḍəm, imu̯ksəkərə вī-wə-lı u̯lilḍạm“. Irgiktu̯rä ḍəkərən. Hərkərən sulakīwa, əsīlə imu̯ksəlḍī u̯lillạn. Gorowo u̯lirən. Əsīlə suwran sulakīwa. Gū̯nạn sulakī: „Bī-wəlī şinə hərkəktə, imu̯ksạlạ u̯lilḍạŋəw“. Irgiktu̯rä ḍəkərən. Hərkərən sulakī irgiktu̯rəwä. Hələnəlwə sulakī mənəkən, ḍəвḍəḍən. Irgiktu̯rā, hərkəpcə вinə, icətcəḍən. Ətən ëja-dā вū̯rạ. Irgiktu̯rä ḍəmu̯llən, əjəcillən sulakīduk ḍəвdəwi. Sulakī вū̯cillən gudıgälwə. Sulakī manaran upkatpān mōtīwa, su̯ru̯rən. Irgiktu̯rä hərku̯rạmnin əmənmu̯rən.

Ōlı dəgsən nuŋandulın, irgiktu̯rạli. Nuŋan ōlıwa ərillən: „Ōlı əməkəl, minə sumŋakal“. Ōlı gū̯nạn: „Sī minə callamīkāndukıw əlgəpkənḍäīnnä“. Ōli əmənən, dəgillən. Tādu ṇānä hınnırīl dəgrə irgikturələ. Dōra mōdu. Irgiktu̯rä ərillən, hınnırılwa gu̯llən: „Hınnırīl şupkällə minə“. Hınnırīl şuwılla, ınŋınnəpcəkəkun. „Suwrakışun, вī aşaḍam mōtīja“. Ṇānä şuwıcılla.

u̯du̯ru̯lwạr təştəḍənəl, aran lukta. Irgiktu̯rä şuwıwran. Əsīlə hınnırlīdu şuwḍanalıtın aşaran mōtīwa. Bū̯ru̯n, hınnırīl ḍəвḍədətin. Mənəkən puraşınan sulakīwa. Sulakī üḍan aran icəwu̯lrạ. Puratcaḍan tālā əsīlə həlkin ōdan, ḍūkcāldulā əməḍəkin. Tādu sulakīwa вakaran, gıramnawa kəŋillən. Kəŋidəmī iktəwi kaputtan. Tāduk ṇānä su̯ru̯-

---

А. Черноусов. Каменка

8. Лисица

Лисица (и) волк встретились, заговорили. Лисица сказала: „Мужик, ты где бы побыл?“—„Я в старом лосе побыл бы[1]“. Волк спросил: „Ты где бы побыла?“ Лисица сказала: „Я в молоденьком побыла бы“. Волк сказал: „Давай искать таких лосей“. Лисица обрадовалась. Стали искать. Там на горе нашли двух. Вместе спугнули. Волк погнался за старым, лисица за молодым. Лисица до тех пор гнала, пока судорога не свела ногу, закричала от боли: „Мужичок, ты притащи лося, я судорогой сведена“. Волк погнался, схватил лося. Лисица следила. „Туда пришел жирный лось“, сказала: „мужик что станем делать?“— „Свяжемся“, волк сказал. „Свяжи меня, жирком корми, потом опять я тебя свяжу, жирком тебя покормлю“. Волк согласился, связал лисицу, теперь жиром кормить стал. Долго кормил. Тогда развязал лисицу. Лисица сказала: „Я-то тебя свяжу, жиром кормить стану“. Волк согласился. Связала лисица волка. Остатки лисица сама съела. Волк, будучи связанным, смотрит. Не стала ничего давать. Волк проголодался, попросил у лисицы поесть. Лисица стала давать брюшину. Лисица кончила всего лося, ушла. Волк связанный остался.

Ворон прилетел к нему, к волку. Он ворона позвал: „Ворон, приди, меня отвяжи“. Ворон сказал: „Ты меня от сосания крови задерживаешь“. Ворон оставил, улетел. Туда опять клейстики прилетели к волку. Сели на дерево. Волк позвал клейстиков, сказал: „Клейстики, отвяжите меня“. Клейстики отвязывать стали, узлы тугие. „Если освободите, я нагоню лося“. Опять стали отвязывать.

Клювы свои попортя, едва отвязали. Волк распутался. Теперь клейстикам за развязывание погнал лося. Дал, клейстики чтобы ели. Сам погнался за лисой. След лисы едва виден. Следом идет там теперь, свежий след стал, когда к юртам пришел. Там лису нашел, кость грызет. Грызя, зуб сломала. Потом опять

[1] (в брюшине, объедаясь внутренностями, побыл бы).

rən. Tālā вakaran sulakīwa. Sulakīl tarīlwa iltənən. Irgiktụrā sulakīl ḍūkcāldulātin əmərən. Ḍūkcāldu вakaran iktəwə̄n kaputcawān. Gadan iktəwə, ṇānā purasınan. Tālā əmərən. Sulakil gụlụwụ̄ndụ kətəkə̄kụn вīḍərə. Irgiktụrā əmərən. Gụlụwụ̄ndụ irgiwi karapkānạn. Sulakīl haktānə. Nuŋan mụnnilirān, iktəjə ācın ācin, upkat iktəcīl. Ṇānā gələ̄ktəllən, ūḍawān вakaran. Purasınan, əmərən. Ṇānā sulakīl gụlụwụ̄ndụ вiḍərə, kətəkə̄kụn. Ṇānā irgiwi karapkānạn. Sulakīl haktānā. Upkatkākun mụnnilillən. Icərən əmụkə̄n iktəjə ācın. Tarāwə dagamārạn, gụ̄nạn: „Bəjā miti tiləmə̄cilləp". Sulakīwa tiləllən, iktəḍīn nuŋanman ụtụnmə̄rən, gụ̄nān ḍaltakın: „Gırkısun āmüllən, tirụjə̄n nə̄kəllə". ūkələ̄sinmụkə̄nən nuŋan, sụrụrən, hụktilkạ̄kụttən, ədə̄tin sulakīl nuŋanmān ḍawara, tarıtpı-dā miṣə̄rạn.

I. Kirənəw. Kamenka

9. Sulakī

Sulakī əmərən. Ətirkə̄n sagdıkōkun atırkānīn вisin ḍụ̄ktə. Nuŋartın hụtəltin ācın. Sulakı ụlə̄ksicərən tar ətirkə̄nmə: „Amākā ororwos tinəktə, вī tādu icəm oŋkokōkunma. Tālā ororwos tinəktə". Ətirkə̄n ḍəkirən. Ətirkə̄nŋil ororīn əmərə. Tinnə̄sinən sulakī. Tālā təpụrən ororwōn. Arakākun ḍəвḍən. Əsīlə̄ asuna-wal вiḍən. Adıja-wal tırganīl icənə̄skə̄nḍən ətirkə̄n. Sulakī upkatpa manaran; ororwo ətirkə̄nŋilwə manamī, gụ̄nạn: „Amākā si-wəli icənə̄kəl ororwı". Ətirkə̄cə̄n icənə̄sinən, sulakī upkatpān ororwōn ḍəpcə̄.

Tārā ətirkə̄n mucusınan ḍụlāwı. Ənə ḍūwı dagamārạ gorogıt atırkāntıkīwı ulgucə̄mə̄cillən, jə̄kənə̄tcə̄n: „Soŋoḍokol atırkānəj, sulakī ororwo manacā". Atırkān əsın ajat doldıra. Sulakī ulgucə̄lə̄sillən, gụ̄llən: „Amākā gụnḍārān: „Atırkānəj, sulakī ororwo вụrgụpkə̄cə̄, ṇākạjə̄n вụ̄ḍākəl вụrụŋjạn, siltiksəŋjə̄n eụ̄kəl". Tār atırkān ṇākəjə̄n вụ̄rən, вụrụŋjạn вụ̄rən, siltiksəŋjə̄n вụ̄rən.

Əḍālin ətirkə̄n əmərə, sulakī, вụ̄rəkin upkatjān, tuksanan, tarīklā, sụrụrən.

ушел. Там нашел лису. У тех лисиц остановился. Волк к лисьим юртам пришел. В юртах нашел сломанный зуб. Взял зуб, опять по следу погнался. Туда пришел. Лисицы у костра живут, много. Волк пришел. На костре хвост прижег. Лисицы захохотали. Он оглянулся—беззубой нет, все с зубами. Опять пошел искать, след нашел. Пошел по следу, пришел. Опять лисицы у костра живут, много. Опять хвост прижег. Лисицы засмеялись. Всех осмотрел. Увидел—одна без зуба. К той подошел, сказал: „Мужик, мы поищем-ка друг другу вшей". Лисице вшей искать стал, зубом ее заколол, сказал родным ее: „Товарищ ваш заснул, подушку подложите", положил он, ушел, сильно побежал, чтобы лисицы его не схватили, сразу же изчез.

И. Киронов. Каменка

9. Лисица

Лисица пришла. Старик старый со старухой живет вместе. У них детей нет. Лисица обманула того старика: „Дед, оленей твоих пущу-ка, я там видела пастбище. Туда оленей пущу". Старик согласился. Стариковы олени пришли. Пошла пускать лисица. Там убила оленей. Понемногу съела. Теперь сколько-то прошло. Через сколько-то дней пошел посмотреть старик. Лисица всех кончила; стариковых оленей кончивши, сказала: „Дед, ты-ко посмотри поди оленей". Старичок пошел посмотреть, лисица всех оленей съела.

Тот старик вернулся домой. Не доходя до дома, издали старухе стал рассказывать, идет, кричит: „Плачь, старуха, лисица оленей съела". Старуха хорошо не расслышала. Лисица также рассказывать стала, сказала: „Дед говорит: старуха, лисица оленей жирными сделала, огниво дай, брусок, шило дай". Та старуха огниво дала, брусок дала, шило дала.

До прихода старика, лисица, когда дала все, убежала, туда ушла.

P. Kirənəw. Kamenka

10. Toɣo

Bəjä suksıllawa öllan. Irəpcinəwi, purupcänəwı ılaran. Nuŋan tıkullan, toɣowı ganättən. äsınan toɣon sıwran. Tımännä albaran ılaḍamī toɣowı. Mucusınan hoktolıwı amaskī. Tälä bicän hokton toɣon. Əmərən tälä, tadu ətirkän səgdənnəwi higətcä.

Bəjə ılacıllan atırkän toɣowon — tärä toɣo sıwran. Albaran ılaḍamī. Mucusınan ḍūläwı. Əmərən hullalıwı udgusınan. Gokolḍomo ödan. Əwənkī əmərən, toɣon äcın. Irən, gunḍan: „ıdu toɣos?" — „äcın", nuŋan gunḍan: „albacäw ılaḍamī toɣowı". Əwənkı ılaran toɣowön — ḍagdallän. Nuŋan ıtıgaran, oronmı onörän, əlgəsinän ətirkänduli. Təputtən. Inıurwə ılacillan. Toɣo täli arurän.

A. Cernousow. Kamenka

11. Hinuḳicän

Bəjä bəjuscärän. Nuŋan şamän. Tälä ilbərən hinuḳicänmə. Hinuḳicän döran. Şaman ṇurmärän, garparan nuŋanmän. Wärän, gaddan, toɣojowı ılallan iştən. Sılacillən. Hinuḳicän gūnan: „ennə minə işinnä?" Samän gūnan: „işim". Hinuḳicän gūnan: „Hata gunḍam ētı şəjırillən". Şamän tälgəttən nuŋanmän. Nänä hinuḳicän gūnan: „ennə, minə tälgəcinnä?" — „Tälgəcim". Şaman selarän nuŋanmän toɣodu. Hinuḳicän ṇäŋä haŋuktallan: „ennə, minə sēlannä? — „Sēlam" — „Hata gunḍam ēkundī iriktəw gijirəllən". Irirän hinuḳicänmə, ḍawuḷlən. „ennə, minə ḍawuḷinnä?" — „ee, ḍawuḷim". Hinuḳicän gūnan: „Hata gunḍam ēkundī minnillən". Bəjä sururän, manamī. Tälä amunan. Amunīn gūnan: „şamän əcəs minə wärä".

Р. Киронов. Каменка

10. Огонь

Мужчина лыжи делал. Скобель, сверло сжег. Он рассердился, в огонь выстрелил. Заснул, огонь погас. Утром не мог зажечь огонь. Вернулся по дороге обратно. Там была дорога огня. Пришел туда, там старик спину грел.

Мужик стал зажигать огонь старика—тот огонь погас. Не мог зажечь. Вернулся домой. Пришел, в одеяло влез. Долго был. Эвенки пришел, огня нет. Вошел, сказал: „Где огонь твой?"—„Нет", он сказал: „не мог огонь зажечь". Эвенки зажег, огонь загорелся. Он собрался, оленя привести пошел, привел к старику. Убил. Жир поджег. Огонь тогда ожил.

А. Черноусов. Каменка

11. Рябчик

Мужик охотится. Он шаман. Там спугнул рябчика. Рябчик сел. Шаман подкрался, выстрелил. Убил, взял, огонь зажег, ощипал. Стал жарить. Рябчик сказал: „Что делаешь, меня обдираешь?" Шаман сказал: „Обдираю". Рябчик сказал: „Опять же говорю, что-то холодно стало". Шаман на огне подвялил его. Опять рябчик сказал: „Что делаешь, меня вялишь?"—„Завяливаю". Шаман его на вертело насадил у огня. Рябчик опять спросил: „Что делаешь, меня жаришь?"—„Жарю".—„Опять же говорю, чем-то кожа моя коробиться стала". Сготовил рябчика, есть стал. „Что делаешь, меня ешь?"—„Да, ем". Рябчик сказал: „Опять же говорю, что-то зашевелилось". Мужик ушел, кончивши. Там на двор сходил. Кал его сказал: „Шаман (ты) меня не убил!"

Şamān tikuḷlən, nuŋanmān ganāttən, albaran wāḍamī. Halganḍiwı həkcisinən — halganīn lambarārān. Ǯālatpı koltoron—ŋālan nomorōrān. Albaran şucaḍamī. Tādu-da dogotowron.

Nāmənnəja əmərān. Bakaran dogotocōwo, hennaduwı inisinan ḍūlāwı. Tāla şamān nəŋirīduk ḍawawran. Hitənmə Nāmənnəjā inirən asīlāwı. Asīwı gǖnən: „Niptəjə niptəkəl bəjunmə wācā bisām". Asīn uruŋən, jǖrən ḍūdukwı, unaptunma nimgərən. Gadan Nāmənnəja hınnawān „ēkun-dā ācın", gǖnan. „Ōn ēkun-dā ācın?" Nāmənnəja gǖnan: „şī nimgənnā". Asīwı tikuḷlan, ḍawaran, hukitəwēn huptərən, bakaran unaptunma. Ələ ŋānā dalbullan. Asīwı gǖnan: „Gǖkəl kamnun!" Asīn hata ətən gǖnə. Ŋanā dalbullan. Asīn gǖnan: „Əsīlə kamnun". Hukitəjən kammundāran.

Mucusınan Nāmənnəja ūḍalıwı. Tāla bakaran şamānmə, inisinan ŋānā ḍūlāwı. Əməwrān. Dogotocō inirən. Şamān amultallan. Nāmənnəjā cəməwı gadan, alikittan amunman. Sururān birala, sirugīt qəbdəwı.

Şamān illan, hutəwətin wārān, ulōrān. Pompowōn asınmuran hulladutin. Mənəkān hərgitin ukələsinən. Nāmənnəjā əmərān, icərən hutətin āsira. Nuŋan haktānan, gǖnan: „Hutət ajipcə-dā". Nuŋartın ələniwōn ḍəwuḷlə. Asīn gǖnan: „Ətirkān ōn-ka hutəmupcə?" Nāmənnəjā gǖnan: „hutə ulləwən ōn-ka? ətən?" Hutəwi ḍəwra, ajiwra, āsina. Şamān hərgijit silgiwūnḍī arkıcılian. Nāmənnəjā gǖnan: „ekundī halgarwı gawsınālla, hutəwəw ḍəwrəkit?" Tikuḷlan, təgərən, mōwa gadan, halgarwı mōti capcıran. Ǯūktə halgarwar, ŋālalwar captira. Şaman sururən.

Шаман рассердился, в него выстрелил, не мог убить. Ногою толкнул — нога приклеилась. Рукою ударил—рука прилипла. Не мог отклеить. Там же замерз.

Намонныя пришел. Нашел замерзшего, на поняге потащил домой. Там шаман за наклоненное дерево зацепился. Зря Намонныя тащил к жене. Жене сказал: „Подстилку подстели, зверя убил". Жена обрадовалась выскочила из юрты, кольцо проглотила. Взяла Намонныя поняту. „Ничего нет", сказала. „Как ничего нет?" Намонныя сказал: „Ты проглотила". На жену рассердился, схватил, живот ее распорол, нашел кольцо. Опять стал соединять (брюхо). Жене сказал: „Скажи: клей" Жена все еще не говорит. Опять стал соединять. Жена сказала: „Теперь клей". Брюхо склеил.

Вернулся Намонныя по следу своему. Там нашел шамана, потащил опять домой. Принес. Замерзший ожил. Шаман испражнился. Намонныя чашку взял, собрал кал. Ушел на реку, с песком чтобы съесть.

Шаман встал, сына их убил, сварил. Голову его положил в одеяло. Сам вниз лег. Намонныя пришел, смотрит—сын спит. Он засмеялся, сказал: „Сын наш наелся же". Они остатки съели. Жена сказала: „Старик что-то сына чувствую". Намонныя сказал: „Мясо сына как же? нет не станет (не может быть)". Сына съели, насытились, легли спать. Шаман из-под низа шилом колоть стал. Намонныя сказал: „Чем-то ноги закололо, не от сына ли еды? (не оттого ли, что сына съел)" Рассердился, встал, палку взял, палкой ноги свои ударил. Обе ноги, руки сломались. Шаман ушел.

Г. А. Ниргунеев

ДВЕ СКАЗКИ ТАЛОЧСКИХ ЭВЕНКОВ[1]

G. G. Torgonow. Hụlụgli. Tālạcā

1. Nımŋakāwun

Cıwkākān dəγilcạ̄n. „Dılacawa icānạ̄sinām“, gụ̄nān: Dəgḍācạ̄n-nụn, dəgḍācān-nụn ụγiskạ̄kī, ədikākụn ōlcā. Tādu asakīkārзıwı səmkəwmạnзäcạ̄, tıkımmen kəcạ̄. Tıkıγsa sektakāntıkī mụkạmụkliwi ụγụcə̄. Ōn-mal kəзāmī bulturgacā sektakāndukwı. „Sekta, sekta əhạγlə̄ ụkụsəldụ kugdıkaw kānзıγāw“. Ụkụsəltikạ̄kī sụrụcə̄ „Kạl ụkụsəl, ụkụsəl, sektakānmə-wəl kıgdıkānākəldu!“ — „Bụ̄ciγi mə̄nṇi cūkaŋmar ạḍärəw manamī!“ — „Ụkụsəl, ụkụsəl əhā-γlə bəjcärdụ зāpiwkạзiγạ̄w sụnäwə!“ Bəjcärtikạ̄kī sụrụcə̄. Bəjcärdụlạ̄ ŋänäcạ̄. „Bəjcär, bəjcär ụkụsəlwə-γlə зạpnạ̄kəldụ!“ — „Mə̄nṇi bəjŋạ̄ŋmər ạзärəw manamī“. — „Bəjcär, bəjcär ähạ-γlə najacaldu pəktirụwkạ̄nзiγāw!“ — „Bụ̄ mə̄nṇi imụwər ạзärəw dəgdəmī, bəjcärwə pəktirụnạ̄зäkəsəl“. — „ähalụγər oṇukucārdu kırgawkānзıγāw“. Oṇukucārtıkī, sụrụcạ̄ oṇukucārdulā ŋänäcā. „Kə! nōjacāl imụlwạtin kuganākəldu oṇukucār!“ — „Mạ̄nŋilwit ḍuŋmaŋmar ạзạrəw manamī“.

Käpälcạ̄n cıwkānṇıkāntın ədikạ̄kụnmə tincạ̄n. Bolgokokutcāl tarīŋılın. „Əsīlə̄ kırganāscāldaw“, oṇukucar gụ̄lcạ̄l. „Kə əsīlə̄ pəktirụnāscəldəw!“ gụ̄lcạ̄l. „Ḍäpnạ̄scäldəw ụkụsəlwə“, bəjcär gụ̄lcạ̄l. „Kıgзıkanāsceldew“, ụkụsəl gụ̄lcạ̄l. Sektakānmər manawdan.

Т. Т. Торгонов. Хулугли. Талоча

1. Сказка

Пташечка летала. „Солнце отправляюсь смотреть“, сказала. Летала, летала — вверх, ветер сделался. Там крылышки износила, упала. Упала на тальник, задницу занозила. Как-то делая, сорвалась с кустика. „Куст, куст, ведь коровам скормлю“. К коровам отправилась. „Ну, коровы, коровы, кустик съешьте!“ — „Мы-то свою траву не можем кончить“. — „Коровы, коровы, ведь волкам скормлю вас“. К волкам отправилась. К волкам пошла. „Волки, волки, коров съешьте“. — „Свое мясо не кончим“. — „Волки, волки, ведь начальников заставлю выстрелить!“ (Пошла к начальникам, стала просить волков убить, те сказали:) „Мы свой жир не можем поднять, (не только) волков итти стрелять“. — „Ведь мышей заставлю (вас) загрызть“. К мышам пошла, к мышам шла. „Эй, начальников жир сгрызите, мыши!“ — „Свои запасы не можем кончить“.

Рассердилась пташечка, ветер сильный напустила. Перепугались те. „Теперь пойдем грызть“, мыши сказали. „Теперь пойдем стрелять!“ сказали. „Пойдем есть коров“, волки сказали. „Пойдем жевать“, сказали коровы. Кустик кончился.

---

[1] Приводимые здесь сказки записаны русской транскрипцией эвенком Г. А. Ниргунеевым в 1926 г. на левом притоке верхнего Витима Витим-Олекминского национального округа. При переписывании принятой в настоящем сборнике транскрипцией все особенности талочского говора были сохранены. Ред.

G. G. Torgonow. Hụlụgli. Tālācā

2. Ṇucakın вəjə

Bäjə ṇucakın ŋänäзäcạ̄n, isin sārā ēduk-wal вaldıcājāwı. Ŋänäзämmän, ŋänäḍammān unātwə turgaldıcān, mə̄ndụldicạ̄. ụlgụcạnä-wəl ənä, tarīŋın kulın ōcā. Nıkınmawān ucıecā. Ōn-mal kädạ̄wi gajkaзana-nun ŋänäзäwki. Ŋänäзänə ụŋtụwə вəjäwə turgaldıcā. Tarīŋın suraktalcā: „Nāγsācī əmändi?“ gụncā. Tarīŋın mạnmi icämcạ̄— nāγsäjạ̄n ụγäj. „Ụγäj-mạt“, gụncạ̄: „nāγsäjäw“. Tarīŋın gụncạ̄: „Tar-ka nıkınmadus“. „Ōn-mal gụrəkəmī äзäm“. Tarīŋın tartıkī-kān ŋänācạ ılan markānmə cıputcā, marīŋılзīwı iktụlcạ̄ tarī kulınṇıwān. Tarīŋın gụrərgəcạ̄ da i misəcạ̄. Tar marıŋkārwı вụ̄cạ̄ tar вəjädụ: „ē-wal ōrakın, зōnmalısımdak, iktəŋnəkəl“. Tar marıŋkārwı ŋälзänä-nun sụrụcə̄n. Tar-nun ŋänäзämmän, kadardun ʒụ̄wa вakacān, зäməklācäзärän ụrkən. Marıŋkārзıwı зōnmalısımdak-nun ıktəcạ̄, зāmōkkākunmān вụ̄rgi. Icạ̄, aktırakākun. Təmīktəзänə gırkulcā, ṇān ụrkəwə вakacā, зonmalısımdak-nun iktəcạ̄ зāməkkākun mạn вụrgi.

Ŋạ̄rikạ̄kụn īrəkin, aзırga kēnaзenän, ụjụcəзänə, oroktolwo ụlicạ̄. Icäscạ̄, ṇān ụrkən зāməklācäзärän. Ṇān marıŋkārзıwı iktəcạ̄, зāməkwān вụrgi. īcạ̄ ŋınakın kıkıγlāзạran ụjụcäзänə. Tādu ụldəl вiзärə. Tar ụldəldụk ülicạ̄ ŋınakındu. Ṇān cāskīn зāməklācäзärän. Iktəcạn—вụrgi. Icạ̄, ṇān ŋạrikạ̄kụn. Ḍụlə̄γụзın ilan dılıcī вəjä əməзärän, turgaldıcā məndụldicạ̄. Tarīŋın suraktalcā: „Aзırgawāw tiγlạ ụ̄lindi, ŋınakınmäw dāγlə ụlindi?“ — „Ụlim“, tarīŋın gụncạ. Tụγ-nụn kəmī вədəwụscạ̄, umıwkāncā, зulakın вisikin əjụcilcạ̄. „Aja вəjä вisindi, dawarındı minəwə, tarı зarın вī sinəwə вələзıγạ̄w. Əri urвāskəs, əri ərkijās, əri paltəjās, əri sapaγılas, əri kotomılas, əri aзırgajas kenaзäna. Kə, sụrụkəl əsīlə̄; ēma-wal kamaγa ōrakın, tətiγəlwi əŋnəkəl lukta“.

Aзırgaduwı uγcā, sụrụcə̄, əsin təki sarə̄ īlạ̄-wəl sụrụŋə̄təwi. Sụrụcə̄-nụn murınmı зụlə̄klạ̄n ŋənəḍäcạ̄. Gorōjo-wal, daγaja-wal ŋənəзäcā, gorotwə вakacā. Tarīŋılīn kacıl, kandulātın ŋənəcạ̄. Tarīŋın вəlạlənmụ̄lcạ̄, вụlə̄ldə̄wi. Ụmụn unāḍıcī. „Ərkiidi-

---

Г. Г. Торгонов. Хулугли. Талача

2. Голый человек

Человек голый шел, не знает, откуда родился. Шел, шел—девушку встретил, поздоровался. Не разговаривая даже, та змеей стала. Шею его обвила. Как делать, недоумевая идет. Идя, другого человека встретил. Тот спросил: „С ношей идешь?“ сказал. Тот себя осмотрел—ноши нет. „Хотя и нет, сказал, ноши“. Тот сказал: „Вот на шее-то“. — „Никак сбросить не могу“. Тот туда пошел, три ветки сломал, ветками ударил ту змею. Та развилась, да и скрылась. Те веточки отдал тому человеку: „Если чего-нибудь случится, впомнивши, ударь“. Тот, веточки держа, ушел. Тот, идя, на скале дом нашел, на замке дверь. Веточками, вспомнивши, ударил, замок свалил. Вошел, темнота. Ощупывая пошел, опять дверь нашел, вспомнивши ударил, замок сам упал.

Очень светло когда вошел, жеребец ржет, привязаный, сеном покормил. Взглянул, опять дверь с замком. Опять ветками ударил, замок упал. Вошел, собака хочет укусить, привязанная. Там мясо. Тем мясом покормили собаку. Опять дальше с замком. Ударил — упал. Вошел опять свет. Перед ним трехголовый человек идет, встретил, поздоровался. Тот спросил: „Жеребца-то покормил? собак также покормил?“ — „Покормил“, тот сказал. Так повел, напоил, хотя и нагой, пожалел. „Хороший человек есть, навестил меня, за это я тебе помогу. Это рубашка, это штаны, это пальто, это сапоги, это сабля, это жеребец ржущий. Ну, иди теперь, если что-нибудь нехорошее будет, одежды не снимай“.

На жеребца верхом сел, ушел, не зная все-таки, куда итти. Уехал, конь (куда) вперед шел. Далеко ли, близко ли ехал, город нашел. Тот взял (да) к хану поехал. Тот собрался воевать, воевать. С одной дочерью (был). „Если

rəkis-nụn ər вulə̄ndụkiw unātwı вụ̄zıγạ̄w". Nuŋan ụrə̄cā, вụlānnạ̄scạ̄l nuŋan, gılāmnəj ōγsa, ṇōrascā. Kotomıjatwı əŋnirījạwi əŋniwki, murınīn kaŋırījāwı kaŋıwkı. Tar təγạ̄ŋkạ̄kụnmạ̄n manacāl, mucucāl kāndulāwər.

Unātwān gācā atırkānə-wu. Unāzıŋın ụŋtụ kānṇı omolgīnunīn takılвıptulal. Omolgīnunmı gụ̄mạ̄tcạ̄, tar вəjāwə wādāwər. Baṇuwa topılcāl ərdəmmạ̄n sāzārə, tətiγədụn ərdənīn, вaṇunāγləlcạ̄. Baṇuŋduwı omolgīwı tēruldıcā. Tar-dā вaṇunācāl вəjānən. Bəjān tətiγəlwı luktawı ŋạ̄ləzāllān, tətil вaṇuγlalcā. Unāzıŋın kukecā, tətiγəlwi lukmardān. „Tətilnər kəktə", gụncạ̄: „əγā-wıt ụmụnụpcārəp. Bəjājạnən mit ōzarap. Lukıγsa, вaṇukal!" Luktan da tādu nākirən. Tụγ-nụn lukcānmān, вaṇulḍanmān da cakıdārən omolgīŋın. Tətıγəlzīn təttənī kotomı ajamelızīn dılwān təktəstạn, ụrgụlikạ̄n təktərān, kụldụ təwdən, azırgan irgidụn kanzukaran kụlwə. Azīrgawān tinən. Azırgan əzāntikạ̄kīwi misə̄rạn. Əzāndụlạ̄wi ŋənụrən, ılan dılıcīnlāwı tụlindụn kēnalcān-nun. Ilandılıcā əzānīn dōldıran. Dōldıγsa jụ̄rən, ēkun kenazerān. „Minŋi azırganācınmı". jụ̄rən, nuŋannıntītkān azırgan kenazerān. Irgidụn karıŋ kụlkụn kanzukucazaran. Kụlwạ̄n kanzukalgacā, ēruktalcā, вəjəsŋimạldə ụldəlīn. ụriḍạnạ eruktalcā: „Karın ụnekī" вəjāŋın. Dawaj ụrizạnạ, вizạ̄k вidạ̄kizīn nạ̄lcạ̄, вukulıwān nạ̄tcạ nazıγannun zalmāssıγan. Bəjəjā-dạ̄ вụkụli ōcā, ụwụscạ, karıŋ tarīŋın ərīscạ̄, ılcā. Ilan dılıcīŋın suraktalcạ̄: „Gorowot-lā āndı gụ̄nnā!"—„Gorowo ām", gụncạ̄ tarīŋın. Tāduk ılan dılıcīŋın walalcā: Bī-wit sinəwə gunzārkəw, tətiγəwi lukta ədạ̄s. Kụkəliwụ-γəs əndəmạ̄ndecạ̄w. Əri atanmı вokōmarkəl".— „Ōn-da вokōnzam", gụncạ̄ gēkākun. Ilān dılıcīŋın: „Bī вələzıγạ̄w ṇān". —„Bələmī-nụn, вələkəl", вazan gụncạ̄. Altama azırgaŋcā tızānạŋı, asıwān aduwundun oŋkoldınāscā, altama azırga ōγsa. Oŋkoldızacān, oŋkoldızacān, mədəlcạ̄l karıŋ altama azırga gırkuzaran. Icārācīldụlạ̄wər icāriwkạnnạ̄scạ̄l. Icārāciltin karın gụncạ̄l: „ụnəki вəjəŋmisụn, ụrgụlikạ̄n tạktəkəldụ, toγodu ılammer". Tụgi gụmạ̄tcārəktin, ụmụn unāt dōldıcā. Tādu altama azırgatkākī tuγsascā, azırgalā ŋənəcạ̄. „Iləl siniwə təktəpcạ̄l, iladāwər kəzārə".—„Zanakaktın, ılaktın", gụncạ̄: „təlkā sī minəwə ajatnujizəndı əmədạ̄wi. Ələkəs təktəstəktin, sạ̄hās ụskənisciγạn, tarāwə tukalakānzı вuladāwī".

поможешь, после войны дочь отдам". Он согласился, поехали воевать, он, главным сделавшись, впереди шел. Саблей своей рубит (и) рубит, конь (попавшего) грызет (и) грызет. Тот народище кончили, вернулись к хану.

Дочь его взял старшую. Дочь с другим ханским парнем знакома. С парнем сговорились, того человека чтобы убить. Баню затопили, силу его знают, в одежде сила его, захотели сходить в баню. В бане с парнем договорились. Тот тоже в баню пошел человек. Человек одежды свои снять боялся, в одежде захотел мыться. Девушка (жена его) соблазнила, одежды чтобы снял. „В одежде помоюсь", сказал. „Ведь соединимся, супругами мы будем. Раздевшись, мойся". Снял, да тут положил. Пока снял, пока мылся, набросился парень. Одежды надел, саблей хорошей его голову отрубил, на мелкие куски разрубил, в куль набил, на хвост жеребца привязал куль. Жеребца отпустил. Жеребец к хозяину своему скрылся. К хозяину пошел, у трехголового снаружи (около дома) заржал. Трехголовый хозяин услыхал. Услыхавши, вышел, что ржет. „Мой жеребенок". Вышел к нему, жеребец ржет. На хвосте его для чего-то куль привязан. Куль отвязал, посмотрел—человека бывшего тело. Вытащив, посмотрел: действительно раньше (был) человек. Давай вытаскивать, как был сложил, слюну положил, по кускам слепил. Человек мертвый стал, подул, вдруг тот очнулся, встал. Трехголовый спросил: „Долго ли спал, говори?" — „Долго спал", сказал тот. Потом трехголовый закричал: „Я ведь тебе говорил же, чтобы одежды не снимал. Предупреждал—ошибся. Эту обиду вороти". — „Как же ворочу", сказал второй. Трехголовый: „Я помогу опять". — „Если поможешь, помоги", тот сказал. В золотого жеребца превратил. На отнявшего жену, на пастбище его ушел, золотым жеребцом ставши. Пасся, пасся, узнали вдруг, золотой жеребец ходит. К колдунам пошли. Колдуны сказали: „Прежний человек, на мелкие куски разрубите, в огне сожгите". Так когда говорили, одна девушка слышала. Туда к золотому жеребенку побежала, к жеребенку пришла. „Люди тебя убить, сжечь собираются".—„Пусть убьют, пусть сожгут", сказал: „только, меня если любишь, приходи. В первый раз когда ударят, кровь потечет, ту (кровь) землею покрой".

Tarda təktənạ̈scạ̈l, unaʒīŋın əməldicạ̈. Kətəkạkụn вinəl, əməcạ̈l. Ələkəs təktəstəktin, sạ̈həjə cıcıncā, tarkānmə tukaladu ʒajacā unaʒınīn. Təktəcạ̈l-da ụrgụlikạ̈n toγodu ılacāl, sụrụcə̄l. Goroja-γu, daγaja-γu вırkəl. Tāduk altama ʒagdakān вaldıcā. Tāduk karıŋ вəjāl вakacāl altama ʒagdakānmə kānduwar sılвacāl. Kāntın icärācilti-kạ̈kīwi. Icärältin kariŋ gụlcạ̈l: „ụnəki вəjāŋisụn, ụrgụlikạ̈n təktəkäldụ, toγodu ılammər. Unāʒīŋın ṇān dōldıcā. Ʒagdatkāntıkākī tuγsacā: „Sinəwə ṇān iladāwər kəʒärə“.— „Təktəγsəlʒạnạ̈kạ̈ktin, sī əmədạ̈wi; da ạŋnistạktin, säpkə ətəkənʒiγạ̈n, tarāwə ʒajadāwi“.

Təktənạ̈scạ̈l. Təktəcạ̈l, toγodu ılacāl. Ələkəs säpkäkān ətəkənəkin, ʒajacān unāʒīŋīn. Ŋənụscạ̈l, təktəγsạl, ılaγsal.

Gorojo-γu, daγaja-γu вiʒäcạ̈tin. Tāduk əsīlə̄ altamakān gụlụpkə oγsa, prāmə ulıcēlıtın tụtụktəlcạ̈. Nuŋanmān wāʒənạ kānṇı omolgīn, asīwan tiʒänạ, icācạ: „Ərkə altamakān gụlụpkə“. Əsīlə̄ gụlụpkə̄ŋmi asaktallan sot kəlcạ ənə-wəl ŋənərə icärācildụlạ̈wi.

Bokōltakun oʒawkı, tarīŋın ərnun tụtụktəʒəwki. Ərnụn ʒawassaʒawkı kānnın. Tụγi kəʒämmän āmuttu tısaktaʒana, misə̄silcạ. Bəjāŋin tətiγəlwi lukıγsa, əlвəskạ̈tcān, asaktalcā. Tālıkākın gụlụpkəŋkə̄nin ụγigdạlin dəγcạ də tətiγəldun docā, вəjājā ōcā. Tətiγəlʒin tətcạ, tuγsamalcacā, təktəcạ̈ ụrgụmkān, toγodu ilacā.

ụnəki asīŋlāwı tuγsacā təktəcā ụrgụlikạn, da toγodu ılacạ. Icärācindụlạn ŋənəcạ da təktəcạ̈, ụrgụlikān, toγodu ılacā. ụnəki unāʒīnmı, səpkəŋmān ʒajatcanan, gacān. Kānmı tarı-da gorottu вilcạn, təγạŋi-dạ tarī kāntın ocan.

Вот пошли убивать, девушка с ними пошла. Многие будучи пошли. Впервые когда ударили, кровь потекла, немножко той спрятала девушка. Изрубили да на мелкие куски, в огне сожгли, ушли. Долго ли, мало ли было (прошло). Потом золотая сосенка выросла. Потом вдруг люди нашли золотую сосенку, хану сообщили. Хан к колдунам. Колдуны сразу сказали: „Прежний человек, на куски разрубите, в огне сожгите“. Девушка опять услыхала. К сосенке побежала: „Тебя опять сжечь собираются“.—„Когда рубить станут, ты приди, рубнут когда, щепка отскочит, ту спрячь“.

Пошли рубить. Разрубили, в огне сожгли. Первая щепка когда отскочила, спрятала девушка. Пошли, разрубивши, сжегши.

Долго ли, коротко ли жили. Потом тогда, золотой голубкой сделавшись, прямо по улице пошел. Его убивший ханский парень, жену его отнявший, увидел: „Вот золотая голубка“. Вот голубку стал гонять, сильно гонял, не сходив даже к колдунам.

Почти догнал, тот все ходит, пытается схватить хан. Так по озеру поплыл, скрылся. Парень, одежды снявши, поплыл, гонял. Тогда голубка вверх улетела да на одежду его села, человеком стала. Одежды надел, быстро побежал, разбил на куски, в огне сжег.

К прежней жене побежал, зарубил на мелкие куски, в огне сжег. К колдунам пошел, разрубил на куски, в огне сжег. Прежнюю девушку, щепку спрятавшую, взял. Ханом в том же городе жить стал, народа того ханом стал.

Е. И. Титов

МАТЕРИАЛЫ ПО УСТНОМУ ТВОРЧЕСТВУ ЭВЕНКОВ ПРИБАЙКАЛЬЯ [1]

ВВЕДЕНИЕ

Материал для этой работы был собран мною в разное время: на севере Байкала и в Верхне-Ангарском крае в годы 1919, 1920 и 1925, в верховьях Лены и Кирэнги зимою 1925 г., по Нерче, Витиму и Карэнге весною 1926 г. Поверстный маршрут поездок, о численности эвенков, а также замечания о характере языковых материалов изложены в предисловии к книге „Тунгусско-русский словарь" (Иркутск 1926 г.) [2] Эвенки обследованных районов называют себя „əwənkĭ". Все они—оленеводы или были оленеводами еще на памяти живущего поколения. Верхоленские эвенки „сели на землю" — построили избы, завели лошадей и коров. Отдельные хозяйства расчистили пашни. Но все это пока только привесок к охоте на зверя. Оседлые хозяйства „береговых" эвенков, иногда более окрепшие, чем ленские, мы встречаем на севере Байкала, по Нерче и Карэнге.

У эвенков сохранились остатки родового быта. Каждый знает название рода, к которому он принадлежит. Браки их экзогамны, кочевья распределены по родам и уже в пределах рода происходят дележи охотничьих участков по семьям. Не соблюдается этот порядок только по Нерче и Витиму—погоня за белкой нарушает традиционную неприкосновенность родовой территории.

То, что предлагается в этой работе в качестве эвенкийской поэзии, можно разделить на следующие группы: сказания о богатырях, сказки бытовые и о животных, песни, загадки, детские рифмы, пословицы.

Сказания о богатырях были сообщены мне в виде обычного повествования, а не напеты, за исключением отрывка № 20, в котором рассказ сопровождается припевом. Все же в характере изложения этих сказаний можно установить особые, присущие только им черты: ритмическая конструкция фразы с оттенком торжественной интонации, местами подчеркнутые аллитерации и рифмы, сгущенные поэтические преувеличения. Темой сказания в большинстве случаев является борьба богатырей с мифическими великанами „maŋi" или „kalusal". В современном представлении северо-байкальских эвенков „kalul" — хозяева рек и гор, раньше это были „большие люди, которые убивали". У ленских эвенков „kalusal"—это великаны „maŋi", у северо-байкальских эвенков — видовое название медведя, у ленцев — чорт, богатырь, людоед, великан; „maŋi jaŋkun" — название Млечного Пути, обозначает лыжный след maŋi (медведя).

---

[1] Тексты, представленные Е. И. Титовым, уточнены в переводе и переписаны транскрипцией, принятой в настоящем сборнике, с сохранением особенностей говоров и со следующими соответствиями транскрипции словаря:

В сборнике: a, ā, ą, ą̄; в; c; d; з; e, ē; ə, ə̄; ĭ; g; γ; i, î, ı, ĭ; j; k; l; m; n; ŋ; ŋ; o, ō; p; r; s; ş; u, ū, ų, ų̄; w; z.

В словаре: а, аа, а̄; б; ч; д; дж, дж'; е; э(о), о(а), ы, э, ы, о; ф; г; h; і, ы (после т, д); j; к; л(l); м; н; н'; нг; о; п; р; с; ш; т; у; г(w); ж.

Палатализация в словаре обозначается буквами: ў, б, е; иногда знаком „'" после буквы. Ред.

[2] См. также путевые очерки „Северная Даурия", „Кони, тайга и сугланок" в журн. „Сибирские огни" Новосибирск, 1926, кн. 5—6; 1927, кн. 1 и 3.

Все сказания связаны с каким-нибудь собственным именем богатыря. Наиболее популярный, должно быть, Акши-Бакши, по пояс в стружках, он занят изготовлением луков и стрел. Весьма возможно, что имя другого богатыря, Хани-Хубун-Хэкэр-Богдо, является эвенкийской версией сказаний о Гэсэр-Хане.

Сказки эвенков имеют черты своеобразия. В отличие от большинства русских, они построены на диалоге. Иные из них рассказываются с припевом, который может быть имитацией игры на музыкальном инструменте (burbulin-burbulin). Эвенки заимствовали отдельные сказочные мотивы и целые сюжетные построения у русских, но заимствованный материал всегда использован творчески (сказка № 8 на тему ершовской истории о Коньке-горбунке). В сказках о животных главный герой — лиса (то самец, то самка).

Песни благодаря обязательному речитативному напеву имеют более или менее строгую метричность, часто воспроизводящую рисунок наших ямбов. В песенной строчке можно наблюдать „краесогласие". Рифмуются и концы и начала слов, созвучия располагаются свободно. В любовных песнях наблюдаются символы — застывшие штампы образов: оленья самка двух лет — девушка, бычок — парень, бык дикого оленя — вдовец и т. д. Любовная игра изображается в виде борьбы и встречи диких оленей, самцов и самок. Обычно в слова песни добавляются лишние суффиксы, что затрудняет толкование текста.

Несмотря на суровую борьбу за существование, эвенки-оленевод находит достаточно поводов для забавы и творчества. Песни поются во время длинной процедуры сватанья и свадьбы, в недели торжищ после выхода из тайги, когда радость встречи и неизменная водка развязывают языки и фантазию. Вечерами молодежь, сцепившись руками, плечо в плечо движется в круговых плясках и поет в один голос музыкальную фразу, замкнутую в определенную словесную форму — в слово без смысла. Мотивы сменяют друг друга, люди ритмично приседают, выставляя вперед ноги, азарт нарастает, в круг вовлекаются все новые и новые участники, и пляска превращается в радение.

Для эвенкийского быта характерна следующая картина: семья жениха принимает родовичей. Гости сидят в порядке по кругу юрты перед дымящимся ворохом мяса. Гостей обносят вином. Принимающий рюмку говорит приветствие. В зависимости от таланта он может говорить много или мало. Кто-нибудь начинает петь, нанизывая слова на нитку однообразного мотива. Это большей частью импровизация, но есть песни, которые знают все. Есть и певцы, которых слушают с уважением, ибо в песнях их есть сила. Такие певцы на учете. У оленных эвенков хороших импровизаторов много. На Лене я нашел только двух мастеров импровизации. Я не исчерпал и десятой доли их импровизации.

Вот перечень певцов и сказочников, от которых я делал запись:

1. Полин Дмитрий (№№ 1—9) живет в 100 километрах от Качуга по дороге в Карам, в деревне Шевыкан, населенной обрусевшими бурятами. Ему 63 года. Последний представитель шевыканских эвенков продиктовал мне 9 сказок, заметив, что это только начало того, что он знает. Он поделился со мною только сказаниями о богатырях. Судя по записи № 9, у него есть запас бытовых сказок. Полина знают все верхоленские эвенки. В молодости он служил выборным общества. Сейчас живет в своем доме, зимою ставит капканы на рысей, „белкует", летом охотится на рысей. Полин был трижды женат, одна из жен была дочь шамана. Полин говорит по-бурятски и по-русски, играет на гармошке.

2. Стариков Петр Яковлевич (№№ 13—15)—60 лет, с Тутурского стойбища (р. Тутура — правый приток Лены), бедняк-безлошадник, когда-то имел оленей. Похоронил 7 детей, сейчас живет с дочерью и сыном. Один глаз с бельмом, постепенно слепнет. Стариков—отличный сказочник. Перед каждой сказкой Стариков помолчит—„наперво подумать, как ловче говорить"; рассказывая, волнуется, потом увлекается, забывая о том, что записывают. Стариков смотрел мне под карандаш и сам просил читать вслух прочитанное.

3. Сафонов Иннокентий Михаилович (№№ 10—11),—30 лет, карамский эвенки, недавно прикочевавший с Кирэнги в стойбище Тырка. Это

отважный и умный парень. Незадолго до нашей встречи его серьезно измял медведь в неравном единоборстве. Сафонов хорошо говорит по-русски, хотел бы очень пробраться в город на учебу.

4. Монастырев Федор Константинович (№ 12)—37 лет, цветущий, высокого роста эвенки, основательный в делах, сказочник случайный.

5. Комарицин Иннокентий Николаевич (№№ 16,49,50)— 42 лет, эвенки Чильчагирского рода из поселка Ченчи на Верхней Ангаре, внук оленного эвенки, женатого на „смешице" (дочери эвенка и русской). Комарицин говорит по-русски и по-эвенкийски.

6. Петухов Федор Николаевич—63 лет, из выселки Дагары в Нижне-Ангарске, метис с преобладанием русской крови и привычек. Его эвенкийская речь имеет русский акцент.

7. Шаньгин Федор Николаевич (№№ 17—18, 51—53)—35 лет, эвенки Киндигирского рода с Нижне-Ангарска, береговой, знает русскую грамоту в пределах начальной школы, женат на русской, многодетен, беден и психически подавлен. Мать была шаманка. За три года знакомства я успел добиться от него не более двух сказок. В течение трех месяцев зимы 1919/20 года Шаньгин помогал мне изучать эвенкийскую речь.

8. Аеулев Яков Иннокентьевич (№№ 19—22, 24—27)—43 лет, горный эвенки Киндигирского рода, вдовец, очень скромный и честный человек, старательный промышленник. Уходя на промысел, оставляет двух детей в избушке берегового эвенка. Я „открыл" Аеулева случайно. На мою просьбу что-нибудь рассказать он, отложив выход на промысел, диктовал и пел мне два дня. Песни свои Аеулев знает точно, повторяя текст слово в слово.

9. Букидаев Николай Иванович (№№ 23, 28—35, 45)—23 лет, горный киндигирец, товарищ Аеулева по промыслу. Песни диктовал с азартом и уверял меня, что сочиняет все сам, потом его песни поют другие. По-русски почти не говорит. Повторяя свои песни, Букидаев в редких случаях сбивался на новую версию, стоило ему подсказать слово, он отсчитывал метры длинного лирического излияния в совершенном согласии с первоначальной редакцией.

10. Муктонов Алексей Николаевич—22 лет, с детства живет среди русских в Нижне-Ангарске.

11. Шонгото (№№ 36—38)—12 лет, сын горной эвенкийки, вдовы из Киндигирского рода, сообщил несколько загадок и рифмы-считалки. Шонгото учится в русской школе. Жалобу зайца (36) сообщила его мать.

12. Аеулева Ольга Николаевна (№№ 39—44)—18 лет, берег. эвенкийка.

13. Нергунеев Александр Герасимович—22 л., из рода Бултэгир со стойбища Чондак на Карэнге. Нергунеев—близкий приятель известного среди нерчинских эвенков сказочника с р. Имурчен (приток Витима) Торгонова Георгия Гавриловича. Нергунеев не профессионал-сказочник, но человек с талантом, обладает музыкальным слухом, очень охотно рисует.

14. Нергунеев Афанасий (№№ 54—60)—старик из рода Бултэгир.

15. Баксанаев Семен Анипатьевич (№№ 61—68)—19 лет, из рода Урпиолевых (Туруягир) с р. Ципы (приток Витима). Прослышав, что я интересуюсь сказками, Баксанаев сам пришел ко мне на факторию Калакан и предложил свои услуги. На кормежке, у костра он продиктовал мне сказки и спел песни. Пел Баксанаев чудесно.

На Лене и Кирэнге у разных лиц, главным образом у подростков и молодых парней записаны загадки. Все записи выверены, но ошибки должны быть, так как мои сказители при повторном чтении часто находили неудобным вносить мелкие исправления. Перевод сделан слово за слово.

В заключение необходимо заметить, что мои наблюдения над поэтическим творчеством эвенков были кратковременны, хотя, может быть, и счастливы. Все же мне кажется, что я собрал лишь осколки чего-то прежде значительного. Я решился на публикацию этих скудных и несовершенных записей, полагая, что даю их в качестве пробы, которая будет полезна, так как эвенки изучены плохо.

1928

D. Polin. Karama

1. Caγalaj-Cakulaj

Зụ̄r вaγatırıl gəjụwhəl arcaldıra. Ge Zerdışan-Зūγıkta gərвın. Ge Caγalakaj-Cakulaj gərвin. Bakaldımī ụrụldirä, ụlgụcəllə, ŋōrcalımmer kərə. Ilanma şutkal ŋōrcara, tirạ onımmer kərə, awgu-wal əhin daвdıra. Gụnmətcə „Hojıwər halīзahınmāt“: Murıcīl зụ̄kcə, murırduwar uwra, sụrụmmär kərə. Goroo ŋənərə, icərə gorot, ụräwä əwзärä. ụrä hərädụn je-al kəmī gụnän: „Əräwạ gorotpaw dulumkān ŋənəkəllu! Bi şụnä dōldıcāw ŋōrcaзıcähun ılanma sutkal, dụnṇä haвalзıcān“.

Nuartin icərä atırkakun. Jaga-вaвa hukcaзırän, səgdənnədụwi. Caγaläj-Cakuläj mōwa həgdikạ̄kụnmạ şullutcan. Jaga-вaвawa mōt şuwuruзīın, amŋalın igdirạ̄mmän kərän.

Şụrụrụ gorottuli, вəjəl nuarwatın nəmkicạlımmär kərä, вaγatırıl alımmər kərä. Gorotpa weşpān həkimnəmmär kərä. Cāskī şụrụrụ, icärä lāmukūn. Caγalaj-Calukaj icämī inämụhinän, Zerdışan-Зöγıkta əhın ụrụnä. Gụnmətcä: „Mıkcanmāt lāmuwa вargıskī“ Caγalaj-Calukaj mıkcänän ceres. Zerdışan-Зöγıkta mıkcänän lāmuwa, murının kōkcanmə ụ̄lammen mụ̄dụ kərän.

Cāskī sụrụrụ, gorowa ŋənərä, icərä Moγokun-Зəgdiзärän, ṇeвowa ıştalā. Caγalaj-Cakulaj iṇəmụhinän. Zərdışan-Зūγıkta ohadöllạn. Nuŋartin gụnmạ̄tcä: „Murırduwar mıkcänmāt“. Caγalaj-Cakulaj mıkcänän cakumnak. Zərdışan-Зöγıkta murının irgiwi palımmen kərän towadu.

Cāskī sụrụrụ, icärä kammakur kajtläзärä, Caγalaj-Cakulaj icämī iṇämụhinän. Zerdışan-Зūγıkta iṇạmụllạn Nuŋartin gụnmətcə: „Miti murirduwar mıkcänmukānmāt“. Caγalaj-Cakulaj mıkcänän cakumṇak. Zerdışan-Зūγıkta mıkcänän murınman halgänmän pəhitcə. Amaşkīwar mıkcänä. Caγalaj-Cakulaj mıkcänä, Zerdışan-Зūγikta mıkcänän murınman ụŋụrıkcạ̄n pəhitcən. Pişkəm sulapcān. Nuŋartın gụnmạ̄tcä: „Pişkəlīl mıkcānkıwāt“. Caγalaj-Cakulaj cakumṇak mıkcānän.

Д. Полин. Карама

1. Чагалай-Чакулай

Два богатыря красивые встретились. Один Жердышан-Джюгикта по имени. Другой Чагалай-Чакулай по имени. Встретясь обрадовались, стали говорить, бороться стали. Трое суток боролись на-разнях, никоторый не одолел. Переговорили. „Конец пойдем искать“. Конные оба на своих коней сели, поехали. Далеко уехали, увидели город, с хребта спускаются. Под хребтом кто-то сказал: „В этот город смирненько заезжайте, я вас слышала, боролись (вы) трое суток, земля дрожала“.

Они увидали—старушища. Яга-баба лежит на спине. Чагалай-Чакулай дерево огромнейшее вырвал. Яге-бабе дерево вершиной в рот воткнул.

Поехали в город, мужчины стрелять их из луков стали, богатыри рассердились. Город весь растоптали. Дальше поехали, увидали морище. Чагалай-Чакулай, видя, усмехнулся, Жердышан-Джюгикта не рад. Сговорились: „Перескочим моря на ту сторону“. Чагалай-Чакулай прыгнул, моря не задев, Жердышан-Джюгикта прыгнул (через) море, конь его копыто замочил в воде.

Дальше поехали, долго ехали, увидали огнище горит, до неба достает. Чагалай-Чакулай усмехнулся, Жердышан-Джюгикта рассердился. Они сговорились: „На конях перескочим“. Чагалай-Чакулай прыгнул, ничего не задел. Жердышан-Джюгикты конь (его) хвост опалил в огне.

Дальше поехали, увидали утесы, ножницами сдвигаются. Чагалай-Чакулай, видя, усмехнулся, Жердышан-Джюгикта заплакал. Они сговорились: „Мы на конях перепрыгнем“. Чагалай-Чакулай прыгнул, не задел, Жердышан-Джюгикта прыгнул, коню своему ногу оторвал. Назад прыгнули. Чагалай-Чакулай перепрыгнул, Жердышан-Джюгикта прыгнул, коня его пополам разорвало. Пеший остался. Они сговорились: „Пешие будем прыгать“. Чагалай-Чакулай, не задевая, прыгнул,

Zerdiṣan-Ʒūhıkta mıkcānā, halganmān pəhitimmān kərān. Amaṣkīwār mıkcānā. Caγalaj-Cakulaj cakumṇak mıkcānān, Zerdıṣan-Ʒūγıkta uŋurıkcān pəhitcə̄n. Caγalaj-Cakulaj ụməkə̄n sulapcān. Zerdıṣan-Ʒūγıkta вụdān.

Caγalaj-Cakulaj murınduwı uwran, ṣụrụmmān kərān. Ŋənərān, ŋənərān gorokō-kunma. Hoktokōnmo вakaran, hoktokōndulı sụrụrụn. Ʒūkāndulā ıṣṣan. Lụŋụrkikin morındukpı jụ̄rān. Ahātkān ʒūduk jụ̄rān. Arcamkārān Caγalaj-Cakulajwa. Ʒūla īrā, cajwa ụ̄lə̄rān, ụlləlwə ụlə̄rān, ʒạpcālimmār kərā. Kəhilā nıṇahındar kəʒirə. Ahātkān gụnān Caγalaj-Cakulajwa: „Ərā ʒū ŋə̄lụwkạ̄ciŋki dolвol, əkəl! əkəl ụrkəwə nīrə. Ontānā, ōntānā gụnʒiŋạn: Əkəl! əkəl ụrkəwə nīrə“. Nıṇahınmer kərā.

Dolвukōkın dōldıra jewal kəmī murındu əmərān, gụnān: „Ciwə̄kcin! ciwə̄kcin! ụrkəwə nīkəl“. Tarı cıwə̄kcin əŋkı nīrə. Hụrkə̄nmə gụnʒārān: „Ə̄kəl! Əkəl hawalla“. Kumnıcā hụrkạnmạ. Tarā hilā gụnʒārān tilindạ: „Ciwəkcin! ciə̄wkcin! ụrkəwə nīkəl. Bī ulapcā вihim. Bəjụrdụ mụ̄dụ arnawa ōʒacāw. Orordu вagdākāldu lawıktawa ōʒacāw. Murırdu, kukuhıldu oroktolwo вorulwa ōʒacāw. Ajaldu вoγatırıldu hōıtın ōʒacāw. Lāmuwạ tincạ̄w. Toγowa tincạ̄w kojımna ōcāw. Kajıtlāʒırān. Nuŋartın mıkcānkıcātın. Hojwor tādu вakacātın... Caγalaj-Cakulaj cıγə̄kcınmạ əkāl dōlcatca, hūndākāl cāwə̄kcinma. Ụrkəwə nīmmin kəkəl!“

Caγalaj-Cakulaj kərān ciwə̄kcinmạ hundārān, ụrkəwə nīmmın kərān. Ahātkākıkın gəjụkə̄kụn təlki īrān ʒūlā. Ciwə̄kcinmi dılwān pəhimcə̄n. Tụlişkī hūndāmmān kərān. Nuartın ʒụ̄kcə kəhillā ānŋạcılımmer kərā. Məkəmə̄cillạ, ōnka ʒụ̄kcā gəjikə̄kụr.

D. Polın. Karama

2. Akşırē-Bakşırē

Ətirkạn вiʒicạn. Ilan ahātkār, hụtəlin wolnakākur. Əŋkil ēja-wal вälārə amınduwar. Bagdawkıl ōhal, dəγilihinā вırakundulā. Ulвụskạ̄cıllā вagdawkıl. Ilānʒār kaluṣal əmərā. Adılīt adılımmer kərā. Nụkụ̄ndiwụ hunāt

---

Жердышан-Джюгикта, прыгая, ногу свою оторвал. Назад прыгнули, Чагалай-Чакулай не задевая прыгнул, Жердышан-Джюгикта пополам разорвало. Чагалай-Чакулай один остался, Жердышан-Джюгикта умер.

Чагалай-Чакулай на коня своего сел, поехал. Ехал, ехал очень долго. Тропинку нашел, по тропинке поехал. К юрточке подъехал. Глубоким вечером с коня слез. Девушка из юрты вышла. Встретила Чагалай-Чакулая. В юрту вошли, чай сварила, мясо сварила. Поели, потом стали ложиться спать. Девица сказала Чагалай-Чакулаю: „Эта юрта попугивает ночью, не открывай, не открывай дверь. О всяком, о всяком будет говорить, не открывай дверь“. Уснули.

Глубокой ночью услыхали — кто-то на коне приехал, сказал: „Стряпка, стряпка, дверь открой!“ Та стряпка не открывает. Парню говорит: Не шевелись, не шевелись“. Обняла парня. Та говорит на дворе: „Стряпка! стряпка! Дверь открой, я промокла. Сохатым в воде осоку делала. Оленям диким белый мох делала. Лошадям (и) коровам траву „буруй“ делала. Добрым богатырям конец делала. Море напустила. Огонь напустила, утес сделала стригущий (как ножницы). Они (до тех пор) перепрыгивали, (пока) конец там (не) нашли. Чагалай-Чакулай, стряпку не слушай, брось стряпку, дверь открывай-ка!“

Чагалай-Чакулай стряпку бросил, дверь открыл. Девичища красивейшая только вошла в юрту. Своей стряпке голову оторвала. На двор бросила. Они оба спать вместе стали. Совокупились, как же, оба красивые.

Д. Полин. Карама

2. Акширэ-Бакширэ

Старик жил-был. Три девицы, его дочери, очень непослушные. Ничего не помогали отцу своему. Лебедями сделавшись, полетели на речку. Купаться начали лебеди. Тридцать великанов пришли. Сетью обсетили. Младшая девица

cınıkā ōwha, adılwatın top dəγillən. Ʒū̧rụwạ ṣagdawulwa hunīlwān kaluṣal ḍawara. Nụkū̧ndıwu cınıkā owha, dəγılʒāhinān amıntıkīwı. Amīnmı sōnadun dōmmen kərān, gū̧nān: „Ama! minā ʒajakal, əktilwə ılanʒar kalusal ʒawacāl". Amīnīn gū̧nən: „Ʒanaka, əŋki hū̧ŋkā вirkā. Ahantına təmkərri, əhinkə̄ncạ̄, dəγılʒākạl! Akṣırē-Bakṣırē ṣınə ʒajaʒıŋān, вādān вaʒalakīma, oŋokton ihālāmạ, ʒarıwahamnelın oŋōṇakınmān ṇurılwı ōʒaŋkı".

Hunāt tartıkī dəγilʒạhinān. Issan, Akṣarē-Baksarē ṣōnadun dōmmen kərān. Ʒūtkīn icəhinān. Akṣarē-Baksarē ṇurılawı ōʒarān. „Təʒə̄t!" gụnən hunāt: „Akṣarē-Bakṣarē minə ʒajakal",

Akṣarē-Bakṣarē ụwiṣkī icāhinān, ṣōnatki. „Hunāt əməcạ̄", gụnān Akṣarē: „əməkāl ʒajʒeŋāw". Aṣātkān ʒūlā īmmān kərān.

Ilānʒār kaluṣal ahara. Akṣırē gū̧nā: „Akṣırē-Bakṣırē əmụwkāl hunātpa. Əhikiṣ əmụwrə, sinə wāʒılləw". Akṣirē-Bakṣirə gū̧nən: „Ṣū̧ minā əʒiŋạ̄hụn wārā". Ṇurīlwı garan, nuartıŋītın ŋənəhinān. Əmərān. Kụhilinımār kərā. Ilānmə-ʒār kaluṣalwa wespa wārān. Hunātpə ahījāwı gammən kərān. Aksırē-Baksirē tar mujen.

D. Polin. Karama

3. Sarāltə

Ətirkạn вiʒəllān. Baγatır ṣagdıcā gụlādụwi täγätcārān. Tirga вəjụkụn-anamkun əmərān. Tụlindụ вinā ə̄rillān: „Amākā Ṣarāltə, tụliṣkī jū̧kāl!" gū̧nān: „Əhikiṣ jū̧rā, əräwā gụläwāṣ kụkạjiʒiŋạ̄w" gụnān. Amākā Ṣaraltə вəjụnmā gunān: „Ṣō вimī, kụkạjkạl, minŋiwā gụläwəl. Bī gəjəwụndụwi ōcaw əräwā gụləwā".

Bəjụkụn tuharān, gulāwā kụkəjrān, hammen ŋaŋutmī. Amākā Ṣarāltə ṇurīlwı garan, tụliskī jū̧rān, anamkūnma nəmkimmān kərān, wārān. Tar mujən.

пташкой сделалась, сеть их сквозь улетела. Двух старших девиц великаны поймали. Младшая, пташкой сделавшись, полетела к отцу своему. У отца на дымовое отверстие юрты села, сказала: „Отец, меня спрячь, старших сестер тридцать великанов поймали". Отец ее сказал: „Так и надо, непослушны были, постигонку не сучили сейчас. Лети-ка, Акширэ-Бакширэ, тебя будет прятать, лицом похож на лягушку, нос его — как ящерица, в стружках по пояс, стрелы делает".

Девица туда полетела. Достигла. Акширэ-Бакширэ на дымовое отверстие села. В юрту заглянула. Акширэ-Бакширэ стрелы делает. „В самом деле", сказала девица: „Акширэ-Бакширэ, меня спрячь".

Акширэ-Бакширэ вверх посмотрел в дымовое отверстие. „Девица пришла", сказал Акширэ: „иди, спрячу". Девушка в юрту вошла.

Тридцать великанов нагнали Акширэ, сказали: „Акширэ-Бакширэ, отдай девку. Если не отдашь, тебя убьем". Акширэ-Бакширэ сказал: „Вы меня не убьете". Стрелы свои взял, к ним пошел. Пришел. Драться начали. Тридцать великанов всех убил. Девушку в жены взял Акширэ-Бакширэ. Это конец.

Д. Полин. Карама.

3. Шаральто

Старик жил. Богатырь старый, в избе сидит. Днем зверь сохатый пришел. На дворе будучи, закричал: „Дедушка Шаральто, на улицу выйди", сказал: „Если не выйдешь, эту избу твою бодну", сказал. Дедушка Шаральто зверю сказал: „Если очень (сильный), (то) бодни мою избу. Я в молодости своей делал эту избу".

Бык разбежался, избу боднул, не мог сломать. Дедушка Шаральто стрелы свои взял, на улицу вышел, в сохатого стрелять стал, убил. Это конец.

D. Polın. Karama

4. Hụrkạ̄kạ̄n

Ụmụkə̄n ahī візällän. Hụkitäcī ahī. Ədīn вісạ̄n. Sụrụcə̄n. Əŋkin əmərə. Ahī tärä əhin särä. Hụtən вісạ̄n вəjä toza вoγatır. Sụrụcə̄n. Əŋki əmərä. Əhin särä. ılarä ojotın-məl hụkitän. Tärä ilạ hụtäŋnän hụrkạ̄nmạ. Luŋur hụtäŋcạ̄n. Tımätnä hụrkạ̄kạ̄n gırkullan. Hụtän änŋätcä, işə änŋätcä зụ̄rụwə dolвonīl. Hụtän həgdikə̄kụn ōrän. „Ənīnmi," gụ̄nän: „ụkụndụkpi şırkal, kalacıkärä ōkal, ılana ahukärä".

Hụrkạ̄kạ̄n kalacıkärwạ garan, əwụrdụji nə̄rän kərän. Şụrụrụn hoktolı. Tälki вəjụkụnmạ arcaran. Ahī amardun nụlgізärän orordu.

Bəjäkụn həgdikə̄kụn, вaγatırkụn hụrkạ̄kạ̄nmạ зawarän. Arcaldımī ənä ōn-mal gụ̄nə, tirämmän kərän. Wädäwı kəзäcạ̄n hụrkạ̄kạ̄nmạ. Hụrkạ̄kạ̄n əwərdụkpi kalacıkpa tänän. Bəjəkụndụ amŋalın cıkıwammın kərän. Bəjəkụn şēran, şēran, nimŋärän. „Ənīmukä!" gụ̄nän. Işşə hụ̄rkạ̄kạ̄nmạ tiräзirän wädäwı kəзärän. Hụrkạ̄kạ̄n kalacıkpa əwərdụkpi tänän, вəjäkụndụ amŋalın cıkıwammın kərän. Bəjäkụn şēзellan, şēran, nimŋərən, gụ̄nən: „Ənimụkä!" Potom hụrkạ̄kạ̄nmạ, işşə tiräзirän, hata-mat wädäwı işşə kəзərän. Hụrkäkän kalacıkpa əwərdụkpi tänän, вəjäkụndụ amŋalın cıkıwammın kərän. Bəjäkụn şēзellan, şeran, nimŋərän. Gụ̄nän вəjəkụn hụrkạ̄kạ̄nmə: „Əri kalacık on вihin ənimụkä". Hụrkạ̄kạ̄nmạ gụ̄nän: „şī īdụk əmənni? nīŋi вihinni?" Hụrkạ̄kạ̄n gụ̄nän: „Ərä ədụ daγadu візäräw, təlkə ənīnnun вī зụ̄kcəkạ̄n, amā ācın". Bəjəkụn hụrkạ̄kạ̄nmə kụŋnärän, ụukanırımmen kərän, gụ̄nän: „şī minŋi nəkụnmi вihinni". Ahīwı gụ̄nän: „Ororwı inilwətin, вụrikəl änŋạtcäwät". Änŋạcılla.

Dolвo hụrkạ̄kạ̄n tolkıtcän maŋıkūnma. Maŋıkūn ụwijälạ̄ dəγiliktäзirän hə̄ləgəcin. Ŋäläduwı ıkokunma ŋäləktäзärän, gụnзärän: „Hụtäkə̄r alakär, mindụ вụ̄källə jēkukānə-wəl, kurıwukānə-wạl, вorokono-wol, ıranuhun ırawaзıŋäw şagdändulāwə̄r ajıkānзī візiŋạ̄hụn".

Tımättə təγərə. Ahuwkän hụrkạ̄kạ̄n ənīnmi gụ̄nän: „Maŋıkūn əməзällän. Mittụk gälạ̄lзällän ekuna-wal, əkəl вụ̄rä ekuna-wal, əkəl вụ̄rä". Cajcella, cajcella. Maŋıkūn

---

Д. Полин. Карама

4. Мальчик

Одна женщина жила. Беременная женщина. Муж ее жил. Ушел. Не пришел. Женщина того не знала. Сын ее был, мужик тоже богатырь. Ушел. Не пришел. Не узнала. В три раза (увеличился) живот (ее). Та эвенкийка родила мальчика. Вечером родила. Утром мальчик заходил. Сын проночевал, еще проночевал две ночи. Сын большим стал. „Мать", сказал: „из груди нацеди, сделай калачики, три маленьких".

Мальчик калачики взял, за пазуху положил. Пошел по дороге. Только мужчинищу встретил. Женщина позади (его) на оленях кочевала.

Мужчинище большущий, богатырище, мальчика схватил. Встретясь, ничего не говоря, стал давить. Убить собрался мальчика. Мальчик из-за пазухи калачик вынул. Мужчинище в рот запихнул. Мужчинище жевал, жевал, проглотил. „Матерью (пахнет)", сказал. Еще мальчика стал давить, убить собрался. Мальчик калачик из-за пазухи вынул, мужчинище в рот сунул. Мужчинище начал жевать, разжевал, проглотил, сказал: „Матерью (пахнет)". Потом мальчика еще давил, все-таки убить еще собрался. Мальчик калачик из-за пазухи вытащил, мужчинище в рот сунул. Мужчинище стал жевать, разжевал, проглотил. Сказал мужчинище мальчику: „Этот калачик каков (почему) матерью пахнет?" Мальчику сказал: „Ты откуда пришел? Чей есть?" Мальчик сказал: „Вот здесь близко живу, только с матерью я вдвоем, отца нет". Мужчина мальчика обнял, понюхал (поцеловал), сказал: „Ты мой младший брат". Жене своей сказал: „С оленей вьюки сними, ночевать будем". Заночевали.

Ночью мальчик увидал во сне чудовище. Чудовище вверху летает, как коршун. В руке своей лукошко держит, говорит: „Детки сладкие, мне дайте что-нибудь, немножко, маленько, за вас буду молиться до старости, хорошо будете жить".

Утром встали. Младший мальчик матери сказал: „Чудовище идет. От нас просит чего-нибудь, не давай чего-нибудь, не давай". Пили чай, попили. Чудо-

əmərän, ụwijälạ̄ dəγiktällän, gụnзänä: „hụtäkär alakär mində вụ̄kəllə ēkukanə-wəl, kụriwəkạ̄nə-wəl, вorokono-wol, вī şụndụ ırānəhun ırāwạḍıŋäw şagзändulāwər, ajakānзī gērkuзıdāhun". Dāhäkāndu ōзeren. Həgdikụn вəjəkụn ənä tillä ərikən: „Nādə вụ̄kəl ətirkạ̄n ajakākun, həgdikụn вəjäkụn, nādə muŋnākəkānə вụ̄kəl".

Ətirkạ̄n ajakākun muŋnākəkānmạ hundārän ikạ̄ndulạ̄n. Nəkụ̄nīn hụrkạ̄kạn вụllān, вụmän kərän. Maŋı gụnən: „Äγa! зanaka, şōl-wal вimī, mindụ ụlə̄kciwəş зanaka".

Potom həgdikụn вəjäkụn nəkụ̄nmi icārän вụcạ, nurılan garan, maŋıwa nəmkimmän kərän. Amargījзın ŋälạwān pəhitimmän, ıkạkụnın dụnnilạ̄ tıkımmen kərän. Luŋnakātāj muŋnakān dụnnilạ̄ tıkcạkın, nəkụ̄nin hụrkạ̄kạ̄n ärəmmän kərän.

Nuŋartın зəpcä kərä. Itıgara maŋıwa, ahaзahımmer kərä. Bakanə, maŋi зūduwı вiзärän. Nuŋanmān wāmmār kərä. Зūwatkiwar sụrụrə. Зūlāwər əmərə. Ənīntin ụrumcəkə̄kụn. Зūduwar вiзälimmir kərä.

Tārä вəjäkụn вaγatırkun amīnmı ūзalın ūзaзahınam. Bakaran kaluşal wācātın amīnmān. Amīnmı geremnıwān uruwran, вicạditin nəwạrän. Bəjụnmə wārän, higrän. Mə̄nikạ̄n hụklạhinạn. Ojoduwı ullälwạ nəwạran.

Tımättä kərä dəγiliktällạn. Kərätkār ụllälwạ icärä. Зəptạwər kəḍärä. Ənīnmər gụnзärä: „ụllälwạ зäpciγạm". Ənīntin gụ̄nän: „Əkällə зäpcä əräwạ ụllälwạ". Kərätkār ahawkār ənīnmər əhiş dōlcatca, ụllälạ dōmmer kərä, зäpcädāwər. Tārä вaγatırkun kərätkārwə зawammen kərän. Kərätkār ənīntin gụnзärän: „Ụtālwạw tinkāl, pozalusta, tīnkäl". Tarä вoγatırkun kəräwạ gụ̄nän: „Zıwoj wōda" gụnärījätin gạnnạkəl təli, əmuwrəkiş, hutālwəş tinзäŋäw".

Kərätkār ənintin dəγilзähinän. Əmụwrän „Zıwoj wōda" gụnərīwətin, ḍụ̄rwạ butılkal əmụwrän. Ụmụkə̄ndụk butılkaduk kərätkạ̄ndu ụŋkụrụn, kərätkạ̄n вụmmän kərän. Gēduk butılkaduk ụŋkụrụn, kərätkān awgarammen kərän. Noŋan amīnmı tāräıt butılkat ajatkut ụŋkụcilimmän kərän, amīnīn ụlläcī ollan. Potom nannäci ōran. Amŋalın ụŋkụrän ahukānmạ, amīnīn täγärän, awgarammen kərän. Зūtkīwar sụrụmmär kərä. Зūlāwər əmərä. Bizälimmär kərä. Tar mujen.

вище пришло, вверху стало летать, говоря: „Детки сладкие, мне дайте чего нибудь, немножко, маленько, я вам (за вас), за ваше добро буду молиться, что бы до старости хорошо ходили". Садящимся делается (сел). Большой парнишка не поняв, крикнул: „Надо дать, старик хороший, большой мужик, надо годовалого оленя дать".

Старик хорошего оленя (годовалого) бросил в грудь. Младший брат, паренек, заболел, умер. Чудовище сказал: „Ага! так и надо, хотя сильные, мне обмануть удалось".

Потом большой парень младшего увидел мертвого, стрелы взял, чудовище стал стрелять. Заднюю руку его оторвал, локоть его на землю упал. Вместе с рукой олень (годовалый) на землю упал когда, младший брат, паренек, ожил.

Они стали есть. Снарядились, чудовище преследовать стали. Нашли, чудовище в доме живет. Его убили. Домой пошли. Домой пришли. Мать рада. Дома жить стали.

Тот парень-богатырь отца по следам пошел. Нашел великанов, убивших отца. Отца кости собрал в кучу, как были положил. Зверя убил, ободрал. Сам лег. На лоб себе мяса положил.

Утром ворон прилетел. Воронята мясо увидали. Есть стали. Матери говорят: „Мясо едим". Мать сказала: „Не ешьте это мясо". Воронята маленькие, матери не слушал, на мясо сели, чтобы есть. Тот богатырище воронят поймал. Воронят мать говорит: „Детей отпусти, пожалуйста, отпусти". Тот богатырище воронихе сказал: „Живой воды называемой принеси, тогда, если принесешь, детей отпущу".

Воронят мать улетела. Принесла „живую воду" называемую, две бутылки принесла. Из одной бутылки на вороненка вылила, вороненок умер. Из другой бутылки вылила, вороненок выздоровел. Он отца из той бутылки хорошо облил, отец с мясом (телом) стал. Потом с кожей стал. В рот его налил немножко, отец сел, выздоровел. Домой пошли. Домой пришли, жить стали. То конец.

D. Polin. Karama

5. Bolontur - вoγatır

Bolontur вoγatır ahīcī. Ʒū̆r murır: ụmụkə̄n murın вəjụktəhik, ụmụkə̄n murın вụlạniŋki. Ororīn kətəkạ̄kụn. Bəjụşikạ̄kụn, вəjụrā inniwạ̄ccāŋki, amākāla inniwạccāŋki.

Gē вoγatır Tōrganaj ahīnunīn nıŋaзarān, sōkanзārān. Bolontur əhin sārā. Ahīwān alawurān: „Gụnkəl, ụllälwā nādə. Ʒān ụrāl cāγılātın, зān вırar cāγılātın, tālā вəjụn вihin, tālā wārəkış, tə̄li зəpciŋạ̄w“.

Bolontur tımāttạ mırınmı зawaran, ụməliwrān hawahımmın tartıkī. Murınīn əhin əməзārā, murınīn gụnḍārān: „Amaşkī ıcāhikāl, tulup tikcāhạ, вəjā Tōrganaj awunзīγı awlārạn“.

Nuan icāhinān, Bolontur amaşkī icāhinān. Tōrganaj tikcāhạ tulupıзīn. Nuan amaşkī mụcụhinān. Tōrganaj kə̄lcārārān. Nuan ahīwı hanŋūktaran: „ēkun tulupıзīw tiзāγạn?“ Ahīn gūnān: „Bī ticcāhạw, sụrụrəkiş, ənājimạ“. Nuan hıla sụrụrụn.

Ŋənārān, ŋənārān, зānmā ụrāl ŋənārān, зānmụ вıral ŋənārān, ışşan. Bəjụn ŋārạtkānmạ tālā əməзārān. Əgdikə̄kụn вəjụn—mamont. Nuan nurmārān, ŋəmkimmān kərān. wāmmen kərān. Potom higзällān. Bəjụnmā higrān. Ụlləlwạ morınduji namallan, namaran həgdikə̄kụnmə, halgarīn вalkaldulā kokcalīn təptirə dụnŋāwā. Murınīn gūnān: „ēwanəwı namaзannı əŋəni həgdiwạ, ēkun зāpciγạn ərə̄wə ụllälwā? Tōrganaj ahīwas sụrụwcə̄. Ʒūdus ēkun-mal ācın“.

Nuan ụllälwā (dunılwātcən). Bolontur вaγatır alırān, murınduji ūwran, dəγilзāhinämmān kərān.

„Murınmaş вụlạ̄hikpəs Tōrganaj lāmulā вargılā mōduk kaduwacā. Iŋəməktäldụkın вırakıcan ạjạ̄hicạ̄.

Nuan Bolontur зūlā əmərān, e-wal ācın. Murındukpı hanŋūktarān: „Bụlạhik ēdu вakaзellap?“ Murınīn gūnạn:—„Lāmudu tạmujə ōkal, minə əlgəmmān ōkal. Bī ılзıŋāw tārtıkī ŋənəзākāl“.

Д. Полин. Карама

5. Болонтур-богатырь

Болонтур-богатырь (имел) жену. Два коня, один конь промышленный, один конь военный. Оленей множество. Промышляет, зверей-лосей вьюками возит, медведей вьюками возит.

Другой богатырь Торганай с женой его спит, совокупляется. Болонтур не знает. Жену его научил: „Скажи (ему, что) мясо надо, за десятью хребтами, за десятью речками, там зверь есть, там когда убьешь, тогда я буду есть“.

Болонтур поутру коней своих поймал, обседлал, поехал туда. Конь его не идет, конь говорит: „Назад оглянись, тулуп надел мужик-Торганай, шапку надел.

Он оглянулся, Болонтур посмотрел назад, Торганай надел его тулуп. Он назад вернулся. Торганай спрятался. Он жену спросил: „Кто тулуп мой наденет?“ Жена его сказала: „Я надену, когда ты уедешь, скучно (о тебе)“. Он тогда отправился.

Ехал, ехал, десять хребтов ехал, десять рек проехал, достиг. Зверь по озерцу-солонцу там ходит. Большущий зверь—мамонт. Он подкрался, из лука стрелил, убил. Потом шкуру снимать начал. Зверя ободрал. Мясо на коня вьючить стал, навьючил множество, ноги до бабок копытами увязли в землю. Конь его сказал: „Зачем ты вьючишь очень много, кто есть будет это мясо? Торганай жену твою увел, дома у тебя никого нет“.

Он мясо разбросал. Болонтур-богатырь рассердился, на коня сел, помчался. „Коня твоего боевого Торганай за морем к дереву приковал. От его слез речушка протекла“.

Он, Болонтур, домой приехал, никого нет. У коня спросил: „Боевой (конь), где найдем?“ Конь его сказал: „В море плот сделай, меня введи на плот. Я встану (куда головой), туда поезжай“.

Tąmuwą ōran Bolontur вaγatır. Murınmı əlgārān, tąmudų ılıwkānān. Tartıkī hilą sawrāsāhina, lāmu вargışkī. Iśśa, murınmı вakaran, mōduk kaduwcāha. Murınmı lōpcan. Potom ĭĭnān, cukadu dərumkĭdān.

Ilanma şutkal tādu вicān. Potom murırwı tąmulą əlgərān sŭkcəwā. Lāmuwa daγrān. Зapkalı tąmurāsāhinān. Goro ŋənərān. Icərān mŭdų kukışketcera, ahīn Tōrganaj tumnızera.

Nuan Bolontur ŭwiskĭ icəhinān. Icərān—Tōrganaj ahīn kukısketcara. Bolontur вaγatır gŭnān: „Tuluppaw вŭkəl, awunmaw вŭkəl".

Tōrganaj tuluppa hundadāwı kəcān. Ahĭn əhin вŭrā, gŭnān: „Tuluppa hundarıkıs, şi ĭdų, вĭ ĭdų?" Tōrganaj ətāmmān hundamī.

Bolontur gŭnān: „Ahīwa əkəl dōldıcətca. Lāmuwa hərəndųn вaγatr вihin. Tarŋı hunāzīn вihin. Bi tārāwą gasıŋāw ahījawı. Minŋi əhīw sinŋi, mindų ne nādə. Tuluppaw mindų hundākəl".

Tōrganaj tuluppa, awunma hundārān. Nuŋan tuluppa garan. Bolontur вaγatır tuluppı ĭəlcān, awunmı awlārān. Ŭwişkĭ tomnān. „Leşnica ōkal", gūnān. Lesnica ōran. Nuŋan ojokcehinān leşnicoh. Iśśan. Tōrganajwa dılwān pəhitcən. Зŭrwą azırgal omnıkīlwa zawaran. Ahīwı irgildųktin ųjųwąmmān kərān. Tinimmān osır galwa. Osirgal tuhana: gē ərtikī, gə ərtikī. Ahīwān вųkųlin ıkānəlin canıtımmer kərā

D. Polın. Karama

6. Hanı Hubun Hōhər Bogdo

Bizəllān вaγatır, həgdikākun вaγatır. Nəkŭnin ųmųkān hunāt. Hanı Hubun вəjşikākųn, вəjųrwə wāsəŋki, murınduwı inniwwātcəŋki ųllālwā. Mənikən əŋki nıŋahına nıskolko, tırga-wal, dolвo-wol əŋki nıŋahına.

Nəkŭnin ahātkān akīnmı mulanzeren, əhikin nıŋasera. Nəkŭnin akīnmı gŭnān: „emī əŋkitənni nıŋahına? Nıŋahikəl, dərəmkidąwı".

Плот сделал Болонтур-богатырь. Коня своего завел на плот, поставил (как надо, головою). Туда поплыл, за моря. Доехал, коня своего нашел, к дереву прикованного. Коня снял. Потом отпустил, на зелени чтобы отдохнул (конь).

Трое суток там был. Потом коней на плот завел обоих. Море пересек. Вдоль берега поплыл. Долго ехал. Увидал в воде кукиши ставят, жена его (да) Торганай плюют.

Он, Болонтур, вверх посмотрел, увидал—Торганай (да) жена его кукиши показывают. Болонтур-богатырь сказал: „Тулуп отдай, шапку отдай".

Торганай тулуп хотел бросить. Баба не дала, сказала: „Тулуп если бросишь, ты где, я где (окажемся тогда)?" Торганай не стал бросать.

Болонтур сказал: „Бабу не слушай, в конце моря богатырь есть. У него дочь есть, я ее возьму женой, моя баба [пусть будет] твоя, мне не надо. Тулуп мне брось".

Торганай тулуп, шапку бросил. Он тулуп взял, Болонтур-богатырь тулуп надел, шапку надел, кверху плюнул. „Лестница сделайся", сказал. Лестница сделалась, он полез по лестнице. Достиг. Торганаю голову оторвал. Двух жеребцов неиманных поймал. Жену за хвосты их привязал. Отпустил жеребцов, жеребцы побежали: один сюда, другой сюда. Жену его всю пополам разорвали.

Д. Полин. Карама

6. Хани Хубун Хохор Богдо

Жил-был богатырь, весьма большой богатырь. Сестра у него младшая одна — девушка. Хани Хубун — самый промышленник, зверей убивает, на коня своего вьючит мясо. Сам не спит нисколько, ни днем ни ночью не спит.

Сестра-девушка брата жалеет, что не спит. Сестра брату сказала: „Почему не спишь? Ляг спать, чтобы отдохнуть".

Nuŋan arkıwūndu imụhəwə ahuwkānmə arkırän, gụ̄nən nəkụ̄nmi: „Ərəwä arkıwūnma icätcäkəl. Irijäkin, minə şiriwdạwi“. Ahätkän arkıwūnma irijäkin, dişki nərän, gūnän: „puşşaj nıṇazıγın. Əktə siriwrä gorowo“. Bicəlạ̈ siriwụcillạn, gụ̄nan: „Təγəkəl!“ Akīnīn əŋki təγərə. Kərän akīnmı siriwmī, kərän. Ŋälämnı haγälвəhınän, akīnīn вụcähạ.

Bizällän hunät. Gụ̄nə: „Dılıca hunättuwı zenıhpa nəŋizärän. Təγạ̈wə, upkatpa əmədạ̈tin, uruwzaran, aja вəjə dōstanzıŋän“.

Tärä hunät nəkụ̄nmi tətihälzīγin tətcän, nəkụ̄nmi murınmān вụləhikpạ̈n ərirən.

Murının əmərän. Murındun ūwran, ŋənəhimmän kərän, ışşan. Upkat təγə̄ urupcāl, hōcakakun nī-wəl dostanmī. Tārä hunätkān əmərän, ụwiskī murınduwı dəγillän. Dılıca hunatpān ışşan. Dılıca hunāzīn uṇakaptunmı вụ̄rän. Nuŋan zuwatkīwar şụrụrụn.

Opeṭ gụ̄nə: „Beγa hunātpi вụ̄zarän, zenıhpān neŋizärän. Aja вəjə əməmı, dostanzıŋän. Hanı Hubun Hə̄hər Bogdo nəkụ̄nin tətiγəlwạ̈n akīnmı tätcän, murınman вụlə̄hikpạ̈n ə̄rirän. Murındun ūwran, hawahımmen kərän, ışşan.

Upkat təγə̄ urupcāl, nī-wäl hacākəkur dostanmī. Nuŋan əməmī-nun dəγillän murıtaj. Bega hunāzīn uṇakaptunmı вụ̄rän. Amaskīwı sụrụrụn, zūlāwạr əmərän.

Gụ̄nə: „Calвan hunātpı вụ̄zärän, upkatwa təγə̄wə uruwzarän“. Tārä hunät nəkụ̄nmı tətiγəlwạ̈n tätcän, murınmān вụlə̄hikpạn ə̄rırən. Murınīn əmərän. Murındu ūwran, ŋənəhimmän kərän, ışşan.

Upkat təγə̄ urupcal, hōcākəkur nī-wəl dostanmī, nuŋan əməmī-nän dəγillän, murtaj. Calвan hunāzīn uṇakāptunmı вụ̄rän, nuŋan amaşkīwı sụrụrụn. Zūlāwər əmərän, ılara änŋəcān.

Gụ̄nə: „Dılıca omuwkātcärän tarāwạ, zenıhpa ahījawı gadān. Təγə̄wə upkatpa uruwzaran“. Nuŋan nəkụ̄nmi tətiγəlwạn tätcän, murınmān вụlə̄hikpạ̈n ə̄rirän, ṇurılwān garan, murındun ūwran. Hawahımmen kərän, ıssan. Hunātpạ dılıca ahījawı garan.

Opeṭ веγa hunātpı вụ̄zärän, upkatpa təγə̄wə uruwzarän. Nuŋan ṇän ŋənərän, tarāwə-da garan ahījawı.

Он навертел жиру немножко, поддел, сказал сестре: „Этот вертел смотри, когда поспеет, меня разбуди“. Девушка же, вертел когда поджарила, выше поставила, сказала: „Пусть поспит. Не буду будить долго“. Когда время прошло, сказала: „Вставай“. Брат не встает. Брата будила, будила. Рукой потрогала — брат умер.

Стала жить девушка (одна). Говорят: „Солнце дочери жениха ищет. Народ весь отовсюду чтобы пришел, собирает, хороший человек достанет“.

Та девушка младшего брата в одежду оделась, брата коня боевого позвала.

Конь прибежал, на коня села, поехала, достигла. Весь народ собран, никак не могли никто достать. Эта девичища приехала, вверху на коне залетела. Солнцеву дочь достала, солнца дочь кольцо свое отдала. Она домой вернулась.

Опять говорят: „Месяц дочь свою отдает, жениха ищет. Добрый мужик, придя, достанет“. Хани Хубун Хохор Богдо сестра одежды братовы надела, коня боевого скликала, на коня села, поехала, достигла.

Весь народ собрался, никто никак не мог достать. Она, придя же, залетела с конем. Месяцева дочь кольцо свое дала. Назад вернулась, домой уехала.

Говорят: „Вечерняя звезда дочь отдает, весь народ собирает“. Та девка братовы одежды надела, коня его военного позвала. Конь пришел. На коня села, поехала, достигла.

Весь народ собрался, не мог никто достать, она, придя же, залетела на коне. Звезды дочь кольцо свое отдала, она назад поехала. Домой приехала, три ночи проночевала.

Говорят: „Солнце зовет того жениха, жену чтобы взял. Народ весь собирает“. Она братовы одежды надела, коня боевого позвала, стрелы взяла, на коня села, поехала, достигла, дочь солнцеву женой своей взяла.

Опять месяц дочь свою отдает, весь народ собирает. Она снова поехала, ту и взяла женой своей.

Opeṭ calban hunātpı bū̄zärän, upkatpa təγə̄wə uruwzaran, „Zenih əməγin“ gū̄nän. Upkat təγə̄ urupcā. Nuŋan-da əmərän, nī-wəl hə̄zirə. Nuŋan əmə̄mī-nän uṇakāptunmı əmụwrạn, ahījawı gammen kərän. Zūtkīwar sụrụwrụn ahālbạ ılanma. Ahālın sōkanmuzara. Nuŋan əŋki ahālnuṇmı nıṇahına. Ahālın nıụadānkıtcārä. Nuŋan gū̄nän ahālwı: „Bī̇ şụnnụn nıṇadāw nelzja, zūwar ıssalāwər“. Calban hunāzīn zalwı gụnzärän: „Əriŋit onnākə ahī“. Sụrụrụ, poşlednej nụlgi ōran. Nuŋan ahālwı gū̄nän: „Bī̇ zū̄lāli nənəzäktə, toγojo ılazädāwı, cajje ū̄lədə̄wi. Şū amardu nụlgizıŋạhụn„. Ŋənəzähinän. Oktolı arceren tuhakīwa. Tuhakı ələrən, tuhānän, amaşkīwı, icähinän gū̄nän: „ek! cortu! bī̇ gụncə̄w Hahı Hubun Həhər Bogdoke, təlki ərı ahīkākun“. Ahātkān tuhakīwa zawaran gū̄nạn: „Dılwaş pəhitcalim. Tuhakī gū̄nän: „Əkəl pəhitcä, bī̇ şindụ godıtcıŋäw“. Tārä hunāt mōdu lapkıran tuhakīwa, gū̄nän tuhakīwa: „Ahāl nụlgiräktin, hanŋūktalzıŋātīn, şī̇ gụnmụrə̄kạl: „Hanı Hubun Həhər Bogdo minə lakucān“.

Potom zụläskī̇ sụrụrụn, arcaran zihụkə̄wə. Zihụkạ ələrən, tuhanän, amaşkīwı icähinän, gū̄nän: „ek! cortu! bı gụnzām Hanı Hubun Həhər Bogdo, təlkı nuŋan ahīkākun, ekunzī-ka bī̇ ələm!“ Hunāt zıhukawa ahaktamāccān, zawaran, gū̄nän: „Şinə dılwaş pəhitcəlim“. Zıhuka gū̄nän: „Əkəl dılwaw pəhitcā, bī̇ şindụ godıtcıŋäw“. Hunāt zıhukawa mōdu ụwilạ̄ läpkārän: „Ahāl əməräktin, hanŋūktallaktın, şī̇ gụnmụrə̄kạl: „Minə Hanı Hubun Həhər Bogdo lakucōn“.

Hunāt sụrụrụn zụlə̄skī̇wi arcaran amākunma. Amākā ələrən, amaskīwı tuhanān, ıllan, amaskīwı icähinän: „ek! cortu!“ gū̄nän: „ekunzīn-ka ələm, bī̇ gū̄nḍäm Hanı Hubun Həhər Bogdo əmərän, nuŋan təlkı ahīkākun“. Hunāt alırān, ahaktımātcän, amākāwạ zawaran, gū̄nän: „Dılwaş pəhimcəlim“. Amākā gū̄nän: „Əkəl dılwaw pəhitcā“. Mōdu ụwilạ̄ lapkārän gū̄nän: „Ahāl əməmī, hanŋūktallatın, şī̇ gụnmụrə̄kạl: „Hanı Hubun Həhər Bogdo minə lokucān“.

Nuŋan sụrụrụn zūlāwər. Əmərän, nəkū̄nmi tətiγəlwạn mə̄ndụkpi lōkcān, nəkū̄ndiwụ tətıγụmmän kərān. Toγowo zūdu ılarän mə̄nikə̄n kəlcärämmän kərän.

Опять звезда вечерняя дочь свою отдает, весь народ собирает, „Жених пусть приедет“, говорит. Весь народ собрался. Она тоже приехала, никто не может (кольцо принести). Она, придя же, кольцо привезла, жену свою взяла. Домой повезла, жен трех. Женам хочется спать с мужем. Она с женами своими не спит. Жены очень спать хотят. Она сказала женам: „Я с вами спать не могу до приезда домой“. Звезды вечерней дочь товарищам говорит: „Это однако баба“. Поехали, последнее кочевье стало. Она женам сказала: „Я вперед поеду, огонь чтобы разложить, чай сварить. Вы позади прикочуете“. Уехала. По дороге встретила зайца. Заяц испугался, побежал, назад оглянулся, сказал: „Э! к чорту! я думал — Хани Хабун Хохор Богдо, а это — бабища“. Девушка зайца поймала, сказала: „Голову твою оторву“. Заяц сказал: „Не отрывай, я тебе пригожусь“. Та девушка к дереву привязала зайца, сказала зайцу: „Бабы когда прикочуют, будут расспрашивать, ты скажешь (тогда): Хани Хубун Хохор Богдо меня подвесил“.

Потом вперед поехала, встретила волка. Волк испугался, побежал, назад оглянулся, сказал „Э! к чорту! я думаю—Хани Хубун Хохор Богдо, а она—бабища, кого это испугался“. Она волка догнала, поймала, сказала: „Твою голову оторву“. Волк сказал: „Голову мою не отрывай, я тебе пригожусь“. Девушка волка к дереву вверху привязала: „Бабы когда поедут, будут расспрашивать, ты скажешь: меня Хани Хубун Хохор Богдо подвесил“.

Девушка поехала вперед, встретила медведя. „Медведь испугался, назад побежал, остановился, назад посмотрел: „Э! к чорту!“ сказал: „кого это испугался! Я думал—Хани Хубун Хохор Богдо приехал, она—только бабища“. Девка рассердилась, погналась, медведя поймала, сказала: „Голову твою оторву“. Медведь сказал: „Голову мою не отрывай“. К дереву наверху привязала, сказала: „Бабы, приехав, если будут расспрашивать, ты скажи: Хани Хубун Хохор Богдо меня подвесил“.

Она уехала домой. Приехала, братовы одежды с себя сняла, на брата надела. Огонь в юрте развела, сама спряталась.

Ahal tuhakīlā əmərā, icārā ụwilạ̄ lokuceзeren hanŋūktara: „ēkun şinə lokucān?“ Tuhakī gūnān: „Hanı Hubun Həhər Bogdo minə lokucān“.

Зıhụkạ̄lā ahal əmərā, icārā зıhụkạ̄ mōdu lapkıceзeren, hanŋūktara ahāl: „ēkun şinə lokucān?“ Зıhụkạ̄ gụ̄nān: Hanı Hubun Həhər Bogdo minà lokucān“.

Ahāl gụnmətcā: „Onnākā əriŋit bəjā“. Amākālā əmərā ahāl, hanŋūktara: „ēkun şinə lokucān?“ Amākā gụ̄nān: „Hani Hubun Həhər Bogdo minə lokucān“. Ahātkār ụrụncəkəkụr „şlawu boγ!“ gụ̄nə: „edākə bəja“.

Ahāl зūlāwər nụlgirā. Icārā tookōn зūdūtın зəgdāзārān. Ororwor inirulwatın bụrirā, зūlā īra. Dılıca hunāзīn gụ̄nạn: „Bəjāŋit nıṇahıcā“, gụ̄nān: „cajā ēmī əhinni ụlərə?“ Bəjāŋitin əŋki hawahına, nuŋartın şāriwụtcārā. Icārā — təlkı bụcạ̄ nuŋan. Dılıca hunāзīn, bēγa hunaзin amaskīwar tuhandāwər kərā, colbon hunaзīn gụ̄nān: „Ekunзī-ka ŋəlālış?“ Kormetpı bādālın cālıhınān. Bəjāŋıtın mıkcānān, gụ̄nān: „Nıṇahıcā bihim, ụcạ̄lā şū ụmụcạ̄hụn?“ Nuŋartın gụ̄nə: „ụnāmə əmərāw“.

Kəhilə ahākākur ụrụncəkəkụr ŋekemācıllạ. Bəjitcāŋkī ụllālwā murınduwı ınıwuŋkı, зūrạ tōkīl, bagdākājā ụmnət ınıwuŋkı. Nəkụ̄nin tuhakīkān ōha, gırkuзeren. Ahāl gụ̄nə: „Tuhakī tụlijidạ̄lạ̄ əməŋkā loşkutkılwa зəpcārān“.

Hanı Hubun Həhər Bogdo dogadalsa: „Ərə onnākə nəkụ̄nmi gırkuзeren, loskutkılwa зəpcārān“.

Ụmnə̄ dolbo ımannarān. Bəjụhinān. Tuhakīkān bicə̄n nuarduktın ụrātkī sụrụcə̄. Nuŋan ūзalın ūзaran. Nəkụ̄nmi bakammen kərān, зūjan ōran. Bəjụmī əməmmān, nəkụ̄ndụwi ụllājā bụ̄ŋki, samaj ajatkukār.

Colbon hunāзīn tillān, gụllān зalwı: „ēmī-ka oraṇşe bəjụndụk upkacın biŋkin ụllā. Əhi ācın, tāduk ācın, ācın, onnākə ahīrānīn bihin?“ gụ̄nān: „dawaj timī bəjụhānākin, miti зəlụmkạ̄n amardun ŋənəwạ̄t“.

Tımnın bəjā bəjụhinān, nəkụ̄ndụliwi ŋənəmmān kərān. Nuarwatın bakammer kərā. Gụnmətcə: „Ahīrānın, miti nuŋanmān wāγāt“. — Ōnı-ka wāзıŋāt?“ gụ̄nā. Ụmụkə̄n gụ̄nān: „Sıwınecce lejkədu huluhıwāt“.

Бабы до зайца доехали, увидали—вверху висит, спросили: „Кто тебя повесил?“ Заяц сказал: „Хани Хубун Хохор Богдо меня повесил“.

К волку бабы приехали, увидали — волк к дереву привязан, спросили бабы: „Кто тебя повесил?“ Волк сказал: „Хани Хубун Хохор Богдо меня повесил“.

Бабы друг с другом переговорили: „Однако это—мужик“. К медведю приехали бабы, спросили: „Кто тебя повесил?“ Медведь сказал: „Хани Хубун Хохор Богдо меня повесил“. Женщины весьма обрадовались „Слава богу“, сказали: „Такой мужик!“

Бабы домой прикочевали, видят—огонек в юрте горит. С оленей вьюки свои сняли, в дома вошли. Солнца дочь сказала: „Мужик наш уснул“, и сказала: „Чай почему не сварил?“ Мужик не двигается, они будят. Видят только—умер он. Солнца дочь, месяца дочь назад хотели убежать, звезды вечерней дочь сказала: „Что напугались?“ Исподом по лицу провела. Муж их соскочил, сказал: „Уснул я было, давно ли вы приехали?“ Они сказали: „Раненько приехали“.

Теперь бабищи весьма обрадовались, стали спать (с мужем). Промышленник мясо на коне своем вьюком возит, двух лосей, оленя дикого зараз вьючит. Сестра его, зайчиком сделавшись, похаживает. Жены говорят: „Заяц во двор приходит, лоскутки ест“.

Хани Хубун Хохор Богдо догадался: „Это, однако, сестра моя ходит лоскутки есть“.

Раз ночью выпал снег. (Муж) пошел промышлять. Зайчик от них на хребет ушел. Он по следу выследил сестру, нашел, юрту сделал. Зверя добывши, пришел. Сестре своей мясо отдает самое хорошее.

Звезды-Венеры дочь догадалась, стала говорить товарищам: „Почему раньше от зверя всё было мясо. Теперь нет, потом нет и нет, однако любовница есть“, сказала: „Давайте завтра, когда пойдет промышлять, мы тайком позади пойдем“.

Назавтра мужик пошел на промысел, к сестре своей пошел. Их нашли. Говорят: „Любовница его, мы ее убьем“.—„Как убьем?“ сказали. Одна сказала: „Свинец в лейке расплавим“.

Зӯ̄rə вinəl, dılwān tılə̄зirā, ụmụkə̄n gūnən: „Talā lejkadu huluwıзıŋāt sıwıneşpə karakulın şıwıneşpə ụŋkụmmār kəзiŋāt“. Ụŋkụrə, ahātkān вụmmān kərān.

Hanı Hubun Həhər Bogdo luŋur əmərān nəkū̄ndụlạ̄wi, icārān—вụcạ̄. Təlki gorop ōran, вəjụnmā зawarān anamkunmə, ijəldụn əwụŋki goroppa nə̄rān, вıcōwkalзī ugōwammen kərān, вəjụnmə tinimmān kərān. Bəjụnmə gū̄nān: „Tartıkī tuhaзākal, tālā əwənkil вıзārā, tādu hundādāwı“.

Bəjụn tuhanān, ilāldụlạ̄ ışşan goroppa hundārān. Ətirkạ̄n, atırkān icārā — hunātkīkın gəjikə̄kụn вụcạ̄. Nuartın gụnmə̄tcā: „Hụtādụwạr ahījan gawāt, зūjan ōγāt“. Зūjan ōra. Tə̄li-məl toγowa ılara. „Hunātpə īwrə зūlā hıkaŋadun təγəwkạ̄nimmār kərā. Hụrkạ̄n hụtātin luŋur əmərān, вəjụhə, dərcəkə̄kụn. Ənīnīn amīnīn gū̄nā: „Şī, hụtā, ahītkīwı ŋənəkāl, ahījaş gacāl вihiw. Зūtkīwı ŋənəkāl, ēmānnı mụndụlə̄, зūtkīwı ŋənəkāl“. Hụrkạ̄n ıllan, sụrụrụn, īrən зūlā, ahī təγātcārān. Hunāt gəjụkə̄kụn, cājjā əcə̄jə ū̄lə̄rə. Nuŋan gūnān: „Cājjā ū̄lə̄kạl“. Ahī əŋki ōn-mal gūnā. Bəjā alıran, ahīwı karukalın şoltoron, karukādukın şıwınəc hətākānān. Hunāt mıkcānān. Tə̄li-məl cājjā ū̄lə̄rān, ụllāwā ụlə̄rān. Ahīcī ōran. Bıзālimmār kərā. Tar mujen.

D. Polin. Karama

7. Əŋinil

Ətirkạ̄n вıзācạ̄n, вaγatır Əŋinil, şaŋdacākākun. Ụmụkə̄n kukınīn hụkitạcīkạ̄kụn. Ilanзār kalusal əmərā, ətirkạ̄nmə wādāwər. Kukının dōldırān kalusalwa ŋə̄lə̄llən, зūlā īrān, amakāwạ gū̄nān: „Təγəkạl, ılanзār kalusal mitpạ wānācāl. Amākān nıŋaзırān, hə̄rān şiriwmī, şoŋollon, ıụamuktan amākālā вadıllan, cụrgihīnān. Tə̄li amākān şəlārān sagdıcākākun. „Ərāl“ gū̄nān: „вadıw ēkāt ılannı“. Kukınīn gū̄nān: „ılanзār kaluşal əmụcạ̄l, mitpə wānācāl“.

Ətirkə̄kə̄kụn ıtıγarān, ŋurılwı garan, ənəptụnmi garan, hawahınan arcaptıkī. Kalusalwa arcaldıran, kụhillān.

Двое будучи, в голове ее вшей ищут, одна сказала: „Там в лейке расплавим свинец (да) в ухо свинец нальем“. Налили, девушка умерла.

Хани Хубун Хохор Богдо вечером пошел к сестре, видит — умерла. Тогда гроб сделал. Зверя поймал дикого, на рога поперек гроб положил, бечевкой связал, зверя отпустил. Зверю сказал: „Туда беги, там эвенки живут, там брось“.

Зверь убежал, к людям добежал, гроб бросил. Старик (и) старуха увидали — девичища весьма красивая, умершая. Они друг с другом переговорили: „Сыну нашему жену возьмем, юрту сделаем“. Юрту сделали тогда же, огонь разложили. Девушку ввели в юрту, на зад посадили. Парень, сын их, вечером пришел, охотившись, сильно устал. Мать, отец говорят: „Ты, дитя, к жене иди, жену тебе взяли, домой иди, зачем к нам, домой к себе иди“. Парень встал, ушел, вошел в юрту, жена сидит. Девушка красивейшая, чай не сварила. Он сказал: „Чай вари“. Жена ничего не говорит. Мужик рассердился, жену в ухо ударил, из уха свинец вылетел. Девушка вскочила, сразу же чай сварила, мясо сварила. Женатым стал. Жить стали. Это конец.

Д. Полин. Карама

7. Онгыниль

Старик жил, богатырь Онгыниль, очень старый. Одна невестка у него брюхатая. Тридцать великанов пришли старика убить. Невестка услыхала, великанов испугалась, в юрту зашла, дедушке сказала: „Вставай, тридцать великанов пришли нас убивать. Свекор ее спит, не могла разбудить, заплакала, слеза ее свекру на лицо капнула, скатилась. Тогда проснулся, старый-престарый. „Ой-ой“, сказал: „Лицо чем-то обожгла“. Невестка его сказала: „Тридцать великанов пришли нас убивать“.

Старичище приготовился, стрелы взял, саблю взял, пошел навстречу. Великанов встретил, драться начал.

Kukınīn hụtəŋnạn ụrkạnmə. Tarıŋīn təli-mạl gėrkullan. Kuŋākākān gėrkulmī, ənīnmi hanŋūktạrạn, gụ̄nän: „Əṇə, mitilil зụ̄kcạkạ̄nạl вihin, amā ācınạ-wạl, amākāw ācınạ-wạl?“ Ənīnīn gụ̄nän: „Amīnnı вicə̄n, sụrụcə̄n, əŋki əmərə. Kaluşal вirä wacātını Əhi amākäş вihin, kalusalnun kụhiзärän“.

Ụnämä kuŋākākān ənīnmi ụkụrụn, kaluşaltıkī tuhanän. Əmərän, kaluşalwa gụ̄nän: „Amākāwạ tinkəllə, şagdacā зəptəγin зütkīwar, вī ılkaldıkta“. Kāluşal ətirkạ̄nmə tinə. Kuŋākākān kụhillän. Ətirkạ̄n зutkīwar tuhanän зūlāwạr əmərän munŋakānmə wärän, hiγrän, ụllälwə ūlərän. Wespan зạpimmän kərän, munŋakānmə wespan ụmnət manaran. Kaluşaltıkī tuhanạn, kụhidạ̄wi. Əmərän kaluşalwa gụ̄nän: „kuŋākänmạ tinkəllə, вī-də̄ ılkaldıkta“. Kaluşal tīnä kuŋākānmə, ətirkạ̄n kụhillän. Kuŋākān зütkīwar tuhanạn, зūlāwər əmərān, ənīnmi ụkụllụn. Səhätajwə ụkụrụn. Amaşkīwı tuhanän. Kaluşalnun kụhillä. Kaluşalwa wespa wārä, ılānmə зär upkatpa wārä. Tar mujen.

D. Polin. Karama

8. Ucanaj

Ətirkạ̄n вiзällän. Baγatır həgdikə̄kụn, əŋəni şagdıcā, Laŋha gərвin. Ilan вəje hụtəlīn; şagdawun hụtän gərвin Mıkulka, ụŋụränŋụ hutän Waşka, nụkīndiwụn hụtān Ucanāj-Tonŋenaj, amultun, pecıdu ojodun вiзänä, amultuзaŋki.

Ətirkạ̄n вụnīn əmərän. Hụtälwi gụ̄nän, şagdawuwa hụtäwi gụ̄nän: „Əhī вụзälim luŋur, əmədə̄wi dolвonīl minnụn ānŋạcıŋäş“. Ụŋụränŋụwạ gụ̄nän: „Timi luŋur əmədạ̄wi mindụlə̄“. Ucunajwa gụ̄nän: „ılīdu dolвonīdu luŋur əmədạ̄wi mindụlạ̄“. Bụdän. Dərpuşşal. Luŋur Mıkulka nādạ ŋənədạn. Nuŋan əhin ŋənərä. Ucanaj gụ̄nän Mıkulkuwa „Amātkī ŋənəkəl!“ Mıkulka gụ̄nän: „Hək cortu! вụcạ̄lạ̄ işşə ŋənəзämmin əŋnạw. Nādạ

Невестка его родила парня. В тот же раз ходить стал. Паренек, похаживая, мать свою спросил, сказал: „Мама, мы разве вдвоем живем, отца нет, дедушки нет?“ Мать его сказала: „Отец твой ушел, не вернулся. Великаны, должно быть, убили. Теперь дед твой есть, с великанами дед сражается“.

Сейчас же паренек мать свою пососал, к великанам побежал. Прибежал великанам сказал: „Дедушку отпустите, (он) стар, пусть кушать идет домой, я с вами попробую“. Великаны старика отпустили. Паренек стал драться. Старик домой побежал, до дому добежал, годовалого оленя убил, ободрал, мясо сварил. Все съел, оленя своего зараз кончил. К великанам побежал, чтобы драться. Прибежал, великанам сказал: „Паренька отпустите, я же попробую“. Великаны отпустили паренька, старик стал драться. Парень домой побежал, до дому добежал, мать стал сосать. С кровью пососал, назад побежал. С великанами драться стали. Великанов всех убили, тридцать всех убили. Это конец.

Д. Полин. Карама

8. Учанай

Старик жил. Богатырь величайший, очень состарился, Ланха по имени. Трое мужиков — дети его; старший сын—по имени Микулка, средний сын—Васька, младший сын — Учанай-Тангенай (раскоряка), замарашка, на печи вверху сидя (живя), испражняется.

Старикова смерть пришла. Детям сказал, старшему сыну сказал: „Сегодня умру вечером, приди ночью, со мной ночуешь“. Среднему сказал: „Завтра вечером приди ко мне“. Учанаю сказал: „На третью ночь вечером приходи ко мне“. Умер. Схоронили. Вечером Микулке надо итти. Он не идет. Учанай сказал Микулке: „К отцу иди“. Микулка сказал: „Э, к чорту! К мертвому еще пойду Нет. Если

dak şī ŋənəkāl". Ucanaj tätiγaran, amīntıkīwı sụrụrụn. Amīndulawı əmərān, täγatcällān. Amīnīn jū̄rān, Ucānajwa gū̄nān: „Mıkulka əhin əmərā?" Ucanaj gū̄nān: „Mıkulka gụncạn: „Hək cortu, вụcạlạ əзıŋə̄w ŋənərā", вī şindụlạ əmạm". Amīnın Ucanajdu вụrān murınma вụlāhikpạ, gū̄nān: „şinŋi вiŋnạn". Ucanaj зūtkīwar sụrụrụn.

Gedu dolвonīdu nādạ Waska ụŋärānŋu, amīntıkīwı ŋənədạn. Ucanaj gū̄nān: „Amātkī ŋənəkāl". Waşka gūnān „Hək cortu! вụcạtkī əзiŋạ̄w ŋənərā, nādạ вişikin, şī ŋənəkāl". Ucānāj ıtıγaran, amīntıkīwı şụrụrụn. Amīndulāwı əmərān. Təγəmmān kərān, amīnīn jū̄rān, Ucanajduk hanŋūktarān, gū̄nān: „Waşkā əhin əmərā?" Ucanaj gū̄nān: Waşka gū̄ncạn: „Hək cortu! вụcạlạ əзiŋạ̄w ŋənərā, nādạ вihikin, şī ŋənəkāl! Bi ıtıγam, əməm sindulạ". Amīnīn Ucanajdu вū̄rān şırukunma həgdikạkụn. Gū̄nān amīnīn: „Əri şıru şinŋi вiŋnạn". Ucanaj зūtkīwar sụrụrụn, pecıdu ojodun amaltuзallan.

Ilīdu dolвonīdu Ucanaj ŋänäŋạ̄tin luŋur. Ucanaj ıtıγarān, amīntıkīwı sụrụmmān kərān. Amīndulāwı əmərān, təγətcällạn. Amīnīn jū̄rān. Ucanajwa gū̄nān: „Hụtā əmənnā?" Ucanaj gū̄nān: „Əmām amā!" Amīnīn Ucanajdu gewa murınma вū̄rān. Ajakākun murın вụlə̄hik ələniwi вụlə̄hikilwı weşpı вū̄rān. Ucanajwa gū̄nān: „şinŋil вiŋnətin". Ucanaj зūtkīwı sụrụrụn, pecıdu ojodun amaltuзallan.

Gū̄nā: „təγimạr hunātpı вū̄зärān. Təγạwə upkatpa uruwзaran. Ŋī-kə dostajзıŋān, tādu hunātpı вū̄зäŋạn təγimạr. Aktılīn ıtıγalla. Ucanaj gū̄nān: „Akīje! вī-də ŋənäktə!" Aktılīn gū̄nə: „Hək cortu! təγạwə amuзıwı takıdāwı. Pecı ojodun amultuзakal!" Mə̄nikə̄r awahına, mə̄nŋildụwär murırduwar. Nuŋartın məriwər gụnзärā: „Miti ajal вihin". Gụnnəl, hawahına. Ucanaj amarduktın jū̄rān, murınmı ajatkuwı ə̄rirən. Murınīn əmərān. Зạγinŋidə̄lin oŋoktolin hụgdụhınạn, anŋıdạlın jū̄rān. Bəjəkihin ōran, gəjukə̄kun. Murınduwı ūwran, aktılwı hawahınān, ışşan.

Upkat təγạ̄ urupcal, hacakākur nī-wəl mıkcanmukānmı. Ucanaj əməmī-nun murinduwı dəγiliwkạ̄nān, hunāttulā ışşan. Hunāt ıụakāptunmı вū̄rān. Ucanaj amaşkīwı kəjjin. Зūlāwạr əmərān, murınmı tinān, tätiγälwi lukcan, hataptıcārwı tätcạn, pecıla ojokcärān amultuзalımmen kərān.

надо, так ты иди". Учанай оделся, к отцу пошел. К отцу пришел, сел. Отец вышел, Учанаю сказал: „Микулка не пришел?". Учанай сказал: „Микулка сказал: э, к чорту! к мертвому не пойду. Я к тебе пришел". Отец Учанаю дал коня боевого, сказал: „Твой будет". Учанай домой ушел.

На другую ночь надо Ваське, среднему, к отцу итти. Учанай сказал: „К отцу иди". Васька сказал: „Э, к чорту! к мертвому не пойду, если надо, ты иди". Учанай собрался, к отцу своему пошел. К отцу пришел. Сел, отец вышел, у Учаная спросил, сказал: „Васька не пришел?" Учанай сказал: „Васька говорил: э, к чорту! к мертвому не пойду, если надо, ты отправляйся! Я собрался, пришел к тебе". Отец Учанаю дал пороза огромного, сказал отец: „Этот (олень) пороз твой пусть будет". Учанай домой пришел, на печи вверху начал испражняться.

На третью ночь Учанай должен итти вечером. Учанай собрался, к отцу пошел. Пришел к отцу, сел. Отец вышел, Учанаю сказал: „Сын пришел?" Учанай сказал: „Пришел, отец". Отец Учанаю другого коня дал, отличный конь, боевой, всякие доспехи, все дал. Учанаю сказал: „Твои пусть будут". Учанай домой пришел, на печи вверху начал испражняться.

Говорят (слух пошел): царь дочь свою (замуж) отдает. Народ весь собирает. Кто достанет, тому дочь отдает царь. Братья собираться стали. Учанай сказал: „Братушки, я тоже пойду". Братья его сказали: „Э, к чорту! народ испражнениями (своими) выпачкаешь. На печи вверху испражняйся". Сами поехали на своих конях. Они про себя говорят: „Мы красивые". Сказав, поехали. Учанай после них вышел, коня своего доброго скликал. Конь его явился. В левую ноздрю влез, в правую вышел. Молодище стал, прекраснейший. На коня своего сел, за братьями поехал, достиг.

Весь народ собрался, никак не мог никто допрыгнуть. Учанай по приезде на коне своем залетел к девушке, достиг. Девушка кольцо дала. Учанай назад поехал. Домой приехал, коня своего отпустил, одежду снял, старенькую надел, на печку вверх влез, испражняться начал.

Aktılīn əmərä, gụ̄nä: „ē-wal kəmī вəjə əmərä, nu i вəjäkə̄kụn“, gụ̄nä: „murınīn gəjụkə̄kụn, gụ̄nä, „jakuma вirän, əməmī-nụn, murınduwı mıkcanmukānän, newestulā īşşan“. Ucanaj gụ̄nän: „Akıje, вī-ŋən вicạ̄w?“ Aktılīn Ucanajwa hukırwāllə, gụ̄nə: „Hək cortu! ēkunma hitänmə вoltajзanı, amultun вinä“.

Gụ̄nä: „Təgimạ̄r təγāwə weşpa uruwзaran, zenıh əmədạ̄n, ahīwı gadān“. Upkat təgə̄ hawahına. Ucanaj aktılīn ıtıγalla. Ucanaj gụ̄nän:, „Akıje! вī-də ŋənəktä“; Aktılīn вutırwāra: „Pecı ojodun“, gụ̄nə: „amultaзakal, amurзıwı təγāwə maŋaзıŋāş“. Mə̄nikə̄r hawahına. Ucanaj aktılwı amardutın ıtıγaşşaran, hawahınan peşkom, ışşan. Təγimạ̄r kəwärinin mujedun ulıcışeзellan. Təγimạ̄r hunāзīn zenıhpı hə̄зirə̄n вakamī. Tiγə̄ndu arakīwa upkattu, təγạ̄dụ podawājзırän. Zenıhın ācın, hə̄rən вakamī. Icärän təγimạ̄r kəwärinŋin mujedun ēwal kə̄mī ilạ ılıtceren. Təγimạ̄r təγạ̄wə gụ̄nän: „Nādạ doştat tarawə iləwə“. Ụŋnə вəjälwə, gaзudätın. Tarāwə iläwə gaзura. Nuŋan Ucanaj-Tonŋenaj amultun təlki ōran. Ucanaj amultun ŋeweşta ıŋakāptunman omkocoduw: palatkānзī cakılıha, ụγəwạcạ̄. Nuŋunmān əlgərä. Ucanaj aktılīn gụnзärä təγạ̄wə. „Kırä, əri mụnŋi, Ucanaj amultun, ēdan əlgəзäş? Amurзıwı nıwestawa takaзıŋān“.

Təγimạ̄r gụ̄nän: „ajama əlgəkəllə“. Nuŋunmān Ucanajwa əlgərə nıweştılā. Nıweşta ştakandu arakıwa podane. Nuŋukākun omkocodukın ıŋakāptunma palatkanmı lukcān. Iŋakaptunma nıwestadu ştakandun nə̄rän. Upkat təγạ̄ gajkuwārä. Nıweşta Ucanajnı ahīnārän. Ponewole вışıзärän amultun nīwesta, əhin ajawзırä, ḍelat-ta necevo“.

Potom dukun əmụrän təγimạ̄rdụlạ̄, gụnnä: „Maŋı hunātpəş зəptiзillän. Ilīdu tırganīdu hunātpı lāmu зapkalān əmụwdạ̄wi. Maŋı tādu əmähə̄. Maŋı зəpciŋạ̄n“. Ilīdu tırganīdu təγimạ̄r hunātpı ŋənəwrän lāmu ḍapkalān, maŋi зəpcidạ̄n. Ucanaj-Tonŋenaj amultun darışkī ŋənərən, ajatkuwı murınmı ə̄rirən. Ajatkun murının əmərän. Ucanaj murınmı зawaran, зəγinŋidə̄lin oŋoktolın ụgduhinạn, anŋıdālın jụ̄rän. Bəjäkikin oran, gəjikə̄kụn. Bụlạ̄hikilwi tätiγälwi tätcạn, murın duwı ūwran. Maŋı tērulān ışşan. Icärän ahīn lāmu зapkadun täγätcärän, şoŋoзono

---

Братья его приехали, говорят: „Какой-то человек пришел, ну и молодечище, говорят, конь его самый красивый, говорят, по приходе же на коне свое допрыгнул к невесте, достиг“. Учанай сказал: „Братишки, может я был? Братья на Учаная закричали, говоря: „Э, к чорту! что зря болтаешь, замарашко будучи“.

Говорят: „Царь народ весь собирает, жених чтобы пришел, жену взял“. Весь народ поехал. Учаная братья собираться стали. Учанай сказал: „Братья, я тож поеду“. Братья его заругали: „На печи, говорят, испражняйся, испражнениям народ запачкаешь“. Сами уехали. Учанай после братьев кое-как собрался, отправился пешком, достиг. На царевом лугу в конце едва стоит. Царь дочери своей жениха не может найти. В чашке вино всему народу подает. Жениха не не может найти. Видит, царского луга в конце какой-то человек, видно стоит. Царь народу говорит: „Надо достать того человека“. Послали людей, чтобы достали. Того человека достали, он—Учанай-раскоряка, замарашка только оказался. Учанай-замарашка невесты кольцо на лоб себе, платком завернувши, привязал. Его привели. Учаная братья говорят народу. „Кал! (ругательное слово) это наш Учанай-замарашка; зачем ведете? Испражнением невесту замарает“.

Царь сказал: „Ничего, ведите“. Его, Учаная, привели к невесте, невеста стакане водку подала. Он-то со лба с кольцом платок снял. Кольцо невесте стакан положил. Весь народ удивился. Невеста за Учаная вышла замуж. Поневоле кое-как живет, замарашку невеста не любит, (да) делать-то нечего!

Потом бумага пришла к царю, сказывают: „Чудовище дочь твою съест. На третий день дочь чтоб к морю на берег приведи. Чудовище туда придет. Чудовище съест“. На третий день царь дочь свою привел моря на берег, чтобы чудовище съело. Учанай-раскоряка-замарашка в сторону пошел, доброго своего коня скликал. Добрый конь пришел. Учанай коня своего поймал, в левую ноздрю влез, в правую вышел. Молодечище стал, прекрасный. Боевые доспехи надел, на коня сел. Чудовища к сроку достиг. Видит, жена его моря на берегу сидит, плач

Ucanaj əmərän ahīlāwı. Maŋıwa alacılla. Maŋıkun mụ̄dụk jụ̄rän, gụ̄nän: „Bī gụncạ̄w ụmụkə̄nmə̄n təjimạ̄r hunāsīn“.

Nuŋartın sụ̄r kụhillạ. Tırānsärä. Ucanaj şıruwı ə̄rirən. Şırukunīn tuharän, maŋıwa carıran, do konca, do smertı. Ucanaj ahītaj sūtkīwar şụrụrụ, məkəmə̄cilimmär kərä. Ahīkākunīn ụrụncəkə̄kụn. Tar mujen.

D. Polin. Karama

9. Nımŋakāwun

Sụ̄r hunıl bisicạtin bıra sapkadun. Tụγlạ̄hinạ oŋkolwo tırga. Əmärə sūlāwạr. Hoγırdutın bạ̄kạ̄ndə kuŋakākān. Kolleduk bạ̄kạ̄n lakucāsärän, şoŋosorän, gụnsärän:

„Aja ahī gasurakın,
aja bəjä ōmcāw.
Dəwijkạ̄nin! Dəwijkạ̄!
Aja bəjä gasurakın,
aja ahī ōmcāw.
Dəwijkạ̄nin! Dəwijkạ̄!

Sūlāwạr īrä. Kalandutın cupa ụ̄ləwcə̄ hụjisärän. Nuartın gụnmə̄tcə bạ̄kạ̄nmə gasudāwər toγowo bargımnak. Gē bụrisiŋạn, bạ̄kạ̄ndụk tānsäŋān kuŋākakānmə gụ̄sạncillän: „ōn bihin gụsajạn kuŋākākān?“ gụnsärän: „kısıŋāt toγowo ceres, kuŋākānmə bụnsiŋạ̄t“. Gē āhātkan toγowo ceres galsıŋān, kalandulā dılīsīn kuŋākākānmə cıkıwammer, kalandu bụdə̄n kuŋākākān.

Tụgi gụnmə̄tcə sụ̄kcə. Ahātkär bạ̄kạ̄nmə hoγırduk gasura. Gē ahātkān bạ̄kạ̄ndụk kuŋākākānmə lukıha, tānän, gụsạncillạn, gụnsärän: „ōn bihin kuŋākākān ajan?“ Gụnnə, gụsəncisärän. Gē ahātkān gụ̄nän: „Mīndụ-dä

Учанай пришел к жене. Чудовища стали ждать. Чудовище из воды вышел сказал: „Я говорил, одну (чтобы) царя дочку“.

Они двое драться принялись. Меряются. Учанай пороза-оленя позвал. Порозище прибежал, чудовище порвал до конца, до смерти. Учанай с женой домой приехали, совокупились. Женища его весьма обрадовалась. Это конец.

Д. Полин. Карама

9. Сказка

Две девки жили на берегу реки. Пошли по ягоду днем. Вернулись домой, на заездке их в зыбке ребеночек. На колышке зыбка висит, плачет, приговаривает:

„Добрая баба если бы взяла,
добрый муж стал бы я.
Дэвийканин! Дэвийка!
Добрый муж взял бы,
доброй бабой стал бы я.
Дэвийканин! Дэвийка!“

Домой пришли. В котле каша сварена, кипит. Они сговорились, зыбку перетащить через огонь. Одна вывалит из зыбки, вытащит ребеночка, станет говорить: „Какой красивый ребеночек“, скажет: „Кинем через огонь, ребеночка передадим“. Другая девушка через огонь примет, в котел головой ребеночка отпустит, чтобы в котле умер ребеночек.

Так переговорили между собой. Девушки зыбку с заездка взяли. Одна девушка из зыбки ребеночка, раздевши, вытащила, занимать принялась, приговаривает: „Вот какой ребеночек хороший“. Говоря, занимала. Другая девка сказала: „Мне

вӯkəl kuŋäkākānmə, gụsạncisạw". Gē gụ̄nän: „Gakal şī da gụsäncikäl". Toγowo cərəs вӯllän. Gē gallan toγowo cəres, kalandulā tikiwəmmän kərän. Tuhammer hunīl.

Tuhammer kərā, tuhara, tuhara gorowo tuhara. Dōldıra—maŋıkun ahadarän. Şagdıwu ahätkān palātpə amaşkīwı hundārän. „Lāmukān ökal" gụ̄nän. Lāmukūn öran, həgdikạkụn. Maŋıkun tuharan lāmu зapkalān, amaşkīwı tuhanän зūtkīwar. Зawwa əmụwrän, lāmuwa dāγrạn. Ahātkār tuhaзāra. Dōldıra—maŋıkun вokonзoron. Şagdawu āhatkān ägdäwụ̄nmạ amaskīwı hundārän, gụ̄nän: „Şīkākun ökal əзiŋạ̄n ụgdụwrạ". Maŋıkun tuharān sīkāndulā, həmmän ụgdụmī, amaskīwı tuhanän, зūtkīwı, onoptunma ganārän. Şīkāndulā əmärän, onoptunзī sīkaγwa həŋnisänạ, ŋənärän. Ahätkār tuhaşşāзāra, doldıra, maŋıkun вokuncō. Ahātkār ŋạ̄lällä. Şagdawu ahātkān hiwəŋkiwə hundārän. Uhat hundāmmān kərän. Amaskīwı hundādāwı kəcə̄n, зụlạ̄skīwı hundāmmän kərän, gụ̄nän: „Inmə şöndının saŋākān ökal". Nəkụ̄ndäwụ ahātkạ̄n gụ̄nən: „Inŋäktəkạ̄n ökta". Şagdawu ahātkān gụ̄nän: „Bī iriktə ökta". Nụkụ̄ndiwụ inŋäktəkạ̄n öha, şaŋākāndulı diγilimmän kərän, şagdawu ahātkān iriktə öha, ụgdụhinạn hıkaṇaduwı tāγəmmän. Nụkụndiwụ əkīnmi dıldukīn зawaran tāncımācılımmän kərän. Hərān tānmı. Maŋıkun hıkaṇawān зạpimmān kərän. Nəkụ̄ndiwụ ahātkān əmụkụn sụrụrụn. Iləldụlạ̄ ışşan, вiзälimmän kərän. Tar mujen.

I. M. Safonow. Tırka. Karama

10. Nımŋakāwun

Maŋıkun hıkaṇawān pəhītcän, зäpimmī. Nəkụ̄nīn əkīnmi uwaзahınän mə̄ndụji kərän sulammən. icähinän əkīnīn soŋoзorān. Nəkụ̄nin mụcụrän, əkīnmi uwaзahinān.

Uwaran, uwaran, ṇan sularän, icähinän—əkīnīn iṇəзärän. Mə̄nikạ̄n sụrụrụn. Nəkụ̄nīn ŋənärän, ŋənärän. Suhan lukurgarän. Noan cokcokōndu halganзī suhuw-

---

тоже дай ребеночка позанимать". Другая сказала: „Возьми ты да позанимай". Через огонь передала. Другая приняла через огонь, в котел опустила. Побежали девушки.

Побежали, бежали, бежали, долго бежали. Услыхали — чудовище догоняет. Старшая девушка платок назад бросила. „Морище сделайся", сказала. Морище сделалось большое. Чудовище прибежал моря к берегу, назад побежал домой. Лодку притащил, море переехал. Девушки бегут. Услыхали — чудовище догоняет. Старшая девушка гребенку назад бросила, сказала: „Чащища стань непроходимая". Чудовище прибежал к чаще, не мог пролезть, назад побежал домой, саблю пошел взять. К чаще пришел, саблей чащу разрубя, пошел. Девки едва бегут, услыхали — чудовище догоняет. Девушки испугались, старшая девушка брусок бросила. Худо бросила. Назад бросить хотела, вперед бросила, сказала: „Иголка с дырочкой (буду-ка), дыра сделайся". Младшая девушка сказала: „Шерстинкой пусть буду". Старшая девушка сказала: „Я муравьем пусть стану". Младшая, шерстинкой сделавшись, в отверстие пролезла; старшая девушка, муравьем сделавшись, поползла, задницей увязла. Младшая (старшую) сестру за голову принялась тянуть. Не могла утянуть, чудовище зад ее съел. Младшая (девушка) одна ушла, до людей добралась, жить стала. Это конец.

И. М. Сафонов. Тырка. Карама

10. Сказка

(Продолжение предыдущей)

Чудовище зад оторвал, съел. Младшая (сестра) старшую тащила на себе, оставила. Взглянула, старшая сестра плачет. Младшая вернулась, сестру потащила.

Тащила, тащила, опять оставила, взглянула — сестра смеется. Сама ушла. Младшая шла, шла, оборка (вязка на обуви) развязалась. Она на палку ногой

dāwɪ. Basalakī mɪkcānān: „Əkī, əkī sūjaw həkimnəsālinni", gūnsān: „əməkāl minŋilā sūlā". Hunāt īrān. Basalakī ulīrān hunātpa, sajammen. Ədīn əmərān, ŋān bəjuŋin ədin; basalakī gunsārān ədītkī: „Pulkəruŋciş inŋişaseŋāw". Bəjāŋin sururun, bəjusāhinān. Ipkārān hunātpa, inŋihasidān pulkəruŋkci. Ədīn əmərān bəjusi, pulkəruŋkpa bŭrān ədīduji. Ədīn dumajseren: „ōn-ka ōran ərə pulkəruŋkpa, okɪn-mal ənə ōra".

Timīnin ədīn bəjuhinān. Nuan hunātpə ipkərān ŋān niptijān ɪnŋihasidān. Bəjāŋin kərān kəlcārāmmān, sū cājādādɪn dōlcɪtcalɪmmen. Icārān təlki hunātkɪkɪn gəjukəkun. Īrān sūlā. Basalakī ələrān. Bisāllān. Bəjurwa wāca. Basalakīwa ŋŋdārān, nihudān. Gunsārān: „Nanŋajā həkulgəsiŋāş, nanŋadu sāhajā uŋkusiŋāş kɪdājā nɪŋahānɪmmen, cakɪlɪmmen nanŋadu ŋamāt ānŋatcɪgāş". Basalakī nɪŋahinān. Ətrikan uhat isiŋāndā alawurā, ŋamakā nanŋadu əsiŋaş hiktārəmmān.

Ədīn tarnun hunātnun kərān bisālimmān. Nihusahinān tarnun hunātnun. Əmərā. Basalakī hiktiricā nanŋadu. Ullənirwār surŋwrŋ sūtkīwar. Basalakī ororwōn tipŋtcā. Tādu əmərā bisālimmār kərā.

Hunāt tārā bihin bihin əkīnmi sönān: „Əkinīw ilācan?" icānahinān. Ŋənərān, ŋənərān. Əmərān tālā mestulā, gulələ īrān. Təlki əkīnīn tādu gulədu bisārān hikaŋahə ācɪn. Bihin, bihin əkīnīn ororwo bŭrān kətəkākənnə. Əlgasinən sūtkīwar orokōkōr bokonsoŋkɪl əmərān. Bisālimmār kərā ədīnunmi.

I. M. Safonow. Tɪrka. Karama

11. Nɪmŋakāwun

Ətirkān aturkannun bisicātin. Hutālə ācɪr, jədakukākur. Bicān umukən hukurə tin. Ətirkān gunsārān: „Wāwāt hukurŋwu". Aturkān gunsārān: „Əwāt".

Ətirkān kurētkī ŋənārān. Hukurwu wāmmān. „Aturkān ānəkāl. Solutkol biratkī silkɪnākəl". Aturkān əmərān suluktalwa garan, silkɪnāhinān. Amaskī əmərān ətirkānīn əhin gulātkī tinə. Aturkān surŋrŋn oŋoktoji suləskī. Ŋənərān, ŋənərān, icārān

---

(стала), чтобы завязать. Лягушка выскочила: „Тетка, тетка, юрту мою растопчешь", говорит: „Иди в мою юрту". Девушка вошла. Лягушка накормила девку, спрятала. Муж ее пришел, опять промышлять идет муж, лягушка говорит мужу: „Напульник (тебе) буду шить". Муж ее ушел промышлять. Заставила девушку, чтобы шила напульник. Муж пришел с промысла, напульник дала мужу своему. Муж думает: „Как сделала этот напульник, никогда не делая?"

Назавтра муж ушел промышлять. Она девку заставила, опять кисет чтобы сшила. Муж ее спрятался, за юртой стал слушать. Увидал только девицу весьма красивую. Вошел в юрту. Лягушка испугалась. Жить стали. Зверей убил. Лягушку посылает мясо принести. Говорит: „Кожу разогреешь, в кожу кровь нальешь, возьми ляг спать, завернись в кожу, тепло ночуешь". Лягушка уснула. Старик (муж) худо не научит, тепленько в шкуре, не замерзнешь.

Муж с той девушкой стал жить. Отправились с той девушкой за мясом. Пришли. Лягушка замерзла в шкуре. Мясо домой притащили. Лягушкиных оленей побили. Туда пришли, стали жить.

Девка эта жила, жила, про сестру свою вспомнила: „Сестра моя куда девалась?" Смотреть пошла. Шла, шла. Пришла в то место, в избу вошла. Только сестра ее там в избе живет, зада нет. Жила, жила, сестра старшая оленей дала множество. Повела домой, много оленей ее догоняющие пришли. Жить стала с мужем своим.

Е. М. Сафонов. Тырка. Карама

11. Сказка

Старик со старухою жили. Детей не было, очень бедные. Была одна корова у них. Старик говорит: „Давай убьем корову". Старуха говорит: „Нет!" Старик во двор пошел, корову убил. „Старуха, подой иди. Кишки на реке иди мыть". Старуха пришла, кишки взяла, пошла мыть. Обратно пришла, старик ее в дом не пускает. Старуха пошла носом вперед (куда нос покажет). Шла, шла, видит—

gulikan. Talā gulukanduļa īrān. Ostoldu säptiļa adiļānə. Säpcän, tāduk säptiläduk mənäkän garan, niŋahinimmən.

Dolbikökin əmərän Jaga-Jagisna. Talkidu murdāhinän. Atirkän tärälduk zapciladuk garan. Sülkiwar surunimän. Sülawar əmərän. Ətirkänin hukurwu manicä. Sujatkin ajakcucä, icätcärän. Ətirkänin hərkilwi ŭläsärän. Atirkän hundaŋki maslikänə. Ətirkanin gunsärän: „Imuränsärän horkildukin". Sönatki icähinän, atirkänmi icärän. „Atirkän, əməkäl". Atirkän əmərän, „Dawaj, ətirkan, säptililwan säpcäkəl"! Səpcä, səpcä, gunsärän: „Hikaŋal ulikäl!" Potom gunän: „osahikäl". Ösahinän amurdun, əjəmmän kərä.

F. K. Monastirəw. Murinŋa

12. Nimŋakäwun

Ilan nəkŭnahəl bicutin. Bəjihincätin, too omjocötin. Ilan nəkŭnahəl ətirkänmə icəcəl, too sägdisärän. Əməcan noandulän, toal gələlcan. Amäkä guncən: „Nimnakänkəl əhijəw särä. Särä nimnakänikiş, taŋälləjə mĭsiŋaw hekanŋadukiş, səgdənnəduķiş uhĭja sirsiŋaw. Tojo bŭsaŋaw, əhijəw sarä nimnakänikiş".

„Nimnakänsälim".—„ulək" gunəkiş, şəgdənnəduķiş cirsiŋaw uhĭja həkanŋadukiş taŋallajə maŋalsiŋäw".

„Diŋin sär nakŭnahəl bicawun. Gönmun bicən. Diŋin sär Patnəlin. Nakŭnahəl əwcaun, mordohincaun. Icihinim, səgdənni cehurgacca. Bĭ calban hikaŋalin dĭcəw, icəhinim, mordohinaw, gon illan. Calban baldicä amĭkundulä tirgacä. Ojokcosähim, tala şaŋar bihin ŋəbədu, tälä dunŋä, tälä təŋə bizärä. Bəjur kətikäkun. Bəjutcəca, bəjurbə wäm, higsicaw, ullələbətin jadäkəldu bŭjitcäw, uhĭla sirəwätcäw, iraktədu ujuwatcaw, əwdəhänim. Uhĭl manawra, dunŋä lis gumagadin icäullän. Mikcahinim, icəm bəjə wejdərən talganaw. Dawaj mikinəduk zajsəkal top dunŋä mikcalim.—„Ənĭniw amĭnduş məksazärän!" ətirkän gunçən. „Ulək bihinni". Səgdənnən uhĭwa sircə, hikanŋadukin taŋələ mĭcə. Ətirkan bŭcə, tŏwo surŭwcə.

избушка. Туда в избушку вошла. На столе еда разная. Наелась тогда, из еды сама взяла, спать легла.

В полночь пришла Яга-Ягища. В мялке приехала. Старуха после этого из еды взяла. Домой пошла. Домой пришла. Старик ее корову кончил. На юрту залезла, смотрит. Старик ее штаны варит. Старуха бросает масло. Старик говорит: „Жир топится из штанов". В дымовое отверстие посмотрел, старуху увидал. „Старуха, иди сюда". Старуха пришла. „Давай, старик, еду есть". Ели, ели, говорит (старик): „Зад зашей". Потом сказал: „Распори". Распорола, в кале утонули.

Ф. К. Монастырев. Муриння

12. Сказка

Три брата жили. Отправились зверя промышлять, огонь забыли. Три брата старика увидали—огонь горит. Пришли к нему, огня попросили. Дед сказал: „Скажи сказку, которую не знаю. Если расскажешь знакомую, круг вырежу из зада, из спины твоей ремень выкрою. Огонь дам, если незнакомую расскажешь".

„Буду рассказывать".—„Ложь если скажешь, из спины узды вырежу, из зада круг вырежу".

„Сорок братьев было (нас). Кобыла была. Сорокояблочная. Братья сели, поехали. Оглянулся, спина сломана. Я березу в зад сунул, оглянулся, поехал на коне, кобыла встала. Береза выросла, до неба уперлась. Полез, там дыра в небе, там земля, там народ живет. Зверей много. Промышлял, зверей бил, обдирал, мясо беднякам раздавал, ремней накроил, к лиственнице привязал, стал спускаться. Ремни окончились, земля с лист бумаги показалась. Прыгнул, вижу—мужик веет хлеб. Давай за мякину хвачусь, на землю прыгнул. „Мать моя на отце твоем ездит". Старик сказал: „Лгун". Из спины ремень выкроил, из зада круг вырезал. Старик умер, огонь забрал.

P. Starıkow. Tutura

13. Maŋı

Maŋı візällän. Ŋənäзähinän, əmərän hunättulä. Hunät ŋəlilcə̄, maŋıt gū̯nän „Ŋənäkäl, u̯llə ganäkəl, tärä mu̯gdu̯kạ̈cạ̈nə kəŋkihinə“, gunän: „şinŋi gərвiş?“ Hunät gū̯nän: „Kədərək-Cu̯cu̯lək“. — „Akīnnī ŋī gərвin?“ — „Bēγaldar-Baγatır“. — „Ōnı tu̯ji ōran gərвi?“ — Bēγatıkındun maŋıla wäзämmi“. — „Nınakın ŋī gərвin?“ — „Ilikə̄ da lakā“. — „Emī tu̯ji ōran?“ — „Bu̯cə̄ mäŋı sə̄hələ ilənзəmmı da lakanзemmı“.

P. Starıkow. Tutura

14. Akşırē—Bakşırē

Dolodur nuwandun jəγin hunil. Amīn вəju̯hinän. Bəju̯зī əmərän. Hunīl ācır. U̯mu̯kə̄n əmərän. „Amīnmı зajäkəl!“ Nuan gū̯nän: „ēduwı зajзıŋäw? cäkạdu зajamcäw, cäkəw cäзiŋätın. Sī ijə̄kikci ŋənəзäkəl, tälı icäзiŋạ̈ş gu̯ləku̯nə, tädu Akşıre-Bakşırē, tärı зajamī зajзıŋän“.

Tärä ŋänäзähinän hunät. Goro daγa dəγillən, icärän зūkäkän зū̯r hu̯rkə̄r onnıзära lu̯kilwə, вərilwə, зū̯r ahatkär tädu da onnıзara. Hu̯rkə̄r iciwkəm, ə̄rillạ: „Awgugəjət вərit ōrap“. Gē gū̯nän: „ej, kakı ōlahal miti вihip!“

Aksırē-Baksırē tärä ōlan əmərəkin, зajäwahamnän täγätcärän. Su̯ru̯ru̯n tärä hunät, зəγilзihinän. Işşan okoskadun dōran. „Kə! hanŋüktallan: „Akşırē-Bakşırē minä зajakal“. Əhin dōldıra, gēwran gū̯nän: „Akşırē-Bakşırē minä зajakal“. Tärä gū̯nän: „Əməkäl, mogu зajakal, зajзıŋäw“, gū̯nän: „mirinзiŋạ̈ş, tə̄li вī şinə зajзıŋäw“. Зajaran.

Tırganīwə вihin, gēwa вihin, ācın. Ilīdu əmərä вu̯lə̄lзir. Kotowo tänän Aksırē, ostoldun nə̄rän, ahätkänmə gū̯nän: „Icitcäkäl kotowo, şämtu̯зiŋạ̈n, tə̄li вī dawdaзıŋäw, ezelı kimärgäзiŋạ̈n, tə̄li вī dawdım“.

П. Стариков. Тутура

13. Чудовище

Чудовище (медведь) жило. Пошел, пришел к девушке. Девушка испугалась чудовище сказал: „Иди, мясо возьми, тот пенек стукнувши“, сказал: „Твое имя?“ Девушка сказала: „Мялка-Скоблилка“.—„Старшего брата какое имя?“—„Бэгалдар-богатырь“. — „Почему такое имя стало?“ — „В каждом месяце чудовищей убивает“. — „Собаки как имя?“—„Лизун да лакало“.—Почему так стало?“— „Мертвого чудовища кровь лижет да лакает“.

П. Стариков. Тутура

14. Акширэ-Бакширэ

Долодур, у него девять дочек. Отец отправился промышлять. С промысла пришел. Дочек нет. Одна пришла. „Отец, спрячь“. Он сказал: „Куда спрячу? В запятник спрятал бы, запятник распорят. Ты вниз (по реке) иди, там увидишь избушку, там Акширэ-Бакширэ, тот спрятать спрячет“.

Та пошла девушка. Далеко близко летела, увидала юрту, два мальчика дарят друг другу стрелы, луки, две девочки там же одариваются. Мальчики, увидевши, закричали: „Какой лук мы сделали!“ Другой закричал: „Эй, какие мы мастера!“

Акширэ-Бакширэ, тот мастер, когда пришел, спрятавшись сидит. Ушла та девушка, полетела. Долетела, на окно села. „Ну!“ спросила: „Акширэ-Бакширэ, меня спрячь“. Не услышал, вторично сказала: „Акширэ-Бакширэ, меня спрячь“. Тот сказал: „Иди, могу спрятать, спрячу“, сказал: „Выйдешь замуж, тогда спрячу тебя“. Спрятал.

День прошел, второй, нет. На третий пришли войска. Нож вытащил Акширэ, на стол положил, девушке сказал: „Смотри, нож заржавеет, тогда я буду побежден, если побелеет, тогда я побежу“.

Kə-hilə, ŋənəhinə, вuləllə.

Tārā ahātkān icātcārən kotowo. Akşırē koton şämtuşärän. Ahātkān mərgähinän — dawdazərən. Potom icātcārān ahātkān kotowo, tārāŋı kimārgārān, вagdargaran — Akşırē dawdıran. Akşırē əmərān. Зapkunma вaγatırıl wārān. Ahātkān ŋrunun: „Şindu mirinsiŋąw". Tar mudanın.

P. Starikow. Tutura

15. Altānāj

Bolontur вisällän. Ahın ŋrgägdi. Kuкinäj dālāhınan, dılıca hunātpān. „ācınduw вaldıdıŋän, Altānāj gərвidąwi".

Şurunun tārā вəjā. Dalahınan. Dılıca hunātpān dalarān. Tālā nuanmān maŋıl wācılla.

Tārā ahın hutāŋnān amardun, Altānāj gārвirān. Hutān вihin, ılallawa вəriląwi ōran, nämkicillän. Irəktədun dōra cinəkəl. Nuan nämkiccārān, wārān nuarwatın. Umukən suwārädun solōwcān. Nämkiccārān hərən nawkānmī. „Altānāj ēdaw вəjutcänni? Amīnnī вicən Bolontur gārвi. Nuan sindu ahījäş dālāhıcā".

Nuan əmərān ənīnduląwi. „Əŋə amıcī вicəw?" Ənīnin gūnān: „ācın amına вicəş". — „Ən ācın amīna вisiŋąw? eduk-ka вaldıcāw?" Gūnān əhilə ənīnin: „Amīnnī вicən, kamnıγaduk hukulcən, вummān kəcə". Gūnān: „Dawaj вī ŋənəktą tikikcələn". Tuhanān, tikcən, kamnıγaduk əmərān, əhin вudā. „Bicən amīnmı, вicən", gūnān: „ilącā?" — „Necewo ḍəlaţ" gūnān: „ahījäş dālāhıcā, dılıca hunātpān".

Tавun murirın girkuзeren, gūnā umukən murincıkān ihāktə upkacīn. Murındulā əməŋki, вulihiniŋki, murın вuŋkı, səgdənnə cıkurgaŋkı. Tārā ihānə tuhaktəзārān. „Minə, minə kəkäl", gunзārān. Əmərān əhilə вulihinin, ıŋaktalın вurunu. Gēwran вulihinin, həgdimikąn ōran. Ilīwran вulihinin, nuan həgdikąkun ōran. Вulihinin, zawran murinmı, ŋurilwi gadan, вərilwi gadan, hawahınan. Ŋänərän, ŋənərän, ıcārān — zapkun maŋıl āwizärā igdiwūnsī ŋwiskī hundāwątcārā. Nuan

---

Ну, пошли, стали воевать.

Та девушка смотрит нож. Акширэ нож ржавеет. Девушка опечалилась — побеждается. Потом смотрит девушка, нож тот светлеет, белеет—Акширэ побеждает. Акширэ пришел. Восемь богатырей убил. Девушка обрадовалась. „За тебя выйду замуж". То конец.

П. Стариков. Тутура

15. Алтанэй

Болонтур жил. Жена беременна. Невестку сватать поехал, солнца дочь. „Без меня родится, Алтанэем назови".

Ушел тот мужик. Сватать отправился. Солнца дочь просватал. Там его чудовища убить собрались.

Та женщина сына родила после него, Алтанэем назвала. Сын живет, в три дня луки сделал, стал пристреливаться. На лиственницу сели пташки. Он прицелился, убил их. Одна на вершине осталась. Прицелился, не мог попасть. „Алтанэй, зачем убиваешь? Отец твой был Болонтур по имени. Он тебе жену сватать отправился.

Он пришел к матери. „Мама, отец был?" Мать сказала: „Не было отца". — „Как без отца жить буду? Откуда родился?" Сказала тогда мать: „Отец был, со скалы скатился, умер". Сказал: „Давай я пойду к месту падения". Пошел, скатился со скалы, пришел, не умер. „Был отец, был", сказал: „куда делся?" — Нечего делать", сказала: „жену твою сватать отправился, солнца дочь".

Табун лошадей идет, говорят, один жеребенок в коросте весь. К коню подойдет, коня погладит, конь умирает, спина ломается. Тот коростистый бегает. „Меня, меня лови", говорит. Подошел тогда, погладил, шерсть упала, второй раз погладил, он большой стал. В третий раз погладил, он очень большой стал. Погладил, поймал коня, стрелы взял, луки взял, отправился. Ехал, ехал, увидел—девять чудовищ играют, гребешками вверх бросают. Он

ŋənəmmän Altänäj, cäpkạnän. Əhin mədärä, ŋənäʒähinän cäskī; irtikī ŋənäcən, tartıkī ŋənäʒärän. Icärän gụləkəkạnmə, gụləkən hunät okoşkolı ciγiccärän. Nuan gụ̄nän: „Altänäj əmcəw icähinä ūcuknän“, kājəran: „mindụŋạn“... Altänäj gụ̄nän hunätpän: „Bisikiş, əmcəw icähinä“. Ṇụrwạ garän, вərwijä garän, nämkirän, hikəmərän, hunät вụdän. Ŋənäʒähinän, ŋənärän icärän gụləkəkạn. Tälä gụləkəndụlạ īrän. Hunät arcamkarän. Arcamkaran, tikcən nuan, harullan. „E, miŋəcikạkụn icạjäş icarä“, hunät gụ̄nän: „miŋəcikạkụn icəjäş icärä-un kərä“. Bụhijạnʒī hikihinän, tarä illan. Əhilə ostoldulä ŋənärän, ostoldu təγärän. Hunät potcıwajıllän. „Kə!“ gunän: „ŋənäʒikäl amınmäş maŋı wäʒırän, amakän ŋənäʒikäl“, gụ̄nän. Ŋənäʒähınän, amīn arcaran əmäʒirän təlki murınīn tuhakīdın öra, mənikən kərämụndin ōran.

Ʒapkun maŋıkal amargıʒı nämkicällän. „Ŋənäʒäkäl, amä, вī вụləlʒälim“. Sụrụrụn amīnīn; nuan вụləllän. Maŋıkun nämkitməcällän. Nämkiccän, namkiccän, tamnaha tīnə. Əninin ŋäläjı вụ̄cən. Ŋäläwän tänän əninmi, ärpəlihinän, tamnaha ācın ōran. Ụtụnŋəwạ tīnän, həŋnəkindulə̄wi вụlərä. Əninin ụkụnmi вụ̄cə, nuan nəpkụhinạn, ụdụn, ụdụllän, sirän toγo. Nämkiccällän, wes wärän maŋılwa. Mụcụrạn newestulä. Əmərän hunättulä, mirānʒärän hunätwạ əlänirwär ụməktạŋŋạ...

Sụrụrụ ʒütkīwar, ʒülāwär əmərä. Əninin, amīnīn kultırduwar lamвarācä. Ạmạccạ zıwoj wōda, imụrä gəjụwhıhıkır ora. Tar kəhılə вıʒällạ. Tar mudanīn.

І. Комарıсın. Сепса. Аŋara

16. Dəkimdəkī

Ụmnəkən ụrədụ gorodu, gorodu вəjụnmạ wācöw. Bicən mindụ ụmụkən ụtə. Īgʒäräkiw вəjụnmə, ŋənərən gāγ ụtəwə lawagajcän.

„Amījaj, amījaj! asakal, asakal
Gorokī, gorokī minəwə“.

пошел Алтанэй, схватил. Не знает, поехал дальше, куда ехал, туда едет. Увидел избушку, избушка, девушка в окно смотрит, она сказала: „Алтанэй, не глядела бы на коня его“, позавидовала: „мне бы такого“. Алтанэй девушке сказал: „Если бы и была, не посмотрел бы“. Стрелы взял, лук взял, нацелился, в грудь попал, девушка умерла. Отправился, ехал, увидел—избушка. В ту избушку вошел. Девушка встретила. Встретил, упал он, голова закружилась, „Э, такой же, как я, не видывал“, девушка сказала: „мне подобную не видывал“. Обшлагом погладила, тот встал. Теперь к столу пошел, за стол сел. Девушка подчивать стала „Ну“, сказала: „иди, отца твоего чудовище убивает, скорее иди“, сказала. Отправился, отец встретил, идет, только конь его с зайца стал, сам с белку стал.

Восемь чудовищ позади начали прицеливаться. „Иди, отец, я воевать стану“. Ушел отец, он воевать стал. Чудовище стрелять (друг в друга) стало. Стрелял, стрелял, туман напустил. Мать его руку дала. Руку потянул матери, махнул, тумана не стало. Горячую тундру напустил, по колена завяз. Мать грудь дала, он пососал, дождь пошел, задул огонь. Стрелять начал, всех убил чудовищ Вернулся к невесте. Приехал к девушке, взял в жены девушку со всяким (добром).

Поехали домой, домой приехали. Отец, мать к порогу прилипли. Принес живой воды, помазали, молодые стали. Тогда стали жить. То конец.

И. Комарицин. Ченча. В.-Ангарск

16. Докимдоки

Однажды на горе далеко, далеко зверя убил (я). Был у меня один сын. Когда обдирал зверя, шел (летел) лебедь, сына схватил.

„Отец отец! гонись, гонись
далеко, далеко за мною“.

Ạmə̄niksə вəjunmə, asasınạn. Ŋənərən, ŋənərən, icərän ụmụkə̄n aranma. İrän tālā arandulā. Bisārän ụmụkə̄n atırkācān şagdı, şagdı. Ụmụkə̄n amaldāldäwə ụsärän. „əwgụ“, gụnsärän. Sō şagdı, şērilduk jalвuka вaldıcän, şēnduk taktıkācān вaldıcā. Anmūktärän: „ạṇạkə̄jạj, ạṇạkə̄jạj əcāş icärä gāγ lawadāsärīwə kuŋākānmạ?“—„Ụtəjạj, ụtəjạj, gorodu, gorodu gāγ ŋənicə̄n, lawadajcān kuŋäkānmạ. Bī gəjụn, gəjụn вiŋəşiwi tə̄lijə, tə̄lijə ŋənicə̄n. Ụtəjäj! ụtəjäj! ŋənəsikəl oktolinān, oktolı“.

Tə̄li oktolınun oktoli ŋənəm, ŋənəm, aranma ṇānä icəm, ïm arandulā. Ətirkə̄n вisärän sagdi ətirkə̄n вisạrän. Ụmụkə̄n amaldālgäwə ụkụlcisärän, şērılduk lalвuka вaldırän, şenduk calвakācār şaldira. Anmūktam: „Amākājạj! amākājaji əcäş icärä gāγ ŋənäcə̄n lawadājcān kuŋākānmạ?“ — „Ụtəjäj, ụtəjạj, ŋənəcə̄n, ŋənəcə̄n, tə̄lijə, tə̄lijə gəjụn вiŋəşiwi, əli ŋənəjcạ̄n, şōnandulı, inämụktəl tikimdicə̄tin, mindu wängəjcān, amākājạj, amākājaj əli amī aşaşnakīn əli-nụn oktolınän, oktolı. — Ụtətäj! ụtətäj, gorokī, gorokī, ərluwạr aşasamī aşasamī“. Aşaran, aşaran suptıwdān lāmudulūwar dalıwgan.

F. Şaŋgin. Dagarā. Aŋarā

17. Aşī

Ətirkə̄n atırkānän вicə̄tin. Aşī ụmụkə̄n hụtətin вicə̄n. Əsi matal ēmal-wal əŋnəkil magararä, magaraktıra. Nuartın ụrə̄rə. Tāduk gorokīwa вikşəl, ạmạrạ, oksosto mə̄rtikīwər. Anŋanīwə вişin, gēdu anŋanīdu ụlildə sōt nuanmān.

Tāduk nuantıkīn hərgạltin ụtəltin gụ̄nə: „Bụ̄ şinə amakān säpilsiŋạ̄wụn“. Nuan mụliştən: ōn ŋə̄ləmin вişin, ōn mə̄nmi ajsalım? Nuan aşılgarän maluklāwər, mōwa kụŋāwə, mōlı kuŋālı əşi ụgdụştạ̄wi. Əmərän wrema, nuanmān wālmācıntın, wäldāwər ıtıalda, kotolвor kılgadāldə.

Nuan tə̄li gụ̄nän: „Bī tụlişkī jụ̄mụsäm, jụ̄kəldụ̄ minə“. Jụ̄stə tụliskī nuanmān, kuŋākār tōlвə ŋälınäl. Nuan tōlвətin sīrän tukşaştan maludulāwər, kuŋālāwı oşılganalāwı. Tukşaran, da ụgdụştän. Nuartın şokordo nuanmān.

Оставив зверя, погнался (он). Шел, шел, увидал одну юрту. Вошел в ту юрту. Живет одна старушка, старая-старая. Одну головню раздувает. „Оўгу“, говорит. Очень старая, из ноздрей мох вырос, из уха кедр вырос. Спросил: „Старушка, старушка, не видала лебедя, схватившего ребенка?“ — „Сынок, сынок, давно, давно лебедь прошел, держал ребенка. Я молодая (тогда была), туда, туда прошел. Сынок, сынок, иди по дороге его, по дороге“.

Тогда по дороге его, по дороге шел, шел, юрту опять увидел, вошел в юрту. Старик живет, старый старик живет. Одну головню раздувает, из ноздрей мох вырос, из уха березки выросли. Спросил: „Дедушка, дедушка, не видал лебедь прошел, пронес ребенка?“ — „Сынок, сынок, шел, шел тогда, тогда молодой был я, здесь шел, в дымовое отверстие, слезы падали, мне кричал: дедушка, дедушка, здесь отец если погонится по этой дороге, пусть пойдет по дороге. Сынок, сынок, далеко, далеко того гонять, гнать“. Гнал, гнал, отстал, до моря дошел.

Ф. Шаньгин. Дагара. Н.-Ангарск

17. Женщина

Старик со старухой жили. Женщина одна дочь их была. Теперь соседи, (чужеродцы) какие-то не могли просватать, сватают. Они согласились. Потом немного спустя пришли, увезли к себе. Год прошел, на второй год стали кормить сильно ее.

Потом ей младшие ребятишки сказали: „Мы тебя скоро съедим“. Она подумала: как страшно, как себя сохраню? Она заметила за священным местом в юрте дерево дуплистое, тогда на дерево в дупло чтобы влезть. Прошло время, ее предполагают убить, убивать стали собираться, ножи заточили.

Она тогда сказала: „Я вон выйти хочу, выпустите меня“. Выпустили вон ее, дети огонь в руках держат. Она огонь загасила, побежала к священному месту (юрты), к дуплу запримеченному. Убежала да влезла. Они потеряли ее.

Şokorıkşal, īrä arandulā, gū̯nä: „şokordon зäpmə̄cinmạr ēja əsilə зäpciŋạt?“ — „Minə зəpkəldə!“ ənīntin gū̯nän, atırkān. Nuartın ənīnmər wārä, зəptə. Gū̯ldä: „ēkun ənī gu̯limạcinmạn gu̯limạзiŋạ̄n?“ Amīntı ətirkə̄n: „bī, bī gu̯linə̄ktə“, gū̯nān.

F. Şaŋgın. Dagarā. Aŋarä

18. Bərbu̯lin, bərbu̯lin

Ətirin, ətirin, bərbu̯lin, bərbu̯lin!
bəju̯nmi-nu̯n bəju̯kəl bərbu̯lin bərbu̯lin!
u̯rkəwər зu̯klə̄n, bərbū̯lin, bərbu̯lin!
əru̯məwə tolkıcım, bərbu̯lin, bərbu̯lin!
aşī tolkınīn okın bicə̄n bərbu̯lin, bərbu̯lin!
ınanaj ınanaj bərbu̯lin, bərbu̯lin!
aşī tolkının bərbu̯lin, bərbu̯lin!
okın kakoj bicə̄n bərbu̯lin, bərbu̯lin!
atırın atırın bərbu̯lin, bərbu̯lin!
urkəwər galgākạl bərbu̯lin, bərbu̯lin!
— əзəŋə̄w galgārə bərbu̯lin, bərbu̯lin!
hu̯ŋtu̯kə dılgandı bərbu̯lin, bərbu̯lin!
— bəju̯ŋilnu̯nmər wāşşəmātcəmi bərbu̯lin, bərbu̯lin!
dılgana ācın ōran bişim bərbu̯lin!

J. Ajeulew

19. Nımŋakān

Sulakī ŋənəзäŋnärän. Bakaran maŋıwa, gu̯şkəwə, tukşakīwa, gū̯ldən: — „minŋi ədīw beda bạrkə̄n“. Maŋı gū̯nän: „Əməwdə̄j, icädə̄u̯n“. Sulakī gū̯nän: „Əməwзäŋạ̄w şū̯ təpu̯mə̄tciŋə̄şun macālạjä, tə̄li əməзäŋạ̄n minŋi ədīw“. Sulakī əməwdən, maŋı

Потерявши, вошли в юрту; сказали: „Потерялась еда, что теперь будем есть?“—„Меня съешьте“, мать сказала, старуха. Они мать убили, съели. Сказали: „Кто матери остатки на лабаз положит?“ Отец старик: „Я, я на лабаз положу“.

Ф. Шаньгин. Дагара. Н.-Ангарск

18. Бурбулин, бурбулин

Старик, старик бурбулин, бурбулин!
если промышлять, промышляй бурбулин!
двери напротив бурбулин!
Худое во сне видел бурбулин!
женщины сон когда был бурбулин!
свояк, свояк бурбулин!
женщины сон бурбулин!
когда какой был бурбулин!
старуха, старуха бурбулин!
двери отопри бурбулин!
— не стану открывать бурбулин!
чужой голос твой бурбулин!
— со зверями кричавши бурбулин!
без голоса стал бурбулин!

Я. Аеулев

19. Сказка

Лисица идет. Встретила медведя, волка, зайца, сказала: „Мой муж—беда бойкий“. Медведь сказал: „Приведи, чтобы посмотрели“. Лисица сказала: „Приведу, вы корову убейте, тогда придет мой муж“. Лисица чтобы прив[illegible]

guşkə, tukşakī təpurə macāləwə, təlgāttə. Maŋı gūnān: „Bī ādu̯k mattāmə ōzılzıŋāw, mōwa tu̯ktīzıŋāw. Guşkə gūnān: „Bī ādu̯ dikənsālim". Tukşakī gūnān: „Bī ādu̯ dikənsālim".

Şulakī ədīn koşka. Şulakī əmu̯wdən ədīwi, u̯ndu̯ldān təpu̯sākwətin. Tukşakī kurbu̯ştān, sərāş ōran. Koşka cokıdārān „Ənu̯kəcān" gunnə. Tukşakī ŋāləldān u̯ktil: dān. Koşka ŋāləldān, mōwa tu̯kkāştān, maŋı tādu bizārān. Maŋı zāləldān, mepcānān, şəgdəndən bu̯ru̯rān. Şulakī nuanmān zapildən. Məkələrān, mānmi ajdāwı.

J. Ajeulew

20. Akşı-Bakşı

— Şū-wal anŋūktaktu
elā-mə tukşanzandı?
— Dəmā-dāmāləncə!
Akşılā-a Bakşılā.
Akşıjaj-Bakşıjaj!
Amakān-ka jūkəl!

Şinə nəmkisālim —
əwşəcārdə jū̯ŋnəktin!
Şinə təktəşcālim —
takşakāş ətəkāniŋnətin!
Şinə təktəşcālim —
ŋāləwā kəŋəcəmdək!

Akşı-Bakşı jūrān, nəmkirān, əwşālin jū̯ŋnəntin haplastuk takşakawān təktəştən hətəkāniŋnənin. Takşakāwı cokıdārān, gūnān: „Ēcā bimī hətəkəmildan? Aucān əri", bizəktun tulərən. Ŋāləwān təktəştən hətəkəniŋnənin, cokıdārān, gūnān: „ēca bimī, toŋomıldan? Ukşəcān əri", bizəktun tulərən.

J. Ajeulew

21. Şıŋēcən

Şulakī: „şıŋəjä gukcānmāt".—„Dawaj gukcānmāt".—„Lıŋējamıkākun īlə lıptırzıŋān?"—„Bi-glə zuktilhiŋāw, kocolō dūtāzānə".

волк, заяц убили корову, ободрали. Медведь сказал: „Я отсюда смотрящим стану, на дерево влезу". Волк сказал: „Я здесь спрячусь". Заяц сказал: „Я здесь спрячусь".

Лисицы муж—кот. Лисица привела мужа, стал собирать остатки на месте их свежевания. Заяц пошевелился, затрясся. Кошка прыгнула, „мышь" говоря. Заяц испугался, убежал. Кошка испугалась, на дерево полезла, медведь там есть. Медведь испугался, прыгнул, спиной упал. Лисица его съела. Обманула, чтобы себя спасти.

Я. Аеулев

20. Акши-Бакши

— Если вас спрошу
куда бежишь?
— Доме домелончо!
К Акши-Бакши
Акши-Бакши!
Поскорее выходи!

припев

Тебя выстрелю —
легкие выскочат!
Тебя разрублю —
верхушка отскочит!
Тебя разрублю —
руку отсеку!

Акши-Бакши вышел, выстрелил, легкие выскочили из раны, голову отрубил, отскочила. Голову поймал, сказал: „Какая была отскакивать начала? Шапка это", на место посадил. Руку отрубил, отскочила, поймал, сказал: „Какая отлетать начала? Рукав то", на место насадил.

Я. Аеулев

21. Налимишка

Лисица: „Налим, побежим!"—„Давай побежим".—„Налим куда поплетется?"—„Я-то побегу, мыс через пересекая".

J. Ajʼeulew

22. Şulakī

Şulakī ŋənəsärän maŋıja bakaran. Ņanmaktaldu kıkcawdan maŋı. „Amākā! amākā! miŋŋıläˌ ŋənəwạt şaldıskītläwajāncək şāŋän-şāŋän".

— „Uṭəjəj, ŋənəwạt şaldıskändulā". Şuŗuŗə kadara ojolon. „Amakā! amakā! Bī ŋēsuktə ụkəlsiŋəw". Āştə.

Şulakī maŋı dīdəlän oran, məkälərän. „Amakājaj! amākājaj, diskī kənākạl, həkəlsälim!" Diskī kənəşcäldən, ụkəläştin, noptərorän. Şulakī ŋənərən, nuanmän təlgättän lomolbōn kụcindän. Nuarbatın irgiduk ụjidän, məŋələrän kụcilsi. Şuŗuŗun, bakaran gụşkəlbə. Gụşkəl gụldə: „Şulanaj, şulanaj, eduk bakandı tawarılba?" — „Ulisälim". — Alakā? şulanaj tədəwkāl". — „Əziŋäw tədəwdə, tụŋəlsiŋäşun". — „Tədəwkəl, tədəwkəl".—„Ōn, tədəwsiŋäw. Şū əjīkəldu irgirbər mūdụ, gildikākụn ösiŋän, ənər ūriştạ, ətisiŋātin gildısämī, təli uriscıŋāşun". Əjīrä ämutkändu irgilbər. Şulakī karauccəran. Doŋotoldära gụskəl irgiltin. Şulakı nuarbatın təpuldän, ụmụkōn sụcärän, irgin pəşirgərən.

N. Bukidaew

23

Ilan asāl
gūliŋnərə:
„Minə gakal",
gūliŋnərə.
„Iīwatın
gazalsalım!"
ılan-sarsı
sıŋazarsı
sụgụlsītin
əlbənətānə,

ŋənəlsītin
ınməktānə,
īsalsītın
muŗucəntənə,
sılụktalsītın
ụsītənə,
saraltsītin
orontono,
sāsirsītin
kumalāntānə.

Я. Аеулев

22. Лисица

Лисица идет, медведя встретила. Комарами закусан медведь. „Дедушка! дедушка! ко мне пойдем на мое место, хороший ветерок подувает".

„Дочка, пойдем на ветреное место". Пошли на вершину скалы! „Дедушка, дедушка, я ниже лягу". Заснули.

Лисица через медведя перешла, перелезла. „Дедушка! дедушка! дальше ляг, скачусь!" Дальше подвинулся, покатился, разбился. Лисица пошла, его освежевала из околокишечного жира колбасу сделала. Ее к хвосту привязала, обмотала шею кишками. Ушла, нашла волков. Волки сказали: „Лисичка, лисичка, откуда нашла те?"—„Покормлю".—„Вкусно? Лисичка, сообщи".—„Не стану сообщать, узнаете". — „Сообщи, скажи".—„Ладно, сообщу. Вы опустите хвосты свои в воду, холодно станет, не вытаскивайте, пока не замерзнут, тогда потащите". Опустили в озеро хвосты. Лисица караулила. Стали замараживать волки хвосты свои. Лисица их ударила, один оторвался, хвост лопнул.

Н. Букидаев

23

Три женщины
заговорили:
„Меня возьми",
говорят.
„Третью
возьму".
Тридцати
налимов
кожи (из)
покрышки (делая),

икры (из)
торсуки (делая),
глаз (из)
круглые короба (делая),
из кишек
ремни (делая),
из позвонков
оленей (делая),
из пупков
кумаланы (делая).

J. Ajeulew

24

Ilan aşāl
gǖniŋnārā:
„Minə gakal“
gǖniŋnārə.
„Iliwatın
gazalzıŋāw“.
ilan-zārzī
şēŋacārzī
manalzītan
inməkiwənạ,
ārpụkilzītin
ụsĭwzạnạ,
şēşēzītın
tiŋəptụnmạ.
şergecanaj,
nenakīnaj,
okın gǖcən:
„Minə gakal!“
sērulaktaj,
hukacānaj,
ēwan tārā
əktạnzāndī?
Gǖnzārkəs-kạ
cərnajmaşnār
krılcədun:
„Minə gakal!“
ilan binəl
təətcārkāt
gụnzạrəş-kạ,
gụnzạrəş-kạ:
„Ambarlāwun
āsānāwāt,
amī, amī
dawuducī.

J. Ajeulew

25

Ədəsäləj!
pārızəlaj!
kalatkabur
tətcānəwət!
bụşəkārbər
kaŋkurzewāt!
jāŋdıkākur
ŋānụcạl-tāl
tāndıkācər
əndəwkəşụl.

Я. Аеулев

24 (вариант)

Три женщины
говорят:
„Меня возьми!“
говорят.
„Третью
возьму“.
Тридцати
налимов
(из) икры
торсуки (делая),
(из) плавников
узды (делая),
(из) болоней
подпругу.
Сергей,
собака,
когда сказал (я):
„Меня возьми!“
Серулак,
сучка,
чего в том (тому)
отказываешь?
Когда говорила же
Чернова
на крыльце:
„Меня возьми!“
Трое были
когда сидели же,
когда говорила же,
когда говорила же:
„В амбар наш
пойдем спать,
отца, отца
в тулупе“.

Я. Аеулев

25

Товарищ!
друг!
халаты
пойдем надевать!
пояски
подкрепим!
горные (девушки)
пришедшие
равнинных (парней)
обманывают.

J. Ajeulew

26

Akī Samajıŋkur,
gırın tənsuwət,
əwinə-wəl вargılsewāt,
jəkənnu-wəl kaltawsewāt.

Bīkə ētwı kaltawsəŋaw?
Bī-kə ēt-wı вargıwsəŋāw?
Bagdan вuwaduwı
ųjuŋjəkə вişim,
jəgdərjəkə вişim.

J. Ajeulew

27

Aşujakır
amandışnam.
Bānəsəlвı
şıwātвəwətın
amandısnam.
Cuŋgāsiktə
kaltakasīn.
Həɣəwānə-wəl
həŋəsiŋāw вicə.
Gowokşıl
gowotcokīmjatın.
ųrinəcī-wąl
ųrinəsiŋąw вicə.

Iŋąksəl
iŋāsəkimjətin.
Həgdəw вānaräw
uwəwşəsiştin
lāmukākun
sapkajadan.
Hųlitkų вənərīw
həndinsāştin.
lāmutkūnmə
əjəkəkī
вəşəwəlin
torōkarıktın
tamnansāştın.

Я. Аеулев

26

Дядя Самаинкур,
вместе поиграем,
песнями ли посоревнуемся,
хороводом ли половинками
поиграем.

Я-то как буду с тобой?
Я-то как спою?
В Багдана стране
привязан (я),
к колу привязан.

Я. Ае лев

27

Немножко
не застал.
Шурьяков
свадьбу их
не застал.
Накаплю-ка
с половину.
Песни
петь бы мог.
Лающие
пусть лают.
Вотрую жену
мог бы взять.

Смеющиеся
пусть смеются.
Старший шурин
волнами качается
морища
на берегу.
Младший шурин
прыжками бежит
морища
к низу,
северной стороной
только пыль
вьется туманом

28

N. Bukidaew

Caja Cunun
daγandutın
kaŋāldāwə
lokodōwōt.
Bəjəŋşəlвı
gụ̄kitjətin

əri — tārı
kaŋāldājān.
Kālu̥kitin
unāзītın.
Həgəllagın!
Həgu̥gəlān!

N. Bukidaew

29

Ədätkənəj!
Parıtkanaj!
Tiзärməkən,
adılkāndı
asujakır
jụ̄linmu̥tin!
Uṇakāptunmạ

mu̥liməjə,
ıṇakāptukān
mu̥limətkān
əməmīwi
jụ̄licinān!
Həgäl-lagin!
Həgu̥-gālān!

N. Bukıdaew

30

Tolkındo tolkıtıcıtcāw—
hunātnun ārāwı.
u̥lgu̥зimə̄mə̄nkə,
hulusınmamanka,
зəkinkə, зəkinkə,

вə̄lıkə̄tkəninkə,
sinə—sinəmə̄mə
ēkun вiзäsində?
īlə̄ ə̄du̥ вiзäsində?

Н. Букидаев

28

Чая с Чуней
на водоразделе их
колокольчики
повесим.
Женихов своих
говоренное их

это (и) то
колокольчики (звенят).
О Калуки их
девушке их.
Пусть звенит! } припев
Пусть звенит! }

Н. Букидаев

29

Товарищ!
Друг!
Путо,
сеть твоя
немножко
выпутываются!
Колечко

кругленькое,
колечичко
кругленькое
по приходе
выкатилось!
Пусть поет! } припев
Пусть поет! }

Н. Букидаев

30

Во сне видел—
с девушкой спал.
Говорливая,
теплое тело,
красивая, красивая,

белолицая,
тебя — тебя (то)
кто ты?
Где (ли) здесь (ли) живешь?

N. Bukidaew

31

Əni Cence
cuwarjadun
kuktikətkən
kuktizärän.
ekunmama

kuktiməzän?
Kuktiməkirəkin,
irgindäjan səmkəsəmdä.
Əgäl-əgäj
Əgu-gälaj

N. Bukidaew

32

Duşkacäni
derewnədun
əzalim-lä
arkatcistä
ərä-əl-du
anŋanildu?
Bolonikän
turgarakin,
sacarila
türgaşciŋäw.
Ŋandarkänmą
solokōkī
gäşimzəkit
urindəlän
əglən gundä.

Gükəşcälim
zuläskiwər
guŋäjäwər.
Əzəlim-lə
kumnuzästə?
karmacila
kumnuzästə?
kuti munŋi
wugadukwi
ätəγsuglə
kupärizälim.
Zagdajaγli,
wōŋanduli
sinitikin
ugduzäną.

Н. Букидаев

31

Мать Ченча
на холме ее
кукушечка
кукует.
О чем

кукует?
Пока куковала,
хвост чуть не затупился.
Эгей-эгей! } припев
Эгу-гэлэй! }

Н. Букидаев

32

В Душкачане
в деревне
стану ли
стоять
в эти
годы?
Осень
когда встретит,
оленницу
встречу.
Нгандаркана (речки)
вверх
Гашимдёкита
до стойбища
эглэн говоря.

Стану говорить
вперед
старые слова.
Буду ли
обнимать?
. . . . . .
Обнимать?
Счастье наше
от неба
. . . . . .
закрою.
По ельнику,
по горелому месту,
к тебе
пробираясь.

Əni Caŋı
boşoodun
sacarīkār
alınnakār
ōni təur
ojojolın
ātąksuglə
ədinsəlim
səlgətikīn
səlgəscinə,
cuwkatıkīn
cuwkānsānąą,
jūktətikīn
umınsena
həgāl-lagın!
həgu-gālān!
amaysugla
diuktāmcə.
Sacarīkār
nusuktālā
ōtāməllə
ukulcildə.
Gəgəncijə
ukulcildə.
Kutı munŋi
muŋiktəkōnin.
Cūkajä-wal
gərbirikən.

Ilə-uwul
ūsastakın,
ajamək sōt
gərbisäŋān.
nirəktəni.
Nirəkārdun
salər bəjun
ədinsästän.
Kowoktoŋi,
kowocoldun
bəjuŋirkə
girkunseren.
Əşin sārä
mudanəwı.
Okın-mal-ka
ōmacınan.
Gəwəktəŋi
gəwətildun
irkin bəjun
təwąlsərī.
Oronowı
gərbisäŋəw
təwąnkənsī
gərbidäŋəw.
Təwąlsərī
ōsacındān.
Okıdolą
arkātcälım.

Мать Чанги
на северной стороне
оленницы
взволнованные
как . . . .
поверх
. . . . . .
завихрю (задую)
каждую щель
задувая
каждую . . .
. . . . . .
к каждому ручью
идя пить
Пусть поет! } прилев
Пусть поет! }
. . . . . .
поднялся бы.
Оленницы
красивые
. . . . . .
пососали бы.
. . . . . .
пососали бы.
Счастье наше
наше большое.
Траву какую-то
когда назовут.

Куда-нибудь
когда пойдет,
хорошо очень
назовет.
Впадины (ямки)
во впадинах
большой зверь
дует.
Холма
на мысах
зверь должно быть
похаживает.
Не знает
конца своего
когда-нибудь же
будет.
Холма
на бугре
бык зверь
чужой.
Оленя своего
назову.
Тэванконом
назову.
Тэванконом
чтобы был.
До каких пор
буду стоять.

Duşkācānı
ulıcedun?
əglān-əglān!
həgu̯-galān!
əriəldu

anŋanīldu.
Okıdolạ
mulıjalım
sələmətəjdu̯kwi
mulıʒeŋāw.

N. Bukıdaew

33

Saṭarıkān
ənu̯ktikən
əmərəkin
ūʒastakış,
turgarıkan,
ūʒalʒalım.
Saṭarıkān
ənu̯ktıkən,
bidạnuwər
dircäktəri,
bidạnu̯wər
ku̯rgəlgətpi
kurejanən
kulurmaja
bidənu̯wər
igdəγətpi
igdərjanən
igdəγətpi.

Saṭarıkān
ənugdikən,
sī-wu̯, sī-wu̯
turkumnıtın.
Sī-wu̯, sī-wu
ṇōramnıtın
ṇuorarıkān?
ūʒaldakıs,
turgarıkān
ūʒaldalım.
Gu̯ktätkərä
u̯mŋədạwər
sīwu̯, sī-wu
u̯mŋənạdä?
Gu̯ktəkạrā
u̯mŋənạdi?
horor hororduwun,
curcärduwun

Душкочаны
на улице?
эглэн-эглэн! } привев
гэгу-гэлэн! }
в эти

годы.
До какого-то (времени)
подумаю
из сердца
подумаю.

Н. Букидаев

33

Оленница
болезненная
если придет
к следу твоему,
когда встретит,
пойду по следу.
Оленница
болезненная,
жизнь свою
встречающая,
жизнь свою
. . . . . .
ограда ее
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Оленница
болезненная,
ты ли, ты ли
передовая?
Ты ли
вожак,
идешь впереди?
Когда по следу пойдешь,
навстречу
(я) пойду.
Говоренное
чтобы забыть
ты ли, ты ли
забудешь?
Говоренное
пойдешь забыть?
Вершин на вершинах,
на низинах

ədäsälaj
parıcalaj,
on-mu gunnəl,
zawurzalgan
əri, əri
turkumnıtkı.
Mittənuwər
zawurzaŋät.
Saṭarıkän
cukəstəkin,
əzəlgən-lä?

Saṭarıkän
guskətəkin
əzəlgən-lä?
Saṭarıkän
turkurakın,
amaskīwar,
mugdərərą,
əzälgən-lä
mugdənmättə
Duŋilduli
siŋilduli.

N. Bukıdaew

34

Aŋurakäkun
orokonmı
şəgzə, gunnə

dırcējıcän
ɣuŋcakucän
əunmərän.

N. Bukıdaew

35

Ïja, ıja! əkïn zūr
saksaksəkumar.
Sadrakän turaldin:
murınkuku dıldıgın,

sïktakata orandun
irginzïwi
nəksur-nəksur ōtcana,
ıksur-ıksur ōtcana.

мужья
парни,
как бы говоря,
запоет
к этой, этой
выступающей вперед.
Мы тоже
запоем.
Оленница
если захворает,
повёдет ли?

Оленница
к волку
поведет ли?
Оленница
если встретится,
не отпустили,
обратно не отпустим,
не станем
отпускать
по Дунгилу
по твоему
} припев

Н. Букидаев

34

Ангуракакун
оленчик мой
дикий, говоря,

при встрече
пороз (вдовец)
с боку зашел.

Н. Букидаев

35

Рог, рог! тетки две
кровавые,
Пташка говорит:
коня на голове,

прутика (сухого) на вершине,
хвостом своим
распуская вот так,
собирая вот так.

Şoŋoto (ənin)

36

Bədāk, bədāk:
ətirkər
ɥjili-wəl,
ərgili-wəl
dɥktəp
mɥjikəmi.
Ətirkər,
ətirkər
bɥtiləwətin

äwgąsäl
bəşälkəldɥ!
ıwgäsäl
bəşälkəldɥ!
təpɥliwɜaldəp,
oldonsi
təpɥlıwɜədəp,
təpɥrädät . . .

Şoŋoto (hɥrkąkąn)

37

jākətkān,
sāwəraşka,
sajān-sajānsəkąl!

Sajargon oronmı
sajun şajansaldan.

Şoŋoto (hɥrkąkąn)

38

Ərä şöna
ılalılın

sısakutkān
gekılaldān

Шонгото (мать)

36

Плачет плачет (заяц):
старики
выше ли,
ниже ли
не могли
добыть.
Старики,
старики
смерти

в стороне
берегитесь!
В стороне
берегитесь!
Побьем,
железом
поколотим,
чтобы побить.

Шонгото (сын)

37

Якутенок,
савраска
под копытом щель раздвой!

Щелевый олень
щель раздваивать начал.

Шонгото (сын)

38

Этой связки (юртяных жердей)
по верху

пташка
заходила.

O. Aeulewa

39

Solojım-bəl ədiştəkin,
turukānmı mandıkakun.
Əsıhım-bəl ədiştəkın,
solokī soloscāgöw,

əjəkəkī əjāşciŋāw,
bargişkākī əjāşciŋaw!
Turukānmı mandıkākun,
ırgıwkānmı mandıkākun.

O. Aeulewa

40

Iŋəzārīl iŋäzəktın,
gowozorīl gowozoktın,
ŭktin, ŭktin inärə,
ācın mindu ənînə-wəl,

ācın mindŭ amīnu-wəl,
əşim bīmi gooptıntın,
əşim bīmi iŋəptintin.
əŋəniwə gəwācäräş...

O. Aeulewa

41

Mindŭ ācın ənînə-wəl,
mindŭ ācın amînə-wəl,
nəkŭnə-wəl ācın,
akînə-wəl ācın,

amākājə-wəl ācın,
ąŋąkājə-wəl ācın,
ınakcānmı mukalcān

O. Aeulewa

42

dōwā dōwādə
dōwērı—dōwādə

jāhə—jāhədā
jəhə—jēhēdē

əḍəhər—əḍəhəra
ḍäḍəhər—ḍäḍähära

gōşa—gōşa
gōşən—gōşa
gōserı—gōşa

O. Аеулева

39

Сверху если подует,
мачта моя крепка.
Если снизу подует,
вверх поплыву,

вниз понесусь,
на ту сторону понесусь!
Мачта моя крепка,
весло мое крепко.

O. Аеулева

40

Просмешинки пусть смеются,
лающие пусть лают,
пусть пусть не смеются,
нет у меня матери,

нет у меня отца,
без иголок (я),
без наперстка (я).
Много просишь (желаешь)...

O. Аеулева

41

У меня нет отца,
у меня нет матери,
младших нет,
старших нет,

деда нет,
бабки нет,
собачка моя мукальчан.

O. Аеулева

42

Припевы для импровизированных песен, распеваемых во время хоровода „ьёхор — ьё".

O. Aeulewa

43

Ənikəndu̯ Duşkacāndu
ācın ərijạjạn
kətəkəkụn зōncarkāw вī.
Ənikəndu Duşkacāndu
ạmạlgäjə-wəl kụŋnəзạŋạ̄w
anγıdādujı,

ecandawı ŋukānзıŋāw.
Əmụgdənụn ŋəri вiγin,
зokıjān-məl ācın вiγin!
Əmụgdənụn ŋəri вiγin,
gəjəjən-məl ācın вıγin!

O. Aeulewa

44

Ərä ədu
nirəkəndụ

irkincikən
dōwalзaldın.

N. Bukıdaew

45

Əni lāmu
воşoodun
calвakātkān

dılgudıja
вıdnı вirạn.

S. Kowalew

46

Lāmu — lardı,
зapkajalın
multakacān
gırkuзaran.

Ijəmətjə ācın,
iŋəktəmətın
kıculgara

О. Аеулева

43

У матери Душкачаны
нет такого
много (хорошо) помню я.
У матери Душкачаны
парней буду обнимать
правой рукою,

в глаза понюхаю (поцелую).
Сердце светлым будь,
без красоты будь!
Сердце светлым будь,
без красоты будь!

О. Аеулева

44

Это здесь
во впадинке

бычок дикий,
рогами махая, ходит.

Н. Букидаев

45

Матери-моря
на северной стороне
березка

сочная,
видно, была.

С. Ковалев

46

Море — зыбь,
на берегу его
олененок
ходит.

Рогов нет,
шерсть
пообносилась.

***

47

ɥmɥldəwə ɥmŋəm,
sʉ̄ldəwə sʉ̄rʉm,
ılaldawə ılacım,
dīldəwə dikəncəm,
tuŋaldâwə tukşam,

ɲuɣʉ̄ldəwə ɲurkuncam,
nadaldâwə nadıcım,
sapkuldâwə sapkaram,
jəɣildəwə jokotım,
zāldəwə zarıcım.

***

48

ɥmɥkān—ɥmŋāti,
sʉ̄r—sʉkʉsəl,
ılan—ıɣəliktə,
diɣin—dikşiŋā,
tunŋa—tukala,

ɲuɣun—ɲurkʉjə,
nadan—nakıta,
sapkun—saltuŋa,
jəɣin—jokōcān,
zān—sagdakān.

I. Komarıcın. Cēncā

49

Aktıran bimī,
ɥmʉn bimī,
samʉn bimī,
diɣin-sār tunŋa

anŋanīcı,
kordon ăcāw
təətcārə.

***

47

В первый день выше клал,
во второй рядом,
в третий поджег,
в четвертый спрятался,
в пятый убежал,

в шестой упал раком,
в седьмой отнекивался,
в восьмой берегом шел,
в девятый окуня съел,
в десятый подпевать стал.

***

48

Один — чайка,
два — выдра,
три — смородина,
четыре — черника,
пять — земля,

шесть — сиг,
семь — медвежина,
восемь — камень,
девять — окунь,
десять — сосенка.

И. Комарицын. Ченча

49

Темно мне,
один (я),
голоден,
сорок пять

лет (мне),
в кордоне не
сидел.

I. Komaricın. Cēncā

50

Amājaj! amājaj!
Dulumcırēt, dulumcırēt,
kuŋākār, kejkətcəmī,
iktārāṇa.
Amājaj! amājaj!

Dulumcırēt, dulumcırēt,
ədu̯-lu̯-wər jākəl візärä,
sə̄ŋkiräl, ərgidə̄kə̄rdu̯lin
dulumcırēt, dalumcırēt,
amājaj, amājaj!

F. Şaŋgın. N.-Angarsk

51

Minŋi hu̯təw
āşcäldən,

eşakarвı
nimdiniksə.

F. Şaŋgın. N.-Angarsk

52

ạgdijäjạ du̯ndạjạ
əhin gırkulara,

u̯mu̯kə̄ndu̯k şılkıduk
amīkun вū̄зiγān.

F. Şaŋgın. N.-Angarsk

53

Şagdıwa nada вəlạmī,
tārä amīkundu aja.

И. Комарицын. Ченча

50

Дедушка! дедушка!
Потихоньку, потихоньку,
ребятишки, блуждая,
нашли.
Дедушка! дедушка!

Потихоньку, потихоньку,
здесь якуты находятся,
под кустами, под ними
тихонько, тихонько,
дедушка, дедушка!

Ф. Шаньгин. Н.-Ангарск

51

Мой сын
заснет,

глаза свои
защурив.

Ф. Шаньгин. Н.-Ангарск

52

По большой земле
не ходи,

от одного распадка
бог дает.

Ф. Шаньгин. Н.-Ангарск

53

Старому надо помочь,
то богу хорошо.

A. Nırguneew. Cōndak

54. Sulakī, ətirkạ̄n

Ətirkụ̄ ạmạrän, sulakī ạmạrän. Nuŋartın вakaldıra. „Ilạ̄ ətirkạ̄n ŋänäзändı?“ — „Ụnmıktäl вimī“, amā gụ̄nän. „Sụrụγəp“, gụ̄nän: „minŋi вuγalā“. Sụrụrän nuŋan. Bakacān kadarkākunmə. Kadardulā tụktirə. Əşīlə gụ̄nän ətirkụ̄: „Əri kadar“. Sulakī ədu āştän, sulakī gụ̄nän: „ụkạlməcạ вişim“. Ụkəlimmän. Ətirkạ̄kụn amardun ụkəldän, вụcạ̄.

A. Nırguneew (Bụltägir). Cōndak

55. Ụtän

Ụmụn вəjä вicạ̄n asīcī. Asīn surkın вicạ̄n. Asīwān dawdācātın jəγin murındu ırumı. Dawdaksəl, вaldılcān ụtən, irəktə taskanadalān. Soŋocōn amīnīn, ŋənəзäcən oktomījolı, ulan murınma turgaldıcān mụŋụmə əməγəcīwə, mụŋụmə kadamārīcīwə, mụŋụmə вərāgəcīwə, вukulın muŋụmə, uŋŋa зụlạ̄lin ụktäзiγạwə, вulgedaзıcānkākun, ulaja murın вişin. Tārä ụtəŋi amīnīn irgəwə əmụwcən ụtạdụwi. Зạptən ụtän; tunŋaldıcīnun oksa, gerkulcān. „Amī, amī“, gụncạ̄n: „ılan dawacān cāγıdıtın sinəwə wānäзıllän“... Əməзärän nınakın, gụnзärän: „Durıkıl kıŋıзere, dawancak cāγıdıtın“.— „Əзən, əзən“, gụncạ̄n: „minəwə-nun ạmī təзạ̄rə, tādu dılıs ōзıŋän“.

A. Nirguneew. Cōndak

56. Sırunaj-Mērgēn

Sırunaj-Mērgēncī вicạ̄n, Təcụlụn nəkụ̄cī вəjŋạ̄ja-nun manawkı, вuγuja-nun вuŋktawkı, soγono-nun soŋtowkı, lụkụcənə-nụn lụgdụwki, giwcənə-nun giwзụwki.

Koŋoja murıcī вicən, sụrụcən dawan ojolın. Dawan ojodukın icäcən āmutkānmə mụrụmụkənmə, вagdama mụ̄cīwə, altama əmkəricīwə. Ilan gaγ dōcaзara. Sırunaj-Mergēn gụncən: „Emajakīl вəjŋəl dōcaзara?“

А. Ниргунеев. Чондак

54. Лисица, старик

Старик пришел, лисица пришла. Они встретились. „Куда, старик, идешь?“— „Мошка“, отец сказал. „Пойдем“, сказала: „в мое место“. Пошел он. Нашел скалищу. На скалу влезли. Теперь сказал старик: „Это скала“. Лисица здесь заснула, лисица сказала: „Покачусь“. Покатилась. Старичок за ней покатился, умер

А. Ниргунеев. Чондак

55. Сын

Один мужик был с женой. Жена беременная была. Жену его не могли на девяти конях везти. Не смогли когда, родился сын, (так что) лиственница затрещала. Заплакал отец, идет по дороге, рыжего коня встретил с серебряным седлом, узда серебряная, с серебряной плетью, все серебряное, перед грозовой тучей бегущего, [.....] рыжий конь. Того сына отец принес мозг сыну своему. Съел сын пятидневным ставши, начал ходить. „Отец, отец“, сказал: „Из-за трех перевалов тебя идет убивать“. Идет собака, говорит: „Стремена побрякивают за перевалом“.—„Хозяин, хозяин“, сказал: „Если мне не веришь, там голову твою отрубит“.

А. Ниргунеев. Чондак

56. Сирунай-Мергень

Сирунай-Мергенчь был, с Точулуном, младшим братом, зверей кончал, изюбрей-самцов убивал, изюбрей-самок убивал, лосей черных убивал, козуль диких добывал.

С черным конем был, поехал на хребет. С верха хребта увидел озерко круглое с белой водой, с золотыми берегами. Три лебедя сидят. Сирунай-Мергень сказал: „Какие звери сидят?“

Əjəkī sụrụcən, ŋənəʒicən-nụn, ŋənəʒicən, ororwo icäcən kətäkąkụnmə. Atırkācān səwəkīlwi targıwʒecān maluduwı. Koŋojo murınmı ụjicąn irąktədụk, ṭımkadukın, ʒawacā, ılan beγawa āʒäcān Sırunaj.

„Ēmajakī bəjä bisindi? Murındı-wal ʒąmụldąn. Emajakī bəjä bisindi? Egdawa āʒändı?“ Täγäcən Sırunaj-Mergen, täγäcən. Nuŋan täγäksə, gụncąn: „Ilaldawa äʒäm“, gụnʒänä, ılan beγawa ācā binną. Tārä atırkān ılan unācıcī bicən. Ṇargucaduj omolgīcī bicən, bəjŋąją-nụn manawkı. Sırunaj-Mergen cajwa umcacān, atırkān gụncąn: „Bī kānnun bụląnʒəm“.

Ṇargucaduj omolgīn ụmigdəwə əməwcąn. Sırunaj-Mergencīγı ihilcąn nuŋanmān.

„Ilan unättukıw awguje-wal sınmatkal“. Ṇargucaduj kokolmocon gilgədụwi uγcān, bụląnnəsimmän. Sırunaj-Mergencıγı koŋojoduwı ukcān. Ŋənəʒicąl-nun, ŋənəʒicāl, dıγin-ʒār nınakır ʒụląγidụtin ụktiʒərä. Lụkụləcən ləksəlwətin. Tarγıt kān əməʒicən. Kān torgıduwı uγıksə, ʒəγinnụ daγaṇawan bụsəlin kəpcicən. Ʒəγinŋụ esawān əwụrdụwi təwụstąn. Ụŋimmän amaskākīwı.

„Jəγin cōŋkewə upkatwa. Duluγu coŋkedu umuktal bişi, tarılwa lụkụləγər, awagu-wal nawkānmī dawdıʒeγāp“.

Sırunaj-Mergencī dawdıcän. Ṇargucaduj əŋän bicąn, ụγili dəγıktəʒicąn kokolkōn oronduwı ṇaŋṇalı. Manawdan.

A. Nerguneew. Cöndak

57. Altanaj

Altanaj bicən. Bırawa əjąkąkī ŋənəʒäcən, altama ʒawduwı, altama gurgaktacī altama ṇụriktäcī, altama igdäwụcī igdiʒäną, ŋənəʒicąn əjəkəkī bırawa.

Ʒụląγiʒin ụmụn bəjä əməʒäcąn əgdąkąkụn bəjä, bụlątcinəkəkụn, ılmī, bụγąwə turgawkı, jārkə dəwdəʒärän nuŋanmān, dəgdidąwi, aldınıwkıl algarīn.

Iṣṣə ŋənəʒäcān, ŋənəʒäcān, ʒüwa bakacān. Iṣṣə ŋənəʒäcān, ŋənəʒäcān, bəjä ʒụlągdąḍụn ʒolokōkurwa ụγirisäcąn kadarduk, əgdikəkụn bụkụkəkụn bəjä, buγanı äʒänin bagdama sụnin. Iṣṣə əjəkī ŋənəʒäcąn siγidụk k mnıwcān, amaṣkākī amaṣkākī mucuṣcān Altanaj ənīndụląwi.

Вниз (по реке) пошел, шел ли, шел, оленей увидел много. Старушка божков окуривала в (священном) месте (юрты). Черного коня привязал за лиственницу, за (срединную) жердь (юрты) схватился, три месяца спал Сирунай.

„Какой человек? Конь твой проголодался. Какой человек? Чего спишь?“ Встал Сирунай-Мегрень, сел. Севши сказал: „Три дня сплю“, говоря, три месяца проспал. Та старуха с тремя дочками была. Няргучадуй сын был, зверей кончал. Сирунай-Мергень чай выпил, старуха сказала: „Я с ханом воюю“.

Няргучадуй парень (кабанью) самку принес. Сирунай-Мергень обдирать начал ее.

„Из трех девушек хоть которую выбирай“. Няргучадуй на коколмочоне, на быке поехал воевать. Сирунай-Мергень на черного сел. Ехали, ехали, сорок собак перед ними бегут. Выстрелил из лука в ноги их. Оттуда хан шел. Хан, на телеге сидя, левую руку за пояс заткнул. Левый глаз за пазуху засунул. Отправил назад.

„Девять дыр всего. В средней ямке яйца, те давай выстрелим, если который (нибудь) попадет победим“.

Сирунай-Мергень победил. Няргучадуй товарищ был, по верху летал на коколконе олене своем по небу. Кончилась.

А. Нергунеев. Чондак

57. Алтанай

Алтанай был. По реке вверх шел, в золотой лодке, с золотыми усами, с золотыми волосами, с золотой гребенкой приглаживаясь, ехал вниз по реке.

Перед ним один мужчина шел, большой мужик, в грязи увязающий; вставши в небо упирается, земля не выдерживает его, чтобы удержать, проваливаются ноги его.

Еще шел, шел, дом нашел. Еще шел, шел, человек впереди камнищи подымал со скалы большой, очень сильный человек, (того) места хозяин в белой шубе. Еще вниз шел, ехал, из чащи выехал, назад вернулся Алтанай к матери.

A. Nerguneew. Cōndak

58. Ŋəlbə

Ŋəlbə əŋə bicaŋ, sūr omolgīcī. Umuŋ bəjä əməcāŋ nuŋandulān. „Sū ədu ēsaras, e, ēmajakī alırkān bişindi? Bələtməcān cuculaduwı işätcändi, səgdənnədus baldıcāl lālbıktal". — „Utəl, utəl, utəl, esanal sämulsäsäγäp, bī sundu bərilasun ösıγäw pərərijə pərdə, cirorija cırdo".

umuŋ omolgīcān luŋulācāŋ, cırorıwa cırgadarcādalān, ənindulāwi ŋänäwcāŋ. „Cırorıwa wām", guncān: „pərirwə pərdə guncəw"...

Ŋəlbə əŋə bicān, bələtməkān cuculāduwı cājwə cajımcān, şəwəkīlwi cacusacān. umuŋ bəjä əməksə, omolgıwan gələcaŋ. Bī nuŋandun buciγäw". — „Bī sindu tärä sarın tamasıγäw ēja-wal gələrīläş-nun" — „Mindu asırgajaw budäwi, mindu gilgəjəw"...

A. Nerguneew. Cōndak

59. Ənikucān boroвejnun

Ənikucān boroвejnun burdukwa tarelcātın. Ənikucāŋ tukalaŋŋawar ulālcāŋ maŋalsıwı. Boroвej sorokoşcān oro siŋilәwər. Ənikucān guncān: „Cowokīlwı səmkədələtin ulācäw tukalawa". Boroвej: „Bī butilduŋkwi-nun jūsänə, sorokuşcesecāw oro sıŋkərəwəl". Butəcātin, tarēcātın, kowwecılcātın. umuŋ oros ələcān, ənikucāŋ, guncān: „Maŋalwı manacā bişim". — „Bī boroвej sorokunsecāw butiləduŋkwi araj jūsänə, bı sindu ətəm būrə oro siŋimmi" — „Əsikis-nun burə bulənŋər. Bī orlowo gasusıŋäw orloo-kānmə".

Ənikucān guncān: „Gēγwa gasusıγäw, dəγiwkilwə upkatwa tawsıγäw, bī jārkəlī tuttuwkilwə, kutilwə, guskəlwə, sulakīlwa, santakīlwa, murdukəlwə, omkucārwə, bəjälwə, soloŋolwo, säləkīlwə, urikəlwə, dorokolwo tawsıγäw".

Bulənсätinnun, bulənсätin, orlo-kān murdukəwə geγdacān asakīwı təkcə. Orlokān umuŋ bəjələ əməcān. „Asakīwäw təkcəttən buləndu dawdıwum". Bəjä guncān:

A. Нергунеев. Чондак

58. Нголбо

Нголбо мать была, двух сыновей (имела). Один человек пришел к ней. „Вы здесь что делаете, что за старуха есть? На раскаленном железе (спину) греешь, на спине твоей вырос мох".—„Дети, дети, дети, что делая проголодаемся, я вам луки сделаю, фыркающую птицу, чирикающую птицу (чтобы убили)".

Один парень выстрелил, чирикающую убил, к матери принес. „Чирикающую убил", сказал: „фыркающую убил (?) говорю".

Нголбо мать была, на раскаленном железе чай сварила, богам брызнула. Один человек, придя, парня просить стал. „Я ему отдам".—„Я тебе за то заплачу что попросишь".— „Мне жеребца отдай, мне быка..."

А. Нергунеев. Чондак

59. Мышь с воробьем

Мышь с воробьем хлеб сеять начали. Мышь землю рыть стала лапами. Воробей отправился воровать ржи семена. Мышь сказала: „До изнашивания лап рыла землю". Воробей: „Я, от смерти уходя, воровал ржи семена". Кончили, посеяли, стали делить. Одно ржи семя осталось, мышь сказала: „Лапы свои кончила (изорвала)". — „Я, воробей, воровал от смерти едва уйдя, я тебе не дам ржи семя". — „Хотя и не дашь, повоюем. Я орла приведу. Орла-хана".

Мышь сказала: „Ястреба приведу, птиц всех соберу, я по земле ползающих, медведей, волков, лисиц, рассомах, кабанов, мышей, людей, хорьков, горностаев, сусликов, барсуков соберу".

Воевали, воевали. Орел-хан кабана ударил, крыло сломал. Орел-хан к одному человеку пришел. „Крыло мое сломалось на войне, победился". Человек

„Buγawa turgucaзarī irəktə вiзärän, вuγawa turgucaзarī“. — „Minəwə irgitkəl ılan anŋanīja, ılan anŋanīduk irạktəŋməsụn gēgdaзıŋäw, jaŋuraзeŋān, nolturaзeŋān“.

Ilan anŋanīwə вicạ̄n, gegdanāşcān. Gēgdacān, dāwdacān. Soŋocōn, sụrụmmān kəcə̄n mə̄nṇi вuγalāwı, əзạ̄nmi gụncə̄n: „Bụkạwạ ucelākạl, nandadu ụldạwạ̄n taummen minṇi ojaduw nə̄dạ̄wi, ụlə̄ksə. Gälāldạkiw-nụn, вụ̄ŋnəkəl ajaduw namadāwı, mə̄nikə̄n ugdāwı“.

Dəγilcə̄tin, dəkcạ̄tin-nụn, dəkcạ̄tin-nụn, вụkəŋmạr manacātın, orlo зạmụlcạn. „Algandukwı, amargıdukwı mīşiniksə, зəptə̄w, вụ̄kəl“, nuŋan gụncə̄n: „Alakākun sinṇi ụldəs!“ Ər-nụn mınaзawkı, amargıwān ənụldən.

A. Nerguneew. Cöndak

60. Bejä

Umụn вəjä вicạ̄n, зụ̄r omolgīcī вicạ̄n. Andacī вicạ̄n. Зụ̄r umuktalwa вakacān, dukuwcālwə вakacān. Andan gụncạ̄n: „Wākạl, вukulıkānзī ụlə̄mmạ̄n, nī-wəl ənŋạn зəptə, miti зụ̄ri зạpiŋạ̄t“.

Зụ̄r amalgīn dukundu tatıgātcıcātın. Зụ̄r amalgī əmạcə̄tin, tar dạγıwə зạpilcạ̄tin. Зụ̄r amalgıcān hunāt nụkụ̄ntin вicạ̄n. Hunāt gụncə̄n: „Dəγiwə ụkitəldụk urıssıγäw зạptəksi-nụn“. Gụncə̄n kupes: „Зụ̄r omolgīcānmạ gaзukəl“. Unāt gaзussan. Hunāt ŋənəscə̄n, зụ̄r omolgīcān əmuwdạn, soŋolımmen kəcə̄n. „Edāwı soŋoзendı?“ Gụncə̄n aknīlın зụ̄rin. Nuŋan gụncə̄n: „ụkitəldụk dəγiwə urıldāwı kəзərān“. Зụ̄r omolgıcān ətạ̄rə ŋənärä. „Bụ̄ tuksanзıŋäwun, ēsalwun ırtikī icättä“. Ŋənəcān amīndulāwı „Əcə̄ əməзärä“, gụncə̄n.

Зụ̄r omolgīcān ŋənəзäcạ̄tin, ŋənəзäcạ̄tin, ılan gụlụpkə dägзärä зụlə̄γidilin. Urıgdandu dōcāl əmkərdụn. Зụ̄r вəjä tārāl, зụ̄r вəjätkə̄n, nuŋartın ṇurmātcātın, əlвəskə̄tcärilwə, ılan unātkār tāräŋıltın. Ulitkụnŋi unātṇı jụpkəlwə ụmụn amalgicān зajecān. Unātkān gələktälcān, tāduk вəjätkə̄n вakacān зajetcāwə. Hunāt gụncə̄n:

сказал: „Небо поддерживающая лиственница есть, небо подпирающая“.—„Меня покорми три года, после трех лет лиственницу вашу ударю (так, что) сломается, развалится“.

Три года жил, пошел ударять. Ударил, не смог. Заплакал, пошел в свою землю, хозяину сказал: „Быка заколи, в кожу его мясо затолкнув, на лоб мне, положишь, сваривши. Если я попрошу, дай, на лоб мне навьючь, сам сядь верхом“.

Полетели, летели, летели, быка кончили, орел проголодался. „От ноги моей, от задней отрезавши, чтобы поел (я), дай“, он сказал: „Сладкое мясо твое“. Все резал, задняя нога заболела.

А. Нергунеев. Чондак

60. Человек

Один человек был, два парня было. Друг был. Два яйца нашел, исписанные нашел. Друг сказал: „Убей, целиком свари, никто не съест, мы двое съедим“.

Два парня грамоте научились. Два парня пришли, ту птицу съели. Двух парней девушка, младшая сестра, (у) их была. Девушка сказала: „Утку из животов вытащу (хотя и) съели“. Сказал купец: „Двух парней приведи“. Девушка пошла (за ними). Девушка отправилась, двух парней привела, плакать стала. „Чего плачешь?“ сказали братья два. Он сказал: „Из животов утку вытащить собирается“. Два парня не пошли. „Мы убежим глаза куда глядят“. Пошла к отцу „Не идут“, сказала.

Два парня шли, шли, три голубки летят перед ними. На глубоком берегу сели. Два мужика те, два парня их скрали купающихся, три девочки те (оказались). Маленькой девочки юбку один паренек спрятал. Девочка стала искать, потом парень нашел спрятанное. Девушка сказала:

„kụlụвəkụ вụcạ̄n ərə, kụlụвək oktolı mukārdäзıγān, вodoзedāwə-nun, вodoзedāwı, kulubəkwə minəwə вakaзeŋās“.

Ŋənəзäcạ̄l-nụn, ŋənəзäcạ̄n, ışcāl зūkākur kətə, зūl kətäkạ̄kụr. Umụn зūkāndulā īcạ̄tin. Umụn atırkākān təγäccärän. Suracāl вəjätkạ̄r tārä: „ṇīŋil зūltın?“ „Kāŋıl зūltın tawarcıla“. — „Ŋənəзärəp“ gụncạ̄tin. „Ŋənäkäldụ“, gụncạ̄n. — „Ajaksə ŋənəmī tālā“.

Kān əməcạ̄n, gụncə̄n: „ämạcạ̄l вişis ılan unättukıw, targacınmə gụndạ̄wi: tārälwạnun əmmi ŋənärä, вī sinəwə wāзıŋāw“. Ŋənəcə̄ вəjətkə̄n tārä зūldulā. Īlan unätwə okoşkolı təγətcərīlwə icācə̄n.

„Gụlụpkəl ōksal, dəγiktälзiγạ̄wụn, sigdilə̄li dōзıγāwun, вī duluγu unāt вişim, asakītwı kaptācəзıγāw“. Nuŋartın hacātın dəγilcạ̄tin. Nuŋan omolgīcān sāməhıcān. „Awgu unātwə gaзandı?“ Nuŋan gụncə̄n: „Duluγuwə gaзıγāw“. — „Əsikin-nun ŋənärə, nəkəndi gakal. Unätwu eja-wal gụnəkiw, ōdāwı əsikis-nụn ōra, вī sinəwə wāзıγāw. Talgänəjə tāräkạl, kiltinəjə kiltirəŋkäl, tımātnə ırımmen, əmərəkiw-nụn вəllän вiŋnən“.

Soŋoзono, atırkāndulāwı əməcə̄n. „Atırkān, atırkān“, gụncə̄n. γoŋkoзıŋāp“. — „Əksəkə̄kəl-wəl soŋoro sī, miti tuksaŋnār sinṇi вuγalās“.

Tuksancāl. Ŋənəзäcạ̄l-nụn, ŋənəзäcạ̄l вırawä solokōkī, amaskīwar əssəncə̄l, gaγkākun asaзerän. Nuartın oldol ōksal, mụ̄ dōndulın ugduscātın. Tāräŋıtın mucuşcān, kānılāwı ŋənəcạ̄n, ətirkụ̄wə ụŋimmän kān.

Amaskīwər əssəncə̄tin, asaзāw-də ətirkụdụ, ụmnə̄jəcə̄n uwuscān — зūw ōcān. Зūldu tāräl mụrgụзärə вəjäl kətäkə̄kụn. Kụti ŋənəcạ̄n, ŋənəcạ̄n, gụncə̄n: „eзaras, eзaras?“ Nuŋartın gụncə̄tin: „Mụrgụзärəw“. Kụti mucuscān mə̄nṇi вuγalāwı ışcān, īrạn kāndulā. Kān gụncə̄n: „Bokondı-γu?“ — „Əşim. Bəjäl зūdu mụrgụзärä зūkakāndu emajakīdu-wəl əgdikạ̄kụndụ, tāräŋıldı ụwəj, əşim вakara, mə̄nəkə̄n вokotkol, вokondıjewı ilkəkəl-kə“.

Bokocoktoduk sụrụcə̄n. Bokocıtcō-nun, вokocıcōn, torgodu uγıksə. Mụrdukə unāзıγın ụwụscə̄n, mụrgụkə ōknanın tiγissiŋimmän. Tiγiscə̄n, зụlə̄γiзin. Nuŋan də̄gзäcə̄n, surkatwı surkadāşcān, зəγinŋụ asakīwān landu. Tāräŋın soŋocōn, mucuşcān. Surucə̄tin tāduk. Ŋənəзäcātin, ŋənəзäcātin adı-wal anŋanī-wal algạr-wal ənụldələ̄tin,

---

„Голубок пропал этот, голубок по дороге покатится, иди (за ним) иди, голубка — меня найдешь“.

Шли, шли, дошли, домов много, домов много. В один дом вошли. Одна старуха сидит. Спросили парни ту: „Чьи юрты?“ — „Хана юрты те-то“. — „Идем“, сказали. „Идите“, сказала: „Хорошо как будто итти туда“.

Хан пришел, сказал: „Пришли от трех девушек если, такое скажите: если по тому не пройдете, я тебя (вас) убью“. Пошел парень в ту юрту. Трех девушек, у окошка сидящих, увидел.

„Голубками сделавшись, начнем летать, на улице сядем, я средняя девушка есть, крылом замахаю“. Они взяли (и) улетели. Он, парень заметил. „Какую девушку возьмешь?“ Он сказал: „Среднюю возьму“. — „Если не пойдеть, младшую возьми. Девушке что-нибудь если скажу, чтобы сделать, если не сделаешь, я тебя убью. Хлеб состряпай, сухари сделай, завтра (чтобы) поспели, когда приду, готовый пусть будет.

Плача, к старухе пришел. „Старуха, старуха“, сказал: „понесем (пойдем)“. — „Перестань плакать ты, мы убежим в твою землю“.

Убежали. Шли, шли по реке вверх, назад оглянулись, лебедь догоняет. Они, рыбами сделавшись, в воду внутрь влезли. Тот (лебедь) вернулся, к хану пошел, медведя отправил хан.

Обратно оглянулись — догоняемы медведем, разок дунула — дом стал. В домах тех молятся люди, много. Медведь шел, шел, сказал: „Что делаете, что делаете?“ Они сказали: „Молимся“. Медведь вернулся в свою страну, дошел, пришел к хану. Хан сказал: „Догнал ли?“ — „Нет. Люди в доме молятся, в домище каком-то большом, тех нет, не догнал, сам догоняй, догонишь, может быть, попробуй“.

В погоню ушел. Догонял, догонял, на телегу севши. (На) кабана дочь его дунула, кабан [. . . . .] стал караулить. Подкарауливал спереди. Он летел, клыком зацепил, левое крыло долой. Тот заплакал, вернулся. Пошли потом. Шли, шли сколько-то лет, пока ноги не заболели, пока пятки не смозо-

agdıkīldulıwar səmkəldələwər. Tārāŋıltın gənəscətin mənni buɣalāwı, asakīwı dambıcıwuksə, ıscān buɣawı, ŋsmələcə binə. „emajakī bəjäldulā orrocōw, mənni cinəm dawdəm, hərkəmī bārą“, guncąn: „ōŋakī bəjgə bəjgələ orrozokıw kərrənāk, mənnə ilə girkunmı, aldammen, əsīlə əzəlim taduɣla, meɣanmı əsin ələktārə, ŋāląmų kəruku Tartı koron.

S. Baksanaew (Turujaɣır). Cıpa

61. Baɣatır

Baɣatır bicə. Bəjā bicə baɣatırdu, awalılcā bəjä. Baɣatır murınīn bicə. Baɣatır irəməssə, bəjäwə gūcə: „Tar cukaduk ųlikənə murınduw ųlidəwi“. Ūli ŋənəwcə, murın səpilcə, manācā, əcą tancımī, mūlą ŋənəwcą, mūwə umılcā murın, manacā, murın gūcə: „əşīlə baɣatırdu būzālzəp, misəɣąp“. Ukca da misəcą.

Tālā ŋənəcą. Tāduk tāgą urupcān, bəjā gunsärän: „ųməkəran bəjänilə zūra bakakāl“. Murındulāwı ŋənəcə, tuɣı gunsārə, murının gunän: „sendulıw ugduskal, bagdamawa umuktawa səpkəl, gelıw sēndulıw ugduskal, kognomowo umuktawa səpkəl, sųrųɣūr aritnāskār bukatırwa jəɣin dılıcīwa, wānəɣär“.

Sukəcānmə tunŋa-zār pudicīwə ŋālcą, əɣəjilcą, tuligidəlln gerkuzanā. Ər-kə lupəlicə jəɣin dulilīn, upkacın sələmə tətkən nikımŋaklān, atasaserān təpuskənti təpulicə.

S. Baksanaew (Turujaɣır). Cıpa

62. Sulakī

Sula bicə əbəjkəkun bakaldıcal. „Amīkān, naktankānduw ısıtcanāɣār, iləkəndu kadardu tuɣı kəɣər“.

Ŋənəcəl. „Amımīkān, bi ŋegu biktə tatikānzıwı, sī diɣu bikəl“. Āscāl. Amīmīkān ųkəlzıɣātluɣər“. Āscāl. Tolkıcılcā tārdāt liglilcą. Sula diɣidələn copkoruscā. „Amīmīkān, ųkəlməcą bişim“. Uɣiskī ōsatcā əbəjkəkun pəkənti anacā, kadarduk ųkəlcə.

лили. Те пришли в свою землю, крыло изломавши, дошел до земли, голодный будучи. „К каким людям попался, своей силой поддался, связать не могши“, сказал: „К какому зверю, зверям когда попался [. . . . .] свое тело ходя, изломал, теперь не буду там, сердце мое не вынесло, грех какой“. То конец.

С. Бакcанаев (Туруягир). Чипа

61. Богатырь

Богатырь был. Человек был у богатыря, начал работать человек. У богатыря конь был. Богатырь пошел в гости, человеку сказал: „От той травы немножко коню моему есть дай“. Немного принес, конь есть стал, кончил, не жует, к воде свел, воду попил конь, кончил, конь сказал: „Теперь богатырю дадим (и) скроемся“. Сел верхом да исчез.

Туда пошел. Потом народ собрался, человек говорит: „Пальцы человеческие два найди“. К коню своему пошел, так говорят, конь его сказал: „В ухо мое влезь, белое яйцо съешь, в другое ухо влезь, черное яйцо съешь, пойдем искать, пойдем, богатыря девятиголового пойдем убивать“.

Топорище пятидесятипудовый в руки взял, спустился, по улице идя. Вот выскочил девятиголовый, вся железная одежда его до шеи, нацеливается, битьем стал бить.

С. Бакcанаев (Туруягир). Чипа

62. Лисица

Лисица была, с медведем повстречалась. „Дедушка, на солнцепеке спину греть пойдем, на вершине скалы так сделаем“.

Шли. „Дедушка, я ниже буду по привычке, ты выше будь“. Заснули. „Дедушка, как бы не скатились“. Спят. Сон видеть стал (медведь), потом захрапел. Лисица через него перелезла. „Дедушка, качусь (я)“. Вверх встала, медведя в бок (?) толкнула, со скалы скатился.

Ŋənəcə̄, ikcə̄, mōmanajilwān moŋolōcā, irgiwi ɥcicə̄ sɥkəli sɥrɥcə̄, aγikākurwə̄ вakacā. „Gəjəkā, gəjəkā sulalaj, ēduk tawarılwa kəcāş?“ Amtakālduwal minəsca. „Sulalaj, sulalaj, alakā, alakā! ōnı kəcaş?“ — „Bī sɥkəwi, dɥkcāw irgiwi əjīcəmmān, əril вaldıknantın, sɥkədɥ doŋoldıcacāw“. — „Bɥo-da tɥγi kəkwɥn silвətkal“. Dukcā, əjicāl irgilwər doŋotoldıcāl. Sulakı ɥtkānmi ıŋadu вɥrɥskətcärän. „Sulalaj! Sulalaj! əməkəl gildikə, ōkın вaldızıγātın?“ — „Bītəkān ōkaldı, sō əcisɥkı“.

Utkānsiwi təktəlcān, ɥmɥkānmə cokıdācā, diγin əŋnisə̄ sɥrəwəcakıdācā, nıkımŋalın əŋnisə̄, ılanma cakıdācā səgdəlin əŋnissə̄, diγitin irgiwi pəsi mnək misəcə̄.

S. Baksanaew (Turujaγır). Cıpa

63. Carcıkān

Carcıkān вicā, sūduwı вidəcə̄. Maŋı sūlā əməcā, Carcıkānmə səptəwi. „Ammīkān“ gɥ̄cā: „Sūwa amŋaduwi səpildəwi, sēwaksakārdı, iltikārsī səlıksä. Barawugdadāwı ɥtəməwəw“. — „Ajat sōnmuran“. Karmandulıwı nācā, sālə̄wı ŋənecā maŋı. Sunmi lukcā, sūduwı lokocō sɥnmi. Carcıkān вisäcā. Maŋi kɥcɥləscā. Sɥrədakin, amaltalcā Carcıkān. „Cımulcā, cımulcā maŋı“, ɥtəlin kəlcəl ciwsänäl. Mənəkər gakaldu“, gɥ̄cā. Gācāl. „Amīn kotowōn əməwkəldɥ. Əli, əli ılaŋı təγəkəldɥ daran“. Ilaŋıwə təktəssə kawkaldulıtın īkcā, ɥldəgicə̄. Ilan dılwa nɥriktəlwə icə̄wcəsänə, nə̄cā, kalandutın ɥldəlwətin əjicā. ɥmukān akīkānmə sılacā mululıtın. Mə̄lɥγısıtın вisəcā. Əməcā. „Əhə-hə! ɥtəlwə вələnikətcəl carcıkācā miwə“. Akinmə səpilcā. „Mēwan! mēwan! ēdawı tanındı Carcıkā gamıt. ētacaāw вicē? ɥtə səpilgər“. Carcıkānmə uldaduk muktulajdukın ɥγircə „Əhə-hə! Carcıkān ēlacāş — Ədu! ədu! Amīmīkān вisəm“. Tuksacā. „Carcıkān! Carcıkān idləndi?“ — „Ədu, ədu? вisäm amīmīkan ēli, ēli kədəŋnəndi?“ Carcıkān dılıt pɥrɥlılcə̄, toskontı əŋnissə̄ kotosıвn, misəkə̄kutca.

Пошла, ободрала, кишки вытащила, на хвост намотала, по льду пошла, волков нашла. „Милая, милая лиса, откуда же достала?“ Для пробы отрезала. „Лисичка, лисичка, вкусно, вкусно, как достала? — „Я лед прорубила, хвост опустила, пока эти не выросли, во льду морозила“. — „Мы так же сделаем, укажи“. Продолбила, опустили хвосты свои, замораживать стали. Лисица нож на песке точит. „Лисичка лисичка, приди, холодно, когда вырастут?“ — „Немножко подождите, очень скоро не поспеют“.

Ножом ударила, одного изловила, четырех рубнула, двух изловила, по шеям их рубила, трех изловила, спины их рубила, четвертый, хвост оторвав скрылся.

С. Баксанаев (Туруягир). Чипа

63. Чарчикан (бычок)

Чарчикан был, дома вырос. Медведь в дом пришел, Чарчикана съесть чтобы. „Медведь“ сказал: „Дом этом съешь, с гнилушкой, со старой гнилушкой смешав. Съешь (?) детей моих“. — „Хорошо напомнил“. В карман положил, домой пошел медведь. Одежду снял, дома повесил кафтан свой. Чарчикан жил. Медведь пошел за гнилушками. Когда ушел, обделался Чарчикан. „Стал жарить, стал жарить медведь“, дети его сказали, облизывая. „Сами берите“, сказал. Взяли. „Отца нож принесите. Здесь, здесь сядьте трое рядом“. Троих зарубив, по шеям разрубил, мясо освежевал. Три головы волосы показывая, положил, в котел мясо опустил. Одного старшего поджарил на вертеле в почетном месте юрты. На этом месте был. Пришел (медведь) „Охо-хо! Дети сварили Чарчикана“. Старшего есть стал. „Сердце! сердце“! почему тянешь бычка взявши. Для чего его есть? Ребенка съедим“. Чарчикана за кишки мяса поднял. „Охо-хо! Чарчикан, ты где?“ — „Здесь, здесь, медведь“. Убежал. „Чарчикан! Чарчикан! где спрятался?“ — „Здесь, здесь, медведь, за что, за что сердишься?“ Чарчикан головой боднул, голову отрубил ножом, убежал (без головы).

Tuksacā, tuksacā atırkānmə вakacā. „Ənīmīkən, maŋıdu asawзam, ụtəməwə̄w вụcạ̄“.— „Litəwkəwi əriwə gụndạ̄wi: Sıγı ōkal dam-dak“. Tuksassan. Ərdạt вokolcō maŋıkākun. Sıγıkākən mudanə ụγāj: „Ōkal kaduwunə ụγəj“, gụ̄nə, kərān opeṭ tuksassan. Ərdạt maŋıkākun вokoldon. „Ụrạkə̄kən, kadarkākun mudan uγəjəkạ̄n. Sụkəcạ̄nụ-γụ uγāj“, gụ̄nə kərān. Opeṭ tuksaзecā. Ərdạt вokolcō. „Bırakākən mudana ụγāj. Ōkal oŋocojə-γu ụγāj!“ gụnnəkərān. Opeṭ tuksassa.

S. Baksanaew (Turujaγır). Cıpa

64. Sula, cıwkān

Sulā вicə̄n. Cıwkā вicə̄, ụtəkə̄rin tunŋakān, umukīn ırəktədu ụγilā. Sulā зəptə̄n nādə. „Cıwkā, ụtəldi adı?“ — „Tunŋa“.— „Cıwkā, tunŋīwı вụ̄kəl“. — „Ətə̄m, ətə̄m“.— „Cıŋıзıŋāw, tuktıзıŋāw“. Ụmụkə̄nmə вụ̄cə̄.

Sulā opeṭ sụrụcə̄, opeṭ əməcə̄. „Cıwkā, adı ụtəldi?“ — „Diγin“ — „Bụ̄kəl ụtəlwi“.— „Ətə̄m, ətə̄m“. — „Mụkụrəkụ mụgdạkạ̄nidụs mụkəзiŋạ̄w, cəkụrə̄kụ cəkcəkə̄nidụs cəkəзiγạ̄w, cıŋıзıγāw, tuktıзıγāw“. Bụ̄cə̄. Sulakī sụrụcə̄.

Cıwkān ụtən ụmụkə̄n ōcā. Cıwkān soŋolcō. Ər-kə inụkī əməcə̄. „ēda soŋoзondı, cıwkān?“ — „Sulāmıja ụtəlwə зạpcạrān, gụnзānə: cıŋıзıγāw, tuktıзıγāw, gụnзānə“.— „Sī gụndạ̄wi, əmərạkin: ēkunŋıtwe tuktıзıγāş, ēkunŋıtwı cıŋıзıγāş?“

Opeṭ əməcạ̄. „Cıwkā, ụtạl-dạ adı?“ — „Ụmụkə̄kə̄n“. — „Bụ̄kəl ụmụkə̄kə̄nmi“. — „Ətə̄m, ətạ̄m“. — „Cıŋıзıγāw, tuktıзıγāw“. — „ēkunŋıtwı cıŋıзandı, ēkunŋıtwı tuktıзandı?“ — „ēkun alagucān sinəwə, cıwkā?“ — „inəmijạkī“.— „īlạ̄ sụrụcə̄n inəmijạ?“— „Bosōgācōnmı, kardulāwı uwgahıncaзınaca“.

Sulā sụrụcə̄, inụkī uwgasıncaзerān. Ṇurmācā, cōkıdācā, вụkəlikạ̄nзī nimŋəc. Sụrụcə̄.

„Kə! Sulāmīja, amŋawı aŋācạзākəl, ŋənəзākāl, nuŋnakīkar kəṇə̄зādạ̄tin“. Amŋawı aŋācəзānə, ŋənəltānạcə̄, dəγilcə̄.

Бежал, бежал, старуху встретил. „Бабушка, медведем преследуюсь, дети мои умерли“.— „Литовке этой скажешь: чаща сделайся, дам дак!“ Убежал. Сразу догоняет медведь. Чащи конца нет. „Сделайся без конца“ говоря, опять побежал. Сразу же медведь нагоняет. „Гора, скала без конца. Без топора“, сказал. Опять бегут. Сразу нагоняет. „Речка без конца. Сделайся без лодки!“ сказал. Опять бегут.

С. Баксанаев (Туруягир). Чипа

64. Лисица, пташка

Лиса была. Пташка была, детей ее пять, гнездо на лиственнице высоко. Лисе есть надо „Пташка, детей (у тебя) сколько?“—„Пять“.—„ Пташка, пятого дай“.— „Нет, не дам“.—„Подрублю, влезу“. Одного дала.

Лиса опять ушла, опять пришла. „Пташка, сколько детей (у тебя)?“—„Четыре“.—„Дай деток“.—„Нет, не дам“.—„На круглом пеньке гнильем вонять буду, на кочку кочковатую сяду, подрублю, влезу“. Отдала. Лисица ушла.

У пташки детеныш один стал. Пташка заплакала. Вот рябчик пришел, „Чего плачешь, пташка?“—„Лисица детей поедает, говоря: подрублю, влезу говоря“.—„Ты скажи, когда придет: чем влезешь, чем подрубишь?“

Опять пришла. „Пташка, детей сколько?“—„Один“.—„Дай одного“.—„Нет, не дам“.—„Подрублю, влезу“.—„ Чем подрубишь, чем влезешь?“—„ Кто научал тебя, пташка?“—„Рябчик“.—„Куда ушел рябчик?“—„На север, в снегу пролез“.

Лисица ушла, рябчика по следу нашла. Подкралась, бросилась, целиком (ртом) схватила. Ушла.

„Ну, лисица, рот открой, иди, гуси хвалили чтобы“. Рот открывши, пошла, вылетел.

Lēna. Dudowka. Cancur

24. Takıcān mụnụsärän? (Oŋokto)
25. Gē gụnsärän: ŋənīsäktə; gē gụnsärän bisäktə? (mū, solo)
26. Dụwụtkən sū̆r bəjụr tawgıjajıdun təwətcərə? (karuka)
27. Taktıkāydu amakal tuγəəktəsärə? (kụmkəl)
28. Ṇarutkändu nikə-nikə tıhaktəsärä? (kowurda, aladı)
29. Atırkän hıkaŋajı iγim-pəγimnə biŋki? (uwəl)
30. Takıcākän hərgilin ımanŋa əŋki hụlụrə? (kərəmụn)

D. Polın Lēna. Sēwıkān

31. Aja bəjä ŋənäŋki ūsaja ācın? (saw)
32. Aja bəjä, mụkənın, mụγi? (pəktirəū̆n)
33. Bəjąkụn kamnıdu suşkakän ụwiəlą̄, bəjäkụn jū̆llän, tıkcən dụnnilą̄ dılıtpı, səgdənnəwi cikəs? (amun)

Kıreŋa. Murınŋa

34. Aja bəjä, suwanīdu mukcakalaŋkı, tụwąnīdụ aramuslaŋkı? (oron ijəlin)

Kakıγır. Witim-Muja

35. Bụjụkụn bırawa ōdaserän ərän äsänaʔ (adıl)
36. Sū̆r sąli gukcänsäranʔ (algar)
37. Sa̅n bəjä dılılsīwar turgucamäccırän? (sükca)
38. Bī kəm, bī kəm gụnsärän? (ŋälą)
39. Sän ahī təγətcərə urgəgdəməkin? (ụmụkəcą̄r)

Лена. Дудовка. Чанчур

24. Колода гниет? (нос)
25. Один говорит: пойду; другой говорит: останусь? (вода, камень)
26. Маленькой горы два зверя по обеим сторонам сидят? (уши)
27. В кедровнике медведи зимуют? (вши)
28. На озере утята плавают? (сковорода, оладьи)
29. Старушка зад греет? (загородка у огня)
30. Под колодой снег не тает? (белка)

Д. Полин. Лена. Севикан

31. Хороший мужик идет—следа нет? (лодка)
32. Хороший мужик—зад воняет? (ружье)
33. Мужчина на скале, развилина наверху, мужчинище вылезает, упал на землю головой, спину сломал? (экскремент)

Киренга. Муриння

34. Хороший мужик, летом шубу надевает, зимою летние унты? (оленя рога)

Какигир. Витим. Муя

35. Изюбрище в реку стреляет крича, кричит? (сеть)
36. Два налима соревнуются? (ноги)
37. Десять мужиков головами подпираются? (юрта)
38. Я да я, говорит? (рука)
39. Десять женщин сидят беременные? (пальцы)

Тунгусские сказочники
(в зарисовке автора)

Д. Полин

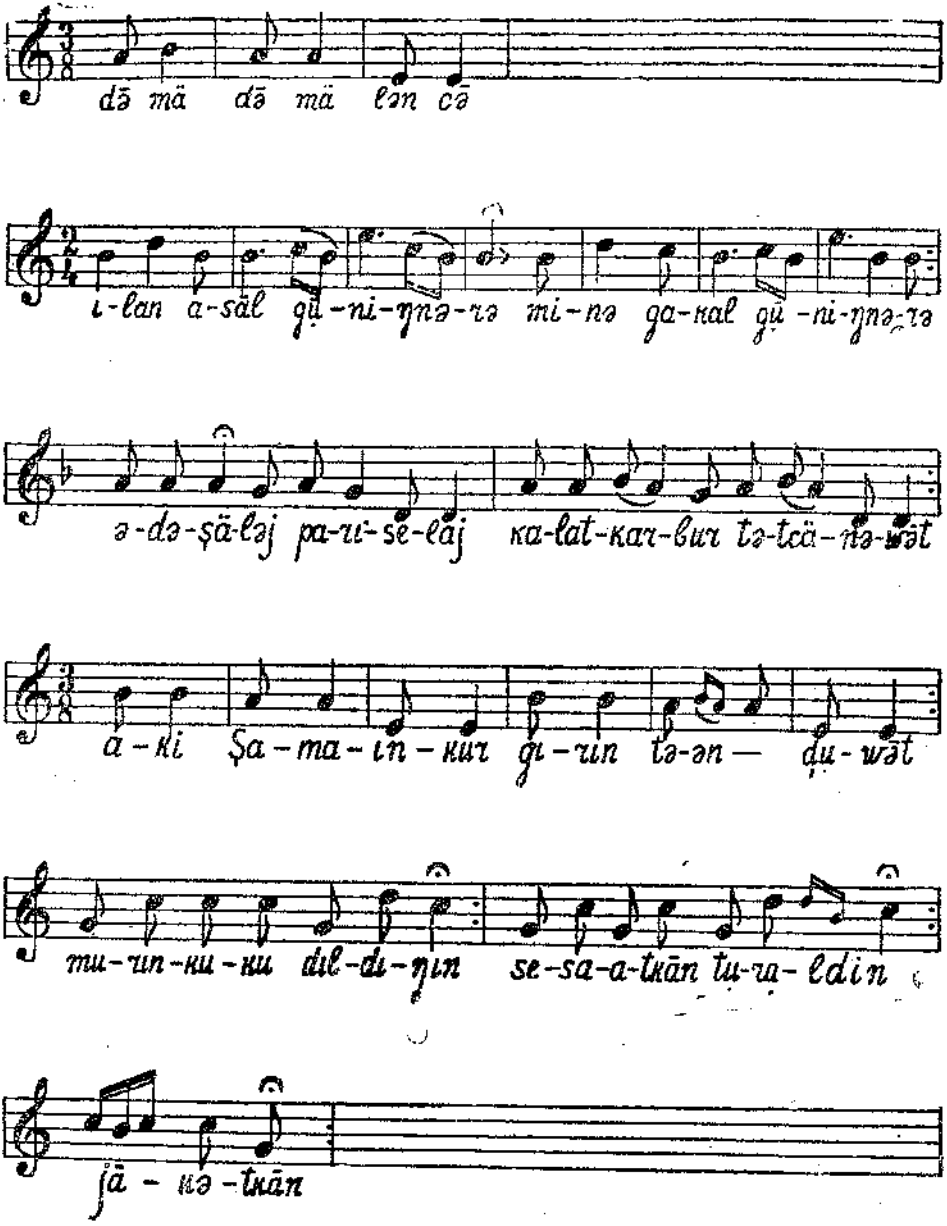
Д. Полин

Шонгото

Я. И. Аеулев

О. Аеулева

Образцы мелодий [1]



[1] Приложение к текстам Е. И. Титова №№ 20, 23, 25, 26, 35 и 37.

В. И. Левин

ДВЕ СКАЗКИ АЯНСКИХ ЭВЕНКОВ[1]

I. W. Karamzin (Makagir). Ajan

1. Nimkān

Dulin вuγa ālākās oγsācā. Dulin вuγa ālәkәs nitkūn вicą. Nugan mōja ācin вicā. Elan anŋanī mōja. ācin вicā. Tāduk cāskī mān ələkəs baldicā. Tādu вira ōwulran. Tar вiraŋ icirąkiw, mūlkąn ōwki. Icisaki вimī, sololkōn ottan. Kahisima kiragilkān ōwki. Jēγarī jēksalkān owsacā вicą. Mariwkarī maruktalkān osacā вicą. Kinkir kiti āmųlkān ōwsacā вicą dulīn вuγa. Tar вiraŋi icirәkiw, amdundalkān вicą. Kihil kumus kutilikān usвisicā вicąn. Tāduk icālrąkiw, ųrųnərī ųrąkąlkąn вicą-γit. Kiŋkil kuntikilkān вuγa baldisacā. Taduk icərәkiw, orokto baldisicān-γit cukalkān ōsacān. Orokton baldicālān, mōn upkacīn baldīcā вicą. Niwaktal baldilcā, siektalkān ōsacā ār вiraŋiw. Tāduk dulin вuγa ojodun, āwųskī upkacīn mōn, cutari baldilcā. Dulin вuγa ojodun baldicālān, icərәkiw, upkacin mō irąktą вimī suwitkilkān osacā, irāktą garalkān ōcā-wit, mucīktalkąn baldiwki. Buγa вimī ŋaŋtalkān ōwki-wit. Ņān icərәkiw, sagdalkān owki-wit. Taduk ųrųkān, ųrąkān. Tar ųrąkāŋi icərәkiw, вolgiktalkān owki-wit. Jeŋtarī antaγalkān. Tar antaγadan calвakān ōsacā. Dulin вuγa вiran вimī ŋaŋna dərәlkąn вiwki-wit. Daptuŋi icərәkiw, nāmtikī daptulkān вiwki-wit. Tar вiraŋi dap-

---

И. В. Карамзин (Макагир). Аян

1. Сказка

Средняя земля вначале делалась. Средняя земля вначале маленькая была. Она без деревьев была. Три года без деревьев была. Потом дальше сама стала расти. Там река стала. На реку если посмотрю, с водою становится. Смотря (посмотрев), с камнями стала. Гористая, с гольцами становится. Скалистая, со скалами стала. Марниковая, с марниками стала..... со всяким стала средняя земля. На реку если посмотрю, с наледью стала..... с берегами стала. Потом если посмотрю, гористая, с хребтами была. Хорошая, крепкая земля выросла. Потом если посмотрю, трава выросла, с травою стала. После того как выросла трава, деревья всякие выросли. Ивы выросли, тальники стали в это время. Потом на поверхности земли дальше всякое дерево, трава расти стала. Потом, после того как на поверхности земли выросло, если посмотришь, всякое дерево, лиственница с ..... стала, лиственница с сучками стала, с хвоей растет. Земля с кедрами стала. Опять если посмотрю, с сосной стала. Потом горушки, горки. На горки если посмотришь, сланец — кедровник стал. Скалы с солнцепеками. На солнцепеках березка стала. Средняя земля будучи с грязью на поверхности стала. Устье (реки) если посмотрю,—к морю с устьем. То устье

---

[1] Тексты записаны В. И. Левиным в Аянском районе Охотского побережья в 1930 году; обработаны и переведены Г. Василевич; особенности аянского говора сохранены полностью. *Ред.*

tuwān icərəkiw, gırılkān ōзıcā-wıt. Tar вuaŋi daptuwān adulalзakı вimī, nāmuŋıt icạзạkı вimī, otalkān вittạn-i-wit nāmuŋıw.

Nonomo вimī dulın вuγadu вəjŋạ̄ gärвilkạ̄nduk nuŋan ähäkạ̄ вilcạ̄ вicạ̄ wəskạlcạ̄ вicạ̄. Dulın вuγa icərəkiw, ähälkạ̄n ōcā вicạ̄. Dulın вuγa ojodun, tāduk äwụskī upkattın wōkalcā вaldıcā. Tar вıraŋnı mụ̄wạ̄n icərəkiw, olrolkon вiwki-wit. Bırāŋnı daptulān ŋənərəkiw, nāmmaj icərəkiw, etalkān вiwki-wit nāmuŋıw. Bıran däränmạ̄n icəзạki вimī, вụjụlkạ̄n ōca-wıt. Tarīt, tolkujзarakıw, dulın вuγa ojodun, upkacın вaléılcā, uoskılcā. Tāduk äwəski okcılkān dulın вuγa ojodun gerkulcā. Baldınīn cukawān əkilcạ̄ вicạ̄. Tarīt вimī dulın вuγa ojodun вəjŋəlkạ̄n ōзacana-wıt.

Dulın вuγa ojodun зụ̄r вəjə ahīlkān вəjə вilcāl. Nuŋartın вimī uγiγit, īdụk вaldınawar ähil sārạ, вihiwər-ṇun sārīl. Tar вıraŋnı daptudun вiзạcạ̄l вācālı-wıt. Tar nuŋardutın jakun-d(a) ācin вicạ̄. Oron-da, gụnitin, ācın вicạ̄, jakun-hal-dācır вicạ̄l. Зadaŋıl вicạ̄l. Зūjācır вicạ̄l. Dulın вuγa mōlkān ōcālān, ụtạn kaltakan зūwa ōcal mōn вaldıcālān. Tarıŋduwar вiзənəl, вəjərgụ вimī, вəjiŋạ̄wạ вəjəŋạ̄wki ōcā. Tar вəjəŋạ̄wạ вəjəŋạ̄lcạ̄lạ̄n зəвụwkil ōcāl. Dulın вuγa вəjəŋạ̄lkān ōзakın aja-wıt amŋaduwar зāвụttə вi-wit.

Nonon täwụktạlkān ōcālān täwụktạwạ зəpnəl вicạ̄li-wit, tar вıraŋdukkar olrowo mācıwkıl. Tar вəjiŋạwụ mālcā dukur əwụskī. Tar вəjəl tərgəksilkạhạl ōcāl. Tar вiзərəkitin ụtätin вaldıcā, ụrkạ̄n kuŋākān вaldıcā. Ụtätin вimī tarıŋıtin зān ānŋanīlkān ōcān вicạ̄-wit. Tāduk cāskī cıwkācānmạ nụkiciwki ōcā. Bərkạ̄nзī nụkiwki ōcā. Ər kuŋākān вimī, gerkuktaзana, зūdukkı gorolıwkı, gorotkī gerkuwkı ōcā-wıt, Tardalān əjạ̄ciliwki ōcā, amīlkan änīndụkki ụlgụmīcạ̄: „Biŋinidạ̄j nikkəm вuγawa gerkudāj əjạ̄cim“. Tarā āmīnīn вimī äcụ uŋalra. „äkạl ŋənərạ“ gụncā. Tar gụncạ̄lạ̄n ụmnạ̄kạ̄n ānŋäcā зūdujı. ụmnạ̄kān ānŋäkānam, tämīnīn än ụlgụmīrạ ŋənəhincạ̄. Зe вuγaskī ŋənəhincạ̄. Bīraŋī solokī ŋənəhincạ̄. Tar ŋənəkạ̄nạm вimī, ṇụltən tīkcālān, вoruŋuj ōзarakın, ämụcān-i-wit зūlāj, änīlkạ̄n amīndulāj əmụcạ̄. Tar gerkuna

---

если посмотришь, с..... стало. Той земли устье если посмотреть, море если посмотреть, с волнами (?) море наше стало.

Вначале на средней земле из зверей с именами он, медведь, появился, закричал, (траву стал есть?). Среднюю землю если посмотрю, с медведями стала. На поверхности средней земли и ближе всякие звери выросли. На воду реки если посмотрю, с рыбой стала. На устье реки если пойду, на море если посмотрю, с..... стало море. На истоки реки если посмотреть, со зверями стала. Таким образом, когда объясню, на поверхности земли все выросло и кричало (звери). Потом здесь кричащий на поверхности земли заходил. Выросшую траву стал есть. Таким образом на поверхности земли звери стали.

На поверхности земли два человека, женщина (одна) начали жить (появились). Они будучи сверху, не знали откуда родились, только существование свое знали. На устье реки жили убивая (промыслом). У них ничего не было. Оленя, сказать, не было, ничего не было. Бедные были. Без дома были. Когда на земле дерево появилось, шалаш из полуплах сделали после того, как деревья выросли. В той живя, охотниками будучи, зверей добывали. Зверя добыв, съедали. Когда на средней земле звери стали, хорошо ртом есть стало (хорошо для рта стало).

Вначале, после того как появились ягоды, ягоды ели, потом из рек рыб убивали (добывали). Позже зверя убивали, дальше выдру. От тех зверей с ровдугой (шкурами) стали. Так жили когда, сын родился, мальчик, ребенок родился. Сын будучи их десятилетний стал. Потом дальше птичек стал стрелять. Из лука стрелял. Этот ребенок будучи, ходил от дома далеко, далеко ходил. После этого стал просить, от (у) отца, от (у) матери спросил: „Я собираюсь по земле ходить, прошу“. Тот отец не посылал (не отпускал): „Не ходи“, говорил. После того, как сказал, однажды ночевал дома. Один раз переночевав, наутро, не спрашивая, пошел. В мир пошел. Вверх по реке пошел, Так пройдя до захода солнца, когда вечер стал, пришел домой, к отцу, матери пришел.

rāsnəj ūsawān icaçā-wit. Tāmīnīn ānŋākām, amīndukkı ulgumīcā-wit: „Bī ār gırkuna icərəm, rāsnəj (ıkukta) ūsawān icərəm. Tālà ŋənədāj əjācim", gūnən: „ūsawatın ūsadāj, ōn bihil bittą-wit zuγunmatın icidāj ājācim. Tarāw ūsarakıw, ōn bizinān. Tarīlba icamī bəjəŋārąkiw ōn bizaŋān?" Araj tarā ulgumīttən-i-wit amīndukkı: „Ŋənəzəm", gūnən: „icəzākildulaj, ūsalbi icinalāj". Amīnīn bimī „ākal ŋənərą", gūttən.

Tara ānə dōldara ŋənəhitin-ą-wit. Tar ŋənəkānam ūsaŋılbı ūsahittan-ı-wıt. Tar ūsakānam inəŋi bimī sikşadalān ūsattan. Sikşadalān ūsakānam, aktıralcālān mucattan-ı-wıt. Jakuna-da ac icurą, ūsakānam ācā bokono. Suptıwca sūlāj āmuttən ānilkān amīndulāj. Jakun nada ən icarą. Āmukānam, oluskıhuttan. Oluskıhukānam, ānə zāprą-da hukląhiniwki-wit.

Tāmīnīn bimī, təgənə-wit baldīsākāndukkı: „Zābdāw astakal", ānīnmi gunitan-i-wit. Ānīnīn bimī: „Ilā ŋənədāj nikanrı?" Tādu utən bimī, ulgucānin-ą-wit: „Tinawą gerkuna, ūsaktacāw, jakun-dā ūsawatın āhım sārą, rāsnəj (ıkukta) ūsatın bittan-i-wit, mārbatin icādāj ājācim. Tolko āhi icuwra. Icacā bimī, bəjəŋāmcā. suhunmatın icamcāw". Ānīnīn bimī, ulgucāncālan „ākal ŋənərą", gūttan: „Tarā kəjan ātāmī bəjəŋārą, surdak bizinān targacın bəjəŋā surdak bizinān. Targacin majcımī ārarakal bəjəŋāra". Tar nikākānam ŋənəhincān-wit, ānə dōldira ŋənəhincā. Tar ŋənəkānam ūsahincā, bokoncō. Bokonkōnom, icacā; tar icakānam urunsicōn-wit. Tarīŋı nurmasacān-ı-wıt. Dagamacan-ı-wıt. Bəjəŋāldāj nikalcā. Bərkān pəktərauılkān bicā, nurılkān bicā. Tarīŋı dagamakānam, ajamat batkankānam, sendulāj āmudān, alaŋaj tānzaŋān-ī-wıt. Tāduk garpacān-i-wıt bəjəŋāŋi. Garpakānam, mā ttan-ı-wit. Tariŋıza urunittən, buddakin. Tadut-tı āmānittan. Zūtkīji mucuttan, ānīlkān amīntıkī zūji ihittan. Iskānam ulgucālitin. Amīnīn bimī urunittən-i-wit. „Uttən bimi tāmi gālnāziyāt". Amīnmı gunittan-i-wit: „Timina amīnmī ŋənəziŋāt" gūtiąn: „icənōziyātt, bəjəŋāwą bəjəŋārąm okın-da ānā icirą, iciram. Icənōgāt. Sagdı sānrı bizinān. Bəjə zāprīwān-gu ālūwān-gu bəjəŋārąm, mākānam, āmānam". Tarīŋtikīwar ŋənəhincātin zūrī utəgəli. Tar ŋənəkānam, bəjəŋāzāklān ıssatın. Tarıskānam, amīnīn bīmī, amīndukkı ulgumīlcān-i-wit: „ār jakun gārbu bəjəŋāŋitin bittən, si sānrı-gu?"

Бродя, разные следы видел. На утро, переночевав, отца спросил: „Я это, бродя, видел разные следы, видел. Туда итти, прошу", сказал: „по следу итти и как живут, что представляют собою, посмотреть прошу. По следам если пойду, что будет? Тех увидев, если добуду, что будет?" Только спросил отца: „Пойду", сказал: „на виденные следы, следы посмотреть". Отец будучи: „Не ходи", сказал.

Тот, не слушая, пошел. Так идя, по следу пошел. Так идя день, до вечера, шел по следу. До вечера шел, когда не стемнелось, вернулся. Ничего не видел, идя по следу, не нашел. Не догнав (зверя), домой вернулся к отцу, матери. Что нужно, не видел. Придя, сильно рассердился. Рассердившись, ничего не евши, лег.

Утром вставши от родительницы (спросил): „Поесть приготовь", матери сказал. Мать: „Куда итти собираешься?" Тот сын будучи рассказал: „Вчера, бродя, по следу шел, никакого следа не знаю (не знаю, чей след), разные следы, самих (этих зверей) посмотреть (хочу) прошу. Только не показались (звери). Если бы видел, убил бы, всех увидел бы". Мать будучи, после того, как рассказал, „Не ходи", сказала: „Не может быть, чтобы убил, страшный будет, такой зверь страшный. Такой.... (запрещен?) не убивай". Тот, собравшись, пошел, не слушая, пошел. Тот, идя, по следу пошел, нагнал. Нагнавши, увидел; увидевши, обрадовался. Того скрал (подкрался). Подошел. Убить собрался. Бойкий стрелок был, со стрелами был. К тому подойдя, хорошо встав (на твердое место), чтобы до уха дошла (тетива), тетиву натянул. Потом выстрелил (в) зверя. Выстрелив, убил. Тем обрадовался, когда умер (зверь). Там же оставил. Домой вернулся, отца матери до дому дошел. Придя, рассказал. Отец будучи обрадовался. „Сын, завтра принесем". Отцу сказал: „Завтра, отец, пойдем", сказал: „Пойдем посмотреть, зверя убил, никогда не видел, увидел. Пойдем посмотреть. Старый, знаешь, будет. Зверя съедобного ли, не съедобного ли добыл, убил, оставил".

К тому пошли двое с сыном. Идя, до места зверя дошли. Дойдя, отец будучи, от отца спросил: „Это что за имя зверя, ты знаешь ли?"

Amīnīn вimī gụnittin-i-wit: „är вụjụn," gụnittin: „вəjəŋāŋit. Ädụk зụlāskī вəjəŋāwrākạl ärgạcinmạ". Tarīŋar вimī ınihinзạcātin зūtkīwar. Зūlāwạr ehıwra. Tar ehıwrakıtın, atırkān вimī ụrụnзəcən-i-wit. „Ụtəw вəjəŋācā вihinri? Ajat вəjəŋācā вihinri."

Tarīŋnı зäвзinạ elalra; änŋäcān зūlrạwạ inạtcān. Ilī inạŋidu ŋənəsnən. Вụjụrən ähīlā. Tar ŋənəkānạm, ähäwạ icəttən. Tarīŋnı вəjəŋālitin ähäŋni. Tarīŋnı māttan. Mākānam зūtkījı ətəkənittən, зūlāj hittən. Änīlkān amīndulāj ụlgụcānittən gerkuзakku. Вəjəŋāwạ wəkindänạ icirạ. „Вəjəŋārạm, icirəm зuγunmanicım. Jaduk-da şurdak вəjəŋā вiwki-wit. Targacınma вəjəŋāram. Tarāwə tämī icänäзiŋāt зūrī," amīntıkī gụnittən mānạjī. Tāmīnīn təgəkānım ŋänähinзạcātin-i-wit, вəjəŋāзāklān ıscātın amīngalı. Iskānạm amīndukkı ụlgụmīttən-i-wit: „är jakun gärвụ вəjəŋāŋitin вittən? Sī sānrı—saγdī вəjə". Amīnīnзa ụlgụcān-i-wit: „Ähä", gụnittạn: „вəjəŋāŋit ärgạcin вittən. Ädụk зụlāskī äwärākạl вəjəŋārạ—surdak вəjəŋā".

Tarīŋar зūlāwạr ämụwcātin-i-wit. Tarīŋar innəl, ämụwkil зūlāwạr kantirāduwạr innəl. Зūwar ehıwra. Tarīw ehıwraktın, atīrkān вimī ụrụncən-i-wit, ätirkāntikī atırkān tụrācilcā: „Ụtət вəjəŋkānam ụliŋāt ōdan, amgaduwar зəpŋātil ōddap, ụtət вəjəŋālrạn, ụtəwụr äзälin вaldıra omıtnal вinkitirəp. Aridākil вinkitirəp, зəmụnəl вinkitirəp. Tikin ụtəwər ägdiŋālcālān, ụtət вəjəŋālrạkin, зəвdāwạr вakātəlrəp, tarīt ädụk зụlāskī amŋawar вakatiŋātil вihip-i-wit. Hụtət ajat gerkurakīn зəвdāt ụliŋāt вụdəlāt irgitŋāt-wit." Är ụtə вimī amīndukkı ụlgụmīlcān-wit: „Mụtkạcin вəjə вihin вiзạŋnā sānrī вıgrazīn. Targacīn вəjəjə, вihikin, вakaldıdāj əjācim, icidāj əjācim. Sānrī surakcan dōldıcās вıgrazın", amīndukkı ụlgụmīcạkin tụrānīn, ụlgụmīзicā-wit. Amīnīn ụtətkī ulgụmīlcān-i-wit: „är dulın вuγa ojodun вi sārīw araj daγalı ācın, вılır ädär вiŋạhiji araj dōldınkıttam, gorolō dōldınkıttam mụtkacın вəjəl вihi, gụnnəl səhərgjəkittərə. Tālā mụtkạcin вəjə, sohujācın вəjə, ähin iscā вuγa, goro вuγa, gụninkittạra, alganзī вəjə ähin ısca вuγa. Tālā kəjən ätän ısca, ŋənəcālizạŋāni. Tar вuγawa araj sohulkān вəjə ıhımcā, mụtkạcin jekun-da ācın вəjə kəjən äŋātin ısca".

Отец будучи сказал: „Этот зверь", сказал: „Зверь наш. Теперь вперед добывай такого". Те будучи потащили (тушу) домой. Домой принесли. Когда принесли, старуха будучи обрадовалась. „Сын добыл? Хорошо добыл".

Того ели три дня; ночевал два дня, жил. На третий день пошел. Промышлял теперь. Идя, медведя увидел. Тот зверь медведь. Того убил. Убивши, домой побежал (быстро), домой (вниз по реке) пошел. Матери, отцу рассказал о том, как ходил. Зверя кричащего увидели. „Промышлял, увидал какой есть. Отчего страшный зверь бывает? Такого добыл. Того завтра пойдем смотреть вдвоем". Отцу сказал о добыче. Утром вставши, пошли, к месту зверя дошли с отцом. Дойдя, у отца спросил: „Это какое имя зверя? Ты знаешь—старый человек". Отец сказал: „Медведь", сказал: „зверь такой бывает. Отсюда вперед не промышляй — страшный зверь".

Те домой пришли. Того таща, домой пришли, на спине таща. До дому донесли. Когда пришли, старуха будучи обрадовалась, старику старуха сказала: „Сын промышляя, могущим кормить стал, во рту могущими есть стали. Сын начал промышлять, если бы сына не родили, голодными бы жили. Голодными бы жили, голодая бы жили. Теперь, после того как сын вырос, сын когда стал промышлять, пищу найдем (с пищей стали), поэтому отсюда вперед пищу найдем (с пищей во рту можем быть). Сын хорошо когда бродит, чтобы ели (мы), кормильцем до смерти (нашей) можем вырастить". Этот сын будучи отцу рассказал: „Как мы, человек будет, может быть знаешь. Такого человека, если (он) есть, найти прошу, посмотреть прошу. Знаешь, далеко слышал, может быть", когда сказал слово отцу, спросил. Отец сыну рассказал: „Этой средней земли на поверхности я знаю (по моим сведениям) не близко, давно, когда парнишкой был (я), чуть слышал, давно слышал. Подобные нам люди имеются, говорят, разговаривают. Туда подобный нам человек, небойкий человек не дошел (до) земли, далекая земля, говорят, ногою (пешком) человек не дошел. Там заблудился, не смог дойти, идя. Той земли (до того места), если бы неловкий человек пошел, подобно нам, ничего не имеющий человек, заблудился, не смог дойти".

Tarān nuŋan dumajsecān-i-wit. Sūlrāmaktu, sūlrąmaktu dumajsakānąm, amīndukki ųlgųmīlcąn-i-wit: „Tarīldulā ŋənərīkiw, ōn bisiŋąn? Ŋənəmī, bakamcāw-da, nuŋnirąkis". Amīnīn bimī ųmųn iniŋi kaltukāmaktun dumajsəcān əhīlə. Tāduk dumajsekānąm ųtətkiji turącilcąn əhīlą: „ųtə", gunsicąn-i-wit: „Si tar buγalā ŋənərəkis, bu ədu əmnąkąnąm buŋątil bihiw. Si nān ŋənərəkis, tarīt āhikis ŋənərą, ōn bisiŋąn. Ādąs ŋənərą äjącicim". Ųtən bimī turącilcąn-i-wit amīntikiji: „Bi emī daganı ŋənədąj nikrąm". Ānīnīn bimī: „ākąl ŋənərą", gūttən-i-wit: „si ŋənərəkəs, bū sagdancal səbdąwąr ānąl bakatırą, ominakānąm buŋątil bihiw, tarīt munąwą karajkal". Tar gunсąlątin ųmnąkąn ānŋəttąn sūduji. Ānŋəkānąm āhilə, təmīnīn təgəkąnąm, ŋənədąj nikilcąn-i-wit, ānīlkan amīnmı turąnmąn ānä dōldıra. Ŋənədąj nikilkānąm ānīndukki ųlgųmīlcąn ihīlə: „Tərgəksəjəw tətiwucinri-da, səbdąw irgihəjəw irgiwucinri-da".

Tur ŋənəhəlrąkin, ŋanmakāmi təttiji təticąn āhīlą mētakāmı awunmī təticąn āhīlą. Ŋənəhindąj nikilcą āhīlą. Ŋənəhindąj nikilkānąm āhīlą ānīlkąn, amīndukki ųlgųmīlcą: „Ŋənəskəm, irīklą ŋənəmī bakazıŋąw, ŋuŋnikąl". Amīnīn bimī: „ānä dōldıra ŋənəmī ār dulīn buγadut rāsnəj surdakıl bihi", gųttą: „targacıra bakalsıŋās. Tarīkın uha bisiŋān. Tarākın si ŋənərīwəs āhin ālākiŋra". Ųtən bimī gunittən-i-wit: „ųmųn umukta īdų-dą ŋəni, bųdin sın ųmųn. Tarīt āhikis taganı ŋuŋnirą, ŋənəcim". Amīnīn bimī, dumajsacān-i-wit. Dumajsakānąm, turącąhuncąn āhīlą: „ār bıragar dərəklān ŋənərəkis, āgdiŋa ŋaŋıusalā dərəklān bıraŋıt. Tarīklā ŋənərəkis, bılır ädar biŋąhiji kejan äŋkittən tuktıra. Targacın surdak buγa. Tarāw sī kejan ātänri ŋənərą. Bī bılır turkąwcąw, kejan ācų ŋənərą, araj mindųk ųlųkər-gų bimī, ŋənəsiŋąs. Tar cājąklān, ŋənərəkis bihi; gūnəl, səhərgihinkittąw bılır bəjəl bihi, girkuktara bılır, səhərgəsrīwatin dōldınkıttan, surakatın tālā kejan ānkittām ısra. Goro buγa, gunittą. Elrākən ŋənəscikānąm turkawcāw, kejan ācāw ısra. Tarīt minduk ųlųkąbimī, ıscaŋah araj". Tar nikąkānąm ŋənəhincą āhīlą. Ŋənənəkin, atırkālkān ātirkąn soŋonol, soŋonol ämäpcątin

Biraŋı dərəjəklən tuksasahincā āhīlą. Ŋənəwkānsicąn āhīlə. Ahun-da anganī gorowo ŋənərīji ācā sārą. Sūlāji ŋənəsäwki tar nikąsiną. Biraŋı dərənmą ıscān-i-wit

---

Тогда он задумался. Два дня, два дня думавши, спросил отца: „К тем если пойду, что будет? Пойдя, нашел бы, если укажешь?" Отец будучи до полдня думал теперь. Потом, подумавши, сыну сказал теперь: „Сын", сказал: „Ты если пойдешь в ту землю, мы, здесь оставшись, сможем умереть. Ты еще если пойдешь (или) если не пойдешь, как будет? чтобы не шел прошу". Сын будучи сказал отцу: „Я, как бы то ни было, пойти собираюсь". Мать будучи: „Не ходи", сказала: „Если ты пойдешь, мы, состарившись, поесть не найдя, проголодавшись, должны умереть, поэтому нас прокорми". После того, как сказали, один раз переночевал дома. Переночевавши теперь, утром вставши, уйти собрался, матери, отца слов не слушая. Итти собравшись, отца спросил теперь: „Ровдугу (одежду) приготовь, поесть подорожники приготовь".

Так когда начал уходить, теплую одежду надел, из головной шкуры шапку надел теперь. Уходить собрался теперь. Уходить собравшись, теперь мать, отца спросил: „Идя, куда идя, найду, укажи". Отец будучи: „Не слушая, идешь, на этой средней земле разные страхи имеются", сказал: „Такие найдешь. Таков след будет. По этому следу твоего перехода (ходьбы) нехватит". Сын будучи сказал: „Одно яйцо где бы ни пропало, все равно одна смерть. Поэтому, если (и) не поведаешь, не укажешь, пойду". Отец будучи задумался. Подумав, сказал теперь: „К вершине этой реки если пойдешь, на большом гольце исток реки. Туда если пойдешь, раньше в молодость (мою) никак не мог подняться. Такое страшное место. Ты тоже никак не дойдешь. Я раньше подымался, никак не прошел, едва ли сильнее меня будучи, пройдешь. За ней (за горой) если пройдешь, говорят, слышал рассказанное (о том, что) раньше люди были, ходили раньше, рассказанное слышал ..... туда никак не мог дойти. Далекое место, говорили. Три раза подымался, никак не дошел. Поэтому, если сильнее меня, может быть дойдешь". Тот, собравшись, пошел теперь. Когда пошел, старуха, старик плача, плача остались.

На истоки реки побежал теперь. Шел теперь. Сколько лет, долго (ли) шел, не знал. Домой итти (иногда) пытался. Вершины реки достиг,

Tar soŋorokın, ätə äməcə̄. Ətə gụncạ̄: „tụγạ̄nilвạr taŋmätkạ̄r!“ „Aŋı“, gụncə̄: „taŋmācıŋāt“ gụncạ̄

Tāduk narga äməcā. „Narga tụγạ̄nīlвạr taŋmātkār“, gụncạ̄. Kumacān äməcān. „Tụγạnīlвạr taŋmātkār!“ „Aŋı taŋmātcāt“ guncạ̄ „Tikin-ti, tikin taŋmätkär“, gụncạ̄. „Aŋi, gạ, taŋmātkār“, gụncạ̄: „si nām вargıdālān mudan tụγạ̄nīlbi kolвokol“, gụncạ̄.

Ətə, narga, kumacān upkacın ụmụndụ cakıвcāl. Nām вargıdālān mudan aзas (?) daγawalın зapkan ətə ṇụ̄cạ̄. Зə, tar ətə ojolīn, dılīn ojolīn taŋcā „ụmụn зut, ụmụn зut“ gụncạ̄. Ətə dılīn ojolīn nām вargıdālān mudan tuksacā. Ətə gụncə̄: „ụhạkə taŋanrı, ṇān ajat taŋзawkaγın, taŋзawkaγın. Aŋıkạl taŋdạj-da“, gụncạ̄. Dupkulı sulakī ätəkə̄ncạ̄. Sulakī gụncạ̄: „ətə, sergıgda, muka mukıs“, gụncạ̄. Ətə gụncạ̄: „Sulakīmīkān ụlə̄ktuj dawunrı.“ Зə! ətəkə̄ncạ̄. Tar ŋənəkạ̄m, akīndulājı ŋənəcạ̄. Tar ŋənəkạ̄m akīngalıjı вilcạ̄. Tāduk akīngalı зūn ŋənəhincạ̄. „Akaj“, gụncə̄: „вi ıstaŋalāзạm“.—„Mānrı äkạl ıstaŋalārạ“, əhigdikạ̄n gụncạ̄. „ätə̄m mārạ, ätə̄m mārạ, ıstaŋalāktạ“, gụncạ̄. Istaŋalācā, änä dōldıra. Tar ıstaŋalākām, „celgen ənə, celgen ənə, gụncạ̄. „Jänri, jänri?“ gụncə̄. „Akaj, akaj, halganmı cılkattam“, gụncạ̄. Зə! akīnīn celaskadu ırıhıncā. Tarīt ırзacā akīnīn, ụlgụmīcạ̄: „īdụ ānŋəзāt“.—„Akaj, akaj“, gụncạ̄: „kopıtalgejadu ānŋəŋnạwar“, gụncạ̄. „är jama вuγawa ŋənəзərəp“ akīnīn gụncạ̄. „Belgalgıjawa ŋənəзərəp“. Tāduk ŋənəзicạ̄l. Ụmən вuγalā ıskānam. „Jema вuγalā ıssap?“ gụncạ̄ akīnīn, nəkụ̄ndukki ụlgụmīcạ̄. „Dulılgıjawa gụniwạtin ısrap,“ gụncạ̄. Tartı ŋənəзəcạ̄l. Akīnīn ụlgụmīcạ̄: „īdụ ānŋəзā?“—„Akaj, akaj ädụtı-da ānŋəgār?“ gụncạ̄. Akīnīn ụlgụmīcạ̄: „är nī gərвin?“—„Ər kopittalgı gərвın“.—„Gä! ədu ānŋəgār“. Tādu ānŋəcāl. Tadu ānŋəkām вicə̄l. Nəkụ̄nīn mōjajı mōlācā. „Alganmı magaranrı, äkəl mōlārạ“, akīnīn gụncạ̄. „Aja вiзạn, aja вiзạn akaj,“ gụncạ̄. Ələ tālā ŋənəkạ̄nam, mōwa tok-tok iktəcạ. Akīnīn alaзakān alacā. Tar alacā, tarā ācīn da ācīn. Gạ, akīnīn alatkam alвakam, gələ̄ktəcạ̄. Ụmụn вuγadu mōwa əŋnisạkạ̄n

---

Так когда плакала, медведь подошел. Медведь сказал: „Народ давай считать!“ — „Хорошо“, сказала: „давай считать“, сказала. Потом тюлень пришел. „Тюлень народ давай считать“, сказала. Нерпа пришла. „Народ давай считать“. „Хорошо, давай считать“, сказала. „Вот сейчас давай считать“, сказала. „Хорошо, ну, давай считать“, сказал: „Ты на том краю моря народ собирай“, сказал.

Медведь, тюлень, нерпа, все вместе выстроились. На противоположной стороне моря конец, до ближайшего берега медведь вышел. Вот! медведя по головам начала считать: „Один, два, один, два“, говорила. Медведя головы по макушке на другой конец моря побежала. Медведь сказал: „Плохо считаешь, еще хорошо пусть посчитает, посчитает пусть. Ну-ка, подсчитай“, сказал. По головам лиса побежала. Лиса сказала: „Медведь песок.... (ругательное слово)“, сказала. Медведь сказал: „Лисица завралась (в обман попалась)“. Вот! убежала. Та, идя, к брату старшему пришла. Та, придя, с братом стала жить. Потом в дом брата пошла. „Братец“, сказала: „Я побегу“. „Убьешься, не беги“, Эхигдыкан сказал. „Не убьюсь, не убьюсь, побегу“, сказала. Убежала, не слушая. Та, убежавши, сказала: „..... (ругательное. слово)“, сказала. „Что делаешь, что делаешь?“ сказал: „Братец, братец, ногу сломала“, сказала. Вот, брат потащил ее на салазке. Таким образом тащил брат, спросил: „Где заночуем?“—„Братец, братец!“ сказала: „там, где съедобное хранят, заночуем“, сказала. „Это по какому месту идем?“ брат сказал. По горлу-глотке идем“. Потом шли. До одного места дойдя, „до какого места дошли?“ сказал брат, от младшей (младшую) спросил. „До середины сказанного (до половины того места, о котором говорила) дошли“, сказала. Опять же пошли. Брат спросил: „Где заночуем?“ — „Братец, братец, здесь и заночуем“. Брат спросил: „Это как называется?“ — „Это место, где хранят съедобное“. — „Ну, здесь заночуем“. Там заночевали, там заночевали. Младшая (лиса) дрова носила. „Ногу сломаешь, не носи дрова“, старший сказал. „Хорошо, хорошо будет, братец“, сказала. Только туда придя, дерево ударила (поколотила). Брат ждал, ждал. Ту ждал, нет, да нет. Вот, брат, не могши дождаться, пошел искать. В одном месте, дерево рубнув,

вакасā. Sukaji ābinmān dərbās iktəcā. Dərbəs, iktəkānam, ātəkāncā. Akīnīn tarīni gələləcā. Gələkām, gələkām, umun buγadu вакасā zūwa. Tar ŋənəzənā īstanmi dōlin camukcānmą dəlbi sincā. Zə, tar ваказакin, вalagan-zū вicą. Tar вalagan-zūlā icą. Umən atikān ələn вicą. Tādu sulakī sōma kətə вicą. Zə, sulakī akīnīn atikānmą ələkəncə. Istanmi cuŋucā. Zā tarīŋni mōstalān camutkār dālbi tikcāl atikān ələldəcə. Zə, sulakīlвa ahaktalcā. Tar ahaktazarakin вalagan munukīān, sulakī iŋanincā Iŋacą sulakī. Sulakī iktən ajupcā вicą. Iŋacą hajupcā iktątpi „Ihi-ihi-hi, ihi-ihi-hi! guncə atikān ələldərəkin, iŋącą. Akīnīn tar iŋarąkin, вakacā. Akīnīn вakakām idakaca. „Akaj, akaj, ątārąm", guncą: „ākal idakana, вi sindu ajawa əmubząw", guncą. „ēwa āmubząs? jakunma ajawa āmubząs?"—„Je, akaj, akaj, kaγankān unātpān āmubząw". Zā, tarīt ŋənəhincāl. Kaγankān unātpān gālnəcą. Gā, tarīt kaγankāndulā ŋənəcą. Iskām, guncą: „Kaγankān, unātpi būkal," guncą. Ətikąn dōldicā: „Atikān, jakun nikərən?" guncā: „āhip cārą, jakun nikərən bolo," guncą. „Zā, kaγankān unātpi būkəl", guncą. „Tāwsinikā, tāwsinikā," atirkān guncą. „Jakun nikərən?" Ətirkąn guncą. „Gą, unātpar būmą-ja-dą", guncą. Tarīt ŋənəwuhincą. Ātirką būcą.

Akīndulāj ihiwcā. „Ar āmuwrą, akāj, akāj," guncą. Tarīt вilcāl. Tar вilkām, „ororвor pastuktakta," guncə. „Ə, pastuktaza," guncą. Tar pastūktu ŋənəhincą, sōma gorowo вicą. Tar əməcą. Tar əməkąnam guncą: „Akaj, suunikānmą suunira," guncą: „akaj, akaj, icąnāγār," guncą. Tar ŋənəhincāl. „Dagamalrap ororвor," guncə. „Ahun ōdan?" guncą akīnīn „Təγər icąulrą," guncą: „bī ədu emapukta?" guncą. „Ahun gorolō iciwrą?" guncą akīnin.—„Tar daγadu iciwrą," guncą nəkūnīn. Akīnīn ŋənəcą, orordulāj iscā. Oronin diligda вicā, diligdaltin ijəgdaltin вicą. Taduk akīnīn kunicā. Sulakī amaskī ūzalıji ujəncə. Akīnīn ahālca, kunina, ahalcā, sulakī sūjāj iscā, kunin icą. „Akaj, akaj", guncą: irgiliw ətə uzikcān ujkal", guncą. Akīnmī gūnan: „ətəj, ujkal". Əkīnīn ujrən. Sulakī ətəkānən. Akīnīn sūlāji əmərən. „Sulakīwa ēda āhinri zawara?" gūnənl „ēda zawazam".—„Ororвor sulakī cista zəвcā", gūnən.

нашел. Древко топора расщепил. Разбившись, древко отскочило. Брат ту стал искать. Искавши, искавши в одном месте нашел юрту. Когда шел, в штаны бурундук быстро заскочил (засунулся). Вот когда нашел, та юрта балаганом была. В тот балаган вышел. Одна старушка менеричка живет. Там очень много лисиц. Вот брат лисы старуху вспугнул. Штанами шевельнул. Вот оттуда на пол бурундуки упали, старуха вздрогнула (спугнулась). Вот лисиц начал гонять. Когда загнал в угол балагана, лисица засмеялась. Смеялась лисица. Лисицы зуб сломан был. Смеялась сломанным зубом. „Хи-хи-хи! Хи-хи-хи!" сказала. Старуха когда вспугнулась, засмеялась. Брат, когда та засмеялась, нашел. Брат, найдя, стал бить. „Братец, братец, не буду", сказала: „не бей, я тебе хорошее принесу", сказала. „Что принесешь? что хорошее принесешь?"—„О братец, я тебе дочь царя приведу". Вот так пошла. За дочерью царя пошла. Ну, к царю пошла. Дойдя, сказала: „Царь, дочь отдай", сказала. Старик послушал: „Старуха, что собирается (думает)", сказал: „не знаем, что собирается (она делать)", сказал. „Ну, царь, дочь отдай", сказала. „Попрыгай, попрыгай", старуха сказала: „что собирается?" Старик сказал: „Ну, дочь отдадим", сказал. Ту повела. Старик дал.

К брату привела. „Вот привела, братец, братец", сказала. Стали жить. Так живши: „Оленей буду пастушить", сказала. „Ну, карауль", сказал. На пастбище пошли, очень далеко было. Пришли. Придя, сказала: „Братец, осы роятся", сказала: „братец, пойдем посмотрим", сказала. Пошли. „Подходим к оленям", сказала. „Сколько стало?" брат сказал. „Сидят (олени) видно", сказала: „Я здесь к чему?" сказала. „Сколько далеко видны?" сказал брат. „То близко видны", сказала младшая (лиса). Брат пошел, до оленей дошел. От оленей (одни) головы были, головы (да) рога. Потом брат свистнул. Лиса обратно по следу отошла. Брат стал преследовать, свистя преследовал, лиса до дому дошла, свист слышен. „Братец", сказала: „братец, на хвост жир медведя привяжи", сказала. Сестре сказала: „Старуха, привяжи". Сестра его привязала. Лиса убежала. Брат домой пришел. „Почему лису не поймала?" сказал. „К чему ловить?" — „Оленей лиса начисто съела", сказал.

Sulakī, ŋ̣ōncaзana, āhäkạ̄wạ вakaldıra. Əhəkạ̄ gụ̄nən: „ätạŋnäj sulakī ēduk вakanrı," gụ̄nən. „Əj əhəkạ̄," gụ̄nən: „irgiji cukācạm ətạ ottan. Sī ŋ̣ān, əhəkạ̄ irgiji cukācạkạl mụ̄lạ̄," gụ̄nən. Əhəkạ̄ вimī cukācərən. „Gilriki! gịlriki! nıka," gụ̄nən: „gilrimītti kahın gilrimi." Ətạ nụ̄ttən: „Bụзilrạm! вuзilrạm!" gụnən.—„Aja вiзạn! aja вiзạn!" gụ̄nən. Tarīt əhəkạ̄ elran. Sulakī ŋ̣ōnan. Əhəkạ̄ irgiji icərən. Irgin toŋorgoron. „O sulakīmīkān вokom, вokonзo", gụ̄nān, ahamacılran. Tarīt вụrirən.

Лиса, убегая, медведя встретила. Медведь сказал: „Жир лиса с чего нашла?", сказал. „Ой, медведь", сказала. „Хвост опустила, жир стал. Ты тоже, медведь, хвост опусти в воду", сказала. Медведь опустил. „Холодно, холодно, маленькая", сказал: „Холодно, очень холодно". Медведь выскочил. „Пропаду, пропаду", сказал. „Это хорошо, хорошо", сказала. Медведь встал. Лиса подумала. Медведь на хвост посмотрел. Хвост оторвался. „О, лисица, найду, найду", сказал, стал преследовать. Таким образом пропал.

А. П. Козловский

СКАЗКИ ТУНГИРО-ОЛЕКМИНСКИХ ЭВЕНКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Приводимые здесь материалы были собраны мною летом 1934 г. в командировке от Ленинградского отделения Учебно-педагогического издательства в Тунгиро-Олекминском районе Витимо-Олекминского национального округа.

Записаны они от следующих лиц:

Сахаров, Петр Николаевич — 19 лет, секретарь комсомольской ячейки, весною 1934 г. окончил районные курсы ликвидаторов неграмотности; до поступления на курсы был неграмотным.

Сахаров, Павел Васильевич—22 лет, член комсомола, ликвидатор неграмотности, активный, энергичный общественный работник.

Максимов, Иван Павлович — 27 лет, малограмотный, бригадир в колхозе.

Глазиров, Дмитрий Дмитриевич — 25 лет, член ВКП(б), активный советский и колхозный работник. Был председателем Тунгиро-Олекминского районного исполкома; член правления колхоза и член райисполкома.

Как в этой командировке, так и во время пребывания моего в Якутии в 1931—32 г. я встречал очень мало эвенков, знающих сказки и предания. С каждым годом становится меньше стариков-сказочников. Молодежь, в лучшем случае, хранит только обрывки и, по словам стариков, мало интересуется сказаниями и сказками. Встречались старики, уже в течение целого десятка лет и больше не имевшие случая передать свои сказки. Несомненно, что древний эвенкийский фольклор исчезает на наших глазах. Приводимые здесь сказки отрывочны и достаточно характеризуют свое отмирание.

I. P. Maksimov. Ṇéṇugā

1. Nimŋakān

Bilir вicə̄n ətirkə̄n də atirkānin. Зəmū̄зəcə̄l вicə̄l. Ekun-dā зəpgə̄tin ācin вicə̄n. Bəjə, hụŋtụ mata, nuŋardulātin зəmū̄зərī̄ldụlə̄ əməcə̄. Tarвājə ụlụkī̄lwə əmụwcə̄ ụlləlwətin.

Ətirkə̄n gū̄cə̄ atırkānmi: „ụləkəl зəpdə̄wər!" Atırkān ụlə̄cə nadan зār ụlụkī̄wə. Ụlə̄ksə̄kī̄l зəpilcə̄l. Ətirkə̄n kətətmərwə зəpcə̄ atırkāndukkı. Atırkānīn gū̄cə̄ ətirkə̄nmi:

И. П. Максимов. Ненюга

1. Сказка

Давным-давно жили старик и старуха. Проголодавшиеся жили. Никакой пищи у них не было. Человек, чужой богатырь, к ним пришел к голодающим. Тот человек мясо белок принес.

Старик сказал старухе: „Свари, чтобы кушать!" Старуха сварила семьдесять белок. Сваривши, стали кушать. Старик больше старухи с[illegible]

„Əŋəni ʒəpʒənni“. Ətirkən gu̯cə: „Ʒəmu̯nəwi вokoncuʒam“. Tāduk ʒəpiksən gu̯cə hu̯ŋtu̯t: „Ekun-da əduk-tə əməʒən“. Atırkān gu̯cə: „Ʒəmu̯-da sō“. Ətirkən gu̯cə atırkānmı: „Si hu̯ru̯dəwi hu̯ŋtu̯ldu̯lə!“ Atırkānīn gu̯cə: „Ilan anŋanīlı icəldiʒiŋət. Təli sindu̯ вu̯ʒiŋəw ēkuna-wal!“

Ilan anŋanīwa вicəl hərəkəltə. Atirkānīn icəlcə ətirkənmi. Icərəkin, ətirkənīn sō sagdacā. Ətirkən gu̯cə: „Ulgu̯cənʒəkəl, ōn вiʒənni!“ Atırkānīn hanŋūcā ŋān ətirkənmi: „Ōn вīʒənni?“ Ətirkən gu̯cə: „Uhat вiʒəm“. Atırkānīn gu̯cə ətirkənmi:

„Bilir aja вiŋkis. Ōn tikə ōnni?“ Ətirkən gələlcə atırkāndukki: „Mindu̯ вu̯kəl ēkuna-wal“. Atırkān вu̯cə oronmo ətirkəndu̯wi: „Orontoʒokol!“ Ətirkən gu̯cə: „Əʒəli вu̯rə, ʒəpʒiŋəw. Kə, si ŋənəʒəkəl, hu̯ŋtu̯ldu̯lā вəjəldu̯lə, hu̯ru̯dəwi!“ Atırkānīn təli gu̯cə: „Əŋnis ajat minə nəkərə“.

Gorokōrwə вicə atirkān hu̯ŋtu̯ вəjədu̯. Bəjəŋin ətirkənmə вakalıwkī вicə. Ətirkən gu̯cə: „Atırkānmı gacā вihinni. Mindu̯ ēkuna-wal вu̯kəl. Ʒəmu̯ʒəm“. Bu̯cə вəjəŋin ətirkəndu̯ tunŋa ʒārwa̯ solkowajwa. Ətirkən gu̯cə: „Aja вu̯nni. Bi ŋənəʒəʒəlim garaltıkākī, u̯rəltikākī. Minə okın-da ətərəs вakara. Minŋiwə gıramnawāw ʒəpʒi. ŋətin. Bi вu̯ʒiŋəw ekun-da əkīttu̯n ŋənərə“. Targacīn ətirkən, hu̯ru̯ksən, u̯rədu̯ вu̯cə.

Okın-mal ŋənəmkīcīldu̯wər icəʒiŋəhu̯n, targacın ətirkən вu̯ʒəkwən.

Tara mindu̯lə cipkācān, əməksək, ulgu̯cəcən.

* * *

2. Ʒəptigir

u̯mu̯kən əwənkī вicə, nadan ʒār-wa̯l anŋanīŋıcī. Omolgīn вicə. Tar вiʒənə omalgīduwı atırkānan gānnāhicā ʒəptigirduk. Ʒəptigirdu̯lə ıhīksak, omolgīduwı maŋaracā. Tar maŋarakīn, ʒəptigir hunātwar вu̯cəl. Tar вu̯rəktin, əwənki вugatkākīwı nu̯lgihicə.

зала старику: „Сильно ешь“. Старик сказал: „Голод нагнал“. Затем, съевши, сказал по-другому: „Ничто с этих пор не придет (ничего не случится)“. Старуха сказала: „Голодно очень“. Старик сказал старухе: „Ты уходи к другим“. Старуха сказала: „Через три года встретимся. Тогда я тебя дам что-то“.

Три года жили врозь. Однажды старуха увидела старика. Когда увидела, старик ее—старый-старый. Старик сказал: „Рассказывай, как живешь?“ Старуха тоже спросила старика: „Как живешь?“ Старик сказал: „Плохо живу“. Старуха сказала старику:

„Прежде хорошо жил. Как таким стал?“ Старик стал просить у старухи: „Дай мне что-нибудь!“ Старуха дала старику своему оленя: „Возьми оленя!“ Старик сказал: „Как только дашь, съем. Ну-ка, ты поди, уходи к другим людям!“ Старуха тогда сказала: „Нехорошо мне делал“ (со мной поступал).

Долго жила старуха у другого человека. Ее муж старика повстречал. Старик сказал: „Ты мою старуху взял. Мне что-нибудь дай. Голодаю“. Человек дал старику пятьдесят рублей. Старик сказал: „Хорошо дал. Я уйду далеко в тайгу. Меня никогда не найдете, кости мои съедят. Я умру там, где никто не ходит. Тот старик, ушедши, в тайге умер.

Когда-нибудь там, где вам придется ходить, вы увидите того старика могилу. То (о том), ко мне пришедши (прилетевши), птичка рассказала.

* * *

2. Дёптигир (род людоедов) [1]

Один эвенки был семидесяти лет. Сын его был. Так живя, отправился (он) взять своему сыну жену от Дёптигиров. До Дёптигиров дойдя, сыну сосватал. Когда сосватал, Дёптигиры девушку свою отдали. Когда отдали, эвенки домой откочевал.

---

[1] Сказания об эвенках-людоедах встречаются в разных районах расселения эвенков. Обычно людоеды называются Iləti (человекоед), əwəti (эвенкоед), ʒəwupki (поедающий). В слове Ʒəptigir к слову ʒəpti (поедание) добавлен суффикс принадлежности к организации — -gir, образующий название рода.

Tar nulgizənə, ədələwi bugawi ista opet səptigirwə bakacā. Tar bakarakin səptigir omolgīduwar tar əwənkiduk hunātwan gələlcāl. Tar səptigir gələrāktin, əwənkī hunātwi būcā səptigirdu. Hunātwi būksāk, əwənki bugatkākīwi nulgihicō. Bugawi isca. Bugawi ihīksāk, bugaduwi bilcā. Tar bīzənə bugaduwi, doldica, hunātwi būnədun səptigirdu, hunātwan əwənkīgiwə səptigir kukinmər səpcāl. Tar əwənki doldiksak hunatwi səpnəwətin səptigirtikākī nulgihicō. Tar nulgizənə, bugawatin ədələwi ista kutətwi bakacā. Tar bakaksak, əwənki hanŋūktalca: „Eda hunātwaw səptəs?" Tar kutətin gūcā: „Bu əcəlwun səptə. Nugan mānsīwi bucōn". Tikā gūnəkin, əwənkī hunātwi bucātki sūlāwi hurucō. Tar kutətinunmi matanca sūr bēgawa. Tar mataŋīksak, ujōtcā. Ujāciksāk, ŋənuhicā opet bugatkākīwi. Tar ŋənusənə, bakacā səptigiŋkurwə. Araj tarīgīn kukinmi ganan omolgīduwi. Tar bakaksak, swatwi, kukinin amīnduläwi irəməcā. Tar irəməksək amīndukki, əmupcō sawgumakan hutakācanma. Tar əmuwuksāk, cōgalduwi nācā. Tar nārākin, bəjəgin hanŋūktaca: „Ekunma əmuwunni amīndukki?" Ahīn gūcā: „Hətəmikānmə əmuwum amīndukki". Tikā gūnəkin, bəjəgin ətəcā hanŋūktasamī. Tar tikā nəkəsərəktin, luŋur ōcā. Aturkanan duŋətuəl ahicāl. Araj-ka äsaraktin, ekun-ka ŋösaran. Bəjəgin ahīdukki hanŋūktacā: „Ekun ŋösaran?" Ahīn gūcā: „Əcəw sarə". Bəjəgin ətəcā hanŋūktasamī.

Dolbo mēlcā bəjəgin. Ərəgər somat ŋösaran. Tar bəjəgin ŋöktaca ahīwi amŋawān. Araj-ka amŋadukīn ŋō əməsərən. Tar bəjəgin ahīwi sāriwcō: „Ēda amŋadu'īs amusaran?" Ahīn gūcə: „Əŋūjəduk (h)ətəmīkənmə səpnəw ŋösaran". Tar tikā gūnəkin aturkānmi, bəjəgin ər əmtildukki əmuwnəwən (h)utakācānmə icəcā. Dolbo bəjəgin icəcā, araj-ka hutakācāndu aturkānīn cipcicasaran sulumkākī amun. Tara icəksək, bəjəgin ahīcā. Təgəltənə təgəcā. Tar təgəksək, əsəliwi cajiŋgi umnā, tuliskī amunnācā. Tar amunnāksak, aturkanmi icəcilcō. Aturkānīn, loskawi gaksak, tuliskī jūcā. Ŋənəcō bəjəŋgi amunnalān. Ŋənəksək, umkānsīwi bəjəŋgi amunmān təkəcilcō. Tar təkəcilləkin, bəjəgin bərkānsəwi garpacā. Tar ahīn nurkuncacā təgətcərimələwi.

Кочуя, прежде чем достигнуть дома, опять Дёптигиров встретил. Когда встретил, Дёптигиры стали просить у того эвенка его девушку для своего сына. Когда Дёптигиры попросили, эвенки девушку свою отдал Дёптигирам. Девушку отдав, эвенки на родину свою откочевал. На родину приехал. На родину приехавши, на родине жить стал. Живя на родине своей, услышал, (что) у Дёптигиров, которым он отдал свою девушку, девушку эвенкийскую, невестку свою, Дёптигиры съели. Эвенки, услышавши о том, что съедена его девушка, к Дёптигирам откочевал. Кочуя, прежде чем достигнуть их места, тестя встретил. Встретивши, эвенки спросил: „Почему дочь мою съели?" Того тесть сказал: „Мы не ели. Она сама умерла". Когда так сказал, эвенки в дом, где умерла девушка, пошел. С тестем прожил два месяца. Проживши, отошел (отделился). Отделившись, направился опять в свое место. Едучи, повстречал Дёптигиров. (от) Тех невестку взял для сына. Встретивши свата своего, невестка к отцу в гости пошла. Погостивши, от отца приняесла из рыбьей кожи мешочек. Принесши, в (женский) угол (чума) положила. Когда положила, муж спросил ее: „Что ты принесла от отца?" Жена сказала: „Женскую сумку принесла от отца". Так когда сказала, муж кончил спрашивать. Когда так сделали, настал вечер. С женой вместе уснули. Как только уснули, что-то запахло. Муж, у жены спросил: „Что пахнет?" Жена сказала: „Не знаю". Муж перестал спрашивать.

Ночью муж проснулся. Попрежнему здорово пахнет. Тот муж понюхал рот жены. Оказывается, из ее рта вонь идет. Тогда муж жену разбудил: „Почему из твоего рта пахнет?" Жена сказала: „Из материнской сумки съеденное пахнет". Когда так сказала, муж увидел ранее принесенный женой от матери мешок. Ночью муж увидел, вдруг жена его в мешок полным-полно экскремент складывает. То увидев, муж уснул. Утром встал. Вставши, до того как напиться чаю, отправился на двор. Оправившись, за женой стал смотреть. Жена его, ложку взявши, вон вышла. Пошла к тому месту, где оправлялся муж. Пришедши, ложкой стала разгребать. Когда стала разгребать, муж из лука выстрелил. Жена его споткнулась на том месте, где присела.

M. S. Abramow. Olokno

3. Turəciwki зahıkkān

Waṇa вicə̄ omolgīcān, ekun-da ācın. Aŋaзakān tar вiзənə, ōcā зūjawı murir amurзītın. Mōlāhıcā mōjawı. Mōn dagadu ācin вicə̄.

Tar mōlāзaṇa вakacā kulıjawa cıgranunma kuhiзərīlwə ılan anŋanīwa. Kulın gụ̄cə̄: „Mu̥nəwə awguja-wal wākal, ədə̄wu̥n ku̥hiзərə. Tar wāmī awguja-wal, dılwān koltalıdāwi, tādu ekun-mal вiзəŋə̄n“.

Tar omolgıcān dumajīlcā. „Ər awguja wāзaŋāw!“ Waṇa dumajcā, wādāwı kulındıgawa. Dumajīksak, kulınma wācā. Tar wāksāk, kulınma dılwān koltolīcā. Araj dıldun зahıkkān вiзərən. Tar зahıkkānma̧ gacā Waṇa, зūlāwı əmu̥wcə̄.

Зūlāwı əmuwu̥ksə, зahıkkānma̧ nīcə̄. Tar nīrəkin, зahıkkāndulā dōndulān omolgīcakān tu̥rə̄hinən: „Waṇuska, sindu̥ ekuna nada?“ Waṇa gụ̄cə̄: „Mindu mōjawi mōlādāw so goro“. Tar зahıkkān dondulān gụ̄cə̄: „Ərdə̄t [1] mōlas əmu̥wзəŋə̄w“. Tar Waṇa зahıkannīwı sōmca. Təgəltənə təgəcə̄, araj sō kətə mō. Tāduk Waṇa dumajīlcā: „Nada зūjawı ōdāw!“ Tar dumajīksak, зahıkkānnıwı nīcə̄. Tar nīrəkin, зahikkān dōndukīn hanŋūktacā: „Waṇuska, sindu̥ ekuna nada?“ Waṇa gụ̄cə̄. „Mindu̥ nada зūjaw“. Tar зahıkkān dondulān gụ̄cə̄: „Ərdə̄t, Waṇa!“

Tar tīkə̄ gụ̄nəkin, Waṇa зahıkānŋiwi sōmca. Somīksāk, amumaŋduwı зūduwı āhıcā. Təgəltənə təgəcə̄, araj зūn, sō aja зūn ōcā. Waṇa tar зūduwi вicə̄ u̥mu̥kə̄n вegawa. Tar вiksək, opet dumajīlcā: „Mindu nada atırkānaw“.

Tar dumajīksak, зahıkānmı nīcə̄. Opet зahıkān dondulān gụ̄cə̄: „Waṇa, sindu̥ ekuna nada?“ Waṇa gụ̄cə̄: „Mindu̥ nada atırkānaw“. Tar зahikān dondukin gụ̄cə̄

М. С. Абрамов. Средняя часть Олекмы

3. Говорящий ящичек

Жил Ваня, молодой парень, ничего не имеющий. Сиротой живя, построил дом из конского навоза. Отправился по дрова. Дров поблизости не было.

Рубя дрова, повстречал змея и тигра, дерущихся три года. Змей сказал: „Из нас кого-нибудь убей, чтобы мы не боролись. Если убьешь из нас кого-либо, то голову его расколи, там что-то будет“.

Тогда молодец задумался: „Кого же убью?“ Ваня задумал убить змея. Подумавши, змея убил. Убивши, голову змея расколол. Оказывается, в голове его ящичек есть. Тот ящичек Ваня взял, домой принес.

Домой принесши, ящичек открыл. Когда открыл, внутри ящичка молодчик заговорил: „Ванюшка, тебе что надо?“ Ваня сказал: „Мне за дровами (надо) итти очень далеко“. Тогда внутри ящичка сказало: „Сейчас дров принесу!“ Тогда Ваня ящичек свой закрыл. Утром встал, вдруг очень много дров. Тогда Ваня задумался: „Надо дом построить!“ Подумавши, ящичек открыл, ящичек изнутри спросил: „Ванюшка, тебе что надо?“ Ваня сказал: „Мне надо дом“. Ящичек изнутри сказал: „Сейчас, Ваня!“

Когда так сказал, Ваня ящичек закрыл. Закрывши в доме своем, сделанном из навоза, уснул. На утро встал, вдруг дом его очень хорошим домом стал. Ваня прожил в том доме один месяц. Проживши, опять задумался: „Мне нужна жена“.

Подумавши, ящичек открыл. Опять внутри ящичка сказало: „Ваня, тебе что нужно?“ Ваня сказал: „Мне нужна жена“. Тогда изнутри ящичка сказало.

---

[1] Употребляется у якутов в значении „сейчас“, „сию минуту“.

„Waŋa, ərdət atirkānas əmuwsəŋəw". Tar tikə gūnəkin, Waŋa sahikānmaŋ sōmcəi Tar sōmīksāk, sūduwi āhicā. Tar dolbo ōsarakin, hunāt, so aja hunāt araj əməcə. Wāŋəskali-raj āhicā. Waŋəska tarā atirkāŋawi gācā. Tar gaksak, Waŋa atirkanunm. bicō umukən begawa.

Tar bicājən Waŋəskali araj bəjə əməcə, huŋiu dunnəduk in. Tar bəjə Wāŋəskaduk hanŋūktacā: „Ər si atirkānmāw ēkunduk gacasi" Wāŋəska gūcə: „Bi mora bargidādukūn gacāw atirkānawi". Tar əməwki bəjə gūcə: „Ər minŋi atirkanmi". Tar tikə gūnəkin Wāŋəska gūcə: „Gākəl atirkānmi". Tar tikə gūnəkin Wāŋəska, bəjə əməwki amaskī gacā atirkānmi. Tar bəjə atirkānmi gaksak, amaskākī ŋanuhinsənə, Wāŋəskə sahikānmān soromoco. Waŋəskə mədəksək, ūsajalin tar bəjəwə ahalcā. Tar ahaliksak bokocō āŋŋətcərīwə hoktodu. Wāŋəskə tar āsarildulā ŋənəcə, qurmahicā. Tar ŋənəksək, sohikānmi āricilcə. Araj icəcə oŋoktodun, tar bəjə sahikanmaŋ oŋoktolīwi sajacā. Wāŋəskə dumajīlcā: „ōn nada oŋoktodukin gadāw sahikānmaŋ?" Araj dumajcā — təpərākōnŋən soromin birkə. Tar dumajīksak, təpərākōnmə gūcə: „Tar bəjəduk sahikānmaŋ soromokol!" Təpərākən, tar bəjəlō ŋənəksək, irgiwi dizəhicə kaltakalin oŋoktolin. Dilləkin, tar bəjə əksinihicə. Araj sahikān tulijalə ətəkənən Tar ətəkənəkin, Waŋa gacā, sūtkakīwi ŋənəzəhinən mən, sūwi-dat isca.

M. S. Abramow. Olokno

4. Öli

Öli bicə. Tar bizənə atirkānawi gacā, əwəmŋuwə. Atirkannunm bicə umukəndu umukən anŋanīwa. Umukən anŋanīwa biksək, öli bəjuhicə. Tar bəjuzənə bəjurwə gəjəwucə. Tar gəjəwuniksək, sūlāwi mucuhicā. Öli orocī bicə. Sūwi ihiksak, öli

---

„Ваня, сейчас жену тебе принесу". Когда так сказал, Ваня ящичек закрыл. Закрывши, в доме своем уснул. Когда наступила ночь, девушка, очень хорошая девушка вдруг пришла, к Ванюшке вдруг спать легла. Ванюшка ту женой своей взял. Взявши, Ваня жил с женой своей один месяц.

После того как прожил, к Ванюшке вдруг человек пришел, из другой земли. Тот человек у Ванюшки спросил: „Это ты мою жену откуда взял?" Ванюшка сказал: „Я с той стороны моря взял жену". Тогда пришедший человек сказал: „Это моя жена". Когда тот сказал так, Ванюшка сказал: „Возьми свою жену". Когда так сказал Ванюшка, человек пришедший назад свою жену взял. Тот человек, жену свою взявши, назад идя, ящик Ванюшки украл. Ванюшка, догадавшись, по следу того человека бросился вдогонку. Бросившись вдогонку, нагнал (того человека), ночевавшего на дороге. Ванюшка к спящим пошел, стал подкрадываться. Подошедши, ящичек свой стал кликать. Вдруг увидел, тот человек ящичек в ноздрю спрятал. Ванюшка задумался: „Как надо из ноздри его ящичек взять?" Едва только подумал, мышка-воровка случилась. Подумавши, сказал мышке: „От того человека ящичек укради!" Мышка, к тому человеку подошедши, хвост свой засунула в одну ноздрю. Когда засунула, тот человек чихнул. Вдруг ящичек наружу выскочил. Когда выпал, Ваня взял, к дому направился, домой пришел.

М. С. Абрамов. Средняя часть Олекмы

4. Ворон

Ворон жил. Жену себе взял эвенкийку. С женой своей жил вместе один год. Один год проживши, ворон на промысел отправился. Промышляя дикого зверя, сохатого ранил. Ранивши, домой пошел. Ворон оленей имел. Домой пришедши, ворон сказал жене своей

gū̯cə̄ atırkānmı: „Inəhənə̄kəl (ınəŋnə̄kəl) ororwar!“ Tarīŋīn cərụli. Opet gēpcā gū̯cə̄: „Ororwor inəhənə̄kəl!“ Ərəgər cərụli. Ilīpcā gū̯cə̄: „Ororwor inəhənə̄kəl!“ Tarīŋīn ərəgər cərụlı. Tar tikə̄ gụniksək, ororwı mə̄nin ınəhəcə̄. Inəhəksək, ʒūlāwı īcə̄. „Togowor ılakal!“ Gū̯cə̄ atırkanmı. Tarīŋīn cərụli. Gēpcā gū̯cə̄: „Ilakal togowor!“ Atirkānīn cərụli. Ilīpcā gū̯cə̄: „Togowor ılakal!“ Atırkānīn cərụli. Tar tikə̄ gunīksək, togowı mə̄nin ılacā. Togowı ılaksak, (h)ullawı nə̄ŋihicə̄. Araj-ka (h)ullahicā (h)ullawı. Tar ōli ʒūduwı ānŋətcə̄. Təgəltənə təgəcə̄. Təgəksək, ụgiskə̄kī dəgilcə̄. Ụgiskə̄kī dəgiliksək, ūʒajan mụjiktəlcə̄. Tar mụjiktəʒənə, uʒawān icəcə̄. Ər ŋənətcə̄kīn, tar ūʒajalın ahalca. Ahaʒana, вokocō ŋənəʒərīwə. Atırkānīn ụgidə̄lin ə̄rilcə̄. Tar ə̄riʒənə gū̯cə̄: „Ʒūlāwạr mucukal! — „Ərdə̄t dilacaŋŋas kajʒəlim!“

Tar ahī gū̯cə̄: „Əkəl kājjəl ekunas-wal sindụ ōʒıŋāw!“ Tar tikə̄ gụnīksə̄k, gū̯cə̄: „Tərgəmīləs ōʒıŋāw! Ōli gū̯cə̄: „Minŋi halgarwı majamal!“ Tāduk ahī gū̯cə̄: „Dərвəkijəs ōʒıŋāw! Əkəl kajja dılacawa!“ Oli gū̯cə̄: „Minŋi dılīw sụkəcəmə!“ Tāduk ahī gū̯cə̄: „Näljäs ōʒıŋāw!“ Ōli gū̯cə̄: „Minŋi tiŋənmi ʒəjəmə“. Ahī gū̯cə̄: „Nōŋamakina tawuŋnam“. Ōli gū̯cə̄ tikə̄: „ŋaŋir-kik!“ Ʒūlāwı mucuhıca ōli.

Wot əsītkə̄n ōli āmumakınma ʒəpʒərən.

D. D. Glaʒirow. Tuŋırıkān

5. Nimŋakān

Goro bilir [1] bicə̄ ətirkə̄n. Biʒəcə̄n atırkānīn. Ʒəmū̯ʒəcəl nälki. Ətirkə̄nīn gū̯cə̄ atīrkānmı. „Bi ụrụʒəlim bırakāndulā, tuksakīl hoktorōndulātın hụklə̄nə̄ʒəlim“.

Atırkānīn gū̯cə̄: „Ēda?“ — „Doŋotonōʒolım“. Hụklə̄ʒəcə̄ ətīrkən tuksakīl (h)oktorōndutın. Tuksakī əməcə̄. Tuksakī gū̯cə̄: „Ər ətirkə̄n tụrəwkə̄cə̄ (h)oktorondu“.

„Пойди приготовь, навьючь оленей!“ Та глуха. Опять вторично сказал: „Оленей пойди приготовь!“ Попрежнему глуха. В третий раз сказал: „Оленей пойди приготовь!“ Та попрежнему глуха. Так сказав, оленей сам пошел приготовить. Приготовивши, в дом вошел. „Огонь зажги!“ сказал жене. Та глуха. Второй раз сказал: „Зажги огонь!“ Жена глуха. В третий раз сказал: „Огонь зажги!“ Жена глуха. Так сказавши, огонь зажег. Огонь зажегши, одеяло свое стал искать. Постлал одеяло. Тот ворон дома ночевал. Наутро встал. Вставши, вверх улетел. Ввысь взлетевши, стал след (раненого зверя) разыскивать. Разыскивая, след увидел. Этого (зверя) след, по тому следу погнался. Гонясь, нагнал идущего. Жена закричала вверх. Крича, сказала: „Домой вернись!“ — „Сейчас солнце загорожу!“

Тогда жена сказала: „Не загораживай! Что-то тебе сделаю!“ Так сказавши, сказала: „Торгоми (специальное название обуви) сделаю!“ Ворон сказал: Мои ноги.....!“ Тогда жена сказала: „Шапку сделаю! Не загораживай солнце!“ Ворон сказал: „Моя голова — как топор!“ Тогда жена сказала: „Нагрудник сделаю!“ Ворон сказал: „Моя грудь острая“. Жена сказала: „Помёт соберу!“ Ворон сказал так: „Нянир-кы-ы-к!“ Домой вернулся ворон.

Вот теперь ворон помет ест.

Д. Д. Глазиров. Тунгирикан

5. Сказка

Давным-давно жил старик. Жила его старуха. Заголодали весной. Старик сказал старухе: „Я пойду к речке, на заячью дорожку пойду лягу“.

Старуха сказала: „Зачем?“ — „Пойду замерзну“. Лег старик на заячью тропку. Заяц пришел. Сказал заяц: „Этот старик заставил остановиться на

---

[1] bilir — употребляется у якутов в значении „прежде, раньше, давно“.

Tuksakī ərilcə salwı: „Əməkəllu bırakätkänqduk. Amīkākākun tqrəwkəcə". Zailn əməcəl — ilan zär tuksakīl əməcəl. Ətirkənmə qrqhəcəl zütkäkīn. Zülan ihwulcəl. Atırkändulän gücəl tuksakīl: „Əri ətirkənni doŋotocō hoktorönduwun". Atırkän gücə: „Ütəkəkurbi ajat bakara doŋkotocowo ətirkənməw. Zülä iwkəllu!" Atırkän qrkəwi qhikərzī qhitcə, ətirkənīn ilıŋnaran. Tuksakīlwa wäicəl. Umqkən tuksakī cucapcä. Atırkän iktəcə tuksakīwa sëndulin ollonziwı. Sënman koŋnohokī.

Sënin tuksakīŋı əhītkəndələ koŋnomo.

D. D. Glazirow. Tuŋırikan

6. Nimŋakan

Bilir bizəcən ətirkən də atırkän. Umqkändu bizəcəl. Ekura-da acir hicəl. Tar ətirkən səksəlwą ölcä. Tuksakīlwa səksəlnicə. Ələ səkunmą wäcä tuksakīwa. Ulləŋin kətəkün öcä. Tar ətirkən dəlkəniwi öca. Tädu dəlkəndu nəcə qllələwən. Atırkanīn qləcə. Ətirkəndqwi büciwki bicə. Ətirkənīn əwki zəptə. Dumaŋılcu (zaldaca: ətirkən. Diskäkī qrəkünmə hurqcəl. Täla himimkurüwa bakacal. Zaldalca ətirkən: „Ədu takin bihin". Atırkänduläwı gücə: „Ər täkınmą hətəkənzəlim. Ekun-ka özam". Täkınmą hətəkəcə. Hətəkəniksək, amīkän öca. Atırkännı gücə: „Hətəkəkəl! Si nän amīkan özıŋäs". Atırkänīn hətəkəcə—amīkan öca. Əhītkəndələ amīkar bizərə.

I. P. Maksimow. Tuŋırikan

7. Nimŋakan

Bilirkąkun ətirkən bicə. Atırkänīn bicəl zür. Söl sagdıl bicəl. Nuŋartin səmüzəcəl. Nuŋanŋın ılan oronīn bicə. Ətirkən zalduwi gücə: „Bəjudəw nada". Bəjuhicə qrətkəkī. qrədu tökīl üsalwatın icəcə. Ətirkən gücə „Timi əməziŋəw

---

дороге". Заяц стал сзывать товарищей. „Подите сюда с речушек. Дедушка (дорогу) загородил". Товарищи его пришли — тридцать зайцев пришли. Поволокли старика к его дому. Притащили домой. Старухе сказали зайцы: „Это твой старик замерз на нашей тропке". Старуха сказала: „Мои детки, хорошо, (что) нашли моего замерзшего старика. Вотащите в дом!" Старуха дверь ремнем привязала, старик ее встал. Зайцев начали бить. Один заяц убежал. Старуха ударила зайца по уху крюком. Ухо его почернело.

До сих пор ухо зайца черное.

Д. Д. Глазиров. Тунгирикан

6. Сказка

Давно жили старик и старуха. Вместе жили. Ничего у них не было. Старик ловушки начал делать. На зайцев ловушки поставил. Вот большого, очень большого, здоровенного зайца убил. Мяса много, много стало. Старик лабаз построил. Там в лабазе мясо сложил. Старуха сварила мясо. Старику дала. Старик не ест. Задумался старик. Обратно в лес ушли. Там брусничник нашли. Подумал старик: „Здесь бревно есть". Старухе сказал: „Это бревно перепрыгну, чем-то сделаюсь". Бревно перепрыгнул. Перепрыгнувши, медведем стал. Старухе сказал: „Прыгай! Ты тоже медведем станешь". Старуха перепрыгнула—медведем стала. До сих пор медведи живут.

И. П. Максимов. Тунгирикан

7. Сказка

Давным-давно старик жил. Две жены у него было. Очень старые были. Они голодать стали. У них три оленя было. Старик подумал: „Промышлять надо". Пошел за зверем в тайгу. В тайге следы сохатых увидел. Старик сказал: „Завтра приду

bəjurdulə". Timi əməcən bəjundulə. Bəjunmə bultallan. Nuŋan bəjunmə icəcə təgətcərïwə. Nurmahıcə. Nuŋanmən ŋurmaca, irəktəduk ıtıgaran. Pəktirənən — bəjun oŋkanan. Ətirkən tuksaran bəjunŋilə̄wi. Higillən bəjunŋiwi. Higrən, təlgəttən, nətirən, nannazïn dastan ŋlləwən. Əptilə̄wən garan. Ŋənəhinən sülə̄wı, ŋəlsənə əptilə̄wən. Sülə̄wı əmərən. Sŭduwi ŋlləgi səpillən. Səpsərəkin, togon inkərïzəwki. Ətirkən gŭnən: „Ekunma inkərïzərən?" Gıdalə̄ran togowı purtatwı. Ətirkən ə̄hinan.

Təgəltənə təgərən, togowı ılallan. Togon əwki səgdəllə əmərən atırkən — ēhan cokoti. Tar atırkən gŭnən ətirkənmi: „Tinəwə ēda gidalacə̄s ehawə̄w?" Ətirkən saldə̄ran. Atırkənmı gŭnən: „Oronmor gannə̄kal!" Atırkənïn əmuwrən oronmı. Ətirkən təpulïrən, sə̄ksəwən togodu uŋkurən. Togon səgdəllən.

P. Saharow. Gula

8. Nımŋakə̄n

Nonon bicə̄l bəjəl, Dukə̄jïl gərbicïl, umutəl halgacïl, umutəl ŋə̄ləcïl. Tarïl bicə̄l tunŋazə̄r, ŋənəsəcə̄l oktojoli. Bəjəwə naldıcə̄l, ŋənəsənəl, gərbicïwə Cınənəj. Cınənəj icəcə̄, Dukə̄jïl əməsərə. Kokollotwı garadancacə̄ tarïlwə. Tarïl gŭcə̄l: „Cijəkə̄cə̄nə kukə̄kïnun dəgrə". Tar Dukə̄jïl kokolbə nəldidukïn tikıwkıl dunnələ. Cınənəjwə sawalcə̄l Dukə̄jïl, kikcənəl iktəlsiwər. Cınənəj həgdikun bicə̄. Nuŋarwatın Cınənəj algarduktın koŋkocə̄ irəktəldulə̄. Cınənəj weswə wə̄cən.

за зверем". Назавтра пришел за зверем. Зверя стал промышлять. Он зверя лежащим увидел. Стал скрадывать. Скрал его, из-за лиственницы прицелился. Выстрелил, зверь упал. Старик побежал к зверю. Стал свежевать зверя. Освежевал, разрезал на части, сложил, его шкурой прикрыл мясо. Ребро его взял. Отправился домой, неся в руках ребро. Домой пришел. Дома мясо стал кушать. Когда кушал, огонь зашипел. Старик сказал: „С чего шипит?" Ткнул огонь ножом. Старик улегся спать.

Наутро встал, огонь стал разжигать. Огонь не горит. Пришла старуха, на глаз косая. Та старуха сказала старику: „Вчера зачем глаз мой уколол?" Старик задумался. Старухе-жене сказал: „Поди оленя возьми!" Старуха привела оленя. Старик убил, кровь его в огонь вылил. Огонь запылал.

П. Сахаров. Гуля

8. Сказка

Вначале были люди, Дукаями называвшиеся, с одной ногой, с одной рукой. Их было пятьдесят, шли по дороге. Человека встретили, идя, называемого Чинаной. Чичаной увидел: Дукаи идут. Рукавицей бросился в них. Те сказали: „Пташка с кукшей полетели". Те Дукаи от бросания рукавицы упали на землю. Чинаноя схватили Дукаи, кусая зубами. Чинаной большой был. Их Чинаной с ноги сбросил о лиственницы. Чинаной всех убил.

И. Георги

ТУНГУССКОЕ СКАЗАНИЕ[1]

У тунгусов, которых я видел, нет никаких музыкальных инструментов, кроме особого вида дощатой, обтянутой кожей трехструнной скрипки, называемой ими „кур"; зато у них в большом ходу пение, правда, несколько однообразное, но довольно приятное.

В их песнях идет речь о любви, охоте, оленях, красивых местностях, о храбрых подвигах предков, часто о чудесах и приключениях. Некоторые из этих песен очень длинны, поэтому их не всегда поют, а иногда и рассказывают. При рассказывании каждый период начинают с последнего слова предыдущего периода. Благодаря любезности баргузинского комиссара г. Вершера, через которого я получил много сведений о тунгусах, я имею также перевод тунгусского сказания, которое они обычно поют. Я привожу здесь это сказание, так как оно дает возможность до некоторой степени ознакомиться со вкусами этого народа. Переводчику, повидимому, не удалось вполне схватить дух тунгусского языка. Может быть, многие слова заимствованы у монголов: они слишком роскошны для туземцев; имена героев — Долодай (властитель гор), Арсалан Бакши, из которого могло образоваться имя Арсалун (учитель львов) — монгольские. Но это сказание у тунгусов в ходу, они развлекаются пением и рассказыванием его. Они украшают его чудными картинами, наподобие того, как наши писатели украшают свои романы.

В одной стране жил князь Долодай, имевший две тысячи слуг. Он жил в городе, окруженном тройною стеною: наружной — деревянной, средней — каменной и внутренней — железной. У входа в его юрту стоял столб из стали, к которому он привязывал своего роскошного коня.

У него было семь княжен, и из них самая младшая — Сувудангина — была чрезвычайно красива и молода. У каждой из них было по служанке и по золотой телеге, в которой они часто ездили для развлечения в высокую, красивую местность.

Однажды неожиданно прилетела птица Ногой и так быстро унесла их по воздуху, что служанки не заметили, куда они девались. Лишь одна Сувудангина спаслась благодаря своему уму. Она превратилась в орла и улетела к своему отцу, и Ногой не мог найти ее, так как она смешала облака.

Она села на стальной столб, к которому был привязан конь. Конь испугался и стал так громко ржать, что многие юрты в городе развалились и многие люди упали без чувств.

Князь схватил свою саблю и хотел убить орла. Орел же обратился к князю с человеческой речью: „Прости, князь, и откажись от своего намерения, ибо я имею кое-что рассказать тебе". Князь крайне удивился человеческому голосу и сказал: „Говори!" — „У тебя было семь дочерей, а теперь у тебя нет ни одной". От испуга князь не сразу смог ответить птице, но он сказал тихо: „Хо, хо, девушки, обязанные наблюдать за моими дочерьми, где мои семеро детей?" — „Мы гуляли с ними по прекрасным полям и играли, и вдруг внезапная буря унесла их неизвестно куда". Разгневанный князь хотел отсечь головы девушкам.

„Гнев твой напрасен, мой князь, — молвил орел, — Если бы ты даже был с ними, ты не мог бы спасти их. Караткакан Нойен, большой, сильный человек, прилетел с запада и увел твоих детей. Он очень мудрый и у него есть вороной конь, такой быстрый, что облака и ветер не могут его догнать. Я — орел, твоя младшая дочь Сувудангина, убежала от него благодаря своему уму; я прилетела к тебе, чтобы узнать, можешь ли ты спасти меня от него, за него я не могу решиться выйти замуж, или же ты укажешь мне другого сильного человека, который может бороться с ним?" — „Я уже стар, — ответил отец, — но если бы я даже был молод, я бы не мог тягаться с Караткаканом Нойеном. Но я слышал о герое с юга, которого зовут Кулудай. Он живет так далеко, что птица до него летит три года, а самый быстрый конь бежит десять лет". — „О Кулудае я тоже слышала, — ответил орел, — но он не в силах побороть Караткакана, не знаешь

---

[1] Перевод из „Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772 von J. Georgi. Erster Band. Spb. 1775, стр. 288 — 295. *Ред.*

ли ты более сильного героя?" — „На востоке живет знаменитый герой, — возразил старик, — которого зовут Арсалан Бакши. Его конь Шаман Чагая знает, что происходит во всех странах; притом он быстрее птицы и даже ветра. До Арсалана однако так далеко, что ни птица, ни добрый конь не могут добраться до этой местности". — „И я об этом слышала", — сказала дочь и попросила у старика пищи на дорогу; он велел заколоть восемь верблюдов и дал их орду.

Целых семь лет летел орел без отдыха под самыми облаками, а порой и в облаках. Когда от земли исходил белый отблеск, он знал, что на земле зима; когда отблеск земли становился темным, он думал, что наступило лето. Однажды Сувудангина обнаружила прекрасную юрту. Направо от нее находился стальной столб, и у него семь гнедых коней. У них были золотые гривы, серебряные седла и уздечки. На каждом седле лежала рысья шуба. По левую сторону юрты к дубовому столбу было привязано семь рыжих оседланных коней. Гривы у них были серебряные, подковы стальные, седла и уздечки серебряные. На каждой из них лежала шуба из лисьего меха. Орел обратился в пучок шерсти, сел на крышу и стал смотреть в юрту. По правую сторону огня сидело семь юношей. Каждый из них изготовлял стрелу. По левую сторону огня семь служанок готовили меховую одежду, украшенную семью различными серебряными узорами. Юноши передали девушкам стрелы и спросили, видели ли они кого-либо, кто бы умел изготовлять более красивые стрелы. „Они красивы,—ответили девушки,—но Арсалан Бакши, живущий на востоке, так ловок и силен, что один его палец превзойдет все ваше искусство и силу". Юноши сломали стрелы и бросили их в огонь. Когда семь служанок закончили платье, они спросили юношей, случалось ли им видеть более красивых, умных и ловких девушек. Те ответили: „Вы очень красивы, умны и искусны, но у князя Долодая есть семь дочерей; младшая из них, Сувудангина, настолько красивее, умнее и искуснее вас, что вы все не стоите ее ногтя". Девушки сожгли свое платье.

Когда Сувудангина услышала это, она снова обратилась в орла и полетела дальше. Через год она заметила землетрясение, и когда она приблизилась к земле, то узнала, что это Арсалан Бакши изготовлял стрелы. Она полетела туда, где воздух дрожал от его работы, и увидела возвышение наподобие горы, на котором росли серебряные травы с золотыми цветами. По обе стороны горы находилось по озеру, наполненному молоком вместо воды. На самой горе стояла роскошная юрта; стены ее были из серебра, а крыша из золота. В юрте сидел человек; у него в руках была почти законченная стрела, и он просил богов, чтобы они дали ему перо для полета стрелы, чтобы ему никогда не приходилось дрожать перед врагом и чтобы ни одна хищный зверь не мог убежать от него. Орел услышал это, вырвал у себя перо из правого крыла и бросил его в юрту. Арсалан взял его, удивился его величине, доделал стрелу и пожелал себе второе перо, которое и получил из левого крыла. Он посмотрел вверх и увидел большого орла. „Кто ты, огромная птица?" — „Ты спрашиваешь меня, не сказав, кто ты такой".—„Я Арсалан Бакши".—„Если ты Арсалан Бакши, то зачем же ты день и ночь изготовляешь стрелы?"—„Потому что я намерен пойти походом на запад. Там живет князь Долодай, и я женюсь на младшей из его семи дочерей". —„Я и есть эта младшая дочь, Сувудангина".—„Это ты? О, тогда иди ко мне".—„Ты мне докажи сперва, что ты Арсалан Бакши. Я полечу через девять холмов и на десятом я водружу маховое перо. Твоя стрела должна пройти через девять холмов, на десятом она должна рассечь перо; после этого она должна пронзить еще пять холмов, а в шестом она должна застрять". Птица сунула перо, Арсалан взял лук. Стрела пронзила девять холмов, на десятом она рассекла перо, прошла еще через пять холмов и застряла в шестом, откуда ее вытащил орел и вместе со стрелой полетел к герою.

После этого птица снова обратилась в красивую девушку, села к герою в юрту, разговаривала и спала с ним. Когда они на другое утро встали, то пришел любимый конь Арсалана и спросил: „Кого это господин мой держит при себе?" — „Это красивая девушка, которую я взял в жены".—„Ты добыл себе не жену, а опасность,—возразил умный конь,—и там, где ты хочешь жить, укрепи свою юрту двенадцатью железными цепями и надень твои походные доспехи и оружие. Если ты в полдень услышишь крики и град, сперва величиною с овец, а затем с верблюдов, то не выходи из своей юрты, ибо это придет герой Караткакан Нойен. Он разломает твою юрту и станет издеваться над тобою: но ты ничего не отвечай и оставайся в юрте. Если же ты выйдешь из нее, то ты никогда больше не увидишь своей жены". Конь снова побежал на пастбище, Арсалан же все исполнил согласно его совету и остался сидеть в юрте.

В полдень он заметил землетрясение и услышал шум. Пошел град; первые градины были не меньше овец, а последние были величиной с верблюдов; при этом поднялась такая буря, что разорвались десять цепей, на которых держалась юрта. Вскоре после этого прибыл герой, ударил юрту сперва кнутом, а потом копьем. При этом он воскликнул: „Ты ли Арсалан Бакши, о котором весь свет говорит, что он храбр и непобедим? Теперь, когда я тебя вижу трусливо сидящим перед женщиной, я считаю тебя самым робким и жалким человеком под солнцем. Разве ты не слышишь, как ужасно мое прибытие?"

Арсалан не мог более слушать, он взял свой меч и вышел из юрты. Он никого не увидел и вернулся, но его жена пропала. Он позвал своего умного коня, взял свое оружие, сел на коня и ускакал. Ему казалось, что конь недостаточно быстро бежит, он ударил его, и конь понесся выше леса, чуть не под самыми облаками. Арсалан встретил орла, державшего в когтях его княжну; он выстрелил в него и тот раскололся от головы до хвоста. Княжна выпала из его лап и упала на землю, так же как орел, но как только орел коснулся земли, обе половины его снова срослись и он полетел со своей добычей дальше. В орла попала вторая стрела, и он потерял правое крыло, но он сразу же приставил его снова, и благодаря своему колдовству он излечивался от всех ран, которых он получил множество. Арсалан Бакши преследовал его в течение трех лет, а на четвертый год он достиг жилища орла. Город был окружен тройною стеною: наружной—каменной, средней—железной и внутренней—стальной. Орел сразу закрыл ворота и

выставил стражу. Арсалан взял свою стрелу, оперенную пером княжны, сказал ей: „О моя стрела, ты сделана не против врагов, помоги мне" и разрушил три стены и жилище.

Караткакан примчался из города на лучшем своем коне и сказал: „Арсалан Бакши, уходи от меня с миром туда, где ты хочешь жить, ибо не ты, а я—первый жених. Я принес в свой лагерь семь княжен, предназначенных мною себе в жены. Одна хоть и убежала от меня, но все же она моя, а не твоя". Арсалан ответил ему: „Пока у меня еще есть руки, ноги и жизнь, я не уйду. Только тогда, когда я всего этого лишусь, ты можешь взять мою невесту. Я хочу бороться с тобой".— „Пусть это будет,—сказал Караткакан Нойен,— на такой отвесной, высокой и узкой морской скале, что на ней едва можно стоять одной ногой".—„Где ты хочешь,—возразил Арсалан,—я приду". Оба сели на своих лучших коней и отправились к месту битвы.

Караткакан превратился в оленя, а Арсалан в дикую козу (сайгу). Борьба была очень горяча Олень превосходил козу силой, но когда он падал, то скатывался вниз, тогда как коза могла удержаться на скале. После трехдневной борьбы они увеличили свои силы. Олень превратился в лося, а коза—в кабана.

Борьба снова продолжалась три дня. После этого они стали бороться в человеческом образе, и для этого они избрали равнину. Они были верхом. Сперва они боролись копьями, а после вынули мечи, и когда все сломалось, то они взяли кнуты. Когда и эти сломались, они сошли с коней и стали бороться без оружия. Борьба продолжалась три года, и ни один не мог убить другого.

Наконец, кони вмешались в состязание. Конь Арсалана сказал: „Мой господин не убьет Нойена, так как он очень силен и бессмертен. Но я знаю, где его смерть. За тридцатью морями находится остров, там живет его сестра, стерегущая его смерть. Смерть его—в стреле, а стрела лежит в ящике, а ящик всегда в руке его сестры. Я постараюсь достать эту стрелу".

Конь Нойена сказал своему господину почти то же самое: „Я знаю смерть Арсалана. Она— около его юрты в стальном столбе, к которому он привязывает своего лучшего коня. В столбе пила, а в пиле сидит его смерть. Оба коня отправились в путь, чтобы достать смерть врага. Когда конь Арсалана добрался через тридцать морей до острова, где стояла юрта сестры Нойена, он побежал по острову с такой силой, что юрта сестры упала от сотрясения. Сестра хотела схватить юрту; при этом она уронила из рук ящик со стрелой. Конь сломал ящик и убежал со стрелой во рту. Конь Нойена сломал столб Арсалана и принес пилу во рту.

Когда оба коня одновременно приблизились к своим господам, то каждый из них захотел быть первым; конь Арсалана ударил коня Нойена задней ногой, причем смертоносная пила выпала из его рта; конь Арсалана схватил ее и проглотил и таким образом пришел со стрелой к своему господину. Этой стрелой Арсалан Бакши убил Караткакана Нойена, вошел в город Нойена, взял сперва свою жену, а потом и жен Нойена, его слуг и стада и стал жить в большой славе.

Г. Гут

ТУНГУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ *

Введение

О трудностях лингвистических занятий с тунгусами

Первой причиной поездки к тунгусам на Енисей, предпринятой мною летом 1897 года при содействии Академии Наук и Археологической комиссии в С.-Петербурге, были мои занятия с одной надписью [1] некогда столь знаменитого и для истории Восточной Азии столь значительного тунгусского народа юченей или нюйчжей, который во время наивысшего расцвета и развития своего могущества (1125—1234 гг. нашей эры) простирал свою власть над всей Манчжурией, Монголией и северной половиной Китая. Разбор этого текста привел к весьма существенным результатам: к частичной его расшифровке и к сознанию, что для более полного или по меньшей мере исчерпывающего разъяснения этого документа, как и немногих до сих пор мало известных юченских текстов [2], необходимо восстановление исчезнувшего юченского языка. Но для этого, как и для объяснения сохранившихся в китайских источниках более или менее полных списков слов этого языка [3], нужно знать не только манчжурский, как раньше думали [4], но и собственно тунгусские в более узком смысле наречия [5]. Так как большинство из этих наречий известно далеко не достаточно или совсем неизвестно, то я и решил изучить наречия различных тунгусских народностей и в связи с этим предпринял изучение их исторических памятников и их этнологического значения в Азии.

В конце мая 1897 года я начал свое путешествие из Москвы через Пермь, Тюмень, Тобольск и Томск и 16 июня достиг Красноярска. Отсюда я направился к кочующим на золотых

---

* Перевод из „Известий Академии Наук", т. XV, № 3, СПБ. 1901. В квадратных скобках даются уточнения Г. М. Василевич. *Ред.*

приисках между Ангарой и Средней Тунгуской тунгусам, язык которых был до сих пор почти совсем не изучен. С этой целью я поехал по Енисею до устья реки Ангары; затем по Ангаре на восток, до деревни Рыбное, начального пункта южно-енисейских золотых приисков. Я начал путешествие по этой области 27 июня, проехал ее всю с юга на север и лишь после продолжительных бесплодных поисков, 9 июля я нашел первых тунгусов на золотых приисках близ реки Пит (правого притока Енисея), образующей северную границу этой области.

Я тотчас же начал свои исследования языка, но должен был сразу же, как и в дальнейшем, при столкновении с другими тунгусами этой области, убедиться, что занятия с ними для изучения языка представляют затруднения, которых я и мои ученые советники в С.-Петербурге не могли предугадать. Так как эти затруднения по большей части зависят от особенностей тунгусов, отличающих их от большинства прочих сибирских народов; то мне кажется очень важным их описание в интересах будущих исследований этого народа.

Мои старания были направлены к тому, чтобы получить какого-нибудь тунгуса Енисейской области постоянным проводником и учителем языка, чтобы с ним можно было отправиться к другим тунгусским племенам на верхнем Амуре.

Так достиг бы я дальнейшей цели своего путешествия и одновременно использовал бы промежуточное свободное время для научных целей. Я сделал все, чтобы найти между тунгусами Енисея спутника, который согласился бы следовать за мною. Я делал подарки, давал обещания, предлагал большое вознаграждение, но ничего не помогало. То они говорили, что они не могут жить без леса и покинуть жену и ребенка, что от тоски по ним они не выдержат; то указывали на то, что за время их отсутствия их олени погибнут от недостатка нужного ухода и их юрты и прочее имущество придут в упадок; то высказывали они свою боязнь заразиться болезнями, свирепствовавшими по деревням, главным образом оспой, — к сожалению, очень обоснованное опасение. К этому присоединяется почти невероятное отвращение тунгусов ко всякому другому занятию, кроме привычной им охоты и рыбной ловли и приготовления необходимых для этого орудий и инструментов, и меновой торговли. Даже если тунгус имеет много свободного времени, он предпочитает праздно провести его в своей юрте, чем делать что-нибудь ему непривычное, и особенно поступить к кому-нибудь на службу.

В конце концов мне удалось добиться согласия отдельных тунгусов провести со мной некоторое время в палатках на соседних золотых приисках, владельцы которых находились с ними в постоянных сношениях и были им хорошо знакомы, и там учить меня их языку. Один тунгус заключил со мной даже настоящий договор, который составил и подписал от его имени владелец приисков, на которых мы жили. Но хотя этот договор обязывал его, по крайней мере, на двадцатидневное пребывание со мной, он меня покинул через три дня. Другой, мой первый учитель, объявил мне сразу, что он останется со мной только несколько дней, а один старый тунгус выдержал только один день. Когда я с ним ласково раскланялся при его следующем посещении приисков, на которых я остановился, и предложил вознаграждение за некоторые сообщенные им этнологические сведения, он мне сказал: „Сегодня ты ласков и любезен, но недавно, когда ты мучил меня своими расспросами и мы с тобой поспорили, я был близок к тому, чтобы тебя побить". Этот ответ указывает на отличительную черту дикости, которая проявляется в характере тунгусов, когда они считают себя оскорбленными, и так резко не согласуется с их обыкновенно спокойным и миролюбивым нравом; эта черта ясно указывает на самое большое затруднение, с которым вообще связано изучение языка у полудиких народов. Так как тунгусы никогда не получали самого элементарного обучения и не владеют письмом, их ум не делал ни малейшей попытки к достижению отвлеченных форм речи.

И вдруг я пришел и требовал от этих бедных, необученных голов размышлений относительно богатства форм их языка. Разве не было совершенно естественно, что при моих расспросах, особенно вначале, мне приходилось бороться с самыми большими затруднениями и что мои тунгусские учителя при моих настойчивых вопросах и изысканиях теряли в конце концов терпение. Принимая во внимание, что они только на несколько дней были в моем распоряжении, я старался в это короткое время установить происхождение возможно большего числа форм и слов их языка и прибег к методу расспросов посредством русского языка (в большей или меньшей степени знакомого и моим учителям); этот способ обычно и применялся исследователями сибирских языков. Научно он менее ценен, чем естественный способ практического изучения языка, который затруднительнее и требует больше времени, но дает гораздо большие результаты и открывает исследователю самые трудные формы языка. С другой стороны первый метод доставил мне ценные сведения об умственных наклонностях моих тунгусских друзей, которых я был бы лишен при применении второго способа.

Сказанное можно пояснить примером.

Так как мои тунгусские учителя не имели ни малейшего понятия и, как выше показано, не могли знать, что меня интересуют формы языка, то они переводили мои русские вопросы не на свой язык, а отвечали на их содержание так, как этого требовало в данный момент положение вещей. Так, например, когда я говорил: „ты куришь" и прибавлял: „скажи это на твоем родном языке", мой учитель отвечал по-тунгусски (как будто это относилось к разговору), если он случайно курил: „я курю", если он не курил: „я не курю совсем". Если я хотел узнать третье лицо единственного числа, например: „он курит", то, чтобы сделать это понятным моему учителю, так как он не видел никакого третьего присутствующего, кроме нас двоих, я должен был прибавить: „он, наш хозяин, Дмитрий Дмитриевич" и одновременно показать пальцем на дом, перед которым мы сидели. Мой тунгус отвечал по-русски: „Как я могу знать, курит он или нет сейчас? Его и дома нет!"

К только что описанным трудностям изучения языка присоединялась еще одна, совсем другого рода. Она происходила от громадной жадности тунгусов к водке, с которой они познакоми-

лись через русских золотопромышленников, рабочих и торговцев. Без предварительного обещания водки нельзя было побудить ни одного тунгуса согласиться на самые незначительные занятия в целях изучения языка. И если они начинались, то мои тунгусские учители их прерывали несчетное число раз требованиями „стаканчика водки", которые я, смотря по обстоятельствам, то должен был отклонить (особенно вначале, чтобы отучить мещать, но главным образом чтобы сохранить его трезвым), то исполнить, чтобы он остался услужливым при моих дальнейших занятиях. О том, как мешали мне и затрудняли мою работу эти беспрестанные прерывания, эти вечные отказы, успокаивания и обещания, мне не приходится и говорить.

После всего, что я сообщил, понятно, что тунгусы находили мои занятия с ними, особенно вначале, в высшей степени для себя тягостными и утомительными. Поэтому было вполне естественно, что они на все мои просьбы дать образцы песен, изречений, сказок и рассказов вначале упорно отрицали существование таковых, а затем объявили, что хотя раньше и существовали у них песни и сказки, но они их забыли. Если я обращался к старикам, то они отсылали меня к молодежи: те должны знать сказки, потому что их память не ослаблена употреблением водки, как у стариков. Если я обращался с моими просьбами к юношам, то эти говорили опять, что им сказки рассказывали старики, потому они их должны знать и, кроме того, у них лучше память, чем у молодых людей. Я постоянно слышал только одну коротенькую песню, которая, по утверждению золотопромышленников, переведена с русского, и вторую, состоящую из очень немногих слов. Это все, чего я мог от них добиться.

Сперва я думал, что они вследствие заметного и в других областях вырождения как бы окончательно забыли произведения своей национальной литературы, тем более что в старых русских произведениях, в которых описываются енисейские тунгусы, отрицается существование у них собственной народной литературы [6].

Но отрицательные результаты моих старательных исследований в этом направлении ни в коем случае не могут считаться окончательными. Вследствие вышеописанных затруднений и препятствий, которые встретились мне при попытке изучения языка у тунгусов на золотых приисках, я решился на совместную жизнь с ними в юртах. Здесь мне удалось основательно подвинуть мои исследования именно относительно народной литературы. Вероятно, побужденные чувством большего доверия ко мне, вследствие моей совместной жизни с ними, тунгусы стали рассказывать мне сказки и т. п. После того как первое затруднение было устранено, мне удалось дружеским и внимательным обращением, подарками и обещаниями водки, выпытать у них произведения их народной литературы, но особенно старики среди моих рассказчиков не переставали меня уверять, что непривычно медленное рассказывание и диктование особенно более длинных рассказов для них чрезвычайно затруднительно. Большинство из них только с большим трудом и после долгих уговоров и споров соглашалось дать к своим тунгусским рассказам хотя бы частичный русский перевод или, по крайней мере, приблизительное изложение, описание или объяснение их содержания.

Когда обстоятельства принудили меня снова перенести мою деятельность на золотые прииски, то мои отношения с тунгусами, мое знакомство с особенностями их характера и мое знание их языка и литературного творчества были уже так значительны, что возвращение к старым, неблагоприятным условиям работы не могло серьезно повлиять на результаты моих исследований.

Таким образом удалось мне установить большую часть запаса слов и форм енисейско-тунгусского диалекта и записать довольно значительное число песен, сказок, шаманских изречений и заклинаний и даже отрывки древнего эпоса — старинных преданий, изложенных на таком древнем языке, что и сами тунгусы понимали его с большим трудом, а иногда и совсем не понимали.

В частности ценность полученного мною материала состоит в первую очередь в том, что он, насколько это нам известно, отличается от материала других тунгусских диалектов, а также и в том, что он дает нам возможность через сравнение форм, известных на других диалектах, главным образом форм глагола, установить их образование, происхождение и значение и вместе с тем получить понятие о лежащих в их основе общетунгусских воззрениях и умственных способностях.

Установленный мною запас слов отличается богатством и разнообразием содержания и особенно достоин внимания потому, что в нем есть выражение целого ряда понятий, которые или совсем не находят выражения или лишь приблизительно выражены в известных до сих пор чрезвычайно ограниченных записях тунгусских диалектов. Таким образом мои записи представляют существенное обогащение наших знаний по тунгусским наречиям вообще.

Что касается упомянутых образцов, то они особенно ценны как подлинные документы, вскрывающие дух языка, как основа для исследования построения предложений и периодов и многочисленных других относящихся к области синтаксиса лингвистических явлений, отчасти также и для знания древних форм, особенно важных для сравнительного языкознания и истории языка. Эти произведения тунгусской народной литературы имеют выдающееся значение и по содержанию, как благодаря указаниям на нравы и воззрения тунгусов и на разнообразные стороны шаманского культа, так и благодаря сведениям об упомянутых важных событиях из истории этого народа.

Для пояснения сказанного и, главное, чтобы ознакомить с характером и разнообразием тунгусской народной литературы, целесообразно привести некоторые произведения из моего сборника, составленного во время путешествия, и присоединить к каждому из них некоторые замечания, относящиеся к форме и содержанию. Точное исследование этих литературных образцов, особенно со стороны языка, завело бы нас слишком далеко, поэтому я оставляю его для более обширного издания.

Образцы енисейско-тунгусской речи *

1. Колыбельная песнь

(Сообщено моим последним тунгусским учителем, *Тимофеем Ефимовичем Прокопием* из „третьего Куркагирского рода"; записано в деревне Каменское Пинчугской волости на Ангаре).

ạ-bā, ạ-bā!	А-ба, а-ба!
nuŋan hūjun huīkutkạn	Он, (мой) маленький, (он, моя) малютка [очень маленький],
tinīwa bạldụṣạn.	(Только) вчера у меня родился.
nuŋan ətan soŋoro,	Плакать он не смеет (не станет),
nuŋan bāldimakta!	Он (мой) новорожденный!

Что касается содержания этой колыбельной песни, то нам кажется странным холодное обращение матери к ребенку в третьем лице вместо нежного обращения на „ты", которое нам кажется единственно естественным, как выражение сердечного отношения матери к новорожденному, как раз здесь, когда мы должны представить себе ее занятой ребенком. Во всяком случае не исключена возможность, что употребление третьего лица (так же как у нас в таких случаях) имеет целью придать обращению матери дразняще-шуточный характер.

2. Сбившаяся с пути истинного девушка

(Сообщено *Тимофеем Прокопием*)

asatkan amaskī girkurān hurkokon bakaldiren.	Девушка ушла на сторону, чтобы жить у юноши. [Девушка обратно ушла, юношу встретила].
əntiilin həŋkəcillə huttuwur:	Родители стали бранить свое дитя:
„surūkul nuŋandun! bakaldinne.	„Иди к нему, ты же хочешь (у него) жить! [ты встретила]
surūkul! anāḍem.	Иди, я отрекаюсь от тебя, [иди, отталкиваю].
ətam äde gaḍera,	Ничего не получу я (как выкуп за тебя),
ạkin bakaldinne.	Когда ты выйдешь замуж [когда встретилась].
atām sindu əjesta būre,	Ничего не дам я тебе (в приданое),
kogda mạnakan mạnmi būnne.	Так как [когда] ты сама себя отдала.
ạkirda okəl iceulle ähilə̄ mindūla hinne,	Никогда не показывайся мне на глаза,
eret sinne anaḍam;	Отсюда (из моего дома) я тебя выгоняю [отталкиваю].
ahile sinne əkəl iceullä mindula!	Не приходи больше ко мне [теперь ты не показывайся мне],
täritta surūkol ahillä!"	Поэтому уходи прочь сейчас!"
„ahatkar, garūkan äḍestere mạrur halḍepkānes,	„Девушки! Со всякой виной, которую вы на себя берете, срамите вы себя,
oŋinne, aminne, ākinne!	А также мать, отца и брата!
upkat halḍerrep,	Мы все стыдимся,
ḍəkdəpcenne upkatpa".	Нас всех ты опечалила".

Этот образец сообщен мне моим учителем без обозначения его литературной формы; вполне возможно, что мы имеем здесь дело со стихами, так как на основе смыслового расчленения без особого труда можно разделить текст на четыре строфы, из которых каждая состоит из четырех связанных между собой аллитерацией строчек.

Что аллитерация начальных слогов или начальных звуков, соединенных в одну строфу строчек, играет в стихах тунгусских народов важную роль, но не такую существенную, как в народной и художественной поэзии монгольских племен [7], доказывается приведенными Ивановским в манчжурской хрестоматии (часть II, С.-Петербург, 1895, стр. 189—192) манчжурскими песнями (по Радловским записям) из Илийской области и одой об императоре Цзян-Луне во славу города Мукдена в книге Harlez „Manuel de la langue mandchoue" (Paris, 1884, pp. 134—137); далее, в гольдском — песней, сообщенной Протодиаконовым в книге „Песни, предания и сказки уссурийских гольдов" (подлинный текст в русском переводе находится в Записках Общества по изучению Амурского края [8] (том V, выпуск I, Владивосток, 1896, стр. 6).

Строфа 1-я указывает, что с одной стороны стихи 1-й и 2-й и стихи 3-й и 4-й с другой стороны попарно связаны аллитерацией — прием, которому мы находим соответствие в манчжурской [9] и монгольской [10] поэзии.

2-я [11], 3-я и 4-я строфы указывают каждая на нарушение аллитерации в начале 4-го стиха — явление, имеющее параллели и в стихах манчжурских [12] и монгольских племен [13], в поэзии которых неправильности выступают то в 4-м, то в других стихах. Тунгусское стихосложение совпадает с манчжурским [14] и монгольским [15] еще и в том, что аллитерироваться могут самые различные гласные.

---

* Ряд знаков работы д-ра Гута заменен знаками транскрипции, принятой в данном сборнике, а именно: у Гута: å, č, y, ü, đ, ń, ñ, ö, š ŧ, здесь: ạ, c, j, ụ, í, ḍ, ŋ, ṇ, ə, ṣ, ṭ. В прямых скобках добавлен дословный перевод, данный составителем. *Ред.*

В этих стихах на ряду с аллитерацией в строках стихов выступает второй метрически-ритмический принцип: parallelismus membrorum. В 1-й строфе первая часть 3-го стиха находится в соответствии с первой половиной 4-го стиха. В 4-й строфе приведены в соответствие между собой стихи 1-й и 3-й через употребление одного и того же глагольного корня. Наиболее совершенно и отчетливо проведена параллель в строфах 2-й и 3-й, в которых 1-й и 3-й стихи и 2-й и 4-й по смыслу параллельны, причем соответствующие части характеризуются то подобием, то противоположностью содержания. В 3-й строфе очень ясно сопоставлены сходные по содержанию строки, в которых употреблен тот же самый словесный материал, хотя и в другом порядке.

Что касается формы стиха, то необходимо заметить следующее: хотя в введении говорится о родителях девушки, большая часть бранной речи вложена в уста одного лица, именно отца девушки. Также в начале и середине заключительной строфы происходит смена говорящих лиц.

Эта бросающаяся в глаза и достойная внимания, как часто встречающаяся, замена найдет себе объяснение при разборе третьей песни, которая даст мне возможность к этому вернуться.

Содержание этого стихотворения, позволяет нам установить следующие этнографические данные из жизни тунгусов Енисея:

1) что при венчании непорочной девушки отец последней получает калым от жениха;

2) что он с своей стороны дает дочери приданое;

3) что при венчании порочной девушки калыма не дают;

4) что в таком случае невеста не получает приданого;

5) что, хотя в негодовании родителей по поводу увода их дочери и играют роль и стыд и горе, причиненные ею себе и всей семье, главным мотивом негодования все же следует считать материальные убытки от потери калыма.

Для первого приведенного факта — выплата калыма у различных тунгусских племен — мы имеем много [16] доказательств; для второго — выдача невесте более или менее богатого приданого — имеются тоже достаточные подтверждения [17], приведение которых завело бы нас слишком далеко; поэтому я и оставляю для более обширного издания. Они подтверждают существование этого обряда у различных тунгусских племен.

Третий момент—случай лишения калыма, если девушка порочна. Я считаю себя в праве сделать заключение о существовании этого обычая из первой части второй строфы; слова во второй строчке стихов „если ты повенчаешься" дают указание на возможность законного венчания с возлюбленным или с другим человеком, который пожелает признать ее законной женой. На это же указывают слова akin bakaldinne, имеющие значение „так как ты вступаешь в связь с возлюбленным", — толкование, которое эти слова вполне допускают. По указанию моего тунгусского учителя, их надо объяснить именно в последнем смысле, и к предыдущим словам: „ничего я не получу (первая строчка моего разделения текста) прибавить: „никакого калыма от будущего жениха".

Четвертый момент — лишение невесты приданого, если она порочна. Нельзя сказать, указывают ли слова: „ничего я тебе не дам" на общепринятый в таких случаях обычай или они выражают только намерение одного говорящего и представляют наказание за проступок данной девушки.

Мне не удалось найти ни у кого из других путешественников никаких сведений по третьему [18] и четвертому пунктам; только у Латкина (Енисейская губерния, С.-Петербург, 1892, стр. 729) находим указание, что у енисейских тунгусов за порочную девушку уплачивается меньший калым.

Наконец пятый и последний момент — перевес недовольства из-за потери калыма над чувством стыда — кажется мне главным выводом из этой песни и имеет существенное значение как подлинное свидетельство о взглядах енисейских тунгусов. (Здесь мы имеем одновременно ценный документ для изучения наивных нравственных понятий вообще у всех примитивных народов).

Интересно отметить, что наряду с воззрениями, высказываемыми в этой песне, отсутствует то, о чем говорит Гикиш [19], ссылаясь на указания Георги [20], именно: об обычае у байкальских тунгусов принуждать соблазнителя девушки вступить в законную связь, заставляя его даже побоями; иногда бывали даже случаи убийства виновного родственниками девушки. Вот как говорит Гикиш: „Эта строгость вызвана не моральным негодованием, но единственно материальным ущербом, в виду потери калыма". Это замечание не обосновано никакими данными, заключение—лично Гикиша, которое он сделал, основываясь только на существовании обряда выкупа невесты. Если же мы рассмотрим изложенное Георги в подлиннике, то дело представляется в другом виде. Там значится (часть 1, стр. 273) дословно: „Блуд наказывается только у мужчин. Отец девушки может взять из имущества любовника столько, сколько он захочет. И если любовник не желает жениться, то это желание вызывают побоями. Если дурной человек соблазнил девушку хороших родителей, то братья и родственники последней пронизывают его стрелой" Из этого изложения ясно, что у байкальских тунгусов в случае увода или соблазна девушки выкуп за невесту не отпадает, а его величина зависит от отца невесты, который может распространить свои требования на те или иные владения жениха. Тем самым отпадает материальное основание для негодования за нанесенный девушке позор и остается только моральное основание. По представлению Георги, для объяснения поведения родителей у байкальских тунгусов приходится принять только моральный мотив, так как вопрос о калыме отпадает. Из его слов ясно, что главной целью является восстановление чести девушки посредством замужества, и только в случае отказа жениха прибегают к принудительным мерам. Нет и речи о ненужной строгости, которую можно было бы объяснить как проявление гнева за неосуществление материальных эгоистических интересов. Что касается происходящих иногда убийств (стрелой) любовника родственниками девушки, то это указывает на остаток древнего обычая кровавой мести. Увод девушки у тунгусов Байкала еще в древние времена рассматривался как кровное преступление против чести всей семьи.

Таким образом окажется, что в последствиях, вытекающих из соблазнения девушки, существует заметная разница между обычаями байкальских и енисейских тунгусов, но это только если не признать, что обрисованное Георги положение вещей имеет место только тогда, когда речь идет об уводе или соблазне девушки против ее воли. В противном случае, если это происходит при ее согласии, соблазнитель освобождается от уплаты калыма (как это предполагает Гикиш, (ср. прим. 18). Если согласиться с этим предположением, то обычай байкальских тунгусов сходится с затронутым в нашей песне „уходом" у енисейских тунгусов, так как в этом случае, который говорит о потере калыма, речь идет, как это ясно вытекает из стихотворения, о полном согласии между девушкой и ее любовником. Если же это предположение не может быть подтверждено, то нужно констатировать разницу в обычаях обоих тунгусских племен. Этим наша работа усложнилась бы: 1) надо было бы найти аналогичные различия между этими племенами в других обрядах, в быте, представлениях и т. д., или установить их отсутствие; 2) исследовать, какое значение имело для образования этих различий соседство с одной стороны бурят, с другой—остяков, самоедов и особенно якутов.

3. Жалобная песнь осиротевшей девушки

(Старая песнь, переданная *Тимофеем Прокопием*)

„*i*kạḍewạt, *i*kạḍewạt! ạrakōḍep!"	„Будем петь, будем петь! Мы хотим жаловаться!" [пожалуемся]
*u*pkatkāndewi soŋoḍoŋnem:	О всех своих плачу я:
*ə*ntilwä *ə*mtilduwi hạŋạḍeŋnäm,	Оплакиваю своего отца и мать,
*i*ŋṇamuktaw *o*ktirrän.	Теките мои слезы [слеза скатилась].
*ä*hilä *i*ndawida *a*ŋnam *a*jạ̄bḍire!	Я не хочу и не могу дольше жить [теперь я свою жизнь не люблю]!
*n*əŋnikạ̄rduwi suŋuḍuŋnum.	(И) моих братьев оплакиваю я [о весне—юности своей плачу].
*ə*ŋnam ạḍem ḍulạṣki!	И все-таки я должна дальше работать и творить! [не могу спать дальше]
*a*mäka, ŋənəpkəl *a*jamalā *a*wunkīla!	О боже, направь меня к хорошим людям [эвенкам]!
tikin *ä*hila *ä*mukun [ostālen] [21],	Теперь я осталась совсем одна,
*a*ŋaḍakān ödan! [22]	Осталась одинокой [сирота стала].
hukutəmnun *a*jewükinən,	И чтобы только насытить тело [живот],
bikti bodoteḍem ạnkārwal ḍulạṣki!	Должны быть направлены мои помыслы отныне и навсегда. [Поживу-ка, буду жить как-нибудь дальше].
*ä*hilä *a*him sāre bạ̄dạjəwi!	Я не знаю больше ничего (на свете), о чем я могла бы думать (и заботиться) [теперь не знаю жизнь свою]!

В этом стихотворении, которое мой учитель называет древней песней, я решил самостоятельно произвести разделение стихов по содержанию. Аллитерация начала стихов встречается только в 1-й строфе, которая, как и 3-я, состоит из пяти строк, между тем как 2-я состоит только из трех строк. В этой песне встречается и аллитерация внутри стихов, хотя во 2-й и 3-й строфах она и не особенно четко выражена (ср. стр. 16, отрывок из песни о герое Марэвуле). Доказательством того, что эта хорошо знакомая нам из древне-немецкой и северной поэзии форма стихов встречается и в области монгольской литературы, могут служить сообщенные Гальсаном Гомбоевым у Castrén-Schiefner, Burjätische Grammatik (С.-Петербург, 1857, стр. 228—233) „60 бурятских загадок" и приведенные Банзаровым известные молитвы шаманов (там же, стр. 234—239). Кроме того, в этих образцах встречаются отдельные с намерением подобранные полные рифмы в нашем смысле слова, расположенные рядом с основной рифмой (Stabreim).

Относительно формы важно заметить следующее: слова вступительных строк: „Будем петь, будем петь! Мы хотим жаловаться!" заставляют предположить, что вступительные слова поются хором. Жалобная же песнь, в которой представлено говорящим только одно лицо, исполняется одним голосом. Можно предположить, что это поэтическое произведение составляет часть большего (может быть, эпического) целого, в котором в предшествующей части песни рассказывается в кратком виде о смерти родителей и братьев девушки и в котором она сама изображена как определенная историческая или сказочная личность, хор же изображен состоящим из окружающих ее лиц—ее подруг и сверстниц. Как бы то ни было, во вступительных словах этой песни имеется ясное указание на существование хора, весь же остальной текст исполняется солистом. Это дает возможность объяснить указанное явление в песне о „сбившейся с пути истинного девушке", где тоже встречается замена множественного числа единственным.

Если же действительно существует предполагаемая мною аналогия между обоими случаями, то можно допустить, что переход от родителей (в введении этой песни) к одному лицу (изображенному говорящим в главной ее части), под которым, очевидно, можно предположить отца девушки, имеет основание в распределении ролей между хором и соло.

Особенно интересно, что в песне об обольщенной девушке заключительная строфа опять переходит к хору, который следует представить себе состоящим из двух частей: одна часть исполняет повествовательные, объективные составные части стихотворения, как первая часть заключительной строфы и первая (вводная) часть вступительной строфы только что упомянутого

стихотворения, в то время как другая часть хора исполняет те части, в которых действует группа лиц (родственники или друзья), лично заинтересованных в судьбе главного лица (сольный голос), например, вторая часть заключительной строфы той же песни и первая строка в первой строфе „Жалобная песнь осиротевшей девушки".

4. Отрывок из песни о герое Марэвуле

(Старое предание, сообщенное *Тимофеем Прокопием*)

Жена Марэвула сказала *:

Mạräwul, äwa gucaṣ?	Марэвул, что ты сказал?
sākarwe koŋaktu,	Мои уши далеко слышат [ушами своими звон],
ḍure dawahul doldijem.	Через два хребта гор слышу я.

Марэвул ответил:

*d*eghinḍe вakṣaŋḍam tadu *d*oldeceldem.	На подмостках на четырех столбах нахожусь я, там меня можно услышать [улечу, столбы (для лабаза) сделаю, там услышу].
*в*akhṣalwaw Boietil kāŋille.	Столбы моих подмостков обглодали самоеды [Мои столбы людоеды грызть начали].
*ạ*rim, *ạ*rim; *ä*hinne doldire?	Я зову, я зову; разве ты меня не слышишь?
ḍemūḍere minne!	Они хотят меня съесть!
lamojem rạkạkindu *k*akdemat *k*ācilla! [lāmə ojomrakakindu gegdumätkācillạ]	На середине озера кусают они меня зубами [над серединой моря начали соревноваться].

Жена Марэвула возразила:

*ä*du *o*ḍep temanīduli?	Здесь должны мы жить на свете [что будем здесь делать до утра]?
minạ wārekti, saŋạnilḍenne.	Меня они убьют, ты будешь плакать [когда убьют меня, заплачешь].
hutəkārtü doŋotoвḍire;	Твои детки умрут [дети наши замерзнут].
si *o*ŋnan *o*ḍenne?	Должен ли ты один остаться жить? [ты как-нибудь сделай].
*ä*tan temanī *o*ḍenne.	Нет, ты не останешься жить на свете [утро еще не станет].
si da вūḍenne.	Ты тоже умрешь.

Этот текст был мне передан Тимофеем Прокопием как древнее предание, но не как стихотворение. Я же все-таки думаю, что мы имеем дело со стихотворением, за это говорит эпически-мифологическое содержание и еще более, чем в предыдущей песне, выступающая аллитерация внутри стихов. Поэтому я предпринял деление стихов по их содержанию: так, мне кажется, что существуют три строфы: в 3 строки, в 5 или 6 строк и в 6 строк.

О содержании отрывка и герое Марэвуле мой тунгусский учитель сказал мне следующее: Марэвул кричал на скале, его жена слышала его: так громко он кричал. Он имел крылья и полетел; она слышала его издали (очевидно, надо дополнить: приближающимся, идущим домой). Он спрятался на высоких подмостках (похожих на те, на которые тунгусы кладут своих покойников) от самоедов (людоедов), потому что они, как показывает их русское имя, друг друга поедают[23] (очевидно, надо дополнить: и угрожали его съесть).

Если пополнить эти отрывки стихотворения по указаниям моего учителя, то обнаруживается замечательный факт, что мы имеем дело с рассказом о герое, который в измененном виде встречается и у другого тунгусского племени, а именно у гольдов на р. Уссури, в настоящий момент по пространству очень отдаленного от тунгусов Енисея члена тунгусского народа.

У Протодиаконова (1 ч., стр. 4—6) мы находим рассказ о великом герое по имени Motakkhu, о котором нам сообщается следующее[24]: Он „обошел в один день гору Khukčir (около 100 верст). Теперь, после обхода, он отдыхает на Muli-Khonko (горный хребет у с. Воронежского) и икает. Его жена вышла в это время (в лес) за дровами и услышала, как ее муж икает (на расстоянии 10 верст). Она принесла дрова домой и вышла вторично; в это время пришел ее муж. Она его спросила: „Где ты икал?" Он ответил: „Я икал на склоне воронежского хребта". Его жена ответила: „Удивительно! Как скоро ты оттуда пришел?" [Он возразил:] „Какое же это расстояние? Ясно, что возможно (так скоро сюда) вернуться!" [На горе он убил медведя и (вместе) с братом ночью его съел. После того вернулись они обратно домой. Дома он отдыхал, ничего не делал]".

Не подлежит сомнению, что здесь мы имеем дело с той же самой мифической личностью, как и в древнем рассказе енисейских тунгусов. И сходство имен слишком велико, чтобы быть случайным. К этому же присоединяется еще и то обстоятельство, что оба имени, Марэвул и Маракху, произошли от одного глагольного корня, значение которого яснее всего характеризует героя — его громкий голос, его способность быть услышанным на большом расстоянии, происхо-

* Весь текст представляет собою слова жены Марэвула. *Ред.*

дящий от корня mora—„кричать", этот корень сохранился в этой форме (со звучащим m) до сих пор только в гольдском[25], манчжурском[26] и ойротском[27] наречиях; может быть, и нерчинское — тунгусское barkirâm — я вою[28] относится сюда же.

О других подвигах героя Моракху и прежде всего о том, каким замечательным способом он убил свою мать и как потом он погиб сам, я расскажу на основании гольдских повествований в последующем моем более обширном труде.

5. Заклинание шамана при лечении болящих членов тела

(Сообщено *Тимофеем Прокопием)*

Шаман говорит духу болезни, который внедрился в члены больного:

ạkirwal ähīlä ətəkəilə	Никогда более [навсегда теперь кончайте]
ərūmat nəkəḍərə!	Не причиняй боли! [худое причиняете]
doldicaṣ?!	Слышишь ты?! [слышите]

Здесь могут быть интересны некоторые сообщения моего тунгусского учителя о том, как шаман излечивает больные части тела, о процедурах его при лечении вообще и, наконец, о его положении как врача. Больное место на ноге, на руке и остальных частях тела шаман излечивает, накладывая дощечки по обе стороны больного места и затягивая их ремнями или веревками. Через два дня больное место наверняка должно быть излечено; резать же шаман не имеет права.

При церемониях лечения шаман зажигает свечи и молится христианскому богу или Иисусу Христу или Николаю-угоднику (милостивому Николе, который называется тоже Николаем-чудотворцем), одному из главных святых греческой церкви. Номинально теперь большая часть тунгусов крещена по православному обряду, но из сказанного ясно, как мало эта внешняя принадлежность к христианской вере оттеснила шаманизм. Характерно для их детских религиозных взглядов то, что шаман полученные от семьи пациента деньги кладет под стекло находящейся в юрте иконы, так что их можно видеть, и вешает эту икону при своих церемониях; при этом мой учитель заметил: „Шаман говорит очень умно, особенно, когда висит икона". В вознаграждение за лечение шаман получает от каждого взрослого члена мужского пола семьи пациента пять рублей, или соболя, или оленя. У неимущих он отказывается от оплаты. Из своей выручки он дает каждому одинокому старцу, каждой одинокой старухе и каждому осиротевшему ребенку, состоящим в родстве с пациентом, по три рубля. Это проявление социальной заботливости со стороны шамана достойно большого внимания: оно обрисовывает деятельность и положение шамана в моральном отношении в более благоприятном свете, чем раньше.

6. Заклинание шамана против оспы

(Сообщено *Тимофеем Прокопием)*

ṣuwancälmi nupaṅmän ninäkäriḍe	Схватите собак и с ними его (демона болезни)
upkat topukollo!	и убейте всех (собак)! [Если шаманить ему собаками, всех (их) убейте!]

Это требование убить всех собак в данной тунгусской орде и тем самым изгнать оспу имеет, по сообщению моего учителя, тот смысл, что духи убитых собак понесут болезнь обратно в деревню, из которой они пришли. Тунгусы думают, что оспа к ним заносилась, заносится и впредь будет заноситься из русских поселений.

Интересно сравнить с воззрениями, выраженными в этом заклинании, некоторые показания и выводы Bartels'a в его книге „Die Medicin der Naturvölker" (Лейпциг, 1893). В 87-м отделе этой книги (стр. 194—196) автор говорит о ловле и задержании демона болезни у различных народов. Различные предметы употребляются для вызова и задержания демона: ветки и листья, зерно перца, куклы и человеческие фигурки из пальмовых листьев. Эти предметы затем выносятся и выбрасываются или уничтожаются и тем самым приготовляется конец существованию демона болезней. В этом случае, продолжает Бартельс, демон болезни заключен в фигуру человека, иногда же встречается, что для этой цели ставится фигура зверя. Это бывает тогда, когда и злого духа, который причиняет болезнь, представляют себе в образе зверя (многочисленные примеры приведены Бартельсом, стр. 21—23). На Танембаре и Тиморландских островах старые женщины пытаются лечить эпилепсию, которая, по мнению жителей этих островов, вызывается птицей, сидящей в больном. Для этого они изготовляют изображение птицы. Вечером они приносят в жертву рис и куру и после этого стреляют в изображение (стрелами). И у индейцев-дакота очень часто стараются объяснить болезнь тем, что дух зверя или, лучше сказать, дух в образе зверя, проник в тело пациента. Тогда врач изготовляет из коры дерева изображение этого зверя и ставит его перед хижиной больного в сосуд, в котором красная земля смешана с водой. Два или три индейца стоят с заряженными ружьями наготове. Как только врач подает им сигнал, они стреляют в зверя, изготовленного из коры, чтобы его уничтожить. Если найдутся еще какие-нибудь остатки от изображения зверя, в которого стреляли, то их старательно сжигают. Если это не исцеляет больного, то проделывается подобная же церемония[29], но вырезают уже другого зверя и опять стреляют в него.

В только что приведенных примерах говорится вообще о заключении демона болезни в изображении какого-нибудь зверя, а не в живом звере, как в приведенном нами заклинании тунгусского шамана. Мы наверно не ошибемся, если предположим, что требование, выраженное в последнем представляет более древнюю ступень развития по сравнению с первым обычаем замены

смерти самого приносимого в жертву зверя уничтожением его изображения. Вера в возможность вселения демона болезни в предмет или фигуру связана тесным образом с идеей умилостивления духов и исцеления больного посредством искупительной жертвы и развилась именно как следствие этой идеи. Этим объясняется, что мы в некоторых церемониях встречаем выражение обоих этих представлений (например, в вышеуказанном случае).

Это показывает нам, что во всех случаях, где церемония заклинания встречается сама по себе, мы усматриваем вторичное образование, в котором первоначальный смысл уже утерян. Правильность этого взгляда вытекает из соображения, что по наивному воззрению дикаря, для вызова демона из больного необходимо побуждающее средство, находящееся в предмете, в который надо заманить демона, с этого и надо начать церемонию лечения. Нельзя предположить, что при такой церемонии заклинания имеется в виду применение насилия по отношению к демону, так как примитивный человек боится демона. С другой стороны, тот же психологический аргумент принуждает нас принять, что более древняя ступень развития — умилостивляющие жертвы. Связывающим звеном между этими двумя стадиями и является одновременное проявление: с одной стороны — желания примирения, с другой — тенденции удержать явившегося съесть умилостивляющую жертву демона и уничтожить его, одним словом, переход от способа укрощения или умилостивления к применению хитрости. Поводом к этому послужило то, что из экономических и частью моральных причин людей и животных при жертвах стали заменять их изображениями, а также ветками, листьями, плодами, а человеческие жертвы стали символически изображать, хотя и подлинными, но с незначительными повреждениями той или иной части тела кого-либо из родственников пациента. Так как надо было думать, что демон не будет доволен такими показными жертвоприношениями, то пустились на хитрость и жертву употребляли лишь для обмана, как приманку, чтобы с ее помощью поймать изгнанного из больного демона. Интересно заметить, что даже в довольно скудном материале, который по этому вопросу собрал Бартельс, мы находим примеры для каждой из вышеобозначенных трех ступеней развития.

Подробное доказательство я отложу до моего будущего более обширного труда, здесь же я хочу указать на то, что вышеприведенное тунгусское заклинание шамана представляет соединение обоих обсуждаемых воззрений, а поэтому и принадлежит ко второй стадии развития. Здесь мы ясно видим переход из первой стадии, так как здесь идет речь еще о настоящем, а не показном жертвоприношении, но при этом уже ясно выражена и идея задержания. Мысль заманить демона через жертву, которая здесь состоит из убитых собак, не была высказана моим учителем, наверно для него и его соплеменников давно утрачен настоящий смысл этого заклинания шамана.

7. Заклинание шамана при долго продолжающихся родовых болях

(Сообщено *Тимофеем Прокопием*)

ätan baldärä amakan,	Она не рожает [не станет рожать] так скоро,
gorotje bidẹn.	Начались родовые боли [долго уже].
sewunjẹdip nuŋanman.	Мы ее будем лечить изображением идола [пошаманим на нее].
ulkəllə, ulkəllə!	Лейте, лейте жертвенное питье! [свяжите, свяжите]
oronno taputkəllə!	Убейте (принесите в жертву) оленя!

8. Изречение шамана влюбленному, который хочет жениться

(Сообщено *Тимофеем Прокопием*)

ahĭlikalla tarāwa ahĭwa (или: ahatkānma)	Женись на той женщине (девушке) [возьми в жены ту женщину].
„nuŋanmān ajāum	„Я люблю ее [ее люблю]
adĭwal bine“.	одну из всех женщин на свете [сколько-то будучи]“.
surūkullūo əntildulan	Пойди к ее родителям и
onmal gūndire əntillin.	Скажи это каким-нибудь образом им! [Что-либо скажут ее родители.]

Примечания

[1] Надпись Jen-t'ai у Kai-fug fu в китайской провинции Хэ-нань; см. Devéria, в Revue de l'Extrême Orient, Paris, I, 1883 г., стр. 173—186, и мою краткую статью: Zur Entzifferung der Niüčï-Inschrift von Jen-t'ai в „Известиях Академии Наук“, СПБ. 1896, декабрь, т. V, № 5, стр. 375—378.

[2] Юченско-монгольско-китайская надпись со скалы Тыр у устья Амура, см. об этом статью Васильева в „Изв. Акад. Наук“. СПБ. 1896, апрель, т. IV, № 4, стр. 365—367, и Grube „Vorläufige Mitteilung über die bei Nikolajewsk am Amur aufgefundenen Jučen Inschriften“, Берлин, 2 дек. 1896 г. — Далее в более древних и сложных, еще совершенно не расшифрованных рукописях, Kinz eu, которые Wylie опубликовал по китайскому изданию в I. R. A. S. XVII (1860), стр. 331—345.

[3] Из находящегося в китайской „Цинской истории“ списка 84 слов юченей Visdelou опубликовал 34 в Herbelot's Bibliotheque Orientale, вып. in 4°, la Haye, 1777—79, том IV (1779),

стр. 288 (перепечатано в Langlès „Alphabet mantchou", 3 изд., Париж, 1807, стр. 38 — 39). Полный перечень сделал Klaproth, Asia Polyglotta, Париж, 1823, стр. 292 — 294, и после него Wylie в предисловии к своей книге „Translation of the Ts'ing wan k'e mung", a Chinese grammer of the Manchu Tartare language, Шангхай, 1855, стр. LXXVI — LXXX. На это издание ссылается Harlez в своем сочинении „Niu-tchi et Mandchous", Journal Asiatique, 1888, стр. 220 — 249. Из многоязычного словаря Hoa-i-i-you (см. Hirth в I. A. S. North China Branch, том XXII) Grube опубликовал 871 юченское слово (Die Sprache und Schrift der Jučen, Лейпциг 1896, также статья Grube в T'oung Pao, том V, стр. 334—340).

4 Правильно было определено отношение между юченями и манчжурами, именно относительно их языка, в первую очередь Harlez на основании лингвистических и исторических исследований, см. только что упомянутое сочинение. В нем (стр. 248) автор делает вывод в следующих словах: Манчжуры принадлежат к той же семье народов, как и нюй-чжи, но они не являются их потомками и продолжателями их рода. Их язык находится в тесном родстве с языком нюй-чжи. Тот и другой являются диалектами одного наречия, но диалектами разнородными, представляющими на ряду со сходством и большое различие.

5 См. приведенное мною выше сочинение, стр. 376, и заключительный абзац, стр. 377

6 Например, у Степанова „Енисейская губерния", 2 части. СПБ., 1835, II ч., стр. 76.

7 См. Позднеев, Образцы народной литературы различных монгольских племен, ч I, Народные песни монголов, С-Петербург, 1880, стр. 323.

8 Полное наименование сочинения: „Записки Общества изучения Амурского края, подотдела Амурской секции Русского Географического общества".

9 См. Ивановский, Манчжурская хрестоматия, стр. 189, песнь 1, строфа 5; стр. 190, песнь 1, строфа 12; стр. 191, песнь 4, строфы 6 и 7.

10 Позднеев, стр. 326, в), а главным образом стр 332, а).

11 В строфе II неправильность наверно не древнего происхождения, так как вместо взятого из русского языка „когда" в начале 7-ой строки, которое, очевидно, внесено моим тунгусским учителем, знающим русский язык, наверно стояло тунгусское слово, и очень возможно, что равнозначное с „когда" — akin. Подтверждается это тем, что мой учитель и в начале второй строки сперва говорил „когда" вместо kin и заменил его тогда, когда я выразил свое удивление, что нашел русское слово в тунгусском тексте. Это доказывает, что у живущих в постоянных сношениях с русскими тунгусов внедрились русские слова так глубоко в язык и употребление, что тунгусы более не сознают их чуждого происхождения и употребляют их вместо первоначальных равнозначащих — явление, которое я мог наблюдать в еще более замечательных случаях, а также в таких случаях, когда первоначальное слово молодому поколению тунгусов совсем не известно (забыто). Следующий пример вставления русских слов в тунгусский текст, даже совсем древнего происхождения, со стороны знающих русский язык тунгусов см. ниже, прим. 21.

12 См. Ивановский, Манчжурская хрестоматия, стр. 189, песнь 1, строфы 1, 4 и 9; стр. 190, песнь 1, строфы 11 и 14; песнь 2, строфы 1 и 2; стр. 191, песнь 3, строфа 1; стр. 192, строфы 3 и 12.

13 См. Позднеев, стр. 60, строфа 2; стр. 77, строфы 1 и 6; стр 78, строфа 2; стр. 88, строфа 7; стр. 95, строфа 6; стр. 107, строфа 1; стр 110, строфы 1, 2, 6, и т. д.

14 См. Ивановский, Манчжурская хрестоматия, стр. 189, песнь 1, строфы 2, 3, (5), 9; стр. 190, песнь 1, строфа (12), 14; стр. 192, строфа 13.

15 См. Позднеев, стр. 60, строфа 2; стр. 64, строфа 4; стр. 66, строфа 1; стр. 77, строфы 3 и 6; стр. 78, строфы (1), 2 и т. д.

16 См. Brand, Neu vermehrte Reise-Beschreibung seiner grossen chinesischen Reise... 3 изд., Любек, 1734, стр. 99, Gmelin „Reise durch Sibirien", ч. II, стр. 215 и 648, Геттинген, 1752; Georgi, Bemerkungen einer Reise im Russischen Reiche J. 1772, (СПБ., 1775), стр. 264; Middendorf, Sibirische Reise, том IV, часть 2, изд. 3, стр. 1497—1499 (СПБ. 1875); Schrenck, Reisen und Forschungen im Amur-Lande, том III, изд. 3, стр. 658 (С.-Петербург, 1895); Латкин I, стр. 129.

17 Георги, I, стр. 264; Миддендорф, I, стр. 1497.

18 Когда Hiekisch („Die Tungusen", С.-Петербург, 1879, стр. 91) в приведенном выше отрывке говорит о потере калыма вследствие увода, его приходится обвинить, если он имеет в виду описание байкальских тунгусов у Georgi (часть I, стр. 273), в недостаточно тщательной разработке материала, как это показывает приведенный далее подлинный текст из книги Georgi. Если же он (как это показывают слово „уход" и указание на безнаказанность девушки) делает вывод о различии обычая при добровольном и недобровольном уходе, так что калым отпадает только в первом случае, то можно предположить, что он относит слова Georgi только ко второму случаю. Все-таки его замечание об утрате калыма остается неподтвержденным источниками.

19 Hiekisch, I.

20 Георги, I.

21 Русское слово „ostâlen" должно быть правильно, так как в женском роде „ostalnã", которое мой тунгусский учитель здесь вводит, как будто это принадлежит подлинному тексту и, очевидно, не сознавая его нетунгусского происхождения, является совершенно лишним, так как прибавляет к совершенно ясным словам: „так я совсем одна" дополнение „осталась". Поэтому придется заключить, что русское слово стоит не вместо ранее бывшего здесь равнозначного с ним слова, как это указано в примечании 11, но что мой тунгусский учитель сам его прибавил, не сознавая его непринадлежности к тексту, вследствие частых употреблений.

22 По смыслу вместо ôdan — он стал, конечно, надо читать ôdam — я стал.

[23] Русская народная этимология, происхождение названия „самоеды" от русских корней amo — себя и jed — есть. О вероятности финского происхождения этого слова и его значении см. Fischer, Sibirische Geschichte (С.-Петербург, 1768), ч. I, Введение, стр. 118; Castrén, Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker, С.-Петербург, 1887, стр. 68.

[24] Я следую здесь русскому переводу, изд. Протодиаконовым.

[25] Grube, Goldisch-deutsches Wörterverzeichniss. СПБ., 1900, стр. 119-в: мора — кричать.

[26] H. C. von der Gabelentz, Mandschu-Deutsches Wörterbuch, Лейпциг 1864; mura-mbi — кричать, блеять, оленя заманивать, также приведено у Грубе.

[27] Леонтович, Русско-ороченский словарь в Записках Общества изучения Амурского края, том V, часть 2 (Владивосток, 1896), стр. 80: муррай — кричать; приведено также у Грубе, I; при этом Грубе дает новый корень из другого произведения на ороченском языке.

[28] Castrén, Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre, С.-Петербург, 1856, стр. 94-в, 104-в.

[29] Все не имеющие для моих выводов значения части этой церемонии я выпустил, чтобы не усложнять изложения.

Г. Гут

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ВАРИАНТОВ ТУНГУССКИХ ПРЕДАНИЙ *

1. Kərəndə, Uŋani

... (Uŋani): „ŋuŋa, ăpĭ, giĭkəl, təḍə-wəl-nuu?" — „ŋəkə, təḍə-wəl-nuu?" (Ni-gan) tawicilan, ŋăn dəguilăn. Atirkăn: „təḍə-wəl-nuu ədăn". Uŋani atirkanma anuilăn, dəguilăn. Uŋani Kərəndəwə galăktəllən, kuşidăwəl. Uŋani atirkanma (h)anŋuktallan: „Kərəndu ili ŋənəcən? ugigĭi-li. hərgĭi?" Uŋanmăn ŏllan, mucidirăn Kərəndəwə. Uŋani iştan, dəktənəlin la kucəḍərĭ. (u)anŋuktăran. Kərəndə ădărăn, asiwăn Uŋani (h)anŋuktallan: „idu dəktuŋəlin Kərəndanĭl?" — „Ujiŋ lokucəḍărə". Irun hoguilăn dəktuŋilwən. Kuşidăwi, Uŋani ĭ'ăcilăn Kərəndəwə. Kərəndə ḍaŋilən Uŋani ĭata ijăcirăn kudăwi. Kərəndə: „dəbdəm əşikănăn Əkəlkən, Uŋani; əkəlkən. dăbḍămkən. kuşilăp lămə uŋurikăkinə". Kərəndə guŋăn: „dăbḍăm-kən, hərkiwi təkəktəm-kən, əkəl-kən muŋuŋă Uŋanuŋani, ni-dăn ĕkunma abamdănnă Uŋanuŋani hərguşuk, hərgişuk təgəndulăs əkta. Harani, harani hərgiuk, hərgsiŋk. Kərəndə kuşilăn Uŋaniuun. Kərəndə Uŋaniwa dəktənəwən aulicilăn. Uŋaniwăn Kərəndəwə dəktəwăn tĭpattăn aurăn. Kərəndə əjərăn, b(i)radu, əjərăn dəktənən aurgărăn, albarăn jusidămĭ, lămudu buddăn. Uŋani mucuhinăn atirkăndulă. Kərəndəwə wărăn, əjirən b(i)radu, guŋăn: Kərəndəwə wămĕ". Atirkăn əşin tăḍărə: „Şĭ-kŭ.un wăḍănnă, əşin tăḍămătərə. „i-huwăr wărăkis, əşin tăḍămătkăkuttə Năn ămnduliăn iştan, atirkandulă. Atirkăn kətuirən...

... Kərăndu Uŋani dəgtuŋnəcă. Dəgtuŋăllən bişă. Lămudu kuşillă. Kərăndəwə Uŋani əjirăn, b(i)radu əjirăn. Nuŋan buddăn. B(i)raduk albara jucămi. Nuŋan bəjălwə wăĕăn, dăpcăn. Nuŋan bəjălwə ətədăn ḍăbḍami, Uŋani Kərăndəwə wărăn. „Şĭ ətəkəl wăḍami bəjălwə Kələwə dăŋnnă əjillă". B(i)radu əjărăn. Nuŋan b(i)raduk jusărăn. ḍapkunma tirganil ĭnăcăn. Ol huiŋkan ŏdan (Kərəndu həgdiŋə bicăn) Uŋani mucuhinan, guŋăn atirkăndu: „Bĭ Kərəndəwə wămĕ". Atirkăn tărə əşin tăḍărə, guŋən; „siŋărikă kətirə wămi..." Atirkăn amăwmurăn. Kərəndu upkatpa ḍaptan. Atirkăn sulacăn. Kərəndu ilmakta upkatpa ḍăptan. Uŋani ajat sururăn. (Et əduk ŋănə ŏdan?) Atirkăn Uŋani bakarăn, ilə ăcin, ələ atirkăn Uŋanlwa irgicăn...

Корэндо, Уныны

... (Уныны): „Мама, мама, скажи, правильно ли (довольно ли)?" — „Малыш, довольно ли?" (Он) начал ковать (крылья), опять взлетел. Старуха: „Довольно стало". Уныны старуху оставил, взлетел. Уныны Корэнду искать отправился, чтобы биться. Уныны старуху спросил: „Корэндо где шел (летел)? повыше ли, пониже ли?" Пошел, нагоняет Корэндо. Уныны дошел, крылья (Корэндо) висят. Спрашивает. Корэндо спит, жену его Корэндо спросил: „Где крылья Корэндо?" — „Вверху висят". Притащили, укрепил крылья. Биться Уныны стал просить Корэндо. Корэндо начал есть. Уныны все еще просит биться. Корэндо: „Ем сейчас, подожди, Уныны, подожди, поем, биться начнем над самой серединой моря". Корэндо сказал: „Ем, хорки надеваю, подожди... Уныны... ты-то что... Уныны пониже, пониже до посадки спущусь". Головокружение, головокружение, пониже, пониже". Корэндо стал биться с Уныны. Корэндо Уныны крыло ломать начал. Уныны Корэндо крыло двинул, сломал. Корэндо потонул в реке, утонул, крыло сломалось, не мог выйти, в море пропал. Уныны вернулся к старухе. Корэнду убил, утопил, сказал: „Корэнду убил". Старуха не поверила: „Ты-то убьешь, не поверю. Если и убьешь ты, не поверю никак". Опять к матери-старухе пришел. Старуха...

... Корэндо (и) Уныны полетели. Стали летать. На море начали биться. Корэнду Уныны утопил, в реке утопил. Он пропал. Из реки не мог выйти. Он людей убивал, ел. Чтобы он людей прекратил есть, Уныны Корэндо убил. „Ты перестань людей убивать. Много съел теперь". В реке утопил. Он из реки выскочил. Восемь дней жил. В это время уменьшился (Корэндо большой был). Уныны вернулся, сказал старухе: „Я Корэндо убил". Старуха не поверила, сказала: „Мышей вероятно убил"... Старуха... Корэндо все съел. Старуха осталась. Корэндо молодой все съел. Уныны хорошо ушел. (Чем же с тех пор стал?) Старуха Уныны нашла, людей нет. Только старуха Уныны воспитывала...

---

* Тексты д-ра Гута, из его полевых тетрадей, хранящихся в архиве Института востоковедения Академии Наук. Перевод сделан Г. М. Василевич. *Ред.*

2. Culugdi

Culugdi ŋaktacī, iktəlin surkamal, ərəktun gimatpa ąhin urārā.

„Amākā ŋaŋliā ajukacinni?" — „Talamaja ajama şinni ücakis ānā gārbi?" — „Koktagda". — „Ninakinnā ānā gārbi?" — „Tintandu gārbim". Ugutatcāran Koktagda „Koktamatak āḍam sularā, Timtamatan ātąm sularā...

...Tāgrəp şulakī əmərān aşīwa suwrān, hərkəpcāwą şuwrąn. Ḍəməmməjə hərkəcān: „Şulakī əlās tinā aşīwa?" — „Amaka, bī ipkakuna tinām".

Чулугды

Чулугды волосатый, зубы клыкасты, клюв не похож на gimat.

„Дедушка, бабками играешь (бабки перекатываешь)?" —„...Хорошего твоего верхового оленя как имя?" — „Коктагда (копытистый)". —„Собаки как имя?" — „Тинтанду называю". Села верхом на копытистого. „Копытистого не оставлю. Тимтамду не оставлю".

...Узнаем, лиса пришла, женщину освободила, привязанную отвязала. Медведь сказал: „Лиса, почему освободила женщину?" — „Дед, я ipkakun освободила".

В. Н. Васильев

ТУНГУССКИЕ ПРЕДАНИЯ [1]

Помещаемые ниже тунгусские предания записаны мной в Туруханском крае в 1905 году на обратном пути из Хатангской экспедиции. По завершении ее главных задач и разделении состава экспедиции на две партии для следования в обратный путь мне пришлось ехать с начальником ее И. П. Толмачевым, направлявшимся на Олекминск на реке Лене. Часть этого пути между озерами Ессеем и Яконгдой мы совершили с илимпийскими тунгусами. В пути, на ночлегах, в чуме у тунгусов я занимался записыванием тунгусских слов и фраз и собиранием этнографических сведений. При этом же мне были сообщены и предлагаемые предания. Главным рассказчиком был тунгусский князь Николай Харагир, по прозвищу Чунго, человек выдающийся по уму в своей среде. Только одно предание — „Умна" — рассказано другим тунгусом. Оба мои рассказчика не говорили на якутском языке, которым я владею, почему приходилось пользоваться переводом тех, которые знали этот язык, записывая предания уже на русском языке у себя в чуме, непосредственно за рассказом. При этом я старался держаться возможно ближе его духа. Пять из этих преданий относятся исключительно к тунгусскому быту. Одно, озаглавленное мною „Юраки", по словам самого рассказчика, позаимствовано от юраков на реке Енисее. Наконец, последнее — „Дыгын" — представляет, повидимому, один из вариантов известного якутского предания, заимствованный от якутов и несколько видоизмененный. Все эти предания приводятся здесь без всяких изменений, как были записаны мною в то время, в предположении, что под свежим впечатлением они были воспроизведены с большим сохранением колорита и что позднейшие поправки и переделки лишь отдалили бы их от духа рассказа.

1 Уриан и Molуна

Жил в старину витязь, по имени Уриан. Он был прекрасный охотник и неустрашимый боец. Не было зверя, которого он не мог бы догнать и убить; не было человека, который мог бы противостоять ему; всех он побеждал, лучше всех стрелял и был сильнее всех.

Далеко шла слава об удалом, непобедимом витязе Уриане: все тунгусы о нем знали и слышали, всем были известны его подвиги. В то же время жил другой тунгусский витязь, Molуна, также знаменитый, одолевший многих сильных и главных удальцов-тунгусов. Много наслышался и Molуна об Уриане, и досадно ему было, что о нем говорят меньше, чем об Уриане, и завидно; хотелось ему уничтожить славного Уриана, но вступить с ним в открытый бой он не решался. Слава об Уриане между тем росла да росла и не давала покоя Molуна. Наконец, он собрал своих людей и направился к жилищам Уриана. Жил последний на берегу одной речки, где стоял его чум и чумы его людей. Подкрался Molуна со своими людьми к речке вечером, уже темнело. Уриан с частью своих людей в это время были дома. Molуна, со своими людьми, держа в руках свои луки вверх, подобно рогам, стали перебредать речку. Уриан слышал, что на воде происходит что-то, и, увидев в темноте какие-то торчащие кверху предметы вроде рогов, решил, что это дикие олени.

— Ну, утром поохотимся на них, а теперь темно,— сказал не подозревающий ничего Уриан и успокоился.

Люди его и работники разошлись тем временем по разным делам, кто в лес, кто куда. На одного из них как раз напали люди Molуна, схватили бедного тунгуса, скрутили и привели к вождю своему. Molуна посмотрел на схваченного и говорит ему:

— Скажи нам, как узнать твоего вождя, по каким приметам, и мы оставим тебя в живых, а иначе тебе грозит смерть.

Испугался пленник и говорит:

---

[1] Из „Живой старины", в. I, СПБ. 1908, стр. 362—370, и в. I, СПБ. 1909, стр. 90—100. *Ред*

— Когда мы сядем за еду, он один лишь среди нас будет сидеть на камне [1] и, когда ему станут давать пищу, будет подставлять не голую ладонь, как мы, а таловые стружки, чтобы не смягчить на пальцах кожу и мозоли от тетивы лука; вы это и примечайте.

— Хорошо, да смотри не проговорись,—сказал Molyná.

Тунгус ушел и, конечно, никому не проговорился. Прошла ночь, наступило утро. Уриан со своими людьми сел на берегу у костра есть. Но только он принялся за еду, как над головой его прожужжала стрела, пущенная из-за кустов рукой Molyná. Не ожидавший ничего подобного Уриан метнулся с места и одним прыжком, без всякого оружия перескочил через речку, но здесь его догнала вторая стрела Molyná и впилась ему в икру ноги. Безоружный и раненый Уриан сел на берегу, а враги его тем временем, выскочив из-за кустов, стали осыпать его тучами стрел.

Однако, и безоружный и раненый, Уриан так ловко отстранялся от направленных на него стрел, что ни одна из них не попала в него. Долго стреляли в него, но все без результата. Наконец, Уриан крикнул своим противникам:

— Что же вы один все стреляете? Бросьте и мне кто-нибудь свой лук и стрелы, попробую и я пострелять в вас.

Никто, разумеется, не бросил ему своего лука.

— Ну, все равно, —сказал тогда Уриан,—что мне теперь маяться хромому; скоро вы меня так или иначе доканаете, так стреляйте же хорошенько, — и, закрыв глаза, тотчас же пал, пораженный в нескольких местах стрелами.

Molyná с людьми очень скоро после этого справились и с людьми и с работниками Уриана. Жена Уриана сделалась добычей победителя, но перед тем, как быть уведенной, успела спрятать маленького своего сына под опрокинутый котел.

Довольно далеко от места побоища, в стороне, в лесу, жил престарелый отец убитого Уриана. Туда-то и направился Molyná. Явившись к старику, Molyná с насмешкой сказал ему:

— Убили сегодня одного мойку [2], но он оказался настолько худ, что даже мозги растаяли [3].

Понял старик, какая участь постигла его сына, поник головой и проговорил:

— Как не быть сухим и не стаять мозгам, в последние три года он один своей охотой на дичь прокармливал семь семей.

Посмотрел Molyná на старика, на его дряхлость и, решив, что не стоит убивать его, отправился к себе домой. По его уходе старик пошел к месту табора своего сына, увидел его труп, нашел под котлом мальчугана и, взяв его с собой, вернулся к себе домой. Стал старик воспитывать своего внучка. Долго ли, коротко ли—неизвестно, сколько прошло времени—мальчик уж подрос, стал резвиться, поигрывать луком, а скоро стал и охотиться. Гоняясь за дичью, каждый раз дальше и дальше от дома стал уходить сын Уриана: что ни день, то он позже и позже возвращался домой. Бродя так по лесам и лугам, между гор и озер, он увидел однажды затесь на дереве, там другую, третью. Затесь была старая, совсем посеревшая. Стал парень прослеживать затеси и увидел, что она показывает чей-то путь, идя в одном направлении, правильно и на близком расстоянии друг от друга. Вернувшись домой, парень стал расспрашивать деда: какие это затеси на деревьях? Старик отделался незнанием. Заинтересовали парня эти старые затеси, чуялось ему, что тут кроется какая-то непонятная для него загадка. Чаще и чаще стал он приходить к этим затесям и пробовать проследить их и чаще и настойчивее расспрашивать о них деда. Спрашивал он его и об отце своем:

— Скажи же, дед, ведь должен быть у меня отец и мать; где же они или что с ними сталось?

Но дед упорно молчал. Стал сын Уриана приходить к загадочным затесям еще чаще и прослеживать их еще дальше, так что начал уходить не на день, а на несколько дней и настойчивее приставать к старику с расспросами. Видит старик, что парень возмужал и окреп и что его не удержишь: того и смотри, уйдет сам, и рассказал ему все об Уриане и его смерти.

— Был у меня Molyná,—добавил старик к своему рассказу, —посмеялся надо мной и сказал, что на обратном пути сделает затеси, чтобы его могли отыскать, если найдутся какие-нибудь родственники и мстители за Уриана. Но ты, дитя мое, не вздумай преследовать его; ты знаешь теперь, какой у тебя был отец, и не плох должен быть человек, которому удалось убить его; не тебе с ним тягаться.

Не таков был, однако, сын Уриана, чтобы его можно было испугать. Попрощался он со стариком, взял свои охотничьи снаряды и отправился в путь. Долго он шел и пришел, наконец к старому кузнецу. Здесь парень остался на некоторое время и заставил старика ковать себе оружие, а сам занялся охотой и прокармливал старика, пока тот ковал ему. Скоро старик выковал ему броню железную и множество стрел, но, догадываясь о том, кто может быть его заказчик, долго уговаривал его не ходить к Molyná и вернуться обратно. Тот опять-таки не послушался. Тогда старик указал ему путь к Molyná и пожелал ему успеха, и тот снова отправился в путь. Скоро показался лагерь Molyná. Снял сын Уриана с себя броню, колчан со стрелами, отложил лук, спрятал все это в лесу и сам, одевшись в рваную одежонку, пошел к чумам. По середине лагеря стоял чум, сделанный лучше и просторнее других. Решив, что это и должен быть чум вождя, парень вошел в него. В чуме были одни женщины, мужчины же ни одного.

Стали женщины расспрашивать парня, кто он, откуда и зачем ходит. Пришлец выдал себя за заблудившегося сироту, случайно набредшего на жилье. Скоро стали слышны голоса возвращающихся с охоты хозяев. Сын Уриана выглянул за дверь и, увидев подходящих к чумам людей,

---

[1] В те времена люди садились за еду не в чуме, а вне его, вокруг костра.

[2] Годовалый олений теленок.

[3] Костный мозг оленя в сыром виде у тунгусов лакомое блюдо. У сухого животного он разжижается и теряет свой вкус, почему выбрасывается.

сразу и безошибочно определил, кто из них должен быть сам Molyнà. Действительно, скоро вошел в чум сам Molyнà и, заметив новое лицо, спросил, что это за парень. Тот сам повторил ему то же, что перед тем говорил женщинам.

— А накормили ли его? — спросил хозяин баб.

— Кормили, — ответили те.

Стал Molyнà тут рассказывать, как он убил когда-то Урнáна, как делал затеси, чтобы его могли найти.

— Видно, не было у Урнáна родных, — закончил он, — иначе пора бы кому-нибудь притти.

— Гм, так ты хвалишься, оказывается, тем, что убил его хитростью, из-за угла?! — воскликнул, сын Урнáна, вскочив с места. — Я проследил твой путь и пришел по твоим следам.

Услышав это, Molyнà кинулся на него с ножом, но тот успел выскочить. Крикнул тогда Molyнà своим людям:

— Держите и убейте этого мальчишку!

Но Урнáнов сын был уже далеко; он прибежал в лес, к тому месту, где спрятал свои доспехи, оделся, взял свои стрелы и лук и двинулся навстречу людям Molyнà. Тем временем и сам Molyнà, одетый и вооруженный, вышел к своим людям, а те уже начали стрелять в пришельца; уже целые тучи стрел летели на сына Урнáна, но ни одна не могла попасть в него, так как он увертывался и отклонялся от каждой из них, между тем как люди Molyнà один за другим падали, пораженные стрелами пришельца; ни одной стрелы он не пустил мимо; что ни выстрел, то убитый или смертельно раненый. Со свистом летели его смертоносные стрелы, опустошая ряды его врагов. Метко стрелял парень, ни разу не промахнулся и скоро перестрелял всех людей и работников Molyнà. Остались они вдвоем друг против друга; у них уже начали разрываться от стрел соединительные вязки броней, а сын Урнáна все приближается к своему противнику.

— Пощади, не убей; есть у меня дочь, возьми ее себе в жены; дам я тебе за ней оленей и другого добра, сохрани только жизнь мне, — взмолился Molyнà.

Парень опустил свой лук и перестал стрелять. Помирившись, Molyнà действительно выдал за него свою дочь. Тут же сын Урнáна нашел свою мать. Долго ли прожил здесь сын Урнáна — неизвестно, только однажды он собрался в обратный путь. Взял свою жену, мать, оленей с женским имуществом и двинулся в свою сторону. Дорогой, на обратном пути, он охотился. Иногда останавливались и ночевали; тогда он уходил охотиться на целый день. Однажды на одной из таких остановок их догнал Molyнà, хозяина не было дома. Molyнà знал это; он давно уже следил за своим зятем и искал лишь удобного случая убить его. Выдача за него своей дочери была с его стороны лишь хитростью, спасшей ему жизнь. Придя в чум, Molyнà приказал женщинам собрать всю кладь вокруг чума. Когда женщины исполнили это, он сказал:

— Сын Урнáна придет вечером, поздно; я спрячусь здесь, между кладью. Вечером, когда он будет возвращаться, вы откройте дверь чума ему навстречу, и когда он осветит его в темноте, я застрелю его.

Женщины не посмели ослушаться. Залег Molyнà между тюками и стал ждать. Наступил вечер, стемнело. Скоро послышались и шаги человека. Вот они ближе и ближе подходят к чуму. В это время раскрылась дверь чума и огонь от костра осветил сына Урнáна. Охотник подошел к чуму и только стал заносить ногу, чтобы войти, как мимо него прожужжала стрела.

— Ну, Molyнà, на этот раз я тебя уже не пощажу, — проговорил сын Урнáна, сразу узнав своего врага, и бросился к тому месту, откуда прилетела стрела. Увидев, что промахнулся, что старая испытанная рука изменила, Molyнà кинулся бежать; но не долго бежал он: стрелы, пущенные верной и сильной рукой Урнáнова сына, поразили его на смерть. Так кончил Molyнà свою жизнь, а сын Урнáна с женой и матерью продолжал наутро свой путь.

2. Оран

Среди илимпийских тунгусов был один человек, по имени Оран. Жил он на речке и, перегораживая ее заколом, добывал себе рыбу. Однажды человек около тридцати тунгусов направились к нему, чтобы убить его. На последнем ночлеге перед встречей с ним двое из них остались хозяйничать, а остальные направились к Орану. Подкравшись тихонько лесом к речке, они увидели Орана. Тот был на своем заколе. Тут же в воде у закола был вбит развилистый кол, на котором был повешен его лук. Из предосторожности он не оставлял своего оружия на берегу. Увидев Орана и неразлучность его с своим оружием, тунгусы не решились напасть на него и вернулись обратно. Когда они пришли к оставшимся двум товарищам, те спросили их, убили ли они Орана.

— Нет, — ответили те и рассказали, что видели.

— Эх, вы, столько человек — и побоялись напасть на одного! — заметили два оставшихся тунгуса.

— Вы говорите так, как будто вы можете убить его, — возразили те, — так идите же сами и попробуйте убить.

— Что же, мы и пойдем! — сказали оставшиеся и действительно отправились.

Придя к заколу, храбрецы увидели, что Орана там уже нет и что он укочевал, причем шел, не выбирая чистые места для своего аргиша [1], как делали и делают обыкновенно, а прорубая целые просеки, если попадалась чаща. Двигался Оран поэтому медленно, и тунгусы скоро подошли к нему настолько близко, что могли рассмотреть его, и, зайдя к нему спереди, спрятались за вывороченное корневище дерева, как раз против пути Орана, так что последний в своем стремлении итти прямо должен был непременно выйти на них.

Выбили они в двух местах глину с корневища вроде маленьких окошек и стали ждать. Скоро действительно подошел Оран и всего в каких-нибудь двух-трех саженях от засады стал рубить

[1] Обоз.

мешавшее ему деревцо. Один из спрятавшихся пустил в него из своего окошка стрелу, но промахнулся, так как Оран успел уклониться от нее, прокричав криком какой-то птицы. Страх тут напал на сидевших в засаде, и они бросились бежать. Оран пустил им вдогонку стрелу и убил одного из них. Затем он закричал:

— Эй, подожди маленько, я не убью тебя!

Тот остановился. Подойдя к нему, Оран спрашивает:

— Зачем вы пришли сюда?

— А чтобы убить тебя, — отвечает тунгус.

— А разве вы слыхали об Оране, что пришли убить его?

— Как не слыхать, все говорят о тебе, вот и пришли мы.

— А много вас?

— Да, порядочно, — ответил тунгус.

— Ну, так я не убью тебя, как и обещал; теперь же ты ступай и скажи всем, что видел Орана и что один из вас поплатился за свое желание убить меня, — и Оран мирно отпустил тунгуса.

Убить его больше никто не пытался.

3. Два брата

Жили два брата: старший, женатый, вел хозяйство, младший же, холостой парень, был лентяй. Однажды жена старшего брата заметила, что к ним подходят три вооруженных луками человека, и сообщила своему мужу. Тот посмотрел и видит, что действительно идут люди и, как ему показалось, довольно подозрительные. Затем старший брат говорит, обращаясь к младшему

— Слушай, брат! Если я увижу, что это — худые люди, то я мигну тебе. Тогда ты скажи, что нужно приготовить дымокур для оленей (а надо заметить, что была комариная пора), и, выйдя, приготовь тихонько отказ[1] и лук.

Брат ничего не ответил. Тем временем пришли замеченные люди, все вооруженные и очень подозрительного вида. Поговорив немного с пришельцами, хозяин мигнул брату, потом еще раз и еще, а тот и не смотрит на него; уставился глазами в пол и сидит себе как ни в чем не бывало. В это время один из пришельцев вытащил нож и ударил им в лентяя; удар пришелся в самое сердце, и парень тут же умер. Увидя это, хозяин кое-как, в чем был, успел выскочить на двор; ни лука, ни чего другого, кроме старого отказа, он не успел с собой захватить и пустился бежать. Пришельцы пустились за ним, но им не удалось догнать его, и он спасся. Некоторое время он скрывался, но потом, когда вернулся наконец домой, то ни жены, ни чума, ни какого бы то ни было платья там уже не оказалось. Все было похищено; даже с брата его, с мертвого, было снято все, и он лежал голый. Ничего не осталось у бедняги, ни поесть или позить чего, ни одеться во что, ни укрыться где от стужи; остался он в одном летнем платье. Долго скитался бедняк в поисках своих обидчиков, питаясь чем бог пошлет.

— Неужели жена моя, баба умная, не придумает ничего, как нам опять соединиться? — думал он, а сам все искал да искал.

Наконец, ему удалось напасть на их след. Нашел он тут, на месте одного из ночлегов, кусочек мяса, спрятанный его женой. В другом месте он нашел старые унты[2]. Так находил он, идя изо дня в день по следам, в разных местах кое-какие необходимые для него вещи. Пока так скитался ограбленный муж, наступила уже осень; пошел снег, начались холода. Скитался мерз, голодал, ночевал где придется, но шел все вперед, пока, наконец, не открыл убежища своих обидчиков. Однако он не мог ничего поделать: похитители, три брата, из которых старший владел всем его добром и женой, всегда были на-стороже. Между тем морозы росли. Наконец, в один морозный день, после такой же ночи, старший брат говорит своим младшим братьям:

— Ну, враг наш теперь наверное уже замерз и более не придет, так что опасаться нам нечего больше.

— А пороз[3] ваш был охотничий? — спросил он, обратясь затем к своей пленнице.

— Да, был охотничий, — ответила та.

— В таком случае я отправляюсь сегодня охотиться, — сказал он, — вы тоже можете итти поохотиться, если хотите, — добавил старший, обращаясь к братьям, и действительно уехал на охоту за дикими оленями. Братья тоже уехали в разные стороны. Осталась пленница одна домовничать. Заметив, что все разошлись из чума, следивший за ними ограбленный муж пришел в чум, где нашел свою жену.

— Ты еще жив? — воскликнула обрадованная женщина.

— Да, жив! Ну, а лук мой еще цел? — спросил в свою очередь муж.

— Цел. Каждый из них пробовал натянуть твой лук, но ни один не смог.

Взяв человек свой лук, но, обессиленный долгим холоданием и голоданием, не мог и сам натянуть его. Женщина накормила его, напоила и спрятала, а пряча дала такой совет:

— Ты теперь голоден и слаб, так не стреляй издалека, промахнешься, а выжди лучше и стреляй, когда они сядут за еду, чтобы бить наверняка.

Муж так и решил поступить, а сам спрятался. Время шло; день близился к концу. К вечеру один за другим пришли младшие братья и так же один за другим были убиты мстительной рукою

---

[1] Большой нож в деревке.

[2] Обувь из оленьих камусов (ножных шкурок).

[3] Нехолощеный самец.

стрелка. Наконец, последним стал подъезжать и старший брат. Пороз под ним, почуяв старого хозяина, стал хоркать [1].

— Что ты хоркаешь? Или пришел твой старый хозяин? Нет, брат, шалишь, он уже теперь не придет, уж замерз, поди, где-нибудь! — говорил седок, сердясь на оленя и нанося ему удары палкой по рогам. Олень тем не менее не переставал хоркать. Подъехал охотник домой, оглянулся, осмотрелся, но, не заметив ничего подозрительного, вошел к себе в чум. Женщина собрала ему есть, но только он сел и взялся за первый кусок, как свалился, пронзенный вражьей стрелой; смертельно раненный, он тут же умер, едва успев сказать вышедшему к нему врагу:

— Там я убил сегодня дикого оленя, так ты не бросай его; он жирный.

Муж же наутро, взяв указанного дикого оленя и забрав с собой жену, свое имущество и все, что принадлежало убитым, поехал на старое место, где жил раньше.

4. Iäha [2]

В роде Хирагир был один тунгус. Звали его Iäha. Он был знаменитый охотник, проворный бегун, человек ловкий и известный многим тунгусам. Женат был Iäha на тунгуске из Кундагир. Вместе с ним жили и все представители рода Хирагир, так что их было целое общество. Однажды кундагирцы решили истребить род Хирагиров и двинулись на них войной. Дело было весной. Много было кундагирцев, целое войско, вооруженное луками и стрелами. Много было и хирагиров. Придя к жилищам Iäha, кундагирцы начали пускать в хирагиров свои стрелы. Стрелы у них были оперены перьями из крыльев разных птиц. Тут же, среди кундагирцев, был и тесть Iäha; стрелы у него были оперены перьями из лебединых крыльев и резко выделялись среди стрел остальных кундагирцев. Когда началась стрельба, он поднял свою белую стрелу и помахал ею в воздухе, чем давал знать зятю о своем присутствии. Тем временем, пока он махал, стрелы делали свое дело, и одна стрела угодила в затылок Iäha; когда он отворачивался, уклоняясь от стрел, Iäha свалился. После падения Iäha кундагирцы очень скоро перестреляли остальных хирагиров и затем ушли обратно. Возвращаясь после разгрома хирагиров, кундагирцы дорогой присели отдохнуть. В это время тесть Iäha, выдвинувшись из толпы, сказал:

— Был у моего зятя прекрасный нож; пойду-ка я поищу его!

С этими словами старик вернулся на место побоища. Придя туда, он отыскал Iäha и нашел, что он только ранен и что стрела засела у него в шейной кости. Вытащил он из шеи зятя стрелу, развел ему костер, усадил около костра и сказал:

— Ну, сиди тут; я скоро отделюсь от своих и приду к тебе.

Тесть ушел к своим, а Iäha остался у костра, среди своих убитых сородичей, лечиться от своей раны.

Вернувшись домой, кундагирцы по обыкновению разбрелись на лето. Отделился от всех и тесть Iäha и, отстав от своих, опять вернулся к своему зятю. Здесь он прожил все лето, кормя охотой больного и ухаживая за ним. Скоро Iäha совсем поправился и снова принялся за охоту и свои обычные занятия. Наступила осень. Тесть его опять вернулся к своим. Через несколько лет кундагирцы услышали, что Iäha жив и живет себе попрежнему и что у него опять есть народ, частью остатки не попавших в разгром хирагиров, частью бродячий безродный народ, приставший к разбитому роду. Надо с Iäha покончить, решили кундагирцы и летом опять пошли на него. Приблизившись к жилью Iäha, они сначала потихоньку разведали, правда ли то, что они слышали. Оказалось, действительно Iäha был жив и около него имелся народ. Было время перед осенью. Iäha с людьми своими занимался охотой на гусей и питался ими. Стоял дождливый день, и Iäha и его люди сидели в чуме и ели гусей. В этот момент к ним незаметно подошли кундагирцы и пальмой [3] перерубили верхнюю связку чума. Чум, оставшийся без опоры, рухнул на сидевших внутри, и, когда он придавил их таким образом, враги стали прикалывать их своими пальмами сквозь чумовые нюки [4]. Всех перекололи они, и лишь один вырвался из-под чума и бросился бежать. Кундагирцы бросились догонять его. Один тесть Iäha остался около чума и стал искать своего зятя. Под чумом было тихо; ни звука не слышно, ни стона.

— Странно, — думал кундагирец — неужто Iäha не мог никак спастись? — и, отворачивая нюки, осматривал убитых, но все это были другие лица.

— Iäha, ты здесь? — окликнул он, наконец, его тихонько.

— Здесь, — раздалось из-под нюков.

Когда чум свалился на сидевших, Iäha понял, как это произошло, и уселся смиренько в середине чума, тогда как товарищи его завозились, стараясь вырваться и тем самым выдавая самих себя, и были все переколоты.

— Ну, так выходи скорее и беги: я один здесь, а товарищи все пустились догонять бежавшего.

Iäha вскочил; у него была лишь одна удочка да колчан со стрелами, вот и все, что он мог в темноте и второпях захватить. Выскочив из-под чума, он пустился бежать. Тесть его стоял тут, около чума, и смотрел ему вслед. Жаль ему было своего зятя, хотелось ему спасти как-нибудь его, но в то же время он боялся выдать себя товарищам и потому, дождавшись когда зять отбежал на значительное расстояние, крикнул своим:

— Эй, что же вы разбрелись и чего смотрите. Ведь Iäha убежал, догоняйте же его!

---

[1] Хрюканье оленя, напоминающее хрюканье свиньи, на севере называют „хорканьем".

[2] В переводе — глаз.

[3] Большой нож на древке.

[4] Нюк — полотнище, сшитое из нескольких плохо выделанных оленьих кож служащее для покрышки чума поверх остова из шестов.

Двое, услыхав крик товарища, немедленно погнались за беглецом. Хорошо бегал Iäha, но и противники его бегали, видно, не дурно. Стали они его догонять. Бежал Iäha между двумя ручьями, вниз по стрелке, к месту слияния ручьев, и, добежав до него, перепрыгнул через один из ручьев. Только перескочив через ручей, он споткнулся и стал на четвереньки, почему через голову его высыпались из колчана все стрелы. Собирать рассыпанное было некогда; только на ходу он успел поймать одну стрелу и, держа ее в руке, пустился бежать дальше. Преследовавшие его продолжали гнаться за ним, но так и не догнали. Убежав от смерти, Iäha только и мог вначале питаться тем, что добудет своей удочкой. Со временем же он поправился, опять устроился и стал жить спокойно; кундагирцы больше не преследовали уже его. Обзавелся он семьей, пошли у него дети, выросли, поженились и народили в свою очередь детей. Так образовался тунгусский род Хирагир, который и по сие время здравствует и размножается.

5. Умна

Много лет тому назад, в старину, близ речки Киды, впадающей в Котуй, жил тунгус из рода Ельдягир, по имени Умна́. Имел он жену и подростка-сына, по имени Уюльгу. Жила семья очень бедно. В те времена у тунгусов не только не было оленей, но не было почти совсем ни ружья, ни лыж. Он был очень беден. Единственно, что он имел в своем распоряжении из средств для пропитания, это — удочки. Уженьем рыбы семья Умна́ только и кормилась. Удили все трое в разных концах озера. Зимой прорубали проруби и в них удили, а чтобы было где погреться, разводили тут у проруби костер. Так и жили они, перебиваясь кое-как; когда поймают какую-нибудь щучку, другую — поедят, а когда так и вовсе не поймают и сидят голодом. Жили, жили они так, только Умна́ стал замечать, что у жены что-то совсем перестала ловиться рыба.

— Что за оказия? — думал он. — Ловилась прежде у старухи рыба, а теперь что ни день, то она возвращается с пустыми руками.

Ломал, ломал Умна́ над этим голову и надумал осмотреть прорубь, в которой удит жена. Задумано — сделано. Осмотрел он без жены ее прорубь и видит, что там, на дне озера, лежат рыбьи кости.

— Ну, сынок, видно, старуха решила уморить нас; должно быть, она тут же у проруби и ест добытую рыбу, так как там, на дне озера, лежат рыбьи кости, — говорит он после этого сыну.

На другой день он отправил сына одного, а сам сказал, что придет потом. Сын ушел, но скоро услышал за собой крики.

— Ну, видно, отец убил мою мать, — подумал он, однако не остановился и пошел дальше.

Скоро видит он — идет отец, волоча за собой на веревке весь свой домашний скарб, нагруженный на оленью шкуру.

— Ну, сынок, — сказал Умна́, подойдя к Уюльгу, — я убил твою мать; она, оказывается, одна, без нас съедала всю наловленную ею рыбу. Пойдем отсюда, все одно где умирать.

Сказав это, Умна́ пошел дальше, а сын за ним. Шли, шли они и вышли на одно озеро́, где оказались старые человеческие следы. Остановился здесь рыбак и говорит сыну:

— Что же, поудим тут!

И, разойдясь в разные стороны, они стали удить. Спустя некоторое время, Умна́ заметил на другом конце озера человека, который начал подкрадываться к нему. Это был турильский тунгус, рыбачивший здесь, по имени Кинäшкäн. Он действительно заметил Умну́ и начал его скрадывать[1]. Увидев, что незнакомец его скрадывает, Умна́ тотчас же разделся, положил свое платье у проруби наподобие сидящего человека, нахлобучил на него свою шапку, а сам спрятался под яр, в том месте, где должен был выйти скрадывающий его человек, и стал ходить. Скоро Кинäшкäн действительно вышел из него, не подозревая, что у проруби пустое чучело из платья. Как только он появился под яром, Умна́ выскочил на него неожиданно и сказал:

— Кого ты скрадываешь? Мое имя Умна́, если ты его ищешь!

С этими словами он пустил в него стрелу, которая вонзилась тому в горло. Умер Кинäшкäн. Нашел у него Умна́ ружье и лыжи и, захватив их, на этих же лыжах пошел по следам убитого, захватив с собой сына. Завернув за мысок озера, они увидели еще одного человека, занятого уженьем. Заметил их и тот в свою очередь, но так как при нем никакого оружия не было, то, надев свои лыжи, он пустился бежать. К несчастью для него, у него в это время оторвалась завязка на лыжах, чем и воспользовался Умна́; догнав его, он тут же и покончил с ним. Оказалось, что это был младший брат Кинäшкäна. Убив второго, Умна́ отправился дальше по следам и скоро дошел до чума, где нашел жену Кинäшкäна, которую сделал своей женой. Стал он после этого жить здесь. Сын его не принимал никакого участия в его боях, ни поощрял его, ни порицал. Не долго сидел только здесь Умна́. Захотелось ему еще подраться с кем-нибудь и убить кого-нибудь и двинулся он к озеру Комешка. На пути к этому озеру он нашел еще одно озеро, где жили три семьи турильских же тунгусов. Заметив их, Умна́ дождался ночи и, когда все три семьи заснули, вырезал их всех сонными. Озеро с этих пор стало известно под названием Бунинда, т. е. озеро могил. Покончив с этим, Умна́ двинулся дальше. Тем временем снег стал уже сходить, следов ничьих уже нельзя было найти. По берегам уже открылась вода, и по ней можно было плавать на плоту. Двигаясь понемногу вперед, Умна́ однажды вышел на одно озеро, где увидел на плоту человека, ловящего рыбу. Тот в свою очередь заметил его. Оба приготовились к встрече. Но в это время рыболов узнал Умну́ по его сыну и издалека крикнул ему:

— Здорово, отец Уюльгу, а ведь я чуть в тебя не стал было стрелять.

— А, здорово, Майма́, ведь и я чуть не убил тебя, не узнал сразу!

---

[1] Подкрадываться.

Оказалось, что это был знакомый и какой-то родственник Умны из рода Ялгир; у него тоже был сын подросток.

— Откуда идешь? — спросил Майма, поздоровавшись с Умной.

— Да хожу, убиваю, — отозвался тот.

— Ага, но я тоже многих убил, — сочинил о себе Майма, чтобы тот не стал храбриться над ним.

— Это хорошо, пусть боятся, — ответил Умна, поверив выдумке товарища.

Стали они жить вместе и ставить сообща сети, для чего поселились на озере. Только хоть и знакомы они были и родственники, но все время стерегли друг друга, не доверялись и опасались вероломства. Вместе они ходили сети ставить, вместе смотрели их, вместе сидели дома и вместе ходили на охоту; словом, они были неразлучны и не спускали друг с друга глаз. Долгонько так прожили они вместе. Уже стали зеленеть деревья. Весна стояла уже в полном разгаре. Приятелям стало уже надоедать такое положение; Майма стал уже утомляться; вечерами ему раньше товарища стало хотеться спать, а Умна вовсе не спал. Однажды Умна заметил на горах Кяльды огонек и решил сходить туда поохотиться на бродящего по ним человека. Отточил он свою пальму, взял ружье и пошел, а Майма остался, говоря, что одному нужно остаться при детях и семьях, чтобы защитить их в случае нападения. Ушел Умна в горы, бродил, бродил в них, но нигде никого не нашел. Человек, повидимому, просто переночевал на них между камнями и ушел; следа никакого не осталось. Долго ходил Умна по горам, напрасно измаялся, утомился и пошел обратно. Майма тем временем немного передвинулся на новое место и стал поджидать товарища. Только ему не удалось устроить засаду, так как Умна во-время заметил его, и они оба вместе пришли к месту новой стоянки. Бабы в это время шли лесом к этому же месту, чтобы собрать дорогой чумовых шестов.

— Эх, бабы-то не знают место и, пожалуй, заблудятся, — произнес Майма, придя туда.

Умна кинулся в лес и второпях забыл захватить ружье и пальму. Майма тотчас же подхватил вооружение товарища и стал поджидать его. Скоро показался Умна с чумовыми шестами.

— А вон и бабы!—крикнул Майма.

Остановился Умна, вспомнил, что забыл захватить оружие и, бросив шесты, кинулся было бежать за ними, но в это время Майма ранил его из его же ружья в висок и, когда он упал, добил его пальмой. Убив отца, он хотел было убить и сына, но Уюльгу так просил у него пощады, что Майма оставил его в живых и вместе с его мачехой взял к себе.

6. Юраки

Однажды среди юраков потерялся один человек. Ходил ли он на охоту да забаудился или убит был где-нибудь, — никто не знал. Стали юраки искать его и нашли на снегу его след. Дело было весной. Найдя следы, два юрака отправились проследить этот след. Неизвестно, долго ли они шли или коротко, только явственный все время след в одном месте прервался и исчез, словно провалился. Посмотрели юраки туда, сюда — нигде ничего. В это время один из них случайно взглянул наверх и увидел висевшие на ветвях дерева человеческие кишки. Ничего другого не отыскалось, и искатели следов вернулись обратно. Был в это время среди юраков один мудрый человек, к которому все и обращались за советом в трудную минуту. Так и теперь юраки обратились к своему советчику. Тот сказал им:

— Соберитесь в числе ста человек и пойдемте на то место, где висят кишки. Там надо будет устроить высокий дом с высокой же трубой, но без окон и без дверей, и прорыть в него издалека подземный ход, так, чтобы его не могли найти незнающие люди.

Так юраки и сделали. Собрали сто человек вместе с советчиком и отправились. Придя на указанное искателями следов место, они действительно увидели там висевшие на дереве кишки и по совету своего мудреца построили высокий дом с высокой трубой; ни дверей, ни окон не сделали а прорыли подземный ход. Когда все это было исполнено советчик их и говорит им:

— Теперь возьмите сухожилий и свейте из них веревку такой крепости, чтобы все вместе не могли порвать ее.

Приготовили и веревку. Из веревки этой советчик устроил аркан и насторожил его на трубе дома так, чтобы снаружи не было видно, а свободный конец веревки пустил внутрь дома.

— Тот, кто убил или съел нашего товарища, во всяком случае вернется сюда видимым или невидимым и постарается войти в дом, для чего у него не будет другого пути, как проход в трубу, — сказал мудрец. — Будем же его караулить.

Все пришедшие юраки вошли через подземный проход в дом и стали ждать. Долго они ждали, будет ли что-нибудь. Наконец, однажды наверху, около трубы, послышался шорох. Юраки притихли. Шорох увеличился и послышался у отверстия трубы. Слышно было, как кто-то пытается проникнуть внутрь через трубу. Сидевшие внутри тогда схватились все за веревку и стали тянуть ее. Скоро что-то отделилось сверху и упало вниз. Рассмотрели, оказалось — человеческая рука, только крупнее, чем бывает у обыкновенного человека. Выйдя наружу, юраки увидели два человеческих следа, пришедших к дому, и один обратный. Взойдя на верх дома, они по следам узнали, что в то время, как они тянули веревку вниз, один из пришедших тянул своего товарища обратно, вверх, благодаря чему и оторвалась рука.

Посмотрели засадники на следы — они оказались крупнее обычных человеческих следов и шаг шире. Побоялись юраки итти по этим следам, спустились и хотели было вернуться обратно, но мудрец их настоял на противном; он говорил, что нужно во что бы то ни стало итти по следам и предпринять что-нибудь. Еще раз послушался народ своего советчика и отправился за ним. Шли, шли они так лесом и вышли на место с очень крупными деревьями, толще обхвата.

— Стойте, — сказал советчик, — закидывайте аркан на деревья и сваливайте их общими силами по одному.

Закинули юраки аркан на верхушку дерева, затянули его и налегли всей силой. Дерево нагнулось, наклонилось и грохнуло на землю; только гул пошел по лесу. Затем еще свалили дерево, потом другое, третье и т. д.; долго они работали и много повалили деревьев.

— Теперь сделайте по числу нас луки из целых лиственниц и соответствующей величины стрелы и разбросайте их между сваленными деревьями.

Так юраки и сделали. Срубили каждый по две лиственницы и, обтесав их, сделали из одних бревен луки, а из других — стрелы и разбросали все это кругом.

— Ну, теперь ступайте сами домой, я один останусь здесь, — сказал советчик.

Товарищи его действительно ушли обратно, а сам он отошел немного к сторонке, на такое расстояние, чтобы можно было слышать человеческий разговор, спрятался там и стал ждать, что будет. Скоро к месту сваленных дерев подошла кучка людей, человек сто, и остановилась. Был, оказывается, среди них тоже мудрец.

— Что это такое? — спросили пришельцы своего советчика.

— А поиграли, видно, ребята, — ответил тот.

— Что же, поиграем, коли так, и мы, — сказали люди и, подойдя к лесинам, стали пытаться валить их.

Но как ни сильны были они, однако для каждого поровень занятие это оказалось непосильным. Не могли они свалить ни одного дерева.

— Хороши, однако, ребята и хорошо поиграли, — проговорили люди, — мы не можем ни одного дерева свалить. Как же мы будем преследовать таких людей? Они перебьют нас, как мальчишек?

— Вернемтесь, друзья мои, домой, — произнес советчик, — они убили одного нашего человека, но и мы убили одного ихнего человека; значит, человек за человека, и мы с ними квиты; искать нам с них, значит, нечего.

И пришельцы действительно ушли обратно, положив зарок — больше к юракам никогда и не приближаться. По уходе их поднялся с места и юрацкий мудрец и пошел к своим, где и рассказал все, что видел.

7. Дыгын

Много, много лет тому назад, в старину, жил якутский шаман. Он имел трех сыновей, был беден и слеп. Сыновья охотились и охотой пропитывали себя и отца. Места были не изобильные, и жилось им в общем не важно. Старик постоянно уговаривал сыновей своих покинуть эту землю и переселиться в другие места, но те все отговаривались. Итти же при переселении нужно было через большой голец[1], переход через который требовал семидневного пути. Не было на этом гольце ни озер, ни ручьев, ни ключей каких-нибудь, из которых можно было бы добыть воды для питья; не было там ни леса, ни зверей каких-нибудь, ни птиц. Только трава росла на гольце, да и то не везде, а лишь местами, полосой по лощинам. Долго убеждал старик детей своих переселиться. Наконец, говорят ему сыновья:

— Ты говоришь все — переселитесь, а как же мы перейдем через голец? Разве можем мы семь дней прожить без воды?

— Ничего! Вы не бойтесь, что на гольце нет воды, решитесь только перекочевать, а там мы не пропадем и без воды не будем, — ответил отец.

Сыновья согласились и стали собираться в путь. Сборов у них было не много, богатств никаких не имели. Перед выступлением в путь старик велел сыновьям достать двадцать аршин холста и, распустив его, волочить по траве. Дело было летом; шли, выбирая травяные места. Утром холст намокал от росы; тогда доставали котел и выжимали в него воду из холста; затем холст собирали и шли дальше. Так они добывали себе воду и шли через голец. Через семь дней переселенцы спустились к реке, изобилующей рыбой и дичью. Основался старик с сыновьями здесь жить: сыновья попрежнему охотились, но только охота здесь была легче и богаче добычей. Стали переселенцы жить да поживать на привольных местах без хлопот и забот. Каждый день уходили сыновья на охоту и возвращались обремененные добычей. Однажды молодые охотники по обыкновению ушли на промысел и разбрелись за дичью в разные стороны. Один из братьев, увлеченный преследованием зверя, зашел слишком далеко от дома и заблудился. Долго ходил он, ища выхода из леса, но никак не мог выбраться из него и только дальше уходил от дома. Когда прошла ночь, он, утомленный ходьбой, завалился спать. На другой день повторилось то же самое: желая попасть домой, он только удалялся от него. Каждый день он до устадости шел, стараясь отыскать своих, и с каждым днем отбивался от дома все дальше и дальше. Целых три года блуждал он так, питаясь охотой. Никто не знает, как он выжил. Шел он так однажды лесом, потеряв уже всякую надежду отыскать когда-нибудь своих. Вдруг перед ним мелькнуло среди дерев что-то странное. Он подошел поближе и увидал человека, занятого свежеванием только что убитого сохатого, но поразило его то обстоятельство, что не было у него никаких признаков головы. Страх взял охотника, но голод превозмог страх; дело было зимой, и он несколько дней уже не ел как следует; к тому же он подумал, что и бежать ему без лыж было некуда, а у безголового были лыжи, да не простые, а медные, обтянутые кожей. Взвесив все это в уме, якут смело направился к странному человеку. Тот его принял, привел к себе в жилье, бывшее тут неподалеку, и накормил его. Во время еды он заметил, что рот у его хозяина был на спине, на том месте, где должна была начинаться шея, и что при жевании у него подымались и опускал

[1] Чистое, голое, безлесное место (Даль).

вроде движения челюстей. Тем временем наступил вечер, и хозяин с гостем улеглись спать. Ночью, когда безголовый уже заснул, охотник осторожно встал и кончиком ножа сделал поперечные нарезки на лыжах хозяина, а сам пустился бежать. Спустя немного до него сзади стали доноситься страшные крики, но никто его не догнал. Он был уверен, что безголовый не заметил нарезок на лыжах, наступил на них и сломал но все же продолжал бежать. По странной случайности это же бегство спасло его от бесцельного шатания и привело домой, к отцу с братьями.

Прошло много лет. От старика-шамана и его сыновей и следов не осталось. Только сохранилось о них предание, но зато осталось от них многочисленное потомство. От старика и его сыновей произошел целый народ. Богато жили потомки шамана. На лугах у них паслись огромные табуны лошадей и стада рогатого скота; леса изобиловали зверем и дичью, на речках и озерах не переводилась рыба. Над этим народом властвовал могучий Дыгын, самый сильный и храбрый человек из всего племени. Богат и славен он был среди своего народа, и никто не мог сравняться с ним ни силой, ни богатством, ни хитростью. Были у него подручные люди, тоже лучшие и сильнейшие люди из всего племени после него, а среди них выделялся один, богатырь Чалла, уступавший в силе одному Дыгыну. Жил себе Дыгын среди своего народа и спокойно царил над ним, не зная ни забот ни хлопот; все его слушались и повиновались. Никого и ничего не боялся он, уверенный в своей силе и многочисленности своего народа. Множество работников пасло на лугах лошадей и коров, а свободные люди, кто одиночкой, кто группами, охотились в лесах и горах или рыбачили по речкам и озерам. Однажды группа из нескольких человек отправилась поохотиться. Долго бродили они в лесах, гоняясь за дичью; бродили несколько дней и зашли далеко от своих жилищ. Гоняясь за зверем, в один день они набрели в лесу на жилье одной вдовы. Около дверей лежал самострел с семью нарезками на ложе для тетивы лука. Стали они пробовать его натягивать, но лук так туг, что лишь немногие натянули его до первой нарезки и только один — до второй. После этого охотники вошли в жилье, где застали только одну женщину. Стали разговаривать с ней, оказалась она тунгуской. Спросили ее, из скольких человек состоит ее семья. Она ответила, что их только двое с сыном.

— Где же он у тебя? — задали вопрос гости.

— На охоте, — ответила хозяйка.

— Как же он оставил свое оружие?

— Какое? — спрашивает в свою очередь женщина.

— Да вот то, что лежит на дворе у дверей, — говорят охотники.

— Ну, какое это оружие, — отвечает хозяйка, — это игрушка, которой баловался сын, когда был маленьким.

Скоро охотники ушли домой и, возвратившись к себе, рассказали обо всем, что видели и слышали. Удивился Дыгын, как это до сих пор никто ничего не слыхал о таком силаче, и велел разыскать Чаллу. Когда тот явился, он, дав ему еще трех отборных силачей, послал его посмотреть и разузнать, что и как, и правда ли то, что сообщали охотники. Отправился Чалла указанным путем и через два дня дошел до жилища вдовы. Подойдя к дверям, он увидел тот же самострел и, упершись ногами в лук, обеими руками стал натягивать тетиву, но как ни старался, едва натянул за третью нарезку; до четвертой не мог. Затем, войдя в дом, он также нашел там одну лишь хозяйку. Сын ее опять был на охоте. Поговорив со вдовой, Чалла отправился обратно сообщить своему властителю о том, что он узнал. Вечером вернулся с охоты сын вдовы. Мать сообщила ему, что два раза у нее были якуты и оба раза пробовали натянуть его самострел.

— Каким путем они пришли? — спросил он.

Мать указала ему направление и добавила, что и в первый раз пришли с той же стороны. На другой день охотник-тунгус отправился по следам якутов. Придя к их местам, он увидел громадный табун лошадей, гонимый множеством работников, но не остановился, а пошел дальше, вперед табуна, по тому же направлению, по которому гнали табун. На пути ему попался холмик. Охотник взобрался на него и сел в ожидании табуна. Скоро действительно подошли лошади и стали проходить с двух сторон холма. Тогда тунгус взял свой лук, вставил стрелу, натянул лук и выпустил стрелу в табун. Стрела проскочила сквозь четырнадцать лошадей. Тогда он встал и пошел обратно домой. Пастухи же, придя к Дыгыну, рассказали ему о том, как совершенно неизвестный им человек одним выстрелом убил из их табуна четырнадцать голов и ушел обратно. Снова Дыгын призывает Чаллу и начинает совещаться со своими людьми. Наконец, они заставляют пригнать табун лошадей и, привязав их в одну шеренгу, начинают пробовать, кто сколько лошадей может прострелить. Оказалось, кто простреливал одну, кто две, кто три; редкие простреливали четыре и пять, и только один Чалла прострелил семь лошадей. Сам Дыгын не пробовал стрелять. Попробовав на лошадях свою силу, Дыгын и его люди пришли к заключению что бороться и воевать им с незнакомцем было бы не под силу.

— Нам не справиться с таким человеком, — говорил Дыгын, — лучше же постараемся мы заслужить его расположение и сделать его своим человеком. Иначе он перебьет всех нас. Пусть отправятся к нему несколько человек во главе с Чаллой и скажут ему: „Дыгын ищет твоей дружбы и расположения и хочет выдать за тебя свою дочь. Сделайся нашим человеком и живи с нами".

Так и сделали. Послы Дыгына точно исполнили то, что он им приказал. Тунгусский витязь охотно согласился на такое предложение и вскоре явился к Дыгыну. Тот его радушно принял и стал угощать. Было лето, стояла жаркая пора. Дыгын налил своему гостю в несколько ведерный деревянный сосуд разбавленного слегка водой кумыса. Гость поднял сосуд и только приложил губы, чтобы пить, как хозяин ударил в него копьем, но копье ударилось в пустое место на нарах. Гость успел во-время отскочить, но сделал это так легко и свободно, что не расплескал ни капли из сосуда. Видит Дыгын, что не одолеть ему никак тунгусского витязя, и говорит ему:

— Ты, друг, не обижайся и не сердись; не убить тебя я хотел этим ударом, а испытать твое удальство. Вижу теперь, что недаром так славят тебя, и я охотно выдам за тебя свою дочь.

Гость принял это за искренность и успокоился, хотя и был все время настороже. Скоро он женился на дочери Дыгына и зажил среди якутов. Четыре года он прожил среди них и все время был настороже. Ни разу за это время якуты не обнаружили своих враждебных намерений. Через четыре года он уже перестал опасаться, стал считать якутов своими друзьями и бросил свои предосторожности. Заметив это, якуты еще подождали с год, а на шестой убили его хитростью во время сна. Так погиб доверчивый тунгусский витязь, но не долго торжествовал и сам Дыгын.

Скоро пришли в его землю русские и стали воевать с ним. Однако у Дыгына было столько народа, что он мог противостоять им. Тогда русские, видя, что силой им не одолеть Дыгына, предложили ему мир и дружбу. Дыгын принял мир. Решили новые друзья отпраздновать свой дружеский союз и прекращение войны. Русские устроили пир и пригласили на него новых друзей. Во время пира гостей поили водкой — напиток до того времени неизвестный якутам. Пил и Дыгын, конечно, вместе с другими, и как ни был силен и крепок, но и он стал пьянеть и пошатываться. Скоро все гости были уже пьяны, а русским этого только и надо было. Когда якуты перепились все, русские напали на них и всех перерезали. Так кончил жизнь свою вероломный марь [1] якутов, а с ним пало и его царство.

В. Н. Васильев

ОБРАЗЦЫ ТУНГУССКОЙ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ [2]

Пересказ

1. Два шамана

Легенда

Были два знаменитых шамана, и захотелось им посмотреть на те места, где зимует птица. Обратились они в лебедей и полетели осенью с лебединым стадом. Прилетели туда, где зимует птица; оказалось, что там тепло и что нужно линять. Все лебеди собрались линять.

— Как же нам-то быть? — советуются шаманы. — Нужно ведь и нам линять.

— Я буду линять вместе со стадом, — говорит один.

— А я буду линять где-нибудь совсем в стороне, а то, пожалуй, лебеди узнают и забьют на-смерть, — говорит другой.

Так и сделали: один стал линять со стадом, другой — где-то в стороне, скрываясь. Первого без перьев лебеди узнали и избили так, что он тут же умер, а второй, скрывшись, благополучно вылинял и вернулся домой.

2. Лебедь

Рассказ

Когда-то в старину жил старый ворон со старухой женой. Была у них молодая дочь. Хотя старики были сами и неряшливы и нечистоплотны, но дочь у них была красавица. Увидел ее однажды лебедь; понравилась ему молодая ворониха. Решил лебедь свататься за нее. Старики, родители лебедя, не соглашались на союз своего сына с дочерью старого ворона. Тем не менее молодой лебедь присватался к молодой воронихе и, как видный и знатный жених, разумеется, получил согласие. Оставалось только сыграть свадьбу. Позвал старый ворон своего будущего зятя к себе в дом на свадебный пир. Поставили перед гостем стол (неизвестно, были ли тут родственники лебедя); невеста села со своим женихом рядом. Принесли в деревянной чашке какое-то кушанье и поставили на стол. Хотел было лебедь закусить, но только прикоснулся клювом к блюду, его сейчас же стошнило, так скверно пахло от поставленного кушанья. Противно стало лебедю; поднялся он из-за стола и улетел к себе, сбросив при полете со стола блюдо. С тех пор лебедь заказал, чтобы никто из лебедей не женился на дочерях ворона, так как вороны очень плохо едят, а ноги его и конец клюва, которыми он прикасался к блюду ворона, стали черными и уже никогда не могли отмыться.

3 Сын старика и старухи

Сказка

Жил старик со старухой. Очень стары они были; быть может, им было лет за девяносто, а может, и за сто. Притом они были крайне бедны; не было у них ни скота, ни запасов. Питались старики чем и как придется. Наконец им стал угрожать голод; стало трудно добывать хоть что-нибудь.

— Как же будем жить теперь? У нас нет ничего! — говорили они друг другу уныло.

Думал, думал старик, гадал, гадал и наконец решил итти странствовать по свету; авось что-нибудь и подвернется. Решил так старик и говорит однажды старухе:

---

[1] Тунгусы называют Дыгына царем якутов (по-якутски — саха ырахтабыта).

[2] Из „Записок Русского Географического общества по отделению этнографии", т. XXXIV, СПБ., 1909, стр. 19—40. *Ред.*

— Ну, старуха, живи себе с богом, а я пойду искать, не найду ли где чего-нибудь. Буду ходить я три года.

Старик ушел. Долго ходил он по разным местам, питаясь кое-как тем, что найдется, но, проходив напрасно три года, вернулся назад, не найдя ничего. Возвратясь домой, старик застал свою старуху баюкающей какого-то мальчугана.

— Откуда, старуха, тебе бог послал такое добро? До старости дожили, а ни разу его не было? — воскликнул он, увидев ребенка.

— И сама не знаю, старик, — говорит старуха, — проснулась однажды утром, а он лежит у меня на постели.

Стали старики воспитывать ребенка. Тот рос с каждым днем. Прошло несколько дней, может быть, месяц какой-нибудь, а из ребенка вырос уже здоровенный детина, мужик целый. Время шло. Парень уже совсем вырос, возмужал и окреп. Прошло еще несколько времени. Сын и говорит отцу:

— Отец, набери-ка восемь сум земли.

Стал старик набирать землю в сумы; трудился, трудился он, устал, изнемог; уж очень он был стар и слаб, но все же набрал сколько нужно земли. Взял сын сумы с землей и говорит отцу:

— Ну, отец, смотри по ту сторону балагана [1]; как я брошу суму через балаган, там окажется лошадь.

Стал сын перебрасывать сумы с землей, и действительно, как перебросит суму, появляется лошадь, перебросит другую — вторая. Так он перебросил все восемь сум, и за балаганом очутилось восемь лошадей.

— Это не простые лошади, — говорит сын, перебросив все сумы, — они испражняются не простым калом, а лошадями же.

И в самом деле: как выложит какая-нибудь из этих восьми лошадей кал, сейчас же появляется новая лошадь.

— Ну, отец, теперь у тебя есть чем кормиться, голодать больше не будешь, — говорит сын.

Разбогатели старики; что ни день — прибывают да прибывают у них лошади. Всюду разбросались табуны старика, и разведось у него лошадей несметное число. Долго ли, коротко ли, только стал сын скучать у стариков. Стала прибывать у него сила могучая; стало его тянуть с кем-нибудь подраться, потягаться, силой померяться, кости поразмять. Добыл он себе подстать сильного коня, железного, крылатого, и так стал говорить отцу:

— Ну, отец, питания я тебе достал вдоволь, лошадей у тебя много. Живи себе с богом, а я поеду побродить по свету, богатырей поискать, силой потягаться. Если жив останусь, вернусь к вам когда-нибудь; если ж убьют, ну, прощайте тогда и не поминайте лихом.

Попрощался витязь молодой с отцом, с матерью, сел на коня, свистнул, и только его и видели старик со старухой. Долго ехал витязь по горам, по лесам, по долинам. Стал он подъезжать к трем богатырям. Испугались двое из этих богатырей топота его лошади и попадали в обморок. А третий, сказав: „Эх, вы, испугались сына старика со старухой. Вот я усмирю его", — пошел к нему навстречу. Завязался бой. Но недолго дрались они. Ударил стариков сын раз своего противника пятидесятипудовым посохом, другой раз, третий — слабеть стал тот. Скоро он его и совсем убил и искрошил на мелкие кусочки. Не тронув двух товарищей убитого, победитель сел на своего коня и уехал дальше искать приключений. Много и долго он ездил по свету, много увидел и стран и людей, много раз дрался, многих убил. Нигде не нашел себе равного. И возгордился витязь. Думал он уже, что нет ему равного, что он только один и есть на свете сильный, славный и могучий богатырь. Заспесивился он; стал горд и заносчив. Едет он так однажды, преисполненный гордости, а конь его и говорит ему:

— Нужно, хозяин, вернуться! Пора! Не сдобровать нам, если двинемся дальше. Гибель нас ждет впереди, вернемся!

Рассердился витязь на свою верную лошадь, ударил ее своим пятидесятипудовым посохом и говорит:

— Глупое животное. Я тебя сделал, и ты же хочешь учить меня! Умней меня хочешь быть!?

Еще побил он свою лошадь и поехал дальше. Вдруг на пути его перед ним предстал маленький человечек, совсем карлик, и говорит ему:

— Ты, сын старика и старухи, сделался слишком силен и хочешь стать сильнее меня. Я тебе не давал такой силы. Ты зазнался и слишком возгордился, так что мне надо смирить тебя. Я уже давно жду тебя здесь.

Сказав это, карлик исчез. Богатырь был сначала крайне удивлен речами карлика и не мог сообразить даже, в чем дело, но потом, по исчезновении того, опомнившись, очень рассердился.

— Ах, ты! Еще разговаривает. Зачем я его не убил? Надо было убить. — И поехал дальше. Не проехал он, однако, и десяти шагов, как заметил перед собой стоящего на пути богатыря гигантского роста, выше леса стоячего. Подъехал к нему стариков сын и говорит:

— Как: добром будем говорить или по-худому встретимся?

— Вот мой посох лежит, — кивнул тот в сторону, — подними его, попробуй; поднимешь, ну, тогда и разговаривай со мной.

— Вот где наш конец! — молвил конь своему хозяину.

— Молчи! — ответил тот и, слезши с коня, стал поднимать посох.

Но только он взялся за него и попробовал поднять, как ушел по колени в землю; еще понатужился — увяз по пояс, а посох лежит, как и раньше, словно его и не трогали. Собрал тут гор-

---

[1] Так называют якуты юрту.

дый витязь все свои силы, уперся руками в посох, попробовал поднять и ушел в землю по шею. Тогда только понял он, что пришел тут его конец, смерть пришла, и стал завещать:

— Пусть голова моя станет столовой горой, спинной хребет — горною цепью, а ноги и руки — горными хребтами.

Так сын старика и старухи, могучий богатырь, слишком возгордившийся своей непомерной силой, погиб, обратясь в столовую гору, хребты и горную цепь.

4. Богатырь-карлик

Сказка

Жили-были десять человек, очень сильных; каждый из них мог поднять сто пудов. Однажды они сидели за едой. В это время к ним пришел маленький, худенький парнишка и сказал:

— Здравствуйте, господа.

— Здравствуй, — ответили те.

Гостя не пригласили сесть, не дали ему никакой отдельной посуды, а просто каждый отрезал от своей доли по куску мяса и поделился с ним. Пока парнишка ел мясо, хозяева расспрашивали его, не знает ли он богатырей где-нибудь, так как они-де такие богатыри, что каждый из них поднимает сто пудов, и что они хотели бы сразиться с кем-нибудь. Гость ответил, что не знает богатырей. Тем временем один из хозяев поднялся из-за еды и спустился зачем-то в погреб. Парнишка, кончив есть, обратился к хозяевам с вопросом, кто из них старший, чтоб он мог поблагодарить его за угощение. Те грубо ответили:

— Все мы хозяева; благодари всех.

— Почем я знал, кого нужно благодарить? — сказал на это парнишка, но сказал это таким громовым голосом, что все сидевшие за едой девять человек тут же и умерли от испуга. Жив остался лишь тот, кто был в погребе, но и он выскочил оттуда, смертельно испуганный.

— Хочешь быть моим товарищем? — спрашивает его парнишка.

— Хочу, — отвечает хозяин, трясясь от страха.

— Ну, так идем со мной, — и с этими словами парнишка вышел из чума; хозяин за ним.

Здесь парнишка завязал своему спутнику глаза и, посадив его на что-то, поехал. Долго ли они ехали, коротко ли, только, приехав в одно место, остановились. Силач снял с себя повязку и видит: перед ним прекрасный чум. Парнишка открыл дверной полог и юркнул вовнутрь. Хотел туда же войти и богатырь наш, но как ни старался, не мог открыть дверь; нюк[1] был так тяжел, что он не был в силах даже приподнять его край. Наконец, спустя много времени привезший его хозяин вспомнил о нем и сказал своим ребятишкам, что там, за дверью, стоит, должно быть, приехавший с ним худенький мужичок, напрасно силясь открыть дверь. Ребятишки подняли нюк, и силач вошел в чум. Здесь он увидел, что привезший его человек, которого он принимал за парнишку, был отцом множества крошечных ребят, которые были много сильнее его, хотя их и едва видно было с земли. Угостили его хорошо, много было разной вкусной пищи.

Прошло дней пять-шесть. В одно утро хозяин спрашивает гостя:

— Хочешь ли быть моим спутником и товарищем?

— Хочу, — отвечает тот, не смея отказаться.

— Ну, так поедем.

Они вышли. На дворе стояла огромная лошадь. Опять маленький хозяин завязал глаза своему спутнику, и они поехали. Долго ли, коротко ли, приехали к одному прекрасному дому.

— Это мой дом, — говорит хозяин, — я живу здесь, когда собираюсь сражаться с богатырями. Теперь здесь, недалеко отсюда, есть три брата — богатыри, с которыми я и приехал биться.

Вошли в дом. Еды и питья здесь было вдоволь, ни в чем недостатка нет. Поели и легли спать. Наутро хозяин, выходя на двор, говорит:

— Сегодня я буду сражаться.

Скоро вслед за ним вышел и спутник его; но только он вышел, видит, что к нему идет огромный человек, выше леса стоячего. Товарищ маленького человека страшно испугался и стал низко кланяться незнакомцу. Тот и говорит:

— Что ты кланяешься, разве не узнал твоего товарища? У меня тут есть такая вода, выпив которой, я становлюсь таким большим. Только ты не рассказывай никому об этом. Ну, я пойду теперь драться, а ты сиди здесь и, если услышишь сильный шум и гром, не пугайся и не бей коня, чтобы уехать на нем. Если меня убьют, он сам уйдет отсюда и может спасти тебя. Сегодня я буду драться со старшим братом.

С этими словами великан ушел. Спустя немного времени оставшийся услыхал страшный шум и гром и бряцание оружия. У него даже в глазах потемнело, как будто от страха, и он, сев на коня, стал понукать и бить его изо всей силы, чтобы уехать, но лошадь не повела даже ухом. В это время он увидел хозяина последней, окровавленного и устало бредущего обратно.

— Ну, слава богу, с одним справился и теперь могу спать. Если ты услышишь какой-нибудь шум, буди меня, а если не сможешь добудиться, возьми молоток и бей меня им по лбу.

Говоря так, великан вошел в дом и тотчас же завалился спать. Три дня и три ночи проспал утомленный хозяин. На четвертый день товарищ его услыхал какой-то шум и бросился будить его. Но как ни кричал он, как ни бил, ни толкал спящего, тот спал себе попрежнему и ничего не чувствовал. Тогда силач вспомнил о молотке и, взяв его, три раза ударил им богатыря по лбу изо всей силы. Тогда только проснулся спящий. Сообразив, в чем дело, он встал, оправился, основа-

[1] Нюк — полотнище, сшиваемое из нескольких оленьих замш и служащее для покрытия чума. Дверной проход закрывается концом одного из таких полотнищ.

тельно поел и затем, сказав своему товарищу, что теперь он идет сразиться с средним братом-богатырем и чтобы товарищ его остался ждать здесь и напрасно не бил лошадь, так как она все равно никуда не уйдет, пока он жив, он ушел из дому. Скоро опять донесся до оставшегося страшный шум, гром и брязгание; на этот раз ему показалось даже, что как будто небо потемнело, и перетрусивший мужик снова, забыв предупреждение, взобрался на лошадь и стал бить и погонять ее, чтобы убраться из страшного места; но лошадь попрежнему стояла как вкопанная. Через некоторое время вернулся хозяин, избитый и окровавленный еще более, чем в первый раз.

— Ну, бог помог и со вторым справиться. Этот был посильнее старшего брата. Теперь остался самый младший брат, самый сильный и страшный. Устал я, утомился и сейчас лягу спать.

Сказав это своему товарищу, богатырь вошел к себе и тотчас растянулся. Ложась, он сказал товарищу, чтобы тот разбудил его через пять дней. Ровно пять суток проспал он без просыпу. На шестые сутки товарищ разбудил его тем же порядком. Поевши как следует, великан опять ушел сражаться. Через некоторое время стали слышны такой страшный шум и гром, что бедному мужику небо стало казаться то белым, то красным, то черным. Наконец, спустя много времени возвратился боец, избитый и израненный более, чем когда-либо раньше.

— Ну, слава богу! Убил и последнего, — сказал он, подойдя и передохнув немного; — это были последние богатыри на земле; теперь уж не будет больше таких.

Спустя некоторое время он спохватился:

— Эх, жаль, забыл захватить золотое кольцо, надетое на мизинец убитого сегодня богатыря; надо было взять. Ну, да все равно лягу спать. Теперь я могу спать целую неделю; опасаться более некого, — и богатырь залег спать.

Долго сидел мужик дома и думал со скуки об убитых богатырях. Хозяин все спал. Захотелось мужику посмотреть убитых, но он не решался на это, так как спящий товарищ, перед тем как лечь, предупреждал его:

— Смотри, не вздумай ходить на место боя; последний богатырь очень худо лег.

Но, наконец, мужику невтерпеж стало сидеть; охота посмотреть на убитых перемогла страх, и он отправился. Недолго ему пришлось итти. Только он вышел на другую сторону леса, как видит — лежат недалеко друг от друга три человека, такие огромные, как отдельные холмы. Последний, недавно убитый, лежал, как-то свесившись корпусом, на правом боку, положив правую руку на левое плечо; на мизинце же этой руки блестело прекрасное золотое кольцо.

— Ах, какое хорошее кольцо, надо снять его, — подумал мужик и взялся было за руку убитого; но только что он коснулся руки, как она скатилась с плеча и придавила его, как пасть [1].

Таким образом он оказался придавленным и, как ни пытался освободиться, не мог. Долго так пролежал он тут. Мертвец уже начал разлагаться и пахнуть, а он все лежал; едва живой, мучимый голодом и жаждой. Наконец, через неделю, проснулся уснувший богатырь и, хватившись своего товарища, пробормотал про себя:

— Дурак этот наверное пошел на место боя.

Сказав это, он пошел туда и сам освободил своего еле живого спутника. Затем богатырь снял с убитого золотое кольцо и надел его, как обруч, вокруг туловища своего извлеченного товарища, говоря:

— Носи, если нравится, — после чего они оба вернулись домой.

Придя туда, хозяин сходил ненадолго в лес, откуда вернулся попрежнему крошечным человечком. Покончив так со своими делами и приняв прежний облик, карлик с товарищем поехали домой, к семье хозяина.

Сколько времени по своем возвращении они прожили там — неизвестно. Только говорит однажды хозяин своему товарищу:

— Сколько пудов, ты говоришь, можешь поднять?

— Сто, — отвечает тот.

— Ну, что ж, это хорошо, — говорит хозяин, — и я могу поднять пудов с тысченку; оно и ладно. Пойдем в город за покупками.

— Пойдем.

Пошли. Приходят в город и ходят по лавкам; маленький идет впереди, большой сзади. Все смотрят и дивятся. В одной лавке разговаривают друг с другом два старых купца, обращаясь частью к пришельцам или, вернее, к спутнику карлика. А надо заметить, что карлик предупреждал своего спутника, чтобы тот как-нибудь не проболтался о богатырях.

— Были здесь, не так далеко отсюда, три богатыря, — говорит один купец. — Каждый год они писали в наши города, а нынче что-то нет письма. Что с ними случилось? Не слыхали ли вы чего-нибудь о них? — обратился купец с вопросом к пришельцам.

Только что мужик открыл было рот, чтобы сболтнуть, что ему было известно, как маленький спутник слегка толкнул его, чтобы тот молчал. Но как ни слабо толкнул карлик, толчок, однако, был так силен, что раздробил ноги спутнику, и тот со стоном свалился на пол. Тут карлик внезапно исчез, словно в воду канул, а товарищ его, оставшийся один, рассказал все, что ему было известно.

5. Хулян и ковшичан [2]

Сказка

Жили два приятеля — хулян и ковшичан. Были они семейные, имели по нескольку детей и жили на берегу реки, в двух чумах по соседству друг с другом. Однажды друзья, соскучившись сидеть дома, решили поехать вверх по речке. Сказано — сделано. Приготовили две ветки [3], взяли с собой

---

[1] Пасть — ловушка для дикого зверя.

[2] Хулян (hylán) — лисица; ковшичан (ковшичáн) — мелкая лесная птица.

[3] Челноки.

кой-какой запас провизии и в одно утро двинулись в путь. Ехали тихо; река была спокойная, течение незаметно. Ночуя дорогой, вытаскивали свои ветки на берег и ставили их носом туда, куда лежал их путь, чтобы по ошибке не ехать обратно. Долго плыли приятели; может быть, неделю, может быть, две прошли, как они расстались со своими чумами. Ничего особенного за время пути им не попалось. Стали в это время зарождаться у хуляна дурные мысли. На одном ночлеге, когда ковшичан уснул, хулян незаметно для товарища повернул ветки носом обратно, вниз по реке. Наступило утро. Ковшичан проснулся и стал будить товарища.

— Вставай, пора уже ехать.

— А разве рассвело уже?

— Рассвело, скоро уже день.

Встали приятели, сели в свои ветки и двинулись в путь. Течения попрежнему не было. Ковчишан не заметил, что едут обратно, и плыл спокойно. Долго плыли. Наконец, впереди показались олени; их было не много, всего штук, может быть, десять, пятнадцать. В те времена вообще было не много оленей; штук десять, много двадцать у одного человека.

Подъезжают ближе.

— Что это, как один пороз похож на моего? — удивляется ковшичан.

— Глупый! Разве у тебя одного есть олени? — возразил хулян. — Мало ли бывает по ожих друг на друга оленей. Даже люди встречаются совсем одинаковые.

— А знаешь что, — сказал хулян немного спустя, — давай убьем этого оленя и съедим.

— Что же, давай, — ответил ковшичан.

Пороз ковшичана был убит и съеден. Проплыв еще немного, приятели увидели два чума. Заметив их, хулян остановил своего товарища и говорит:

— Ковшичан! Видишь ли впереди два чума? Я раньше бывал здесь и немного знаю эти места. В этих двух чумах живут две женщины, и у каждой есть дети. Пойдем туда, перебьем их всех с детьми и угоним их оленей к себе домой. Хочешь?

— Ладно, — ответил ковшичан.

— Только вот что, — говорит хулян, когда ты будешь перебивать в том чуме, я покончу с этим чумом. Помни, что женщины эти очень хитры. Баба в том чуме, когда ты станешь убивать их, будет кричать тебе: „Муж, муж! что ты делаешь, зачем ты убиваешь своих детей! Или с ума сошел!" Дети, наученные матерью, также станут кричать: „Отец, отец! Зачем убиваешь нас! С ума сошел!" Но ты не слушай их, это одна только хитрость, и убей их скорей.

— Ладно, — ответил ковшичан, — а ты так же сделаешь?

— Ну, конечно, — ответил хулян, и заговорщики разошлись по двум чумам: хулян пошел в свой чум, ковшичан в свой. Войдя к себе, хулян подговорил жену кричать: „Муж! Что ты делаешь? С ума сошел, что ли?! Зачем убиваешь своих детей!" А ребят своих научил кричать: „Отец, отец! Зачем убиваешь нас, с ума сошел, что ли?" Научив их так, хулян начал стрелять из лука в чумовой шест, к которому прикреплена была перекладина с крюками для чайника и котла, а жена и дети хуляна принялись кричать и выть по его уговору. Услышав шум и крики в соседнем чуме, ковшичан начал расстреливать своих детей. Как ни плакали, как ни молили его жена и дети, он был неумолим и живо покончил со своей семьей. Когда, перебив своих, ковшичан явился в соседний чум, хулян стал хохотать над ним.

— Ха-ха-ха! ха-ха-ха! Я ковшичана обманул, и он убил своих детей; я ковшичана обманул, и он убил свою жену! Ха-ха-ха!

Горько стало ковшичану, обидно. Стал он думать, как бы отомстить вероломному другу. Время шло. Наступила осень. Пошел первый снежок. Озерки покрылись льдом.

Говорит однажды ковшичан хуляну:

— Пойдем за озеро, поохотимся немного.

— Что же, пойдем, пожалуй, — отвечает хулян, думая, что добродушный ковшичан позабыл уже обиду. Нужно было перейти через озеро. Легкий ковшичан пошел передом и шел, едва касаясь ногами льда и помогая себе слегка крыльями (хоть и люди они тогда были, а у ковшичана имелись крылья).

— Ковши, ковши! Лед что-то трещит под ногами, — говорит хулян.

— Полно, лед уже крепкий, — говорит ковшичан, — стучат только об лед мои слезы о моих детях.

Побежали дальше, но только сделали несколько десятков шагов, лед под хуляном обломился, и он погрузился в воду.

— Ковши, ковши! Помоги, я тону! — кричит хулян. — Тащи жердину.

— Сейчас.

Ковшичан побежал на берег и притащил оттуда жердь; но только жердью он не помогал выбраться хуляну, а, наоборот, давил тонущего. Хулян барахтался, барахтался, но наконец устал и пошел ко дну. Но не такой он был парень, чтобы погибнуть. Пошел хулян ко дну и попал к язям. Узнали его язи и спрашивают:

— Ты, хулян, не шаман ли? У нас мать сильно больна, нужно бы пошаманить немного.

— Да, я шаман и, если хотите, могу полечить вашу мать.

— Пожалуйста, хулян, пошамань, а мы уж тебя отблагодарим, если вылечишь.

— Хорошо, — говорит хулян, — сделайте в таком случае большое туру[1], продолбите лед на озере и поставьте туру так, чтобы оно выходило за лед. Затем принесите нюки и закройте нас, когда я стану вытягивать болезнь из вашей матери. Мать ваша будет кричать: „Хулян убивает меня, хулян ест мою икру! Ловите хуляна, бейте его!" — так вы не обращайте на это внимания, так как это болезнь будет кричать в ней, чтобы я не выгонял ее.

— Хорошо, — согласились язи.

---

[1] Шаманское дерево.

Устроили туру, притащили нюки, устроили занавес для матери. Начал шаманить хулян, а потом, спустя немного, забрался под занавес, распорол больной живот и начал есть ее икру.

— Ой, спасите, хулян ест мою икру, ловите хуляна, бейте его скорее! — закричала старуха, но научённые хуляном язи не тронулись с места. Кончив есть икру, хулян вышел из-под нюка и, говоря, что нужно теперь подниматься наверх, выбрался по туру на лед озера, где и хохотал досыта над простотой язей. Посмеявшись над язями, хулян отправился в лес, где встретил старика с двумя худыми оленями.

— Здравствуй, дедушка, — говорит хулян.

— Здравствуй, хулян, — отвечает старик.

— Почему у тебя, дедушка, олени такие сухие?

— Как же им не быть сухими, когда их у меня только два.

— Э-э, я бы их в три дня откормил, и они бы у меня разжирели.

— Ну, уж?!

— Правда, откормил бы! — уверяет хулян.

— А ну, попробуй откормить моих, — говорит старик.

— Что ж, пожалуй, — соглашается хулян, — только, дедушка, оставь мне молоток свой; я со скуки буду учиться ковать.

Оставил старик хуляну оленей своих и молоток, а сам пошел домой, к своей старухе. Оставшись один, хулян, не долго думая, убил оленей и начал есть их, расколачивая молотком кости, чтобы добыть мозг. Дня через два является он к старику.

— Ну, что, хулян, где олени? — спрашивает старик.

— В лесу, разжирели так, что и не справишься с ними, — отвечает хулян.

Пошел старик в лес, увидел обглоданные кости и кой-какие остатки своих оленей и кричит оттуда на бегу своей старухе:

— Старуха, старуха, держи хуляна, он съел наших последних оленей!

Старуха была глуховата и обращается к хуляну:

— Скажи, хулян, что кричит мой старик?

— Он кричит, бабушка, — говорит хулян, — отдай, старуха, хуляну наш последний жир, привяжи его ему на хвост, так как он хорошо поправил наших оленей.

Привязала старуха к хвосту хуляна последний жир в пузыре, и тот удрал в лес, где хохотал над тем, как надул старика со старухой. Пробежал хулян дальше и встретил несколько волков.

— Здравствуйте, волки, — говорит хулян.

— Здравствуй, хулян, — отвечают те.

Присел хулян к волкам, достал свой пузырь с жиром, привязанный к его хвосту, и начал есть.

— Что ты ешь, хулян? — спрашивают волки.

— Жир, — отвечает тот.

— Дай нам попробовать.

Дал им хулян жиру; попробовали волки.

— Вкусно, — говорят. — Где ты его достал?

— Там, в реке.

— Как в реке?

— Да так, сунул хвост в прорубь, просидел ночь, а наутро и вытащил пузырь с жиром.

— Та-ак, — говорят волки. — Научи же, хулян, и нас, как добывать жир из реки.

— Что же, пойдемте, пожалуй, — говорит хулян.

Пришли к реке, нашли прорубь; сунули туда волки свои хвосты и сидят, ждут. Сидел с ними и хулян, только хвост у него загнут вверх, вплоть к спине, так что его не заметить. Долго сидели охотники до жира. Был мороз; вода в проруби замерзла, а с ней вместе примерзли ко льду и волчьи хвосты. Как только заметил хулян, что волки прикованы крепко, захохотал сейчас же и пустился бежать.

— Ха-ха-ха! Вот дураки. Как я их надул,—слышалось одураченным волкам.

Бежал, бежал хулян, проголодался, а жиру-то уже больше нет. Нашел он в лесу оленьи рога и стал грызть, но толку от этого не вышло; сломал только себе один зуб и побежал дальше. Скоро добрался хулян до одного чума, где было много народа, и сделался у них гостем. Сидел он у них, ел, пил и беседовал. Много ли прошло времени или мало, только прибегают туда надутые хуляном волки. Бог их знает, как они освободили свои хвосты изо льда; но только так или иначе освободились и пустились догонять хуляна. Дорогой нашли обглоданные им рога и его сломанный зуб. Подбежали они к чуму и совещаются:

— Как нам узнать хуляна? Он теперь среди людей.

— Мы можем узнать его только по зубам, одного зуба у него нет.

— Вот что, — говорит старший волк, — надо их всех насмешить; прыгайте вы один за другим через костер, а когда шерсть на вас будет загораться от огня, все будут хохотать, а вы примечайте, кто как смеется.

Так волки и сделали. Прибежали в чум и давай прыгать один за другим через костер. Костер был порядочный, прыгали волки тяжело, и то у одного, то у другого вспыхивали от огня то хвост, то брюхо.

Все сидевшие в чуме стали смеяться, что, мол, эти волки вздумали через огонь скакать, и как они прыгают неловко. Смеялся вместе с другими и хулян, но только все прикрывал рот, чтобы волки не заметили у него сломанного зуба. Однако хитрость не спасла его; волки заметили, как он все прикрывает рот, набросились на него и давай его бить и кусать. Долго били хуляна волки, но все же оставили его в живых, избитого до полусмерти, и ушли. Остался хулян, поворочал некоторое время, а потом опять принялся за старые проделки.

Побежал хулян в лес и встретил медведя.

— Здравствуй, дедушка, — говорит хулян.
— Здорово, хулян, — говорит медведь.
— Ты где ночуешь, дедушка?
— А где придется.
— Брр! Это очень холодно, — говорит хулян, — я так всегда выбираю самые теплые места.
— Где же ты спишь? — в свою очередь спрашивает медведь.
— А я всегда сплю в таком месте, где раньше всего начинает греть солнце, например, на откосе горы, не выступе утеса и т. п. Хочешь, я покажу тебе хорошее место?
— Пойдем, — говорит медведь.

Привел хулян медведя на маленький выступ скалы, где едва могут улечься рядом два-три человека, и говорит:

— Вот хорошее место, здесь и будем спать. Ты, дедушка, человек старый, еще свалишься ночью в пропасть, так ложись к стене, а я лягу с краю; только если ночью я скажу тебе: подвинься, дедушка, а то ты меня столкнешь, так ты подвигайся к стене.
— Хорошо, — говорит медведь,—и новые приятели легли спать. Медведь как лег на бок, так скоро и захрапел. Тогда хитрец перелег с другой стороны медведя и говорит как будто с испугом:
— Дедушка, дедушка, отодвинься подальше, а то теснишь меня и я скоро свалюсь.

Медведь хотел было отодвинуться, повернулся, но тотчас же сорвался и полетел вниз, где и разбился на-смерть. Хуляну только и надо было этого.

Он спустился вниз, распотрошил медведя, наделал из его сала колбасы, наелся досыта, пожил здесь немного, питаясь медвежатиной, а потом, сунув одну колбасу за штаны, побежал опять рыскать. Бежал, бежал он по лесу и добежал до мужика, добывавшего тес.
— Здорово, приятель, — говорит хулян,
— Здорово, — отвечает тот.
— Это ты, что ли, на двух женах женат?
— Я, — говорит тот.
— С которой же из них ты спишь теперь?
— С молодой, — говорит тот.

Присел тут хулян, высунул из-за штанов медвежью колбасу, отрезал от нее кусок и стал есть.
— Ты что это ешь, хулян? — спрашивает мужик.
— А penis свой, — отвечает тот.
— Ну-у?! Врешь, хулян.
— Зачем врать?
— И вкусно?
— Очень вкусно!
— А ну, дай попробовать.

Опять высунул хулян конец колбасы, отрезал от нее кусок, отдал ее мужичку, а остальное снова спрятал за штаны. Попробовал мужик колбасы — вкусно, понравилось.
— Да как же это ты делаешь? Врешь, поди? — говорит он. — Ведь это больно, должно быть?!
— Нисколько, — говорит хулян, — отрежь конец penis'a, а он сейчас же отрастет снова; вот попробуй у себя отрезать.

Боязно мужику, да и колбаса вкусна. А тут хулян опять режет свою колбасу и так аппетитно жует. Соблазнился мужик, извлек свой penis, хватил по нему ножом, да тут же и свалился без слов и скоро от потери крови умер. Взял хулян приготовленный мужичком тес и пошел к его чому. Там его встретили дети умершего.
— Что это у нас отец как будто не похож на себя немного сегодня? — говорят ребятишки.
— Гм... как же не казаться другим, когда целый день работал и устал. Тащите скорей яхинга[1] (jahiga) и пурульба[2] (purulba), — добавил он.

Хотя и неправильно назвал он скобель и коловорот, но дети все же принесли их. Начал хулян скоблить. Скоблил, скоблил, но только ничего у него не выходит. Бросил он скобель и доски и сказал:
— Устал, завтра доделаю,—и ушел в чум.

А тем временем сделалось уже темно. Поужинал хулян и лег спать с молодой женой умершего мужика. Ночью вдруг баба кричит:
— Ой, это не муж мой, а хулян: у него penis костяной; бейте его топором. Ой, больно, бейте скорей!

Старая жена умершего схватила топор и ударила им с размаху, но хулян успел соскочить и убежать, а удар топором пришелся по лежавшей бабе и рассек ей живот. Умерла баба, а хулян бежит себе как ни в чем не бывало по лесу да посмеивается. Долго ли, коротко ли он бежал, только видит—стоит амбарчик, а около—санка, запряженная оленями. Подбежал ближе, видит—девушки грузят в винкири[3] сушеный олений жир и другие съедобные запасы. Подошел к ним хулян.
— Здорово, девки!
— Здорово, хозяин!
— Что вы тут делаете?
— А жир хотим везти домой, да вот горе: не знаем, как проехать прямиком, а так уж очень далеко ехать; может быть, ты знаешь прямую дорогу и покажешь ее нам.

---

[1] Скобель. Хулян употребил неправильное, искаженное слово, сделавшееся благодаря этой сказке юмористическим. Правильно по-тунгусски скобель называется — ірäнчівä.
[2] Лопарье, коловорот (слово искаженное вместо — пурулчана).
[3] Сумы для оленьего вьюка.

— О-о, эту дорогу я очень хорошо знаю и, коли хотите, могу показать ее вам, — говорит хулян. —Только положите меня в санку, рядом с винкирями, а сверху закройте; когда доедете до какой-нибудь речки, спрашивайте: какая эта речка? и я вам буду называть их.

— Ладно, — говорят девушки.

Набили они свои винкири жиром и другими съедобными вещами, нагрузили их на санки, посадили туда же хуляна и поехали в ту сторону, куда он им показал. Ехали, ехали и доехали до одной речки.

— Это какая речка, хулян? —спрашивают девки.

— Эта речка называется „Хуляльгы“ [1], — отвечает хулян.

Едут дальше. Через некоторое время попадается другая речка.

— А это какая речка? —спрашивают хуляна.

— „Умурульга“ [2], —отвечает тот.

Опять едут дальше; встречается третья речка.

— А это какая речка, хулян?

— Это речка „Дулильга“ [3], — отвечает тот с воза.

Едут девки дальше, и попадается им скоро еще речка.

— Ну, а это какая речка, хулян? —спрашивают опять девушки.

— Речка „Кумкальга“ [4], — отвечает тот.

— Ну, а теперь выпустите меня, девки, — говорит хулян, — отсюда уже близко до вашего дома, а к тому же и дороги дальше я не знаю.

Выпустили девки хуляна, и тот побежал в лес.

Но только он отбежал от них немного, сейчас же захохотал:

— Ха-ха-ха! Я девок надул. Ха-ха-ха! Я у них весь жир съел.

— А-а, хулян обманул нас, надо его догнать, — сказали девушки, сели в санку и пустились догонять его.

Побежал хулян в лес, а там был уже глубокий снег.

Бежал, бежал хулян и скоро стал уставать, а девушки его нагоняют. Что делать? Залез хулян на дерево и сидит, ждет.

Подъехали девушки к дереву и начали советоваться, как достать оттуда хуляна.

— Надо срубить дерево, — говорит одна.

— Нет, это не годится, — говорит другая, — дерево упадет, хулян соскочит с него и опять убежит.

— Давайте подожжем дерево, — предложила третья.

— Правда, давайте, —согласились все хором.

Живо натаскали под дерево целые кучи хвороста и подожгли все это. Скоро затрещал хворост, задымил; стали подниматься огненные языки кверху, стали они жечь и палить хуляна. Стал хулян задыхаться в дыму, стал гореть и взмолился он тут огню:

— Ах, огонь, огонь, не сожги всего, а оставь меня в живых, хоть с рукав величиной!

Внял огонь просьбе хуляна и оставил его в живых, но только с тех пор он стал не больше рукава шубы.

Так был наказан хулян за свои проделки и сделался маленьким зверьком, а от него пошли теперешние хуляны, маленькие и красноватые, как будто огненные.

СПБ. Ноябрь 1907 г.

И. П. Толмачев

Заметка по поводу „Образцов тунгусской народной литературы“ в пересказе В. Н. Васильева [5]

Сказки и предания тунгусов, пересказанные В. Н. Васильевым, были собраны им во время Хатангской экспедиции Географического общества, работавшей в 1905 году под моим начальством в Туруханском округе Енисейской губернии. Когда мы в феврале 1905 года двинулись из Туруханска, к нам прикомандировали в качестве переводчика для тунгусского языка (В. Н. Васильев, превосходно владеющий якутским языком, с тунгусским имел дело впервые) тунгуса Илимпийского рода Данилу Хиракир, который и был с нами неразлучно во все время экспедиции, а во время плавания экспедиции по рекам Котую и Хатанге, т. е. около двух с половиной месяцев, он был нашим единственным рабочим или, так как мы и сами были такими же рабочими, нашим помощником и товарищем, ехавшим с нами на равной ноге, спавшим в одной палатке, деливщим все лишения и удовольствия экспедиции, радовавшимся вместе с нами нашим удачам и горевавшим над нашими печалями. Осенью, когда мы снова поехали на оленях в сопровождении большого числа инородцев, Данила удержал свое место в нашем чуме и был все время неизменным членом нашего общества. Он быстро привык к нам, даже привязался: любознательный до крайности, как все его соотечествен-

[1] „Начинаю развязывать“ (искаженное, вместо хулялим).
[2] „Верх винкиря“ (искаженное, вместо умурун).
[3] „Половина“ (искаженное, вместо дуйнман).
[4] „Чисто, кончено“ (искаженное, вместо кумкаы).
[5] Из „Записок Русского Географического общества по отделению этнографии“, т. XXXIV, СПБ. 1909, стр. 41—44. *Ред.*

ники, он всем интересовался, с живейшим участием прислушиваясь к нашему разговору, расспрашивал о том, о другом и сам рассказывал, что мог и знал, и между прочим целый ряд преданий и сказок, которые рассказываются среди тунгусов. В начале путешествия и летом, когда мы были завалены работой и времени было мало, мы могли слушать эти рассказы только урывками. Позднее, когда быстро приближающаяся полярная зима все более и более сокращала рабочее время и длинные вечера сделались значительно свободнее, мы начали коротать их, рассказывая и слушая сказки. В это время и рассказывались обыкновенно сказки и предания, пересказанные здесь со слов Данилы В. Н. Васильевым. Сказки записывались также и другими участниками экспедиции, но В. Н. Васильев, в круг занятий которого входило и собирание сказок и преданий, более трудился над ними, чем это было возможно для нас; он постоянно возвращался к своим записям, не раз заставлял Данилу рассказывать снова, расспрашивал его об отдельных, неясно понятых местах, вообще прилагал все старания к возможно более точной записи рассказов Данилы, почему эти сказки и предания и печатаются им здесь только в своей редакции.

Данила Хирагир—сын сестры тунгуса Николая Хирагира, по прозвищу Чунго, бывшего во время нашей экспедиции старшиною или князем Илимпийского тунгусского рода. Данила вырос и воспитывался в семье своего дяди, затем служил работником у туруханских купцов, где и научился с грехом пополам говорить по-русски, благодаря чему он попал к нам в экспедицию, а еще ранее (в 1896 году) в экспедицию Асташева. Николай Хирагир, дядя нашего сказочника, является типичным тунгусом со всеми достоинствами и слабостями своего народа, патриотом которого его можно назвать вполне.

Тунгусы северной Сибири постепенно, но неукоснительно уступают перед более сильными якутами, теряют свой язык и, наконец, объякучиваются совершенно. Процесс объякучивания идет с севера и северо-востока, и в верховьях реки Хатанги мы и имеем как раз место, где идет бескровная борьба двух народностей. Такие патриоты-тунгусы, как князь Николай, инстинктивно борются за наследие своих родичей и прежде всего за свой язык. Так, про князя Николая, как и про некоторых других видных тунгусов, мы только в конце путешествия узнали, что они довольно прилично говорят по-якутски и во всяком случае понимают этот язык превосходно. Вначале же, при наших разговорах с князем Николаем, с которым нам пришлось иметь много дел, мы должны были пользоваться услугами Данилы как переводчика, отказываясь от содействия В. Н. Васильева, крайне существенного при всяких расспросах. Но Николай Хирагир борется и иначе за свою национальную самобытность. Он любит рассказывать тунгусам, собравшимся в длинные зимние вечера перед гостеприимным камельком его балагана, о том, как жили тунгусы прежде, какие они были удальцы, как непохожи они на своих выродившихся, слабых потомков — одним словом, является хранителем традиций и преданий своего племени. Он—большой любитель рассказывать сказки, чем, по словам Данилы, он готов заниматься напролет целые ночи, причем нередко сердится, если его не хотят слушать или слушают невнимательно, уходят, засыпают, так что слушание сказок является в иных случаях известного рода повинностью. Все тунгусские сказки и предания, сообщенные нам Данилой, он слышал от своего дяди, что, конечно, делает их еще более для нас интересными. Но сообщенные здесь В. Н. Васильевым сказки представляют лишь часть того, что мы слышали от Данилы. Целый ряд его рассказов напоминал нам сказки Андерсена, Гримма, баллады Жуковского и Пушкина и др. Оказывается, что наш способ коротать во время экспедиции длинные зимние вечера применяется на всем севере как инородцами, так и русскими, и Данила по поводу многих из рассказанных им сказок мог указать, от кого он их слышал впервые. С каким удовольствием слушают инородцы сказки, мы видели сами, и я никогда не забуду, как рад был Данила, когда я в награду за его сказки рассказал ему про подвиги Ильи Муромца, как не забуду того восторга, с которым он прослушал знаменитую сказку „о рыбаке и рыбке".

По словам Данилы, его дядя иногда рассказывает заимствованные сказки, но именно рассказывает, тогда как те предания, которые им считаются как бы своими, тунгусскими былинами, он поет. Но этот признак не является достаточным критерием. При отсутствии письменности и строгой преемственности преданий, что вызвано главным образом неимением определенных местожительств, сказания и предания не восходят в глубь веков и легко спутываются, и, быть может, внуки нашего Данилы будут петь сказку о рыбаке и рыбке, как поет теперь, возможно, Николай Хирагир какую-нибудь сказку, которую его дед или прадед слышал от русского торговца или казака.

СПБ. Февраль 1908.

К. Рычков

ИЗ ОБЛАСТИ ТУНГУССКОГО ТВОРЧЕСТВА

1. Хенукычан

Тунгусская сказка[1]

Старый Бамбай летовал на реке Кемчуге. Улова рыбы не было. Наступила осень. Было сыро и темно. Ветер сердито шумел, срывая последние листья с деревьев, а на речке показались забереги. Бамбаю с его большой семьей грозила голодовка. Оставаться на реке Кемчуге и думать было нечего, а потому старик решил перебраться на другое место.

[1] Из „Сибирского архива" 1913, № 12, стр. 530—535 *Ред.*

Кроме пяти малолетних детей, у Бамбая воспитывался еще сиротка, восьмилетний мальчик Хенукычан [1].

Бамбай решил бросить сироту на произвол судьбы, так как он не в силах был прокормить и родных детей, которым также неминуемо грозила голодная смерть. Перед отъездом Бамбай увел сиротку в лес, посадил его к комлю векового кедра, дал ему огниво, кремень и немного рыбы, которую советовал есть по маленькому кусочку, и, обещая сиротке вернуться через три дня, оставил его.

Уныло воет резкий ветер в дождливую холодную осень. Мечется он по темному лесу, плачет и ропщет.

Сидит сиротка у дерева и слушает печальный вой ветра. Кругом нависли серые тучи.

Грустно сделалось сиротке, и стал он подпевать ветру свою любимую песенку.

Один был рябчик,
Один—пикал.
Кто скажет: жалко,
Жалко бедного рябчика.

Так пел сиротка, а холодный ветер пронизывал его до костей. Наступили сумерки. Черные, липкие чудовища-тучи опускались к земле все ниже и ниже. Заморосил дождь.

Жмется сиротка к дереву, дрожит от страха и холода, прячет посиневшие ручонки в лохмотья своей одежды... Наконец дрема застилает ему глазки, и мальчик засыпает. В грезах мальчик видит родную мать, которую год тому назад съел дьявол-химер [2].

Вцепился сиротка обеими ручонками за шею матери, а она любовно гладит его по головке, целует и крепко прижимает к сердцу. Вдруг видение исчезло. Вместо матери, как из земли выросло ужасное чудовище, с огненными глазищами, костлявое, с рогами и хвостом—страшное, как сама смерть. Ужас охватил сиротку: узнал он этого дьявола-химер, который съел его отца и мать. В первый раз видел Хенукычан этого дьявола во сне в ту ночь, как умерла его мать.

В долгие осенние сумерки он часто слушал рассказы старой Поньги, жены Бамбая, о страшном химере. Под монотонную речь старухи у него слипались глаза, а во сне он мечтал, бредил и грозил кому-то ручонками. Ненавидел он этого дьявола всеми силами своей души. Много раз он намеревался поставить на него капкан. Много раз просил бога, горячо и убедительно, как могут просить только дети, убить этого дьявола громом, чтобы он не поедал людей, и вот этот дьявол теперь стоял перед ним, протягивал к нему свои отвратительные, костлявые руки...

В это время опять явилась мать, мальчик вскрикнул от радости и кинулся к матери. Хотел было дьявол схватить в свои когти мальчика, но мать защитила свое дитя. Она взяла его на руки и понесла на высокую гору. Здесь она поцеловала свое дитя, шепнула ему на ушко: „иди к богу" и скрылась....

Отправился мальчик к богу. Долго ли, коротко ли он шел, неизвестно. Наконец достиг роскошного дворца из белого камня. Дворец обнесен был высокой каменной стеной. У ворот стоял караульный.

Увидел караульный сиротку и от удивления даже разинул рот.

— Откуда ты? Кто твой отец? Как ты попал сюда?

— Я — человек средней земли. Нет у меня ни отца, ни матери. Имя мое—Хенукычан. Я пришел к богу просить у него какой-нибудь работы. Не даст ли боженька мне какой-нибудь работы,— сказал сиротка.

— Хорошо,—говорит караульный,—я пойду скажу об этом богу, а ты подожди здесь.

Пришел караульный к богу и говорит:

— Сиротка из средней земли Хенукычан пришел, просит у тебя работы.

— Знаю,—говорит бог,—добрый мальчишка, пусть вместо тебя караулит вход.

Караульный передал сиротке приказание бога, и мальчик стал караульным. Старательно относился сиротка к своей обязанности, зорко следил за тем, чтобы кто-либо не проник без его ведома к богу, и скоро привык к своей должности; повеселел, понравился и перестал тосковать по родной матери.

Стоит однажды сиротка, сторожит вход, вдаль посматривает и видит, к ужасу своему: идет прямо на него тот отвратительный дьявол, от которого спасла его родимая матушка. Перепугался сиротка, затрясся от страха и хотел было бежать, но пересилил свой страх и крикнул:

— Что тебе надо, дьявол поганый!

Химер уставила на него свои огненные глазища и говорит:

— Пусти меня, пожалуйста, к богу. Я есть хочу.

— Нельзя,—отвечает сиротка.—Я сам пойду к богу, скажу ему, а ты подожди здесь.

Химер присела у входа, а сиротка побежал к богу, упал перед ним на колени и говорит:

— Боженька, химер пришла и говорит, что есть хочет. Убей, боженька, этого поганого дьявола, чтобы она людей не пожирала.

Выслушал бог сиротку, рассмеялся и говорит:

— Глупый ты. Скажи химер, пусть она три года ест людей среднего возраста. Иди и скажи ей так.

Сиротка был уверен, что бог поймет его, примет его слезы и просьбу и, без сомнения, убьет ужасного дьявола, причиняющего всюду столько горя и несчастий. Но каково было удивление мальчика, когда сам бог велел дьяволу поедать людей целых три года.

---

[1] Рябчик.

[2] Искаженное русское слово „смерть".

Напугался мальчик, пошел обратно передать химер приказание бога. Идет и думает: „А ведь у меня дяди и тетки есть, съест их поганый дьявол". Подумал мальчик, тряхнул решительно головкой, улыбнулся чему-то и бодро пошел к химер. Та спрашивает:

— Что сказал бог?

— Бог приказал тебе есть на земле средние лесины три года.

Ушла химер. Три года она пожирала только лесины среднего возраста. Опустошила целые леса. Люди за это время не умирали. Не было ни слез, ни горя, всем хорошо жилось. Весело было сиротке. Но быстро пролетели три года, и химер снова явилась.

— Пусти меня к богу, я голодаю,—говорит она сиротке.

— Подожди немножко,—отвечает сиротка,—я сам скажу об этом богу.

Прибежал мальчик к богу и сказал, что пришла голодная химер.

Бог приказал:

— Скажи ей, чтобы она ела три года ребят.

Идет сиротка назад и думает: „А ведь у меня братья и сестры есть... Дьявол съест их".

Химер спрашивает:

— Что сказал бог?

— Бог сказал, чтобы ты три года ела,—отвечает сиротка,—прутья тальника.

Ушла химер. Снова три года она пожирала только прутья тальника. Снова люди не умирали на земле, жили весело, радовались и хвалили бога; хорошо было и сиротке. Но незаметно пролетели и эти три года.

Явилась химер изможденная, исхудала вся, остались только кости да кожа, и просит мальчика:

— Пусти меня к богу, я с голоду умираю.

— Ну, этого нельзя,—говорит мальчик,—сам богу скажу об этом.

Пришел мальчик к богу и говорит:

— Пришла химер и жалуется, что пропадает с голода.

— Скажи ей: теперь, пусть три года ест старых людей,—приказывает бог.

Идет назад сиротка ко входу и думает: „Э, у меня есть дедушка и бабушка... Съест дьявол деда Бамбая и старую Поньгу".

Химер спрашивает:

— Что сказал бог?

— Да что сказал бог: сухие деревья ешь три года.

Ушла химер. Опять три года грызла она сухие деревья. Люди не умирали, радовались и хвалили бога. Еще быстрее пролетели и эти три года. Сиротка уже поджидал дьявола, но химер не являлась. На этот раз она перехитрила мальчика: оборотилась мухой и незаметно пролетела к богу.

— Издыхаю с голоду,—жалуется химер богу.—Три года я ела средние деревья, три года ела одни только прутья тальника, три года грызла высохшие деревья. Людей расплодилось видимо невидимо; скоро места для них нехватит на земле.

Разгневался бог на мальчика и говорит:

— Поди съешь наперед мунишку.

Приходит химер к сиротке и говорит:

— Теперь за тобой очередь, так как бог приказал мне съесть наперед караульного.

— Погоди, успеешь,—просит сиротка.—Дай подумать, да отпусти меня погулять на волю, хотя на три дня.

Химер согласилась обождать три дня и отпустила мальчика на свободу. Отправился сиротка обратно на среднюю землю, до которой достиг только на третий день. Оставалось жить один день. Страшно боялся сиротка ужасного дьявола, сердце сжималось от печали и страха, а время шло, и конец был близок.

Погоревал, поплакал мальчик и пошел отыскивать там вековой кедр, у которого его оставил старый Бамбай. Приходит смерть. Сиротка говорит:

— Подожди немножко, успеешь. Сделай милость, расскажи мне, пожалуйста, как ты попала к богу. Я стерег хорошо. Стены кругом непроходимые. Как же ты ухитрилась проскочить?

— Да так,—отвечала смерть,—я обратилась мухой и пролетела над самой твоей головой, а ты этого и не заметил.

— Ну, это ты лжешь,—говорит сиротка.—Ну-ка, теперь сделайся мухой да залезь вот в это дупло, тогда я тебе поверю.

Смерть тотчас обратилась мухой и залезла в дупло векового кедра. Сиротка быстро заткнул пробкой отверстие, и дьявол остался в дупле.

„Попался, поганый дьявол,—думает сиротка,—теперь уж я тебя не выпушу".

Обрадовался мальчик счастливому исходу, запел песни и с радости даже заплясал вокруг старого кедра.

Назавтра Хенукычан отправился разыскивать старика Бамбая и старую Поньгу. Нашел он их скоро, на старом родовом месте. Старики обрадовались ему, и сиротка стал жить у них. Помогал старикам промышлять диких оленей, коз, сохатых, соболей, а летами добывать рыбу. Зажили старики богато.

Порой, в свободное от промысла время, Хенукычан рассказывал старикам про свои похождения: о том, как он был на небе, как просил бога убить страшного дьявола, как одурачил он этого дьявола и, наконец, как ему удалось совершенно избавиться от него.

Слушали старики и дивились его рассказам, а больше того — его мудрости. Скоро слава о нем распространилась по всей земле. Люди стали уважать его. Богатство его год от года прибывало, и стал Хенукычан самым умным, знатным и самым богатым человеком своего народа. Женился он на первой красавице и жил счастливо. Жили и другие хорошо, не умирали и даже забыли про самое смерть.

Так прошло много лет. Хенукычан стал уже стариком, волосы его побелели, как снег, кожа стала сухая, морщинистая; глаза впали, зрение потерялось.

В это время к Хенукычану явился бог и говорит:

— Куда ты девал химер? Отпусти ее.

Как ни стар был Хенукычан, но чувство бесконечного ужаса овладело им. Однако делать было нечего, и он в тот же день выпустил химер на свободу.

С остервенением и жадностью снова набросился страшный дьявол на людей, выбирал самых здоровых, которые всем своим существом чувствовали, что могли бы жить и наслаждаться жизнью.

Снова, как гадкая, липкая жаба, появилась смерть на земле, полились слезы, и люди стали вымирать целыми семьями и родами...

2. Медведь и карась [1]

Однажды медведь вытащил из озера поставленную одним тунгусом сеть, в которой запутался карась. Медведь хотел его съесть, но карась заявил медведю, что так, просто-напросто, сцапать и съесть не принято по звериным обычаям, а вместо этого предложил медведю следующее.

— Ты,—говорит карась,—живешь на земле, а я в воде; давай поменяемся на некоторое время условиями жизни, т. е. ты полезешь в воду, а я останусь на берегу! Интересно будет: кто из нас дольше выдержит. Если ты будешь дольше моего находиться в воде, чем я на земле, то я, разумеется, умру и тогда ты съешь меня.

Медведь согласился с доводами карася и тотчас забрел в озеро и погрузился на дно, а карась остался на берегу.

Долгонько медведь крепился в воде, но стал задыхаться, вынырнул и быстро выскочил из озера.

Отдохнул маленько и направился к карасю узнать, жив ли он.

Тот, видимо, прекрасно себя чувствовал: спокойно спал.

Это взбесило медведя, он рассердился на карася, ударил его лапой и пошел прочь. Карась сплющился и стал похож на лепешку, а до этого случая карась был, по рассказам тунгусов, шарообразным, круглым.

3. Глухарь и лебедь

Однажды зима была страшно холодная. Птицы чуть ли не все позамерзли от стужи. Остался только один глухарь, но и тот следующей осенью, увидев отлетающих на юг лебедей, стал к плакать и проситься с ними лететь на зиму в теплые страны.

— Возьмите,—говорит,—меня, белые лебеди, в теплые страны!

— Отстанешь!—отвечают лебеди.

— Нет, не отстану!—настаивает глухарь.

— Хорошо!—соглашается одна из лебедей.—На всякий случай я привяжу тебя к себе за веревочку. Согласен?

— Согласен!—отвечает глухарь.

Лебедь накинула глухарю на шею петлю поводка, а концы — в свой клюв, и приятели отправились в далекое путешествие. Сначала глухарь держался за лебедью, но затем стал уставать; наконец совершенно выбился из сил и лететь уже не мог. Лебедь с большим трудом дотащила его до первой остановки и говорит ему:

— Вот что, глухарь, оставайся здесь на зиму! Если мы, птицы, все улетим, тогда что же люди будут есть зимою?

Глухарь пуще прежнего заплакал и говорит:

— Нет, не останусь я!

— Здесь ты боишься холода, а там, на юге, ты умрешь от жара, и блохи тебя съедят заживо,—уговаривала глухаря лебедь.—Я тебе подарю на память беленькие перья к крылышкам, только останься!

И лебедь поделилась с глухарем беленькими перьями, чтобы только он отстал.

Глухарь долго и безутешно плакал, но все же послушал совета лебедя и остался на зиму в наших местах. От слез у глухаря покраснели глаза и брови. Кроме того, с этого времени у глухарей появились беленькие перья в крыльях.

4. Почему тунгусы имеют оленей, а остяки нет?

Всякое явление первобытные люди рассматривают под углом зрения своей крайне оригинальной философии. Так, отсутствие стад оленьего скота у енисейских остяков, казалось бы, объясняется довольно просто, т. е. постоянной убылью оленей вследствие чуть ли не ежегодных эпизоотий и эпидемий, уносящих огромное число жертв, пополнить которое нет возможности. Однако сами остяки стараются объяснить это явление в несколько необычном для нас виде, но имеющем достаточно оснований и смысла с точки зрения первобытного человека.

Однажды, рассказывают остяки и тунгусы, на охоте встретились остяк и тунгус и поймали общими усилиями оленя. Каждому хотелось получить добычу целиком в живом виде. Но как это

---

[1] Из „Сибирского архива" 1914, № 11, стр. 517—521. *Ред.*

было сделать? Подумали, подумали приятели и решили померяться силой, потянуться, с условием: кто одолеет, тот и получит добычу.

Тунгус ухватился за передние ноги оленя, а остяк за задние, и начали каждый тянуть оленя к себе. У остяка сорвались пальцы рук, и олень остался у тунгуса.

— Ну, хорошо, — говорит тунгус, — попробуем еще потянуться одной рукой, но для того, чтобы руки не срывались, привяжем их к ногам оленя!

Остяк согласился. После этого тунгус привязал свою левую руку к передней ноге оленя ремешком, а остяк свою правую руку к задней ноге олеия лыком и начали тянуть. Лыко не выдержало, лопнуло, рука остяка снова сорвалась, и олень остался у тунгуса.

Поэтому-то у тунгусов стали водиться олени, а у остяков нет... Не порвись лыко, и остяки были бы оленные...

Выходит, что от такой непредусмотрительности предка зависит благосостояние целого народа, который вследствие отсутствия стад оленного скота идет по пути к вымиранию....

Впрочем, многие данные говорят за то, что остяки никогда не были скотоводами, а ихтиофагами. Даже в приведенном легендарном сказании есть характерная подробность. Именно остяк привязал свою руку к ноге оленя не ремнем, как тунгус-скотовод, а лыком. Значит, остяк не мог раздобыться ремешком, в котором нет недостатка у скотоводов.

5. Летяга и мышь

В одно прекрасное время летяга встретила мышь и говорит:

— Дай бог, чтобы люди подохли, сгнили бы, как древесные пни гниют на земле!

— Нет, это мне не нравится,—отвечает мышь.—Так не годится! Пусть лучше люди живут, как жили, и умирают, как умирали!

Летяга стала доказывать ужасный вред, причиняемый людьми, а мышь наоборот. Слово за слово, и приятельницы чуть не дошли до драки. Наконец они согласились путем единоборства порешить вопрос чрезвычайной важности: быть или не быть людям? Если летяга одолеет мышь, то людям должно подохнуть, а если мышь одолеет летягу, то роду человеческому надлежит размножиться и наполнить землю.

Началась борьба.

Летяга хотела опрокинуть мышь, но та уперлась в землю хвостом и, в свою очередь, налегла на летягу, у которой, как известно, хвоста нет; та присела и опрокинулась на спину...

Так был спасен род человеческий...

6. Медведь

Первобытные люди не только не признают никакой пропасти между собою и животными, но во многих отношениях видят превосходство их над собой. Сила крупных зверей, хитрость, изворотливость, необыкновенное чутье и масса других инстинктов, которых лишен человек, все это дает достаточно основания относиться к животным как к существам крайне разумным и даже во многих отношениях превосходящих человека. Даже такие ничтожные животные, как мышь и даже комар, вошь и проч. дрянь, вызывают разные фантастические представления и не менее важны, чем крупные звери. Словом, каждое существо—это такой же тунгус, как и он сам, а иногда и более одаренный или разумом или силой...

Самым важным, большим и сильным животным тунгусы считают медведя. Перед ним бегут в паническом страхе все остальные звери, ударом лапы он может свалить самого сильного человека и раздавить его, как муху. Поэтому тунгусы оказывают ему знаки самого глубокого уважения и почести.

Однако одному недовольному медведю всего этого мало было, и он стал просить у господа-бога большой палец к рукам.

— Дай,—говорит,—мне, боже, большой палец!

— Нет,—отвечает бог,—если я тебе подам большой палец, тогда мне придется подать лук собаке, а она, конечно, истребит ваш медвежий род... Нет уж, видно, не дам я тебе большого пальца, а то зазнаешься больно и будешь хвастать...

Очевидно, медведь понял значение большого человеческого пальца у рук, который вследствие своего относительного положения и подвижности является как бы отцом культуры, создателем искусств и пр.

Без большого пальца люди мало чем отличались бы от медведей, разве только тем, что умеют плеваться...

П. Малых

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОРОЧЕНАХ И ИХ ФОЛЬКЛОРЕ [1]

Помещаемые здесь сказки записаны мною больше десяти лет назад у ороченов Баргузинской тайги, так называемых Баунтовских. За исключением одной, помещенной под № 10, это, собственно говоря, не сказки в общепринятом смысле этого слова, а своего рода исторические рассказы.

---

[1] Из сборника „Изучайте родной край", Записки Забайкальского отделения Русского Географического общества. Чита — Владивосток, 1924, стр. 134 — 142. *Ред.*

Научное значение этих нескольких записей ничтожно, и они, конечно, ни в малейшей степени не характеризуют ороченский фольклор как таковой, так как получены случайно и несовершенным в техническом отношении путем: имея в то время своей задачей изучение материальной культуры ороченов, я лишь изредка обращался к вопросам фольклора и на небольшом опыте мог убедиться, что эта задача очень трудна, так как без знания языка работа в этой области почти невозможна.

Сказки, которые, несомненно, представляли лингвистический и этнологический интерес, не поддавались переводу, так как ни сам сказочник, ни его слушатели и мои проводники не владели достаточно русским языком, чтобы одолеть повествование мифологического характера и найти нужные понятия и образы на русском языке. Это техническое затруднение, из которого так и не нашлось выхода, привело к тому, что в дальнейшем мне рассказывали уже сказки „полегче", сюжетом которых были уже события, быт, а не миф.

К сожалению, я не мог вернуться к этому в дальнейшем. Сожаление мое вызывается тем, что даже при тех слабых и неудачных попытках, которые мною предпринимались тогда, я убедился, что ороченский фольклор представляет много интереса и материала для исследователя, и этот богатый запас народного творчества гибнет на наших глазах вместе с его хранителями стариками-сказочниками, гибнет вместе с гибелью самобытной ороченской культуры, и может случиться, что в недалекие дни и самого орочена мы будем знать только по музейным манекенам, фотографиям да скудным записям немногих исследователей.

Фольклор ороченов, в непосредственном соседстве с которыми мы живем десятки лет, не только неизвестен и не изучен, но даже больше — вызывает сомнения в существовании, и не редки случаи, когда человек, соприкасавшийся с ороченами в течение долгих лет, ничтоже сумняшеся, заявляет, что у ороченов нет ни сказок, ни легенд, ни песен.

Такое мнение может очень легко возникнуть и показаться основательным, если принять во внимание следующее: орочен привык считать себя ничтожным человеком по сравнению с русскими, якутами, бурятами, с которыми он встречается.

Богатство культуры этих его соседей подавляет его. Дома, в которых живут русские, вещи их обихода, их оружие, письменность, равно как и многолюдство якутов, бурят, их богатство — все это заставляет орочена, который действительно все свое носит с собой, очень низко расценивать себя, свою культуру. И, быть может, поэтому самое интимное, душу своей народности — фольклор — прятать как можно дальше, хранить как можно сокровеннее для того, чтобы в своем кругу, для самого себя, знать, что и у него есть что-то, что делает его равным этим могущественным соседям, что-то свое, благодаря чему и ороченны „хотя и не настоящие, а все-таки люди", как сказал мне один старик-орочен.

Помимо этого, цивилизующее влияние соседей сказывается на ороченской молодежи в том смысле, что она старается как можно больше походить на этих соседей и как можно меньше на ороченов. В тех редких случаях, когда орочен выучивался русской грамоте, он считал нужным говорить как можно замысловатее, третировать земляков как можно больше и при всяком случае подчеркнуть разницу между ним, образованным человеком, и его невежественными сородичами. Модными делались одежда, обычаи, песни соседей, свое же забывалось, считалось ничего не стоящим.

И возможно, что самой основной причиной, почему эта область народного творчества остается скрытой, является то, что большинство сказок, легенд, песен связано с ритуальным моментом, является элементами религиозных обрядов, а следовательно, выявляется лишь в определенных случаях, при известных условиях.

Последнее предположение я основываю на следующих наблюдениях: хоровое пение и танцы орочен приурочиваются к определенному времени года и определенным событиям (свадьбы). В первый хоровод становятся все старики и старухи, как бы дряхлы они ни были, и лишь потом пение и танцы продолжает молодежь. Некоторые напевы этих хороводов носят характер „благодарения" божества.

Что касается рассказывания сказок, то оно в отношении некоторых категорий сказок допускается лишь поздней осенью, в известное время, когда „Кичиги" (созвездие Ориона) стоит высоко. Язык сказок, повидимому, также имеет особенности и формы, уже непонятные современным ороченам, чем и объясняется неудача их перевода.

Есть легенды, которые сознательно скрываются по тактическим соображениям. Так, от Д. Э. Ринчино, изучавшего бурятский фольклор, мне пришлось слышать легенду, объяснявшую причину вымирания ороченов. По легенде причина эта заключалась в том, что когда ороченны были подвластны чуть ли не великому Чингису, они чем-то разгневали хана, и он обрек их на смерть. Был сделан плот, посажен орочен с семьей и отпущен по течению какой-то неизвестной реки. После долгого плавания плот выбросило на берег в чужой земле, где и рассеялись ороченны. Они не погибли, но все равно они обречены на смерть и потому вымирают.

Эту легенду Д. Э. Ринчино получил с пояснением, что старики хранят ее в тайне, чтобы народ не впал в уныние, зная свою обреченность.

Если по указанным выше причинам изучение ороченского фольклора представляет значительные трудности и благодаря им эта область ороченского творчества остается для нас до сих пор книгой за семью печатями, то необходимо отметить еще одну причину, по которой эта книга так и не может остаться непрочитанной. Причина эта — вымирание ороченов. Вымирание это — процесс, происходящий на наших глазах, дающий определенные результаты в течение такого короткого срока, как 15—20 лет.

На наших глазах погибает своеобразная культура и носители ее. Изучение этой культуры скоро сделается невозможным. Те старики-сказочники, которых я знал в 1912 году, уже умерли, вместе с ними погиб, несомненно, большой запас народного творчества; то, что они передали своим слушателям, если и дойдет до нас, то в очень незначительной части.

1

Сначала никто здесь не жил. Тайга пустая была, только зверь ходил. Потом пришел с моря один старик-орочен. Пришел по Витиму на Баунт. Стал жить. Зверя было много, рыбы, птицы. Здешнее место было ошнкан — теплая земля.

Старик пришел с Яю. Яю — река, в море идет.

Стал жить старик. Было у него пять сыновей. Стал старик делить семью. Одному сыну говорит: ты будешь нодягыр, другому: ты—труягыр, третьему: ты—огдолор, четвертому: ты—кындыгыр (кындыгыр значит меткий, попадающий: палку кинул — кынн, попал — кындыгыр), пятому: ты—лакшикагер (это значит хватун: все шибко берет, хватает).

Так назвал старик сыновей и разослал их в разные стороны. Пускай ищут себе жен. Сыновья ходили кто три, кто пять лет. Потом сходились. Что же — имя разно, будто чужие, ну, брали друг у друга женщин в жены. В своем роду ведь нельзя брать, только в третьем колене. Так стало пять родов.

(Записано от орочена Донгыуль, Ильи Молчанова, на Усое)

2

Раньше жили не так. Хлеба не знали, водки не знали, соли не ели. Это когда соль стали знать, тогда перестали зверя слышать по духу. Раньше, когда соли не знали, зверя чуяли духом, как зверь сам.

Воевали с другими народами много. Воевали с тунгусами, которые жили у Баргузина. Тунгусы по-ороченски назывались „вокрой", они жили на Быто. По Баргузину жили „мурчель". Воевали с мамырами.

Жили как звери: ходили по лесу, ловили зверя, птицу. Потом догадались лук сделать. Тогда лучше стало — луком зверя били большого.

(Записано от орочена Туто-Екима, на Аунике)

3

Раньше воевали много, с баргузинскими тунгусами, со всеми. Увидят друг друга, сейчас убьют. Но все наши били, сказывают, наших не били.

Один раз наш ходил промышлять. Там тунгусы его увидели, убили. У него Керикан брат был. Керикан с двумя еще ороченами пошел туда, чтобы за брата им отомстить.

Теперь в Баргузин пойти надо харч брать. На коне итти надо сколько дней. Они так пошли. Что убьют — едят.

Пришли. Около юрт в лесу стали. Кто, филин ли, кто другой сядет близко к юртам, они на пятьдесят, на сто сажен стрелят из лука — убивают. Юрту стрелят — сквозь пробьют. Тунгусы испугались: так всех убьют. „Давайте,—кричат,—мириться". Как — сделали гулянку. „Говори, за брата что хочешь?" Керикан говорит: „У моего брата было десять пальцев на руках, за пять пальцев давайте пять девок, за пять — пятьдесят коней".

Дали. Он пришел на Баунт, разделил всем девок, коней. Тогда у орочен стали кони.

(Записано от орочена Туто-Екима, на Аунике)

4

Керикан убивал один сотню, тысячу людей. Его стреляют, не могут попасть, только раз в волоса попали. Он луком только водит — всех убивает.

(Там же)

5

Когда Керикан был маленький, умер у него отец. Орочены решили бросить его с матерью: что их таскать, пусть помрут.

Мать слышала этот разговор, взяла, зарыла уголь с огнем дальше, глубже. Те пришли, залили огонь, их бросили. Укочевали.

Мать достала уголь — огонь был.

Керикан взял лук, стрелы. У стрелы на конце нос птицы. Пошел. Нашел сохатого. Стрелил. Другого — тоже. Пришел, матери сказал: „Пошли следить, нашли — мертвы".

Стало одежи много, мяса много. Стали жить. Керикан лук больше сделал.

А орочены ничего не промышляли. Пришли на старое место — огонь есть, мясо есть. Керикан их же кормил. Дали ему хороший лук. Ну, а с хорошим луком ему что...

(Записано от орочена Донгыуль, на Усое)

6

Раз оставили Керикана сторожить, а он ушел в лес промышлять. Пришел — все убиты. Только сестру его, хорошая девка была, взяли, увели с собой. Он испугался — один. Убьют.

Сестра его, пока других убивали, успела лук его спрятать — сунуть в снег. Он нашел.

Взял, обжег себе унты, щеки обжег, идет — падает. Пришел к тем. Сестра его увидала, говорит: „Это наш пастух. Оленей пасти умеет, дров наладить может. Только стрелять не умеет. За это его кормили".

Те говорят: „Пусть пасет оленей". — „А почему обжег?" — спрашивают. Сестра говорит: „Это мы все играли, жгли ему". Ладно. Стал жить.

Только один старик все говорит: „Надо убить его". Но те говорят: „Пусть живет". Так они не стали ничего думать.

Керикан ночью встал, собрал все луки, раз — сломал. Разбудил их — они кинулись на него. Он стал стрелять. Убил всех.

Этот Керикан самый главный был. Однако от него все и пошли.

(Записано от орочена Конко-Тупарева, на Бонбахте)

7

Пришел на ороченов народ, который звался „вокрой". Было их без счета. Орочены сделали кругом земляной вал и укрылись за ним от стрел, которыми осыпали их вокрой. Но худо было, вокрой подходили все ближе и ближе. Ну, орочены надеялись на старого большого шамана, который был с ними. Стали просить его: спаси.

Шаман стал шаманить. Бубен будто гром гремел. Из тайги ему разные голоса откликались.

Три дня и три ночи шаманил шаман. Потом вышел из-за вала и стал перед народом вокрой.

Махнул шаман рукой, и от его руки пошла по тайге буря, вырывало деревья с корнем. Погибли вокрой, давай просить мира. Дали клятву не воевать.

Через год они тайком опять пришли на орочен. Напала на них худая болезнь. Они вернулись.

Вот какие раньше шаманы были.

(Записано от орочена Конко в местности Чулбули, где имеются остатки какой-то кольцевидной насыпи-вала)

8

Раньше лучше знали свою веру. Шаман свой человек был, постоянно говорили, все видели, узнавали. Шаман разный бывал: который черному богу шаманил, который доброму. В два места ходил шаман: в ошыкан (теплая земля) и к черному богу в землю. Когда шаман умирал, так, если он настоящий был, весь уходил.

Хоронили его, потом ходили туда сидеть день, два, три, придешь — его нет, ушел.

Когда умирал простой человек, шаман через год „следил", куда ушел покойник: в ошыкан или в землю. Покойнику в дорогу клали все: котел, халат хороший, все.

(Там же)

9

Бог — добрый к орочепам. Дал им жить, веру дал и там даст что-нибудь. Веру так дал, старики сказывают: жил давно один орочен с семьей. Раз сидит у юрты, смотрит — бог идет.

Подошел к нему, говорит: „Я сейчас пойду, там другой человек живет, ему дам веру, потом вернусь — тебе какую-нибудь дам. Ладно. Ушел бог и долго не было.

У орочена в семье кто-то болен стал. Ждал, ждал орочен бога — нету. Тогда стал орочен шаманить, стал делать из дерева рыб, ну, чего надо. Делает. Смотрит—идет бог. „Ты чего делаешь?" — спрашивает. Орочен говорит: „У меня человек болен, я шаманить хочу". Тогда бог говорит: „Ну, как знаешь, делай так". И ушел. Так стал орочен шаманить.

10

Старуха старая в шалаше сидит. Колена у ней стальные. Сидит — ноги у нее стерпли, стала их тереть, колени — оттуда вышли два ребенка, стали сосать коленки. Два-три дня прошло, стали сами промышлять. Луки им старуха сделала.

Один раз прибежали испуганы: два каких-то на лошадях хотели их забрать. Старуха махнула топором, на три сажени вколотила этих людей в землю. Стали попрежнему играть.

Нашли ровное место, стали пробовать, чей лук дальше бьет; оба хвастались: мой, мой.

Оба стрелили — обе стрелки ровно стоят в земле. Побежали — это моя, это моя; тянут, крепко стоят, не могут взять. Копать стали, больше копают — дальше стрелки в землю идут. Вовсе не видать стало.

Плакать стали, жалко стало. Ничего не могли сделать. Смотрели, какая это земля. Сели поговорить.

Удивляются, что это в земле что-то слышно, человек будто говорит там. Слышат, говорит: „Я вам лучишки отдам, вы у бабушки топор украдите".

Топор украли, тайком его потащили туда, где луки были, замахнулись — вышли из земли два человека, два на конях, кони чубарые. Чокучане — эти люди. Говорят старшему (брату): „Отдай младшего, много лучков сделаем". Не дал. Побежали, топор с собой. До старухи не добежали, чокучане их догнали, одного (младшего) взяли. К седлу привязали.

Один остался, плачет. Топор домой потащил. Старуха слышит — плачет. Старуха как будто спала—шевелиться стала. Он говорит: „Мы напрасно там, в том ключе, играть стали, мы там луки пробовали (рассказывает, что было... чокучане зубами стрелы держали, брата взяли, я один остался)". Старуха будто спросонья не знает, что делать. Села. „А где топор? Давай сюда". Взяла топор, не смотря махнула, говорит: „Ах, жалко мальчишку, топор, если ты мне моего дела не справишь, не оправдаешь, то сгинь, пропади там. Если дело исполнишь, то приходи назад".

Говорит топору: „Гора не держи, лес попадет —сплошь вали, догонишь—там в землю схорони и горой закрой". Так отправила топор.

Время идет, мальчишка все ходит там, где голос слышал, где брата взяли...

Топор догнал, в утесах схоронил. Мальчишки нет нигде — то ли спрятали, то ли бежал, — чокучане ведь в воде, под землей, под горой шли.

Топор сказывает о своих трудах, сильно устал, мучился.

(Записано от орочена Конко-Тупарева, на Чипе. Рассказ этот сопровождался припевом, который менялся после различных строф. Сказочник рассказывал речитативом, иногда пел. Припев подхватывался слушателями. Припев можно приблизительно передать звуками: догхе, догхе конх, коййоло-нэ. Припев перевести не удалось).

Б. Иттер

ДВЕ СКАЗКИ

1. Каптандыр

У одного эвенка было двое детей: мальчик пяти лет —Каптандыр и девочка четырех лет — Гарпалик. Было время такое, что оленей не было и промысла тоже не было, питались одними ягодами. В это время как раз ягод было тоже мало, и им грозила голодная смерть. Родители стали советоваться, что делать. Решили детей оставить, а самим уйти, чтобы не видеть, как дети будут умирать от голодной смерти. Выкопали яму, посадили туда детей, набрали ягод, сколько возможно было, поставили их в яму и ушли, куда глаза глядят. Дети, когда съели ягоды, стали голодать, и вот им пришла мысль просить хлеба у бога, и стали просить. И вдруг им упала булка хлеба. Они увидали, что подается, стали просить мяса, и им упала курица или птица. Так они жили двенадцать лет. Когда стали большие, они вышли из ямы; сестра отправилась разыскивать родителей, а Каптандыр стал богатырем и пошел разыскивать хорошее место. По дороге он попал в землянку, где жила старушка; он у нее спросил, где бы найти место с хорошим промыслом.

— Я не знаю, — сказала старуха,—иди прямо, найдешь другую старуху, она скажет.

Так он ходил три года от старухи к старухе, пока нашел хорошее место. Ему одному надоело жить, и захотел он жениться. Он слыхал, что где-то за сухим морем живет дочь солнца, очень красивая и хорошая девица. Долго скитался по разным местам, пока нашел море. Оно было без воды, в виде глубокой, большой ямы с песчаным дном; отправился он по морю и через долгое время дошел до богатого стойбища; в середине он увидел прекрасную дочь солнца. Каптандыр подошел, поздоровался и стал свататься, а дочь солнца посмотрела на него с сожалением и сказала:

— Я за тебя итти не могу, меня охраняет змей восьмиголовый, он должен скоро прилететь, и наверно тебе не сдобровать, много тут вашего брата полегло.

— А если я его убью, то пойдешь за меня? — сказал Каптандыр.

— Да, — ответила она.

Вдруг послышалось какое-то колебание земли.

— Ага, — сказала дочь солнца,—змей летит.—Каптандыр увидал вдалеке быстродвижущийся огонь; скоро стало видно, что это — змей. Он прямо у дочери солнца и остановился. Каптандыр подошел с луком громадной величины и начал колотить по головам, и пошла кровавая борьба, тянувшаяся полгода. К этому времени он разбил семь голов, оставалась еще одна голова. Каптандыр взялся за последнюю голову, разбил ее и стал рвать на части громадное тело змея. Потекла кровь рекой и наполнила все море, кровь впоследствии стала водой.

Потом Каптандыр женился на дочери солнца и пошел в обратный путь. По дороге пришлось драться со многими богатырями и царями, которых он всех победил. С тех пор он зажил хорошей царской жизнью. А Гарпалик долго скиталась в поисках своих родителей; когда нашла, они оказались очень дряхлыми и были умом уже как дети, ничего не понимали. Гарпалик их оставила и пошла куда глаза глядят; через долгое время ей удалось выйти замуж и зажить хорошей жизнью.

(Рассказал Василий Сыгогир, Кондогырского сельсовета, в сентябре 1925 г. на речке Качоме)

2. Нургауль

Быль

По реке Элимпее (впадает в Нижнюю Тунгуску) лет 150 тому назад жил эвенки по имени Нургауль. У него были две дочери и один брат — Хевакан. Нургауль был очень сильный и ловкий человек; ни один эвенки не мог попасть в него стрелой, он на любом расстоянии увертывался от летящей стрелы, как горнак. Чувствуя свое превосходство, он обижал всех окружающих эвенков: кого грабил, кого убивал и все забирал. Его имя произносили со страхом, а где жил и кочевал, его обходили далеко, чтобы миновать беды: Если кто к нему попадал, живым не уходил. Были случаи, когда он ходил сам разыскивать; найдя, он убивал всех и увозил имущество. Однажды, когда он был в розысках, ему попалась богатая эвенкийская семья, там был дряхлый

старик, который его издали узнал. Зная, что пощады не будет, старик схватил годовалого мальчика и привязал ему половой член назад (может быть, девочку оставит), взял на руки, сел в уголок, согнулся, качает и кряхтит. Остальные все выскочили наружу, чтобы сразиться, но Нургауль всех перебил. Пошел в чум посмотреть, что там делается. В чуме он увидел старичка, качающего ребенка; старик заплакал и стал просить Нургауля не убивать его и девочку. Нургауль подошел, посмотрел ребенка и заметил хитрость старика.

— Ладно, — сказал Нургауль, — оставлю тебе этого ребенка, хотя я вижу, что это—мальчик.

Забрав все ценности, ушел домой. После ухода Нургауля старик взялся за воспитание мальчика, которого звали Хуркокан. Он задумал сделать из него грозного мстителя за погибших. С пяти лет он стал учить мальчика ловкости увертываться от стрел, а также учил его метко стрелять. К пятнадцати годам Хуркокан стал до того проворный и бойкий, что старик не только не мог попасть в упор стрелой, но даже при выстреле сзади мальчик увертывался. Когда Хуркокану исполнилось семнадцать лет, он и говорит старику:

— Я пойду разыщу Нургауля и рассчитаюсь с ним за родителей.

Старик его отпустил. В это время был как раз наст. Хуркокан надел лыжи и пустился в путь. Долго он по тайге разыскивал, и вот однажды увидел след от лыж, не очень старый. Стал следить. В одном месте увидел, что было добыто мясо оленье и увезено. Пошел дальше. Нашел свежий след и, пройдя немного, увидел — лежит мясо, недавно добытое; остановился, давай жарить мясо. Слышит, кто-то идет на оленях. Он соскочил, приготовился, но увидел, что идут две женщины; когда подошли, он спросил:

— Чьи вы?

— Нургауля, — ответили они.

Хуркокан обрадовался, что наконец-то нашел.

— Ну,—сказал Хуркокан,—ничего обо мне Нургаулю не говорите, а то я вас первых убью; если ничего не скажете, я на вас женюсь.

Девицы испугались, дали слово ничего не говорить, навьючили на оленей мясо и пошли домой. Хуркокан идет поотдаль сзади, чтобы не быть заметным. Дошли до дому, сняли вьюки. Подошел Нургауль, осмотрел мясо и спросил, нет ли чьего следа.

— Нет, не видали, — был ответ дочерей. Нургауль отрезал кусок мяса и поставил жарить к гомовуну, а сам пошел в чум. Когда мясо изжарилось, принесли в чум и поставили подле Нургауля, который тут же стал чай пить с мясом. В это время заходит Хуркокан, держа лук наготове. Нургауль удивился неожиданному гостю. Хуркокан сказал:

— Ты убил отца и мать, сестер и братьев, и я пришел рассчитаться за них, выходи на улицу, попробуем сразиться.

Нургауль взял лук со стрелами и вышел на улицу.

— Ну, — говорит Хуркокан, — начинай стрелять, ты старше.

И Нургауль стал пускать стрелу за стрелой, пока все не кончил, а Хуркокан благодаря своей верткости остался невредим. Потом Хуркокан натянул лук и сказал:

— Ты, видно, разучился стрелять. Вот смотри, как я стреляю,—и пустил стрелу прямо в лоб, а другую в грудь.

Нургауль вскрикнул и сказал:

— Я умираю и прошу тебя, оставь моего брата в живых, чтобы он меня похоронил, — и умер.

Хуркокан брата оставил, одну девицу взял себе в жены, забрал все ценности и ушел к своему дедушке. Брат похоронил Нургауля тут же на хребте, а сам ушел кочевать. Теперь так и называется этот хребет — „Нургауль" (Нургауль был из рода Ошикир).

(Рассказал Веретешка, 55 лет, 7 сентября 1925 г. Речка Олимпея)

В. С. Пежемский

ДВЕ ЛЕГЕНДЫ ЕРБОГАЧЕНСКИХ ЭВЕНКОВ

1. Холм раздора

Как только появилась земля, Ховоки населил ее великанами, которые много, много лет жили на ней.

Первое время великаны жили хорошо, не враждовали между собой, но после они испортились, стали враждовать между собой, настолько озлобились, что, враждуя, поедали побежденных соседей. Неприятна была Ховоки жизнь великанов, и он решил убрать их с земли. Одних превратил в камень-утес, других сделал рекою, озером, болотом, а тех, кто был смелее и ходил к нему на небо, оставил там, превратив в звезды. Как только великаны вывелись на земле, Ховоки заселил ее людьми. Хорошо жилось людям в освобожденной земле: всего было вдоволь, никакая болезнь не касалась их, так как тут всегда был с ними Ховоки; он учил их, как ловить зверя и птицу, как поймать рыбу в воде. В то время люди не боялись и холода. Тело их сплошь было покрыто густою и длинною шерстью, под ней им было тепло и не было потребности иметь одежду.

Один раз Ховоки собрал людей и сказал им:

— Любимые мои дети, долго я был здесь с вами, и мне необходимо отлучиться от вас на три дня. Живите здесь так же, как жили при мне: не будет между вами ни ссор, ни зависти; ловите птицу и зверя, как я указал вам, ешьте их, ешьте также ягоды, которые редко ест зверь, у которых нет древесной опоры, а ягоды, растущие на деревьях, не ешьте; это — пища птиц и зверя; ждите меня откуда показывается солнце, не скучайте и не печальтесь.

Сказав это, Ховоки, провожаемый взорами людей, отправился в путь и скоро скрылся из виду.

Прошло много лет, половина людей, знавших Ховоки, покрылась сединами, а его еще не было, и не знали люди, когда он придет к ним. Неизвестно им было, сколько лет означают три дня, спустя которые должен был Ховоки явиться. Ожидая его, люди ворожили, но и ворожба ни к чему не привела; стало брать людей раздумье: не обманул ли их Ховоки, все ли то правда, что говорил им на прощание.

Начали есть без разбора все, что им попадалось на глаза: кислые и сладковатые ягоды с деревьев. Что же случилось? Как только начали есть ягоды, появилась среди них болезнь, после которой вся шерсть их опала, как лист осенью.

С удивлением люди увидели себя другими: то, что мы теперь закрываем, оголилось и бесстыдно торчало на виду. Женщины и молодежь, как более любопытные, хватались за половые признаки, некогда скрытые шерстью. Женщины не давали прохода мужчинам, а молодежь и даже взрослые приставали на каждом шагу к женщинам и девушкам; спокойно мог ходить лишь тот, кто связал себе из трав прикрытие (адаптун). Поведение мужчин породило ревность (орголит), а вместе с нею начались ссоры и убийства.

С убийством узнал людей и Орумо (Харги), до этого он боялся даже близко подходить к людскому стойбищу.

С появлением среди людей Харги ворожба сменилась шаманством, и люди все более и более отделялись от Ховоки.

Оголенное тело зябло от холода и изнывало от жары. Появились болезни, и люди стали вымирать.

Так прошло еще несколько лет; многие забыли совсем Ховоки, а те, кто помнил его, сердились на него за долгую отлучку и те болезни и мучения, которые из-за этого постигли людское племя. Это недовольство Ховоки передавалось от рода к роду и ненавистью гнездилось в сердцах новых поколений.

Многие годы стерли в памяти людей не только заветы, но и образ (вид) самого Ховоки. Смутно чего-то ждали люди со стороны восхода солнца, каждый по-своему соображая, что бы он стал делать, если придет Ховоки.

Но вот, перед началом одной из весен, в начале солнечного восхода, из блеска солнечных лучей выделился Ховоки и стал прибдижаться к людскому стойбищу.

Два-три старика, дожившие до прихода Ховоки, узнали его, обрадовались и сообщили это молодому поколению, но молодежь, схватив оружие, стала смущать других на убийство Ховоки. В людском стойбище поднялся шум и суматоха. Ховоки понял, что произошло с людьми. Не дойдя до стойбища на три перелета стрелы, остановился и стал упрекать людей. Упреки обозлили людей, и они бросились на Ховоки, чтобы поймать его (настолько еще люди были глупы), но он быстро стал удаляться кверху, где было солнце, и исчез в сиянии солнечного света. Обозленные люди решили добраться до Ховоки и наказать его. На своем собрании (уру) постановили: всем, кроме стариков и женщин, носить шапками в одно место землю, чтобы насыпать ее большим холмом-горою, по которой бы легче добраться к местожительству Ховоки.

Прошло много лет, и из людских трудов создалась высокая гора, далеко уходя ввысь своею верхушкою: несколько лет нужно было для того, чтобы достичь вершины и высыпать из шапки предназначенную для постройки землю. Люди всходили на эту гору, а когда возвращались к стойбищу, то там уже находили новое поколение, говорящее на непонятном языке, и редко можно было найти старика, который бы с трудом объяснил возвратившемуся, что часть знакомых ему людей или в пути на гору, или, уже возвратясь, ушли отсюда в таком-то направлении.

Возвратившийся чувствовал себя одиноким, брал жену какого-либо ушедшего и с нею уходил в сторону от людского стойбища. Так люди рассеялись по всей земле от этого холма-горы, образуя роды и различные племена... На возвышенное место стали слетаться болезни, они быстро уничтожили остатки строителей и по сие время живут там, и холм раздора людей с Ховоки теперь является стоянкой болезней. При камлании дух шамана уходит к этому холму, чтобы яснее проследить ход болезни, губящей человека, так как родовые тропы торны и по ним болезнь гонит какой-либо род, как собаки зверя.

Поэтому худо, когда люди берут в жены из своего рода: тогда болезни легко разобраться чутьем в родовом следу и пожрать семью.

Если кто желает жить хорошо и спокойно, пусть берет жену из других родов (не близких): это перемешает родовые пути, и болезнь племени долго будет блудить чутьем в поисках семейства.

(Слышал от шамана Ширбауля Гавриила в 1920 г. в с. Ербогачен. Ширбауль умер в 1921 г. в стойбище Дегдовли, в 250 км. от Ербогачена).

2. Мангы-Дёромго

В прежние времена, далеко еще до появления людей, земля заселялась великанами, которые, подобно людям, селясь около рек, занимались охотою и рыбной ловлей. Насколько они были велики по сравнению с маленькими теперь людьми, можно судить по тому, что день у этих великанов равнялся ста и больше годам.

В своих поисках за добычей они не знали преград: большие реки перешагивали как маленькие ручьи, болота и озера перепрыгивали.

В умственном отношении великаны были слабы, жили отдельными семьями, враждовали между собой, побежденных пожирали, как и всякую добычу.

В те далекие времена на берегу одной из земных рек жил великан с женою и дочерью. Проходил год за годом, незаметно подкрадывалась старость, а он все не мог дождаться от жены сына. Но вот, на старости лет великанша родила сына. Мальчик был необычайный: большого роста, с огромной головой и с тремя глазами во лбу; с появлением на свет начал ходить на ногах и, подражая отцу, стал охотиться на птиц и сподручных ему зверей.

Каждый раз он приходил с обильной добычей, причем, чтобы мясо не портилось, он не убивал зверей или птиц до смерти, а только свертывал им шеи и полуживых нес к отцу и матери.

Сестра позавидовала успехам брата и один раз попросилась итти с ним на охоту, чтобы видеть, как он ловит зверей. Брат взял ее, но, видя, что сестра не может понять всей тонкости его охотничьих приемов, показал на ней самой: завернул ей голову и в таком виде, полуживую, бросил у входа в шалаш вместе с добычей.

Разбирая добычу, мать среди зверей увидела дочь, позвала отца и сказала:

— Что это за зверь? Как он похож на нашу дочь.

Отец признал дочь; видя ее полуживой, предложил матери добить ее и сварить к ужину, а сына жестоко наказать. Мать воспротивилась, распрямила шею дочери, и она осталась жива, а сын, боясь наказания, бежал из родительского дома.

Покинув отчий кров, Мангы-Дёромго решил итти на небо — подняться на тот хрустальный свод, который прозрачным колпаком окружает землю, где в изобилии водится дорогой и крупный зверь. Но чтобы взобраться на небесный свод, необходимо дойти до края земли, где вершины земного леса касаются неба, найти в небесном своде отверстие (хангар), которое известно Оксори (богу), Харги (чорту) и Догивки *, а также, но в редких случаях, „Хангар" может найти и земной житель-герой. Мангы-Дёромго, как необычайный человек, нашел это отверстие и на своих лыжах легко помчался по небесному своду.

По пути догнал двух охотников: Торопливого и Хвастуна. Мангы-Дёромго расспросил их, за кем они охотятся. Те сказали, что гоняют лося, но не могут догнать, а потому Торопливый торопит своего друга Хвастуна итти скорее за лосем, чтобы он к утру не скрылся из виду. Хвастун, имея за спиной котелок, уже заранее говорит, как он первым догонит лося и будет варить лосиное мясо. Мангы-Дёромго попросился в их компанию, и они втроем погнались за лосем. Скоро товарищи отстали от Мангы-Дёромго. Он один, как ветер, помчался за лосем, пересек на лыжах небесный свод и перед полночью увидел лося с левой стороны от себя, обернулся и пустил ему под лопатку двухконечную стрелу и убил лосиху, а теленок с перепугу метнулся в сторону, упал в хангар и таким образом очутился на земле (от теленка пошли теперешние земные лоси). Перед утром только пришли к убитой лосихе те два охотника — Торопливый и Хвастун. Современные люди в каждую ясную ночь теперь видят на небе охотничьи подвиги Мангы-Дёромго: след от его лыжни белой неровной полосой протянулся по небу"[1], лось[2], лосенок[3] и два охотника: Торопливый[4] и Хвастун с котелком[5]; Мангы-Дёромго в правой стороне небесного свода[6]; стрела)[7].

Оставив охотников, Мангы-Дёромго пошел рыскать по небесному своду в поисках жителей. Когда он достиг середины неба, видит — стоит золотой шатер, как бы в воздухе, не касаясь хрустального свода. С трудом Мангы-Дёромго проник в шатер. Там его встретила старуха, заведывающая землей и всем живым на ней, с красавицей дочерью. Мангы-Дёромго был принят и обласкан ими: они его раздели, высушили ему унты, накормили яствами со своего небесного стола. Мангы-Дёромго понравилась небесная жизнь, а еще более полюбилась девушка, дочь старухи. Мангы-Дёромго женился на ней и сделался небесным жителем-охотником. Живя на небе, он не забывал земли, при удобном случае сгонял редких ценных зверей к небесному отверстию (хангар), делая их достоянием земных жителей.

Прошло незаметно несколько циклов лет. Мангы жил на небе и наслаждался уютом семейного очага. Временами ему приходила мысль посетить землю, узнать о жизни родных, но он боялся оскорбить своим отсутствием жену и тещу.

В такие минуты тоски по земному он уходил на край неба и, свесившись с хрустального свода, плакал. Этим облегчал себя и возвращался к жене с красными от слез глазами. Это не ускользнуло от наблюдательности тещи. Один раз она спросила, почему он приходит с охоты с красными глазами. Мангы-Дёромго ответил, что, охотясь около земли, ему приходится соприкасаться с вершинами земного леса и лес хвоей бьет его по глазам. Старуха пошла к краю земли и стала наказывать лес; деревья сказали, что напрасно их наказывает госпожа-владычица земли, зять обманул ее: не от хвои у него красные глаза, а оттого, что часами плачет здесь по земной жизни. Узнав правду, старуха ничего не сказала зятю, но когда он пришел с охоты опять с крас-

---

* Мифической птице, переносящей героев в потусторонний мир.

[1] Млечный путь

[2] Четыре звезды Б. Медведицы

[3] Первая звезда Б. Медведицы

[4] Крайняя звезда Б. Медведицы

[5] Средняя звезда Б. Медведицы с еле мерцающей звездочкой

[6] Трехзвездный Орион с прилегающими к нему созвездиями.

[7] Три звезды от Ориона к созвездию Б. Медведицы.

У некоторых эвенкийских родов легенда о Мангы-Дёромго не сохранилась, но все они называют млечный путь: „Кингля Мангини" (лыжня разбойника).

ными глазами, она сказала, что не следовало ему прибегать к обману, а лучше бы сказать правду: если ты тоскуешь по родине, то можешь посетить ее, и жена твоя на это время примирится с разлукой.

Дает ему теща своего восьминогого коня с копьевидными копытами, и Мангы-Дёромго вихрем мчится к стойбищу, где некогда оставил родных.

На том месте, где был их шалаш, он увидел огромные стволы вековых деревьев, а шалаш их почти врос и сравнялся с землей.

Привязав своего коня, Мангы-Дёромго тихо подошел к шалашу и стал прислушиваться к тому, что происходило внутри. Потом, найдя щель, увидал огромную великаншу, которая ворожила человеческой челюстью, подбрасывая ее вверх с восклицанием: „Куварк". Если челюсть падала кверху зубами, она радовалась, а если книзу, ругалась и сердилась. Это была его сестра, сделавшаяся людоедкой: она съела своих родителей и их челюстями ворожила: когда вернется брат Мангы-Дёромго, чтобы покончить с ним счеты за случай на охоте. Брат вошел в шалаш, сестра узнала его, обрадовалась, подобрала челюсти предков, стала готовить оладьи, варить рыбу и мясо для угощения брата. На ночь постлала постель: по одну сторону шалаша для брата, а по другую, ближе к выходу, для себя, спрятав под изголовье большой топор, полагая, что с дороги брат крепко заснет, а она его, сонного, убьет. Брат заметил это и бдительно стал следить за сестрой: когда он дремал двумя глазами, третий глаз не спал и глядел на сестру. К утру сестра задремала; тогда Мангы-Дёромго нашел в бересте клей из рыбьих шкур и заклеил сестре глаза, а сам стремительно вышел из шалаша, поспешно отвязал коня и помчался. Сестра услышала конский топот, проснулась, но никак не могла открыть глаза; наконец ногтями продрала веки и бросилась в погоню за братом. Осьминогий конь с трудом нес своего всадника по земле: его ноги с копьевидными копытами вязли в почве до колен. У отверстия (хангар) сестра уже догоняла было брата, но конь напряг последние усилия и вскочил на небо, здесь он уже далеко оставил великаншу: его копьевидные копыта легко задерживались на гладкой поверхности неба, между тем как ноги великанши, обутые в унты, скользили, как по льду.

Поспешно соскочил с коня у входа в шатер Мангы-Дёромго и передал теще о грозящей им опасности. Та успокоила его, приказала расплавить в больших котлах металлы: свинец, олово, железо, медь, серебро и золото, котлы поставила в ряд по дороге, а сама пошла навстречу великанше. Великанша по следам коня шла к месту нахождения брата. На пути она встретилась со старухой и начала борьбу. Три дня длился поединок. На четвертый день старуха хитростью поборола великаншу: толкая ее в зад пятки, опрокинула в котлы со сплавом, погрузив и продержав ее в каждом из них.

Великанша вскричала от боли, стала вырываться из рук старухи, а когда та выпустила ее, то она, обезумев, с прильнувшим к ее платью и телу сплавом, бросилась бежать на землю так быстро, что при прыжке разбилась в куски, рассеяв неравномерно по поверхности земли золото, серебро и другие металлы.

Ленинград 1 августа 1928 г.

(Слышана легенда 19 декабря 1920 г. в с. Ербогачен от тунгуса Кондогирского рода Дандина Василия, 70 лет.)

М. Ошаров

ТУНГУССКИЕ СКАЗКИ[1]

Сказочный материал тунгусов Туруханского края характеризуется пятью-шестью десятками типовых сказок, за исключением вариантов и расчленений некоторых сказок на ряд самостоятельных отдельных сказок и к ним еще вариантов.

Нижеприводимые сказки записаны со слов сказочников, с возможной точностью. Однако переводить труднее, чем придумывать, поэтому отдельные места тунгусских сказок, благодаря языковым особенностям, чрезвычайно трудно переводимы Например, в сказке „Недоумок", построенной исключительно на нюансе созвучий совершенно различных по значимости слов, при переводе пропадает вся прелесть. Так по-тунгусски нингта будет пятка, нянгта — кедровый корень; или оран — порог (на реке), орон — олень. Дураку в сказке велят нарезать нянгта, т. е. корней, он путает это со словом нингта и поэтому ловит детей, режет и приносит в подоле их пятки. Просят оленя (орон), он же лезет в оран, т. е. в воду, в порог и т. д.

По словам Гете, „истинный" характер сказок состоит в том, что, не преследуя никакой моральной цели, они выносят человека из тесных рамок его внутреннего мира в безгранный

---

[1] Из журн. „Сибирские огни", № 9—10, 1933, стр. 167—176. Текст сказок, обозначенных нами под №№ 18, 19 и 20 (стр. 282—283), взяты из романа автора „Большой аргиш", (М. 1935, стр. 61, 108—109, 154). Две сказки (№№ 2 и 5) первоначально помещены автором под заглавием „О лесе Моо и камнях Хишаль" и „О медведе Амикане и кедровке Чагше" в журн. „Охотник и рыбак Сибири", № 3, за 1929 г., стр. 71—72 за подписью „М. А." Относительно второй из этих сказок автор делает следующее примечание: „Эта же сказка имеется у дубчинских остяков, где старый медведь называется „баат-хой", а кедровка — „туколя". Сымские тунгусы утверждают, что „чжянда" (остяки) эту сказку взяли у тунгусов. Насколько это так, требуется проверить". Текст первой сказки приводится автором также в его романе „Большой аргиш", стр. 45. *Ред.*

внешний простор. Подавляющее большинство тунгусских сказок натуралистично. Волевой взлет фантазии творцов сказок не унес их в страны умопомрачительных див, а вывел лишь в пределы мира, ими освоенного, познанного и видимого. В тунгусском религиозном культе несравненно больше сказочной фантастики, нежели в их сказках. Тунгусские сказки материалистичны. В сказочном творчестве отразился промысловый бытовой уклад охотников-натуралистов. И сказка, как устное творчество, не синтезирует художественно-эмоциональную потенцию племени, а скорее дает иное объяснение: как было, почему так стало, откуда взялось то или иное явление, тот или иной предмет.

Слушая тунгусские сказки, не уходишь в несказанные миры, а созерцаешь реальный мир, пребываешь в быту той или иной действующей в сказке особи, в ее естественной среде — тайге, берлоге, гнезде и т. д. Для действия не придумано новой, необычной среды, фантастического фона, обстановки, условий. Даже комические сюжеты с их действующими силами низведены до естественной земной простоты.

1. Как лисица баб обманула

Узнала лисица, что в чуме бабы остались без мужиков, пришла к ним. Бабы палили мягкий олений рог и ели его. Увидела это лисица и засмеялась:

— Зачем вы едите кости? Почему не едите сладкую рыбу?

— Ели бы, да нет у нас рыбы. Где ее взять?

— Хо, я знаю речку одну. В ней рыбы полно. Поплывете со мной?

— Пойдем, пойдем, — обрадовались бабы.

— Ладно, — сказала лисица, — я поведу вас к рыбе, только есть ли у вас в турсуках[1] мука?

— Зачем тебе муку надо?

— Да без муки в речке худо ловится рыба. Хотите добыть, так берите турсук муки, кладите его в лодку и скорее поедем.

Лисица торопила баб, чтобы уплыть от чума, пока не вернулись мужики.

Взяли бабы последний турсук с мукой, посадили лисицу с собой в берестянку и поплыли вверх по реке.

— До рыбной речки не близко. Вы плывите, а я маленько усну. Будут попадаться по пути устья притоков, вы будите и спрашивайте меня. Да хорошенько смотрите, чтобы не проехать рыбную речку.

Веслят бабы, смотрят по берегам. А лисица прилегла рядом с мукой, накрылась меховым комуланчиком, прикинулась спящей и давай из турсука есть муку.

— Лисица! — будят ее бабы, — Смотри-ка, речка.

— А это речка Худельго („не начинала"), плывите дальше.

Плывут бабы. Опять увидели устье.

— Лисица, ты спишь? Посмотри речку.

— Это речка Омыльго („убавила маленько"). Плывите.

Плывут, не отдыхают бабы. Хочется поесть рыбы. Увидели третье устье. Будят лисицу.

— Не эта ли рыбная речка? Спит крепко. Лисица, не эта ли рыбная речка? Мы ее проплываем.

— Проплывайте, — отвечает сонно лисица. — это речка Тытальге („вровень с краями").

Плывут бабы, а лисица полным ртом ест муку, будто спит.

— Э, лисица, сейчас будет четвертая речка. Не в ней ли рыба? Посмотри.

Лисица одним глазом из-под комулана взглянула, чтобы не показать мучной рот, и сказала:

— Тиховато едете. Эта речка будет Ушильге („половина").

Сильнее веслят бабы, торопятся к рыбе, а лисица торопится есть муку. Показалась в прилуке пятая речка. Говорят лисице:

— Мы видим речку. Не в ней ли будем ловить рыбу?

— Нет. До рыбной речки скоро доедем. Эта речка будет Хорольге („на дне осталось"). Плывите дальше.

Плывут. Лисица долизывает муку. Увидели снова речку, будят:

— Лисица, гляди — речка! Не в ней ли рыба? Какая это речка?

— Это речка Кумкольге („опростала"). Тут будем ловить рыбу.

Пристали к берегу, прикололи берестянку. Выскочила из нее вперед баб лисица и говорит:

— У меня что-то с брюхом неладно. Подождите меня, я сбегаю в лес. Если долго не будет меня, одни рыбачить начинайте, а рыбу кладите в турсук, его я под рыбу вам опростала.

И остались бабы без муки и без рыбы.

Июль. 1926 г. Джягдагли. Чум Гургу.

2. О лесе и утесе

Амака сделал камень, дерево и велел им расти. Высоким стал камень и говорит дереву:

— Мо, ты видишь, какой я большой. Потом я стану не меньше самого Амаки.

Выслушало дерево камень-утес и камню сказало:

— Я стану не ниже тебя, Хишаль. За мою вершину будут задевать тучи.

Услышал Амака хвастовство, подошел к камню и сказал ему:

---

[1] Турсук — ильмок — переметная сума с берестяным усеченно-пирамидальной формы каркасом, обшитым сверху оленьим камусом или же таймeньей кожей. Мучная вместимость турсука — 32 килограмма.

— Хишаль, ты хочешь стать больше меня. Это не плохо. Только ты станешь тяжелым и раздавишь себя. Это худо. Падая, ты поломаешь лес. Чтобы так не случилось, лучше я покажу тебе рост твой. — Амака смахнул рукой все лишнее с камня. — Вот таким, Хишаль, ты будешь века. Как только вершина твоя станет отрастать выше, она будет сама рассыпаться.

Потом Амака подошел к дереву.

— Мо, ты хвастало стать выше туч. Это плохо. Тебя будет сильно бить ветер. Корни не удержат тебя. Ты упадешь, передавишь людей и оленей. Вот тебе рост твой. — Амака захватил в руку ветки и, помаленьку сжимая пальцы, провел ею от комля к вершине и все лишнее оборвал.

— Таким ты будешь века, — сказал Амака дереву. — Если будешь перерастать, станешь сохнуть с вершины.

С тех пор большие переросшие утесы сами собой разваливаются в мелкие россыпи, а переросшие деревья сохнут с вершины.

Июль 1926 г. Джягдагли. Чум Гургу.

3. Волк и лисица

Холодно волку. Голодный он. Идет заячьей тропинкой. Думает зайца до быть. Встретился с лисицей. Думает: съем.

Лисица говорит:

— Волк, холодно мне, давай греться. Повеселимся.

— Как?

— Ты мне свяжи ноги, я стану прыгать, ты смейся.

Волк связал ноги лисице, начала она падать, перевертываться. Повеселила волка и говорит:

— Я устала. Развяжи ноги, да весели потом меня. Мне тепло. Давай свяжу тебе ноги. Поиграешь, и мне опять свяжешь.

Волк согласился. Лежит, встает, падает. Лисица хохочет. Устал, просит развязать, а лисица „играй" говорит — и в лес.

Лежит волк. Подлетела к нему белая птичка.

— Развяжи мне, птичка, ноги, я тебя накормлю мясом, кишками.

Скривила себе птичка лапки об узел. Развязала волка. Задавил волк оленя, напился крови, разорвал брюхо, поел и оставил оленя птичке. Залезла она в брюхо, вымазала белые перышки кровью, и пошли от нее красногрудые клесты.

Волк пошел следом лисицы. Нашел конский шевяк. Посмотрел: лисица грызла его. Сломала об него клык. Идет следом дальше, ищет лисицу. Смотрит — в лесу огонь, а кругом него лисиц мно-о-го сидит.

— Это они на мунняк[1] собрались, — подумал волк и сел с ними.

Смотрит кругом, ищет лисицу, что обманула его, а узнать не может. Все—как одна. Вспомнил о сломанном зубе, подскочил к огню и давай бить хвостом по костру. Хвост горит, а лисицы смеются.

Увидел беззубую, подсел к ней и говорит:

— Из подпаленного хвоста все вши перебежали на голову. Ты поищи мне маленько.

Лисица покусала вшей и говорит волку:

— Я тебе хорошо искала в голове; поищи и ты мне.

Волк кусал вшей, да спрашивал где поискать.

— За ухом сербит. Покусай там хорошенько.

Волк так куснул обманщицу-лисицу, что она сразу подохла.

Июль 1923 г. Катонга, В. Контора. Рассказал Тогача.

4. О зайце и шамане

Давно в старину это было. Один заяц нашел в лесу лопаточную кость и объявил по тайге себя большим шаманом.

Услышали об этом зайцы, обрадовались своему шаману и пошли все к нему. Больные пришли лечиться, другие узнать о судьбах своих. Большой шаман все знает.

Собрались. Зажгли костер. Сели кругом, ждут камланий шамана. Ударил он лапкой в свой бубен — костяную лопаточку, вытянулся, запел:

„В горелом лесу — боов!
Дорога моя торная — поов!"

Подпрыгнул, потопался, ударил в кость, запел:

„В горелом лесу — поов!
Дорога моя торная — боов!"

Кувыркнулся через голову и то же:

„В горелом лесу — боов!
Дорога моя торная — поов!
В горелом лесу — боов!"

[1] Собрание.

Бубнит да поет, поет да бубнит...

„В горелом лесу — боов!"

Ждали-ждали зайцы, когда их шаман шаманить начнет, да так и ушли ни с чем. С тех пор и живет великая слава в тайге о зайце-шамане большом.

Июнь 1925 г. Ерабо. Рассказал старик Калтан.

5. Медведь и кедровка

По тайге бродил медведь. Он был стар, голоден. Медведь искал в лесу себе пищу. Увидела его кедровка и стала над ним насмехаться.

— Дедушка-медведь, иди сюда, здесь орехи! — крикнула издалека кедровка.

Услышал он, что птица его кушать зовет. Пошел к ней. Шел, шел... Вдруг снова слышит в стороне тот же голос.

— Дедушка, иди сюда, здесь орехи.

Показалось медведю, что он неладно зашел. Изменил путь. Идет на голос. Стал подходить близко. Кедровка перелетела на новое место, подальше, и опять закричала.

— Дедушка-медведь, иди сюда, здесь орехи.

Побежал голодный медведь на призыв, а там ни кедровки, ни орехов.

Кедровка перелетела в пустой лес и кричит:

— Дедушка-медведь, иди сюда, здесь орехи... иди сюда.

Долго бегал старик за перелетающей кедровкой, потом понял, что она обманывала его. Осердился, сказал:

— Ты меня, кедровка, обманывала, так помни: когда будет большой урожай ореха, ты никогда не будешь наедаться. Сколько бы ты ни ела, ты будешь все время голодная. Когда же ореха совсем не родится, ты будешь сильно голодать, мучиться и подыхать.

С той поры с кедровками так и стало, как сказал им дедушка-медведь.

15 декабря 1928 г. Сым.

6. Почему у медведя нет на лапах больших пальцев

Амака сделал шестипалым медведя и пустил его в лес.

Услышал медведь в себе силу и начал ломать, ворочать все, что попадало ему в лапы.

Увидел это Амака и решил убавить силы у медведя. Он сказал ему:

— Чтобы ты стал смирнее, я оторву от лап твоих большие пальцы. Зимами ты будешь спать в берлоге, летом выходить, кормиться орехами, корнями, ягодой, травой.

И оборвал Амака пальцы.

Пролежал медведь долгую зиму в темной берлоге, вылез из нее весной и стал просить Амаку вернуть пальцы.

— Ладно, — сказал Амака, — я верну тебе пальцы и дам человеку против тебя лук, стрелы, а собакам острые зубы.

Медведь надеялся на свою силу, взял от Амаки пальцы. Пошел. Встретился с человеком и с собакой, стали драться.

Пустил человек стрелу, вцепилась острыми зубами собака за зад, и закричал медведь:

— Амака! Возьми от меня большие пальцы, я лучше буду жить без них, спать зимами в берлоге, выходить весной и есть то, что ты велишь.

И оборвал Амака навсегда у медведя большие пальцы.

21 июня 1928 г. Байкит. Рассказал Сакура.

7. Откуда появились вши

На земле было много, много мышей. Люди ходили и ногами топтали в травах мышат. За это мыши возненавидели их. Они стали портить у людей одежду, грызли и поедали пищу. Тогда люди сделали высокие лабазы и на них стали прятать все от мышей.

Старая мышь придумала другое. Она нашла сеноставца[1] и говорит:

— Сеноставец, у тебя много вшей. Давай пустим их людям. Пускай их вши заедят.

— Нет, мышь, — сказал он, — аванькн народ хороший. Вшей своих я напускать им не буду. Худо они мне не делают.

Мышь рассердилась, ушла. Она тихонько залезла в чум и всех своих вшей пересадила в голову больной женщины.

Женщина та умерла, а вши с нее расползлись по остальным в чуме и стали кусать их.

Так и не выводятся они у человека.

14 июня 1928 г. Юдукон. Чум Барды.

---

[1] Сеноставец или пищуха — маленький, рыжий бесхвостый зверек из семейства грызунов. Зиму спит в каменных россыпях. На еду заготовляет себе траву и сушит. Это — отличное сено, которое охотно поедает олень. Тунгусы считают его тружеником, не приносящим человеку никакого вреда, и относятся к нему с уважением. Мышь, как вредного грызуна, презирают.

8. О мыши и сеноставце

Мышь говорит сеноставцу:

— Помоги мне сделать так, чтобы все люди пропали.

Сеноставец ответил:

— Людей мне жалко. Пускай живут, кому они мешают?

— Нет, люди плохие, — сказала мышь. — Они топчут моих маленьких детей. Детей у меня много стало. Земли мало, жить негде.

— Места всем хватит, — говорит сеноставец. — Пусть будет народу еще больше. Народу больше станет — только веселее.

Долго спорила мышь, что люди плохие, но никак не могла переспорить сеноставца.

— Ладно, — говорит тогда ему худая мышь. — Если тебе людей жалко, тогда давай за них со мной бороться. Если ты меня переборешь, пусть умирают мои дети; а если поборю я, тогда пускай люди стопчут детенышей твоих.

— Давай бороться, — согласился сеноставец.

Боролись. Мышь корнем всадила длинный хвост в землю и поборола бесхвостого сеноставца. Он проспорил мыши. Но чтобы не погибали ни от чьих ног его дети, он ушел в каменные россыпи и теперь живет по рассыпям.

5 июня 1928 г. Байкит. Рассказал Дз. Ленгама.

9. Богатырь и клей [1]

Был давно один богатырь. Ходил он везде и на всем пробовал свою силу. За что ни возьмется, то и поломает, искрошит.

Богатырь хвастался силой, пугал. Все люди его боялись. Потом нашелся один смелый и говорит ему:

— Ты, сказывают, очень смелый, а рыбьего клея, однако, не одолеешь.

— Какой такой клей? — ответил богатырь.

— Хочешь попытать?

Богатырь согласился. Он лег, смеясь, на облитую клеем [2] каменную плиту и долго лежал на ней неподвижно. Когда высох клей, богатырю сказал человек:

— Ну-ка, попробуй, вставай помаленьку.

Богатырь пошевелил плечами, спиной; но ни плечи, ни спина не шевелятся. Упершись ногами в плиту и не мог приподняться. Осердился, ударил изо всей силы ногой в камень и пополам разорвался.

С тех пор и не стало на земле страшного богатыря.

21 июня 1928 г. Байкит. Рассказал тунгус Сакура.

10. Где тунгус нашел первую жену

У солнца не было жены. Оно вдовело. Жило со старым отцом-месяцем и красавицей дочерью.

На красавицу стал заглядываться молодой тунгус. Когда солнца не было в чуме, парень пришел к ней. Засиделись.

Вернулось солнце на стоянку. Некуда стало бежать парню. Спрятался.

Вошло солнце в чум, слышит худой запах в жилище, спросил дочь:

— В чуме у нас чем-то нехорошо пахнет. Ты не знаешь?

— Нет, — соврала та.

Солнце стало искать и по запаху нашло тунгуса. Рассердилось на красавицу-дочь и выгнало ее вместе с парнем.

Так и стала у тунгуса первая баба. Солнце же с седым отцом-месяцем откочевали на небо и аргишат по нему одинокие.

3 июня 1928 г. Юдукон. Рассказала старуха Дугдаг.

11. Про гагару

Амака сделал воду и пустил по ней птиц. Нестись — понадобилась земля. Призвал он к себе гагару, сказал ей:

— Укон, ты лучше всех умеешь нырять. Ныряй, достань со дна песок, и я сделаю землю (сушу).

Нырнула гагара, достала со дна песок, но не отдала его Амаке. Она сама хотела сделать землю.

Рассердился Амака на гагару, позвал к себе гоголя, сказал:

---

[1] То же в „Большом аргише", стр. 208. *Ред.*

[2] Клей тунгусы изготовляют сами из плавательного пузыря осетра, кожи налима. Лучшим считается клей осетровый. Он употребляется для подклейки камыса к лыжам, склеивания луков, проклейки тетивы и пр. и служит прекрасно.

— Момуро, ты хорошо умеешь нырять. Достань мне со дна песок, я сделаю землю.

Достал гоголь со дна песок, отдал его Амаке.

Сделал Амака землю, поймал гагару и наказал. Он вырвал у ней лапы с брюха и воткнул их к хвосту, чтобы она не умела ходить по земле и век жила в воде.

Лето 1923 г. Оскоба. Рассказал Мароненок.

12. Почему люди стали шаманить

Амака сделал всех птиц, злой Харги сделал одну гагару. Пустил он гагару на воду и стал хвалиться перед добрым Амакою:

— Что твои птицы? Г.... против моей гагары. Мою гагару на воде никто ни догонит. Ее не поймает и твой человек.

Амака сказал Харги на это:

— Человеку я дам двузубое копье, и ты увидишь, как он добудет им твою гагару.

— Что гагаре твое копье? Она умеет нырять лучше всех твоих уток.

Амака дал аваньки (тунгусу) копье, он сел с ним в берестяную лодку и стал гоняться за мудреной гагарой. Загонял. Устала гагара. Воткнул ей в хвост копье и не дал унырнуть больше. Сидит гагара на копье, крутит головой во все стороны и кричит:

— Аваньки будет шаманом. Остяк будет шаманом. Якут будет шаманом.

С той поры люди стали делаться шаманами.

18 июня 1928 г. Рассказал Барда. На рыбалке ниже Байкита.

13. О созвездии Хоглен-Сохатом [1]

Встретились в лесу охотники — русский, остяк и тунгус. Заспорили, кто лучше и быстрее ходит на лыжах. Русский говорит:

— Я лучше вас обоих умею бегать на лыжах.

Остяк ему не уступал, тунгус же сказал:

— Завтра найдем зверя и пытать себя станем. Может, я плохой ходок? [2]

Утром пошли. Под горой нашли след сохатого. Побежали за ним. Русский добежал до подножья, остяк выскочил на вершину, тунгус же в это время был за горой и добыл Хоглена.

Так и бегут по небу. Русский — плохой ходок, он век под горою с котомкой; остяк — получше ходок, он век на горе [3]; удалый же тунгус — век за горой [4], век бежит передом за сохатым [5]. Посмотрите их ночью.

1920 г. Гагинда. Рассказал Калтан.

14. Мамонт и змей Чжябдар

Много-много было кругом воды, маленько было сухой земли. Негде было жить человеку, негде было пастись оленям. Горевал об этом человек. Подошел к нему мамонт, спросил:

— Отчего ты такой невеселый?

— Какое веселье, — сказал человек, — кругом одна вода. Как кочевать?

— Не печалься. Я тебе осушу землю.

И мамонт побрел по воде. Остался на маленькой суше невеселый человек.

Нашел мамонт за водой на песке змея, сказал ему:

— Пойдем, Чжябдар, со мной сушить землю. У меня — сила, у меня — гибкость. Ты мне поможешь. Будет тебе лежать на песке.

Не хотел итти змей, да уговорил его мамонт. Пошли осушать.

Забрел мамонт в воду, засадил в дно крепкие бивни и стал выворачивать со дна песок, глину и камни. Росли по сторонам из них равнины, горы, утесы. Полоз, завилял за мамонтом Чжябдар. Вился между равнин, гор и утесов. И потекла по его следу вода.

Ушел мамонт на полночь, ворочая мокрое дно; полэал всяко за ним гибкий Чжябдар. Так говорили давно старикам старики и теперь говорят молодые.

Мамонт сделал равнины, горы и скалы; Чжябдар протер телом своим дорогу для рек.

Осень 1923 г. Чавида. Рассказал Мареиенок.

15. Мани

Жили в чуме две безродных сестры. Имен их никто не знает. В месяц „Сараны" сестры уходили из чума в лес копать на зиму для еды сладкую сарану [6]. Копают. Вдруг слышат — в стороне от них плачет ребенок. Пошли искать. Нашли оловянную зыбку, а в ней мальчик грудной. Жалко

---

[1] Созвездие Большой Медведицы.

[2] Звезда, называемая „Плохой ходок" — русский, у которого на спине котомка с хлебом, котел. Он вечно сзади и под горой. [Крайняя из трех звезд Б. Медвед.]

[3] Звезда „Остяк" — он с лопаточкой. При лыжной ходьбе остяк на верхнем конце лыжной палки с кольцом для снега, имеет узенькую лопаточку. Найдя звериный след, он ею определяет, когда прошел зверь. Это задерживает его. Он век на горе. [Средняя из трех звезд.]

[4] Звезда „Хава" — удалый. Это аваньки. Он за горой и век передом. Он легок, с ним ничего нет.

[5] Все остальные звезды [Б. Медв.] изображают богатырского сохатого Хоглен, которого настиг и добывает удалый — Хава. Обычно сохатый называется Моты. Хоглен — легендарный сохатый.

[6] Сарана — луковичное растение, царские кудри. В былое время луковицы заменяли тунгусам муку.

стало сестрам плачущего ребенка. Отнесли в чум, накормили. Уснул ребенок, и сестры ушли опять копать сарану. Видят — в чуме огонь, над огнем — таган[1], а в ней варятся два больших сига. Кто все это сделал? Не знают. Ребенок мал и спит.

Поели голодные сестры мягкой рыбы, отдохнули и снова пошли собирать сарану. Они отошли далеко от чума, спрятались и стали говорить тихонько, кто затопил чум и откуда сиги... Старшая сестра говорит младшей:

— Нам надо скорее уйти из чума. Зыбку расплавить и горячим оловом облить ребенка, чтобы он умер.

Вдруг у чума появился большой-большой человек, вытянул двух червей — каныр, положил в таган, помешивает их и поет:

Женщины ели рыбу. Она им нравится.
Черви, черви, сделайтесь сигами.
Когда женщины разжиреют,
Тогда я съем их.

Испугались сестры. Старшая опять говорит младшей:

— Этот ребенок сильно худой. Мы его будем растить, а он нас будет кормить глистами. Нет, надо убить его, самим же бежать с этого места.

Сестры вернулись в чум будто с работы. В чуме опять огонь, таган и в нем рыба — сиги. Ребенок спит. Вынули его из зыбки, закрыли своим одеялом, вылили из тагана уху, положили в него топить оловянную зыбку. Расплавили, вылили горячее олово на ребенка, чтобы убить. И вдруг перед ними с постели встал великан Мани в поясе оловянном.

Схватили сестры свою женскую сумочку и с ней от Мани побежали. Мани стал догонять их. Достала старшая сестра из сумочки кодэрорун и со словами „Кодэрорун, стань горами-хребтами" бросила его через свое плечо.

И появились высокие-высокие горы. Отстал Мани. Запел:

Разорвитесь, крутые горы,
Образовавшиеся из женского кодэроруна.
Дайте мне проход.

И разорвались горы на пологие седловины. Перебежал Мани по ним, стал снова настигать сестер. Старшая бросила брусок:

Брусок, стань утесом,
Огороди Мани.

И брусок сделался непроходимым утесом. Мани опять запел:

Точильный камень, сделанный
Женщинами из бруска,
Расколись на части.

Утес весь расщелялся в трещины, и Мани пошел через ущелье догонять сестер. Тогда старшая бросила через себя зубчатый чучун:

Чучун, стань горой
С густым-густым лесом.

И выросла вокруг Мани кольцом высокая-высокая гора с непроходимой тайгой. Мани был на дне котла и снова запел:

Гора из женского чучуна,
Разорвись узенькой щелью,
Я стану тоненькой гусеницей.
Проползу муравьем.

И разорвалось кольцо. Мани сбросил с себя оловянный пояс, чтобы пролезть в узкую щель, и стал догонять сестер. Тогда старшая бросила гребень из сохатинового рога, заклиная:

Гребень, стань камнями, горами, лесом,
Чтоб нигде не было прохода.

И появилось много-много гор с каменными зубцами, выросла густая тайга, и потерялся в них маленьким муравьем Мани[2].

13 июня 1928 г. Катанга. Рассказал старик Дылгунча.

16. Два брата — дурак и умный

Жили два брата — умный и дурак. Умный сарану копает в лесу, оленей стережет, зверей промышляет, белку. Все делает, а дурак только спит, ест, поет.

Жили братья одни, без женщины, в чуме. За дурака кто пойдет замуж? А за умного из-за дурака-брата девки не шли.

---

[1] Таган — глиняный горшок, употреблявшийся в прошлом для варки пищи.

[2] Другими сказочниками дополняется и заканчивается эта сказка тем, что сестры бросают с себя бисерные пояса, которые превращаются в цветистые радуги и слепят Мани.

Стало лето. Понадобилась лодка рыбачить. Надо делать. Умный говорит дураку:

— Брат, я пойду в лес драть бересто на лодку, ты иди нарежь кедровых корней — нянгта, чтобы шить лодку.

Вернулся умный брат из леса с берестом. Увидел дурачка, спрашивает:

— Что, принес нянгта, где они?

— Вот, — и дурак вытряхнул из сумки нарезанные от детских ног пятки.

— Эх, дурак, дурак. Что ты наделал? Я велел тебе принести нянгталь (корней), а ты принес нингтыль (пятки). Эх, дурак. Пока нас за это не убили, давай скорей отсюда бежать.

Умный заседлал несколько верховых оленей, чтобы послать вперед дурака чум делать. Сам стал собираться и вьючить борышни — вещи.

— Иди, — говорит умный дураку, — придешь к орану (порогу), поставишь оленей и там чум делай.

Прикочевал умный к порогу, а в лесу ни брата, ни оленей. Куда ушел? Смотрит, а он в воде: в самом пороге шесты для чума ставит. Ставит, а их сбивает течением.

— Э, дурак, дурак. Я тебе велел привязать оронов (оленей) и тут чум делать, а ты залез в оран (порог). Вылазь!

Ночевали. Утром по туману собрал в лесу оленей, привел к чуму, часть заседлал и опять послал вперед дурака чум делать.

— Иди, — говорит, — дурак! Поднимешься на хребет, с него чину увидишь, спустись к ней, там чум делай.

Пришел умный к сказанному месту. Олени тут, а брата нет. Посмотрел, а он на дереве и там на гнездообразной вершине (чине) шесты чумовые ставит.

— Э, дурак, дурак. Слазь. Тут под деревом чум будем ставить.

Легли. Слышит умный: за ними погоня. Люди идут. Убивать стал. Схватил умный пальму и убил ею одного из них. Те убежали. Побежали дальше от них братья. Умный говорит дураку:

— Я из-за тебя убил человека. Ты виноват. Тащи. Его спрятать надо.

Несет дурак убитого. Идут. Дождик будет, тучи. Вдруг слышат — к ним навстречу чамдалы идут на оленях. Испугался умный и говорит брату:

— Прятаться будем. Лезь скорее с покойником на кедр.

Залезли. Полил дождь. Остановились чамдалы и спрятались под кедром. Пережидают дождь. Устал держать дурак на себе мертвеца, говорит брату:

— Я брошу покойника.

— Не бросай, нас обоих чамдалы убьют. Ты виноват и держи.

Обессилел дурак и опустил на землю мертвеца. Испугались его чамдалы и кто куда разбежались со страху.

Присказка: с тех пор везде найдешь по тайге чамдальские чумища.

1926 г. Турама. Ночь на шаманском мольбище.

17. Богатырь Мани и Хоглен

Богатырь Сохатый-Хоглен похитил на земле день и с ним побежал по небу. Сделалась ночь. Мани надел лыжи, пошел Хоглена добывать. С ним был добрый лук и две большие стрелы.

Долго гнался Мани, сильно бросал вперед лыжи, широкий след их оставлял за собой. Близко стал к Хоглену, пустил в него первую стрелу, да на бегу по-темну облевил. Мимо стрела полетела.

Убегает с днем Хоглен, гонится за ним Мани. Долго бежали. Поравнялся Мани с Хогленом, забежал сбоку, натянул до уха тетиву и меткой стрелой остановил его.

Мани отнял день и понес его на землю. Он шел с ним к земле столько же, сколько за Хогленом гнался по небу.

С тех пор Хоглен уносит у земли день. Мани каждый раз догоняет его на лыжах, пересекает второй стрелой его путь и с полночи носит на землю добываемый день. Дает утром свет и уходит.

15 декабря 1928 г. Сым.

18. Неизвестные люди

Один парень искал белку, нашел в снегу чье-то чумище. Откопал снег, залез в чум — сидят люди. Сами мерзлые, а из ноздрей бегут сопли. Спросил — молчат. Добыл огонь, оттаяли, помаленьку зашевелились. Увидели огонь, испугались. Старичок и говорит:

— Человек, мы не знаем огня, мы таем от солнца. Ты нас убил. Теперь мы все умрем.

И людей этих с тех пор не видел никто больше. Сказывали старики: они сделались кипелыми ручейками — юктами. Вода в юктах с осени мерзнет и всю зиму кипит-кипит. Лед — сопли. Весной они растают и станут опять кипуны-речки.

19. Медведь и бурундук

Голодный медведь вылез из берлоги. Кругом снег. Нечего есть. Нашел пень, в котором зиму спал бурундук. Хотел свалить пень и съесть бурундука, да пень был крепкий, не по силе.

— Дедушка медведь, ты зачем сердишься на меня? — спросил бурундук из гнезда.

— Я сержусь на мокро. Оно разбудило меня и выжило из берлоги. Вышел, а еды нет, — отвечал медведь. — Не остался ли у тебя запас какой? Покорми. Я с осени ничего не ел.

Бурундук отдал медведю недоеденные запасы. Медведь съел и погладил за это бурундука по спине лапой... Спина зажила, а на царапинах выросла другая шерсть. С тех пор бурундуки и стали полосаты.

20. Об иголке

Остячка, мать богатыря Пальны, знала, что наши бабы шьют воинам одежду стальной иголкой. Она наказала сыну, когда тот пошел скрадывать чум нашего богатыря Пачеки:

— Пальна, убивая Пачеки, ты не забудь захватить стальную иголку. Мне легко тогда будет сшить тебе броневую одежду, чинить пимы.

Смелый, сильный был Пальна, но простонат. И воевал он черемуховой дубинкой. Он, как лисица рябчика, неслышно скрал сонного Пачеки, да палкой убить его не успел. Пачеки выскочил из чума горностаем, ушел в тайгу. Остяк не погнался за ним. Он думал, что тунгус боится его силы и не вернется к жилищу. Пальна стал шариться в турсучках, в постелях. Крепко искал стальную иглу. Он не слышал, когда вернулся из леса Пачеки, подкрался к чуму и заколол Пальну в спину копьем. Потом собрал свое войско и прогнал навсегда остяков с матери Катанги к Енисею.

Е. Н. Широкогорова

НАРОДНАЯ МУЗЫКА В КИТАЕ[1]

В настоящей статье я хочу обратить внимание музыкантов и других лиц, интересующихся китайским фольклором, на народную музыку китайцев. Европейцы совершенно незнакомы с этой музыкой, несмотря на то, что китайская культура вообще и в особенности китайское искусство очень хорошо изучены. Со времени опубликования работы патера Amiot[2] появилось несколько трудов о китайской музыке, как, например, недавно изданные работы Soulie[3] и Fischer'a[4], а литература о китайской музыке на китайском языке огромна, существуют сотни, а может быть, и тысячи работ по этому вопросу. В последнее время, Mr. Jasser, музыкант-профессионал и композитор при Московской консерватории (высшей музыкальной школе), который некоторое время жил в Китае, подготовил очень интересную работу о китайской музыке, рассматривая этот вопрос с чисто музыкальной точки зрения. Его предшественники, очевидно, не могли это сделать, так как они были скорее синологами, чем музыкантами. Но все эти исследования, написанные европейцами, и, насколько мне известно, все китайские работы по этому вопросу занимаются „официальной" музыкой китайцев, строго урегулированной принципами, выработанными древним Китаем.

Классическая китайская музыка уже изучена, между тем как народная музыка совершенно неизвестна. А между тем народная музыка, вероятно, лежит в основе музыки классических композиторов и является источником их музыкальной фантазии, наподобие того, как работы европейских классических композиторов, как Бетховен и др., и в особенности современных музыкантов развивают и украшают музыкальную сокровищницу народа, которая часто бывает вполне национальной и типичной для своего этнографического окружения. Этот крайне простой и легко поддающийся исследованию вопрос, повидимому, ускользнул от внимания музыкантов-профессионалов и историков музыки. Однако недавнее движение по собиранию и изучению народной музыки как этнографического материала уже дало плодотворные результаты. Еще задолго до войны в Москве профессорами консерватории и этнографами было учреждено общество для сбора материалов по народной музыке. За сравнительно короткое время это общество собрало значительное количество народных песен, а также и крайне простых музыкальных фраз, какие выкрикиваются уличными разносчиками и коробейниками в России. Современные русские композиторы, как, например, Гречанинов, Лядов, Аренский и некоторые другие, связали свои имена с этой работой. Издания этого общества в данное время охватывают несколько томов.

В Музее антропологии и этнографии в Петрограде в 1911-12 годах было также открыто отделение музыкальных фонограмм, которое, согласно идее организатора, в дальнейшем должно было развиться в специальное отделение для таких изысканий. С этого времени каждый исследователь снабжался фонографом и валиками для записей подлинной народной музыки среди народов Сибири и Азии вообще. В Соединенных Штатах это движение уже создало литературу, и изучение народной музыки в данное время сильно развилось[5].

---

[1] Перевод статьи „Folkmusic in China" из The China journal of science and arts, vol. II, Shanghai 1924, pp. 116—121. *Ред.*

[2] „De la, musique des Chinois tant anciens que modernes" в издании Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les moeurs, les usages, etc. des Chinois par les missionnaires de Pékin. Vol. VI. Paris, 1780.

[3] Soulie, „La musique en Chine". Paris, 1911.

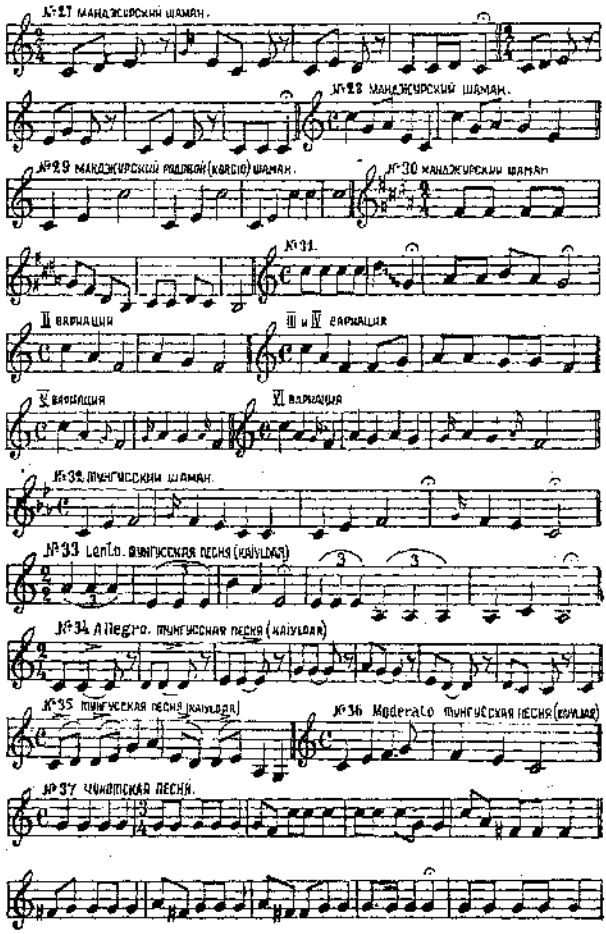
[4] „Beiträge zur Erforschung der Chinesischen Musik". Leipzig, 1910.

[5] Издания Смитсоновского института.

Что же касается собирания народной музыки в этой части Азии, то оно не очень развито, и мы имеем лишь случайный материал, собранный некоторыми исследователями [1].

Во время совместных экспедиций с моим мужем др-ом С. М. Широкогоровым в разные части Восточной Сибири и Манчжурии я собрала значительное количество музыкальных материалов. Большая часть этих материалов — в фонограммах и находится в Музее антропологии и этнографии Академии наук в Петрограде. Небольшая часть была записана на месте по слуху и в данное время находится у меня. Эта коллекция была пополнена во время нашей поездки в Пекин в 1917-18 году.

Ниже я привожу ряд зазываний и песен китайских уличных торговцев, которые особенно типичны для китайцев. Разновидности в такого рода музыкальных манифестациях действительно замечательны, и можно предполагать, что число таких коротких песен в Китае достигает количества в несколько тысяч [2].



Приведенные здесь песни, конечно, являются характерными для северных китайцев. На улицах Шанхая мы услышим другого рода песни. Здесь я привожу несколько примеров пекинских песен [3].

Для того чтобы показать разновидности, существующие в такого рода проявлениях народной музыки, я здесь привожу также несколько китайских, тунгусских и манчжурских простых песен, которые они поют не с артистическими целями, а для собственного удовольствия и развлечения или же во время шаманских действий. При этом видно, что манчжурские и тунгусские песни построены по другим принципам, чем песни китайцев.

Из этих примеров видно, насколько сложен вопрос о музыке этих народов. В разных группах имеются такие различия, что их легко отличить друг от друга даже без тщательного анализа. Не подлежит поэтому никакому сомнению, что этот род народного искусства находится

---

[1] Например, проф. А. Рудневым.

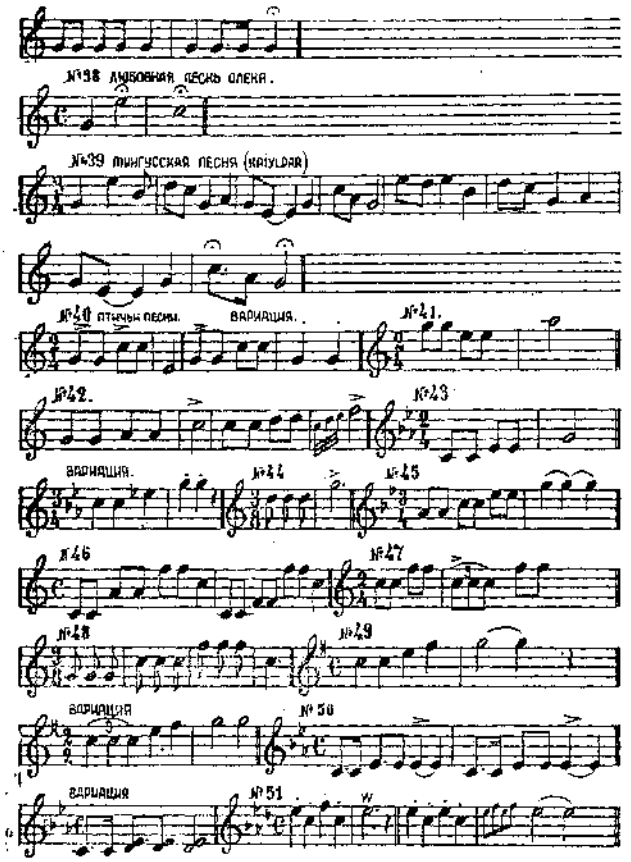
[2] В одной только Московской области было собрано несколько сот таких песен.

[3] В настоящем издании записи китайских мотивов опущены. *Ред.*

в связи с другими проявлениями народной культуры, народной психологии и в особенности эстетического развития. Поэтому в дальнейшем изучение народной музыки должно итти рука об руку с нашим знанием языков, а в Китае — наречий. Географическое распространение и более простых зазываний коробейников также представляет большой интерес, так как они являются естественной, почти бессознательной творческой силой народа. Собирание и изучение таких песен очень полезно для историков, но оно не менее полезно и для музыкантов, которые, без сомнения, найдут новые темы и мотивы для своих композиций.

Происхождение этих песен также крайне интересно. Для того чтобы показать пример происхождения песен, я привожу здесь тунгусскую песню, основанную на мотиве, непосредственно заимствованном от природы.

Тунгусы обычно подражали самцу-оленю, когда он кричал в начале осени, призывая других самцов к борьбе. С этой целью тунгусы пользуются инструментом из дерева и бересты. Животные, услышав такое подражание, подходят к охотнику, который таким образом может убить их. Очень характерно, что и про маньчжурского тигра говорят, будто он при своей охоте также пользуется подражанием любовной песне оленя.



Приложенные песни птиц также заимствованы тунгусами как мотивы для песен.

Таким образом непосредственное подражание звукам природы во многих случаях является источником народной музыки, так что изучение песен птиц и животных обычно должно итти рука об руку с собиранием и изучением человеческих музыкальных манифестаций.

Что же касается китайской инструментальной музыки, то она скорее принадлежит к классической музыке, чем к народной. Как известно, китайцы больше, чем большинство других народов, являются любителями театральных представлений. Китайский театр значительную часть своей программы отводит исторической драме, которая всегда сопровождается музыкой, а потому совершенно естественно, что старинная классическая музыка таким образом всегда распространялась среди китайцев. Согласно вышеприведенным источникам, число китайских музыкальных инструментов очень велико.

Очень подробные работы Sorel и Amiot фактически исчерпывают техническую сторону этого вопроса, но, собирание образцов инструментальной народной музыки также крайне важно, хотя и менее доступно с технической точки зрения, чем народные песни.

В виду того что главной моей задачей является привлечение внимания читателя к китайской народной музыке, мне придется указать практический способ собирания таких коллекций.

Лучшим способом, безусловно, является регистрация музыкальных манифестаций при помощи фонографа, но это не всегда возможно, так как певцы очень часто слишком застенчивы, чтобы выступать в присутствии чужих или для какой-либо специальной цели. В таких случаях приходится записывать песни по слуху. Такой материал, естественно, приходится очень тщательно исправлять, ибо ухо европейца не привыкло к китайскому музыкальному духу и при записи всегда возможны ошибки. Для фонограммных записей можно употреблять очень простые и дешевые фонографы. Валики необходимо регистрировать тотчас же после окончания представления. Всегда следует записывать быстроту вращения валика во время представления, а также и местность, провинцию; город, деревню и т. д., пол, возраст, социальное положение и т. д. исполнителя. Записанные собирателем детали никогда не мешают дальнейшей обработке материала, тогда как отсутствие необходимых данных может значительно снизить ценность собрания. Теми же подробностями следует снабдить каждую вещь, записанную по слуху.

По собственному своему опыту я могу сказать, что собирание такого рода материала не так трудно, как это может показаться сначала. Записанные вначале вещи, вероятно, не будут иметь большую ценность как надежный материал, и их придется исправить впоследствии, но как только собиратель научается различать характерные китайские комбинации, он может собрать очень надежный материал. Очень полезно заручиться при этой работе помощью самих китайцев, хотя имеется очень не много образованных китайцев, интересующихся народной музыкой своей страны. Однако в данное время в Китае так много колоний европейцев, что эта работа с легкостью может быть выполнена этими последними, которые, живя вдали от китайских культурных центров, находятся в наиболее благоприятных условиях для собирания материала.

Государств. Научная Библиотека
Книгохранилище
Я.А.С.С.Р.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора I
Объяснение транскрипции IV

1. Г. М. Василевич. Материалы по фольклору эвенков Сибири . . . 1—146

Введение 1

I. Сказки о животных

1. Hulakī. M. Joligir. Turu 7
2. Hulakī, ḍantakī. I. Kaplin. Iŋārigdā 9
3. Şulakī, jantakī. N. Bajakī. Cirəmbu 10
4. Hulakī, irgicī. P. Putugir. Ṇorbokō 11
5. Hulakī, ilel. I. Uwocān. Ṇorbokō . . . . . —
6. Sulakī, bəjə. B. Əḍən Urmī 12
7. Hulakī, ahāl. I. Kaplin. Iŋārigdā . . . . . —
8. Hulakī, amākā. I. Uwocān. Ṇorbokō 13
9. Hulakī, amākā. W. Uwocān. Ṇorbokō 14
10. Sulakī, ilə. O. Salatkin. Nēpa . . . . . —
11. Amākā. M. Joligir. Turu 15
12. Şulakī amikānnun. P. Cēmba. Cirəmbu 16
13. Hulakī amākānun. W. Putugir. Ṇorbokō . . . . . —
14. Amākā əŋkā ŋələttə. W. Lontogir. Ika 17
15. Əhə, ṇəkə. B. Əḍən. Urmī 18
16. Hulakī hēŋannun. Aw. Putugir. Ŋəkənnə . . . . . —
17. Hulakī, kukəkī. I. Uwocān. Ṇorbokō 19
18. Sulakī, cipica. N. Salatkin. Nēpa 20
19. Sulakī, bəjə. A. Salatkin. Nēpa 21
20. Hulakī, irgicī. I. Uwocān. Ṇorbokō . . . . . —
21. Mund'ukātkār. N. Bajakī. Cirəmbu 22
22. Mund'ukātkār, jantakī. Ş. Kimā. Cirəmbu 23
23. Mundukān. M. Joligir. Turu 25
24. Atirkān tukşakinun. D. Woul. Aŋarā . . . . . —
25. Amikān, kolēmtēnun. Ş. Kimā. Cirəmbu 26
26. Atirkān, amikān. S. Bukocār. Tuŋir . . . . . —
27. Əwənkī kuhinnun. S. Bukocār. Tuŋir 27
28. Torokī, mukū. B. Əḍən. Urmī 29
29. Ṇəkə, soligā. B. Əḍən. Urmī . . . . . —

II. Мифы

30. Ōlī. M. Joligir. Turu 29
31. Īduk əkuīt əmərān. I. Lōpal. D. Kātəŋgā 30
32. Dur nəkunəhəl. I. Bukocār. Olokno 31
33. Hinukī. M. Joligir. Turu 32
34. Hinukīcān. A. Kaplin. Ŋəkənnə . . . . . —
35. Horokī. A. Kambagir. Ŋəkənnə . . . . . —
36. On umukān bəjə bərkətrcān. I. Uwocān. Ṇorbokō 33
37. On umukān bəjə dund a hərgilān şurucān. Ş. Kimā. Cirəmbu 34
38. Carcikān. I. Kaplin. Iŋārigdā 35
39. Umukān bəjə ugulələn dunnələ tuktícən W. Uwocān. Ṇorbokō 36
40. Hēladan. Ş. Kimā. Cirəmbu 38
41. Kərándə, Unani. Ş. Kimā. Cirəmbu 41
42. Guriwul. Ş. Kiltinə Cirəmbu 45
43. Epkacān. Ş. Kimā. Cirəmbu 52
44. Epkacān. N. Bajakī. Cirəmbu 53
45. Nəmələn. Ş. Kiltinə. Cirəmbu 52
46. Muriwul. Ş. Kiltinə. Cirəmbu 59
47. Hāwānātmə ijəcī. N. Kaplin. Ṇorbokō 64
48. Culugdi. A. Putugir. Ŋəkənnə 65
49. Cu ugdi. I. Kaplin. Iŋārigdā 66
50. Bərkāltun. I. Kaplin. Iŋārigdā 67
51. Bərkāltun. N. Kaplin. Ṇorbokō 69
52. Ṇurigdi Nand'inun. N. Bajakī. Cirəmbu 70
53. Icəgdirə. Ş. Kiltinə. Cirəmbu 72
54. Ahātkān. A. Kambagir. Ŋəkənnə 73
55. Anŋanī. W. Lontogir. Nēpa 74
56. Samān. N. Salatkin. Nēpa . . . . . —
57. Samān. N. Zujew. Tutura 75
58. Samān, bəjə. S. Lontogir. Nēpa . . . . . —

III. Исторические предания. Былины

59. Canicīl A. Kambagir. Ŋəkənnə 76
60. Ilətī. N. Monahow. Iŋārigdā . . . . . —
61. Ilətī. A. Putugir. Ŋəkənnə 78
62. Ahī. I. Kaplin. Iŋārigdā 80

63. Iləl. M. Mụcụjir. Tōkma 81
64. Caŋıt. A. Kambagır. Ŋəkənnə 82
65. Ḍụrpụ əwənkil. S. Lontogır. Nēpa 83
66. Ilətil, iləl. W. Putugır. Ṇorвokō . . . . . —
67. Ilə, caŋıt. P. Putugır. Ṇorвokō 84
68. Caŋıcil. W. Kaplın. Ṇorвokō . . . . . —
69. Şiktowul. Ş. Kımā. Cirəmвụ 85
70. Narā. Ş. Kımā. Cirəmвụ 87
71. Şərincə. Ş. Kımā. Cirəmвụ 88
72. Arka. I. Bajakī. Cirəmвụ 90
73. Nurgowul. M. Joḷıgır. Turu 91
74. Nurgowul. I. Uwocān. Ṇorвokō 92
75. Ilan əŋəhīl. N. Kaplin. Ṇorвokō 93
76. Cərə. N. Monahow. Iŋarıgda 94
77. Aŋaḍakān. A. Mucujir. Tōkma 97
78. Aŋaḍakān. A. Putugır. Ŋəkənnə 98
79. Sodu Sordoncō Sōldanı. B. Əḍōn. Urmī 99
80. Kildinąkān. C. Slepcowa. Sahalın 104
81. Dulın вuγa Ụmụsŋinḍan. A. Afonasjewa. Sahalın 115
82. Akşırē-Basşırē. I. Zujew. Tutura 118
83. Əwənkil. N. Bajakī. Cirəmвụ . . . . . —
84. Iḷudən. N. Bajakī. Cirəmвụ 119

IV. Бытовые сказки
85. Iwul. D. Cēmвā. Cirəmвụ 121
86. Iwul, Cərə. I. Lontogır. Nēpa 122
87. Dulubun. A. Kambagır. Ŋəkənnə 124
88. Ụlək ilə вicə. N. Kaplın. Ṇorвokō . . . . . —
89. Ụtırkācān. N. Ŋanagır. Olokno 125
90. On ụləkkitcən ụmụkən вəjə. N. Kaplın. Ṇorвokō 126
91. Ụmụkən culluwkı mụdụrən. P. Putugır. Ṇorвokō . . . . . —
92. Ətirkən, atırkān. J. Lontogır. Nēpa 127
93. Baj. A. Kambagır. Ŋəkənnə 128
94. Ahātkān, amākā. A. Kambagır. Ŋəkənnə . . . . . —
95. On вəjə amākāwa ụləkkitcən. A. Kambagır. Ŋəkənnə . . . . . —
96. On вəjə amākānun tụγəḍəcən. Aw. Putugır. Ŋəkənnə 129
97. Ulta. A. Kambagır. Ŋəkənnə . . . . . —

V. Детские сказки. Загадки
98. Cinəkə. Ş. Kımā. Cirəmвụ 130
99. Pereden. N. Kaplın. Ṇorвokō . . . . . —
100. Bəjətkən. H. Salatkına. Ṇorвokō 131
101. (Считалки). M. Molḍakītow. Kalar 132
102. Загадки (1—67) 133

VI. Шаманские песнопения
103. I. Bajakī. Cirəmвụ 136
104. Jandʳapkā. Ş. Kımā. Cirəmвụ . . . . . —
105. (Проводы души) A. Kambagır. Ŋəkənnə 138
106—107. (Обращение к духам) A. Kambagir. Ŋəkənnə 139
108. *** Koŋnokojır. Tōkma 140

VII. Песни и припевы
109. Əpkərəγil. P. Bajakī. Cirembụ 141
110. *** P. Bajakī. Cirəmвụ . . . . . —
111. Припевы и импровизации (1—13) 142
112. Импровизация. I. Momo'l. D. Kātənŋā . . . . . —

VIII. Новые песни
113. Ụrəl. S. Gerasımow. Tupık 143
114. Asāl. S. Gerasımow. Tupık . . . . . —
115. Bu tattıl. (Группа студентов ИНСа) 144
116. Nəŋŋənī. A. Salatkın. Nēpa . . . . . —
117. Kalār-ənī sıgıjaldun. P. Mōlḍakītaw. Tokko 145
118. Bıragacın. M. Pawlow-Ŋanagır. Kalār . . . . . —
119. Kuŋākār вiŋəsīwər. M. Mōlḍakītaw. Kalār 146
120. Girkījəl, aknijal. . . . . —

2. Т. И. Петрова. Сказки эвенков Приангарья . . . . . 147—157
Введение 147
1. Kārāndəs, Uŋanı. A. Cernousow. Kamenka 149
2. Akarāmə. A. Cernousow. Kamenka 150
3. Nımŋakan. A. Cernousow. Kamenka . . . . . —
4. Murāwụl. I. Kirənəw. Kamenka 151
5. Mụjinə. N. Ollōda. Komo 152
6. Iwụl. M. Beregow. Ənək . . . . . —
7. Iwụl 153

8. Sulakī. A. Cernousow. Kamenka 154
9. Sulakī. I. Kirənəw. Kamenka. 155
10. Toγo. P. Kirənəw. Kamenka 156
11. Hinụkicən. A. Cernousow. Kamenka . . . . . —

3. Г. А. Ниргунеев. Две сказки талочских эвенков . . . . . 158—161

1. Nımŋakāwun. G. Torgonow. Hụlụgli. Tālạcā̧ 158
2. Ṇucakın вəjə. G. Torgonow. Hụlụgli. Talạcā 159

4. Е. И. Титов. Материалы по устному творчеству эвенков Прибайкалья . . . . . 162—214

Введение 162
1. Caγalaj-Cakulaj. D. Polin. Karama 165
2. Akşırē-Bakşırē. D. Polin. Karama 166
3. Şarāltə. D. Polin. Karama 167
4. Hụrkā̧kā̧n. D. Polin. Karama 168
5. Bolontur-вoγatır. D. Polin. Karama 170
6. Hanı-Hивun-Hāhər-Bogdo. D. Polin. Karama 171
7. Əŋinil. D. Polin. Karama 175
8. Ucanaj. D. Polin. Karama 176
9. Nımŋakā̧wun. D. Polin. Karama 179
10. Nımŋakāwun. I. M. Safonow. Tırka. Karama 180
11. Nimŋakāwun. I. M. Safonow. Tirka. Karama 181
12. Nımŋakawūn. F. K. Monasţirew. Murinŋa 182
13. Maŋı. P. Starikow. Tutura. 183
14. Akşırē-Bakşırē. P. Starikow. Tutura . . . . . —
15. Altānäj. P. Starikow. Tutura 184
16. Dəkimdəki. I. Komarıcin. Cenca. Aŋarā 185
17. Aşī. F. Şangın. Dagarā. Aŋarā 186
18. Bərв ụlin, вərвụlin. F. Şangın. Dagarā. Aŋarā 187
19. Nımŋakān. J. Aeulew. . . . . —
20. Aksı-Baksı. J. Aeulew. 188
21. Şiŋēcən. J. Aeulew. . . . . —
22. Şulakī. J. Aeulew. 189
23. N. Bukidaew . . . . . —
24-27. J. Aeulew 190
28-35. N. Bukıdaew 192
36. Şoŋoto (ənin) 197
37-38. Şoŋoto (hụrkā̧kān) . . . . . —
39-44. O. Aeulewa 198
45. N. Bukıdaew 199
46. S. Kowalew . . . . . —
47-48. *** 200
49-50. I. Komarıcın. Cēncā . . . . . —
51-53 F. Şangın N-Angarsk 201
54. Sulakī, ətirkā̧n. A. Nırguneew. Condak 202
55. Ụtān. A. Nirguneew. Condak . . . . . —
56. Sırunaj-Mērgēn. A. Nirguneew. Condak . . . . . —
57. Altanaj. A. Nirguneew. Condak 203
58. Ŋəlвə. A. Nirguneew. Condak 204
59. Ənikụcən вoroвeinun. Nirguneew. Condak . . . . . —
60. Bəjā A. Nirguneew. Condak 205
61. Baγatır. S. Baksanaew. (Turujaγir). Cıpa 207
62. Sulakī. S. Baksanaew. (Turujaγir). Cipa . . . . . —
63. Carcıkān. S. Baksanaew. (Turujaγir). Cipa 208
64. Sula, cıwkān. S. Baksanaew. (Turujaγir). Cipa 209
65-68. *** S. Baksanaew. (Turujaγir). Cipa 210
69. Əkətiki-əkətiki. Nənəwkōtkel 211

5. В. И. Левин. Две сказки аянских эвенков . . . . . 215—224

1. Nımkān I. W. Karamzin (Makagir). Ajān 215
2. Umkī, sulakī. N. E. Pawlow (Makagir). Ajan 221

6. А. П. Козловский. Сказки тунгиро-олекминских эвенков 225—233

Введение 225
1. Nimŋakan. I. P. Maksimow. Nēṇugā . . . . . —
2. Зəptīgir *** 226
3. Turəciwkī зahikkān. M. S. Aвramow. Olokno 228
4. Oli. M. S. Aвramow. Olokno 229
5. Nimŋakān. D. D. Glaзirow. Tuŋirkā̧n 230
6. Nimŋakān. D. D. Glaзirow. Tuŋirkā̧n 231
7. Nimŋakān. I. P. Maksimow. Tuŋirkā̧n . . . . . —
8. Nimŋakān. P. Saharow. Gụla 232

ПРИЛОЖЕНИЯ

И. Георги. Тунгусское сказание . . . 233
Г. Гут. Тунгусская народная литература и ее этнологическое значение . . . 235
Введение. О трудностях лингвистических занятий с тунгусами . . . —
Образцы енисейско-тунгусской речи . . . 238
1. Колыбельная песнь . . . —
2. Сбившаяся с пути истинного девушка . . . —
3. Жалобная песнь осиротевшей девушки . . . 240
4. Отрывок из песни о герое Марэвуле . . . 241
5. Заклинание шамана при лечении болящих членов тела . . . 242
6. Заклинание шамана против оспы . . . —
7. Заклинание шамана при долго продолжающихся родовых болях . . . 243
8. Изречение шамана влюбленному, который хочет жениться . . . —
Примечания . . . —
Г. Гут. Фрагменты из вариантов тунгусских преданий . . . 245
1. Kərändə, Uŋani . . . —
3. Culugdi . . . 246
В. Н. Васильев. Тунгусские предания . . . 246
1. Уриан и Molуна . . . —
2. Оран . . . 248
3. Два брата . . . 249
4. Jäna . . . 250
5. Умна . . . 251
6. Юраки . . . 252
7. Дыгын . . . 253
В. Н. Васильев. Образцы тунгусской народной литературы . . . 255
1. Два шамана . . . —
2. Лебедь . . . —
3. Сын старика и старухи . . . —
4. Богатырь-карлик . . . 257
5. Хулян и ковшичан . . . 258
И. П. Толмачев. Заметка по поводу „Образцов тунгусской народной литературы" в пересказе В. Н. Васильева . . . 262
К. Рычков. Из области тунгусского творчества . . . 263
1. Хенукычан . . . —
2. Медведь и карась . . . 266
3. Глухарь и лебедь . . . —
4. Почему тунгусы имеют оленей, а остяки нет? . . . —
5. Летяга и мышь . . . 267
6. Медведь . . . —
П. Малых. Несколько слов об ороченах и их фольклоре . . . 267
Б. Иттер. Две сказки . . . 271
1. Каптандыр . . . —
2. Нургауль . . . —
В. С. Пежемский. Две легенды ербогаченских эвенков . . . 272
1. Холм раздора . . . —
2. Мангы-Дёромго . . . 273
М. Ошаров. Тунгусские сказки . . . 275
1. Как лисица баб обманула . . . 276
2. О лесе и утесе . . . —
3. Волк и лисица . . . 277
4. О зайце и шамане . . . —
5. Медведь и кедровка . . . 278
6. Почему у медведя нет на лапах больших пальцев . . . —
7. Откуда появились вши . . . —
8. О мыши и сеноставце . . . 279
9. Богатырь и клей . . . —
10. Где тунгус нашел первую жену . . . —
11. Про гагару . . . —
12. Почему люди стали шаманить . . . 280
13. О созвездии Хоглен-Сохатом . . . —
14. Мамонт и змей Чжябдар . . . —
15. Мани . . . —
16. Два брата — дурак и умный . . . 281
17. Богатырь Мани и Хоглен . . . 282
18. Неизвестные люди . . . —
19. Медведь и бурундук . . . —
20. Об игодке . . . 283
Е. Н. Широкогорова. Народная музыка в Китае . . . —